БОЛЬШИЕ ФФ КНИГИ

Фриц Лейбер

МЕЧИ ЛАНКМАРА

Сага о Фафхрде и Сером Мышелове

Книга 2

«АЗБУКА»

Мечи Ланкмара. Сага о Фафхрде и Сером Мышелове. Книга 2

Фриц Ройтер Лейбер

Аннотация
Фриц Лейбер. Мечи Ланкмара. Сага о Фафхрде и Сером Мышелове. Книга 2
Мечи Ланкмара
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17

Мечи и ледовая магия
Краткое содержание
Печаль палача
Красавица и чудовища
Ловушка Царства Теней
Приманка
Под пятой богов
Ловушка Моря Звезд
Ледяные монстры
Льдистый остров
Валет мечей
Краткое содержание
Морская магия
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
Морской оборотень
1

2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
Звездная болезнь и тихое помешательство
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11

12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27

Мышелов уходит вниз

1
2
3
4
5
6
7
8
9

10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30

Аннотация

За многие десятилетия до «Ведьмака» и Джорджа Мартина вселенной меча и магии правил Фриц Лейбер. В эту книгу вошли роман и заключительные два сборника произведений о приключениях любимых антигероев гранд-мастера – варвара-рубаки, умеющего недурно петь, и пронырливого воришки, владеющего приемами магии. Фэнтезийный дуэт, изначально задуманный автором в качестве тонкой пародии на говардовского Конана, быстро обрел собственную уникальную судьбу и столь же быстро прославился. В мрачном мире под названием Невон Фафхрд и Серый Мышелов без колебаний ввязываются в самые невероятные переделки, совершают чудеса выживания и никогда не теряют человечности и чувства юмора.

Фриц Лейбер
Мечи Ланкмара. Сага о Фафхрде и Сером Мышелове. Книга 2

Fritz Leiber
THE SWORDS OF LANKHMAR
Copyright © 1968 by Fritz Leiber
SWORDS AND ICE MAGIC
Copyright © 1977 by Fritz Leiber
THE KNIGHT AND KNAVE OF SWORDS
Copyright © 1988 by Fritz Leiber
All rights reserved

© Т. В. Голубева, перевод, 2002
© Н. В. Маслова, перевод, 2002
© И. Г. Русецкий (наследник), перевод, 1995
© И. Г. Шаргородская, перевод, 2002
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

Мечи Ланкмара

1

— Насколько я понимаю, нас ждут, — сказал коротышка, продолжая идти вдоль очень древней и высокой стены к широким распахнутым воротам. Словно ненароком рука его скользнула по рукоятке тонкого меча.

— Как ты ухитрился на расстоянии полета стрелы… — начал было гигант, но осекся. — А, понял. Оранжевый головной платок Башабека. Режет глаз, как шлюха в храме. А где Башабек, там и его молодчики. Не надо тебе было прекращать платить взносы Цеху Воров.

— Да тут дело не только во взносах, — отозвался коротышка. — У меня начисто вылетело из головы, что нужно поделиться с ними добычей, когда я стянул те восемь бриллиантов из храма Паучьего Бога.

Гигант неодобрительно прищелкнул языком:

— Никак не могу понять, почему я связался с таким бесчестным мазуриком, как ты.

Коротышка пожал плечами:

— Я торопился. За мной гнался Паучий Бог.

— Ага, я помню: он высосал кровь из твоего напарника, который стоял на стреме. Но теперь-то

у тебя есть бриллианты, чтобы расплатиться?

— Мой кошель не толще твоего, — заявил коротышка. — А у тебя он не толще бурдюка в похмельное утро. Если, конечно, ты кой-чего не зажал, о чем я подозреваю уже давно. Да, кстати: вон тот безобразно жирный тип, стоящий между двумя мордоворотами, — не хозяин ли это таверны «Серебряный угорь»?

Верзила прищурился, кивнул, потом укоризненно покачал головой:

— Поднимать такой шорох из-за какого-то паршивого счета за бренди!

— Да уж, тем более что счет этот всего в ярд длиной, — согласился коротышка. — Что из того, что ты вдобавок расколотил и сжег два бочонка бренди, когда скандалил вчера вечером в «Угре»?

— Когда в кабацкой драке на тебя лезут вдесятером, приходится прибегать к любым подручным средствам, — возразил гигант. — И согласись, они порой бывают нетрадиционными.

Он снова, прищурившись, взглянул на кучку людей, стоявших в открытых воротах, и, немного помолчав, добавил:

— Там, кажется, и кузнец Ривис Райтби… и вообще почти все, кому могли задолжать в Ланкмаре два приличных человека. И с каждым наемный

мордоворот, а то и не один. — Гигант, словно бы невзначай, попробовал, легко ли выходит из ножен его громадный клинок — тонкий, но тяжелый, словно двуручный меч. — Скажи, когда мы в прошлый раз уходили из Ланкмара, ты-то хоть уплатил по каким-нибудь счетам? У меня тогда не было ни гроша, но у тебя должны были оставаться деньги после работы на Цех Воров.

— Я сполна расплатился с Джохом Ловкие Пальцы за починку плаща и за новую куртку из серого шелка, — быстро отозвался коротышка и тут же нахмурился. — Может, я заплатил еще кому-то, то есть точно, что заплатил, но вот не припомню кому… А скажи: та мосластая рыжая девица — ну вот та, что прячется за элегантным человеком в черном, — это не с ней ли у тебя были тогда неприятности? Ее рыжие лохмы бросаются в глаза как… как черт знает что. А вон еще три — тоже выглядывают из-за своих вооруженных спутников, — разве не было у тебя неприятностей и с ними, когда мы покидали Ланкмар?

— Я не знаю, что ты имеешь в виду под неприятностями, — пожаловался гигант. — Я спас девушек от их покровителей, которые обращались с бедняжками просто по-хамски. Уверяю тебя, когда я наказывал их сутенеров, девушки

очень весело смеялись. А потом я обращался с ними просто как с принцессами.

— Это уж точно, и потратил на них все деньги и драгоценности, что у тебя были, потому и остался без гроша. Но ты не сделал для них одного — не стал сам их покровителем. Поэтому им пришлось вернуться к своим прежним сутенерам, и теперь им остается лишь держать на тебя зуб.

— Чтобы я стал сутенером? — возмутился верзила. — О женщины!.. Но я вижу в толпе и твоих девушек. Забыл с ними расплатиться?

— Нет, взял у них в долг и позабыл вернуть, — пояснил коротышка. — Ну-ну, делегация по встрече, похоже, в полном составе.

— Говорил я тебе, нужно было войти в город через Главную заставу, там мы сразу затерялись бы в толпе, — проворчал верзила. — Так ведь нет: я сдуру послушал тебя и пошел через эту забытую богом Крайнюю заставу.

— А вот и нет, — отозвался собеседник. — У Главной заставы мы не смогли бы отличить наших недругов от простых прохожих. А здесь мы по крайней мере знаем, что все против нас, если не считать стражи сюзерена, на которую, впрочем, я тоже не очень бы полагался: ее могли подкупить, чтобы она закрыла глаза, когда нас

будут убивать.

— Ну почему ты решил, что им так уж хочется нас убить? — возразил гигант. — Они должны считать, что мы возвращаемся домой с богатейшими сокровищами, добытыми в самых разных концах света во всяких заварухах. Конечно, кое-кто может иметь против нас что-то личное, однако…

— Они же видят, что за нами не движется вереница носильщиков или тяжело нагруженных мулов, — рассудительно перебил коротышка. — Как бы то ни было, они полагают, что, убив нас, смогут поделить между собой ценности, если таковые у нас окажутся. Обычное дело, так поступают все цивилизованные люди.

— Цивилизация! — презрительно хрюкнул верзила. — Я порой удивляюсь…

— …зачем тебе потребовалось пересечь горы Пляшущих Троллей, отправиться на юг, подстричь бороду и узнать, что бывают девушки с безволосой грудью? — докончил коротышка. — Послушай, мне кажется, что наши кредиторы и прочие недоброжелатели взяли себе в подмогу и третье «м», кроме мечей и мускулов.

— Ты имеешь в виду магию?

Достав из мешка моток тонкой желтоватой

проволоки, коротышка ответил:

— Не будь эти два седобородых типа в окнах второго этажа чародеями, они ни за что не стали бы так злобно пялиться на нас. И потом, на хламиде у одного из них я заметил астрологические знаки, а в руке у другого — волшебную палочку.

Путники приблизились к заставе уже достаточно, чтобы острый глаз мог разглядеть такие подробности. Стражники в вороненых доспехах торчали, как столбы, бесстрастно опершись на копья. Лица людей, стоявших за воротами, были тоже бесстрастны, и только девицы улыбались язвительно и злорадно.

Верзила сварливо проговорил:

— Значит, они попытаются разделаться с нами с помощью чар и заклятий. А если не получится, в ход пойдут дубинки и всяческое режущее и колющее оружие. — Он покачал головой. — Столько ненависти из-за жалкой кучки монет. Ланкмарцы неблагодарны. Они не ценят той атмосферы, какую создаем мы в городе, не понимают, как мы щекочем им нервы.

Коротышка пожал плечами:

— На сей раз они решили пощекотать нас. Такое вот своеобразное гостеприимство. — Своими ловкими пальцами он скрутил на конце проволоки

затяжную петлю и замедлил шаг. — Разумеется, — заметил он, — мы не обязаны возвращаться в Ланкмар.

Верзила разозлился:

— Нет, обязаны! Повернуть сейчас назад было бы трусостью. К тому же нам больше нечего делать.

— Ну, не исключено, что какие-нибудь приключения остались и за пределами Ланкмара, — мягко возразил коротышка, — правда лишь несерьезные, для людей трусоватых.

— Не исключено, — согласился верзила, — однако и крупные и мелкие всегда начинаются в Ланкмаре. Что ты собираешься делать с этим проводом?

Коротышка затянул петлю вокруг навершия рукоятки своего меча и, оставив гибкую проволоку волочиться по земле, пояснил:

— Я заземлил меч. Теперь любое смертельное заклятие, ударив в мой обнаженный клинок, уйдет в землю.

— И матушка-земля чуть поежится? Смотри не наступи на проволоку.

Предупреждение было весьма к месту: проволока тянулась за мечом ярдов на десять.

— Сам не наступи. Это меня Шильба научил.

— Ох уж эта твоя болотная крыса, вообразившая себя чародеем! — язвительно воскликнул гигант. — Почему он сейчас не с нами — мог бы сделать несколько контрзаклятий.

— А почему не с нами твой Нингобль? — спросил в ответ коротышка.

— Он слишком толст, ему трудно путешествовать. — В этот миг путники уже проходили мимо невозмутимых стражников. Зловещая атмосфера за воротами уже сгущалась буквально на глазах. Внезапно верзила широко ухмыльнулся приятелю. — Давай не станем наносить им слишком уж серьезных ран, — предложил он зычным голосом. — Я не хочу, чтобы наше возвращение в Ланкмар было хоть чем-то омрачено.

Едва путники ступили в пространство, окруженное недоброжелательными лицами, как незамедлительно разразилась буря. Чародей в балахоне со звездами завыл, как волк, и, воздев руки, выбросил их в сторону коротышки с такой силой, что, казалось, его кисти неминуемо должны были оторваться и улететь. Однако они не улетели, а из его растопыренных пальцев вырвался столб голубоватого огня, призрачного в ярком солнечном свете. Выхватив меч, коротышка направил его кончик на чародея. Голубое

пламя протрещало вдоль клинка и явно ушло в землю, потому что коротышка ощутил в руке лишь мгновенную дрожь.

Чародей, по-видимому лишенный воображения, повторил маневр с тем же результатом и воздел руки в третий раз. Но теперь коротышка уловил ритм его движений и, когда руки чародея опустились, взмахнул длинной проволокой, так что она хлестнула по лицам и телам головорезов, окружавших оранжевотюрбанного Башабека. Голубое пламя, или что там это было, с треском разрядилось в молодчиков, и те, заверещав, рухнули в корчах на землю.

Между тем второй чародей метнул в гиганта свою волшебную палочку, за ней последовали еще две, которые он, казалось, извлек прямо из воздуха. Верзила, с неимоверной быстротой выхватив свой чудовищный меч, стал ждать приближения первой палочки. К его удивлению, в полете она превратилась в серебристого ястреба, выставившего вперед для атаки серебристые же когти. При еще более внимательном рассмотрении она превратилась в длинный серебристый нож с крылышками по бокам.

Нимало не смущенный этими чудесами, верзила, действуя громадным мечом с такой

легкостью, словно это была фехтовальная рапира, ловко отразил его концом летящий кинжал, и тот вонзился в плечо одного из головорезов, сопровождавших хозяина «Серебряного угря». Со вторым и третьим кинжалами он обошелся тем же манером, и в результате еще два его недруга получили болезненные, однако несмертельные раны.

Они взвыли и тоже рухнули, причем не столько от боли, сколько от ужаса перед таким сверхъестественным оружием. Но не успели они долететь до земли, как верзила, выхватив из-за пояса нож, метнул его левой рукой в своего противника — чародея. Седобородый то ли был убит наповал, то ли успел уклониться, но, во всяком случае, тут же пропал из виду.

Тем временем первый чародей, скорее всего из упрямства, направил в коротышку четвертый разряд, но тот, взмахнув проводом заземления, хлестнул им по окну, откуда вылетела голубоватая молния. Неизвестно, попал он прямо в седобородого или только в раму; во всяком случае, послышался громкий треск, оглушительное блеяние, и первый чародей тоже исчез.

Надо отдать должное собравшимся у ворот телохранителям и наемным убийцам: буквально

через два удара сердца после столь блистательного отражения чародейских атак они, понукаемые своими нанимателями (а сводники — своими девками), бросились вперед, топча раненых и неистово размахивая своим колющим, режущим и оглушающим оружием. Разумеется, их было не менее пятидесяти против двоих, но и тут от них потребовалась известная отвага.

Коротышка и верзила, молниеносно встав спина к спине, проворно заработали оружием, отражая первый натиск и стараясь скорее нанести как можно больше легких ран, нежели поражать противника наверняка. У верзилы появился в левой ладони топор с короткой ручкой, обухом которого он для разнообразия легонько прохаживался по черепам, а коротышка, в дополнение к своему дьявольски колючему мечу, вооружился длинным ножом, которым действовал так же ловко.

Поначалу численный перевес нападавших только мешал им, поскольку они путались друг у друга под ногами, тогда как оборонявшейся парочке более всего угрожало быть заваленной массой своих раненых недругов, которых толкали в спину товарищи по оружию. Через какое-то время бой принял осмысленный характер, и

начало казаться, что верзиле и коротышке придется перейти к более опасным ударам и что даже это, вероятно, им не поможет. Звон закаленной стали, топот тяжелых башмаков, яростные рыки, вырывавшиеся из плотно сжатых ртов, и возбужденное верещание девиц слились в такой невообразимый шум, что стража у ворот стала беспокойно озираться по сторонам.

Но тут надменному Башабеку, который соизволил наконец лично принять участие в схватке, верзила неуловимым движением топора снес ухо и несколько повредил ключицу, и к тому же девицы прониклись романтичностью всего происходящего и принялись подбадривать отбивающуюся парочку, что надломило боевой дух как сводников, так и головорезов.

Атакующие уже готовы были удариться в паническое бегство, когда внезапно на улице, ведшей к площади перед заставой, зазвенели шесть труб. Их пронзительные звуки ударили по изрядно потрепанным нервам нападавших, и те вместе со своими нанимателями бросились врассыпную, причем сводники не забыли утянуть за собой предательниц-шлюх, а поверженные наземь молниями и летучими кинжалами мордовороты кое-как заковыляли следом.

В скором времени площадь опустела, если не считать двух победителей, шеренги трубачей у начала улицы и стражников за воротами, смотревших в противоположную сторону, словно ничего и не случилось, а также сотни, если не больше, пар крошечных и искрасна-черных, как дикая вишня, глазок, которые внимательно наблюдали за происходящим из-под решеток сточных люков, из дыр в стенах и даже с крыш. Но кто же берет во внимание или даже просто замечает крыс — тем более в таком древнем и населенном таким количеством паразитов городе, как Ланкмар?

Гигант и коротышка еще несколько ударов сердца свирепо оглядывались, потом, переведя дух, оглушительно расхохотались, спрятали в ножны оружие и уставились на трубачей спокойно, но не без любопытства.

Трубачи расступились по обе стороны улицы, ряд копейщиков за ними повторил тот же маневр, и вперед вышел почтенный, чисто выбритый, строгого вида человек в черной тоге, окаймленной узкой серебристой лентой.

Полным достоинства движением он поднял руку и серьезно проговорил:

— Я — гофмейстер Глипкерио Кистомерсеса,

ланкмарского сюзерена, и вот эмблема моей власти.

С этими словами он продемонстрировал небольшой серебряный жезл с пятиконечной бронзовой морской звездой на конце.

Приятели чуть кивнули, словно желая сказать: «Ладно, верим тебе на слово».

Повернувшись к верзиле, гофмейстер достал откуда-то из тоги свиток, развернул его, быстро пробежал текст и осведомился:

— Это ты — Фафхрд, варвар с севера и скандалист?

Немного подумав, гигант ответил:

— А если и так, то что же?

Гофмейстер снова справился о чем-то в своем пергаменте и повернулся к коротышке:

— А ты — прошу меня извинить, но тут так написано — тот самый ублюдок, которого давно подозревают в грабежах, воровстве, мошенничествах и убийствах и прозывают Серым Мышеловом?

Коротышка сдвинул на затылок капюшон и сказал:

— Может, это и не ваше дело, но мы с ним известным образом связаны.

Как будто столь уклончивых ответов оказалось

достаточно, гофмейстер, дав пергаменту со щелчком свернуться в трубочку, засунул его назад в тогу и проговорил:

— В таком случае мой владыка желает вас видеть. Вы можете оказать ему услугу, весьма выгодную и для вас тоже.

Серый Мышелов поинтересовался:

— Ежели всемогущий Глипкерио Кистомерсес имеет в нас нужду, то как же он допустил, чтобы на нас напали и чуть не убили хулиганы, только что сбежавшие отсюда?

Гофмейстер ответил:

— Если бы вы позволили убить себя подобной шпане, то уж наверняка не справились бы с заданием, вернее, с поручением, которое имеет в виду мой повелитель. Однако время не ждет. Следуйте за мной.

Фафхрд и Серый Мышелов переглянулись, дружно пожали плечами, а затем кивнули. Чуть важничая, они двинулись за гофмейстером, копейщики и трубачи зашагали рядом, и вскоре вся процессия ушла тем же путем, которым и пришла. Площадь опустела.

Если не считать, разумеется, крыс.

2

По-матерински ласковый западный ветерок задувал в коричневые треугольные паруса, и стройная боевая галера вместе с пятью пузатыми судами-зерновозами, находясь в двух сутках пути от Ланкмара, плавно двигались в кильватерном строю по Внутреннему морю древней страны Невон.

Клонился к вечеру один из тех погожих голубых дней, когда море и небо, окрашенные одним цветом, неоспоримо доказывают справедливость гипотезы, взятой недавно на вооружение ланкмарскими философами: дескать, Невон — это гигантский пузырь, поднявшийся из вод вечности вместе с континентами, островами и огромными самоцветами, которые ночью превращаются в звезды и плавают по внутренней поверхности этого пузыря.

Сидевший на юте последнего и самого большого из зерновозов Серый Мышелов выплюнул за подветренный борт шкурку от сливы и расхвастался:

— В Ланкмаре нынче не жизнь, а малина! Не успели мы после многомесячных скитаний вер-

нуться в Город Черной Тоги, как тут же получили непыльную работенку от самого сюзерена, причем с оплатой вперед.

— Мне уже давно не внушают доверия всякие непыльные работенки, — зевнув, отозвался Фафхрд и пошире распахнул свою подбитую мехом куртку, чтобы мягкий ветерок поглубже проник в заросли у него на груди. — Вдобавок нас выставили из Ланкмара столь поспешно, что мы не успели даже засвидетельствовать свое почтение дамам. Однако должен признать, что могло быть и хуже. Тугой кошель — лучший балласт для любого двуногого корабля, особенно если у него есть каперское свидетельство, дающее ему право действовать против дам.

Шкипер Слинур со скрытым одобрением посмотрел на гибкого человечка в сером и его франтоватого высокого приятеля-варвара. Шкипер «Каракатицы» был холеный человек средних лет, одетый во все черное. Он стоял подле двух мускулистых босых матросов в черных куртках, которые крепко держали громадное рулевое весло «Каракатицы».

— И что вам, мошенники, известно об этой непыльной работенке? — мягко поинтересовался Слинур. — Вернее, что сообщил вам благород-

нейший Глипкерио относительно цели и темной предыстории этого путешествия?

После двух суток спокойного плавания неразговорчивому шкиперу захотелось наконец обменяться если не мнениями, то хотя бы сомнениями и полуправдами.

Из висевшей у гакаборта сетки Мышелов с помощью кинжала, который он называл Кошачьим Когтем, выудил еще одну фиолетово-черную сливу и, не раздумывая, ответил:

— Этот флот сюзерена Глипкерио везет зерно в подарок Моварлу из Восьми Городов за то, что тот выгнал мингольских пиратов из Внутреннего моря и, возможно, отвратил нападение степных минголов на Ланкмар через Зыбучие земли. Моварлу нужно зерно для своих фермеров и охотников, превратившихся в горожан и солдат, и особенно для армии, которая как раз сейчас освобождает пограничный город Клелг-Нар от мингольской осады. А мы с Фафхрдом, если можно так выразиться, небольшой, но сильный арьергард, которому поручено проследить за зерном и другими более деликатными частями дара Глипкерио.

— Ты имеешь в виду этих? — Слинур указал большим пальцем на левый борт.

Под словом «эти» он имел в виду дюжину больших белых крыс, сидевших в четырех серебряных клетках. Благодаря шелковистым шубкам, белым кругам вокруг глаз и в особенности короткой и вздернутой верхней губе, из-под которой у каждой торчали два длиннющих резца, крысы напоминали компанию высокомерных и скучающих потомственных аристократов; с поистине аристократической скукой в глазах следили они за тощим черным котенком, который сидел, вцепившись когтями в поручень правого борта, словно желая держаться от крыс подальше, и изучал их издали с весьма обеспокоенным видом.

Фафхрд протянул руку и почесал котенку загривок. Тот выгнул спину, на миг забывшись в этом чувственном наслаждении, но тут же отодвинулся в сторону и снова стал озабоченно пялиться на крыс, как и оба рулевых в черных куртках, которые, казалось, были возмущены и вместе с тем напуганы необычными пассажирами с юта.

Мышелов облизал с пальцев сливовый сок и ловко подхватил языком капельку, грозившую сбежать вниз по подбородку.

— Нет, я имею в виду, главным образом, не этих породистых подарочных крыс, — ответил он шкиперу и, неожиданно присев, значительно

прикоснулся пальцами к надраенной дубовой палубе, после чего пояснил: — Я, главным образом, имею в виду ту особу, что находится сейчас внизу, ту, что выгнала тебя из шкиперской каюты, а теперь настаивает на том, что этим крысам нужно солнце и свежий воздух, — по-моему, странный способ ублажать хищников, живущих в темных норах.

Кустистые брови Слинура поползли кверху. Он подошел поближе и зашептал:

— Ты полагаешь, что барышня Хисвет не просто сопровождает крыс, а сама является частью дара Глипкерио Моварлу? Но она же дочь самого крупного ланкмарского зерноторговца, который разбогател, продавая Глипкерио хлеб.

Мышелов загадочно усмехнулся, но ничего не ответил.

Слинур нахмурился и зашептал еще тише:

— А ведь верно, я слышал, поговаривали, будто ее отец Хисвин уже подарил свою дочь Глипкерио, чтобы заручиться его покровительством.

Фафхрд, который попытался снова погладить котенка, но лишь загнал его за бизань-мачту, услышав последние слова, обернулся.

— Да ведь Хисвет еще ребенок, — укоризненно проговорил он. — Девица весьма чопорная. Не

знаю, как там насчет Глипкерио, он показался мне большим развратником (в Ланкмаре это не было оскорблением), но ведь Моварл — северянин, хотя и житель лесов, и, я уверен, любит лишь статных и дородных женщин.

— То есть женщин в твоем вкусе, да? — заметил Мышелов, глядя на Фафхрда из-под полуприкрытых век. — Желательно поупитаннее?

Фафхрд сморгнул, словно Мышелов ткнул его пальцем под ребро. Потом пожал плечами и громко спросил:

— А что в них особенного, в этих крысах? Они умеют делать всякие штуки?

— Ага, — с омерзением подтвердил Слинур. — Они играют в людей. Хисвет научила их танцевать под музыку, пить из кубков, держать крошечные копья и мечи, даже фехтовать. Сам я этого не видел и видеть не хочу.

Нарисованная шкипером картина поразила воображение Мышелова. Он представил, что стал ростом с крысу, дерется на поединках с крысами, которые носят кружевные жабо и манжеты, крадется по лабиринтам их подземных городов, становится большим любителем сыров и копченостей, начинает обхаживать какую-нибудь стройную крысиную королеву и, когда муж,

крысиный король, застает их врасплох, дерется с ним в темноте на кинжалах. Но тут Мышелов заметил, что одна из крыс пристально смотрит на него через серебряные прутья ледяными, нечеловеческими голубыми глазами, и мысль эта ему тут же разонравилась. Несмотря на теплое солнышко, он вздрогнул.

Слинур между тем сказал:

— Не должны животные изображать людей.

И шкипер «Каракатицы» устремил мрачный взгляд на безмолвных белых аристократов.

— А вы слыхали легенду о… — начал было он, но умолк и покачал головой, как будто решив, что это будет уже слишком.

— Парус! — раздался крик из «вороньего гнезда». — Черный парус с наветренного борта!

— Что за судно? — крикнул в ответ Слинур.

— Не знаю, шкипер. Видна только верхушка паруса.

— Не спускай с нее глаз, парень, — скомандовал Слинур.

— Слушаюсь, шкипер.

Слинур принялся расхаживать взад и вперед по палубе.

— У Моварла паруса зеленые, — задумчиво проговорил Фафхрд.

Слинур кивнул.

— У илтхмарцев белые. У пиратов в основном красные. Когда-то черные паруса были у ланкмарцев, но теперь их поднимают лишь на погребальных барках, которые далеко от берега не отходят. По крайней мере, я никогда не слыхал…

Мышелов перебил:

— Ты говорил тут что-то о темной предыстории этого плавания. Почему темной?

Слинур подвел друзей к гакаборту, подальше от крепышей-рулевых. Проходя под румпелем, Фафхрд вынужден был пригнуться. Склонив друг к другу головы, все трое уставились на бурун за кормой.

Наконец Слинур проговорил:

— Вас долго не было в Ланкмаре. А вам известно, что это не первый караван с зерном, отправленный к Моварлу?

Мышелов кивнул:

— Нам говорили, что был еще один. Но он исчез, попал в шторм, я думаю. Тут Глипкерио что-то натемнил.

— Их было два, — лаконично отозвался Слинур. — Пропали оба. Бесследно. И шторм тут ни при чем.

— А что же тогда? — спросил Фафхрд и оглянулся на распищавшихся крыс. — Пираты?

— Моварл к тому времени уже отогнал их далеко на восток. Оба каравана, как и наш, шли под конвоем галеры. И оба вышли в хорошую погоду с попутным западным ветром. — Слинур тонко улыбнулся. — Глипкерио, понятное дело, не сказал вам об этом — боялся, что вы откажетесь. Мы, как моряки и ланкмарцы, должны выполнять свой долг и стоять за честь города, но в последнее время у Глипкерио были трудности с подбором специальных агентов, которых он любит посылать на задания как запасную силу. У него, конечно, варят мозги, у этого нашего сюзерена, хотя он использует их, в основном чтобы мечтать о посещении иных вселенских пузырей в водолазном колоколе или водонепроницаемом корабле, а сам между тем развлекается с дрессированными девицами, наблюдает за дрессированными крысами, откупается от врагов Ланкмара золотом и расплачивается с алчными союзниками Ланкмара зерном, а не солдатами. — Слинур крякнул. — А Моварл уже выходит из терпения. Угрожает, что, если не будет зерна, он отзовет патруль, сдерживающий пиратов, объединится с кочевниками-минголами и напустит

их на Ланкмар.

— Чтобы северяне, пусть даже не живущие в снегах, объединились с минголами? — возмутился Фафхрд. — Да быть того не может!

Слинур посмотрел на него и ответил:

— Вот что я скажу тебе, северный ты ледосос. Ежели б я не считал такой союз возможным, и даже весьма, и ежели б Ланкмар не находился поэтому в страшной опасности, то ни за что я не пошел бы с этим караваном — долг там не долг, честь не честь. То же самое и Льюкин, командор галеры. Кроме того, я не думаю, что в противном случае Глипкерио послал бы Моварлу в Кварч-Нар своих благороднейших дрессированных крыс и лакомую Хисвет.

Что-то проворчав, Фафхрд недоверчиво спросил:

— Так ты говоришь, что оба каравана пропали бесследно?

Шкипер отрицательно покачал головой:

— Первый — да. А обломок второго нашел один илтхмарец, шедший на торговом судне в Ланкмар. Это была палуба одного из зерновозов. Она была буквально оторвана от бортов — кто и как это сделал, илтхмарец даже боялся предположить. К чудом сохранившемуся куску поручней

был привязан шкипер зерновоза, который погиб явно всего несколько часов назад. Лицо у него было обглодано, а тело буквально изжевано.

— Рыбы? — предположил Мышелов.

— Морские птицы? — выдвинул свою версию Фафхрд.

— А может, драконы? — раздался третий голос — высокий, звонкий и веселый, словно у школьницы.

Собеседники обернулись, и Слинур, чувствуя за собой вину, быстрее всех.

Барышня Хисвет была ростом с Мышелова, но, судя по ее лицу, запястьям и лодыжкам, много тоньше. На ее нежном лице с чуть удлиненным подбородком алел маленький рот с припухлой верхней губкой, вздернутой как раз достаточно для того, чтобы были видны два ряда жемчужных зубов. Цвет ее кожи был кремовато-белый, с двумя пятнами румянца на высоких скулах. Прекрасные прямые волосы, совершенно белые и лишь кое-где тронутые серебром, спускались челкой на лоб, а на затылке были схвачены серебряным кольцом и болтались, словно хвост единорога. Белки` глаз казались фарфоровыми, радужная оболочка была темно-розовой, а большие зрачки — черные. Тело скрывалось под свободным

платьем из фиолетового шелка, и лишь время от времени ветер обрисовывал какой-либо фрагмент девичьей фигуры. Фиолетовый капюшон платья лежал на спине, рукава с буфами туго облегали запястья. Кожа на босых ногах была того же цвета, что и на лице, лишь чуть розовели кончики пальцев.

Девушка быстро посмотрела в глаза по очереди всем троим:

— Вы шептались о гибели караванов. — В ее голосе слышалось обвинение. — Фи, шкипер Слинур. Мы все должны быть смелыми.

— Вот-вот, — согласился Фафхрд, с радостью подхватив новую тему. — Отважного человека не испугает и дракон. Мне не раз доводилось видеть, как морские чудовища — с гребнями на спине, рогатые, иногда даже двуглавые — резвятся в морских волнах возле скал, которые моряки называют Когтями. Я их не пугался — важно было лишь смотреть на них повелительным взглядом. Как здорово они играли: драконы догоняли драконих, а потом... — Тут Фафхрд набрал в грудь побольше воздуха и рявкнул так, что рулевые подскочили: — Хрюпс! Хрюпс!

— Фи, воин Фафхрд, — с чопорным видом отозвалась зардевшаяся Хисвет. — Как вы нескром-

ны! Сексуальные игры драконов…

Но Слинур повернулся к Фафхрду и, схватив его за руку, закричал:

— Тише ты, идиот! Разве не знаешь, что сегодня ночью мы будем проходить мимо Драконьих скал? Накличешь ты нам беду!

— Во Внутреннем море нет никаких драконов, — смеясь, заверил его Фафхрд.

— Но кто-то же раздирает корабли на части, — упирался Слинур.

Воспользовавшись этой перепалкой, Мышелов отвесил три поклона и подошел к Хисвет.

— Мы были лишены удовольствия лицезреть вас на палубе, барышня, — учтиво проговорил он.

— Увы, сударь, солнце меня не любит, — очаровательно просто ответила та. — Но теперь оно уже скоро зайдет, и лучи его не столь жгучи. К тому же, — передернувшись не менее очаровательно, продолжала она, — эти грубияны-матросы… — Девушка осеклась, увидев, что Фафхрд и шкипер «Каракатицы» перестали спорить и приближаются к ним. — О, я не имела в виду вас, милый шкипер Слинур, — заверила она, протягивая руку и почти касаясь его черной куртки.

— А не угостить ли вас, барышня, налитой

солнцем и освеженной ветерком черной сархеенмарской сливой? — изящно взмахнув в воздухе Кошачьим Когтем, осведомился Мышелов.

— Думаю, нет, — ответила Хисвет, не сводя глаз с тонкого острия. — Нужно бы отправить Белых Теней в каюту, пока не наступила вечерняя прохлада.

— Верно, — с льстивым смешком поддакнул Фафхрд, догадавшись, что девушка имеет в виду белых крыс. — Как мудро, маленькая госпожа, вы поступили, позволив провести им день на палубе, чтобы они не стремились к Черным Теням; я имею в виду их свободных черных собратьев и очаровательных стройных сестер, которые, уверен, есть у нас в трюме.

— На моем судне нет крыс — ни дрессированных, ни каких-то других, — громко и сердито сказал Слинур. — Думаешь, у меня здесь крысиный бордель? Прощу прощения, барышня, — быстро добавил он. — Я хотел сказать, что обычных крыс на борту «Каракатицы» нет.

— Впервые в жизни вижу столь благословенный зерновоз, — решив проявить терпимость, заметил Фафхрд.

На западе пунцовый солнечный диск коснулся моря и сплющился, как мандарин. Хисвет

оперлась спиной о гакаборт прямо под высоким рулевым веслом. Справа от нее стоял Фафхрд, слева Мышелов, который оказался рядом с сеткой со сливами, висевшей подле серебряных клеток. Заносчивый Слинур отошел к рулевым и принялся о чем-то с ними беседовать, а может, только делал вид, что беседует.

— Вот теперь я съела бы сливу, воин Мышелов, — мягко попросила Хисвет.

Как только услужливый Мышелов отвернулся и стал изящнейшими движениями ощупывать сетку в поисках самого зрелого плода, Хисвет вытянула правую руку и, даже не взглянув на Фафхрда, медленно провела растопыренными пальцами по его мохнатой груди, собрала в горсть пучок волос, больно ущипнула, после чего нежно пригладила ладошкой взъерошенную растительность.

Когда Мышелов повернулся назад, ее рука уже была опущена. Девушка томно поцеловала свою ладонь и той же рукой сняла сливу с кончика кинжала. Чуть-чуть пососав плод в том месте, где его проколол Кошачий Коготь, она передернулась.

— Фи, сударь, — надула губки девушка. — Вы обещали, что она будет налита солнцем, а она совсем холодная. И вообще к вечеру все охлажда-

ется. — Хисвет задумчиво огляделась. — Вот воин Фафхрд весь пошел гусиной кожей, — сообщила она, потом вдруг вспыхнула и укоризненно зажала рот ладошкой. — Запахните куртку, сударь. Это спасет от простуды вас и от замешательства девушку, которая привыкла видеть обнаженными лишь рабов.

— А вот эта будет, пожалуй, вкуснее, — окликнул стоявший подле сетки Мышелов.

Хисвет улыбнулась и бросила ему сливу, которую уже попробовала. Он швырнул ее за борт и кинул ей вторую. Она ловко поймала ее, поднесла, чуть сдавив, к губам, печально, однако с улыбкой покачала головой и бросила сливу назад. Мышелов, тоже ласково улыбаясь, поймал ее, кинул за борт и бросил девушке третью. Эта игра продолжалась довольно долго. У плывшей за «Каракатицей» акулы разболелся живот.

Осторожно переступая лапками и не сводя глаз с левого борта, к молодым людям приблизился черный котенок. Фафхрд мгновенно схватил его, как хороший генерал в пылу битвы хватается за любую благоприятную возможность.

— А вы видели корабельного котенка, маленькая госпожа? — спросил он, подходя к Хисвет и держа зверька в своих громадных ладонях. — Мы

должны считать «Каракатицу» его кораблем, потому что он сам прыгнул на борт, когда мы отплывали. Смотрите, маленькая госпожа. Его нагрело солнышко, он теперь теплее любой сливы.

С этими словами он протянул ладонь, на которой сидел котенок. Но Фафхрд не учел, что у котенка есть на все своя точка зрения. Увидев, что его подносят к клеткам с крысами, котенок вздыбил шерстку и, когда Хисвет протянула руку, чтобы взять его, обнажив при этом в улыбке верхние зубы и пролепетав: «Бедненький бродяжка», яростно зашипел и стал отбиваться передними лапками с выпущенными когтями.

Охнув, Хисвет отдернула руку. Не успел Фафхрд отшвырнуть котенка прочь, как тот вскочил ему на голову, а оттуда — на самый верх рулевого весла.

Мышелов бросился к Хисвет, одновременно кляня Фафхрда на чем свет стоит:

— Олух! Деревенщина! Ты же знал, что эта тварь совсем дикая! — Затем, повернувшись к Хисвет, он тревожно спросил: — Вам больно, барышня?

Фафхрд сердито замахнулся на котенка; один из рулевых тоже подскочил, видимо полагая, что котятам расхаживать по рулевому веслу не поло-

жено. Длинным прыжком котенок перемахнул на поручень правого борта, поскользнулся и, вцепившись когтями в дерево, закачался над водой.

Между тем Хисвет отнимала у Мышелова руку, а тот все твердил:

— Дайте я осмотрю ее, барышня. Даже крошечная царапина, сделанная грязным корабельным котом, может быть крайне опасна!

Девушка же игриво отвечала:

— Да нет, милый воин, говорю вам, все в порядке.

Фафхрд подошел к правому борту, исполненный решимости швырнуть котенка в воду, но как-то уж так случилось, что вместо этого он подставил болтающемуся зверьку ладонь и поднял его на поручень. Зверек незамедлительно укусил его за большой палец и взлетел на мачту. Фафхрд едва удержался, чтобы не взвыть от боли. Слинур расхохотался.

— Нет, я все же осмотрю, — властно проговорил Мышелов и силой завладел рукой Хисвет.

Девушка дала ему немного подержать ее, потом вырвала ладонь, выпрямилась и ледяным тоном заявила:

— Вы забываетесь, воин. К ланкмарской барышне не имеет права прикасаться даже ее

собственный врач, он трогает лишь тело ее служанки, на котором барышня показывает, где у нее болит. Оставьте меня, воин.

Разобиженный Мышелов отступил к гакаборту. Фафхрд принялся сосать укушенный палец. Хисвет подошла и встала рядом с Мышеловом. Не глядя на него, она ласково проговорила:

— Вам следовало попросить меня позвать служанку. Она очень хорошенькая.

На горизонте виднелся лишь кусочек солнца величиной с край ногтя. Слинур окликнул наблюдателя в «вороньем гнезде»:

— Как там черный парус?

— Держится на расстоянии, — донеслось в ответ. — Идет параллельным курсом.

Чуть вспыхнув зеленоватым светом, солнце скрылось за горизонтом. Хисвет повернула голову и поцеловала Мышелова в шею, прямо под ухом. Ее язык щекотал кожу.

— Теряю парус из виду, шкипер! — прокричал наблюдатель. — На северо-западе туман. А на северо-востоке… маленькое черное облачко… словно черный корабль с яркими точками… который движется по воздуху. А теперь и он пропал. Все исчезло, шкипер.

Хисвет выпрямилась. К ним подошел Слинур,

бормоча:

— Что-то из этого «вороньего гнезда» слишком много видно…

Хисвет вздрогнула и сказала:

— Белые Тени простудятся. Они очень нежные, воин.

Мышелов выдохнул ей в ухо:

— Вы сами — Белая Тень Восторга, барышня! — Затем двинулся к клеткам и громко, чтобы услышал Слинур, сказал: — Быть может, завтра, барышня, вы удостоите нас чести и устроите представление — вот тут, на юте? Будет очень интересно посмотреть, как вы с ними управляетесь. — Он погладил воздух над клетками и, сильно кривя душой, проговорил: — До чего же они симпатичные!

На самом деле Мышелов опасливо высматривал крошечные копья и мечи, о которых упоминал Слинур. Двенадцать крыс разглядывали его без тени любопытства. Одна даже вроде бы зевнула.

— Я бы не советовал, — резко воспротивился Слинур. — Понимаете, барышня, матросы дико боятся и ненавидят любых крыс. Лучше бы их не нервировать.

— Но это ж аристократы, — не унимался Мыше-

лов, но Хисвет лишь повторила:

— Они простудятся.

Услышав эти слова, Фафхрд извлек палец изо рта, быстро подошел к девушке и предложил:

— Маленькая госпожа, можно я отнесу их на место? Я буду осторожен, как клешская сиделка.

Он двумя пальцами поднял клетку, в которой сидели две крысы. Наградив его улыбкой, Хисвет сказала:

— Было бы очень любезно с вашей стороны, благородный воин. Простые матросы обращаются с ними слишком грубо. Но вы можете унести только две клетки. Вам понадобится помощь.

И с этими словами девушка взглянула на Мышелова и Слинура. Деваться было некуда. Слинур и Мышелов, последний не без опаски и отвращения, бережно подхватили по клетке, Фафхрд взял вторую, и все они двинулись вслед за Хисвет в каюту, располагавшуюся под приподнятой палубой юта. Не удержавшись, Мышелов шепнул Фафхрду:

— Тьфу! Сделал из нас крысиных слуг! Котенок тебя уже укусил, пусть теперь искусают и крысы!

У дверей каюты темнокожая служанка Фрикс забрала клетки, Хисвет поблагодарила своих

рыцарей весьма отчужденно и сухо, после чего Фрикс затворила дверь. Послышался стук задвигаемого засова и бряканье цепочки.

Тьма над морем сгущалась. В «воронье гнездо» подняли желтый фонарь. Черная боевая галера «Акула», на время спустив парус, подошла на веслах к «Устрице», шедшей впереди «Каракатицы», чтобы выговорить за то, что на ней так поздно подняли топовый огонь, после чего поравнялась с «Каракатицей», и Льюкин со Слинуром принялись орать во всю глотку, обмениваясь мнениями относительно черного паруса, тумана, облачков, похожих на корабли, и Драконьих скал. В конце концов галера с отделением ланкмарской пехоты в вороненых кольчугах на борту снова заняла место во главе каравана. Замерцали первые звезды, доказывая, что солнце не ушло сквозь воды вечности в какой-нибудь иной вселенский пузырь, а плывет, как ему и должно, назад на восток под небесным океаном, бросая случайные лучи, в которых поблескивают звезды-самоцветы.

К тому времени, как взошла луна, Фафхрд и Мышелов улучили (разумеется, по отдельности) момент, чтобы постучаться в двери Хисвет, однако практически ничего этим не добились. Когда постучался Фафхрд, Хисвет сама откры-

ла небольшое оконце, прорезанное в двери, и быстро проговорила: «Фи, воин Фафхрд, как не стыдно! Разве вы не видите, что я переодеваюсь?» — после чего оконце захлопнулось. Когда же в дверь поскребся Мышелов и стал умолять Белую Тень Восторга выглянуть хоть на миг, в окошке появилась веселая мордашка Фрикс и прозвучали слова: «Хозяйка велела мне пожелать вам спокойной ночи и послать воздушный поцелуй». Когда воля хозяйки была выполнена, оконце затворилось.

Фафхрд, который подглядывал за другом, приветствовал Мышелова довольно язвительно:

— О Белая Тень Восторга!

— Маленькая госпожа! — огрызнулся Мышелов.

— Черная сархеенмарская слива!

— Клешская сиделка!

Оба героя почти всю ночь не сомкнули глаз: вскоре после того, как они улеглись, через равные промежутки времени стали раздаваться удары гонга «Каракатицы», и в ответ с других судов тоже слышались удары гонга или слабые оклики. Едва забрезжил рассвет, как друзья вылезли на палубу: «Каракатица» едва ползла через такой густой туман, что и верхушек парусов не было

видно. Оба рулевых нервно поглядывали вперед, словно ожидали увидеть привидение. Паруса едва полоскали. Слинур, с темными кругами под расширенными от тревоги глазами, кратко пояснил, что туман не только замедлил продвижение каравана, но и расстроил походный порядок.

— По звуку гонга я слышу, что перед нами «Тунец». Где-то рядом с ним «Карп». А где «Устрица»? И куда подевалась «Акула»? Я даже не уверен, что мы миновали Драконьи скалы. Глаза б мои их не видели!

— Кажется, некоторые капитаны зовут их Крысиными скалами? — перебил Фафхрд. — Из-за колонии крыс, первые из которых попали туда вместе с обломками какого-то корабля, а потом размножились.

— Верно, — согласился Слинур и, кисло улыбнувшись Мышелову, заметил: — Не самый удачный день для крысиного представления на юте, а? Что ж, нет худа без добра. Терпеть не могу этих ленивых белых тварей. Хотя их и двенадцать, они напоминают мне о Чертовой Дюжине. Слыхали такую легенду?

— Я слыхал, — мрачно подтвердил Фафхрд. — В Стылых Пустошах ведунья однажды рассказала мне, что у каждой разновидности зверей, будь

то волки, летучие мыши, киты, кто угодно, есть тринадцать, то есть Чертова Дюжина, особей, обладающих почти человеческой — или дьявольской! — мудростью и смекалкой. Стоит тебе отыскать этот избранный круг и подчинить его себе, как ты сможешь управлять всеми животными данного вида.

Слинур пристально посмотрел на Фафхрда и проговорил:

— А она была неглупая женщина, эта твоя ведунья.

Мышелов задумался: а не существует ли и у людей Чертовой Дюжины избранных?

Из скрытой туманом носовой части судна, словно привидение, появился черный котенок. Нетерпеливо мяукая, он бросился к Фафхрду, но тут же остановился и стал подозрительно изучать гиганта.

— Вот взять, к примеру, котов, — усмехнувшись, сказал Фафхрд. — Наверно, где-то в Невоне сейчас живут — может, в разных его концах, но, скорее всего, вместе — тринадцать котов, обладающих сверхкошачьей мудростью, которые предчувствуют судьбы всего кошачьего рода и управляют им.

— А что сейчас предчувствует этот? — мягко

поинтересовался Слинур.

Черный котенок, к чему-то принюхиваясь, смотрел в сторону левого борта. Внезапно его тощее тельце напружинилось, шерсть на спине встала дыбом, облезлый хвост поднялся трубой.

3

По левому борту из тумана вынырнула зеленая змеиная голова величиной с конскую, с чудовищно оскаленной пастью, которая была снабжена частоколом зубов, напоминающих кинжалы белого цвета. Вытягивая свою бесконечную желтую шею и громко царапая нижней челюстью по палубе, она с ужасающим проворством ринулась мимо Фафхрда вперед, и белые кинжалы защелкнулись на черном котенке.

Вернее, на том месте, где он только что сидел: котенок не столько подпрыгнул, сколько, казалось, вздернул себя — видимо, за хвост — на поручень правого борта и самое большее в три прыжка оказался на верхушке скрытой туманом мачты.

Рулевые наперегонки кинулись на нос. Слинур и Мышелов прижались к гакаборту; оставшееся без надзора рулевое весло повернулось и остановилось у них над головами, образуя своего рода защиту от чудовища, которое подняло свою невообразимую голову и принялось раскачивать ею из стороны в сторону в нескольких дюймах от Фафхрда. Очевидно, оно искало черного ко-

тенка или кого-нибудь более или менее на него похожего.

— Хр-р-рюпс!

Слинур с проклятием обернулся к Фафхрду, но увидел, что северянин, плотно стиснув челюсти, ошеломленно уставился в море. На сей раз он явно не издал ни звука.

Фафхрд оцепенел: сперва от потрясения, потом от мысли, что первая же часть тела, которой он шевельнет, будет тут же откушена.

Тем не менее он уже собрался было отпрыгнуть в сторону — от чудовища, помимо всего прочего, совершенно омерзительно воняло, — но тут из тумана появилась вторая драконья голова, раза в четыре больше первой и с зубами, напоминающими кривые мечи. На этой голове вполне уверенно восседал человек, одетый, словно посланец из Восточных земель, во все оранжевое и пурпурное, в красных сапогах, накидке и шлеме с голубым окошечком, видимо, из какого-то матового стекла.

Наверное, у любого абсурда есть грань, за которой ужас уже переходит в бред. Фафхрд в своих ощущениях как раз достиг такой грани. Он почувствовал себя так, словно накурился опиума. Окружающее казалось ему несомненно

реальным, но уже не внушало такого всепоглощающего ужаса.

Он обратил внимание (и это было действительно странно), что обе шеи растут из одного туловища.

Безвкусно одетый человек, а может, и демон, оседлавший большую голову, чувствовал себя вполне уверенно, что могло быть хорошим знаком, но могло и не быть. Что есть силы тузя меньшую голову — вероятно, в качестве наказания — короткой пикой с тупым загнутым концом, он прокричал из-под шлема какую-то тарабарщину, которую можно было бы записать примерно так:

— Gottverdammter Ungeheuer![1]

Меньшая голова не сопротивлялась и лишь жалобно скулила, словно семнадцать щенков. Человек-демон выхватил маленькую книжицу и, дважды ее перелистав, завопил по-ланкмарски со странным акцентом:

— Что это за мир, друг?

Такого вопроса Фафхрд не слышал ни разу в жизни, даже от только что проснувшегося любителя бренди. Но, несмотря на опиумный дурман

---

[1] Примечания: 1

«Проклятое чудовище!» — Немецкий язык в Невоне неизвестен. (*Примеч. авт.*)

в голове, он ответил довольно гладко:

— Это Невон, о чародей!

— Gott sei dank![2] — проблекотал человек-демон.

Фафхрд поинтересовался:

— А из какого мира ты родом?

Вопрос, казалось, несколько озадачил человека-демона. Торопливо полистав книжицу, он ответил:

— А разве вам известно об иных мирах? Разве вы не считаете, что звезды — это громадные самоцветы?

Фафхрд проговорил:

— Каждому дураку ясно, что огоньки на небе — это самоцветы, но мы не простецы, мы знаем, что есть иные миры. Ланкмарцы считают, что это пузыри в водах вечности. А вот я полагаю, что мы живем в черепе усопшего бога и что изнутри верхняя половина этого черепа выложена драгоценными камнями. Но, разумеется, существуют и другие такие же черепа, это целая Вселенная Вселенных, которая представляет собой необозримое и застывшее поле давней битвы.

Парус «Каракатицы» заполоскал, судно кач-

---

[2] Примечания: 2
Слава богу! (*нем.*)

нулось, и рулевое весло садануло по меньшей голове, которая, обернувшись, куснула его, а потом принялась отплевываться щепками.

— Попроси чародея убрать ее! — крикнул съежившийся от страха Слинур.

Снова торопливо полистав страницы, человек-демон ответил:

— Не волнуйтесь, это чудище, похоже, ест только крыс. Я поймал его на небольшом скалистом островке, где обитает множество этих грызунов. Оно приняло вашего черного котенка за крысу.

Все еще чувствуя в голове дурман, Фафхрд проговорил:

— О чародей, ты собираешься с помощью заклинаний переправить чудовище в свой мир-череп или мир-пузырь?

Вопрос буквально ошеломил человека-демона. Он явно решил, что Фафхрд умеет читать мысли. Судорожно полистав книжицу, он объяснил, что явился из мира, который называется попросту Завтра, что он посещает миры и отлавливает чудовищ для какого-то не то музея, не то зоопарка, носящего тарабарское название Hagenbeck's

Zeitgarten[3]. В эту экспедицию он отправился, чтобы найти чудовище, которое было бы точной копией мифического шестиголового морского монстра, который хватал людей с палуб кораблей и был назван Сциллой одним древним писателем-фантастом по имени Гомер.

— В Ланкмаре не было поэта по имени Гомер, — пробормотал Слинур.

— Должно быть, какой-нибудь мелкий писака из Квармалла или Восточных земель, — успокоил шкипера Мышелов.

Он уже несколько попривык к двум головам, и ему стало немного завидно, что Фафхрд взял на себя главную роль в переговорах, поэтому, вскочив на гакаборт, он воскликнул:

— О чародей, с помощью каких заклинаний намерен ты забрать свою маленькую Сциллу назад или, вернее, вперед, в твой пузырь, именующийся Завтра? Я сам немного смыслю в магии. Сгинь, тварь!

Последнее замечание, сопровождаемое высокомерно-презрительным жестом, относилось к

---

[3] Примечания: 3

Буквально это можно перевести с немецкого как «Сад Времени Гагенбека» — очевидно, искаженное Tiergarten, что означает зверинец или зоосад. Гагенбек Карл (1844–1913) — знаменитый торговец зверями. В 1908 г. основал зоопарк. (*Примеч. авт.*)

меньшей голове, которая с любопытством начала приближаться к Мышелову. Слинур вцепился Мышелову в лодыжку.

Услышав вопрос Мышелова, человек-демон стукнул себя сбоку по своему красному шлему, словно вспомнил нечто очень важное. Затем он принялся торопливо объяснять, что путешествует по мирам в корабле (или пространственно-временном снаряде, бог его знает, что это должно было означать), который плавает над водой, — «черный корабль с огоньками и мачтами» — и что этот корабль вчера уплыл от него в тумане, когда он был занят приручением свежепойманного морского чудища. С тех пор человек-демон, оседлав укрощенную зверюгу, безуспешно разыскивает потерянное судно.

Описание корабля всколыхнуло память Слинура, и шкипер, взяв себя в руки, во всеуслышание рассказал, что вчера на закате наблюдатель, сидевший в «вороньем гнезде», заметил похожий корабль, который то ли плыл, то ли летел на северо-восток.

Человек-демон рассыпался в благодарностях и, расспросив Слинура поподробнее, ко всеобщему облегчению, заявил, что с новой надеждой он отправляется на северо-восток.

— Наверное, у меня уже не будет возможности отблагодарить вас за вашу любезность, — сказал он на прощание. — Но, плавая в водах вечности, сохраните хотя бы в памяти мое имя: Карл Тройхерц, от Гагенбека.

Хисвет, которая слушала весь разговор, стоя в средней части судна, выбрала именно этот момент, чтобы подняться по короткому трапу, ведущему на ют. Чтобы защитить себя от холодного тумана, она надела горностаевую накидку с капюшоном.

Едва ее серебристые волосы и бледное хорошенькое личико показались над палубой юта, как меньшая драконья голова, уже собравшаяся было живописно сойти со сцены, бросилась на девушку с быстротой атакующей змеи. Хисвет покатилась вниз по трапу. Деревянный трап загудел.

Отъезжая в туман на большей и, судя по всему, более миролюбивой голове, Карл Тройхерц заверещал что есть мочи и принялся немилосердно лупцевать меньшую голову, пока она наконец не стала вести себя как подобает.

Затем двухголовое чудовище со своим погонщиком, обогнув «Каракатицу» с кормы, двинулось на восток, и из густого тумана послышалась лас-

ковая тарабарщина, содержавшая, скорее всего, слова извинения и прощания:

— Es tut mir sehr leid! Aber dankeschÖn, dankeschön![4]

Послышалось легкое: «Хрюпс!» — и конструкция человек-демон — дракон-дракон растаяла в тумане окончательно.

Перескочив через расщепленные поручни, Фафхрд и Мышелов оказались подле Хисвет одновременно, но она презрительно отказалась от их помощи и, сама поднявшись с дубовой палубы, двинулась прочь, потирая ушибленное бедро и чуть прихрамывая.

— Не приближайтесь ко мне, простофили! — горько сказала она. — Какой стыд: барышне, чтобы спастись от зубастой смерти, пришлось кубарем скатиться по лестнице и зашибить себе часть тела, которую она постыдилась бы продемонстрировать вам даже на Фрикс. Никакие вы не благородные рыцари! Будь вы таковыми, драконьи головы уже валялись бы на юте. Фи!

Между тем на западе уже начали появляться полоски чистого неба и воды, а западный ветер заметно посвежел. Слинур бросился к боцману и

---

[4] Примечания: 4

Очень прошу меня извинить! И премного вам благодарен! (*нем.*)

заорал, чтобы тот выгнал на палубу перепуганных матросов, пока «Каракатица» ни на что не напоролась.

Хотя такая опасность судну практически не угрожала, Мышелов стал на рулевое весло, а Фафхрд тем временем управлялся с парусом. И тут Слинур, вернувшийся на ют в сопровождении нескольких бледных матросов, с криком вскочил на гакаборт.

Облако тумана медленно откатывалось к востоку. На западе до самого горизонта все было чисто. В двух полетах стрелы к северу от «Каракатицы» из белой туманной ваты показались четыре судна, сбившиеся в кучу: боевая галера «Акула», зерновозы «Тунец», «Карп» и «Морской окунь». Галера быстро двигалась на веслах в сторону «Каракатицы».

Однако Слинур смотрел на юг. Там, примерно в полете стрелы, виднелись два корабля — один был частично окутан туманом, другой уже вышел из облака.

Вторым из этих двух судов была полузатонувшая «Устрица»: вода уже перекатывалась через ее планширь. Ее парус, который каким-то образом удалось спустить, коричневым пятном полоскался в волнах. Безлюдная палуба непонятно почему

вспучилась.

Наполовину скрытое туманом судно очень напоминало черный тендер с черным парусом.

От «Устрицы» к тендеру по воде двигалось множество маленьких темных точек.

Фафхрд подскочил к Слинуру. Не оборачиваясь, тот просто сказал:

— Крысы.

Брови Фафхрда поползли вверх.

Подошедший Мышелов проговорил:

— «Устрица» получила пробоину. Зерно от воды набухло и выдавило палубу вверх.

Слинур кивнул и показал рукой на тендер. Присмотревшись, можно было разглядеть, как темные точки — явно крысы! — карабкались на борт.

— Вот кто прогрыз дыры в «Устрице», — заметил Слинур.

Затем шкипер ткнул пальцем в сторону двух судов, чуть ближе к тендеру. Среди последних черных точек виднелась одна белая. Мгновение спустя все увидели, как крошечная белая фигурка карабкается по борту тендера. Слинур проговорил:

— Она командовала теми, кто прогрызал дыры.

С глухим треском вспученная палуба «Устрицы» вздыбилась, и к небу взметнулся коричневый фонтан.

— Зерно! — сдавленным голосом воскликнул Слинур.

— Теперь мы знаем, что разрывает корабли на части, — сказал Мышелов.

Очертания черного тендера сделались зыбкими — он удалялся к западу, входя в полосу отступающего тумана.

Оставляя позади пенный бурун, мимо кормы «Каракатицы» пронеслась «Акула», ее весла дергались, как ноги скаковой сороконожки. Льюкин прокричал:

— Скверные штучки! «Устрицу» ночью заманили в ловушку!

Черный тендер выиграл гонку с катящимся на восток туманом и скрылся в его молоке.

«Устрица» с искореженной палубой медленно нырнула носом в волны и стала погружаться в черную соленую бездну, увлекаемая вниз своим свинцовым килем.

Под рев боевой трубы «Акула» влетела в туман вслед за тендером.

Верхушка мачты «Устрицы», прорезав в зыби небольшую борозду, скрылась под водой. К югу

от «Каракатицы» расплывалось большое пятно коричневато-желтого зерна.

Слинур повернул к помощнику мрачное лицо.

— Войдите в каюту барышни Хисвет, если понадобится, силой, — приказал он, — и пересчитайте ее белых крыс.

Фафхрд и Мышелов переглянулись.

Три часа спустя те же четверо собрались в каюте Хисвет вместе с хозяйкой каюты, Фрикс и Льюкином.

Потолок в каюте был низкий, так что Фафхрду, Льюкину и помощнику шкипера приходилось ходить пригнув голову, а сидеть хотелось сгорбившись: для зерновоза, впрочем, сама каюта была довольно просторной, однако в этот момент казалась очень тесной из-за собравшейся в ней компании, а также из-за клеток с крысами и благоуханных, окованных серебром сундучков Хисвет, стоявших на столах и рундуках Слинура. Приглушенный свет проникал в каюту через три окна с роговыми пластинами, выходящих на корму, и вентиляционные отверстия по обоим бортам.

Слинур и Льюкин сидели спиной к окнам за небольшим столом. Фафхрд умостился на одном из рундуков, Мышелов на перевернутом бочонке.

Между ними стояли четыре клетки с крысами, обитатели которых, казалось, относились к происходящему с таким же спокойным вниманием, как и люди. Мышелов развлекался, представляя себе, что было бы, если бы не люди судили белых крыс, а наоборот. Из голубоглазых белых крыс получились бы весьма грозные судьи, тем более что меховые мантии у них уже были. Он в мыслях нарисовал, как они безжалостно глядят с высоких кресел на маленьких съежившихся Льюкина и Слинура в окружении мышей — писцов и судебных приставов, а также крыс-копейщиков в полудоспехах и с фантастически зазубренными кривыми алебардами в лапах.

Помощник шкипера стоял пригнувшись у открытого окошечка запертой двери — отчасти для того, чтобы матросы не подслушивали.

Барышня Хисвет сидела, скрестив ноги, на опущенной подвесной койке, живописно подоткнув горностаевую накидку под колени, и даже в этой позе умудрялась выглядеть неприступной и изысканной. Правой рукой она играла с курчавыми волосами Фрикс, сидевшей на полу у ее ног.

«Каракатица», скрипя всем набором, продвигалась на север. В каюте то и дело слышалось сверху шарканье босых ног рулевых. Из неболь-

ших люков, ведших в самые сокровенные недра трюма, доносился терпкий, всепроникающий запах зерна.

Речь держал Льюкин. Это был худощавый жилистый человек с покатыми плечами, ростом почти с Фафхрда, в простой черной тунике и вороненой кольчуге тонкой работы поверх нее. Его темные волосы охватывал золотой обруч с пятиконечной вороненой морской звездой на лбу — эмблемой Ланкмара.

— Почему я решил, что «Устрицу» заманили в ловушку? А потому, что часа за два до заката мне дважды показалось, будто я слышу в отдалении звук гонга «Акулы», хотя стоял рядом с ним и он был обмотан тряпками. Трое из моей команды тоже слышали. Все это было очень странно. Господа, я различаю звуки гонгов ланкмарских галер и торговых судов лучше, чем голоса собственных детей. То, что мы слышали, было так похоже на гонг «Акулы», что мне и в голову не могло прийти, что звон доносится с какого-то другого судна. Я решил, что это какое-нибудь замысловатое призрачное эхо или просто плод нашего воображения, — во всяком случае, у меня и в мыслях не было, что я должен как-то на это реагировать. Будь у меня хоть малейшее подозрение…

Льюкин нахмурился, покачал головой и продолжал:

— Теперь я понимаю, что на черном тендере был в точности такой же гонг, как на «Акуле». С его помощью, а также, видимо, с помощью кого-то, кто подражал моему голосу, они заманили «Устрицу» в туман, причем достаточно далеко, и крысиная орда под предводительством белой крысы сделала свое дело, а воплей команды слышно не было. Они, должно быть, прогрызли в днище «Устрицы» штук двадцать дыр — потому-то так быстро и разбухло зерно. О, эти мелкие кривозубые твари гораздо умнее и настойчивее людей!

— Да это ж какое-то умопомрачение! — фыркнул Фафхрд. — Чтобы мужчины вопили из-за крыс? И уступили им? И чтобы крысы захватили и потопили корабль? Крысы, которые соблюдают дисциплину? Чистейшей воды суеверие!

— Тебе ли говорить о суевериях и невозможном, Фафхрд? — бросил Слинур. — Не ты ли не далее как сегодня утром разговаривал с каким-то косноязычным демоном в маске, который сидел на двуглавом драконе?

Льюкин поднял брови и вопросительно посмотрел на Слинура. Он только сейчас впервые

услышал об эпизоде с посланцем Гагенбека.

Фафхрд ответил:

— Это было путешествие из одного мира в другой. Совсем иное дело. Суеверие тут ни при чем.

Слинур скептически проговорил:

— А в рассказе ведуньи о Чертовой Дюжине тоже нет никакого суеверия?

Фафхрд рассмеялся:

— Я никогда не верил ни одному слову из того, что говорила ведунья. Она ж была просто старая и бестолковая ведьма. Я повторил все эти глупости просто интереса ради.

Недоверчиво прищурившись, Слинур некоторое время разглядывал Фафхрда, потом обратился к Льюкину:

— Дальше.

— Да рассказывать больше практически нечего, — ответил тот. — Я видел, как полчища крыс плывут от «Устрицы» к черному тендеру. Видел я, так же как и вы, их белого предводителя. — Тут Льюкин многозначительно глянул на Фафхрда. — Потом я в течение двух часов безуспешно пытался догнать черный тендер, пока у моих гребцов не свело руки. Если б я настиг тендер, то не стал бы брать его на абордаж, а просто сжег бы. Вот именно, и вылил бы на воду горящее масло,

если бы крысы снова попробовали сменить судно. И смеялся бы, наблюдая, как поджариваются эти мохнатые убийцы!

— Понятно, — подвел черту Слинур. — И что же, по твоему мнению, командор Льюкин, нам теперь делать?

— Утопить этих белых бестий вместе с клетками, — не раздумывая, отозвался Льюкин, — пока они не захватили еще один корабль, а наши матросы не ополоумели от страха.

Ледяным тоном Хисвет немедленно возразила:

— Для этого, командор, вам придется прежде утопить меня, привязав к шее все мое серебро.

Взгляд Льюкина скользнул по стоящим на полке у койки серебряным кувшинчикам для притираний и нескольким тяжелым серебряным цепочкам, разложенным между ними.

— Это тоже не исключено, барышня, — сурово улыбнувшись, ответил он.

— Но ведь против нее нет никаких улик! — взорвался Фафхрд. — Маленькая госпожа, этот человек помешался.

— Никаких улик? — взревел Льюкин. — Вчера белых крыс было двенадцать, а теперь стало одиннадцать. — Он взмахнул рукой в сторону стоявших одна на другой клеток и их голубо-

глазых высокомерных обитателей. — Вы все их пересчитывали. Кто, если не эта чертова барышня, послал предводителя к острозубым бестиям и убийцам, которые погубили «Устрицу»? Какие еще доказательства вам нужны?

— Ну разумеется! — вмешался Мышелов звучным высоким голосом, который мгновенно приковал всеобщее внимание. — Доказательств сколько угодно… если вчера в этих четырех клетках действительно было двенадцать крыс. — Он помолчал и добавил небрежно, но очень отчетливо: — Мне что-то помнится, что их было одиннадцать.

Словно не веря своим ушам, Слинур изумленно уставился на Мышелова.

— Ты лжешь! — заявил он. — И лжешь очень глупо. Ведь мы вместе с тобой и Фафхрдом как раз говорили о двенадцати белых крысах!

Мышелов покачал головой.

— Мы с Фафхрдом ни разу не называли точное число крыс. Это ты говорил, что их дюжина, — возразил он Слинуру. — Не двенадцать, а дюжина. Я и решил, что ты называешь приблизительное число, так сказать, грубо говоря. — Мышелов щелкнул пальцами. — Теперь я даже вспоминаю, что, когда ты сказал, что их дюжина, я от нечего

делать пересчитал крыс. И у меня получилось одиннадцать. Но мне это показалось пустяком, о котором и спорить нечего.

— Нет, вчера крыс было двенадцать, — торжественно и очень убежденно заявил Слинур. — Ты ошибаешься, Серый Мышелов.

— Я скорее поверю моему другу Слинуру, нежели дюжине таких, как вы, — вставил Льюкин.

— Правильно, друзья должны стоять один за другого горой, — одобрительно улыбнувшись, заметил Мышелов. — Вчера я пересчитал крыс, которых Глипкерио отправил в подарок, и у меня получилось одиннадцать. Шкипер Слинур, каждый человек может ошибиться, вспоминая что-то. Давай разберемся. Если двенадцать крыс рассадить по четырем клеткам, получается по три крысы на клетку. Погоди-ка… Есть! Точно! Вчера был такой момент, когда мы пересчитывали крыс — перед тем как снести их в каюту. Сколько было в клетке, которую ты нес, Слинур?

— Три, — мгновенно ответил шкипер.

— В моей тоже три, — сообщил Мышелов.

— И в двух других тоже по три, — нетерпеливо перебил Льюкин. — Мы попусту теряем время!

— Это точно, — кивнув, поддержал друга Слинур.

— Не торопитесь! — сказал Мышелов и поднял вверх палец. — Вчера был такой миг, когда каждый из нас должен был заметить, сколько крыс сидело в одной из клеток, — помните, Фафхрд, разговаривая с Хисвет, поднял первую клетку? Ну-ка попытайтесь представить себе эту картину. Он поднял ее вот так. — Мышелов сложил кольцом большой и средний пальцы. — Так сколько же крыс было в этой клетке, Слинур?

Шкипер задумчиво нахмурился.

— Две, — наконец выдавил он и тут же добавил: — И четыре в другой.

— Ты же сам только что сказал, что в остальных было по три, — напомнил Мышелов.

— Ничего я не говорил! — возмутился Слинур. — Это сказал Льюкин.

— Правильно, но ты согласился и кивнул, — сказал Мышелов и поднял брови в подтверждение того, что он честно старается докопаться до истины.

— Я согласился с тем, что мы попусту теряем время, — возразил Слинур. — И мы его и впрямь теряем.

Несмотря на то что шкипер стоял на своем, меж бровей у него пролегла морщинка, а голос потерял частичку прежней уверенности.

— Понял, — поколебавшись, сказал Мышелов. Постепенно он начал играть роль прокурора, разбирающего дело в суде, стал расхаживать по каюте и довольно профессионально хмурить брови. — Фафхрд, сколько крыс ты нес?

— Пять, — бодро ответил Фафхрд. Его математические способности оставляли желать много лучшего, однако у него было вполне достаточно времени, чтобы незаметно произвести расчеты на пальцах и сообразить, к чему клонит Мышелов. — Две в одной клетке и три в другой.

— Жалкое вранье! — насмешливо протянул Льюкин. — Гнусный варвар поклянется в чем угодно, только бы ему улыбнулась барышня, перед которой он раболепствует.

— Грязная ложь! — взревел Фафхрд и, вскочив на ноги, так треснулся головой о подпалубный бимс, что схватился руками за макушку и от обжигающей боли согнулся пополам.

— Сядь на место, Фафхрд, пока я не велел тебе извиниться перед ни в чем не повинной палубой, — безжалостно и сухо скомандовал Мышелов. — Здесь тебе не варварские скандальные разборки, а серьезный цивилизованный суд! Так, значит, три плюс три плюс пять получится… одиннадцать. Барышня Хисвет! — Он напра-

вил свой указующий перст прямо между глаз девушки с красноватыми радужками и сурово осведомился: — Сколько крыс принесли вы на борт «Каракатицы»? От вас требуется правда, и ничего, кроме правды!

— Одиннадцать, — сдержанно ответила та. — Ох, как я рада, что вы наконец догадались спросить у меня.

— Это неправда! — отрезал Слинур, и чело его снова прояснилось. — Как же я не подумал об этом раньше? Мы смогли бы избежать всех этих расспросов и подсчетов. В этой самой каюте лежит письмо Глипкерио, в котором он излагает свое поручение. В нем он пишет, что доверяет мне барышню Хисвет, дочь Хисвина, и двенадцать дрессированных белых крыс. Подождите, сейчас я его достану, и вы сами увидите.

— Не нужно, шкипер, — возразила Хисвет. — Я видела это письмо и могу удостоверить, что вы сказали все правильно. Но, к сожалению, за время, что прошло между отправкой письма и отплытием «Каракатицы», бедняжку Чи сожрал принадлежащий Глиппи гигантский волкодав Бимбат. — Девушка смахнула изящным пальчиком несуществующую слезинку и шмыгнула носом. — Бедняжка Чи, он был самым милым из

всех двенадцати. Потому-то я и не выходила из каюты первые два дня.

Всякий раз, когда девушка произносила имя Чи, одиннадцать обитателей клетки начинали трагически попискивать.

— Вы называете нашего сюзерена Глиппи? — воскликнул шокированный Слинур. — Вот бесстыдница!

— Да, барышня, вам не мешало бы последить за своими выражениями, — сурово предупредил Мышелов, все больше и больше входя в роль сурового инквизитора. — Суду нет дела до ваших родственных связей с нашим благороднейшим сюзереном Глипкерио Кистомерсесом.

— Эта маленькая хитрая ведьма лжет! — сердито заявил Льюкин. — Раздробить ей в тисках пальчики, или вздернуть на дыбу, или хотя бы завернуть посильнее за спину эту белую ручку — и запоет как миленькая!

Хисвет повернулась и высокомерно посмотрела на него.

— Я принимаю ваш вызов, командор, — спокойно сказала она и положила правую ладонь на темноволосую головку служанки. — Фрикс, дай этим господам руку или любую другую часть тела, с которой они хотели бы начать истязания. —

Темноволосая служанка выпрямилась. Лицо ее было бесстрастным, губы плотно сжаты, но глаза с ужасом забегали по лицам присутствующих. Хисвет обратилась к Слинуру и Льюкину: — Если вы хоть немного знаете ланкмарские законы, вам должно быть известно, что девицу моего ранга можно подвергнуть пытке только в лице ее служанки, которая, выдерживая любую боль, доказывает невиновность хозяйки.

— Ну, что я вам говорил? — возмутился Льюкин. — Слово «хитрая» слишком слабо для такой изворотливости! — Он уставился на Хисвет и, презрительно кривя губы, добавил: — Девица!

С выражением оскорбленной невинности Хисвет холодно улыбнулась. Все еще державшийся за голову Фафхрд едва удержался, чтобы не вскочить снова. Льюкин смотрел на него и забавлялся, прекрасно понимая, что может дразнить Фафхрда сколько угодно и этому дикому варвару не хватит сообразительности дать ему достойный ответ.

Задумчиво посмотрев на Льюкина, Фафхрд проговорил:

— Да, в доспехах ты можешь смело угрожать барышне разными пытками, но сними с тебя доспехи и останься один на один с отважной девушкой, тебе ни за что не удастся доказать ей,

что ты настоящий мужчина.

Льюкин в ярости вскочил и, в свою очередь, с такой силой врезался головой в бимс, что охнул и покачнулся, однако схватился за висевший на боку меч. Слинур взял его за руку и силой усадил назад.

— Держи себя в руках, командор, — сурово проговорил шкипер, набираясь решимости по мере того, как остальные ссорились и играли словами. — Фафхрд, довольно оскорбительных замечаний. Серый Мышелов, судья здесь я, а не ты, и собрались мы не для того, чтобы заниматься крючкотворством, а чтобы обсудить, как отвратить угрозу. Наш конвой с зерном находится в серьезной опасности. Мы рискуем собственными жизнями. Более того, опасность будет грозить и Ланкмару, если Моварл не получит в дар зерно и на этот раз. Прошлой ночью была предательски погублена «Устрица». Этой ночью та же участь может ожидать любой из наших кораблей, а не исключено, что и все сразу. Первые два конвоя были хорошо вооружены и держались начеку, но все равно не избежали гибели. — Шкипер помолчал, давая возможность присутствующим получше переварить сказанное, затем продолжал: — Мышелов, своими играми в одиннадцать-

двенадцать ты посеял во мне тень сомнения. Но тень сомнения ничего не значит, когда опасность угрожает всей нашей отчизне. Ради безопасности этой флотилии и всего Ланкмара мы немедленно утопим белых крыс и не будем спускать глаз с барышни Хисвет до самого Кварч-Нара.

— Правильно! — одобрительно воскликнул Мышелов, опережая Хисвет, и тут же добавил, словно в голову ему только что пришла блестящая мысль: — Или нет… лучше поручите нам с Фафхрдом не спускать глаз не только с Хисвет, но и с одиннадцати белых крыс. Таким манером мы не лишим Моварла подарка, и он не оскорбится.

— Я никому не доверил бы просто наблюдать за крысами. Слишком уж они хитрые, — отозвался Слинур. — А барышню я намерен пересадить на «Акулу», где за ней смогут следить как следует. Моварлу нужно зерно, а не крысы. Он о них и не знает, поэтому у него не будет повода сердиться.

— Да нет же, он знает о них, — вмешалась Хисвет. — Глипкерио и Моварл каждую неделю обмениваются посланиями с помощью альбатросной почты. Знаете, шкипер, Невон с каждым годом словно становится все меньше и меньше: ведь корабли — это черепахи по сравнению с могучими почтовыми птицами. Глипкерио написал

Моварлу о крысах, тот порадовался подарку и с нетерпением ждет представления Белых Теней. Ну и меня тоже, — добавила она, скромно опустив голову.

— К тому же, — поспешно вставил Мышелов, — я решительно протестую — к моему великому сожалению, Слинур, — против того, чтобы Хисвет пересела на другой корабль. В приказе, отданном нам Глипкерио, который я могу показать хоть сейчас, черным по белому сказано, что мы должны неотлучно находиться при барышне, правда за пределами ее личных покоев. Мы отвечаем за ее безопасность, равно как за безопасность Белых Теней, которых — это опять-таки написано черным по белому — наш сюзерен ценит выше, чем целую кучу драгоценных камней, равную их весу.

— Вы можете находиться подле нее и на «Акуле», — возразил Мышелову Слинур.

— Я не потерплю у себя на корабле этого варвара! — выдохнул Льюкин, все еще морщась от боли.

— А я считаю ниже своего достоинства ступить на борт этой дурацкой гребной лодчонки, этого весельного червя! — парировал Фафхрд, выражая обычное презрение варваров к галерам.

— К тому же, — опять громко перебил их Мышелов, сделав укоризненный жест своему приятелю, — я считаю своим дружеским долгом предупредить вас, Слинур, что своими опрометчивыми угрозами в адрес Белых Теней и даже барышни вы рискуете навлечь на себя гнев не только сюзерена, но и самого влиятельного зерноторговца в Ланкмаре.

Слинур, не задумываясь, ответил:

— Меня заботят лишь город и конвой с зерном. Вам это известно.

Кипевший от злости Льюкин презрительно заметил:

— Серый идиот не сообразил, что за этими уничтожениями судов с помощью крыс стоит папочка Хисвет, который только богатеет, продавая Глипкерио такое нужное народу зерно!

— Угомонись, Льюкин! — повелительно сказал Слинур. — Здесь не место твоим сомнительным догадкам.

— Догадкам? Моим? — взорвался Льюкин. — Да ведь ты сам говорил это, Слинур! И это, и то, что Хисвин задумал свергнуть Глипкерио, и даже то, что он вошел в союз с минголами! Давай же хоть раз выскажемся начистоту!

— Тогда высказывайся только за себя, коман-

дор, — мрачно отрезал Слинур. — Боюсь, от удара у тебя перекосило мозги. Серый Мышелов, ты же человек разумный, — взмолился он. — Неужто ты не понимаешь, что меня гнетет одна забота — эти массовые убийства посреди океана. Мы должны принять какие-то меры. Ну неужели никто из вас не может рассуждать здраво?

— Я могу, раз ты просишь, шкипер, — звонко сказала Хисвет, становясь на колени и поворачиваясь к Слинуру. Луч света, проникший сквозь отдушину, засеребрился в ее волосах и ярко вспыхнул на обруче. — Я всего-навсего девушка, не привыкшая рассуждать о войне и насилии, однако у меня есть простое объяснение, и я все ждала, что оно придет в голову кому-то из вас, людей поднаторевших в битвах. Прошлой ночью погиб корабль. Вы взваливаете вину на крыс — маленьких зверьков, которые всегда покидают тонущее судно, среди которых часто встречаются одна-две белые и которых только человек с очень буйным воображением может обвинить в убийстве всей команды и в исчезновении трупов. Чтобы в этих диких домыслах у вас сошлись концы с концами, вы сделали из меня королеву крыс, способную творить всякие черные чудеса, а теперь еще хотите моего старенького папочку

возвести в ранг крысиного короля. Но сегодня утром вы встретились с погубителем кораблей, если таковой на самом деле был, и позволили этому хрюкале спокойно уплыть. Да ведь даже сам человек-демон признался, что он ищет многоглавое чудище, которое хватает матросов прямо с кораблей и пожирает их. Конечно, он соврал, когда говорил, будто этот его найденыш питается лишь всякой мелюзгой, — ведь он напал на меня, а до этого мог сожрать любого из вас и сделал бы это, не будь он сыт. Вероятнее всего, этот двухголовый дракон и сожрал всех матросов с «Устрицы», а если они забрались в трюм, он извлек их оттуда, словно конфеты из коробки, а потом прогрыз дыры в обшивке судна. А еще вероятнее, что «Устрица» пропорола в тумане днище на Драконьих скалах, тут-то на нее и напало чудище. Эти мрачные вещи, господа, очевидны даже для слабой девушки, и, чтобы до них додуматься, не нужно быть семи пядей во лбу.

Эта неожиданная речь вызвала бурную реакцию. Мышелов разразился рукоплесканиями:

— У вас бесценный ум, барышня, вы поистине большой стратег!

Фафхрд решительно произнес:

— Очень доходчиво, маленькая госпожа, но

Карл Тройхерц показался мне честным демоном.

Фрикс гордо заявила:

— Моя госпожа умнее вас всех, вместе взятых.

Стоявший у двери помощник вытаращил на Хисвет глаза и сделал рукой знак, изображающий морскую звезду. Льюкин проворчал:

— Она для удобства забыла о черном тендере.

Слинур же заорал, перекрывая всех:

— Изволили пошутить, что вы — крысиная королева? Да вы и есть королева крыс!

Когда после столь серьезного обвинения все замолчали, Слинур, глядя на Хисвет мрачно и не без страха, поспешно продолжил:

— В вашей речи содержалась тяжкая улика против вас же самой. Карл Тройхерц говорил, что его дракон, живший у Крысиных скал, питается только крысами. И он даже не попытался наброситься на кого-нибудь из мужчин, хотя и мог, но, когда появились вы, барышня, тут же налетел на вас. Он сразу распознал, кто вы такая. — Голос Слинура задрожал. — Тринадцать по-человечески умных крыс правят всей их расой. Так говорят самые мудрые ланкмарские провидцы. Одиннадцать из них сидят в этих клетках и слышат каждое наше слово. Двенадцатая празднует на черном тендере победу над «Устрицей». А тринадцатая, — шки-

пер ткнул пальцем в сторону девушки, — это сребровласая и красноглазая барышня Хисвет!

Медленно и осмотрительно поднявшись на ноги, Льюкин вскричал:

— Ты очень проницателен, Слинур! И почему она носит столь просторные одеяния, если не для того, чтобы скрыть признаки своей принадлежности к этому мерзкому племени? Дайте мне сорвать с нее горностаевую накидку, и вы все увидите покрытое белой шерстью тело и десять черных сосков вместо девичьих грудей!

Он начал пролезать вокруг стола к Хисвет, но Фафхрд, вскочив, хотя и не без осторожности, обхватил Льюкина, медвежьей хваткой прижал его руки к бокам и вскричал:

— Попробуй только прикоснуться к ней хоть пальцем, и ты умрешь!

Между тем Фрикс воскликнула:

— Хозяйка сказала верно — дракон был сыт, сожрав команду «Устрицы». Ему не хотелось больше жилистых мужчин, но он с удовольствием закусил бы нежной плотью моей дорогой госпожи!

Льюкин принялся извиваться и в конце концов вперился своими черными глазами в зеленые очи Фафхрда.

— Мерзейший из варваров! — проскрипел он. — Невзирая на разницу в положении, я вызываю тебя на поединок на дубинах прямо на палубе этого судна. Я докажу свою правоту насчет Хисвет в честной битве — если, конечно, ты отважишься на цивилизованный поединок, вонючая ты обезьяна!

И с этими словами он плюнул в искаженное лицо Фафхрда.

Северянину оставалось лишь принять вызов; не обращая внимания на текущую по его щеке слюну, он широко улыбнулся, продолжая держать Льюкина и внимательно поглядывая, как бы тот не укусил его за нос.

Поскольку вызов был брошен и принят, Слинур, покачав головой и несколько раз возведя очи горе, стал отдавать распоряжения о подготовке к дуэли, чтобы успеть обернуться с ней засветло и принять меры безопасности до наступления ночи.

Когда Слинур, Мышелов и помощник шкипера подошли к двум недругам, Фафхрд отпустил Льюкина, и тот, презрительно отводя взгляд, ушел на палубу, где тут же вызвал отряд солдат с «Акулы», дабы те секундировали ему в поединке и следили за соблюдением правил. Мышелов, о чем-то пере-

говорив с Фафхрдом, ушел из каюты и принялся шептаться с командой «Каракатицы» — начиная с боцмана и кончая коком и мальчишкой-стюардом. При этом всякий раз из руки Мышелова кое-что быстро переходило в руку матроса, с которым тот в данный момент вел переговоры.

4

Несмотря на то что Слинур очень спешил, солнце уже начало клониться к горизонту, когда прерывистой медной дробью зарокотал гонг «Каракатицы», возвещая о начале поединка. На небе не было ни облачка, однако угрюмая туманная пелена все еще лежала в одной ланкмарской лиге (двадцати полетах стрелы) к востоку, двигаясь на север параллельно с караваном, и выглядела почти такой же плотной и блестящей в косых лучах солнца, как айсберг. По какой-то таинственной причине ни горячее солнце, ни западный ветер ее не разогнали.

Ланкмарская пехота в черных куртках, вороненых кольчугах и коричневых шлемах выстроилась шеренгой лицом к корме, поперек палубы «Каракатицы», у самой грот-мачты. Свои копья, развернув их поперек, солдаты держали в вытянутых руках горизонтально, образовав тем самым дополнительное ограждение. Матросы «Каракатицы» в черных тужурках выглядывали у них из-за спин или сидели на баке, вдоль левого борта, где парус не заслонял им вид. Кое-кто влез на мачту.

На юте кусок сломанного поручня был убран, и там, около голой бизань-мачты, сидели трое судей: Слинур, Мышелов и сержант из отряда Льюкина. Вокруг них, слева от рулевых, разместились офицеры «Каракатицы», а также несколько офицеров с других судов, на чьем присутствии Мышелов упорно настаивал, хотя переправа на шлюпке потребовала дополнительного времени.

Хисвет и Фрикс были заперты в каюте. Барышня выразила было желание наблюдать за поединком через открытую дверь или даже с палубы, но Льюкин воспротивился, заявив, что так ей будет проще наслать на него злые чары, и судьи приняли его сторону. Впрочем, окошечко в двери было открыто, и заблудившийся солнечный луч время от времени выхватывал в нем то блестящий глаз, то посеребренный ноготок.

Между стеной из солдатских копий и ютом было большое квадратное пространство — совершенно пустое, если не считать фундамента грузовой лебедки и еще кое-какого несъемного оборудования, и совершенно ровное, если не считать грот-люка, квадратная крышка которого выступала над белой дубовой палубой примерно на ладонь. Каждый угол большого квадрата был отмечен нарисованной углем дугой. Тот из про-

тивников, кто после начала поединка заступит за дугу, вскочит на поручень, схватится за такелаж или свалится за борт, считался проигравшим.

У носового угла квадрата, с левого борта, в черной рубахе и штанах в обтяжку, стоял Льюкин, так и не снявший с головы золотую эмблему в виде морской звезды. Рядом разместился его секундант — горбоносый капрал с «Акулы». В правой руке Льюкин держал сделанную из прочного дуба тяжеленную дубину длиной в человеческий рост и толщиной в руку Хисвет. Время от времени он поднимал ее над головой и начинал быстро вращать, так что слышалось глухое гудение. На губах у него блуждала жестокая улыбка.

В противоположном углу, рядом с дверью каюты, стоял Фафхрд со своим секундантом — первым помощником с «Карпа», обрюзгшим человеком с желтоватым лицом чуть мингольского типа. Мышелов не мог быть судьей и секундантом одновременно, а с помощником с «Карпа» друзья были знакомы давно, еще по Ланкмару, — они не раз проигрывали ему в кости, из чего следовало, что человек он, во всяком случае, изобретательный.

Фафхрд взял у него свою дубину и, держа ее двумя руками за конец, сделал в воздухе несколько

пробных взмахов, после чего отдал ее назад и снял куртку.

Увидев, что северянин держит дубину, словно это двуручный меч, солдаты Льюкина стали посмеиваться, но, когда Фафхрд обнажил свою мохнатую грудь, матросы «Каракатицы» приветствовали его громкими криками. Льюкин громогласно сказал своему секунданту:

— Ну, что я тебе говорил? Большая волосатая обезьяна, это уж точно.

Он снова покрутил дубиной в воздухе, но матросы неодобрительно зашумели.

— Странно, — вполголоса заметил Слинур. — Я думал, матросы будут за Льюкина.

Услышав эти слова, сержант Льюкина недоверчиво огляделся по сторонам. Мышелов лишь пожал плечами. Слинур продолжал:

— Если б матросы знали, что твой друг дерется на стороне крыс, они бы так его не подбадривали.

Мышелов лишь улыбнулся.

Снова прозвучал гонг.

Слинур поднялся и громко объявил:

— Бой на дубинах, без передышек! Командор Льюкин желает доказать наемнику сюзерена Фафхрду правоту своего мнения относительно

барышни из Ланкмара. Тот, кто упадет без чувств или окажется в безвыходном положении, считается проигравшим. Приготовиться!

Двое корабельных юнг обежали поле боя, посыпая его белым песком.

Садясь, Слинур сказал Мышелову:

— Холера бы взяла этот дурацкий поединок! Из-за него задерживаются наши действия против Хисвет и крыс. Зря Льюкин стал задирать варвара. Ладно, еще успеем после того, как он отвалтузит Фафхрда.

Мышелов удивленно поднял бровь. Слинур небрежно заметил:

— А ты что, сомневаешься? Льюкин победит, это точно.

Серьезно кивнув, сержант подтвердил:

— Командор у нас мастер по части дубины. Варвару тут делать нечего.

Гонг зазвучал в третий раз.

Льюкин шустро вскочил на крышку люка и воскликнул:

— Ну, мохнатая обезьяна! Приготовься дважды поцеловаться с дубом — сначала это будет моя дубина, потом палуба!

Неуклюже держа дубину, Фафхрд как-то косолапо вышел вперед и ответил:

— Из-за твоего плевка у меня разболелся левый глаз, но я и правым увижу, что нужно.

Льюкин легко бросился вперед, сделал вид, что целит в локоть и голову северянина, после чего быстро нанес низовой удар, пытаясь угодить противнику по ногам.

Фафхрд, мгновенно встав в правильную позицию и перехватив дубину как полагается, отразил удар и сделал молниеносный ответный выпад, целя Льюкину в челюсть.

Тот успел подставить дубину, так что оружие противника лишь скользнуло по его щеке, однако все же покачнулся, и Фафхрд тут же стал его теснить под радостные крики матросов.

Слинур и сержант изумленно вытаращили глаза, Мышелов же лишь сплел на коленях пальцы и пробормотал:

— Не так резво, Фафхрд.

Фафхрд уже занес дубину для решающего выпада, однако оступился, соскакивая с крышки люка, в результате чего удар пришелся не в голову, как он метил, а прошел низом. Льюкин подпрыгнул, перескакивая через дубину Фафхрда, и, находясь еще в воздухе, хватил северянина по макушке.

Моряки застонали. Солдаты зарычали от радости.

Удар Льюкина получился не из самых сильных, однако ошеломил Фафхрда, и теперь уже пришел его черед отступать от мелькавшей, как молния, дубины соперника. Несколько мгновений слышался лишь шорох мягких подошв по песку да быстрый мелодичный стук дерева о дерево.

Придя в себя, Фафхрд неожиданно обнаружил, что нагибается, уходя от коварного бокового удара. Оглянувшись назад, северянин понял: еще шаг — и он заступит за черную черту.

Мгновенно сориентировавшись, он выбросил дубину далеко назад и, оттолкнувшись ею от стенки каюты, кинулся вперед, подальше от роковой дуги, уворачиваясь от дубины Льюкина.

Матросы возбужденно зашумели. Судьи и офицеры на юте, словно игроки в кости, наклонились вперед, внимательно следя за развитием событий.

Между тем Фафхрд, не успев перехватить свою дубину, был вынужден защитить голову левой рукой. Он принял удар на локоть, и рука повисла плетью. Теперь ему действительно пришлось действовать своей дубиной как мечом, парируя выпады противника и нанося ответные удары.

Льюкин немного поумерил пыл и стал действовать осмотрительнее, так как прекрасно

понимал, что Фафхрд, действуя одной рукой, устанет быстрее, чем он. Теперь его тактика заключалась в том, чтобы нанести несколько быстрых ударов и тут же отступить.

С трудом отразив третью такую атаку, Фафхрд решился на отчаянный шаг: сжав конец дубины в кулаке, он ответил не боковым ударом, как обычно, а просто бросился всем телом вперед, выставив руку с оружием перед собой. Льюкин не успел отступить достаточно быстро перед столь нетрадиционным выпадом, и конец дубины Фафхрда погрузился ему прямо в солнечное сплетение.

Челюсть его отвисла, и он покачнулся. Фафхрд ловко выбил оружие у него из рук и, когда дубина упала на палубу, небрежным тычком свалил Льюкина с ног.

Матросы заверещали от восторга. Солдаты угрюмо заворчали, а один даже выкрикнул: «Нечестно!» Секундант склонился над поверженным Льюкином, сердито глядя на северянина. Помощник с «Карпа», грузно притоптывая, пляшущей походкой подскочил к Фафхрду и выхватил дубину у него из руки. Стоявшие на юте офицеры «Каракатицы» хранили мрачное молчание, однако представители других зерновозов выглядели

на удивление радостными. Мышелов вцепился в локоть Слинура и потребовал, чтобы тот объявил Фафхрда победителем, а сержант, нахмурившись, поднес руку к виску и пробормотал:

— Насколько я знаю, в правилах ничего нет…

В этот миг дверь каюты распахнулась и показалась Хисвет, в длинном платье из алого шелка с капюшоном.

Чувствуя приближение кульминации, Мышелов подскочил к правому борту, выхватил у матроса колотушку и ударил в гонг.

На «Каракатице» воцарилось молчание. Затем, когда люди увидели Хисвет, послышались удивленные возгласы и выкрики. Девушка поднесла к губам серебряный флажолет и в мечтательном танце стала медленно приближаться к Фафхрду, наигрывая завораживающую минорную мелодию из семи нот. Откуда-то ей аккомпанировали тонюсенькие колокольчики. Затем Хисвет свернула немного в сторону и стала обходить Фафхрда, глядя ему в лицо; когда же показалась ведомая девушкой процессия, возгласы из просто удивленных превратились в ошеломленные, а толпа матросов, насколько могла, подступила к юту, причем те, что сидели на мачте, начали пробираться туда по снастям.

А процессия состояла из одиннадцати белых крыс, которые гуськом шли на задних лапках и были одеты в алые мантии и шапочки. Первые четыре несли в передних лапках по связке маленьких серебряных колокольчиков и ритмично ими покачивали. Следующие пять несли на плечах сложенную вдвое блестящую серебряную цепочку и очень походили на матросов, которые тащат якорную цепь. Две последние держали в передних лапках по миниатюрному серебряному жезлу, высоко подняв при этом хвосты.

Первая четверка остановилась в ряд, повернувшись к Фафхрду и продолжая подыгрывать Хисвет на колокольчиках.

Следующие пять подошли прямо к правой ноге Фафхрда. Там шедшая первой крыса остановилась, подняв переднюю лапку, посмотрела в лицо северянина и трижды пискнула. Затем, зажав конец цепочки в одной лапке, она с помощью остальных трех принялась карабкаться по его сапогу. Остальные последовали за ней, и вся пятерка полезла по штанам и волосатой груди северянина.

Фафхрд смотрел на крыс в алых мантиях и цепь; лицо его было совершенно неподвижно, и, лишь когда маленькие лапки невольно чуть

пощипывали волосы у него на груди, он слегка морщился.

Первая крыса добралась до правого плеча Фафхрда и по спине перешла на левое. Остальные, не нарушая порядка и не выпуская цепочки из лапок, двигались следом.

Оказавшись у северянина на плечах, крысы очень ловко перекинули одну половинку цепочки через его голову. Он же неотрывно смотрел на Хисвет, которая, описав вокруг него окружность, стояла теперь позади крыс с колокольчиками и продолжала наигрывать.

Пять крыс отпустили цепь, и она сверкающим овалом повисла на груди у Фафхрда. Затем все они подняли высоко над головой свои алые шапочки.

Кто-то вдруг воскликнул:

— Победитель!

Крысы снова взмахнули в воздухе шапочками, и тут почти все матросы, солдаты и офицеры единодушно повторили:

— Победитель!

Пятерка крыс заставила присутствующих еще дважды поприветствовать Фафхрда, причем все слушались их, словно загипнотизированные, хотя было ли это следствием магических чар

или же просто восторга перед поведением крыс — сказать трудно.

Когда Хисвет закончила мелодию бодрым тушем, две крысы с серебряными жезлами двинулись в сторону юта и, остановившись у бизань-мачты, где их всем было видно, принялись колошматить друг друга, очень похоже имитируя поединок на дубинках; жезлы поблескивали в солнечных лучах и, ударяясь друг о друга, издавали нежный звон. На палубе послышались возбужденные голоса и смех. Пятерка крыс слезла с Фафхрда и вместе с теми, что играли на колокольчиках, разместилась у подола Хисвет. Мышелов и еще несколько офицеров, спрыгнув с юта, принялись наперебой пожимать северянину его здоровую руку и хлопать по спине. Солдатам с большим трудом удавалось сдерживать матросов, которые, толкаясь и напирая друг на друга, заключали пари относительно того, кто выйдет победителем в новой, уже шуточной схватке.

Поглаживая цепочку, Фафхрд заметил Мышелову:

— Очень странно, что матросы с самого начала были на моей стороне.

Улыбающийся Мышелов под шумок объяснил:

— Я роздал им деньги, чтобы они бились об

заклад с солдатами, что ты победишь. К тому же я кое о чем намекнул офицерам с других зерновозов и тоже одолжил им денег — чем больше у бойца болельщиков, тем лучше. Кроме того, я пустил слух, будто Белые Тени — это звери, натренированные для борьбы с обычными крысами, последнее изобретение Глипкерио для обеспечения безопасности зерновозов, и матросы с радостью проглотили эту чушь.

— Это ты крикнул, что я победитель? — осведомился Фафхрд.

Мышелов усмехнулся:

— Пристрастный судья? В цивилизованном поединке? Ты что! Я, конечно, был готов это сделать, но обошлось и без меня.

В этот миг Фафхрд почувствовал, что кто-то тихонько тянет его за штанину, и, посмотрев вниз, увидел, что черный котенок смело пробрался сквозь лес ног и теперь решительно карабкается. Тронутый еще одной данью уважения со стороны животного мира, Фафхрд, когда котенок добрался до его ремня, ласково прогудел:

— Решил помириться, а, чернушка?

В ответ на это котенок вспрыгнул ему на грудь, вонзил коготки в голое плечо Фафхрда и, сверкая очами, словно черный палач, до крови расца-

рапал ему челюсть, после чего, пробежав по головам изумленных матросов, прыгнул на грот и быстро полез вверх по надувшейся коричневой парусине. Кто-то швырнул в маленькое черное пятнышко кофель-нагелем, однако не попал, и котенок благополучно достиг топа мачты.

— Дьявол бы разодрал всех этих котов! — сердито закричал северянин, смачивая слюной разодранный подбородок. — Отныне мои любимые животные — это крысы.

— Мудрые речи приятно и слушать, — стоя в кружке восхищенных матросов, весело воскликнула Хисвет и добавила: — Я имею удовольствие пригласить вас и вашего собрата по оружию на ужин, который состоится у меня в каюте через час после заката. Таким образом, мы в точности выполним суровый наказ Слинура относительно того, чтобы я и Белые Тени находились под вашим неусыпным наблюдением.

Хисвет сыграла на своем серебряном флажолете короткий сигнал и в сопровождении девяти крыс скрылась в каюте. Две сражавшиеся на жезлах крысы в красных одеждах тут же бросили поединок, не определив победителя, и поспешили с палубы за хозяйкой сквозь толпу, которая в восхищении расступалась перед ними.

Быстро шагавший куда-то Слинур остановился и стал наблюдать. Шкипер «Каракатицы» был поставлен в тупик. За какие-то полчаса белые крысы превратились из жутких чудищ с ядовитыми зубами, угрожавших всему каравану, в популярных, смышленых и безвредных зверьков-клоунов, которых матросы «Каракатицы», похоже, считали теперь живыми талисманами. Слинур напряженно, но пока безуспешно пытался разобраться, как это случилось и почему.

Льюкин, все еще очень бледный, проследовал за последним из раздосадованных солдат (в их кошелях заметно поубавилось серебряных смердуков, из-за того что их уговорили держать пари на невыгодных условиях) в длинную шлюпку «Акулы», пройдя мимо Слинура как раз в тот момент, когда шкипер собрался с ним посоветоваться.

Слинур выпустил накопившееся раздражение, грубо велев матросам прекратить бесцельное шатание по палубе, и те охотно послушались его и разошлись по местам с дурацкими и счастливыми улыбками на губах. Проходившие мимо Мышелова подмигивали ему и как бы невзначай притрагивались к пряди волос, спускавшейся на лоб. «Каракатица» продолжала бодро бежать

на север в половине полета стрелы от «Тунца», но теперь она рассекала воду немного быстрее: западный ветер усилился и на бизань-мачте поставили парус. Весь караван настолько прибавил ходу, что шлюпка с «Акулы» никак не могла нагнать галеру, хотя Льюкин понукал гребцов не переставая, и в конце концов со шлюпки просигналили «Акуле», чтобы та подождала ее. Маневр дался галере нелегко, поскольку волнение разыгралось, и только к закату, идя на веслах и парусах, галера заняла свое место во главе каравана.

— Сегодня ночью Льюкин не станет слишком спешить на помощь «Каракатице», да и вряд ли сможет, — сказал Фафхрд Мышелову, когда они расположились у правого борта, ближе к грот-мачте.

Открытой ссоры между ними и Слинуром не произошло, однако друзья предпочли оставить шкипера на юте, где он, стоя подле рулевых, секретничал о чем-то со своими тремя офицерами, которые потеряли деньги, поставив на Льюкина, и теперь были всецело на стороне шкипера.

— Неужто ты думаешь, что сегодня ночью нам будет грозить эта опасность? — с тихим смешком отозвался Мышелов. — Мы ведь давно миновали Крысиные скалы.

Фафхрд пожал плечами и, нахмурясь, проговорил:

— Быть может, мы зашли чуть дальше, чем следовало бы, поддерживая крыс.

— Возможно, — не стал возражать Мышелов. — Но ведь ради их очаровательной хозяйки можно слегка и прилгнуть, и даже более того, — а, Фафхрд?

— Она отважная и милая девушка, — осторожно ответил северянин.

— И ее служанка тоже, — подхватил Мышелов. — Я видел, с каким восхищением смотрела на тебя Фрикс из дверей каюты, когда ты одержал победу. Роскошная девчонка. Некоторые мужчины в данном случае отдали бы предпочтение служанке — разве нет, Фафхрд?

Не глядя на Мышелова, северянин отрицательно покачал головой.

Мышелов смотрел на Фафхрда и раздумывал, стоит ли сделать северянину предложение, созревшее у него в мозгу. Он не был вполне уверен в искренности чувств, которые испытывал северянин к Хисвет. Он знал, что его друг по натуре достаточно сластолюбив и сокрушался накануне о том, что они не успели пофлиртовать в Ланкмаре. Однако он знал и о романтической

черточке в характере Фафхрда, которая порой была тоньше самой тонкой нити, а порой вырастала в шелковую ленту в лигу шириной, о которую могла запнуться и тем самым погубить себя целая армия.

На юте Слинур совещался с коком относительно (так решил Мышелов) ужина Хисвет (а значит, и его, и Фафхрда тоже). Мысль о том, что Слинуру приходится забивать себе голову развлечениями трех людей, оставивших его с носом, заставила Мышелова ухмыльнуться и подстрекнула решиться на сомнительный шаг, о котором он только что раздумывал.

— Фафхрд, — прошептал он, — давай сыграем в кости на то, кто из нас будет добиваться благосклонности Хисвет.

— Да ведь Хисвет еще совсем девочка… — с упреком в голосе начал было Фафхрд, но тут же осекся и в задумчивости закрыл глаза. Когда он их открыл, в них светилась добродушная улыбка. — Нет, — мягко сказал он, — я действительно считаю Хисвет настолько своенравной и причудливой, что от любого из нас потребуется немало усилий и хитрости, чтобы убедить ее в чем-либо. Да и кто знает, в конце концов? Играть в кости на благосклонность такой девушки — это все

равно что держать пари на то, когда расцветет ланкмарская ночная лилия и в какую сторону будет повернут ее цветок, на север или на юг.

Мышелов хмыкнул и, дружески ткнув Фафхрда пальцем под ребро, сказал:

— Узнаю своего проницательного и верного друга!

Фафхрд взглянул на Мышелова, и внезапно у него в голове зародилось черное подозрение.

— Не вздумай пытаться напоить меня сегодня вечером, — предупредил он, — или подсыпать мне в вино опиум.

— Но, Фафхрд, уж ты-то меня знаешь, — с добродушной укоризной ответствовал Мышелов.

— Вот именно, — язвительно отозвался Фафхрд.

И снова, вспыхнув изумрудом, солнце скрылось за горизонтом, высветив на миг кристально чистое небо на западе, однако таинственная туманная пелена, превратившаяся в сумерках в черную стену, продолжала двигаться параллельно каравану, примерно в лиге к востоку.

С криком «Моя баранина!» мимо друзей в сторону камбуза пронесся кок, оттуда доносился восхитительно пряный аромат.

— У нас еще есть час времени, — заметил Мы-

шелов. — Пойдем, Фафхрд. По дороге на «Каракатицу» я захватил в «Серебряном угре» кувшинчик квармаллийского. Он все еще не откупорен.

Откуда-то сверху, из переплетения снастей, зашипел черный котенок — то ли грозя, то ли о чем-то предостерегая.

5

Два часа спустя барышня Хисвет сказала Мышелову:

— Готова отдать золотой рильк, только бы узнать, о чем вы думаете, воин.

Немного откинувшись назад, она снова сидела на опущенной подвесной койке. У кровати стоял длинный стол, уставленный соблазнительными яствами и высокими серебряными кубками. Фафхрд сидел напротив Хисвет, при этом пустые клетки находились у него за спиной, а Мышелов занял место у кормового торца стола. Прислуживала всем Фрикс: стоя у двери, она брала у камбузного мальчишки очередное блюдо, даже не глядя, что в нем лежит. В каюте была небольшая жаровня, чтобы подогревать кушанья, которые должны подаваться горячими; каждое яство Фрикс сначала пробовала, потом отставляла на какое-то время в сторону. Толстые темно-розовые свечи в серебряном шандале отбрасывали неяркий свет.

Белые крысы довольно беспорядочно сгрудились перед собственным столиком, который стоял на полу у стены, между койкой и дверью,

позади люка в полу, ведшего в зерновой трюм. Они были одеты в распахнутые на груди черные курточки, перепоясанные крошечными черными же поясами. Грызуны, казалось, не столько ели, сколько играли с кусочками пищи, которые Фрикс бросала на несколько маленьких серебряных подносов; кубки с подкрашенной вином водой они не поднимали, а просто время от времени лениво лакали из них. Одна или две крысы по очереди взбирались на постель и садились рядом с Хисвет, так что сосчитать их было довольно затруднительно даже для Фафхрда с его острым зрением. У него все время выходило то одиннадцать, то десять. Иногда одна из крыс становилась у коленей Хисвет на задние лапки и начинала что-то чирикать. По интонации это так походило на человеческую речь, что Фафхрд и Мышелов не могли удержаться от смеха.

— Задумчивый воин, я готова отдать два золотых рилька, чтобы узнать, о чем вы размышляете, — увеличивая ставку, проговорила Хисвет. — И самым нескромным образом я готова поставить еще рильк на то, что мысли ваши обо мне.

Улыбнувшись, Мышелов вздернул брови. Он ощущал туман в голове, а также некоторую

неловкость, поскольку, вопреки своему намерению, пил гораздо больше Фафхрда. Фрикс только что подала главное блюдо: великолепное тушеное мясо, приправленное острым желтоватым соусом с пряностями, поверх которого черными маслинами было выложено слово «Победитель». Фафхрд решительно, но без жадности принялся за него, Мышелов ел ленивее, тогда как Хисвет весь вечер чуть притрагивалась к еде.

— Я возьму у вас два рилька, белая принцесса, — беззаботно отозвался Мышелов. — Один мне понадобится, чтобы заплатить вам за пари, которое вы только что у меня выиграли, а второй — чтобы отдать вам, если вы скажете, что именно я о вас думаю.

— Мой второй рильк у вас не залежится, воин, — весело отозвалась Хисвет, — поскольку, думая обо мне, вы смотрели не на мое лицо, а несколько неучтиво направили взор ниже. Вы размышляли о мерзких подозрениях, которые выразил сегодня Льюкин насчет моего тайного второго «я». Сознайтесь, ведь так оно и было!

Мышелов лишь чуть понурил голову и беспомощно пожал плечами — девушка отгадала его мысли. Рассмеявшись, Хисвет нахмурилась в притворном гневе и проговорила:

— У вас весьма неделикатный склад ума, воин. Однако вы по крайней мере видите, что Фрикс хоть и принадлежит к млекопитающим, но спереди нимало не похожа на крысу.

Это утверждение было совершенно справедливо: служанка Хисвет выставила напоказ всю свою смуглую бархатистую кожу, за исключением тех мест, где ее стройное тело было перетянуто узкими шелковыми шарфами, то есть на груди и бедрах. Ее черные волосы туго стягивала серебряная сетка, на запястьях позвякивали гладкие браслеты из того же металла. Но, несмотря на наряд рабыни, Фрикс в этот вечер выглядела скорее как дама-наперсница, умело играющая роль рабыни и обслуживающая всех с безупречной, но какой-то шуточной и вовсе не приниженной покорностью.

Хисвет, напротив, была одета как обычно, то есть в длинное шелковое, на сей раз черное платье, отороченное белыми кружевами; так же отделанный капюшон был откинут назад. Ее серебристые волосы лежали высокими гладкими волнами. Глядя на девушку через стол, Фафхрд заметил:

— Я уверен, что барышня останется одинаково прекрасной, в каком бы виде она ни решила

явить себя миру — человеческом или каком-либо ином.

— Сказано весьма галантно, воин, — ответила Хисвет с каким-то сдавленным смешком. — За это тебе следует от меня награда. Поди сюда, Фрикс.

Стройная служанка склонилась над своей госпожой, и Хисвет, обвив белыми руками ее смуглую талию, запечатлела на губах Фрикс нежный поцелуй. Затем, подняв голову, она легонько стукнула Фрикс по плечу, и та, обойдя стол и склонившись теперь уже над Фафхрдом, подарила ему точно такое же лобзанье. Северянин изящно, без излишней горячности принял дар, но, когда Фрикс хотела было отойти, слегка продлил поцелуй, а отпустив наконец девушку, быстро пояснил:

— Небольшая добавка, при случае ее можно вернуть по назначению.

Фрикс кокетливо улыбнулась и подошла к столику у двери со словами:

— Прежде я должна нарезать крысам мясо, противный варвар.

Хисвет же принялась рассуждать:

— Не требуй слишком многого, отважный воин. Это была всего лишь небольшая, переданная через посланца награда за учтивые речи. Награ-

да одних губ за слова, произнесенные другими губами. А награда за то, что ты одолел Льюкина и защитил мою честь, — дело куда как более серьезное, так просто оно не решается. Я поразмыслю над этим.

В этот миг Мышелову захотелось сказать что-нибудь этакое, однако его затуманенный мозг отказывался подыскать какую-нибудь ядреную, но вместе с тем любезную остроту. Поэтому он ограничился тем, что окликнул Фрикс:

— Зачем тебе резать крысам мясо, смуглая озорница? Было бы очень забавно посмотреть, как они кромсают его сами.

Фрикс в ответ лишь сморщила носик, но Хисвет серьезно объяснила:

— Хорошо резать умеет только Скви. Остальные могут пораниться, тем более что мясо плавает в скользком соусе. Фрикс, оставь один кусочек для Скви, чтобы он показал, на что способен. А остальное наруби помельче. Скви! — тоненьким голоском позвала она. — Скви! Скви!

Большая крыса забралась на постель и покорно встала перед хозяйкой, скрестив передние лапки на груди. Хисвет дала ей соответствующие распоряжения, после чего, достав из стоявшей у нее за спиной шкатулки крошечные нож, точильный

брусок и вилку в строенных ножнах, аккуратно привязала их крысе к поясу. Скви низко поклонился и соскочил вниз, к крысиному столу.

Мышелов с изумлением наблюдал за сценкой, но голова у него стала тяжелой, веки начали слипаться, словно он подпал под действие каких-то чар. По каюте задвигались неясные тени, иногда вдруг Скви становился ростом с Хисвет — а может, это Хисвет уменьшалась до размеров Скви. А потом и Мышелов сделался таким же маленьким, как Скви, и, бросившись под кровать, упал в какую-то дыру с покатым желобом, который вынес его не в трюм, полный вкуснейшего зерна в мешках и насыпью, а в чудное низкое пространство подземной столицы крыс, полутемной, освещенной лишь фосфором, где крысы в плащах и длинных платьях с капюшонами, скрывавшими их удлиненные морды, совершали таинственные перемещения, где за каждым углом гремели крысиные клинки и звенели крысиные монеты, где сладострастные девки-крысы, одетые в меха, плясали за деньги, где сновали крысы-шпионы и крысы-соглядатаи в масках, где каждая мохнатая тварь раболепно признавала господство сверхъестественно могущественного Совета Тринадцати и где крыса-Мышелов бродил

в поисках стройной крысы-принцессы по имени Хисвет из рода Хисвинов… От своего обеденного сна Мышелов пробудился внезапно. С трудом собрав мысли, он подумал, что почему-то выпил гораздо больше, чем намеревался. Он увидел, что Скви уже вернулся к крысиному столику и стоит перед желтым кусочком мяса, положенным Фрикс на блюдо. Под любопытными взорами остальных крыс Скви одним махом вытащил из ножен нож и точильный брусок. Встряхнувшись как следует, Мышелов проснулся окончательно и проговорил:

— Ах, если б я был крысой, белая принцесса, чтобы иметь возможность подойти поближе, прислуживая вам!

Барышня Хисвет воскликнула:

— Вот это была бы награда! — и восторженно рассмеялась, демонстрируя, как показалось Мышелову, острый розовый язычок с голубым пятном и такой же расцветки нёбо. Затем, погрустнев, она продолжала: — Поосторожней с желаниями, они порой исполняются, — но тут же весело закончила: — Как бы то ни было, сказано весьма учтиво, о храбрый воин. Я должна вас отблагодарить. Фрикс, сядь сюда, справа от меня.

Мышелову было не видно, что между ними про-

исходит: фигура Хисвет, с капюшоном на плечах, почти полностью закрывала от него Фрикс, однако веселые глазки служанки смотрели прямо на него через плечо ее госпожи и сверкали, словно черный шелк. Казалось, Хисвет что-то шепчет ей на ухо, шутливо тыкаясь в него губами.

Между тем в каюте послышалось тонюсенькое вжиканье — Скви начал быстро точить нож. Сидевший в дальнем конце стола Мышелов с трудом различал лапки крысы и едва заметное сверкание металла. Ему очень хотелось встать и получше разглядеть такое чудо — а может, заодно подсмотреть, чем там занимаются Хисвет и Фрикс, — однако его сковало сонное оцепенение, причиной которого было то ли вино, то ли слишком долгое ожидание чувственных утех, то ли просто магия.

Его заботило лишь одно: что Фафхрд выступит с еще более удачным комплиментом, настолько удачным, что Фрикс будет снова послана к нему. Но вскоре Мышелов увидел, что подбородок северянина свесился ему на грудь, и вместе с серебристым вжиканьем до его ушей донеслось похрапывание друга.

Первой реакцией Мышелова было нехорошее облегчение. Со злорадством вспомнил он былые

времена, когда ему доводилось резвиться с нежными и веселыми девушками под храп своего пьяного друга. Должно быть, Фафхрду все же удалось как-то незаметно нарезаться!

Фрикс подскочила и громко захихикала. Хисвет продолжала что-то шептать ей на ухо, а служанка, время от времени прыская от смеха, не спускала озорных глаз с Мышелова.

Со слабым щелчком Скви вложил точильный брусок в ножны, выхватил вилку, вонзил ее в покрытый желтым соусом кусочек мяса, который по размерам был для него что добрый ломоть жаркого для человека, и ловко принялся орудовать ножом.

Получив от Хисвет легкий толчок, Фрикс наконец встала и начала обходить стол, не переставая улыбаться Мышелову.

Скви поднял вверх тонюсенький кусочек баранины на вилке, повертел его так и сяк, чтобы все успели разглядеть, и, поднеся к мордочке, принялся его обнюхивать.

Сквозь дрему Мышелов внезапно ощутил укол тревоги. Ему пришло в голову, что Фафхрду просто неоткуда было взять столько вина. К тому же последние два часа он все время находился на виду у Мышелова. Хотя, конечно, удары по голове

порой дают о себе знать не сразу.

Но когда Фрикс остановилась подле Фафхрда, наклонилась и заглянула в его опущенное вниз лицо, Мышелов не ощутил ничего, кроме злобной ревности.

Внезапно, издав возмущенный и вместе с тем гневный писк, Скви поспешно взобрался на постель, все еще держа в лапках нож и вилку с нанизанным на нее кусочком баранины.

Из-под полуприкрытых век, которые наливались свинцом все сильнее и сильнее, Мышелов видел, как Скви, размахивая своими крошечными столовыми приборами и необычайно выразительно попискивая, объяснил Хисвет нечто драматичное, после чего с сердитым визгом поднес к ее губам кусочек баранины.

В этот миг Мышелов сквозь крысиные голоса услышал топот тяжелых шагов, приближающихся к каюте. Он хотел было обратить на них внимание Хисвет, но обнаружил, что губы и язык отказываются ему повиноваться.

Внезапно Фрикс, схватив Фафхрда за волосы, запрокинула его голову вверх. Челюсть северянина отвисла, глаза закатились.

В каюту тихонько постучали — точно так же стучал камбузный мальчишка, принося очеред-

ную перемену блюд.

Хисвет и Фрикс обменялись молниеносными взглядами. Отпустив голову Фафхрда, служанка кинулась к двери, задвинула засов, заперла его на цепочку (окошечко было уже закрыто), и сразу же что-то тяжелое (судя по звуку, мужское плечо) глухо ударило в толстые доски.

Удары не прекращались, а вскоре стали значительно более увесистыми, словно в прогибавшуюся каждый раз дверь били запасным рангоутным деревом, как тараном.

До Мышелова, отчасти против его воли, наконец дошло: происходит нечто требующее его вмешательства. Собравшись с силами, он попытался сбросить оцепенение и встать на ноги.

Однако оказалось, что он не может пошевелить даже пальцем. В сущности, он был в состоянии лишь держать глаза приоткрытыми и сквозь ресницы наблюдать за вихрем беззвучных действий Хисвет, Фрикс и крыс.

Фрикс придвинула сервировочный столик к трясущейся двери и начала нагромождать на него другие предметы меблировки.

Хисвет достала из-за кровати несколько темных длинных шкатулок и начала поочередно их открывать. Белые крысы стали проворно разбирать

из них миниатюрное оружие из вороненой стали: мечи, копья и даже зловещего вида арбалеты и колчаны со стрелами. В результате они набрали гораздо больше оружия, чем им самим было надо. Скви быстро натянул на голову шлем с черным пером. Вокруг шкатулок копошилось ровно десять крыс — это Мышелов сосчитал точно.

В самой середине двери появилась трещина. Фрикс отскочила от нее к люку у правого борта и подняла крышку. Хисвет бросилась на пол и сунула голову в квадратную черную дыру.

В движениях обеих женщин было нечто неприятно звериное. Быть может, дело было просто в тесноте каюты да низком потолке, однако Мышелову показалось, что двигаются они в основном на четвереньках.

Время от времени Фафхрд отрывал подбородок от груди, но голова его тут же падала назад, и он продолжал храпеть.

Хисвет вскочила на ноги и махнула десяти белым крысам. Ведомые Скви, они бросились к люку, раз-другой блеснула вороненая сталь, где-то звякнуло копье о меч, и в мгновение ока грызуны скрылись в трюме. Фрикс схватила какое-то черное одеяние из занавешенной ниши. Хисвет взяла ее за руку и, заставив девушку

спуститься в люк первой, тут же последовала за ней. Прежде чем опустить крышку, она в последний раз осмотрела каюту. Когда ее красноватые глаза остановились на миг на Мышелове, ему показалось, будто лоб и щеки девушки покрыты шелковистой белой шерстью, однако это могло объясняться тем, что сквозь ресницы он видел все расплывчато, а также ее собственными волосами, в беспорядке прилипшими к лицу.

Дверь каюты раскололась, и в каюту въехала толстенная мачта, которая тут же перевернула стол, и стоявшая на нем мебель разлетелась в разные стороны. Вслед за мачтой в каюту ввалились трое несколько испуганных матросов, за ними вошли Слинур, державший в опущенной руке абордажную саблю, и его звездочет (то есть штурман) с арбалетом на взводе.

Пройдя немного вперед, Слинур быстро и внимательно огляделся, после чего заявил:

— Наше мясо с маковым соусом уложило двух обалдевших от вожделения жуликов Глипкерио, но Хисвет с этой ее юной нимфой скрылись. Крыс в клетках нет. Ищите, ребята! Звездочет, прикрой нас!

Поначалу опасливо, потом все более уверенно матросы принялись обыскивать каюту: они

переворошили пустые шкатулки, сдернули покрывала и матрас с подвесной койки и подняли ее вверх, чтобы посмотреть, нет ли чего под ней, отодвинули от стен рундуки, вскрыли те, что были заперты, вывалили из ниши весь гардероб Хисвет.

Мышелов снова предпринял отчаянную попытку пошевелиться и что-нибудь сказать, однако удалось ему лишь чуть шире приоткрыть глаза. На него случайно налетел один из матросов, и он беспомощно перевесился через ручку кресла, однако не упал. Фафхрд, получив толчок в спину, рухнул лицом прямо в блюдо тушеных слив и, по инерции раскинув руки, опрокинул несколько кубков и смахнул со стола пару тарелок.

Звездочет нацеливал арбалет в каждое новое обследуемое место. Слинур, орлиным взором оглядывая все вокруг, подцепил концом сабли несколько шелковых тряпок, потом опрокинул крысиный стол и принялся его разглядывать.

— Вот твари, пировали, словно люди, — произнес он с отвращением. — Им и мясо подавали. Чтоб они подавились!

— Скорее всего, они-то и учуяли зелье, несмотря на острые приправы, и предупредили женщин, — заметил звездочет. — Крысы могут унюхать

любой яд.

Когда стало очевидно, что ни девушек, ни крыс в каюте нет, Слинур в ярости и тревоге закричал:

— На палубу они выскользнуть не могли — отдушины задраены, да и наверху у нас стоит охрана. Помощник с несколькими людьми прочесывает кормовой трюм. Разве что через окна…

Мышелов услышал, как одно из кормовых окон открылось и послышался голос одного из офицеров «Каракатицы»:

— Здесь никого не было. Где они, капитан?

— Спроси кого поумнее, — кисло отозвался Слинур. — Здесь их точно нет.

— Вот если бы заговорили эти двое, — высказал пожелание звездочет, указывая на Мышелова и Фафхрда.

— Увы, — угрюмо ответил Слинур. — Да и все равно они соврали бы. Прикрой меня у люка левого борта. Я подниму крышку и поговорю с помощником.

В этот миг на палубе раздался топот, и в каюту через пролом вошел первый помощник с окровавленным лицом, волоча за собой матроса, из щеки у которого торчало нечто вроде тонкой иголки.

— Почему ты оставил трюм? — спросил Сли-

нур у первого. — Ты должен быть внизу вместе с отрядом.

— Крысы устроили на нас засаду по пути в кормовой трюм, — выдохнул помощник. — Каждая белая вела за собой несколько дюжин черных, некоторые были вооружены на людской манер. Одна залезла на бимс и едва не выколола мне мечом глаз. Две другие подпрыгнули и разбили наш фонарь. Двигаться дальше в темноте было просто безумием. В моем отряде вряд ли найдется человек без укусов или порезов. Я оставил людей охранять проход в трюм. Они твердят, что их раны отравлены, и хотят заколотить люк.

— Чудовищное малодушие! — возопил Слинур. — Вы испортили мне ловушку, в которой они все должны были погибнуть. Теперь все будет гораздо труднее. Ах, трусы несчастные! Испугались крыс!

— Говорю же, они были вооружены! — запротестовал помощник и, выставив вперед матроса, добавил: — Вот мое доказательство с копьецом в щеке.

— Не надо его вытаскивать, капитан, прошу вас, — принялся умолять матрос, когда Слинур подошел поближе, чтобы рассмотреть его щеку. — Оно тоже отравлено, я уверен.

— Стой спокойно, парень, — приказал Слинур. — И убери руки, я держу эту штуку крепко. Кончик совсем неглубоко. Я проткну его вперед и выведу наружу, чтобы зазубрины не цеплялись. Помощник, подержи-ка ему руки. Не крути головой, сынок, а то будет еще больнее. Если оно отравлено, его тем более нужно вытащить. Вот так!

Матрос взвизгнул. По его щеке потекла струйка крови.

— Вот уж поистине скверная иголка, — заметил Слинур, разглядывая окровавленный кончик крошечного копья. — Но яда, кажется, не видать. Помощник, осторожно отломи древко, а остальное вытяни вперед.

— А вот еще доказательство не из приятных, — сказал звездочет, копавшийся в разбросанных вещах, и протянул Слинуру крошечный арбалет.

Слинур взял арбалет у него из рук. В тусклом свете свечи он отливал голубоватым, глаза же шкипера с черными кругами под ними были похожи на агаты.

— Вот ведь злыдни! — вскричал он. — Наверное, даже неплохо, что вы попали в засаду. Теперь все будут снова ненавидеть и бояться крыс, как и подобает морякам зерновоза. А сейчас вам

следует по-быстрому расправиться с крысами на «Каракатице» и тем самым искупить свою преступную глупость, когда вы рукоплескали крысам и подбадривали их, совращенные с пути истинного этой девицей в алом и подкупленные Мышеловом — человеком, которому явно следовало бы дать другое имя.

Мышелов, все еще парализованный и слипающимися глазами наблюдавший за Слинуром, вынужден был признать уместность последнего замечания.

— Прежде всего, — продолжал Слинур, — вытащите этих двух жуликов на палубу. Привяжите их к мачте или поручням. Я не хочу, чтобы они угробили мою победу, когда придут в себя.

— Может, мне открыть люк и выпустить стрелу-другую в кормовой трюм? — предложил неугомонный звездочет.

— Ничего лучшего ты не мог придумать? — поинтересовался Слинур.

— Я, пожалуй, подзову гонгом галеру и зажгу красный сигнальный огонь, — предложил помощник.

Несколько мгновений помолчав, шкипер ответил:

— Не надо. «Каракатица» должна в бою смыть

с себя сегодняшний позор. К тому же Льюкин — человек шалый и, в общем-то, неумеха. Пусть это останется между нами, господа, но правда есть правда.

— Все же мы чувствовали бы себя спокойнее с галерой под боком, — попробовал настоять на своем помощник. — Крысы, может, уже сейчас грызут нам борта.

— Это вряд ли — ведь внизу их королева, — отозвался Слинур. — Нас спасет лишь быстрота, а не корабли под боком. А теперь слушайте внимательно. Охраняйте все выходы из трюма. Ни под каким видом не открывайте люки. Поднимите всех свободных от вахты. Пусть у каждого будет оружие. Всем до единого собраться на палубе. А теперь пошевеливайтесь!

Мышелов предпочел бы, чтобы Слинур произнес последнее слово с меньшей горячностью: два матроса мгновенно схватили его за лодыжки и с сугубым рвением потащили из развороченной каюты на палубу так, что голова его только подпрыгивала. Правда, ударов он не ощущал, а только слышал.

На западе небо было сплошь усеяно звездами, на востоке над пеленой тумана висела редкая дымка, сквозь которую светил месяц, похожий на

призрачную, неправильной формы лампу. Ветер немного утих, и «Каракатица» плавно скользила по волнам.

Один из матросов прислонил Мышелова к грот-мачте, лицом к корме. Другой принялся опутывать его веревкой. Когда Мышелов был привязан к мачте в положении смирно, он почувствовал, что в горле у него защекотало, а язык начинает оживать, однако решил пока молчать. Слинур был в таком настроении, что мог повелеть вставить ему в рот кляп.

Вскоре Мышелова ждало новое развлечение: он наблюдал, как четверо матросов вытаскивают из каюты Фафхрда и привязывают его к поручням левого борта — горизонтально, головой к корме. Зрелище было довольно комичным, тем более что северянин не переставал при этом храпеть.

Матросы начали понемногу собираться на палубе; некоторые были бледны и молчаливы, однако большинство переговаривались вполголоса. Копья и абордажные сабли придали им смелости. Кое у кого в руках были сети и острозубые рогатины. С большим мясницким ножом явился кок и принялся поигрывать им перед носом у Мышелова:

— Ну что, чуть не помер от восхищения перед

моим снотворным мясом?

Между тем Мышелов обнаружил, что уже может шевелить пальцами. Никому не пришло в голову обезоружить его, однако Кошачий Коготь висел, к сожалению, слишком высоко на левом боку, и Мышелов не мог не только вытащить его из ножен, но даже прикоснуться к нему. Перебирая пальцами подол своей туники, он вдруг нащупал сквозь материю небольшой предмет круглой формы, который был с одного края тоньше, чем с другого. Зажав через ткань его толстый край, он принялся царапать острым ребром тунику изнутри.

Слинур вместе с офицерами вышел из каюты и тихонько начал отдавать приказания матросам, немного отступившим к корме. До Мышелова донеслось:

— Кто обнаружит Хисвет или ее служанку, пусть убьет не раздумывая. Это не женщины, а оборотни, если не хуже. — Что еще говорил шкипер, Мышелов не разобрал, лишь услышал последнее распоряжение: — Каждая группа пусть стоит прямо под люком, через который войдет. Как только услышите боцманскую дудку — вперед!

Последнее слово не произвело должного эф-

фекта: послышался тоненький звон тетивы, и профос, вскрикнув, схватился за глаз. Матросы засуетились и принялись тыкать саблями в маленькое белое пятнышко, бросившееся от них наутек. На какой-то миг на поручне правого борта появилась белая крыса с арбалетом в передних лапках, которая четким силуэтом вырисовывалась на фоне пронизанного лунным светом тумана. Но тут зазвенела тетива, стрела, выпущенная звездочетом из арбалета, угодила — быть может, случайно — прямо в крысу, и та свалилась за борт.

— Ребята, это была белая! — вскричал Слинур. — Хороший знак!

Вскоре суета утихла, когда выяснилось, что профос ранен не в глаз, а рядом, и вооруженные группы разошлись: одна в каюту, две мимо грот-мачты в сторону носа; на палубе осталась лишь неукомплектованная партия из четырех человек.

Ткань, которую процарапывал Мышелов, разошлась, он чрезвычайно осторожно вытащил через дырку железный тик (самую мелкую ланкмарскую монету), заточенный с одной стороны до остроты бритвы, и принялся потихоньку перерезать им ближайшую веревку. Он с надеждой

взглянул на Фафхрда, но голова северянина по-прежнему безвольно свешивалась вниз.

Где-то вдалеке засвистала боцманская дудка; через десяток вздохов свист повторился уже ближе. Затем послышалось несколько приглушенных возгласов, кто-то дважды вскрикнул, что-то снизу ударило по палубе, и мимо Мышелова пронесся матрос, размахивая сетью с пищавшей в ней крысой.

Мышелов на ощупь удостоверился, что с первым витком веревки почти покончено. Оставив несколько прядей, он перешел ко второму витку, ловко изогнув кисть.

Внезапно палубу потряс взрыв и резкой болью отдался у Мышелова в ступнях. Он не стал раздумывать о его причинах и продолжал перерезать веревку острой монетой. Остававшиеся на палубе матросы завопили; один из рулевых бросился к носу, другой остался у весла. Почему-то звякнул гонг, хотя рядом с ним никого не было.

Из трюма «Каракатицы» начали выскакивать матросы, обезумевшие от страха, некоторые без оружия. Они бессмысленно кружили по судну. Мышелов услышал, как стоявшие к носу от гротмачты шлюпки поволокли к борту. Человечек в сером понял, что матросам внизу досталось: на

них налетели батальоны черных крыс, их сбивали с толку ложные сигналы боцманской дудки, из каждого угла их резали и кололи, пронзали крошечными стрелами, двоим, должно быть, попали прямо в глаз. А закончилась их вылазка вот чем: когда матросы добрались до трюма, где зерно лежало насыпью, в воздухе стояла густая пыль, которую, бегая по куче, подняли крысы, и Фрикс бросила туда огонь, в результате чего произошел взрыв, разметавший команду, однако пожар на судне, к счастью, не вспыхнул.

Вместе с охваченными паникой матросами на палубе появилась еще одна группа, замеченная только Мышеловом, — вереница черных крыс, сохраняя спокойствие и порядок, полезла мимо него на грот-мачту. Мышелов стоял и взвешивал, стоит ли ему предупредить об этом команду «Каракатицы», прекрасно понимая, что не поставит и тика за то, что ему удастся выжить, когда доведенные до истерики матросы примутся рубить вокруг него крыс.

Как бы то ни было, но промолчать его заставил Скви, взобравшийся ему на плечо. Придерживаясь лапкой за прядь его волос, крыса появилась прямо у Мышелова перед лицом и уставилась ему в левый глаз своими глазками-пуговками,

голубевшими под серебряным шлемом с черным пером. Затем она прикоснулась бледной лапкой к губам, между которыми торчали изогнутые зубы, явно призывая к молчанию, после чего постучала по висевшему у нее на боку маленькому мечу и красноречивым жестом провела лапкой по горлу. После этого Скви скрылся в тени за ухом у Мышелова — по-видимому, для того, чтобы наблюдать за выгнанными из трюма матросами, командовать своим войском, а также чтобы находиться поближе к яремной вене Мышелова. Тот тем временем продолжал действовать заточенной монетой.

На корму прибежал звездочет с тремя матросами, у каждого было по два белых фонаря. Скви залез поглубже в щель между мачтой и Мышеловом, но при этом коснулся плоскостью меча его шеи — в качестве напоминания. Мышелов вспомнил поцелуй Хисвет. Звездочет, увидя его, нахмурился, обогнул мачту и принялся вместе с матросами развешивать фонари на бизань-мачте, грузовом кране и ближе к юту, всякий раз споря, куда именно повесить очередной фонарь. Тонким голосом он лепетал что-то о том, что свет — это прекрасное средство обороны и контрнаступления, потом понес какую-то чушь относительно

световых окопов и палисадов и уже хотел было послать матросов за новыми фонарями, но тут из каюты выскочил Слинур с залитым кровью лбом и принялся оглядываться вокруг.

— Держитесь, ребята! — хрипло заорал он. — На палубе пока что хозяева мы. Аккуратненько спускайте шлюпки, ребята, они нам понадобятся, чтобы доставить сюда солдат. Запалите красный фонарь! Эй, вы там, бейте в гонг тревогу!

— Гонг упал за борт, — отозвался кто-то. — Тросы, на которых он висел, перегрызены!

И в этот миг с востока поползли клубы густого тумана, которые в мгновение ока окутали «Каракатицу» мертвенным лунным серебром. Какой-то матрос застонал. Это был странный туман, — казалось, он не приглушает, а делает еще ярче свет луны и принесенных звездочетом фонарей. Цвета сделались сочными, а между тем за бортами «Каракатицы» вскоре не стало видно ничего, кроме белых стен тумана.

Слинур приказал:

— Повесить запасной гонг! Кок, давай сюда свои самые большие котлы, горшки, крышки — все, во что можно бить тревогу!

Послышались два тяжелых всплеска: шлюпки «Каракатицы» коснулись воды.

Из каюты донесся чей-то отчаянный вопль.

Затем произошли сразу две вещи одновременно. Грот отделился от мачты и медленно опустился на воду справа по борту, похожий на купол собора, снесенный ураганом, — все снасти, которыми он крепился, были перегрызены или перепилены крошечными мечами. Он темным пятном качался на волнах, гик перекинулся на другой борт. «Каракатица» накренилась.

В то же самое время из каюты выплеснулась лавина черных крыс, которые стали прыгать через гакаборт. Они бросались на людей, уже находившихся в воде; некоторые тут же оказывались на кончиках копий, но другие яростно впивались в нос или горло ближайшему матросу.

Матросы бросились к шлюпкам, крысы прыгали им на спину, хватали их зубами за пятки. Офицеры стали отступать вместе с командой. Толпа обезумевших людей увлекла за собой и Слинура, который молил матросов держаться. Скви с мечом в лапке вскочил Мышелову на плечо, что-то тоненько пропищал, подбадривая свое бесстрашное воинство, и спрыгнул вниз вслед за арьергардом. Четыре белые крысы, вооруженные арбалетами, пристроились у основания крана и принялись весьма умело взводить тетиву, заря-

жать и стрелять.

Послышались всплески — сначала два, потом три, потом с полдюжины одновременно, — перемежаемые отчаянными криками. Мышелов повернул голову и краешком глаза увидел, как последние два матроса «Каракатицы» прыгают за борт. Повернув голову еще чуть-чуть, он разглядел Слинура, который, прижав к груди двух досаждавших ему крыс, последовал за матросами. Четыре белых мохнатых арбалетчика оставили кран и бросились на нос, где заняли новые позиции для стрельбы. К небу взметнулись хриплые человеческие вопли и тут же стихли. На «Каракатицу», словно туман, наползла тишина, лишь изредка прерываемая знакомым писком.

Мышелов повернул голову к корме и увидел, что перед ним стоит Хисвет. От шеи до локтей и колен ее плотно облегал черный кожаный костюм, в котором она больше походила на стройного мальчика, голову украшал черный кожаный шлем, закрывавший виски и щеки и похожий на серебряный шишак Скви, белые волосы были собраны на затылке в хвост, заменявший ей плюмаж. На левом бедре висели ножны с тонким кинжалом.

— Милый мой, милый воин, — мягко сказала

она, улыбаясь маленьким ртом, — хоть вы меня не оставили. — Вытянув вперед руку, она хотела было коснуться пальцами его щеки, но вдруг, словно только что увидела веревку, отдернула руку и проговорила: — Связан! Это следует исправить.

— Был бы чрезвычайно признателен вам, белая принцесса, — покорно произнес Мышелов, однако продолжал действовать заточенной монетой, которая хотя слегка и притупилась, но уже почти наполовину перерезала третий виток веревки.

— Это следует исправить, — рассеянно повторила Хисвет, устремив взор за спину Мышелова. — Но мои пальцы слишком нежны и неумелы, с такими крепкими узлами мне не справиться. Вас освободит Фрикс. А я должна выслушать на корме доклад Скви. Скви-скви-скви!

Она повернулась и направилась к корме, и Мышелов увидел, что ее волосы продеты в обрамленное серебряным кольцом отверстие на затылке шлема. Мимо Мышелова пробежал Скви; поравнявшись с Хисвет, он занял позицию справа и чуть позади девушки, положил лапку на рукоять меча, высоко поднял голову и стал похож на главнокомандующего, стоящего рядом с императрицей.

Принявшись снова перепиливать третий виток веревки, Мышелов взглянул на привязанного к поручням Фафхрда и увидел, что на шее у северянина сидит котенок со вздыбленной шерсткой и медленно царапает ему щеку когтями, однако тот продолжает звучно храпеть. Через несколько мгновений котенок нагнул голову и укусил Фафхрда за ухо. Северянин жалобно застонал и тут же опять захрапел. Котенок снова принялся за его щеку. Мимо пробежали белая и черная крысы, и котенок мяукнул — тихо, но зловеще. Крысы на мгновение замерли и бросились на корму, по всей видимости спеша доложить об этом безобразии Скви или Хисвет.

Мышелов уже собрался было разорвать свои путы, но в этот миг появились четыре белых арбалетчика, тащившие за собой медную клетку с перепуганными пищащими вьюрками, которую Мышелов видел раньше в кубрике команды. Снова устроившись подле крана, они начали стрельбу по птицам. Выпуская трепещущих пернатых по одному, они сбивали их влет меткими выстрелами и на расстоянии в пять-шесть ярдов ни разу не промахнулись. Раз или два один из арбалетчиков бросал на Мышелова внимательный взгляд и многозначительно прикасался к

кончику стрелы.

С юта по трапу спустилась Фрикс. Теперь она была одета так же, как ее хозяйка, с той лишь разницей, что вместо шлема на голове у нее была серебряная сетка для волос. Серебряные же браслеты с запястий исчезли.

— Госпожа Фрикс! — высоким голосом, почти весело позвал Мышелов.

Как нужно разговаривать на захваченном крысами судне, он не знал, но решил, что фальцет — именно то, что требуется.

Служанка подошла, улыбаясь, и проговорила:

— Лучше просто Фрикс. Госпожа звучит слишком уж официально.

— Пусть будет Фрикс, — не стал возражать Мышелов. — Послушайте, не могли бы вы по пути прогнать котенка с моего одурманенного друга? Он может выцарапать ему глаз.

Фрикс искоса взглянула на северянина, продолжая приближаться к Мышелову.

— Я никогда не вмешиваюсь в удовольствия и страдания других, тем более что порой трудно отличить одно от другого, — подойдя поближе, сообщила она. — Я только выполняю указания своей госпожи. Сейчас она попросила передать вам, чтобы вы были терпеливы и не унывали.

Скоро ваши злоключения закончатся. А это она посылает вам на память.

С этими словами Фрикс нежно поцеловала Мышелова сначала в один глаз, потом в другой.

Мышелов заметил:

— Такими поцелуями зеленая жрица Джила запечатывает глаза тем, кто оставляет этот мир.

— В самом деле? — ласково осведомилась Фрикс.

— Ага, — чуть вздрогнув, ответил Мышелов и оживленно продолжил: — А теперь развяжите-ка эти узлы, Фрикс, это приказ вашей госпожи. А потом я взгляну на Фафхрда, и мы с вами, возможно, поцелуемся по-настоящему.

— Я выполняю лишь те указания госпожи, которые исходят непосредственно из ее уст, — немного печально покачала головой Фрикс. — Насчет узлов она ничего мне не говорила. Однако я уверена, что вскоре она велит мне вас освободить.

— Несомненно, — несколько угрюмо согласился Мышелов, который, пока Фрикс за ним наблюдала, перестал пилить веревку монетой.

Он подумал, что если ему удастся одним рывком разорвать три первых витка, то остальные он сможет скинуть в течение вполне приемлемого числа ударов сердца.

Словно услышав их разговор, Хисвет легко спустилась с юта и подошла к Мышелову и Фрикс.

— Милая госпожа, прикажете развязать этого воина? — спросила не раздумывая Фрикс, словно желала услышать положительный ответ.

— Воином я займусь сама, — поспешно ответила Хисвет. — Ступай на ют, Фрикс, наблюдай и слушай, не появился ли мой отец. Что-то он нынче задерживается.

Фрикс ушла, а Хисвет велела белым арбалетчикам, которые как раз прикончили последнего вьюрка, тоже отправляться на ют.

6

После ухода Фрикс Хисвет десятка два биений сердца смотрела на Мышелова, чуть хмурясь и пристально глядя ему в лицо своими глазами с красноватой радужкой.

Потом со вздохом сказала:

— Ах, как бы мне хотелось быть уверенной!

— Уверенной в чем, ваше белое высочество? — осведомился Мышелов.

— В том, что вы искренне любите меня, — ответила она мягко и просто, словно Мышелов знал точный ответ на этот вопрос. — Многие мужчины — да и женщины тоже, и демоны, и звери — говорили, что искренне любят меня, но я-то думаю, что никто из них не любил меня ради меня самой (за исключением Фрикс, которая счастлива быть моей тенью). На самом деле они любили меня, потому что я молода и богата, потому что я — ланкмарская барышня, очень умна, имею богатого отца, наделена властью, поскольку связана кровным родством с крысами, что является признаком могущества не только в Невоне. Любите ли вы меня и вправду ради меня самой, Серый Мышелов?

— Я искренне люблю вас, о принцесса теней, — без колебаний ответил Мышелов. — Люблю вас ради вас самой, Хисвет. Я люблю вас крепче, чем кого-либо в Невоне, да и в других мирах, на небесах и в преисподней тоже.

В этот миг Фафхрд, которого котенок царапнул особенно сильно, издал невероятно жалобный стон, закончившийся на ужасной высокой ноте, и Мышелов невольно воскликнул:

— Милая принцесса, сперва прогоните этого кота-оборотня от моего могучего друга, а то я боюсь, что он выцарапает ему глаз или вовсе погубит, а потом мы станем говорить о нашей великой любви хоть до скончания вечности.

— Вот об этом-то я и говорю, — с ласковым упреком в голосе отозвалась Хисвет. — Если бы вы искренне любили меня ради меня самой, вы и пальцем не пошевелили бы, даже если б ваш ближайший друг, ваша жена, мать или ребенок подвергался у вас на глазах смертным мукам, а я тем временем смотрела бы на вас и касалась бы вас кончиками пальцев. Чувствуя мои поцелуи на своих устах, чувствуя, что мои изящные руки ласкают вас, что вся я стремлюсь к вам, вы должны были бы наблюдать, как кот выцарапывает глаза и грозит гибелью вашему могучему другу

— а может, и как крысы сжирают его заживо, — и ощущать при этом совершеннейшую радость. Я мало к чему прикасалась в этом мире, Серый Мышелов. Я ни разу в жизни не прикоснулась к мужчине, демону мужского пола или к более или менее крупному самцу зверя, разве что через посредство Фрикс. Не забывайте об этом, Серый Мышелов.

— Ну разумеется, нежный свет моей жизни! — с воодушевлением ответил Мышелов, уверенный, что перед ним — типичный случай умопомешательства на почве самовлюбленности, тем более что он сам не был полностью свободен от этой мании и потому прекрасно знал все ее признаки. — Да пусть этот варвар истечет кровью! Пусть этот кот выцарапает ему оба глаза! Пусть крысы пируют на нем, пока от его тела не останутся одни кости! Какое это имеет значение, если мы будем одаривать друг друга нежными словами и ласками, беседовать друг с другом посредством наших тел и душ!

Произнося эту тираду, Мышелов снова принялся яростно пилить веревку затупившейся монетой, не обращая внимания на устремленные на него глаза Хисвет. Ему было приятно чувствовать на боку Кошачий Коготь.

— Это речи моего искреннего Мышелова, — с притворной нежностью проговорила Хисвет, проведя ладонью так близко от щеки Мышелова, что он даже ощутил легкий ветерок. Затем она повернулась и позвала: — Эй, Фрикс! Пришли ко мне Скви и белую роту! И пусть каждая приведет с собой по две черные сестры, по собственному выбору. У меня есть для них награда, нечто особенное. Скви! Скви-скви-скви!

Что случилось в следующий миг, сказать трудно, но только Фрикс, послав в туман радостный возглас, закричала:

— Черный парус! О благословенная барышня, это ваш отец!

И сразу же из жемчужного тумана справа по борту вынырнула похожая на акулий плавник верхняя часть черного треугольного паруса, который двигался параллельно «Каракатице», за ее лежавшим на воде коричневым гротом. Два абордажных крюка вонзились в поручни правого борта, и черный парус тут же заполоскал. Подбежавшая Фрикс закрепила к поручням между крючьями верхний конец веревочного трапа, брошенного с черного тендера (Мышелов понял, что к ним приблизилось именно это зловещее судно).

Спустя несколько мгновений через поручни ловко перелез поднявшийся по трапу старый ланкмарец, весь затянутый в черную кожу; на левом плече у него, придерживаясь передней лапкой за отворот черной кожаной шляпы, сидела белая крыса. За ним на борт проворно взобрались два тощих лысых мингола с желто-коричневыми лицами, напоминавшими высохший лимон; у каждого на плече сидело по крупной черной крысе, держащейся лапкой за желтое ухо хозяина.

Именно в этот миг Фафхрд внезапно издал громкий стон и, открыв глаза, завопил голосом человека, одурманенного опиумом:

— Миллион черных обезьян! Заберите его от меня, слышите? Этот черный демон меня терзает! Заберите его!

На это черный котенок ответил по-своему: он встал на все четыре лапы, поднял свою злющую мордочку и тяпнул северянина за нос. Не обращая на Фафхрда внимания, Хисвет вскинула в приветственном жесте руку и чистым голосом воскликнула:

— Приветствую тебя, мой отец и товарищ по оружию! Приветствую и тебя, несравненный крысиный капитан Григ! Вы захватили «Устри-

цу», я — «Каракатицу», и этой же ночью, после того как я закончу одно небольшое дельце, мы станем свидетелями гибели всего каравана! И тогда Моварл останется в одиночестве, минголы перейдут через Зыбучие земли, Глипкерио будет смещен, и Ланкмаром станут править крысы под моим и твоим началом!

Мышелов, который не переставая пилил веревку, случайно взглянул в этот миг на мордочку Скви. Крошечный белый командир, прибежавший с юта на зов Хисвет вместе с восемью подчиненными, двое из которых были перевязаны, бросил на Хисвет молчаливый взгляд, в котором читалось сильное сомнение в справедливости ее хвастливых слов относительно того, что крысы будут править Ланкмаром под ее руководством.

У Хисвина, отца Хисвет, был длинный нос и сморщенное лицо с недельной давности седой щетиной; ходил он мелкими шаркающими шажками, сильно согнувшись, однако весьма проворно.

На хвастливую речь дочери он лишь раздраженно махнул рукой в черной перчатке и недовольно поцокал языком, после чего принялся кругами семенить по палубе, в то время как минголы продолжали стоять у трапа. Обойдя Фа-

фхрда с его черным мучителем, затем Мышелова и неодобрительно цокнув языком, он остановился напротив Хисвет и быстро, рассерженно проговорил, переминаясь с ноги на ногу и все больше наклоняясь вперед:

— Не ночь, а полнейшая неразбериха! Ты увиваешься вокруг связанных мужчин — я знаю, не спорь! Луна светит слишком ярко! (Астрологу всю печенку выдеру!) «Акула», словно полоумный кальмар, мечется где-то в тумане! Над волнами носится какой-то черный пузырь без огней! И прежде чем мы вас отыскали, к нам подплыло громадное морское чудище с тарабарским демоном на голове и стало нас нюхать, будто хотело пожрать, но нам удалось от него уйти! Дочь, ты вместе со служанкой и своим маленьким народцем должна немедленно перейти на тендер, предварительно умерщвив этих двоих и оставив команду грызунов для затопления «Каракатицы»!

— Да, для жатопления «Каракатиши»!

Мышелов мог поклясться, что крыса на плече Хисвина вдруг зашепелявила по-ланкмарски.

— Затопить «Каракатицу»? — удивилась Хисвет. — Мы же собирались довести ее до Илтхмара с мингольской командой на борту и там продать

груз.

— Наши планы изменились! — бросил Хисвин. — Послушай, дочь, если мы через сорок вздохов не покинем это судно, «Акула», которой некуда девать свою дурацкую энергию, протаранит его, а может, чудовище со своим разряженным, как клоун, погонщиком сожрет нас всех, пока мы тут будем дрейфовать. Отдай приказание Скви, а потом перережь-ка этим двум балбесам горло. И поторапливайся!

— Но, папочка! — возразила Хисвет. — У меня насчет их были совсем другие планы. Их ждала не смерть, вернее, не совсем смерть. Нечто гораздо более художественное, даже ласковое…

— Даю тебе по тридцать вздохов на каждого, прежде чем ты с ними покончишь! — решил Хисвин. — Можешь помучить их тридцать вздохов, но не дольше, имей в виду! Знаю я твои затеи!

— Папочка, ну зачем же ты так! Перед новыми друзьями… почему ты вечно выставляешь меня перед людьми в дурном свете? Я этого больше не вынесу!

— Болтовня все это! Ты суетишься и выпендриваешься еще больше, чем твоя крыса-мать.

— Но мне этого не вынести, говорю я тебе! На сей раз мы для разнообразия сделаем по-моему!

— Тсс! — зашипел Хисвин и, нагнувшись еще ниже, приложил ладонь к левому уху.

Белая крыса Григ, сидя у него на плече, повторила жест хозяина.

Из тумана едва слышно донеслась какая-то тарабарщина:

— Gottverdammter Nebel! Freunde, wo sind Sie?[5]

— Косноязычный клоун! — со страхом воскликнул Хисвин. — Чудовище сейчас будет здесь! Давай-ка, дочь, берись поскорее за кинжал и убей их, иначе я велю расправиться с ними своим минголам!

Ужаснувшись столь омерзительной перспективе, Хисвет воздела руки к небу. Ее гордая головка буквально склонилась перед неизбежным.

— Я сделаю это, — сказала она. — Скви, дай мне твой арбалет. И заряди его серебром.

Белый предводитель крыс, скрестив передние лапки на груди, пропищал что-то просительным тоном.

— Нет, тебе я его не отдам, — отрезала Хисвет. — И другого тоже. Теперь они оба мои.

Скви снова что-то прощебетал.

— Ладно, маленького черненького твой наро-

---

[5] Примечания: 5

Проклятый туман! Где вы, друзья? (Очевидно, в этот момент у Карла Тройхерца не было под рукой его словаря.) (*Примеч. авт.*)

дец может забрать себе. А теперь быстро давай арбалет, или я тебя прокляну! И не забудь гладкую серебряную стрелу.

Отошедший к минголам Хисвин вновь засеменил по палубе, брызжа слюной. Подлетевшая с улыбкой Фрикс положила ему ладонь на плечо, но он сердито стряхнул ее.

Скви торопливо копался в своем колчане. Восемь его сотоварищей, угрожающе ворча, двинулись в сторону Фафхрда.

Сам же Фафхрд, с залитым кровью лицом, но наконец-таки ясными глазами, оглядывался по сторонам, оценивая свое отчаянное положение; укус за нос помог ему избавиться от остатков макового дурмана.

И тут из тумана снова донеслись непонятные слова:

— Gottverdammter Nirgendswelt![6]

Налитые кровью глаза Фафхрда расширились и сверкнули внезапным озарением. Напрягшись изо всех сил, он набрал в грудь побольше воздуха и заорал:

— Хрр-юпс! Хрр-юпс!

И сразу в тумане прозвучало троекратно, вся-

---

[6] Примечания: 6
Проклятый нигдешний мир! (*нем.*)

кий раз все громче и громче:

— Хрюпс! Хрюпс! Хрюпс!

Белые крысы уже двигались назад по палубе, волоча распластанного на спине и злобно рычащего черного котенка: шестеро держали его за лапы и уши, седьмая безуспешно пыталась справиться с молотящим во все стороны хвостом, восьмая хромала сзади на трех лапах — четвертая лапа была парализована глубоким кошачьим укусом.

Изо всех уголков судна стали стекаться черные крысы, желавшие понаблюдать, как будет предан пыткам их извечный враг, и вскоре вся палуба оказалась сплошь покрытой их мясистыми черными телами.

Хисвин прокричал минголам какое-то приказание, и оба обнажили кривые кинжалы. Один из них двинулся к Фафхрду, другой к Мышелову. Из-за крыс ног их не было видно.

Скви вывалил все стрелы на палубу. Взяв одну из них, казавшуюся более светлой, он зарядил ею арбалет и поспешно протянул его своей хозяйке. Та взяла оружие в правую руку и нацелила его на Фафхрда, но в этот миг мингол, двигавшийся в сторону Мышелова, загородил ей цель. Хисвет перекинула арбалет в другую руку, правой вы-

хватила кинжал и бросилась вперед, стараясь опередить мингола.

Между тем Мышелов одним рывком разорвал три витка веревки. Хотя другие петли еще держали его за лодыжки и горло, он выдернул из ножен Кошачий Коготь и полоснул им мингола как раз в тот миг, когда Хисвет оттолкнула желтолицего в сторону.

Кинжал рассек бледную щеку девушки от подбородка до носа.

Другой мингол, уже поднесший свой крис к глотке Мышелова, внезапно выронил его и покатился назад по палубе, распугивая черных крыс.

— Хрюпс!

Из пронизанного лунными лучами тумана вынырнула драконья голова и повисла над левым бортом как раз в том месте, где был привязан Фафхрд. С громадных зубов на северянина стекали нити густой слюны.

Словно исполинский чертик на пружинке, голова с красной пастью качнулась вниз и заскребла нижней челюстью по дубовой палубе, проделывая в толпе грызунов брешь шириной в три крысы. Зубы с хрустом сомкнулись на кучке пищащих грызунов в нескольких дюймах от головы мингола, который все еще катился по

палубе. Затем голова запрокинулась к небу, и по зеленовато-желтой шее поползло вниз жуткое вздутие.

Но когда она замерла перед следующим броском, то показалась просто миниатюрной по сравнению с возникшей из тумана второй головой дракона, которая была вчетверо больше и венчалась чем-то красным, оранжевым и пурпурным (на первый взгляд создавалось впечатление, что наездник составляет с ней неразрывное целое). Словно голова отца всех драконов, она величественно подалась вперед и, проделав в полчище черных крыс брешь вдвое шире, чем первая, прихватила напоследок двух белых грызунов, двигавшихся за распластанным черным котенком.

Проделав все это, она остановилась столь внезапно — скорее всего, чтобы не заглотить и котенка, — что ее многоцветный седок, безуспешно размахивавший своим стрекалом, кубарем скатился вниз, пролетел мимо грот-мачты и, сбив с ног мингола, уже занесшего над Мышеловом кинжал, врезался спиной в правый борт.

Белые крысы отпустили котенка, и тот в мгновение ока вскарабкался на мачту.

Две зеленые головы, крайне изголодавшиеся,

поскольку после Крысиных скал им пришлось два дня сидеть на скудной рыбной диете, принялись методически очищать палубу «Каракатицы» от крыс, стараясь по возможности не задевать при этом людей. И сбившиеся в кучки крысы не предпринимали практически ничего, чтобы избежать этого безжалостного истребления. Возможно, в своем стремлении к мировому господству они стали достаточно цивилизованными и похожими на людей, чтобы испытывать чувство безысходности и ледяной паники, и научились у людей стойко держаться перед лицом неминуемой гибели. А может, они приняли разверстые драконьи пасти за пучины войны и ада, в которые им волей-неволей предстояло броситься. Как бы то ни было, но они гибли дюжинами. В пасти к драконам попали и все белые крысы, за исключением трех.

Между тем люди на борту «Каракатицы» очень по-разному реагировали на столь внезапный поворот событий.

Старый Хисвин погрозил кулаком большой голове и плюнул ей в морду, когда после первого чудовищного глотка она приблизилась к нему, словно пытаясь решить, что это за черная закорючка перед ней — то ли очень странный человек

(тьфу!), то ли очень крупная крыса (ням-ням!). Однако, поскольку мерзкая харя продолжала принюхиваться, Хисвин проворно, словно в собственную постель, перекатился через поручни и, стуча зубами от страха, стал спускаться по трапу, а Григ изо всех силенок вцепился ему в черный кожаный воротник.

Оба мингола быстренько поднялись с палубы и кинулись за хозяином, клянясь при первой же своей мингольской возможности вернуться домой, в холодные степи.

Фафхрд и Карл Тройхерц наблюдали за свалкой каждый со своего борта — один, связанный веревками, другой, скованный невероятным удивлением.

Скви и белая крыса по имени Сисс, пробежав по головам своих сбившихся в кучу и таких апатичных теперь черных собратьев, вскочили на поручень правого борта и оглянулись. Сисс в ужасе зажмурился. Однако Скви, в лихо сдвинутом на левый глаз шлеме с черным пером, погрозил своим крошечным мечом и что-то вызывающе пропищал.

Фрикс подбежала к Хисвет и потащила ее к правому борту. Когда девушки подбежали к трапу, Скви, увлекая за собой Сисса, быстро соскользнул

вниз, чтобы дать пройти своей повелительнице. В этот миг Хисвет, словно грезя наяву, медленно обернулась. Меньшая голова дракона потянулась к ней со зловредным выражением на морде. Фрикс, широко раскинув руки и улыбаясь, преградила ей дорогу, словно танцовщица, вышедшая к публике на поклон. Движение получилось резким и на вид даже агрессивным, и голова, клацнув зубами, отодвинулась в сторону. Обе девушки быстро перемахнули через поручни.

Хисвет снова обернулась — на щеке у нее алел шрам от Кошачьего Когтя — и направила арбалет на Мышелова. В воздухе мелькнул серебристый просверк. Хисвет швырнула арбалет в черные волны и полезла по трапу вниз вслед за Фрикс. Абордажные крючья слетели с борта «Каракатицы» прочь, полоскавшийся черный парус наполнился ветром, и черный тендер скрылся в тумане.

Мышелов почувствовал в левом виске легкий укол, но тут же забыл о нем, яростно распутывая остатки веревки. Затем он, не обращая внимания на зеленые головы, лениво выискивавшие последние лакомые кусочки, бросился к борту и перерезал путы Фафхрда.

Остаток ночи оба искателя приключений бе-

седовали с Карлом Тройхерцем, обмениваясь с ним невероятными сведениями о своих мирах, а наевшаяся до отвала дочь Сциллы медленно кружила вокруг «Каракатицы», причем ее головы спали поочередно. Беседа шла медленно и трудно, несмотря даже на помощь ланкмарско-немецкого и немецко-ланкмарского словарика для путешествующих по времени и пространству, и ни один из собеседников не очень-то верил в рассказываемые ему байки, однако во имя дружбы все делали вид, что принимают их за чистую монету.

— Неужто у вас в будущем все носят такую классную одежду? — поинтересовался между делом Фафхрд, восхищенный оранжево-фиолетовым нарядом немца.

— Нет, это Гагенбек ради рекламы одевает так всех своих служащих, — пояснил Карл Тройхерц.

Перед рассветом туман рассеялся, и в серебристом свете закатной луны друзья увидели на фоне морских волн черный корабль Карла Тройхерца, паривший с зажженными огнями в полете стрелы к западу от «Каракатицы».

Немец издал радостный вопль, подозвал свое сонное чудище, постучав стрекалом по борту, вскочил на большую голову и, воскликнув: «Auf

Widersehen!» — поплыл прочь.

За ночь Фафхрд выучил тарабарский вполне достаточно для того, чтобы понять, что это означает «До встречи!».

Когда чудовище с немцем подплыли под свой корабль, тот опустился и каким-то образом принял их на борт, после чего мгновенно пропал из виду.

— Он устремился по бескрайним водам к пузырю Карла Тройхерца, — уверенно заявил Мышелов. — Клянусь Нингом и Шильбой, этот немец — чародей что надо!

Фафхрд сморгнул, нахмурился и пожал плечами.

Черный котенок потерся о его ногу. Фафхрд ласково взял его, поднес к лицу и проговорил:

— Интересно, киска, не из кошачьей ли ты Чертовой Дюжины? А может, они просто послали тебя, чтобы ты в нужный момент меня разбудил?

Котенок с важностью улыбнулся в жестоко покусанное и исцарапанное лицо северянина и замурлыкал.

Над водами Внутреннего моря вставал прозрачный рассвет. Сначала показались две шлюпки с «Каракатицы», битком набитые матросами;

сидевший на кормовой банке одной из них удрученный Слинур, узнав Фафхрда и Серого Мышелова, встал на ноги. Затем друзья разглядели галеру «Акула» и три других зерновоза — «Тунца», «Карпа» и «Морского окуня» и на горизонте, далеко к северу, зеленые паруса двух драккаров Моварла.

Откинув левой рукой волосы со лба, Мышелов ощутил под пальцами небольшую шишку. Он понял, что там засела гладкая серебряная стрела Хисвет.

7

Снедаемый жаждой и любовным томлением, Фафхрд проснулся и сразу догадался, что уже далеко за полдень. Он в общих чертах помнил, где находится и что с ним произошло, однако события конца прошлого дня вырисовывались покамест довольно туманно. Северянин находился в положении человека, который стоит на клочке земли среди высящихся в отдалении горных пиков, но не знает из-за низко стелющегося тумана, что находится между ним и горами.

Он находился в лесистом Кварч-Наре, главном из Восьми так называемых Городов — ей-же-ей, ни один из них и в подметки не годился Ланкмару, единственному месту на Внутреннем море, которое по праву могло считаться городом. А в данный миг северянин лежал в своей комнате, помещавшейся в несуразном и низком, но вместе с тем довольно уютном деревянном дворце Моварла. Четыре дня назад вместе с грузом леса, взятым на борт расчетливым Слинуром, Мышелов ушел на «Каракатице» в Ланкмар, чтобы доложить Глипкерио о благополучной доставке четырех пятых посланного зерна, коварном

предательстве Хисвина и Хисвет и вообще обо всем этом сумасшедшем рейсе. Фафхрд, однако же, предпочел остаться на время в Кварч-Наре — ему тут было весело, главным образом потому, что он познакомился с некой любвеобильной и хорошенькой забавницей по имени Гренлет.

Фафхрд лежал на уютной постели, но почему-то чувствовал себя несколько скованно — наверное, не разулся или даже не разделся, а может, даже не снял пояс с топором, лезвие которого, по счастью спрятанное в толстые кожаные ножны, впивалось теперь ему в бок. Но вместе с тем у Фафхрда было ощущение, что он одержал славную победу, — какую, он не помнил, но все равно было приятно.

Не открывая глаз и не сдвинув ни одну часть тела даже на толщину истертой ланкмарской монеты, Фафхрд попытался сориентироваться. Слева, в пределах досягаемости, на крепко сколоченном ночном столике должна стоять вместительная оловянная фляга с легким вином. Он даже вроде бы чувствовал его прохладный аромат. Отлично.

Справа, еще ближе, чем фляга, — Гренлет. Фафхрд ощущал излучаемое ею тепло и слышал храп девушки, надо сказать, довольно громкий.

Но вот была ли это именно Гренлет? И только ли Гренлет? Накануне вечером, прежде чем северянин отправился поиграть, она была крайне весела и даже обещала познакомить его со своей рыжеволосой и пылкой сестрой из Уул-Хруспа, где они держали множество скота. Может быть, и она?.. Как бы то ни было, тоже хорошо, даже еще лучше.

А вот под пухлыми пуховыми подушками… Ага, вот почему он чувствует себя таким счастливым! Вчера вечером он обобрал их всех до нитки — до последнего золотого ланкмарского рилька, до последнего золотого кварнарского гронта, до последней золотой монеты, отчеканенной в Восточных землях, Квармалле и где угодно. Точно, теперь он вспомнил: он обставил их всех, причем в простую игру «шесть-семь», в которой банкомет выигрывает, если ставит в банк столько же монет, сколько играющий держит в кулаке. А эти болваны из Восьми Городов прибегали просто к детской уловке: старались сделать кулак побольше, когда держали в нем шесть монет, и сжимали покрепче, когда монет было семь. Да, он вывернул их карманы и кошельки наизнанку, а под конец поставил четверть своего выигрыша против маленького оловянного свистка со странной

гравировкой, который якобы обладал магическими свойствами, — и выиграл его тоже! А потом он распрощался с ними и ушел — счастливый, нагруженный золотом, словно галеон, — ушел в постель к Гренлет. Но была ли там Гренлет? Трудно сказать.

Фафхрд позволил себе один сиплый зевок. Что еще нужно человеку для счастья? Слева вино. Справа — красивая девушка, вернее, даже две; из-под одеяла крепко и приятно пахло фермой, а что может быть сочнее рыжеволосой дочки фермера (или скотовода)? А вот под подушками… Фафхрд с наслаждением покрутил головой и хоть и не почувствовал затылком толстенького мешочка с золотыми — слишком много было толстых подушек, — но представил его очень отчетливо.

Он попытался вспомнить, что его заставило под конец сделать столь опрометчивую ставку. Какой-то бахвал с бородой колечками заявил, что у него есть маленький оловянный свисток, доставшийся ему от ворожеи, с помощью которого можно вызвать тринадцать весьма полезных тварей… это напомнило ему о ворожее, которая очень давно рассказывала про то, что все животные имеют Чертову Дюжину правителей… и ему захотелось подарить этот свисток Серому

Мышелову, который всегда был неравнодушен ко всяким магическим штучкам… — да, так оно и было!

Не открывая глаз, Фафхрд лежал и восстанавливал в памяти ход событий. Внезапно он наудачу вытянул левую руку, сжал пальцы на горлышке фляги — она даже запотела! — осушил половину — нектар! — и поставил сосуд на место.

Затем правой рукой он погладил девушку — Гренлет или ее сестру? — от плеча до бедра.

Под рукой северянин ощутил короткую щетину, а ее обладательница, почувствовав любовное прикосновение, замычала.

Вытаращив глаза, Фафхрд рывком сел в постели, и сразу же солнечный свет, лившийся сквозь небольшие открытые окна, затопил его желтизной и высветил чудные деревянные панели ручной полировки, которыми была обшита комната, играя на арабесках их текстуры. Рядом с северянином, на таком же количестве мягких подушек, лежала, по-видимому чем-то опоенная, толстая, длинноухая, рыжеватая телка с розовыми ноздрями. Внезапно Фафхрд почувствовал, что его сапог упирается в копыто, и поспешно отдернул ногу. Рядом с телкой не было ни девушки, ни даже еще одной телки — вообще никого.

Он сунул правую руку под подушку. Пальцы нащупали знакомый, прошитый двойным стежком кожаный кошель, однако был он не туго набит золотом — если, конечно, не считать тоненького оловянного свистка, — а плоским, как сархеенмарский блин из пресного теста.

Фафхрд резко откинул одеяло, так что оно на миг вздулось, словно парус, оборванный шквалом. Сунув отощавший кошель за пояс, он выскочил из кровати, схватил свой двуручный меч в мохнатых ножнах, намереваясь воспользоваться им в качестве дубинки, и бросился сквозь тяжелые двойные шторы в дверь, остановившись лишь на миг, дабы не дать пропасть вину.

Несмотря на охватившее его бешенство, Фафхрд, поспешно допивая флягу, вынужден был признать, что в известном смысле Гренлет поступила с ним честно: его партнерша по постели была женского пола, рыжая, родом, бесспорно, с фермы и отличалась — для телки — вполне привлекательной внешностью, а в ее тревожном мычании проскальзывали нежные нотки.

Общий зал был еще одним чудом из полированного дерева — в королевстве Моварла, очень молодом, главным богатством был лес. В раскрытые окна заглядывали зеленые ветви деревьев.

Со стен и потолков смотрели барельефы фантастических демонов и крылатых девушек-воинов. Тут и там к стенам были прислонены красиво отполированные луки и копья. Широкие двери вели во двор, где в зеленой тени листвы нетерпеливо переступал ногами гнедой жеребец. В городе Кварч-Нар могучих деревьев было раз в двадцать больше, чем домов.

В зале расположились человек двенадцать, одетых в зеленое и коричневое, — они пили вино, играли в настольные игры и беседовали. Это были крепкие чернобородые молодцы, каждый ростом чуть ниже Фафхрда.

Северянин сразу заметил, что они очень смахивают на типов, которых он накануне вечером обобрал до нитки. И тут, кипя от ярости и подогретый только что выпитым вином, он не сдержался и совершил роковую неучтивость.

— Где это воровское отродье Гренлет? — заорал он, потрясая над головой мечом. — Она украла из-под подушки весь мой выигрыш!

Молодцы, как один, вскочили на ноги и схватились за рукоятки мечей. Самый кряжистый из них шагнул к Фафхрду и ледяным тоном осведомился:

— Ты что, варвар, хочешь сказать, что благород-

ная девица из Кварч-Нара делит с тобой ложе?

Фафхрд сразу понял, какую страшную ошибку он допустил. О его связи с Гренлет было известно всем, но никогда не упоминалось вслух: мужчины Восьми Городов почитают своих женщин и позволяют им заниматься любыми беспутствами. Но горе тому чужеземцу, который заговорит об этом.

Однако Фафхрд все еще находился во власти безудержного гнева.

— Благородная? — вскричал он. — Да это ж врунья и шлюха! Ее руки, словно две белые змеи, тянутся под одеялом не к мужской плоти, а к золоту! И к сему этому сия пастушка похоти пасет свое стадо у меня в постели!

Дюжина мечей с лязгом вылетела из ножен. К Фафхрду вернулась способность соображать, но, похоже, слишком поздно. У него оставалась лишь одна возможность остаться в живых. Парируя на ходу мечом поспешные удары Моварла, он бросился к двери, пересек двор, вскочил верхом на гнедого и с места пустил его в галоп.

Когда подковы жеребца начали высекать искры из узкой и кремнистой лесной дороги, Фафхрд рискнул оглянуться и был вознагражден видом своей желтоволосой Гренлет, которая,

безудержно хохоча, высунулась в одной сорочке из верхнего окна.

Но тут у него над головой злобно запели стрелы, и Фафхрд принялся выжимать из гнедого все, на что тот был способен. Проскакав лиги три по петляющей дороге, что идет сквозь густой лес на восток вдоль побережья Внутреннего моря, он решил, что все случившееся было уловкой, которую придумали вместе с Гренлет обыгранные им молодцы, дабы вернуть свое золото, — а кто-то из них, возможно, возвратил себе и возлюбленную, — и что стрелы были специально выпущены мимо цели.

Он остановил жеребца и прислушался. Погони не было. Что и требовалось доказать.

Но возврата назад не было тоже. Даже сам Моварл вряд ли сумел бы защитить Фафхрда после того, что тот сболтнул относительно дамы.

Между Кварч-Наром и Клелг-Наром не было ни одного порта. Получалось, что ему придется проскакать весь этот отрезок пути, стараясь не встретиться с минголами, осадившими Клелг-Нар, если он хочет вернуться в Ланкмар и получить свою долю награды за благополучную доставку в порт всех зерновозов, за исключением «Устрицы». Это было крайне досадно.

Но ненависти к Гренлет северянин не испытывал. Жеребец казался крепким, у седла болтались объемистая сумка с провизией и солидная фляга с вином. Вдобавок жеребец своей мастью несколько напоминал ту самую телку. Шутка грубая, но неплохая.

К тому же он не мог отрицать, что в постели Гренлет была восхитительна — «коровка» что надо, стройная и большая затейница.

Сунув руку в свой похожий на блин кошель, Фафхрд извлек из него оловянный свисток — единственный кварч-нарский трофей, если не считать воспоминаний. На одном боку свистка виднелась вереница непонятных букв, на другом было изображено лежащее животное из семейства кошачьих. Фафхрд покачал головой и ухмыльнулся. Надо ж было напиться и свалять такого дурака! Северянин хотел было выбросить свисток, но вспомнил о Мышелове и сунул вещицу назад в кошель.

Тронув каблуками коня, Фафхрд двинулся в сторону Клелг-Нара, насвистывая мрачноватый, но вместе с тем бодрящий мингольский марш.

Невон — громадный пузырь, поднимающийся из вод вечности. Как пузырек в шампанском… или, по мнению некоторых моралистов, как пу-

зырь смердящего газа, всплывающий из глубин зловонного, кишащего червями болота.

Ланкмар — материк, крепко сидящий на твердой внутренней поверхности пузыря, который зовется Невоном. С горами, холмами, городами, равнинами, извилистой береговой линией, пустынями, озерами, болотами и пашнями — главное, пашнями, источником благосостояния всего материка, пашнями, лежащими по обоим берегам Хлала, величайшей из рек.

И на северной оконечности материка, на восточном берегу реки Хлал, возлюбленной изобильных пашен, — город Ланкмар, древнейший в мире. Ланкмар с его массивными стенами для защиты от варваров и диких зверей и с его толстыми полами для защиты от всего ползающего, пресмыкающегося и грызущего.

В южной части города Ланкмар располагается Зерновая застава с двадцатифутовой толщины стеной и тридцатифутовой ширины воротами, в которых так часто раздается скрип влекомых волами телег, везущих в Ланкмар его сухое, золотистое и съедобное сокровище. Есть там и Главная застава, еще более внушительная и величественная, есть и Крайняя застава — немного поменьше. За Зерновой заставой располагаются

южные казармы для солдат в черных мундирах, потом идут богатые кварталы, парк Удовольствий и площадь Тайных Восторгов. За ней находится Бардачная улица, а также улицы иных ремесленников. От Болотной заставы до доков город пересекает улица Богов с ее множеством пышных, вздымающихся к небу храмов богов, прописанных в Ланкмаре, и единственным приземистым черным храмом истинных богов Ланкмара — более похожим на древнюю гробницу, если бы не его высокая, квадратная и вечно молчаливая колокольня. Далее идут трущобы, застроенные бревенчатыми лачугами без окон. И наконец, глядя северными окнами на Внутреннее море и западными на Хлал, стоят северные казармы, а за ними на прочной, обтесанной волнами скале высится цитадель и Радужный Дворец сюзерена Глипкерио Кистомерсеса.

Балансируя поставленными на серебряное головное кольцо подносом со сластями и наполненными до краев серебряными кубками, юная служанка осторожно, словно циркачка на канате, двигалась по зеленым плиткам прихожей, ведшей в Голубую палату вышеозначенного дворца. На шее, запястьях и стройной талии девушки были надеты черные кожаные кольца. От колец

на запястьях к кольцу на талии тянулись тонкие серебряные цепочки, которые были чуть короче, чем ее предплечья, — очередная причуда Глипкерио, который считал, что служанка не должна и пальцем прикасаться к его еде и даже подносу и обладать совершенным чувством равновесия. Если не считать кожаных колец, девушка была совершенно нага, а если не считать коротко подстриженных ресниц, все ее тело было гладко выбрито — еще одна изысканная прихоть монарха, не желавшего, чтобы в его суп попал хоть один волос. Девушка очень походила на безволосую куклу, которую еще не одели и которой не успели нарисовать брови.

Плитки цвета морской волны, которыми были выложены пол и стены прихожей, имели шестиугольную форму и были размером с ладонь крупного мужчины. В большинстве своем они были гладкими, и только на некоторых виднелось изображение какого-нибудь морского существа — моллюска, трески, осьминога или морского конька.

Служанка была уже почти на полпути к узкому, закрытому шторами сводчатому проходу, ведшему в Голубую палату, когда ее взгляд остановился на одной из плиток, располагавшихся не доходя

до прохода, чуть слева. На плитке был изображен морской лев. Словно крышка крошечного люка, один ее край приподнимался над полом на толщину большого пальца, а из щели на служанку смотрели блестящие, близко посаженные черные глазки.

По телу девушки с ног до головы пробежала дрожь, но из плотно закушенных губ не вырвалось ни звука. Кубки тихонько зазвенели, поднос начал было соскальзывать с головы, но девушка быстрым движением восстановила равновесие и начала длинными опасливыми шагами обходить страшную плитку справа, так что край подноса почти касался стены.

И тут под краем подноса, как будто это был козырек крыльца, в стене открылась, как дверь, гладкая зеленая плитка, и из дыры высунулась морда черной крысы с оскаленными зубами.

Девушка, продолжая хранить молчание, отскочила в сторону. Поднос начал падать у нее с головы. Она попыталась поднырнуть под него. Плитка в полу отскочила в сторону, и оттуда появилась черная крыса с длинным извивающимся телом. Поднос ударил служанку по плечу, она безуспешно попыталась подхватить его скованными руками, но он с грохотом ударился о пол. В

луже вина зазвенели кубки.

Когда серебристый звон затих, слышен был лишь топот босых ног убегавшей служанки. Один из кубков в последний раз катнулся по полу, и в просторной прихожей наступила тишина.

Лишь сотни две ударов сердца спустя она была нарушена, и снова топотом босых ног — на сей раз целой кучки людей, двигавшихся оттуда, куда убежала служанка. Первыми, осторожно оглядываясь по сторонам, вошли два бритоголовых и смуглых повара в белых куртках, вооруженных мясницкими ножами и длиннозубыми вилками. За ними — два нагих и начисто обритых поваренка с ворохом мокрых и сухих тряпок и метлой из черных перьев. Далее шла дрожащая служанка, держа серебряные цепочки в ладонях, чтобы не звякали. За ней следовала чудовищной толщины женщина в толстом черном шерстяном платье, ворот которого доходил до двойного подбородка, рукава — до припухших костяшек пальцев, а подол — до земли, явно скрывая слоновьи ноги толстухи. Ее волосы были собраны в громадную башню, во множестве мест проткнутую длинными булавками с черными головками, в результате чего казалось, что женщина несет на голове какую-то колючую планету. Похоже, что

так оно и было, потому что на ее одутловатом лице лежала печать угрюмости и злобы всего мира. Черные глазки смотрели из складок жира твердо и недоверчиво, а редкие черные усики на верхней губе напоминали призрак черной сороконожки. Неимоверных размеров живот был перетянут широким кожаным поясом, с которого свисали ключи, плетки, ремни и кандалы. Поварята искренне верили, что женщина нарочно растолстела до таких габаритов, чтобы все эти предметы не звенели друг о друга, когда она незаметно подкрадывалась к своим подчиненным.

Королева кухни и повелительница дворца проницательным оком уставилась в прихожую, после чего развела заскорузлыми ладонями и сурово посмотрела на служанку. Все плитки были на обычном уровне.

Служанка, словно участвуя в пантомиме, горячо закивала, показала на плитку с изображением морского льва, затем, вся дрожа, приблизилась к винной луже и тронула ее пальцем ноги.

Один из поваров быстро присел и принялся постукивать костяшками пальцев по плитке с морским львом, потом вокруг нее. Звук везде был одинаково глухим. После этого он попытался подцепить плитку вилкой, но безуспешно.

Служанка подбежала к стене и стала судорожно шарить изящными ручками в поисках так испугавшей ее дверцы. Другой повар простучал стену, однако тоже ничего не обнаружил.

Подозрение в глазах экономки сменилось уверенностью. Словно грозовая туча, меча из глаз молнии, она приблизилась к служанке и, резко выкинув вперед бесформенные руки, ловко пристегнула один из ремешков к серебряному кольцу на кожаном вороте девушки. Щелчок застежки был самым громким из раздававшихся до сих пор в прихожей звуков.

Девушка трижды отчаянно качнула головой. Дрожь ее усилилась, потом вдруг прекратилась вовсе. Экономка потащила ее назад, и она послушно пошла, безвольно опустив голову и плечи, а когда толстуха дернула за ремешок вниз, служанка упала на четвереньки и быстро засеменила по-собачьи.

Под наблюдением одного из поваров кухонные мальчишки принялись проворно убирать в прихожей, заворачивая каждый кубок в тряпку, прежде чем положить его на поднос, — чтобы ненароком не звякнуть. Глазами они испуганно шарили по бесчисленным плиткам пола и стен.

Стоя на чуть покачивающемся на волнах но-

су «Каракатицы», Мышелов сквозь редеющий туман любовался высокой ланкмарской цитаделью. Вскоре немного восточнее показались четырехгранные башни дворца сюзерена, каждая из которых была отделана камнем своего цвета, а южнее — торчащие, словно трубы, зернохранилища. Первую же завиденную им лодку Мышелов подозвал к «Каракатице». Невзирая на укоризненное фырканье черного котенка и запрет Слинура и прежде, чем шкипер успел дать команду его задержать, Мышелов соскользнул вниз по длинному багру, которым лодочник зацепился за борт «Каракатицы». Легко спрыгнув в лодку, он одобрительно похлопал по плечу державшего багор парня и, пообещав хорошо заплатить, велел побыстрее доставить его к дворцовой пристани. Когда багор был убран, Мышелов пробрался на корму лодки, три гребца взялись за весла, и суденышко полетело на восток по илистым коричневатым водам устья реки Хлал.

В порядке утешения Мышелов крикнул Слинуру:

— Не бойся, я сделаю Глипкерио потрясающий доклад, превознесу тебя до неба, а Льюкина — до высоты дождевой тучи!

Затем он стал смотреть вперед, то улыбаясь,

то хмурясь своим мыслям. Мышелов немного жалел, что ему пришлось оставить Фафхрда, который, когда «Каракатица» покидала Кварч-Нар, был по уши погружен в беспробудное пьянство и нескончаемую игру с приспешниками Моварла, ребятами не промах — каждую зарю эти лбы едва соображали от вина и крупных проигрышей, однако к середине дня вновь начинали испытывать жажду, а их кошели каким-то чудесным образом снова наполнялись.

Однако радость Мышелова была сильнее сожалений — ведь теперь он один передаст Глипкерио благодарность Моварла за четыре судна с зерном и сам расскажет ему об удивительных приключениях с драконом, крысами и людьми — их повелителями, а быть может, и коллегами. К тому времени, как Фафхрд с тощим кошельком, но, скорее всего, распухшей головой вернется из Кварч-Нара, Мышелов уже обоснуется в прекрасных покоях во дворце Глипкерио и сможет слегка уесть своего друга, предложив тому свое гостеприимство и благорасположение.

Мышелов лениво размышлял о том, где сейчас могут находиться Хисвин с Хисвет и вся их небольшая компания. Быть может, в Сархеенмаре, может, в Илтхмаре, а вернее всего, они уже

едут оттуда на верблюдах в какой-нибудь уголок Восточных земель, подальше от мстительных Глипкерио и Моварла. Невольно Мышелов поднял левую руку к виску и ощупал небольшую шишечку. Все случившееся уже казалось ему сном, и он не мог питать подлинной ненависти к Хисвет и ее прислужнице Фрикс. Злобные угрозы Хисвет — это, понятное дело, элемент любовной игры. Он не сомневался, что какой-то частью своего существа Хисвет по нему тоскует. К тому же он оставил ей гораздо более серьезную отметину. Что ж, не исключено, что когда-нибудь он встретит ее в каком-нибудь затерянном уголке мира.

Мышелов понимал, что все эти дурацкие мысли о прощении и забвении вызваны отчасти его сильнейшим желанием поскорее подыскать себе какую-нибудь более или менее подходящую девушку. По меркам Мышелова Кварч-Нар при Моварле стал весьма пуританским городом, и за время его короткого там пребывания ему встретилась лишь одна сбившаяся с пути девица, некая Гренлет, которая предпочла идти по кривой дорожке не с ним, а с Фафхрдом. Но Гренлет была хоть и хорошо сложена, однако больно уж высока ростом; теперь же Мышелов вернулся в Ланкмар, в котором знал кучу мест, где мог бы

удовлетворить свое желание.

Мутная желтоватая вода внезапно сделалась прозрачной и зеленой. Лодка пересекла лиман реки Хлал и оказалась над Ланкмарской впадиной, бездонной и уходившей отвесно вниз у самого подножия источенного волнами утеса, на котором стояли цитадель и дворец. Гребцам пришлось провести суденышко вокруг неожиданного и странного препятствия — медного желоба шириной в человеческий рост, укрепленного на мощных бронзовых укосинах и спускавшегося от дворцового крыльца прямо к воде. Мышелов удивился: неужто во время его отсутствия Глипкерио пристрастился к водным видам спорта? А может, это новый способ избавляться от скверных слуг и рабов — сталкивать их в море, предварительно привязав к ногам соответствующий груз? И тут у верхушки желоба Мышелов увидел какой-то веретенообразный предмет длиной в три человеческих роста, сделанный из тускло-серого металла. Загадка.

Мышелов очень любил загадки, правда не столько решать, сколько придумывать, однако теперь ему было некогда. Лодка уже подошла к дворцовой пристани, и он с высокомерным видом предъявил поднявшим шум евнухам и часовым

кольцо гонца, украшенное морской звездой, которое ему дал Глипкерио, а также пергамент с печатью Моварла в виде перекрещенных мечей.

На дворцовую шушеру большое впечатление произвел пергамент. Мышелова с поклонами проводили вдоль пристани, он поднялся по высоченной, весело раскрашенной деревянной лестнице и оказался в парадных покоях Глипкерио — роскошном зале с видом на море, который был выложен голубыми треугольными плитками с рыбными барельефами.

Громадный зал был разделен пополам голубыми шторами. Два обнаженных бритых пажа поклонились Мышелову и раздвинули перед ним занавес. Беззвучные движения их гибких тел на голубом фоне навели Мышелова на мысль о каком-то подводном царстве. Он вступил в узкий треугольный проход и был тут же встречен негромким, но повелительным «Тсс!».

Поскольку это шипение слетело с морщинистых уст самого Глипкерио, а длиннющий костлявый палец долговязого монарха был поднесен к означенным устам, Мышелов остановился как вкопанный. Голубые шторы с тихим шорохом сомкнулись у него за спиной.

Открывшаяся глазам Мышелова сцена бук-

вально ошеломила его. Сердце на миг замерло — главным образом от злости на самого себя: увидеть такое он уж никак не ожидал.

Широкий сводчатый проход выходил на крыльцо, где стоял сигарообразный серый аппарат, который Мышелов заметил с воды у верхушки желоба. В его носовой части виднелась подвешенная на петлях крышка люка.

В ближнем конце зала стояла вместительная клетка с толстым дном и массивными прутьями, в которой сидело десятка два черных крыс: безумолчно пища, они сновали по клетке и время от времени с грозным видом сотрясали решетку.

В дальнем конце зала, у подножия винтовой лестницы, ведшей в самый высокий минарет дворца, стоял Глипкерио, в возбуждении вскочивший со своего парадного ложа, сделанного в форме морской раковины. Эксцентричный сюзерен был на голову выше Фафхрда, но тощ, как умирающий от голода мингол. Благодаря своей черной тоге он несколько напоминал погребальный кипарис. Чтобы хоть немного рассеять это гнетущее впечатление, Глипкерио надел на свою белокурую курчавую голову веночек из каких-то фиолетовых цветов.

А рядом с ним, легко, словно эльф, повиснув у

него на руке и едва достигая ему до пояса, стояла облаченная в светлое шелковое платье Хисвет. На ее лице, от левой ноздри до подбородка, розовел след, оставленный кинжалом Мышелова; шрам непременно придал бы ее лицу язвительное выражение, если бы девушка не смотрела на молодого человека с весьма милой улыбкой.

Между ложем Глипкерио и клеткой с крысами стоял ее отец Хисвин. На его костлявом теле болталась черная тога, однако на голове до сих пор был надет облегающий шлем из черной кожи с длинными наушниками. Устремив горящий взгляд на клетку, он делал перед ней какие-то гипнотические пассы своими длинными пальцами.

— Черной бездны грызуны, — начал он заклинание свистящим от старости, но вместе с тем резким и повелительным голосом.

В этот миг из узкого прохода подле ложа появилась юная служанка с большим серебряным подносом на бритой голове, который был заставлен кубками и серебряными блюдами со всякой соблазнительной снедью. Кисти девушки были прикованы серебряными цепочками к обручу на талии, а стройные черные лодыжки соединены такой же цепочкой, позволявшей ей делать шаги всего в две ступни.

На этот раз Глипкерио молча простер к ней длинную узкую длань и снова приложил костлявый палец к губам. Стройная служанка замерла и осталась стоять недвижно, словно березка в безветренный день.

Мышелов хотел было сказать: «Могущественный сюзерен, это все злодейские чары. Вы якшаетесь с вашими смертельными врагами!» — однако в этот миг Хисвет опять улыбнулась ему, и он почувствовал, как страшновато-восхитительный холодок пробежал от серебряной стрелки, засевшей в виске, по щеке и челюстям к языку, который мгновенно онемел.

Хисвин снова забормотал с легкой илтхмарской шепелявостью, напомнившей Мышелову стрекотание крысы по имени Григ.

Черной бездны грызуны
Сгинуть, как один, должны,
Обратиться в прах и персть!
Лезь клочками, крысья шерсть…

Черные крысы, сбившись в дальний от Хисвина конец клетки, возбужденно пищали и взвизгивали, словно объятые ужасом. Большинство из них встали на задние лапки и прильнули к решетке, будто смертельно перепуганные люди.

Вычерчивая в воздухе пальцами какой-то сложный и таинственный узор, старик продолжал:

…Тускни, меркни, крысий взгляд!
Приходи, могильный хлад!
Рассыпайся мозг, как дерть!
Шаг-другой – и в жилах смерть!

«И настала круговерть» — крысы, поворачиваясь на месте, словно актеры-любители, желающие облегчить и вместе с тем драматизировать свое падение на землю, стали очень убедительно валиться на пол клетки и друг на дружку и замирали, сомкнув мохнатые ресницы, безвольно откинув лысый хвост и вытянув кверху лапки с острыми когтями.

В зале послышались медленные шлепки — это рукоплескал Глипкерио своими огромными ладонями длиной в человеческую ступню. Затем этот орясина-монарх двинулся к клетке походкой столь быстрой и вместе с тем легкой, что нижние две трети его тоги стали напоминать шатер. Хисвет весело семенила рядом, а Хисвин принялся пересекать зал по длинной дуге.

— Ты зрел это чудо, Серый Мышелов? — тонким голосом осведомился Глипкерио, сделав знак гонцу подойти поближе. — Ланкмар наводнен

крысами. Ты, который, судя по твоему имени, должен был бы нас защитить, несколько задержался с возвращением. Однако — хвала черным костям богов! — мой грозный слуга Хисвин и его несравненная дочь, еще ученица в чародейских делах, победили крыс, которые угрожали каравану с зерном, и, вовремя вернувшись сюда, приняли меры против нашей крысиной заразы — меры магические и несомненно успешные, о чем свидетельствует только что проведенный опыт.

С этими словами эксцентричный сюзерен, выпростав из-под тоги длинную обнаженную руку, потрепал Мышелова по подбородку, к великому неудовольствию последнего, которое, впрочем, ему удалось скрыть.

— Хисвин и Хисвет рассказали мне, — с мелодичным смешком продолжал Глипкерио, — что некоторое время подозревали тебя в сговоре с крысами — да это и неудивительно, если принять во внимание твою серую одежду и ладную приземистую фигуру, — и им пришлось тебя связать. Но все хорошо, что хорошо кончается, и я тебя прощаю.

Мышелов принялся горячо опровергать обвинение и рассказывать, как все происходило на самом деле, но оказалось, что только мысленно,

потому что вслух он проговорил:

— Вот, государь, срочное послание от царя Восьми Городов. И кстати, нам встретился дракон…

— Ох уж этот мне двухглавый дракон! — с новой мелодичной усмешкой прервал его Глипкерио и шаловливо погрозил перстом. Пергамент он сунул за пазуху, даже не взглянув на печать. — Моварл по альбатросовой почте сообщил мне об этой странной массовой галлюцинации у моих матросов. Хисвин и Хисвет, оба опытные психологи, подтверждают это. Как правило, матросы — люди удручающе суеверные, Серый Мышелов, и, очевидно, их фантазии гораздо более заразительны, чем я предполагал, ведь им поддался даже ты! Я мог ожидать этого от твоего приятеля-варвара — как бишь его: Фавнер? Фафрах? — или от Слинура и Льюкина — ведь кто такие капитаны, как не сделавшие карьеру матросы? — но ты, человек вроде бы цивилизованный… И это я тоже тебе прощаю. Какое благо, что мудрому Хисвину пришло в голову проследить с черного тендера за караваном!

Мышелов обнаружил, что сам он кивает, а Хисвет и Хисвин — последний, скривив морщинистые губы, — лукаво улыбаются. Он опустил взгляд на груду черных крыс, скорчившихся в те-

атральных судорогах. Может, Иссек и принял их в царство, однако глазки животных под полуопущенными веками поблескивали довольно живо.

— А шерсть у них не выпала, — с мягким упреком заметил он.

— Ты понимаешь все слишком буквально, — хохотнув, ответил Глипкерио. — Это же поэтическая вольность.

Мышелов с силой, но, как ему показалось, незаметно наступил на длинный хвост, свисавший из клетки на плитки пола. Крыса даже не шелохнулась. Однако Хисвин заметил это движение и погрозил Мышелову пальцем. Мышелову показалось, что в глубине крысиной кучи что-то чуть-чуть шевельнулось. И тут из клетки ударила тошнотворная вонь. Глипкерио судорожно сглотнул. Хисвет изящно зажала большим и указательным пальцами свой розовый носик.

— Ты сомневаешься в действенности моего заклинания? — очень вежливо осведомился Хисвин у Мышелова.

— А не слишком ли быстро они начали разлагаться? — спросил Мышелов.

Ему пришло в голову, что в полу клетки мог находиться хорошо пригнанный люк, а в ее толстом основании — дюжина давно издохших

крыс или даже просто основательно подгнивший бифштекс.

— После заклинаний Хисвина они мертвы вдвойне, — несколько слабым голосом заверил Глипкерио, прижимая длинную ладонь к впалому животу. — Поэтому процесс разложения ускоряется.

Хисвин поспешно указал рукой на открытое окно рядом с выходом на крыльцо. Мускулистый желтый мингол в черной набедренной повязке выскочил из угла, где он сидел на корточках, подхватил клетку и, подбежав к окну, выбросил ее в море. Мышелов кинулся за ним. Отпихнув мингола ловким тычком локтем под ребро, он, придерживаясь рукой за стену, выглянул вниз и увидел, как клетка, подняв фонтан белых брызг, погрузилась в голубую воду.

В тот же миг он почувствовал на своем боку, от подмышки до голени, шелковое платье прижавшейся к нему боком Хисвет.

Мышелову показалось, что по мере того, как клетка погружалась на глубину, из нее выбирались черные точки и плыли в сторону подводной скалы.

Хисвет чуть слышно шепнула:

— Сегодня вечером, когда ляжет спать вечерняя

звезда. На площади Тайных Восторгов. В зарослях укромных деревьев.

Быстро отвернувшись от Мышелова, нежная дочь Хисвина велела служанке в серебряных цепях и с черным обручем на шее:

— Легкого илтхмарского для его величества! А потом подашь нам.

Глипкерио осушил кубок бесцветной жидкости и стал чуть менее зеленым. Мышелов выбрал вино потемнее и покрепче, а также хорошо прожаренную нежную отбивную, взяв то и другое с серебряного подноса, когда служанка изящно опустилась перед ним на колени, держа спину при этом совершенно прямо.

Грациозно изогнувшись, она без видимых усилий встала с колен и жеманной походкой двинулась к Хисвину, делая короткие шажки скованными ногами, и тут Мышелов увидел, что если спереди на ней не было ни одеяний, ни каких-либо побрякушек, то обнаженную спину и ноги девушки украшали расположенные на равных промежутках друг от друга розовые косые линии.

Он понял, что это не раскраска, а следы порки. Значит, жирная Саманда не оставила своих художеств с кнутом. Такое садистское родство душ

между тощим, как жердь, женоподобным Глипкерио и дебелой экономкой было психологически весьма поучительно и вместе с тем мерзко. «Интересно, чем провинилась служанка», — подумал Мышелов и тут же представил, как Саманда, одетая в толстое черное платье, жарится в раскаленной плите, а может, со свинцовым грузом, привязанным к толстенным лодыжкам, съезжает вниз по медному желобу.

Тем временем Глипкерио обратился к Хисвину:

— Стало быть, следует выманить всех крыс на улицы, а потом произнести твое заклинание?

— Совершенно справедливо, о мудрейший из повелителей, — заверил Хисвин. — Но только нужно немного повременить, пока звезды не займут наивыгоднейшее положение в небесном океане. Вот тогда я с помощью моей магии смогу умерщвить их на расстоянии. Я произнесу заклинание с голубого минарета, и всем им придет конец.

— Надеюсь, звезды пойдут к нужному месту на всех парусах, — сказал Глипкерио, и детский восторг на его лице с низким лбом сменился на миг тревогой. — Мой народ волнуется, требует, чтобы я изринул крыс или прогнал их назад в

норы. Но ведь тогда выманить их будет гораздо труднее, как ты думаешь?

— Пусть такая безделица не занимает твой могучий ум, — успокоил сюзерена Хисвин. — Крыс не так-то легко напугать. Можешь принимать против них любые меры, какие сочтешь нужным. И скажи своему Совету, что у тебя в резерве есть могучее оружие.

— А почему бы, — вмешался Мышелов, — не научить тысячу пажей заклинанию Хисвина, чтобы они прокричали его в крысиные норы? Сидя под землей, крысы не разберутся, что звезды стоят не там, где следует.

Глипкерио возразил:

— Да, но необходимо, чтобы эти твари видели хитрые узоры, которые плетет пальцами Хисвин. Этих тонкостей тебе не понять, Серый Мышелов. Ты доставил мне послание Моварла, а теперь оставь нас. — Он повернулся, взмахнув подолом черной тоги, и его глазки с желтой радужкой злобно сверкнули на худом лице. — И имей в виду: я простил тебе твою задержку, Серый Мышелов, простил фантазии насчет дракона и сомнения в магическом могуществе Хисвина. Но в другой раз прощения тебе не будет. Не вздумай и заговаривать о чем-нибудь подобном.

Мышелов поклонился и направился к выходу. Проходя мимо неподвижной служанки с исполосованной спиной, он прошептал:

— Как тебя зовут?

— Рита, — выдохнула та.

Рядом прошла Хисвет, подцепила серебряной вилкой черной икры, и Рита мгновенно рухнула на колени.

— Тайные восторги, — пробормотала дочь Хисвина и принялась катать голубовато-розовым язычком икринки по пухлой верхней губе.

Когда Мышелов ушел, Глипкерио склонился к Хисвину и стал похож на черную виселицу.

— Между нами, — прошептал он. — Эти крысы порой заставляют даже меня… э-э-э… тревожиться.

— Жуткие твари, — мрачно согласился Хисвин. — Могут устрашить даже богов.

Фафхрд скакал на юг, в сторону Сархеенмара, по каменистой дороге, зажатой между отвесными скалами и Внутренним морем. Черные волны дыбились подле берега и с глухими ударами разбивались в нескольких ярдах ниже дороги, которая от брызг была влажной и скользкой. Низкие темные тучи состояли, казалось, не из паров воды, а из дыма вулканов или горящих городов.

Северянин спал с тела — лишний жир ушел с по́том, сгорел, — глаза его налились кровью от пыли, вокруг них выступили красные круги, волосы потускнели. Он скакал на мощной и сухопарой серой кобыле, дикие глаза которой тоже покраснели — она выглядела не менее зловеще, нежели местность вокруг.

Он добыл эту лошадь у минголов вместо гнедого, и, несмотря на скверный нрав кобылы, сделка оказалась выгодной, так как, когда Фафхрд встретил минголов, гнедой от бешеной скачки уже еле дышал. Приближаясь по лесной дороге к Клелг-Нару, он увидел трех тощих, как пауки, минголов, которые собирались изнасиловать стройных сестер-двойняшек. Это жестокое и малоэстетичное мероприятие Фафхрду удалось предотвратить, поскольку он не дал минголам времени воспользоваться луками, а их короткие кривые мечи по сравнению с Серым Прутиком были ничто. Когда последний из троицы, изрыгая проклятия и кровь, повалился на землю, Фафхрд повернулся к одинаково одетым девочкам и обнаружил, что спас лишь одну: один из подлых минголов, прежде чем броситься на северянина, успел перерезать второй горло. Вот тут Фафхрд и завладел одной из мингольских лошадей,

несмотря на то что она кусалась и лягалась как бешеная. Из воплей и всхлипываний оставшейся в живых девочки Фафхрд понял, что ее родители, возможно, еще живы и находятся среди защитников Клелг-Нара, поэтому он тут же вскинул ее на луку седла, хотя она сопротивлялась изо всех сил и пыталась его укусить. Когда же она немного угомонилась, Фафхрд пришел в возбуждение: тонкие и длинные руки и ноги девочки были так близко, лемурьи глаза были такими огромными, и к тому же она, перемежая речь жуткими девичьими проклятиями и совсем уж детскими выражениями, не переставая твердила, что все мужчины без исключения — волосатые скоты, презрительно поглядывая при этом на роскошную растительность на груди северянина. Однако он все же сдержал свой любовный пыл из уважения к совсем юным летам девочки — ей с виду было не больше двенадцати, хотя она и отличалась довольно высоким ростом, — а также к перенесенной ею утрате. Однако когда он вернул девчонку не слишком признательным и на удивление подозрительным родителям, то на его учтивое обещание вернуться через годик-другой она лишь сморщила курносый нос, язвительно взглянула на него своими голубыми глазами и по-

вела плечами, отчего в голову Фафхрда закрались сомнения: а правильно ли он поступил, когда спас ее от минголов и дал ей столь опрометчивое обещание? Но как бы то ни было, он все же добыл себе свежую лошадь и тугой мингольский лук с целым колчаном стрел.

В Клелг-Наре шли ожесточенные уличные бои за каждый дом, за каждое дерево, а по ночам на востоке полукругом горели огни мингольских костров. К своему неудовольствию, Фафхрд выяснил, что уже много недель в гавань Клелг-Нара не заходил ни один корабль, поскольку она была наполовину занята противником. Город минголы поджигать не стали: для тощих жителей безлесых степей дерево было богатством, и их рабы быстро разбирали очередной занятый дом и утаскивали или увозили на восток каждое бревнышко, каждый кусочек прелестной резьбы.

Поэтому, несмотря на слухи о том, что мингольские отряды прорвались и на юг, Фафхрд поскакал именно в этом направлении, предварительно укротив свою дикую кобылу с помощью кнута и нескольких кусочков сотового меда. И теперь из-за стлавшегося над дорогой дыма он был почти уверен, что Сархеенмар минголы все же подпалили. Чуть позже Фафхрд понял, что город взят: на

дороге стали попадаться оборванные, пропыленные беженцы, которые, дико озираясь, тянулись на север, заставляя Фафхрда то и дело объезжать их по склону холма, чтобы его неистовая кобыла не растоптала их своими железными копытами. Он попытался было расспросить кое-кого из беженцев, но те не могли от ужаса связать и двух слов и только лепетали что-то, словно северянин пытался пробудить их от кошмарного сна. После нескольких бесплодных попыток Фафхрд кивнул — он знал, как умеют пытать минголы.

Но вскоре в том же направлении проскакал в беспорядке мингольский кавалерийский отряд. Лошади всадников лоснились от пота, а на лицах самих конников застыла гримаса ужаса. На Фафхрда они не только не напали, но, казалось, даже его не заметили, и если кто-то из беженцев и попал под копыта их лошадей, то не по злому умыслу всадников, а лишь потому, что, объятые паникой, те не замечали ничего вокруг.

Помрачневший Фафхрд продолжал скакать, продираясь сквозь гудящую толпу и размышляя, что могло внушить такой ужас минголам и жителям Сархеенмара.

Теперь черные крысы стали показываться в Ланкмаре даже днем: они ничего не воровали, не

кусались, не бегали, не пищали, а просто показывались. Они выглядывали из люков и только что прогрызенных дыр, сидели во всяческих щелях и заходили в жилища безмятежно и доверчиво, словно кошки, причем как в будуары дам, так и в лачуги бедняков.

Там, где крыс замечали, слышался судорожный вздох, тихий взвизг, быстрый топот ног, и в грызунов летели закопченные горшки, браслеты с самоцветами, ножи, камни, шахматные фигуры — словом, все, что попадалось под руку. Но зачастую крыс замечали далеко не сразу — настолько спокойно и непринужденно они себя чувствовали.

Некоторые крысы степенно расхаживали по вымощенным плиткой или булыжником улицам, пробираясь через лес ног и развевающихся черных тог и напоминая карликовых собачонок; когда их обнаруживали, людская река немедленно вскипала водоворотами. Пять тварей, словно черные бутылки с яркими глазками, расположились на верхней полке в лавке самого богатого ланкмарского бакалейщика и сидели там, пока люди не разобрались, что к чему, и не принялись истерически швырять в них узловатыми пряными кореньями, тяжелыми хруспскими

орехами и даже кувшинчиками с черной икрой, после чего крысы лениво удалились через щель, которой накануне еще не было. Еще дюжина разместилась, стоя на задних лапках, среди черных мраморных скульптур, украшавших стены храма Зверей; в самый разгар ритуала они с громким писком принялись невозмутимо сновать по многочисленным нишам. Три твари свернулись клубочком на обочине рядом со слепым попрошайкой Нафом, и все принимали их за его грязную суму, пока некий вор не попытался ее стянуть. Еще одна разлеглась на расшитой драгоценными каменьями подушке, где обычно отдыхала любимая черная мартышка Элакерии, племянницы сюзерена и весьма пышнотелой погубительницы мужчин: в один прекрасный миг Элакерия рассеянно протянула пухлую ручку, чтобы погладить зверька, и ее пальчики с позолоченными ногтями наткнулись не на бархатистый мех, а на короткую и жесткую шерсть.

В памяти жителей сохранилось нашествие крыс во времена взрыва Черной Хвори, но тогда они испуганно метались по улицам или жались по углам и никогда не расхаживали столь нагло и решительно, как теперь.

Такое поведение тварей заставило стариков,

сказочников и редкобородых ученых мужей вспомнить страшные предания о том, что когда-то, много десятков веков назад, на месте Ланкмара находился горбатый город, населенный крысами размером с человека; что в те времена у крыс был свой язык, свое правительство и даже целая империя, простиравшаяся до границ непознанных миров, которая сосуществовала с людскими поселениями, но была гораздо более сплоченной; что под толстыми стенами Ланкмара, много глубже обычных крысиных ходов и людских подземных сооружений, якобы существует метрополия грызунов — с низкими потолками, улицами, домами, яркими фонарями и хранилищами, доверху набитыми украденным зерном.

И теперь крысы стали вести себя настолько заносчиво, что казалось, им принадлежит не только легендарная подземная метрополия, но и весь Ланкмар вообще.

Матросы с «Каракатицы», которые собрались было изумить в таверне собутыльников и сорвать с них не одну выпивку за рассказы о страшном нападении крыс на их судно, обнаружили, что Ланкмар интересуется исключительно собственным крысиным нашествием. Матросы приуныли и встревожились. Некоторые даже поскорее вер-

нулись на «Каракатицу», где звездочет снова стал зажигать защитные фонари, а Слинур и черный котенок в беспокойстве прохаживались по юту.

8

Глипкерио Кистомерсес приказал зажечь толстые свечи, хотя закатное солнце еще ярко освещало высокую пиршественную залу, выходившую окнами на море. Впрочем, монарх-орясина казался крайне веселым, когда, хихикая и посмеиваясь, заверил своих серьезных и испуганных советников в том, что у него есть секретное оружие, благодаря которому крысы будут уничтожены в самый разгар своего наглого вторжения и к следующему полнолунию в Ланкмаре от них не останется и следа. Сюзерен поднял на смех своего изборожденного морщинами главнокомандующего Олегния Минологубца, который для борьбы с мохнатыми захватчиками предложил вызвать войска из близлежащих городов. Казалось, правитель не замечает ни тихого топотка, раздававшегося за роскошными шторами всякий раз, когда на миг затихали разговоры и звон ножей и вилок, ни маленьких черных теней на четырех лапках, изредка выхватываемых из мрака отблеском свечей. Банкет шел своей пьянственной дорогой, и Глипкерио становился все более веселым, беззаботным — даже шаль-

ным, как начали перешептываться некоторые. Однако его правая рука с бокалом на длинной ножке дрогнула дважды за вечер, потные пальцы спрятанной под столом левой руки тряслись непрерывно, а свои костлявые ноги он согнул в коленях и поставил золоченые каблуки на серебряную нижнюю поперечину кресла — только бы не прикасаться к полу.

А снаружи тусклая ущербная луна освещала маленькие горбатые тени, движущиеся по кромкам всех крыш, за исключением зданий на улице Богов, где помещались разнообразные храмы ланкмарских богов, а также святыня истинных богов Ланкмара с ее высокой и вечно немой прямоугольной колокольней.

Серый Мышелов уныло расхаживал взад и вперед по светлой песчаной дорожке, огибавшей купу благоуханных укромных деревьев. Каждое из них напоминало громадную перевернутую корзину с полукруглым дном и стенками из множества упругих и тонких ветвей, которые были густо усыпаны зеленой листвой и снежно-белыми цветами и свисали вниз так, что внутри, вокруг ствола образовывалась весьма укромная комнатка в форме колокола со стенами из листьев и цветов. Ужинавшие в цветах огненные

жуки, светящиеся осы и ночные пчелы смутно обрисовывали каждый такой естественный шатер своими бледными мерцающими огоньками золотого, фиолетового и розоватого цвета.

Из двух или трех радужных беседок уже доносился тихий шепот влюбленных, а быть может — как что-то вдруг кольнуло Мышелова, — и воров, выбравших это невинное и традиционно почитаемое уединенное место для разработки планов ночных грабежей. Будь Мышелов помоложе или в какой-нибудь другой вечер, он непременно подслушал бы этих любителей уединения и обчистил бы еще до них выбранные ими жертвы. Но сейчас это не входило в его планы.

Высокие здания на востоке заслоняли луну, поэтому, если не считать мерцающих укромных деревьев, на площади Тайных Восторгов стояла кромешная тьма, и лишь кое-где тусклые огоньки и тлеющие угли освещали товары уличных торговцев, да ритмично покачивали своими красными фонариками фланирующие куртизанки.

Сейчас эти последние источники света ужасно раздражали Мышелова, хотя в прежние времена он, случалось, устремлялся на них, как ночная пчела на цветок укромного дерева, да и во время обратного рейса на «Каракатице»

он дважды видел их во сне. Однако несколько крайне неудачных визитов прошедшего дня, сперва к кое-каким светским подружкам, потом в самые завлекательные городские бордели, наглядно продемонстрировали Мышелову, что вся его мужественность, которая так взыграла в Кварч-Наре и на борту «Каракатицы», почему-то иссякла, если не считать тех случаев, когда — как он сперва предположил, а теперь горячо надеялся — дело касалось Хисвет. Воистину, день нынче выдался злополучный: стоило Мышелову обнять девушку, как перед ним возникало в воздухе худощавое треугольное лицо дочери Хисвина, и физиономия его очередной подружки сразу меркла, а от серебряной стрелки, засевшей в виске, разливалось по всему телу ощущение кромешной скуки и пресыщенности.

Вслед за телом это ощущение овладело и умом Мышелова. Он тупо думал о том, что крысы, несмотря на серьезные потери, понесенные ими на борту «Каракатицы», угрожают Ланкмару. Потери в живой силе пугали крыс гораздо меньше, чем людей, да и восполняли они их намного быстрее. А к Ланкмару Мышелов питал привязанность — вроде той, какую питает мужчина к весьма крупному домашнему животному. Между

тем грозящие городу крысы отличались просто невероятным умом и организованностью — то ли благодаря урокам Хисвет, то ли по какой-то другой, более глубокой причине. Мышелов живо представил себе, как никем не замеченная армия черных грызунов ряд за рядом пересекает площадь Тайных Восторгов и окружает заросли укромных деревьев.

К тому же Мышелов прекрасно понимал, что переменчивый Глипкерио утратил последние крупицы доверия к нему и что Хисвин и Хисвет после, казалось бы, полного поражения сумели вывернуть все наизнанку, и теперь он должен вернуть свою победу, а с ней и утраченное доверие сюзерена.

Но Хисвет, враг крайне опасный, была вместе с тем девушкой, к которой он попал в рабство, и только она могла сделать Мышелова прежним — справедливым, расчетливым и эгоистичным. Кончиками пальцев он притронулся к маленькой шишке на виске, в которой засела серебряная стрелка. Он мог бы выдавить ее через кожу за несколько мгновений. Однако Мышелов боялся того, что может наступить после этого: он мог утратить не только ощущение скуки и пресыщенности, но и вообще все чувства, а может, даже и

жизнь. Кроме того, ему не хотелось лишаться этого серебряного звена, связывающего его с Хисвет.

Еле слышный скрип песка под ногами, которых было явно не две, а больше, заставил Мышелова поднять взгляд. К нему приближались, держась за руки, две стройные монахини в черных рясах с длинными рукавами и затеняющими лицо капюшонами — обычном одеянии служительниц истинных богов Ланкмара.

Мышелов знал, что куртизанки, промышляющие на площади Тайных Восторгов, способны нарядиться в любое платье, дабы получше разжечь своих клиентов, как старых, так и новых, и привлечь к себе их интерес: это могли быть лохмотья девочки-попрошайки, облегающие штаны и короткая курточка пажа, ожерелья и побрякушки рабыни из Восточных земель, тонкая кольчуга, шлем с забралом и узкий меч принца-забияки из тех же краев, шуршащая зелень дриады, темно-зеленые или бурые водоросли наяды, строгое платье школьницы и, наконец, расшитое одеяние жрицы любого из многочисленных ланкмарских богов — люди в Городе Черной Тоги почти никогда не обращают внимания на святотатства по отношению к этим богам, поскольку их насчитываются целые тыся-

чи, причем одни уходят, другие приходят.

Но существовал в Ланкмаре один-единственный наряд, надеть который не посмела бы ни одна куртизанка, — простая ряса с капюшоном служительниц истинных богов Ланкмара.

И между тем…

Не дойдя до Мышелова дюжины ярдов, монахини свернули с тропинки и направились к ближайшему укромному дереву. Одна из них раздвинула длинные шуршащие ветви; широкий черный рукав очень смахивал на крыло летучей мыши. Другая монахиня проскользнула внутрь. Первая торопливо последовала за ней, однако ее капюшон на миг откинулся, и в фиолетовом мерцании светящейся осы мелькнуло улыбающееся лицо Фрикс.

Сердце у Мышелова подпрыгнуло. Он сам — тоже.

Когда под всплеск белых лепестков — казалось, дерево своими цветами приветствует его — Мышелов вступил в беседку, обе черные фигуры повернулись к нему и откинули капюшоны. Так же как и в последний раз на борту «Каракатицы», темные волосы Фрикс были убраны под серебряную сетку. Губы девушки еще улыбались, однако взгляд был серьезен и устремлен куда-то вдаль.

Волосы же Хисвет сами по себе представляли белокуро-серебристое чудо, пухлые губки были соблазнительно надуты, словно она посылала ему воздушный поцелуй, а веселый взгляд проказливо плясал по его фигуре.

Девушка шагнула в сторону Мышелова.

С радостным зычным клекотом, слышал который лишь Мышелов, ринулась кровь по артериям к самой сердцевине его существа и в единый миг возродила уснувшую было мужественность — так вызванный волшебством джинн в одно мгновение возводит высоченную башню.

Следуя зову собственной крови, Мышелов с распростертыми объятиями бросился к Хисвет.

Однако девушки, словно исполняя какой-то быстрый танец, мгновенно поменялись местами, и в результате Мышелов обнаружил, что обнимает Фрикс и прижимается щекой к ее щеке, поскольку та в последний миг повернула голову.

Мышелов уже хотел было высвободиться и прошептать учтивые и чуть ли не искренние извинения (сквозь платье стройное тело Фрикс показалось ему весьма соблазнительным и не лишенным крайне занимательных выпуклостей), однако в этот миг Хисвет, положив подбородок на плечо служанки и чуть наклонив в сторону свою

крошечную головку, прижалась полуоткрытыми губами к губам Мышелова, которые немедленно начали подражать движениям хоботка трудолюбивой пчелы, пьющей нектар.

Ему показалось, что он очутился на седьмом небе, куда допускаются лишь самые юные и прекрасные из богов.

Наконец Хисвет оторвалась от его рта и, держа лицо так близко, что свежий шрам от Кошачьего Когтя представился Мышелову в виде розовой ленты с голубыми краями, идущей от изящнейшего носика к гладкому бархатистому подбородку, прошептала:

— Ликуй, очаровательный воин: ты лично поцеловал в губы барышню Ланкмара, а это само по себе уже невообразимая фамильярность, причем этой барышней была я — а это интимность просто небывалая. А теперь, воин, обними покрепче Фрикс, а я тем временем буду услаждать твой взор и лелеять твое лицо — воистину благороднейшую из частей тела, забрало самой души. Разумеется, это ниже моего достоинства — ведь не пристало богине чистить и умащивать маслом сапог простого солдата, однако знай, что делать это я буду с радостью.

Между тем шустрые пальчики Фрикс уже рас-

стегивали его пояс из крысиной кожи. Легко скользнув вниз, он едва слышно упал на упругий, коротко подрезанный дерн, который в тени укромного дерева казался почти белым.

— Не забудь, твой взор должен быть направлен лишь на меня, — с едва заметной, но вместе с тем настойчивой укоризной шепнула Хисвет. — Я не буду ревновать к Фрикс, только пока ты не будешь обращать на нее ни малейшего внимания.

Хотя освещение в беседке оставалось все таким же мягким, Мышелову показалось, что внутри стало светлее, чем снаружи. Быть может, наконец поднялась ущербная луна. А может, мерцание слетевшихся на нектар огненных жуков, светящихся ос и ночных пчел сосредоточилось именно здесь. Несколько насекомых лениво кружили по беседке, вспыхивая и снова угасая, словно летающие самоцветы.

Мышелов, еще сильнее сжимая стройную талию Фрикс, сбивчиво бормотал, обращаясь к Хисвет:

— О белая принцесса… Ледяная правительница желаний… Морозная богиня чувственности… О сатанинская дева…

Под аккомпанемент этих слов Хисвет чуть касалась губами век, щек и уха Мышелова, прохо-

дила по ним, словно крошечными грабельками, своими длинными серебристыми ресницами, возделывая нежный цветок любви, поднимавшийся все выше и выше. Мышелов хотел было одарить ее ответной лаской, но Хисвет удержала его губы своими. Нежно проведя языком по зубам девушки, Мышелов отметил, что два ее передних резца вроде несколько больше, чем следовало бы, однако в ослеплении страстью это показалось ему лишь еще одним признаком ее совершенства. Да что там: окажись даже, что Хисвет обладает какими-то чертами дракона, гигантского белого паука или крысы, коли на то пошло, — он лишь голубил бы эти черточки все без разбора. Даже если б над головой у нее вдруг возникло членистое и склизкое белое жало скорпиона, он запечатлел бы на нем любовный поцелуй… хотя нет, это было бы уже слишком, внезапно решил Мышелов… но с другой стороны, а почему бы и нет? — тут же подумал он, когда ресницы Хисвет легонько пощекотали шишечку на правом виске, в которой засела серебряная стрелка.

Нет, это истинный экстаз, пришел к заключению Мышелов. Ему уже казалось, будто он вознесся на девятое, самое верхнее небо, где в неге и мечтаниях пребывает лишь горстка избран-

ных героев, переживая нестерпимые восторги и время от времени с ленивым любопытством посматривая вниз, на богов, которые многими ярусами ниже в поте лица своего следят за птицами малыми, вдыхают воскуряемый им фимиам и вершат судьбами людей.

Мышелову так никогда и не удалось бы узнать, что случилось в следующий миг — а случиться могли вещи крайне неприятные, — если бы, не вполне удовлетворенный, казалось бы, наивысшим восторгом, он не решился еще раз ослушаться вполне недвусмысленного приказа Хисвет и не взглянул бы украдкой на Фрикс. До этого момента он покорно не обращал к ней свое зрение и слух, но тут ему пришло в голову, что если он будет одновременно созерцать оба лика своей, если можно так выразиться, двуглавой возлюбленной, то это может лишь еще туже скрутить метательные жилы катапульты его наслаждения.

И вот, когда Хисвет снова принялась щекотать его ухо своим тоненьким голубовато-розовым язычком, Мышелов, постанывая от блаженства, чуть повернул голову и незаметно скосил глаза на лицо Фрикс.

Сначала ему пришло в голову, что девушка

весьма неудобно изогнула шею, дабы не мешать любовным играм своей хозяйки. Затем он подумал, что, несмотря на горячо рдеющие щеки и вырывающееся из полуоткрытых губ благоуханное, но прерывистое дыхание, взгляд служанки, почему-то задумчивый и печальный, устремлен куда-то очень далеко — быть может, на шахматную партию, в которой она, Мышелов и даже Хисвет всего лишь пешки, а может, на сцену из невообразимо далекого детства или на…

…Или же она смотрела на нечто более близкое, что находилось за его спиной и вовсе не так уж далеко…

Весьма неучтиво выведя свое ухо из соприкосновения с дразнящим язычком Хисвет, Мышелов резко повернул голову, посмотрел через плечо и на фоне светлой мерцающей стены укромного дерева увидел темный силуэт притаившегося человека, в вытянутой руке которого блеснуло что-то голубовато-серое.

Мгновенно отскочив от Фрикс и присев, Мышелов развернулся и с силой выбросил назад левую руку, которой только что обнимал служанку за талию.

Удар был нанесен очень вовремя, но наобум. Кулак Мышелова врезался в чьи-то костлявые

пальцы, в которых был зажат нож, и острие тут же рассадило ему предплечье. Но он незамедлительно врезал минголу правой прямо в физиономию, в результате чего та хоть и на миг, но все же утратила свою бесстрастность.

Ладная фигура в черном отлетела назад и тут же, словно какое-то мерзкое одноклеточное, раздвоилась: из-за спины первого мингола выскочил второй, тоже с кинжалом в руке, и двинулся на Мышелова, который, чертыхаясь, нашарил пояс и выхватил из ножен Кошачий Коготь — он первым попался ему под руку.

Фрикс, продолжавшая стоять в своих черных одеждах с мечтательным выражением лица, проговорила сипловатым и каким-то далеким голосом:

— Тревога и отступление от темы. Входят два мингола.

А стоявшая у нее за спиной Хисвет с раздражением воскликнула:

— Вечно мой ненавистный отец портит мне все удовольствие! Всегда он губит мои самые эстетичные творения в области наслаждений — то ли из какой-то злобной и недостойной родителя ревности, то ли…

Но тут первый мингол немного оклемался, и

оба противника осторожно двинулись на Мышелова, выставив вперед ножи и поблескивая узкими глазами на желтых лицах. Мышелов, держа Кошачий Коготь на уровне груди, мгновенно заставил их отступить, неожиданно хлестанув наотмашь своим поясом, который сжимал в левой руке. Ножны со Скальпелем угодили одному из противников по уху, так что тот сморщился от боли. Теперь бы в самый раз прыгнуть вперед и прикончить обоих — по удару на каждого, если повезет.

Но Мышелов не стал испытывать свое везение. Откуда ему было знать: минголов только двое или больше? А вдруг Хисвет и Фрикс перестанут паясничать — если до сих пор они действительно паясничали — и бросятся на него со своими собственными ножами как раз в тот миг, когда он начнет разделываться с этими тощими убийцами в черном? К тому же его левая рука кровоточила, и он пока не знал, насколько серьезна рана. И наконец, несмотря на всю свою гордость, Мышелов неохотно признал, что возникшая опасность, быть может, слишком грозна даже для него, что он попал в положение, которого сам до конца не понимает, и в своем опьянении рискует жизнью ради сомнительных восторгов, правда довольно

необычных; нет, он не должен больше полагаться на переменчивую удачу и крайне нуждается — тем более в отсутствие своего могучего друга Фафхрда — в чьем-нибудь мудром совете.

Не успело его сердце ударить и два раза, как он, стрелой пролетев мимо несколько обескураженных Фрикс и Хисвет, раздвинул ветви беседки и выскочил наружу под очередной и даже более сильный всплеск белых цветов.

Через пять ударов сердца Мышелов уже бежал в свете поднявшейся луны на север через площадь Тайных Восторгов и, застегнув по дороге пояс, доставал из привешенного к нему мешочка бинт, чтобы через несколько мгновений ловко перевязать рану на руке.

Еще пять ударов сердца — и он оказался в узком мощеном переулке, ведшем к Болотной заставе.

К своему крайнему неудовольствию, он вынужден был признать: пришла пора двинуться через предательскую и зловонную Великую Соленую топь и спросить совета у своего колдуна-наставника Шильбы Безглазоликого.

За неимением иного пути Фафхрд гнал свою рослую серую кобылу через горящие улицы Сархеенмара — город был зажат между Внутренним морем и Дикими горами. Через эти иззубренные

утесы шла единственная тропа, по которой можно было попасть к затерянному среди пустыни морю Монстров и расположенному на его берегу городу Упырей, где, кроме его жителей, никто никогда не бывал.

Ночное небо было затянуто плотной пеленой дыма, и путь северянину освещали лишь громадные языки пламени, бушевавшего на крышах, в дверях и окнах зданий, славившихся прежде своей прохладой, да раскаленные докрасна стены, которые там, где еще не обвалились, были покрыты красивым, словно фарфоровым, волнистым глянцем.

Широкая улица была пуста, но налитые кровью глаза Фафхрда на потном, изможденном и покрытом копотью лице глядели настороженно. Он расстегнул ножны меча и боевого топора и натянул тетиву мингольского лука, который держал наготове в левой руке, а колчан со стрелами повесил на правое плечо. Его заметно отощавшая седельная сумка и полупустая фляга колотили кобылу по ребрам, а пустой кошель, в котором был лишь оловянный свисток, развевался по ветру.

Кобыла, как ни странно, совершенно не боялась пожара. Фафхрд слышал, что минголы в условиях, приближенных к боевым, приучают своих

лошадей ко всяческим ужасам почти так же безжалостно, как приучаются сами, и беспощадно убивают животное, если оно пугается после седьмой попытки, а человека — после второй.

Однако, не доезжая до узкого переулка, лошадь вдруг остановилась как вкопанная, раздувая покрытые пеной ноздри и бешено кося большими глазами, налитыми кровью еще сильнее, чем у Фафхрда. Северянин принялся колотить ее пятками по бокам, но безрезультатно, поэтому он спешился и силой потащил кобылу по дымной, объятой пламенем улице.

Внезапно из-за угла горящего дома выскочила кучка существ, которых на первый взгляд можно было принять за невероятно высокие и тощие скелеты красного цвета: каждый из них, облаченный в весьма скудные доспехи, размахивал двумя короткими обоюдоострыми мечами со скошенными к концам лезвиями.

Мгновенно оправившись от ошеломления, Фафхрд понял, что перед ним упыри, обладавшие, как ему доводилось слышать — причем его прежний скептицизм мгновенно улетучился, — прозрачной плотью, если не считать чуть желтоватых или розоватых детородных органов у мужчин и губ и сосков у женщин.

Говорили также, будто они питаются исключительно мясом, преимущественно человечьим, и что было весьма удивительно наблюдать, как проглоченные ими куски опускаются за ребрами вниз, превращаются в кашу и постепенно исчезают из виду по мере того, как невидимая кровь перерабатывает пищу, — если, конечно, какой-нибудь нормальный человек имел когда-либо возможность наблюдать за процессом пищеварения упырей и не стать объектом этого процесса.

Фафхрд испытывал ужас и вместе с тем возмущение, что он, человек совершенно нейтральный в войне между упырями, минголами и сархеенмарцами, подвергся подобному нападению, а между тем бежавший впереди скелет уже метнул в него один из своих мечей, и северянину пришлось уклониться от летевшего к нему сквозь дым клинка.

Выхватив из-за спины стрелу, он зарядил лук и свалил первого упыря — стрела вошла ему между ребрами, чуть левее грудины. К некоторому своему удивлению, северянин обнаружил, что целиться в жизненно важные органы скелета гораздо легче. Издавая леденящие душу боевые клики, упыри быстро приближались, и по красноватым отсветам пламени, то и дело

вспыхивавшим на их невидимой коже, Фафхрд определил, что существа они хоть и высокие, но крайне тощие, если даже считать, что плоть у них все же есть.

Подстрелив еще двух недругов — последнему он угодил прямо в черную глазницу, — Фафхрд отшвырнул лук, выхватил топор и меч и сделал последний выпад в сторону оставшихся упырей, которые продолжали его настойчиво теснить.

Серый Прутик вошел упырю чуть ниже подбородка и остановил жуткое существо раз и навсегда. Было несколько страшновато наблюдать, как скелет валится наземь, совершенно не гремя при этом костями. Вслед за мечом пришел черед топора, и череп очередного врага отлетел в сторону, а из его повалившегося вперед тела на руку Фафхрда хлынула невидимая, но теплая жидкость.

Эти мрачные события дали возможность третьему упырю обежать своих поверженных товарищей по оружию и ткнуть мечом в Фафхрда; по счастью, нанесенный сверху удар лишь скользнул по ребрам и особого вреда северянину не причинил.

Однако он оказался таким болезненным, что возмущение Фафхрда превратилось в гнев, и

северянин всадил топор в череп упыря, да так сильно, что топор заклинило и он вырвался у него из руки. От этого гнев его мгновенно вылился в слепую ярость, и, увидев, что у четвертого, и последнего, упыря на фоне белых ребер розовеют два соска, он двумя боковыми ударами выбил мечи из рук дамы, стремительно бросившейся на него, после чего прямым левым в челюсть уложил ее на дорогу.

Фафхрд стоял, тяжело отдуваясь, всматриваясь, не подает ли какой-нибудь из поверженных скелетов признаков жизни — чего не было, того не было, — и время от времени осматриваясь по сторонам в поисках нового отряда упырей. Такового тоже не наблюдалось.

Во время стычки привычная к ужасам кобыла не двинула ни одним подкованным копытом. Теперь же она вскинула свою длинную голову, оскалила громадные зубы и тихо заржала.

Спрятав в ножны Серый Прутик, Фафхрд осторожно присел над женским скелетом и приложил пальцы к невидимой шее под подбородком. Пульс едва прощупывался. Без особых церемоний Фафхрд схватил воительницу поперек талии и поднял. Женщина весила немного больше, чем он ожидал, и поразила его своей стройностью,

а также упругостью и гладкостью невидимой кожи. Обуздав охвативший его мстительный порыв, Фафхрд перекинул скелет через луку седла, так что ноги женщины болтались по одну сторону, а тело — по другую. Кобыла оглянулась, снова оскалила желтоватые зубы, однако на этот раз промолчала.

Фафхрд перевязал рану, выдернул топор из черепа, надел на него чехол, подобрал лук и, сев в седло, потрусил дальше по улице сквозь клубы дыма и смерчи колючих искр. Он продолжал посматривать по сторонам, опасаясь засады, но, опустив взор вниз, пришел в некоторое замешательство, узрев на луке седла белый тазовый пояс — причудливую конструкцию из костей, прикрепленных к остальному скелету чуть заметными сухожилиями и полупрозрачными хрящами. Проехав чуть дальше, Фафхрд забросил лук на левое плечо и, чтобы не забыть, что перед ним находится женщина, положил ладонь на сухопарые и теплые невидимые ягодицы.

В Ланкмаре крысы по ночам стали выходить на промысел. Они воровали везде, причем не только пищу. С глаз умершего возчика они стянули погнутые и позеленевшие медяки, а из запертой на три замка шкатулки для драгоценностей, при-

надлежавшей тощей, как привидение, тетушке Глипкерио, — оправленные в платину украшения для носа, ушей и губ, проделав в толстой доске сказочно аккуратную дыру. Самый богатый бакалейщик лишился всех лущеных хруспских орехов, серой икры из заморского Уул-Плерна, сушеных жаворонковых сердец, придающих силу тигровых сердец, фантомьих пальчиков в сахарной пудре и вафель с амброзией, тогда как менее дорогие лакомства остались нетронутыми. Из Центральной библиотеки исчезли редкие пергаменты, включая оригинальные документы, касающиеся прав на прокладку канализации и туннелей в самых старых районах города. С ночных столиков пропадали конфеты, из детских комнат принцев — игрушки, с золотых подносов с закусками — всякие деликатесы, из лошадиных торб — хрустящее зерно. На запястьях обнимающихся влюбленных расстегивались браслеты, не раз были обчищены набитые карманы и кошели стражей, с арбалетами карауливших крыс, а из-под носа у кошек и хорьков исчезала еда.

И вот зловещий штрих: крысы прогрызали дыры только там, где им нужно было сделать проход, никогда не оставляли следов когтей или зубов, ничего не загаживали, а складывали свой

помет аккуратными кучками, словно следили за порядком в доме, в котором намеревались вскоре поселиться навсегда.

На них ставили хитроумнейшие ловушки, раскладывали везде соблазнительно выглядевшую отраву, их норы затыкали свинцовыми пробками и забивали бронзовыми листами, жгли в темных углах свечи, недремлющие стражи дежурили везде, где они могли появиться. И все безрезультатно.

Ко всеобщему ужасу, во многих своих действиях крысы выказывали поистине человеческий ум. В нескольких проделанных ими лазах, которые удалось обнаружить, кусочки дерева, казалось, были не изгрызены, а выпилены, а потом вставлены назад, так что получались крошечные дверцы. К лакомствам, подвешенным для сохранности к потолку, крысы забирались по собственным веревкам, а некоторые перепуганные очевидцы утверждали, будто видели, как крысы сами забрасывают эти веревки наверх на манер лассо или привязывают их к стрелам и выстреливают из маленьких арбалетов. Похоже, среди них существовало разделение труда: одни выступали в роли лазутчиков, другие были командирами и охранниками, третьи — искусными

взломщиками и механиками, четвертые — простыми носильщиками, которые беспрекословно подчинялись своим пискливым командирам.

И что хуже всего, те немногие люди, которым довелось слышать их писк и чириканье, в один голос твердили, что это не обычные звуки, издаваемые животными, а ланкмарские слова, произносимые так быстро и тонко, что разобрать их практически невозможно.

Страх в Ланкмаре набирал силу. Многие припомнили старое пророчество, гласившее, что однажды город будет захвачен темным завоевателем, предводителем жестоких орд, которые прикидываются цивилизованными, но на самом деле дики и одеты в грязные шкуры. Прежде все полагали, что слова эти относятся к минголам, но теперь подумали о крысах.

Даже жирная Саманда была внутренне напугана постоянными набегами на кладовки и буфеты сюзерена, равно как беспрестанным топотком невидимых маленьких лап. Время от времени, часа за два до рассвета, она сгоняла с постелей многочисленных пажей и служанок и в похожей на пещеру кухне, перед полыхающим очагом, в котором можно было зажарить две коровьи туши одновременно и еще поставить дюжины две

противней, проводила массовые допросы и работала кнутом, чтобы успокоить расходившиеся нервы и отвлечь мысли от истинных виновников происходящего. Словно изящные медные статуи, освещаемые оранжевым пламенем, бритые жертвы стояли, согласно ее приказу, кто навытяжку, кто нагнувшись, кто на коленях, а кто лежал, распростершись ниц, перед Самандой, и после артистической обработки кнутом целовали подол ее черного платья или же нежно обтирали ей лицо и шею бело-лиловым полотенцем, предварительно смоченным в ледяной воде и хорошенько выжатым, поскольку эта людоедша так усердно действовала кнутом, что пот брызгал из-под копны ее черных волос и капельками собирался на усах. Стройная Рита еще раз подверглась бичеванию, но потом отомстила, сыпанув пригоршню молотого белого перца в таз с ледяной водой, когда опускала в него использованное полотенце. Правда, в результате очередная жертва была наказана вчетверо строже, но ведь когда кто-то мстит, всегда страдают невинные.

На сей раз этим спектаклем наслаждалась избранная публика, состоявшая из одетых во все белое поваров и ухмыляющихся брадобреев, большинство которых обслуживало всю армию

дворцовой прислуги. Зрители одобрительно хихикали и ржали. За спектаклем наблюдал и Глипкерио, сидевший на галерее за шторой. Орясина-сюзерен был в восторге, его длинные аристократические нервы расслабились не хуже, чем у Саманды, однако внезапно на самых верхних и темных кухонных полках он узрел сотни пар крошечных глаз, принадлежавших незваным зрителям. Глипкерио кинулся в свои личные, хорошо охраняемые покои, его черная тога развевалась и хлопала, словно парус, сорванный штормом с мачты судна. «Скорее бы Хисвин пустил в ход свое могущественное заклинание», — думал сюзерен. Но старый торговец зерном и по совместительству колдун недавно заявил, что одна из планет еще не заняла положение, необходимое для усиления магического воздействия. События в Ланкмаре стали напоминать гонку звезд и крыс. Что ж, на худой конец, размышлял Глипкерио, хихикая и отдуваясь после утомительного пробега, у него есть безотказное средство, которое поможет ему сбежать из Ланкмара и даже Невона и добраться до какого-нибудь иного мира, где его, несомненно, быстро провозгласят монархом или для начала дадут достойное княжество (Глипкерио считал

себя человеком скромным), — и это хоть как-то утешит его после утраты Ланкмара.

9

Не поворачивая прикрытой клобуком головы, Шильба Безглазоликий протянул руку внутрь своей хижины, быстро нащупал какой-то небольшой предмет и протянул его Мышелову.

— Вот тебе ответ на ланкмарское крысиное нашествие, — быстро проговорил он голосом низким, загробным и напоминающим шум гальки в не слишком сильный прибой. — Решив эту задачку, ты справишься и с остальным.

Стоявший ярдом ниже Мышелов поднял голову и на фоне бледного неба увидел небольшую толстую бутылочку, которую Шильба сжимал через ткань своего длиннющего рукава: он предпочитал никому не показывать своих пальцев, если, конечно, это были пальцы. Занимавшийся рассвет серебрился в хрустальной пробке флакона.

Особого впечатления все это на Мышелова не произвело. Он смертельно устал и был перепачкан с головы до ног, которые уже погрузились по щиколотку в топкую грязь и погружались все глубже. Его замызганная шелковая одежда была изодрана так, что починить ее не взялся бы и самый искусный портной. На расцарапанной

коже, там, где она была суха, выступили струпья болотной соли, от которой свербело все тело. Перевязанная рана на левой руке горела и ныла. А теперь начинала болеть и шея — слишком долго он стоял задрав голову.

Вокруг Мышелова раскинулись унылые просторы Великой Соленой топи, многие акры острющей осоки, скрывавшей под собой предательские ключи и опасные омуты и, словно прыщами, усеянной низкими буграми, на которых росли кривые карликовые деревья с колючими ветвями и пузатые кактусы. Фауна же здесь была весьма разнообразна и смертоносна — от морских пиявок, гигантских червей, ядовитых угрей и водяных кобр до низко летавших трупных птиц с крючковатыми клювами и далеко прыгающих соляных пауков с когтистыми лапами.

Черная хижина Шильбы была высотой с беседку укромного дерева, где Мышелов накануне вечером пережил неземное блаженство и чуть было не распрощался с жизнью. Она стояла на пяти коленчатых подпорках, или ногах, четыре из которых были расположены по углам, а пятая в центре. Каждая нога заканчивалась выпуклой круглой пластиной с добрый щит и, по всей видимости, ядовитой, поскольку вокруг повсюду

валялись останки смертоносной болотной фауны.

Дверной проем в хижине был один — низкий и сверху закругленный, словно лаз в нору. В настоящий момент Шильба лежал в нем, опершись подбородком на согнутую в локте левую руку — или что там это у него было, — и, протягивая бутылочку, казалось, смотрел сверху вниз на Мышелова, совершенно равнодушный к тому, что, по логике вещей, Безглазоликий никуда вообще смотреть не может. Несмотря на то что небо на востоке уже розовело, Мышелов не видел в просторном клобуке ничего, кроме густейшего мрака. Устало и, наверное, в тысячный раз Мышелов размышлял, почему Шильбу прозвали Безглазоликим: потому ли, что он был просто слеп, или потому, что между носом и макушкой у него была лишь гладкая кожа? А может, вместо головы у него имелся только самый обычный череп или вместо глаз торчали антенны? Эти раздумья не заставили Мышелова вздрогнуть от страха — слишком он был зол и измучен, — а толстая бутылочка все так же не впечатляла.

Отмахнувшись рукой в перчатке от очередного соляного паука, Мышелов прокричал вверх:

— Что-то твоя бутылочка слишком мала — яду

в ней явно не хватит, чтобы отравить всех ланкмарских крыс. Эй ты, черный мешок, может, все же пригласишь меня немножко выпить, перекусить и обсохнуть? Иначе я наложу на тебя заклятие, которое как-то украл у твоей милости!

— Я тебе не мать, и не любовница, и не нянька, я твой чародей! — глухо, как из бочки, отозвался Шильба. — Оставь свои детские угрозы и перестань дергаться, серый негодник!

Последнее замечание показалось Мышелову невероятно оскорбительным: ну как он мог дергаться, если спина у него буквально разламывалась от усталости? Он с горечью подумал, что совершенно измотался за ночь. Из Ланкмара он вышел через Болотную заставу — к величайшему удивлению и испугу стражников, которые не рекомендовали гулять в одиночку по Великой топи даже днем. При свете луны он двинулся по извилистой насыпной дороге в сторону расщепленного молнией, но все равно очень высокого ястребиного дерева. Там, долго озираясь по сторонам, он засек хижину Шильбы по мерцающему голубоватому свечению, лившемуся из низкой двери, и смело направился к ней по острой осоке. И тут начался кошмар. Глубокие ключи и колючие кочки попадались в самых неожидан-

ных местах, и вскоре Мышелову изменила его способность безошибочно ориентироваться. Голубой огонек куда-то исчез, потом вдруг появился справа, после чего время от времени то приближался, то внезапно пропадал вовсе. Мышелов понял, что ходит около хижины кругами и что Шильба, видимо, заколдовал это место, дабы ему никто не мешал, когда он трудится над наиболее утомительными и жуткими разделами магии. Мышелов дважды чуть было не погиб в зыбучих песках, подвергся нападению длинноногого болотного леопарда, которого принял за хижину, поскольку глаза зверюги испускали голубое свечение и к тому же эта тварь имела обыкновение ими моргать, и только после всего этого, когда звезды на небе уже начали тускнеть, добрался до места назначения.

Тут он немедленно выложил Шильбе все свои недавние неприятности и потребовал помощи в решении каждой из проблем: приворотного зелья для Хисвет, зелья дружелюбия для Фрикс и Хисвина, опекунского зелья для Глипкерио, противомингольной мази, черного альбатроса, чтобы послать его к Фафхрду с просьбой поспешить домой, и еще чего-нибудь от крыс. В результате же была удовлетворена лишь послед-

няя из просьб.

Мышелов покрутил головой, чтобы немного размять сведенную шею, отмахнулся кончиком Скальпеля от морской рыбы и кисло посмотрел на бутылочку.

— И как я должен этим пользоваться? — осведомился он. — По капле в каждую крысиную нору? Или отловить несколько крыс, влить в них по ложечке снадобья и выпустить на волю? Имей в виду: если тут есть семена Черной Хвори, я натравлю на тебя весь Ланкмар, и ты вылетишь из топи как пробка.

— Ничего ты не поймаешь, — презрительно проскрипел Шильба. — Тебе нужно найти место, где собираются крысы, и самому выпить жидкость.

Брови Мышелова поползли на лоб. Через несколько мгновений он спросил:

— И что будет? У меня появится на крыс дурной глаз и я смогу убивать их взглядом? А может, я стану ясновидящим и увижу сквозь землю и камни их главные гнездовища? Или же чудесным образом возрастут мои умственные способности и хитрость? — добавил он, хотя, по правде говоря, в возможности последнего очень сильно сомневался.

— А всего понемножку, — беззаботно отозвался Шильба и кивнул клобуком. — Это даст тебе точку опоры, чтобы справиться с ситуацией. У тебя появится возможность совладать с крысами и довести дело до их полного уничтожения — таким могуществом еще не обладал ни один человек на земле. Держи. — Шильба отпустил бутылочку, и Мышелов подхватил ее на лету. Шильба тут же добавил: — Снадобье действует ровно девять часов, с точностью до одного удара пульса, число которых за день составляет, по моим расчетам, одну десятую миллиона, так что ты должен справиться с делом за три восьмых этого времени. И не забудь по окончании сделать мне подробный доклад. А теперь прощай. И не иди за мной.

Шильба скрылся в глубине хижины, которая тотчас, сгибая ноги в коленях, с громким чавканьем вытащила по очереди свои щитообразные ступни из грязи и двинулась прочь — сперва несколько тяжеловесно, но потом все быстрее и быстрее, легко скользя по осоке, словно огромный жук-водомерка.

Мышелов смотрел ей вслед с гневом и изумлением. Теперь он понял все: и что со способностью ориентироваться у него все в порядке, и почему ему так долго не удавалось попасть к хижине,

и почему теперь нигде не видно высокого ястребиного дерева. Ночью колдун заставил-таки Мышелова погоняться за ним и, должно быть, позабавился всласть.

Когда до измученного и провонявшего грязью Мышелова дошло, что Шильба мог бы сейчас запросто доставить его в своей хижине к Болотной заставе, ему очень захотелось запустить этой дурацкой бутылочкой вслед пятиногому транспортному средству.

Однако вместо этого он тщательно примотал пробку куском бинта, чтобы та ненароком не вывалилась, сунул бутылочку в кошель и крепко стянул его тесемкой. Он пообещал себе, что если снадобье не поможет, то напустит на Шильбу весь Ланкмар, и тогда уж колдуну не поздоровится. Затем, собравшись с силами, Мышелов одну за другой вытащил из болота ноги, которые погрузились уже почти по колено, отковырнул Кошачьим Когтем пару мерцающих морских слизней, прилепившихся к его левому сапогу, им же раскроил гигантского червя, обвившегося вокруг его правой лодыжки, допил остатки прокисшего вина, выбросил флягу и зашагал в сторону крошечных башенок Ланкмара, которые едва виднелись в тумане на западе, прямо под

бледной ущербной луной.

Крысы в Ланкмаре распоясались уже вовсю, нанося раны и увечья всему живому. Псы с воем прибегали к хозяевам, и те вытаскивали у них из морд острые, как иголки, стрелы. Кошки забирались куда-нибудь подальше и зализывали крысиные укусы. Визжащих хорьков с переломанными лапами доставали из крысиных капканов. Обделавшаяся от ужаса черная мартышка Элакерии чуть было не утонула в глубокой и скользкой серебряной ванне своей хозяйки — крысы каким-то образом заманили зверька в благоухающую воду.

Почувствовав на лице крысиные зубы, спавшие в постелях люди с воплем вскакивали и часто видели черную тень, которая пробегала по одеялу и спрыгивала с кровати. Красивые или просто напуганные женщины спали теперь в масках из серебряной филиграни либо толстой кожи. В большинстве домов, от самых богатых до убогих, люди спали при свете свечей посменно, оставляя бодрствовать дежурных. В городе стало не хватать свечей, а цены на лампы и фонари сделались просто немыслимыми. Прохожие опасались за свои лодыжки и даже по широким улицам ходили редко, не говоря уж о переулках. Крысы

не появлялись лишь на улице Богов, тянувшейся от Болотной заставы до зернохранилищ на берегу Хлала, поэтому ее храмы ломились от толп и буквально все — люди богатые и бедняки, верующие и те, кто до сих пор считали себя атеистами, — молились об избавлении от крысиной чумы десяти тысячам и одному ланкмарским богам и даже жутким и равнодушным истинным богам Ланкмара, чей всегда запертый храм с колокольней стоял в самом конце улицы, напротив вытянутого кверху дома зерноторговца Хисвина.

В ходе жестокой и отчаянной борьбы затоплялись крысиные норы, порой даже отравленной водой, кузнечными мехами в них вдувался дым от горящего фосфора и серы. По приказу Верховного Совета и после нерешительного согласия Глипкерио, который все твердил о каком-то секретном оружии, из главных житниц страны на юге и западе были призваны в город профессиональные крысоловы. Олегний же Минологубец, действуя исключительно по собственному почину, вызвал из Товилийса, Картишлы и даже с Края Земли отряд черных солдат, которые двинулись к Ланкмару ускоренным маршем и получили по пути необычное оружие и предметы обмундирования, вызвавшие крайнее удивление и насмешки в

адрес интендантов в частности и ланкмарской военной бюрократии в целом: это были вилы на длинных рукоятках, метательные шары, утыканные множеством острых иголок, сети со свинцовыми грузилами, серпы, большие кожаные рукавицы и маски из того же материала.

В ожидании погрузки «Каракатица» стояла на швартовах у пирса подле зернохранилищ, недалеко от конца улицы Богов. Слинур целыми днями в тревоге расхаживал по палубе; он заказал полированные медные диски около ярда в диаметре, которые были надеты посередине на каждый швартов, чтобы крысы не могли перебраться на судно. Черный котенок почти все время сидел на верхушке мачты, беспокойно поглядывая в сторону города, и спускался вниз, только чтобы перекусить. Других портовых кошек на «Каракатице» не было, как, впрочем, не было их и на пристани.

В облицованных зеленой плиткой покоях Радужного Дворца Глипкерио Кистомерсеса, стоя в толпе вооруженных вилками пажей и офицеров конвоя с кинжалами наголо и арбалетами на взводе, Хисвин пытался унять истерику монарха-орясины, которому с полдюжины нагих служанок гладили лоб и пальцы рук, целовали

пальцы на ногах, предлагали вино и черные опиумные шарики величиной с маковое зерно, стараясь его успокоить.

Вырвавшись из рук своих восхитительных прислужниц, которые несколько поумерили свой пыл, Глипкерио раздраженно захныкал:

— Хисвин, Хисвин, поторопись. Народ начинает роптать. Совет и главнокомандующий без моего согласия принимают какие-то меры. А некоторые полоумные лизоблюды начинают поговаривать о том, чтобы сей трон в форме морской раковины занял мой слабоумный кузен Радомикс Кистомерсес Незаметный. Хисвин, крысы бродят по улицам днем и ночью, и, по-моему, их уже вполне можно поразить твоим заклинанием. Ну когда же эта твоя планета займет надлежащее место на усеянной звездами сцене и ты сможешь начать свое словесное и пальцевое колдовство против крыс? В чем же задержка, Хисвин? Я повелеваю этой планете двигаться быстрее! Иначе я пошлю экспедицию за неизведанное Внешнее море, и она ее потопит!

Тощий и сутуловатый торговец зерном печально втянул щеки под клапанами черного кожаного шлема, возвел круглые глазки к потолку и вообще напустил на себя крайне благочестивый вид.

— Увы, о мой отважный сюзерен, — проговорил он, — путь этой звезды пока еще не может быть предсказан с абсолютной точностью. Опасаться тебе нечего, она скоро достигнет нужного места, однако когда именно это произойдет, не могут определить даже самые сведущие астрологи. Кроткие волны гонят ее вперед, а вредоносный небесный прибой относит назад. Она находится в самой сердцевине космического шторма. Словно самоцвет величиной с айсберг, плавающий в голубых водах небес, она подвержена их течениям и круговоротам. Кроме того, не забывай мои слова о твоем коварном гонце Сером Мышелове, который стакнулся с могущественными магами и чародеями, работающими против нас.

Нервно одернув черную тогу и шлепнув своими длинными пальцами по руке служанку, которая попыталась поправить ему одеяние, Глипкерио сварливо заблекотал:

— То Мышелов, то звезды. Уж больно беспомощный из тебя волшебник. Сдается мне, что крысы властвуют не только над улицами и домами Ланкмара, но и над звездами.

Рита — а это ее сюзерен шлепнул по руке — издала беззвучный, но весьма философический вздох, тихонько, словно мышка, сунула покрас-

невшую руку под тогу властелина и принялась слегка почесывать ему живот, одновременно представляя себе, будто стоит, опоясанная кушаками Саманды с болтающимися на них ключами, цепями и кнутами, а ревущая в три ручья нагая дворцовая экономка валяется перед ней.

Между тем Хисвин заговорил нараспев:

— Справиться с этими пагубными мыслями тебе поможет один очень действенный палиндром. Послушай: «Атака звезд опала под зев заката». Повторяй его вслух и про себя, когда в ожидании решающей схватки с мохнатыми недругами ты впадешь в меланхолию, о мой бесстрашнейший командир.

— Ты пичкаешь меня одними словами, а мне нужны действия, — пожаловался Глипкерио.

— Я пришлю к тебе свою дочь Хисвет. Она выучила очень поучительным эротическим штучкам новую дюжину белых крыс, сидящих в серебряной клетке.

— Крысы, крысы, крысы! Ты что, хочешь свести меня с ума? — злобно пропищал Глипкерио.

— Я тотчас же велю ей уничтожить этих безобидных зверушек, хотя они и крайне способны, — примирительно ответил Хисвин, склоняясь как можно ниже, чтобы никто не

увидел злобной гримасы на его лице. — А потом, буде того пожелает твое величество, моя дочь успокоит твои истерзанные ожиданием битвы нервы мистическими ритмами, которым она выучилась в Восточных землях. А ее служанка Фрикс весьма искусна в изысканном массаже, известном только ей да еще нескольким мастерицам в Квармалле, Когнабе и Клеше.

Глипкерио поднял плечи, надул губы и издал нечленораздельный звук, выражавший нечто среднее между безразличием и невольным удовлетворением.

В этот миг с полдюжины офицеров и пажей, сбившись в кучу, направили свои взоры и оружие в сторону двери, в которой появилась низкая белая тень.

Поглощенная мысленным созерцанием того, как Саманда с визгом и стонами катается по кухне, а все вокруг таскают ее за длинные черные волосы и колют вынутыми из них булавками, Рита, почесывая своему монарху живот, нечаянно дернула за попавший ей под пальцы пучок волос.

Монарх взвился, словно пронзенный кинжалом, и взвизгнул тонко и пронзительно.

Крошечный белый котенок, нервно топтавший-

ся в дверях и с испугом озиравшийся розовыми глазенками, подскочил и унесся прочь, как будто сметенный невидимой метлой.

Тяжело отдуваясь, Глипкерио покачал под носом у Риты указательным пальцем. Девушка с трудом сдержалась, чтобы не укусить мягкий надушенный кусочек плоти, казавшийся ей длинным и мерзким, словно белая гусеница гигантской лунной бабочки.

— Отправляйся к Саманде! — приказал сюзерен. — И подробно опиши ей, как ты меня оскорбила. Пусть она заранее известит меня о часе твоего наказания.

Вопреки обыкновению Хисвин позволил себе скроить легкую гримасу, в которой сквозило презрение к ухваткам его повелителя. Серьезным и профессиональным тоном он проговорил:

— Чтобы лучше подействовало, повторяй мой палиндром с конца к началу, буква за буквой.

Мышелов мирно похрапывал на толстом матрасе в крохотной спальне над мастерской Джоха Ловкие Пальцы, а тем временем сам портной, сидя внизу, яростно скреб и чинил одежду и снаряжение Мышелова. На полу рядом с матрасом стояли два кувшина с вином — один полный, другой наполовину опорожненный, — а под

подушкой лежала полученная от Шильбы бутылочка, которую Мышелов для верности сжимал в левом кулаке.

Было уже далеко за полдень, когда, совершенно выбившись из сил, он вылез из Великой Соленой топи и миновал Болотную заставу. Джох предоставил ему ванну, вино и постель, а также относительную безопасность — насколько он мог обеспечить таковую своему старому приятелю по трущобам.

Мышелов сразу провалился в сон, и только теперь ему начали грезиться картины славы, которую он завоюет, когда докажет Глипкерио, что может справиться с крысами гораздо лучше, чем Хисвин. Во сне он как-то не принимал во внимание, что Хисвин — не враг крысам, а скорее союзник, если, конечно, лукавый зерноторговец уже не решил, что пришел час переметнуться на другую сторону.

Растянувшись на вершине холма в ложбинке, залитой светом луны и костра, Фафхрд беседовал с разлегшейся неподалеку упыриней-скелетом по имени Крешкра, которую, впрочем, он ласково называл Костеночком. Зрелище было незаурядное, но зато могло тронуть сердца всех не лишенных воображения возлюбленных, а также

противников расовой дискриминации в любом из бесконечного множества миров.

Необычные собеседники поглядывали друг на дружку с нежностью. Куртка Фафхрда была распахнута, и белая кожа, просвечивающая сквозь буйную поросль на его груди, составляла очаровательный контраст с бликами костра на теле Крешкры, которые вспыхивали то тут, то там на фоне ее скелета цвета слоновой кости. Губы девушки, словно две алые рыбки, головы и хвосты которых склеились, то чуть подрагивали, то принимались играть, обнажая жемчужные зубки. Груди вздымались над грудной клеткой двумя половинками персика — местами бледно-розовыми, местами пурпурными.

Фафхрд задумчиво переводил взгляд с одного из этих ярких украшений на другое.

— Почему? — в конце концов осведомился он.

Смех девушки рассыпался стеклянными колокольчиками.

— Ах, Нечистый, как же ты мил и глуп! — проговорила она по-ланкмарски с забавным акцентом. — Девушки, которые не принадлежат к племени упырей, — все твои предыдущие дамы, насколько я понимаю, да порубят их в преисподней на фарш! — привлекают внимание к своим

прелестям, скрывая их под роскошными тканями или драгоценными металлами. Мы же обладаем прозрачной плотью и презираем всяческие одежды, поэтому нам приходится идти другим путем и пользоваться косметикой.

Фафхрд лениво хмыкнул в ответ. Теперь он переводил взгляд со своей милой попутчицы с белым костяком на луну, которая просвечивала сквозь гладкие светло-серые ветви сухого колючего дерева, росшего на краю ложбины, и любовался этим контрастом. Ему казалось странным, хотя, впрочем, не слишком, что его чувства к Крешкре изменились столь быстро. Прошлой ночью, когда примерно в миле от горящего Сархеенмара девушка пришла в себя после нокаута, он уже было хотел прикончить ее, но она повела себя настолько отважно, а позже оказалась такой задорной, милой и сообразительной попутчицей, хотя и суховатой, как то приличествует скелету, что, когда розовая полоска зари сперва слилась с заревом пожара, а потом и затмила его, северянину показалось вполне естественным, что она едет вместе с ним по направлению к югу, сидя на крупе лошади. Он подумал, что такая попутчица может без всякого оружия обратить в бегство разбойников, которые бесчинствова-

ли в окрестностях Илтхмара и считали упырей мифом. От предложенного хлеба Крешкра отказалась, но немного вина выпила. Ближе к вечеру ему удалось подстрелить из лука песчаную антилопу, и у них получился сытный ужин, причем свою порцию девушка съела сырой. Все, что Фафхрд слышал о пищеварении упырей, оказалось правдой. Поначалу северянина беспокоило то обстоятельство, что Крешкра отнеслась к потере своих товарищей с виду совсем равнодушно, и он начал даже подозревать, что она пытается дружелюбным поведением усыпить его подозрения, чтобы потом убить, но потом он решил, что жизнь и смерть не имеют слишком уж большого значения для упырей, которые так похожи на скелеты.

Серая мингольская кобыла, привязанная к колючему дереву на краю ложбины, внезапно вскинула морду и заржала.

Где-то очень высоко в черном ветреном небе со спины мощного черного альбатроса соскользнула летучая мышь и стала, кружась, словно громадный черный лист, спускаться на землю.

Фафхрд вытянул руку и запустил пальцы в невидимые, но длинные волосы Крешкры.

— Скажи, Костеночек, почему ты называешь

меня Нечистым?

Девушка безмятежно ответила:

— Все ваше племя кажется нам грязным, ведь наша плоть чиста, как бегущая вода в ручье, который не мутят ни люди, ни дожди. Кости прекрасны. Они созданы для того, чтобы их все видели. — Протянув свою руку скелета, она мягко прикоснулась к груди Фафхрда, поиграла с волосами на ней, потом снова заговорила, серьезно глядя в звездное небо: — Мы, упыри, испытываем такое сильное эстетическое отвращение к грязной плоти, что считаем своим священным долгом делать эту плоть кристально прозрачной, пожирая ее. Но я не имею в виду тебя, Нечистый, по крайней мере не сегодня, — добавила она и дернула за рыжий завиток.

Фафхрд схватил ее легонько за запястье.

— Выходит, твое расположение ко мне противоестественно, во всяком случае по упырским меркам? — с некоторым вызовом спросил он.

— Не смею спорить со своим повелителем, — с язвительной ноткой в голосе ответила девушка.

— Не буду стоять, вернее, лежать на своем, — пробормотал Фафхрд. — Мне повезло, какими бы ни были твои побуждения и как бы мы их ни называли. — Голос его зазвучал громче. — Скажи,

Костеночек, как тебе удалось выучить ланкмарский?

— Ну и бестолочь ты все же, Нечистый, — снисходительно отозвалась Крешкра. — Это ж наш родной язык. — В ее голосе появились мечтательные нотки. — Мы заговорили на нем тысячу лет назад, когда Ланкмарская империя простиралась от Квармалла до гор Пляшущих Троллей и от Края Земли до моря Монстров, когда Кварч-Нар назывался Хваршмаром, а мы, одинокие упыри, лишь пили кровь покойников в глухих переулках да на кладбищах. У нас был и другой язык, но ланкмарский оказался проще.

Фафхрд отпустил руку девушки и, опершись ладонью о землю, заглянул в ее черные глазницы. Тихонько охнув, она провела пальцами по его бокам. Сдерживая охватившее его желание, Фафхрд проговорил:

— А скажи, Костеночек, как тебе удается что-то видеть — ведь свет пронизывает тебя насквозь? Ты что, видишь задней стенкой черепа?

— Вопросы, вопросы, одни вопросы, — простонала Крешкра.

— Я просто хочу стать немножко менее глупым, — покорно объяснил Фафхрд.

— Но мне нравится, что ты глупый, — вздохну-

ла девушка. Затем, приподнявшись на локте и оказавшись лицом к пылающему костру — плотная древесина колючего дерева горела медленно и ярко, — она проговорила: — Посмотри как следует мне в глаза. Нет, не так, повернись спиной к костру. Видишь в каждом глазу маленькую радугу? Свет преломляется в них, и в мозгу возникает изображение.

Признав, что видит две радуги, Фафхрд нетерпеливо продолжал:

— Погоди, продолжай смотреть на огонь, я хочу тебе что-то показать. — Согнув пальцы одной руки в трубочку, он приставил ее одним концом к глазу Крешкры и, приложив пальцы к другому ее концу, сказал: — Смотри! Видишь, как просвечивает огонь сквозь кончики моих пальцев? Значит, и я немного прозрачный, то есть местами чистый.

— Да, вижу, вижу, — пробубнила девушка. Отвернувшись от северянина и от костра, она сказала: — Но мне ведь нравится, что ты грязный. — И, положив ладони ему на плечи, добавила: — Иди ко мне и будь еще грязнее.

Глядя на ее череп с жемчужными зубами и различая в каждой глазнице по крошечному переливчатому лунному серпу, Фафхрд вспомнил,

что однажды некая колдунья с севера сказала им с Мышеловом, что они крутят любовь со смертью. Что ж, она оказалась права, по крайней мере в отношении его, вынужден был признать Фафхрд, все сильнее прижимаясь к Крешкре.

В этот миг послышался тонюсенький свист, очень высокий, почти неразличимый, однако ввинчивающийся в уши двумя иглами толщиной с волос. Фафхрд резко обернулся, Крешкра подняла голову, и влюбленные обнаружили, что, кроме мингольской кобылы, за ними наблюдает еще и летучая мышь, висящая вверх ногами на высокой ветви колючего дерева.

Движимый смутным предчувствием, Фафхрд вытянул указательный палец в сторону черной летуньи, и та немедленно перепорхнула на этот новый насест. Северянин снял у нее с лапки пергаментную трубочку, пружинящую, словно она была сделана из листка тончайшей закаленной стали, отшвырнул мышь назад на дерево, развернул черный пергамент и, пододвинувшись к костру, прочитал написанный белыми буквами текст:

«Мышелов в ужасной опасности. Ланкмар тоже. Посоветуйся с Нингоблем Семиоким. Главное — быстрота. Не потеряй оловянный свисток».

Вместо подписи стоял неправильной формы овал — один из знаков Шильбы Безглазоликого.

Положив белую челюсть на белые же костяшки пальцев, Крешкра наблюдала своими непроницаемо-черными глазными впадинами, как Фафхрд стал надевать пояс с мечом.

— Ты покидаешь меня, — безучастно проговорила она.

— Да, Костеночек, я должен лететь быстрее ветра, — торопливо согласился северянин. — Моему лучшему другу грозит страшная беда.

— Он, разумеется, мужчина, — все таким же бесцветным голосом проговорила девушка. — У нас, упырей, мужчины не покидают своих возлюбленных ради товарищей по оружию.

— Это совсем иная любовь, — возразил Фафхрд, отвязывая от дерева кобылу и ощупывая свисавший с луки кошель, чтобы удостовериться, что оловянный цилиндрик не пропал. Затем он перевел разговор в более практическую плоскость: — У нас еще осталась половина антилопы, так что на дорогу домой еды тебе хватит. Она сырая.

— Стало быть, ты считаешь мой народ пожирателем мертвечины, а я значу для тебя ровно то же, что и половина антилопы?

— Ну, я часто слышал, что упыри… Да нет, у меня и в мыслях не было расплачиваться с тобой… Послушай, Костеночек, я не собираюсь спорить, все равно мне тебя не переубедить. Просто поверь, что мне нужно одинокой молнией лететь в Ланкмар и по дороге посоветоваться со своим наставником-чародеем. Я не могу взять тебя — да и вообще никого — с собой.

Крешкра с любопытством огляделась по сторонам:

— А кто просит тебя ехать? Летучая мышь, что ли?

Закусив губу, Фафхрд проговорил:

— Вот, я оставляю тебе свой охотничий нож. — Девушка не ответила, и северянин, положив нож возле ее руки, спросил: — Ты умеешь стрелять из лука?

Словно обращаясь к какому-то невидимому собеседнику, девушка-скелет сказала:

— А сейчас Нечистый поинтересуется, сумею ли я вырезать у человека печенку. Да чего там, все равно он уже завтра мне надоел бы, и я, делая вид, что хочу поцеловать его в шею, прокусила бы ему артерию за ухом, выпила бы из него кровь и съела бы его грязную мертвую плоть, оставив лишь его глупый мозг, чтобы не заразиться и

самой не стать идиоткой.

Воздержавшись от комментариев, Фафхрд положил лук и колчан со стрелами рядом с охотничьим ножом. Затем он присел и хотел было поцеловать девушку на прощание, но та в последний миг отвернулась и подставила ему холодную щеку.

Фафхрд поднялся и заметил:

— Хочешь верь, хочешь нет, но я вернусь и отыщу тебя.

— Ты не сделаешь ни того ни другого, — возразила Крешкра, — меня не будет нигде.

— И все равно я тебя поймаю, — сказал северянин. Он уже распутал лошади ноги и теперь стоял рядом с ней. — Потому что ты подарила мне такое небывалое и удивительное наслаждение, что с тобой не сравнится ни одна женщина в мире.

Глядя куда-то в ночь, девушка-упириня проговорила:

— Поздравляю тебя, Крешкра. Ты сделала человечеству подарок — невыразимые восторги. Давай, Нечистый, лети как молния, я тоже страсть как люблю сильные ощущения.

Сжав губы, Фафхрд несколько мгновений смотрел на девушку, потом одним движением завернулся в плащ, и летучая мышь, подлетев,

тут же прицепилась к нему.

Крешкра кивнула:

— Вот я и говорю — летучая мышь.

Фафхрд вскочил в седло и поскакал вниз по склону.

Вскочив на ноги, Крешкра схватила лук и стрелу, подбежала к краю ложбины и прицелилась Фафхрду в спину; простояв так три удара сердца, она выпустила стрелу в сторону колючего дерева. Стрела вонзилась в самую середину серого ствола.

Услышав звон тетивы, свист стрелы и ее удар о дерево, Фафхрд быстро обернулся. Костлявая рука ласково махала ему и не опустилась, пока он не достиг дороги у подножия холма, где он пустил кобылу в мощный галоп.

В течение двух ударов сердца Крешкра постояла в задумчивости на вершине холма, затем, отцепив нечто невидимое от пояса, бросила в самую середину догорающего костра.

Среди фейерверка искр в воздух, футов на двенадцать, взметнулся ярко-голубой язык пламени и горел примерно столько же ударов сердца. В его свете скелет Крешкры казался сделанным из вороненого железа, а ее мерцающая плоть — из клочков ночного тропического неба, но полюбо-

ваться этой красотой было некому.

Оглянувшись на всем скаку, Фафхрд увидел острый и тонкий язык огня и нахмурился.

В эту ночь крысы в Ланкмаре уже убивали. Коты погибали от выпущенных из арбалетов крошечных стрел, которые проходили через узкий вытянутый зрачок и впивались в мозг. Разложенный на полу крысиный яд каким-то хитрым способом попадал в собачью еду. Мартышка Элакерии погибла, распятая на изголовье кровати из сандалового дерева этой жирной распутницы, прямо напротив серебряного зеркала до потолка, которое полировалось ежедневно. Младенцев находили в колыбелях закусанными до смерти. Несколько взрослых были ранены глубоко вонзившимися стрелками, намазанными какой-то черной гадостью, и скончались после многочасовых конвульсий. Многие пили, чтобы заглушить страх, однако некий одинокий старик, упившись вусмерть, истек кровью, так как его артерии были в нескольких местах аккуратно перерезаны. Тетушка Глипкерио, мать Элакерии, задохнулась, попав в петлю, повешенную над крутой темной лестницей, ступени которой для скользкости были политы маслом. Некую отважную проститутку съели заживо на площади Тайных Восторгов,

причем никто не обратил внимания на ее вопли.

Крысы расставляли столь замысловатые ловушки и, судя по косвенным уликам, так умело владели оружием, что многие жители твердили, будто у некоторых из грызунов, в особенности у неуловимых альбиносов, вместо передних лапок настоящие руки, заканчивающиеся пальцами с когтями, — не говоря уж о том, что люди неоднократно видели крыс, бегущих на задних лапках.

Хорьков целыми стаями загоняли в крысиные норы. Ни один не вернулся. Устрашающего вида солдаты в коричневых доспехах и масках-мешках на голове целыми отрядами носились по улицам, тщетно выискивая врага, против которого они смогли бы применить свое хваленое новое оружие. В самые глубокие городские колодцы был насыпан яд — в предположении, что они доходят до подземного крысиного города и грызуны берут из них питьевую воду. Крысиные норы так немилосердно заливались горящей серой, что потом приходилось отрывать солдат от исполнения основных обязанностей для тушения пожаров.

На следующий день начался исход, который продолжился и ночью: люди уходили морем — на яхтах, баржах, лодках и плотах, и сушей — в экипажах, повозках или пешком через Зерновую

заставу на юг и через Болотную на восток, однако Глипкерио по совету Хисвина, а также дряхлого и жестоковыйного главнокомандующего Олегния Мингологубца силой прекратил бегство, не остановившись даже перед кровопролитием. Галера Льюкина вместе с другими военными кораблями окружила беглецов и погнала их назад к причалам, не считая, естественно, яхт богачей, которым удалось откупиться золотом. Вскоре, со скоростью вести об изобретении нового греха, распространился слух, что раскрыт заговор, имевший целью умерщвить Глипкерио и посадить на трон любимого в народе, его неимущего и ученого кузена Радомикса Кистомерсеса Незаметного, который держал в доме семнадцать кошек. Ударный отряд, состоявший из стражей порядка в штатском и ланкмарской пехоты, тотчас же был послан из Радужного Дворца в залитую светом факелов темноту, дабы схватить Радомикса, однако того успели вовремя предупредить, и он вместе с кошками скрылся в трущобах, где у них было много друзей как человечьего, так и кошачьего племени.

Черепашьим шагом ночь ужаса клонилась к закату, и улицы, где постепенно не осталось ни одного прохожего, стали необычно молчаливы

и темны: все подвалы и многие первые этажи были заперты и забаррикадированы сверху. И лишь на улице Богов все еще толпился народ — там можно было не бояться нападения крыс и найти забвение от страхов. В других же местах слышалась лишь поступь совершающей обход ночной стражи да тихий топоток и писк, которые становились все более смелыми и частыми.

Рита распростерлась перед громадным кухонным очагом и старалась не обращать внимания на Саманду, которая, рассевшись в объемистом кресле дворцовой экономки, проверяла свои кнуты, розги, палки и прочие орудия наказания, время от времени со свистом рассекая воздух одним из них. Рита была привязана к большому кольцу, привинченному к полу посреди кухни длинной и тонкой цепью, которая тянулась от обруча у нее на шее. Порой Саманда задумчиво поглядывала на девушку и каждые полчаса, вместе со звоном колокола, приказывала девушке встать по стойке смирно, после чего иногда давала какое-нибудь пустяковое поручение — к примеру, наполнить ей кружку вином. И между тем она до сих пор ни разу не ударила Риту и, насколько той было известно, не послала человека к Глипкерио, чтобы сообщить о том, когда

начнется экзекуция.

Рита понимала, что ей намеренно взвинчивают нервы, откладывая наказание, и пыталась забыться в дреме и мечтах. Однако всякий раз, когда ей удавалось задремать, ее начинали мучить кошмары, и пробуждения каждые полчаса становились просто невыносимыми, а мечты о жестокой расправе над Самандой в данной ситуации не находили отзвука в душе у девушки. Она пыталась предаться романтическим фантазиям, однако располагала для этого слишком скудным материалом. Среди прочего ей припомнился невысокий воин в сером, который спросил, как ее зовут, в день, когда она подверглась наказанию за то, что, испугавшись крыс, уронила поднос. Он, по крайней мере, был учтив и, похоже, считал ее не просто живым сервировочным столиком, но, наверное, уже давным-давно позабыл о ней.

Внезапно в усталом мозгу девушки мелькнула мысль: если ей удастся подманить Саманду поближе, то при быстрых и решительных действиях она, возможно, сумеет задушить мегеру своей цепью. Но от этой мысли Риту лишь бросило в дрожь. В конце концов она дошла до того, что стала перечислять в уме имеющиеся у нее преимущества; например, у нее не было волос, так

что повыдергивать их или спалить не мог никто.

Серый Мышелов проснулся уже за полночь свежим и готовым к действию. Перевязанная рана не болела, хотя левое предплечье немного онемело. Однако появиться перед Глипкерио было уместно лишь днем, а поскольку воспользоваться противокрысиной магией Шильбы Мышелов собирался лишь в присутствии восхищенного сюзерена, то он решил снова заснуть с помощью остававшегося вина.

Действуя совершенно бесшумно, чтобы не потревожить Джоха Ловкие Пальцы, который устало похрапывал на матрасе рядом с ним, Мышелов быстро прикончил початый кувшин и уже не спеша принялся за следующий. Но сон упрямо не шел к нему. Напротив, чем больше он пил, тем бодрее билась у него в жилах кровь. В результате, пожав плечами и улыбнувшись, Мышелов бесшумно взял Скальпель и Кошачий Коготь и крадучись спустился вниз.

В тусклом свете лампы с роговым абажуром и привернутым фитилем он увидел свою одежду и снаряжение, аккуратно разложенные на прибранном столе Джоха. Сапоги и другие кожаные предметы были тщательно вычищены и смазаны маслом, серая шелковая туника и плащ

— выстираны, высушены, аккуратно зашиты и заштопаны двойным швом. Благодарно взмахнув рукой в сторону потолка, Мышелов быстро оделся, снял с потайного крючка один из двух одинаковых, смазанных маслом больших ключей, отпер дверь, бесшумно отворил ее на хорошо покрытых смазкой петлях, выскользнул на улицу и запер за собой замок.

Мышелов стоял в густой тени. Лунный свет беспристрастно серебрил изъеденные зубами времени стены со всеми их потеками, плотно закрытые ставнями окошки, запертые двери, истоптанные каменные порожки под ними, древние булыжники мостовой, обрамленные бронзой водостоки, валявшийся повсюду мусор. Улица была молчалива и пуста. «Именно так, — подумал Мышелов, — должен выглядеть ночью город Упырей — с той лишь разницей, что там по улицам, наверное, ходят скелеты на своих узких костистых ступнях цвета слоновой кости, которые никогда не клацают».

Словно огромный кот, Мышелов осторожно вышел из тени. Пухлая неправильной формы луна ярко сверкала над зубчатым коньком крыши дома, где жил Джох. Вскоре, сделавшись частью этого посеребренного мира, Мышелов уже быст-

ро и широко ступал на губчатых подошвах по Грошовой улице в сторону скрытого за поворотом перекрестка с улицами Мыслителей и Богов. Слева параллельно Грошовой шла Бардачная, справа — Извозчицкая и Пристенная; все четыре улицы повторяли изгибы Болотной стены, вдоль которой тянулась Пристенная.

На первых порах тишина была абсолютной. Двигаясь по-кошачьи, Мышелов и шума производил не больше, чем кот. Затем он услышал это — легкий топоток, напоминавший стук первых дождевых капель или первый порыв бури в листве небольшого дерева. Мышелов замер и огляделся по сторонам. Топоток тут же прекратился. Всмотревшись в тень, Мышелов различил лишь две точки, блестевшие рядом друг с дружкой в куче мусора, которые могли быть чем угодно — от капель воды до рубинов.

Он снова тронулся в путь. Топоток немедленно возобновился, причем стал сильнее, словно буря должна была вот-вот разразиться. Мышелов прибавил шагу, и вот тут-то они на него и налетели: двумя неровными линиями, серебрившимися в лунном свете, маленькие животные бросились к нему из мрака справа, из-за груд мусора, и сзади, из водостоков, а несколько крыс вылезли даже

из-под неплотно пригнанных дверей.

Он побежал — вприпрыжку и гораздо быстрее своих недругов; Скальпель молниеносно разил врагов одного за другим, словно серебристый жабий язык, вонзаясь им в жизненно важные органы, как будто Мышелов был каким-то фантастическим мусорщиком, а крысы — живым мусором. Грызуны продолжали выскакивать на него откуда-то спереди, но большинство из них он обогнал, а остальных прикончил. Выпитое вино сделало Мышелова абсолютно уверенным в себе, и его бег казался ему похожим на танец — танец смерти, в котором крысы изображали род людской, а он — его ужасную повелительницу, только вооруженную не косой, а мечом.

Улица свернула вбок, и тень поменялась местами с серебристой стеной. Увернувшись от Скальпеля, большая крыса прыгнула Мышелову на пояс, но он ловко смахнул ее на острие Кошачьего Когтя, одновременно пронзив мечом еще двух недругов. «Никогда в жизни, — радостно подумал человечек в сером, — я не был до такой степени Серым Мышеловом, истреблявшим своих исконных врагов».

Внезапно что-то прожужжало у его носа, словно рассерженная оса, и сразу все изменилось. В

голове у Мышелова яркой вспышкой промелькнули картины в высшей степени странной и решающей ночи на борту «Каракатицы», ночи, которая уже начала было терять для него всякую реальность и в которой были крысы с арбалетами, Скви с мечом у его артерии, и он впервые понял, что имеет дело не с обыкновенными и даже не с необычными крысами, а с представителями чужой и враждебной цивилизации, правда сравнительно немногочисленными, но, по-видимому, более умными и более склонными к убийству, чем люди.

Мышелов бросился бежать со всех ног; одной рукой он продолжал наносить Скальпелем удары, а другой засунул Кошачий Коготь за пояс и нащупал кошель, чтобы достать черную бутылочку Шильбы.

Бутылочки в кошеле не было. Сердце у Мышелова упало, и, чертыхнувшись, он вспомнил, что, возбужденный винными парами, он оставил ее под подушкой в доме у Джоха.

Мышелов проскочил улицу Мыслителей, высокие дома которой загораживали луну. Оттуда хлынули новые полчища крыс. Мимо его лица прожужжали еще две стальные осы и — услышь Мышелов такое от кого-нибудь, он бы ни в жизнь

этому не поверил — крошечная стрела, горящая голубым пламенем. Теперь он уже несся вдоль длинной темной стены здания, в котором помещался Цех Воров, думая лишь о том, как бы поскорее отсюда смыться, — ему было уже не до сражений.

Внезапно за крутым поворотом Грошовой он увидел впереди свет и множество людей; еще несколько шагов — и он оказался в толпе, а все крысы куда-то подевались.

Мышелов купил у разносчика кружечку подогретого на жаровне эля, чтобы немного прийти в себя и перевести дух. Промочив пересохшее горло теплой горьковатой жидкостью, он бросил взгляд сперва на восточный конец улицы Богов, где через два квартала темнели ворота Болотной заставы, потом на запад, где сверкали огнями более богатые здания.

Мышелову казалось, что в эту ночь весь Ланкмар слетелся сюда, на свет пылающих факелов, фонарей, свечей с роговыми экранами и огней на высоких шестах, чтобы молиться и разгуливать, стонать и бражничать, жевать и шептать пугающие сплетни. Он задал себе вопрос: почему крысы избегают только этой улицы? Неужто они боятся человеческих богов сильнее, чем сами люди?

В том конце улицы Богов, что примыкала к Болотной заставе, располагались лишь жалкие лачуги, воздвигнутые в честь самых новых, не слишком зажиточных и просто нищих ланкмарских богов. Паства же здесь представляла собой небольшие группки людей, обступивших какого-нибудь костлявого отшельника или тощего жреца с задубевшей на солнце кожей, явившегося из пустынных Восточных земель.

Мышелов повернул в другую сторону и начал неторопливо протискиваться сквозь гомонящую толпу, время от времени то приветствуя какого-нибудь старого знакомого, то выпивая у разносчика кружечку вина или стаканчик чего-нибудь покрепче: жители Ланкмара убеждены, что религия и слегка одурманенные или хотя бы успокоенные алкоголем умы — вещи вполне совместимые.

Подавив мимолетное искушение, он миновал Бардачную улицу, поглаживая пальцами шишку на виске, дабы напомнить себе, что сейчас любое эротическое предприятие окончится для него крахом. Несмотря на то что на Бардачной было темно, ее обитательницы, молодые и не очень, высыпали из домов в полном составе и занимались своим делом во мраке многочисленных

портиков, искусно изгоняя из мужчин страх третьим по силе способом после молитв и вина.

Чем дальше Мышелов уходил от Болотной заставы, тем богаче становилось окружение ланкмарских богов, чьи заведения встречались ему по пути, — теперь это были уже святилища и храмы, некоторые даже с посеребренными колоннами, а жрецы в них носили раззолоченные ризы и золотые цепи на груди. Из открытых дверей лился ярко-желтый свет, пьянящие ароматы благовоний и слышался гул молитв и анафем, направленных против крыс, насколько мог судить Мышелов.

Однако он заметил, что крысы на улице Богов все же присутствовали. Тут и там на крышах виднелись маленькие головки, за решетками сточных люков сверкали желто-красные, близко посаженные глаза.

Но Мышелов уже набрался вполне достаточно, чтобы не беспокоиться по таким пустякам, несмотря даже на недавний испуг, и теперь унесся памятью к той странной поре, когда несколько лет назад Фафхрд был нищим и бритым учеником Бвадреса, единственного жреца Иссека Кувшинного, а сам он — правой рукой рэкетира по имени Пулы, взимавшего дань с каждого жреца и его

паствы.

Очнулся от воспоминаний Мышелов уже у реки Хлал, а в самом конце улицы Богов, где у всех храмов двери из чистого золота, шпили чуть ли не упираются в небо, а облачения жрецов сверкают радугой драгоценных камней. Вокруг него кипела почти столь же богато разодетая толпа; внезапно в просвете между людскими фигурами Мышелов увидел зеленый бархатный капюшон, под ним — черные волосы, собранные в высокую прическу и покрытые серебристой сеткой, а еще ниже — веселое и вместе с тем грустное лицо Фрикс, взгляд черных глаз которой был устремлен прямо на него. Из ее руки на дорогу, которая была здесь вымощена керамическими плитками, скрепленными медными полосами, бесшумно упал какой-то бесформенный светло-коричневый комочек. Девушка тут же повернулась и затерялась в толпе. Мышелов бросился вслед за ней, подхватив по пути комочек пергамента, однако путь ему преградили два аристократа со своими прихлебателями и какой-то купец в раззолоченной одежде, и, когда он протиснулся между ними, стараясь укоротить свой разогретый вином норов, чтобы не доводить дело до рукопашной, нигде не было видно ни бархатного

платья с зеленым капюшоном, ни женщины, хоть отдаленно напоминающей Фрикс.

Разгладив обрывок пергамента, Мышелов прочитал при свете низкого уличного фонаря с роговым колпаком:

Будь, как герой, терпелив и отважен.
Тогда исполнение желаний твоих
с лихвой превзойдет ожидания
и будут заклятия сняты.

Хисвет.

Мышелов поднял взгляд и обнаружил, что уже миновал последний, сверкающий и парящий храм ланкмарских богов и стоит перед темным приземистым святилищем и молчаливой колокольней истинных богов Ланкмара, этих древних божеств, этих коричневых скелетов в черных тогах, которым ланкмарцы никогда не поклоняются: они просто боятся и почитают их больше всех других богов и дьяволов Невона, вместе взятых.

При этом зрелище волнение, вызванное запиской Хисвет, мгновенно улетучилось, и Мышелов, миновав последний уличный фонарь, приблизился к низкому темному храму. В его разогретом спиртным мозгу беспорядочно крутились обрыв-

ки сведений, которые он когда-либо слышал об истинных богах Ланкмара. Им не нужны были ни жрецы, ни богатство, ни даже поклонники. Им было достаточно этого тусклого храма — до тех пор, пока их не тревожили. Это казалось весьма странным и даже зловещим в мире, где все другие боги, включая и ланкмарских, казалось, стремились иметь как можно больше поклонников, богатств и рекламы. Истинные боги Ланкмара выходили наружу, лишь когда городу грозила близкая беда — да и то не всякий раз, — чтобы спасти город, покарать, но не его врагов, а его жителей, а потом поскорее удалиться в свой угрюмый храм, на свои тронутые тленом ложа.

На крыше этого святилища и в тени вокруг него крыс не было.

Вздрогнув, Мышелов повернулся к нему спиной; напротив, стиснутый неясными башнями зернохранилищ, на фоне далеких радужных минаретов дворца Глипкерио, казавшихся в лунном свете нарисованными пастелью, стоял узкий и темный дом торговца зерном Хисвина. Свет горел лишь в одном окошке на верхнем этаже.

Неистовое желание, пробужденное в Мышелове запиской Хисвет, вспыхнуло с новой силой: его так и подмывало забраться в это окно по совер-

шенно гладкой, лишенной каких бы то ни было украшений стене, однако, несмотря на выпитое, здравый смысл одержал верх. Ведь, в конце концов, Хисвет написала сперва «терпелив», а потом уж «отважен».

Со вздохом пожав плечами, он вернулся на ярко освещенную часть улицы Богов, отдал почти все оставшиеся деньги жеманной и увешанной драгоценностями девушке-рабыне за маленькую хрустальную бутылочку редкого белого бренди, стоявшую на лотке, который висел у нее на животе, прямо под обнаженной грудью, и, одним глотком выпив обжигающую ледяную жидкость, почувствовал в себе достаточно смелости, чтобы углубиться в зияющую тьму улицы Монахинь. Мышелов намеревался дойти до площади за улицей Мыслителей и через Ремесленническую добраться до Грошовой, где помещался дом Джоха.

На борту «Каракатицы», свернувшись клубочком в «вороньем гнезде», черный котенок дергался и постанывал во сне, словно его одолевали кошмары, достойные взрослого кота или даже тигра.

10

На рассвете Фафхрд, украв ягненка, въехал в поле пшеницы немного севернее Илтхмара, чтобы позавтракать самому и накормить кобылицу. Внушительные куски мяса, нанизанные на толстую зеленую ветку и зажаренные, вернее, хорошо высушенные на небольшом костерке, были восхитительны, однако жующая кобыла угрюмо и не особенно одобрительно разглядывала своего нового хозяина, как будто хотела сказать: «Я, конечно, поем этого зерна, хотя кормежка эта мягкая, водянистая и ненажористая по сравнению с жестким мингольским зерном, на котором меня вскормили и сделали выносливой и отважной, какой всегда становишься, если хорошенько хрустеть зубами».

Едва они покончили с завтраком, как им пришлось срочно смываться от возмущенных пастухов и фермеров, которые с криками уже бежали к ним по зеленой ниве. Камень, брошенный фермером, в послужном списке у которого явно была не одна дюжина волков с размозженными головами, просвистел прямо над головой Фафхрда. Не ввязываясь в схватку, северянин галопом

ускакал от них, после чего пустил кобылу шагом, чтобы поразмыслить, как ему лучше пробраться через Илтхмар: впереди уже виднелись его приземистые башни, казавшиеся золотыми в лучах только что взошедшего солнца, а объездной дороги вокруг города не было.

Илтхмар, стоявший на берегу Внутреннего моря немного к югу от Зыбучих земель, которые тянулись на запад, в сторону Ланкмара, был скверным, коварным и златолюбивым городом. Он располагался на самом перепутье и был примерно одинаково удален от пустынных Восточных земель, лесистой Земли Восьми Городов и степей, где кочевали безжалостные минголы вместе со своим шатровым стойбищем. Благодаря столь выгодному местоположению он всегда стремился обманом или силой взимать пошлину со всех проезжих. Его сухопутных пиратов и морских разбойников, делившихся добычей с двуличными баронами-правителями, боялись повсеместно, однако могущественные державы не могли позволить какой-либо одной из них завладеть столь важным стратегическим пунктом, поэтому Илтхмар сохранял независимость посредника, хотя и весьма жуликоватого и ненадежного.

Поскольку город являлся как бы перекрестком, где сходились пути путешественников, а значит, и собирались сплетни со всего Невона, Нингобль Семиокий и выбрал своей резиденцией запутанную волшебную пещеру, располагавшуюся у подножия небольшой горной гряды к югу от Илтхмара.

Следов мингольского набега Фафхрд не увидел, и это ему не очень понравилось. Пробраться через встревоженный Илтхмар было бы гораздо проще, чем через Илтхмар, делающий вид, что лениво греется на солнышке, но на самом деле высматривающий, с кого бы чего урвать. Северянин пожалел, что не взял с собой Крешкру, как собирался прежде. Ее жуткого вида костяк мог бы послужить пропуском более надежным, чем даже охранная грамота от Царя Востока со знаменитой Бегемотовой печатью, оттиснутой на востоке с крупинками золота. В новую женщину никогда нельзя влюбляться до умопомрачения, но и сбегать от нее тоже нельзя — иначе останешься в дураках! Кроме того, Фафхрд жалел, что оставил ей лук, — теперь ему хотелось бы иметь даже два.

Однако неприятности начались, когда он уже на три четверти пересек замусоренный город с его

полными клопов постоялыми дворами и приветливыми с виду тавернами, где всяким простакам подают отдающее смолой вино, зачастую приправленное опиумом. Внимание Фафхрда явно отвлек большой и яркий караван, отправляющийся домой, в Восточные земли. Единственным украшением окружавших северянина жалких домов были бесчисленные изображения илтхмарского крысоподобного божества.

И двумя кварталами спустя начались неприятности в виде семи исшрамленных, рябых головорезов в черных сапогах, узких черных штанах и куртках, черных плащах с отброшенными назад капюшонами и в черных же облегающих шапочках. Еще миг назад улица казалась пустынной, а тут Фафхрд обнаружил, что все семеро обступили его, угрожая мерзкими зазубренными мечами и прочим оружием и требуя, чтобы он спешился.

Один из головорезов схватил кобылицу под уздцы у самого мундштука. Это была явная ошибка. Лошадь мгновенно встала на дыбы и с точностью заправского дуэлянта угодила ему подкованным копытом прямо по черепу. Фафхрд, выхватив Серый Прутик, косым ударом полоснул по глотке ближайшего к нему черного

разбойника. Опустившись на передние копыта, кобыла взбрыкнула задними и превратила в кашу внутренности какого-то не слишком благородного типа, который уже нацелил свой дротик Фафхрду в спину. После этого всадник с лошадью припустили таким аллюром, что южную границу города они пролетели мимо стражи илтхмарского барона прежде, чем эти чуть более приличного вида разбойники в железных кирасах успели их остановить.

Проскакав с пол-лиги, Фафхрд обернулся. Пока погони видно не было, но это ничего не значило. Северянин прекрасно знал илтхмарских головорезов. Эти люди так просто от задуманного не отступались. Воспламененные жаждой мести и добычи, четверо разбойников в черном очень скоро пустятся по его следу. И на сей раз у них будут с собой луки или, по крайней мере, дротики в достаточном количестве, и прибегнут они к ним, оставаясь на почтительном расстоянии. Фафхрд принялся обшаривать взглядом поднимавшийся перед ним склон в поисках извилистой, почти неразличимой тропки, которая вела к подземному жилищу Нингобля.

На заседании Чрезвычайного Совета Глипкерио Кистомерсес сидел как на иголках. В этот

Совет входили все члены Внутреннего и Военного Советов плюс еще несколько знатных персон, включая и Хисвина, который пока молчал, настороженно зыркая по сторонам своими черными глазками. Но остальные, для пущего красноречия взмахивая крыльями тог, только и делали, что говорили, говорили, говорили — и все о крысах, крысах, крысах!

Орясина-сюзерен, который сидя не казался высоким, поскольку имел непропорционально длинные ноги, уже давно прятал руки под столом, чтобы никто не видел, как сплетаются и расплетаются его пальцы, словно нервные белые змеи, однако, по-видимому, из-за этого лицо его начало подергиваться в тике, и венок из нарциссов каждый тринадцатый вздох слетал ему на глаза — Глипкерио специально сосчитал и нашел эту цифру явно зловещей.

Кроме того, пообедать ему удалось лишь наспех, и — что еще хуже — с самого завтрака у него на глазах не отстегали кнутом и даже не отхлестали по щекам ни одного пажа или служанку, и поэтому нервы сюзерена, гораздо более тонкие, чем у обычных людей, благодаря его высокому происхождению и длине конечностей, находились просто в плачевном состоянии. Он вспомнил, что

еще вчера послал одну жеманную служаночку к Саманде, чтобы та ее наказала, однако его властная экономка до сих пор не сообщила о времени экзекуции. Глипкерио прекрасно знал о пытке отсрочкой наказания, но в данном случае она превратилась в пытку отсрочкой наслаждения — для него. «Этой мерзкой толстухе явно не хватает воображения! Почему, ну почему, — думал Глипкерио, — я способен успокоиться, только когда наблюдаю за бичеванием? Как несправедлива ко мне судьба!»

Какой-то идиот в черной тоге начал перечислять девять доводов за то, чтобы нанять всех жрецов илтхмарского крысоподобного божества, дабы те прибыли в Ланкмар и прочитали умилостивительные молитвы. Беспокойство и нетерпение Глипкерио дошли до такой степени, что его уже начали раздражать цветистые комплименты в его адрес, которыми каждый оратор предварял свое выступление, а когда говоривший умолкал дольше чем на миг, чтобы перевести дух либо для пущей убедительности, сюзерен быстро произносил наугад «да» или «нет» в надежде, что это ускорит дело, однако получалось как раз наоборот. Среди тех, кто еще не выступал, находился и Олегний Минологубец, по праву

считавшийся самым утомительным, многословным и самовлюбленным из всех членов Совета.

К сюзерену неслышно приблизился паж и встал на колени, почтительно протягивая грязный кусочек пергамента, сложенный вдвое и запечатанный свечным салом. Мельком глянув на большой, с толстыми завитушками отпечаток большого пальца на сале, который принадлежал явно Саманде, Глипкерио схватил пергамент, распечатал его и пробежал взглядом черные каракули. «Она будет высечена раскаленной добела проволокой ровно в три. Не вздумай опоздать, сюзеренчик, ждать тебя я не стану». Глипкерио вскочил; теперь его заботило лишь одно: как бы не опоздать на экзекуцию, ведь два часа пробило уже давно.

Размахивая сложенной запиской — а может, это так сильно дергалась его рука, — Глипкерио выпалил одним духом, с вызовом оглядывая Совет:

— Важные новости о моем секретном оружии! Я должен немедленно уединиться с пославшим эту записку!

Не дожидаясь ответа и дернув напоследок щекой так, что венок из нарциссов слетел ему на нос, ланкмарский сюзерен бросился вон из Зала Совета через арку из пурпурного дерева с сереб-

ряным орнаментом.

Не разжимая тонких губ, Хисвин коротко поклонился Совету и, соскользнув с кресла, поспешил вслед за Глипкерио, да так быстро, что создавалось впечатление, будто под черной тогой у него не ноги, а колеса. Догнав сюзерена в коридоре, Хисвин крепко схватил его за локоть, находившийся где-то на уровне его собственной головы, накрытой черной шапочкой, убедился, что их никто не подслушивает, и тихо, но значительно проговорил:

— Возрадуйся, о могучий ум, мозг всего Ланкмара! Медлительная планета наконец-таки заняла нужное место, встретилась с остальным звездным флотом, и сегодня же вечером я произнесу заклинание, которое избавит твой город от крыс!

— Что такое? Ах да, очень хорошо, — отозвался Глипкерио, пытаясь освободиться от крепкой хватки Хисвина и одновременно поправляя желтый венок, дабы тот занял достойную позицию на его узком черепе в белокурых кудряшках. — Но сейчас я должен спешить к…

— С поркой она может подождать, — с неприкрытым презрением прошипел Хисвин. — Я говорю, что сегодня вечером, ровно в двенадцать, я произнесу заклинание, которое избавит Ланк-

мар от крыс и спасет твой трон, а ты обязательно потеряешь его еще до рассвета, если этой ночью мы не расправимся с мерзкими грызунами.

— Но в том-то и дело, что она не станет ждать! — в невероятном возбуждении воскликнул Глипкерио. — Уже двенадцать, ты сказал? Но этого не может быть! Еще не пробило даже три — ведь правда?

— О мудрейший и терпеливейший повелитель времени и вод пространства, — привстав на цыпочки, подобострастно забормотал Хисвин, после чего впился ногтями в руку сюзерена и медленно, с нажимом на каждом слове, проговорил: — Я сказал — в двенадцать ночи. Мои демонические лазутчики уверяют, что сегодня вечером крысы утихнут, дабы убаюкать бдительность горожан, а в полночь перейдут в решающее наступление. Чтобы они все находились на улицах, когда я произнесу с самого высокого минарета этого дворца свое губительное заклинание, ты должен за час до этого отправить всех солдат и стражей порядка в южные казармы. Скажи главнокомандующему Олегнию, что для укрепления боевого духа он должен выступить перед ними с обращением, — на это старый дурак непременно клюнет… Ты… ты понимаешь меня… о повелитель?

— Да понимаю, понимаю! — нетерпеливо воскликнул Глипкерио, морщась от боли, которую причинял ему Хисвин; покамест сюзерен не сердился, а думал лишь о том, как бы поскорей избавиться от собеседника. — Сегодня в одиннадцать вечера… убрать с улиц всех солдат и стражу… речь Олегния… А теперь, прошу тебя, Хисвин, мне надо спешить, чтобы не опоздать…

— …на бичевание служанки, — бесстрастно закончил фразу Хисвин. — За четверть часа до полуночи ты должен ждать меня в Голубой палате, откуда я взберусь на Голубой минарет, чтобы произнести заклинание. Ты должен быть там лично вместе со всеми своими пажами, которые понесут в народ утешительные вести. Проследи, чтобы у них были жезлы — символы их полномочий. Для твоего спокойствия я приведу свою дочь со служанкой, а также своих рабов-минголов — на случай, если не хватит пажей. Так что приготовь жезлы и для них. И, кроме того…

— Ну разумеется, дорогой Хисвин, — отчаянно заблекотал Глипкерио. — Я очень благодарен… Фрикс и Хисвет — это чудесно… Я все помню… за четверть часа до полуночи… Голубая палата… пажи, жезлы… жезлы для минголов. А теперь мне надо спешить…

— И, кроме того, — неумолимо продолжал Хисвин, сжимая пальцы, словно челюсти капкана, — берегись Серого Мышелова! Скажи страже, чтоб смотрела в оба! А теперь… приятного тебе бичевания, — как бы мимоходом добавил он, выпуская руку Глипкерио из своих цепких пальцев с острыми ногтями.

Потирая оставленные ими вмятины и еще не сообразив, что его отпустили, Глипкерио продолжал бормотать:

— Ах да, Мышелов — это скверно! Но все остальное… прекрасно! Очень благодарен тебе, Хисвин! А теперь я должен спешить…

И Глипкерио бросился прочь, делая неимоверно длинные шаги.

— …чтобы полюбоваться на служанку, — не удержался Хисвин.

Последние слова словно бы вонзились Глипкерио между лопатками: он остановился и задорно проговорил:

— Чтобы заняться делом неизмеримой важности! У меня есть свое секретное оружие; ты, старик, да и другие волшебники не имеют к нему отношения!

С этими словами он бросился по коридору, чуть ли не разрывая тогу своими длиннющими

ногами.

Сложив рупором костлявые ладони и приставив их к морщинистым губам, Хисвин сладеньким голосом прокричал ему вдогонку:

— Надеюсь, это твое дело усладит тебе зрение очаровательными конвульсиями, а слух утешит воплями, о мой отважный сюзерен!

У обрамленных опаловой плиткой ворот во дворец Серый Мышелов предъявил стражникам свой перстень гонца. Теперь он не очень-то надеялся, что пропуск сработает. У Хисвина было двое суток, чтобы настроить против него скудоумного Глипа. И верно: за предъявлением пропуска последовали косые взгляды и ожидание, достаточно долгое для того, чтобы Мышелов сумел в полной мере прочувствовать свое похмелье и поклясться, что никогда не будет столько пить и тем более смешивать. Кроме того, он успел изумиться собственной глупости, а также везению, благодаря которому ему удалось, несмотря на хмель, в целости и сохранности вернуться по темным и наводненным грызунами улицам к Джоху и не напороться при этом еще на одну крысиную засаду. Что ж, по крайней мере, он нашел в доме черную бутылочку Шильбы, устоял перед искушением выпить ее содержимое в пьяном

виде и, кроме того, получил столь ободряющую и волнующую записку от Хисвет. Покончив здесь с делами, он тут же бросится к ее дому и…

Стражник откуда-то вернулся и с кислым видом кивнул. Мышелов прошел внутрь.

От ехидного третьего дворецкого, который был его старым приятелем по обмену сплетнями, Мышелов узнал, что ланкмарский сюзерен находится на заседании Чрезвычайного Совета, в который теперь входил и Хисвин. С надеждой сжимая в кармане черную бутылочку, Мышелов подавил в себе мощный порыв продемонстрировать действие Шильбиного волшебства перед сановниками Ланкмара и в присутствии своего главного конкурента по части магии. В конце концов, чтобы зелье сработало, ему нужно собрать крыс в одном месте и остаться один на один с Глипкерио. Поэтому Мышелов углубился в лабиринт нижних дворцовых коридоров, намереваясь при случае провести часок за подслушиванием или просто с кем-нибудь поболтать.

Как случалось всегда, когда ему надо было убить время, Мышелов вскоре обнаружил, что движется в сторону кухни. Он терпеть не мог Саманду, но иногда из лукавства немного увивался вокруг нее, поскольку знал, что во дворце она

личность могущественная, и к тому же питал слабость к ее фаршированным грибам и глинтвейнам.

Выложенные гладкой и безукоризненно чистой плиткой коридоры, по которым он шел, были безлюдны. Стоял час затишья, когда обеденная посуда уже вымыта, подготовка к ужину еще не началась и все усталые слуги при первой же возможности стараются рухнуть на тюфяк или просто на пол. К тому же боязнь крыс как-то не располагала к прогулкам по дворцу. В какой-то момент Мышелову показалось, что он слышит за спиной тихие шаги, однако, когда он обернулся, шаги тут же стихли, а вокруг никого не было. К тому времени, как он начал ощущать запахи пищи, очага, горшков, мыла и грязной воды, тишина вокруг приобрела даже несколько зловещий оттенок. Затем где-то прозвучали три громких и печальных удара колокола, и впереди раздался хриплый рев Саманды: «Убирайтесь отсюда!» Мышелов невольно попятился. Шагах в двадцати от него заколыхалась кожаная штора, и в коридор выскочили три кухонных мальчишки и служанка, беззвучно ступая босыми ногами по плиткам пола. В тусклом свете, сочившемся из маленького оконца под потолком, они показались

Мышелову ожившими восковыми фигурами, которые прошмыгнули мимо и, казалось, его даже не заметили. А может, это была вбитая кнутом команда «Смотреть только перед собой!».

Так же бесшумно, как и они — а от них после утреннего бритья не мог исходить даже звук упавшего волоса, — Мышелов бросился вперед и припал глазом к дырочке в кожаной шторе.

Занавески на других дверях, ведших в кухню, — даже на той, что выходила на галерею, — были задернуты. В просторном помещении находились двое. Жирная Саманда, потея под башней из утыканных булавками черных волос, в своем черном шерстяном платье, раскаляла в жарко пылающем очаге семь проволочных бичей с длинными ручками. Вот она чуть потянула бичи на себя. Проволока уже дошла до красного каления. Экономка сунула бичи назад. Она улыбнулась, с ее редких черных усов в капельках пота просыпался соленый дождь, а заплывшие глазки сверлили Риту, которая стояла почти посередине комнаты, держа руки по швам и высоко подняв подбородок, боком к огню. На служанке был лишь черный кожаный воротник. На спине еще можно было различить звездообразный узор, оставшийся от последнего бичевания.

— Стой ровнее, милочка, — низким коровьим голосом промычала Саманда. — Или лучше привязать тебя за руки к балке, а за ноги к кольцу в крышке погреба?

В нос Мышелову еще сильнее ударил запах грязной воды, не вылитой после мытья пола. Он скосил глаза и увидел на полу большое деревянное ведро с пенистой мыльной водой, из которой торчала громадная мокрая швабра.

Саманда снова проверила бичи. Они были уже ярко-красные.

— Ну, куколка, держись, — сказала она.

Скользнув за штору и схватив швабру за толстую растрескавшуюся ручку, Мышелов бросился к Саманде, держа мокрую и всклокоченную, как голова Медузы, швабру на уровне своего лица, чтобы экономка не смогла узнать своего обидчика. Под тихое шипение раскаленных бичей, на которые попало несколько капель воды, Мышелов изо всех сил ткнул шваброй, которая издала при этом чавкающий звук, прямо в физиономию Саманде. Та отлетела назад и, задев ногой валявшуюся длинную вилку для жарки, рухнула на свою жирную спину.

Предоставив швабре аккуратно покоиться на груди у экономки, Мышелов круто обернулся,

мимоходом заметив чей-то водянистый желтоватый глаз в прорези ближайшей занавески и последние красноватые отблески на проволочных бичах, лежавших между очагом и Ритой, которая стояла, не размыкая глаз, и напряженно ждала первого удара раскаленной докрасна проволоки.

Мышелов схватил девушку за руку у самой подмышки, та заверещала от изумления и немного обмякла, но он, не обращая на это внимания, поволок ее к двери, через которую вошел, однако тут же остановился, услышав за кожаной занавеской топот множества сапог. Недолго думая, Мышелов толкнул девушку в сторону двух других занавешенных дверей, где в прорезях штор не было видно ничьих глаз. Оттуда тоже раздался топот. Не выпуская руки Риты, Мышелов бросился на середину кухни.

Саманда, все еще лежа на спине, отбросила швабру в сторону и теперь яростно терла пухлыми пальцами глаза, подвывая от злости и боли, которую причиняла попавшая в них мыльная вода.

Водянистых желтоватых глаз уже было два: в кухню ввалился Глипкерио, хлопая полами черной тоги и поправляя сбившийся набекрень

венок из нарциссов; его сопровождали два стражника с воронеными пиками наперевес, за ними виднелись и другие. Из остальных дверей тоже посыпались вооруженные пиками солдаты, несколько появилось даже на галерее.

Грозя Мышелову длинным белым пальцем, Глипкерио прошипел:

— Вероломный Серый Мышелов! Хисвин говорил, что ты строишь против меня козни, — так оно и оказалось!

Внезапно Мышелов присел на корточки и что есть мочи потянул обеими руками за вделанное в пол большое кольцо. Толстая деревянная крышка люка, выложенная плиткой, повернулась на петлях. «Вниз!» — скомандовал Мышелов, и Рита с похвальным хладнокровием и проворством нырнула в зияющую дыру. Юркнув за ней следом, Мышелов отпустил крышку. Она захлопнулась очень вовремя и защемила наконечники двух направленных в него пик, а сами пики, по всей видимости, вырвались из рук своих обладателей. «Сужающиеся к концу наконечники должны недурно заклинить крышку», — подумал Мышелов.

Вокруг стояла непроглядная тьма, но, когда люк еще был открыт, Мышелов успел разглядеть

несколько каменных ступеней, внизу — пол из плитняка и стену в потеках селитры. Опять схватив Риту за предплечье, он помог ей спуститься по лестнице и по неровному полу подвел к невидимой теперь стене. Отпустив руку девушки, он нашарил в кошеле кремень, кресало, трутницу и короткую свечу с толстым фитилем.

Сверху донесся приглушенный треск. По-видимому, это сломалось древко пики, когда один из стражников попытался вытащить ее из щели. Затем послышалась команда «Поднимай!», и Мышелов ухмыльнулся в темноте, представив, как теперь стальные наконечники пик еще сильнее расклинят крышку.

В воздухе засверкали искорки, трут в трутнице занялся, и вскоре на кончике свечи уже дрожало маленькое золотое пламя с сапфировой сердцевиной. Захлопнув трутницу, Мышелов поднял свечу над головой. Внезапно она разгорелась ярким пламенем. И в следующий миг Рита обхватила Мышелова за шею и в невыразимом ужасе хрипло задышала ему в ухо.

Примерно в длине копья, прижимая их к древней стене, кое-где покрытой бледными кристалликами селитры, молчаливым полукругом сидели крысы — сотни, нет, тысячи длинно-

хвостых черных грызунов, а из множества нор, которые были прогрызены у пола в стенах длинного подвала, заваленного кое-где бочонками и мешками из-под зерна, непрерывным потоком текло пополнение.

Внезапно Мышелов ухмыльнулся, сунул трутницу, кресало и кремень обратно в кошель и принялся снова шарить в нем рукой в поисках чего-то еще.

Роясь в кошеле, он заметил совсем рядом с ними новую нору, но не прогрызенную, а, скорее всего, пробитую киркой, судя по крошкам застывшего раствора и кусочкам камня, валявшимся перед ней. Крысы оттуда не появлялись, но Мышелов тем не менее настороженно поглядывал на зияющую дыру.

Наконец он нашел бутылочку Шильбы, сорвал с нее обвязку и вытащил хрустальную пробку.

На кухне тупоголовые балбесы начали колотить чем-то в крышку люка — еще одна бесплодная попытка!

А крысы все лезли из нор, угрожая превратить в бугристый черный ковер весь пол подвала, за исключением крошечной площадки, на которой стоял Мышелов и прильнувшая к нему Рита.

Ухмылка Мышелова сделалась еще шире. Под-

неся бутылочку к губам, он отпил немножко для пробы, задумчиво покатал жидкость на языке, затем запрокинул сосуд и вылил его чуть горьковатое содержимое прямо в глотку.

Рита разомкнула руки и с легким упреком сказала:

— Я бы тоже выпила немного вина.

Мышелов с радостным видом поднял брови и объяснил:

— Это не вино. Магия.

Если бы брови девушки не были выбриты, она тоже вздернула бы их от удивления. Мышелов подмигнул ей, отшвырнул бутылочку и стал доверчиво ждать, когда у него проявятся противокрысиные силы — какими бы они ни были.

Сверху послышался металлический скрежет и медленный треск прочного дерева. Теперь они действуют правильно, пустили в ход ломы. По всей вероятности, люк будет открыт вовремя, и Глипкерио увидит, как Мышелов победит крысиную армию. Все идет просто превосходно.

Черное море до сих пор молчавших крыс заволновалось, послышался сердитый писк и клацанье маленьких зубов. Тем лучше — на фоне подобной воинственности их поражение будет более убедительным.

Мышелов между делом обратил внимание на то, что стоит посреди большого пятна розоватой жидкой грязи, окаймленного чем-то серым, которого он прежде из-за спешки и возбуждения не заметил. Раньше он такой плесени в подвалах не встречал.

У него было ощущение, что глазные яблоки начинают набухать и саднить; внезапно Мышелов почувствовал в себе божественное могущество. Он поднял взгляд на Риту, намереваясь предупредить ее, чтобы она не пугалась, если с ним произойдет что-то неожиданное — скажем, все его тело начнет светиться золотом или из глаз ударят два алых луча, от которых все крысы скукожатся либо раскалятся и лопнут.

И тут его пронизала мысль: «Он поднял взгляд? Это на Риту-то?»

Розоватое пятно превратилось в большую лужу, чавкающую у него под ногами.

Сверху опять послышался треск, и на крыс брызнул поток света из кухни.

Онемев от ужаса, Мышелов вытаращил глаза. Каждая крыса была величиной с кошку! Нет, даже с черного волка! Да что там с волка — с мохнатого черного человека, вставшего на четвереньки! Мышелов судорожно вцепился в Риту

и обнаружил, что тщетно пытается обхватить руками гладкую белую лодыжку толщиной с церковную колонну. Он задрал голову и увидел двумя этажами выше удивленное и испуганное лицо девушки. Ему припомнились беззаботные и чертовски неопределенные слова Шильбы: «Это даст тебе точку опоры, чтобы справиться с ситуацией». Да уж, удружил, нечего сказать!

Лужа грязи с серой каемкой стала еще шире и уже доходила ему до лодыжек.

Мышелов прижался к Ритиной ноге в слабой и не слишком благородной надежде, что раз его одежда и оружие уменьшились вместе с ним, то от его прикосновения девушка тоже сократится в размерах. Тогда у него хоть будет попутчица. К чести Мышелова надо сказать, что ему не пришло в голову крикнуть: «Подними меня с пола!»

Но с Ритой ничего не произошло, и только из ее рта величиной с громадный щит с красной окантовкой прогремел низкий голос:

— Что ты делаешь? Мне страшно! Приступай же скорее к своей магии!

Мышелов отскочил от живой колонны, разбрызгав мерзкую розоватую жижу и чуть в ней не поскользнувшись, и выхватил Скальпель. Теперь меч был чуть длиннее парусной иглы. Свеча же,

которую он все еще держал в левой руке, годилась разве что для комнаты в кукольном домике.

Тут послышался громкий топот множества лап, клацанье когтей о камень, в уши Мышелову ударил воинственный писк, и громадные черные крысы ринулись на него с трех сторон, вздымая облака серой пыли на краях лужи и разбрызгивая и волнуя розоватую грязь.

Остолбеневшая Рита в ужасе наблюдала, как ее непонятным образом уменьшившийся спаситель круто повернулся, перепрыгнул через камешек, приземлился в пятнышко розоватой жижи и, размахивая перед собой крошечным мечом и прикрывая свечу полой плаща, бросился, нагнув голову, в ближайшую нору и скрылся из виду. Крысы бросились за ним вслед, задевая ноги девушки и огрызаясь друг на друга в стремлении побыстрее добраться до норы. Большая же часть крыс поспешно разбежалась по другим дырам. Впрочем, одна задержалась на миг и тяпнула девушку за икру.

Нервы у Риты не выдержали. Разбрызгивая розоватую грязь и серую пыль, она с воплем бросилась вперед, распугивая оставшихся крыс, взлетела по ступеням, растолкала изумленных стражников и, оказавшись в кухне, с судорожны-

ми рыданиями осела на пол. Саманда немедленно пристегнула цепь к ее кожаному вороту.

Прикрывая согнутыми руками голову от неожиданных столкновений с нависающими с потолка каменными выступами, а лицо — от соприкосновения с паутиной, а также чьими-то призрачными пальцами и перепончатыми крыльями, Фафхрд наконец увидел над головой круглое отверстие с зазубренными краями, из которого лился зеленоватый свет. Вскоре он выбрался из черного туннеля в большую пещеру с несколькими входами, освещаемую неверным зеленым светом разложенного посередине костра, который поддерживали, подкидывая в него тонкие кроваво-красные поленья, два тощих и востроглазых юных оборванца, очень смахивавшие на уличных попрошаек из Ланкмара, Илтхмара или любого другого столь же нездорового города. Под левым глазом у одного из них красовался здоровенный фингал. Напротив них у костра на широком низком камне примостилась неприлично толстая фигура в таком просторном плаще с клобуком, что ни ее лица, ни рук не было видно вовсе. Фигура рылась в большой куче клочков пергамента и черепков и время от времени, выловив какой-нибудь из них сквозь ткань

длинных, болтающихся рукавов, принималась близоруко рассматривать, чуть ли не засовывая его к себе в клобук.

— Приветствую тебя, мой нежный сын, — обратилась фигура к Фафхрду сладкозвучным и вибрирующим голосом флейты. — Какой счастливый случай привел тебя сюда?

— Уж тебе ли этого не знать! — хрипло отозвался Фафхрд и, подойдя к пляшущим языкам зеленого пламени, уставился в черный овал, обрамленный клобуком. — Как мне спасти Мышелова? Что случилось с Ланкмаром? И — во имя всех богов, смерти и разрушения! — почему так важен оловянный свисток?

— Ты изъясняешься загадками, мой нежный сын, — мирно прозвучал певучий голосок, в то время как его обладатель продолжал копаться в куче мусора. — Какой оловянный свисток? В какую беду попал Мышелов? Вот безрассудный юнец! И что там с Ланкмаром?

Фафхрд разразился потоком цветистой брани, от которой мелодично зазвенел лес сталактитов у него над головой. Потом выхватил из кошеля черный клочок с запиской Шильбы и дрожащей от ярости рукой протянул его в сторону костра:

— Послушай-ка, незнайка, я бросил хорошень-

кую девушку, чтобы ответить на это, а теперь…

Но фигура в клобуке как-то по-особому засвиристела, и по этому сигналу черная летучая мышь, о которой Фафхрд совершенно забыл, снялась с плеча его собеседника, выхватила острыми зубами у него из пальцев черную записку и, пролетев над зеленым пламенем, села толстяку на скрытую рукавом руку, или на щупальце, или на что там у него было. С помощью этого чего-то толстяк поднес летучую мышь к отверстию клобука, и та, послушно впорхнув внутрь, скрылась в угольной черноте.

Затем последовал неразборчивый пискливый диалог, приглушенный к тому же клобуком; Фафхрд ждал его окончания, уперев кулаки в бока и кипя от злости. Тощие мальчишки ухмыльнулись с хитрым видом и принялись нахально перешептываться, не сводя с северянина блестящих глаз. Наконец послышался голосок-флейта:

— Вот теперь мне все совершенно ясно, о мой многотерпеливый сын. Наши отношения с Шильбой Безглазоликим в последнее время складывались не наилучшим образом — кое-какие чародейские разногласия, — а вот теперь он вроде хочет помириться. Словом, Шильба начал со мной заигрывать. Ну и ну!

— Очень интересно, — проворчал Фафхрд. — Имей в виду: я должен действовать быстро. Когда я подъезжал к твоей пещере, Зыбучие земли как раз выступили из воды. Моя резвая, но измученная лошадь щиплет у входа твою вонючую траву. Мне нужно убраться отсюда не позже чем через полчаса, если я хочу пересечь Зыбучие земли, прежде чем они снова погрузятся в море. Скажи же наконец, что мне делать с Мышеловом, Ланкмаром и оловянным свистком?

— Но я об этом не имею ни малейшего понятия, мой нежный сын, — прозвучал простодушный ответ. — Мне совершенно ясны лишь мотивы, которыми руководствовался Шильба. Нет, только подумать, что он… Погоди, Фафхрд, не нужно снова сотрясать сталактиты. Я, конечно, постарался заколдовать их получше, чтобы они не упали, но на свете нет такого заклятия, сквозь которое не мог бы порой пробиться какой-нибудь здоровила. Главное, не бойся, вот что я тебе скажу. Но прежде мне нужно включить свое ясновидение. Ну-ка, ребятки, насыпьте мне немного золотой пыли — только бережно, она в десять раз дороже нетолченых алмазов.

Мальчишки нырнули в стоявший неподалеку большой мешок и бросили в зеленое пламя

по пригоршне сверкающей пыли. Языки огня мгновенно потемнели, но при этом взвились к потолку, причем без каких бы то ни было признаков копоти. В пещере стало почти темно, и Фафхрд, глядя на пламя, начал вроде бы различать мимолетные и переменчивые тени каких-то спиралевидных башен, уродливых деревьев, высоких сгорбленных людей, приземистых животных, прекрасных, но тающих восковых женщин и всякое тому подобное, однако к его вопросам все это не имело ни малейшего отношения.

Но тут из клобука упитанного чародея вылезли два небольших зеленоватых предмета овальной формы с вертикальной черной полоской посередине, словно были сделаны из кошачьего глаза. Отодвинувшись на пол-ярда от клобука, они повернулись в сторону потемневшего костра и замерли. За ними тут же последовали еще два, которые разошлись в разные стороны и продвинулись немного дальше. Еще один, сделав плавную дугу, остановился прямо над костром, явно рискуя подпалиться. И наконец два последних каким-то невероятным образом обогнули костер и, повернувшись к нему, замерли с двух сторон от Фафхрда.

— Всегда полезно рассмотреть проблему со всех сторон, — мудро пропел голос.

Внутренне сжавшись, Фафхрд с трудом подавил дрожь. Он всегда приходил в замешательство, наблюдая, как Шильба выдвигает свои глаза на способных бесконечно удлиняться глазоножках. Особенно в случаях, когда за миг до этого он прикидывался стеснительным, словно девица в халате, и ни за что не хотел их показывать.

Поэтому прошло довольно много времени, прежде чем Фафхрд начал нетерпеливо пощелкивать пальцами — сперва чуть слышно, потом все громче и громче. На пламя он уже не смотрел. Все равно там не было видно ничего, кроме дразнящих, колеблющихся теней.

Наконец зеленые глаза вплыли назад в клобук, словно возвращающиеся в гавань таинственные корабли. Пламя снова сделалось ярко-зеленым, и Нингобль проговорил:

— Мой нежный сын, теперь я понимаю, чем ты озадачен, и попробую тебе помочь. Видел-то я много чего, но всего объяснить не смогу. Возьмем Серого Мышелова. Он находится ровно на двадцать пять футов глубже самого глубокого подвала во дворце Глипкерио Кистомерсеса. Он не похоронен там и даже не мертв, хотя двадцать

четыре двадцать пятых его тела мертвы. Но при этом он жив.

— Как это? — разведя руками, вытаращил глаза Фафхрд.

— Понятия не имею. Он окружен врагами, но рядом с ним находятся два друга определенного сорта. Теперь о Ланкмаре, тут все более понятно. Он подвергся нашествию, в его стенах повсюду зияют бреши, на улицах идут сражения с жестокими захватчиками, число которых превышает количество жителей в… — силы небесные! — раз в пятьдесят, да и снабжены они самым современным оружием. Но ты можешь спасти город, можешь решить исход битвы — это я вижу очень отчетливо, — если только поспешишь к храму истинных богов Ланкмара, взберешься на его звонницу и ударишь в колокола, молчавшие бессчетное число столетий. Скорее всего, для того, чтобы поднять богов. Но это лишь мое предположение.

— Уж больно не хочется иметь дело с этой пыльной шайкой, — пожаловался Фафхрд. — Насколько мне известно, они больше похожи на ожившие мумии, нежели на настоящих богов, — иссохшие нелюбезные типы, присыпанные, словно песком, всякими ядовитыми старческими

бзиками.

Нингобль пожал под плащом крутыми плечами:

— Мне казалось, что ты смельчак и любишь выказывать отчаянную храбрость.

Язвительно чертыхнувшись, Фафхрд осведомился:

— Но если даже я раскачаю эти ржавые колокола, то каким образом Ланкмар сможет продержаться до моего появления — ведь его стены проломаны, а врагов в пятьдесят раз больше, чем горожан?

— Этого я не могу тебе сказать, — уверенно отозвался Нингобль.

— А как я доберусь до храма, если на улицах идут бои?

Нингобль снова пожал плечами:

— Но ты же герой, тебе лучше знать.

— Ну а что с оловянным свистком? — раздраженно поинтересовался северянин.

— Понимаешь ли, насчет свистка я ничего не увидел. Ты уж извини. Он у тебя с собой? Можно взглянуть?

Фафхрд с ворчанием извлек из тощего кошеля свисток и, обойдя костер, продемонстрировал его колдуну.

— Ты пробовал в него дунуть? — спросил Нингобль.

— Нет, — удивленно отозвался северянин и поднес свисток к губам.

— Не вздумай! — взвизгнул Нингобль. — Ни в коем случае! Никогда не свисти в незнакомый свисток. Он может накликать на тебя кое-что похуже свирепых мастифов или даже стражи. Ну-ка, дай сюда.

Выхватив у Фафхрда вещицу своим вновь как бы ожившим рукавом, волшебник поднес ее к клобуку, покрутил так и сяк, после чего выпустил четыре змеевидных глаза и принялся рассматривать свисток чуть ли не вплотную.

Наконец он спрятал глаза, вздохнул и проговорил:

— Ну, даже не знаю, что и сказать. На нем, правда, есть надпись из тринадцати значков — прочесть я ее не могу, вижу только, что их тринадцать. И если сопоставить это с изображением какого-то лежащего животного из породы кошачьих на другой стороне… Словом, я полагаю, что этим свистком можно вызвать боевых котов. Но имей в виду, это всего лишь умозаключение, основанное на нескольких посылках, в которых я не уверен.

— Что это за боевые коты? — удивился Фафхрд.

Нингобль поежился под своим просторным одеянием:

— Этого я точно не знаю. Но если сложить вместе многочисленные слухи и предания, а к ним добавить наскальные изображения, встречающиеся на севере Стылых пустошей и к югу от Квармалла, то можно сделать соблазнительный вывод: это военная аристократия всех кошачьих племен, кровожадная Чертова Дюжина неистовых берсерков. Могу предположить — конечно, условно, имей в виду, — что, когда их позовут, быть может, этим свистком, они явятся и без промедления начнут убивать тех людей или животных, которые, по их мнению, угрожают роду кошачьих. Поэтому я посоветовал бы тебе воспользоваться этим свистком только в присутствии врагов кошачьего племени, которым они отдадут предпочтение перед тобой — ведь, насколько мне известно, ты за свою жизнь умерщвил несколько тигров и леопардов. На держи.

Фафхрд поймал брошенный свисток, сунул его в кошель и осведомился:

— Но, клянусь обледенелым черепом бога, откуда мне знать, когда я должен в него свистнуть? Каким образом Мышелов может быть живым на

две пятидесятых, если он находится на восемь ярдов под землей? Что это за орда врагов, которая нахлынула на Ланкмар, когда перед этим не было ни слухов, ни сообщений об их приближении? Какой такой флот может перевезти…

— Хватит вопросов! — взвизгнул Нингобль. — Твои полчаса истекли. Если ты хочешь успеть на Зыбучие земли и спасти город, немедленно скачи в Ланкмар. И ни слова больше.

Фафхрд побушевал еще немного, но Нингобль упрямо молчал, поэтому северянин хорошенько обложил его напоследок, отчего с потолка сверзился небольшой сталактит и чуть не вышиб ему мозги, и ушел, не обращая внимания на возмутительные ухмылки мальчишек.

Выбравшись из пещеры, он вскочил на мингольскую кобылу и поскакал в облаке вздымаемой копытами пыли по залитому солнцем осыпающемуся склону в сторону Зыбучих земель — каменистого коричневого перешейка в милю шириной, кое-где в пятнах соли и лужах морской воды. К югу от перешейка сверкала голубая гладь Восточного моря, к северу — бушевали серые волны Внутреннего моря и блестели приземистые башни Илтхмара. Там же, на севере, Фафхрд заметил четыре пыльных облачка, движущиеся

по илтхмарской дороге, по которой недавно проезжал он сам. Как он и предполагал, это почти наверняка были четыре разбойника в черном, которые пустились за ним в погоню, чтобы отомстить за трех убитых или по меньшей мере сильно покалеченных товарищей. Прищурившись, Фафхрд пустил кобылу резвым галопом.

11

Преодолевая напор студеного и влажного сквозняка, Мышелов торопливо шел по просторному низкому помещению, потолок которого, словно в шахте, был подперт крепями из поставленных на попа кирпичей, а также сломанными рукоятками пик и швабр; освещалось помещение посаженными в клетки огненными жуками и светляками, кое-где плевались искрами факелы — их держали в руках крысы-пажи в куртках и коротких клетчатых штанах, сопровождавшие каких-то явно важных персон в масках. Несколько увешанных драгоценностями и чудовищно толстых крыс, тоже в масках, развалились в паланкинах, которые несли приземистые и мускулистые, почти обнаженные крысы-слуги. Хромая пожилая крыса с двумя немного дергающимися мешками в лапах вытаскивала из клеток утомленных и потускневших светляков и заменяла их свежими. Мышелов двигался на цыпочках, согнув колени, наклонившись вперед и подняв подбородок кверху. Ноги от этого страшно ломило, но зато он считал, что удачно имитирует походку крысы, идущей на задних лапках. Голову его защищала

цилиндрическая маска с прорезями для глаз, вырезанная из низа плаща и натянутая на каркас из проволоки, которую пришлось выдернуть из ножен Скальпеля; она опускалась несколько ниже подбородка, благодаря чему создавалось впечатление, что под ней находится удлиненная крысиная морда.

Мышелова беспокоило одно: какой-нибудь наблюдательный грызун, подойдя достаточно близко, мог заметить, что его маска и, естественно, плащ сшиты из маленьких крысиных шкурок. Правда, он надеялся, что здешним крысам досаждают другие, еще более мелкие, хотя подходящих нор он пока не заметил, но ведь бытует же мнение, будто у каждого паразита есть свои паразиты; в крайнем случае он заявит, что прибыл из дальнего крысиного города, где так оно и есть. Дабы держать любопытствующих подальше, он то и дело хватался за Скальпель и Кошачий Коготь, сердито выкрикивая или бормоча всякие необычные фразы вроде: «Ни дна ни покрышки этим крысоловам!» или «Клянусь свечным салом и шкуркой от ветчины!». Произносил он все это по-ланкмарски, поскольку, уменьшившись, сразу уловил, что в подземном царстве все говорят на этом языке, и особенно

бегло — аристократы. Ничего удивительного: эти паразиты, заполонившие людские фермы, корабли и города, среди всего прочего освоили и человеческий язык. Мышелов уже несколько раз обращал внимание на одиноких, вооруженных до зубов крыс — по-видимому, это были наемные убийцы или берсерки — и теперь старался подражать их заносчивой и воинственной повадке.

Убежать от подвальных крыс ему удалось благодаря собственному хладнокровию и нетерпению его тупоумных преследователей, которые мгновенно разодрались за право настигнуть его первыми и на некоторое время заблокировали туннель. Свеча очень помогла ему при спуске по первому наклонному проходу, грубо вырубленному в камне: он оскальзывался, прыгал, хватался за скальные выступы и вонзал каблуки в землю, когда скорость становилась угрожающей. В первом подземном помещении с грубыми крепями было почти темно. Там ему пришлось прикрыть лицо полой плаща, поскольку при свете свечи он разглядел множество крыс: в основном они передвигались на всех четырех лапках и были обнажены, однако некоторые стояли сгорбившись на задних лапках и были кое-как одеты — кто в короткие штаны, кто в куртку, на ком была про-

сто бесформенная шляпа, на ком — широкий пояс с висящими на нем широкими крючьями. Некоторые из этих крыс несли на плече кирку, лопату или лом. Кроме того, была там и одетая во все черное крыса, вооруженная мечом и кинжалом и в большой маске, окантованной серебром, — во всяком случае, Мышелов предположил, что это крыса.

Отсюда Мышелов снова двинулся вниз — теперь в туннеле были грубо вырубленные ступени, — однако на повороте лестницы остановился у странной и весьма зловонной ниши. Тут он впервые увидел светлячковые фонари, которые освещали полдюжины кабинок с дверьми, немного не доходившими как до пола, так и до потолка. Чуть помедлив, Мышелов нырнул в одну из них, где внизу не было видно черных лапок или сапог, и, заперев за собой дверь на крючок, начал спешно мастерить себе маску. Его предположение относительно назначения этих кабинок вполне подтвердилось: там была корзина с двумя ручками, наполовину заполненная пометом, и ведро с вонючей мочой. Когда длинная маска была готова и надета, Мышелов затушил свечу, сунул ее в кошель и наконец-то расслабился, только теперь позволив себе по-

удивляться тому обстоятельству, что его одежда и все пожитки уменьшились в размерах вместе с телом. «Что ж, — подумал он, — теперь понятно, откуда взялась розовая лужа с серой каймой, которая натекла в подвале у моих ног. Когда я таким чудесным образом дал усадку, ставшие излишними атомы моей плоти, крови и костей устремились вниз и образовали эту самую лужу, а такие же мельчайшие частички моего серого одеяния и оружия из закаленной стали осыпались серой пылью, поскольку ткань и металл по сравнению с плотью почти не содержат воды». Ему пришло в голову, что эта злосчастная розовая лужа содержит Мышелова, по весу раз в двадцать больше, чем его теперешняя крошечная ипостась, и от этой мысли на миг стало очень грустно.

Мышелов уже собрался было продолжить спуск, когда на лестнице послышался цокот коготков и топот сапог, и вскоре кто-то постучался в его кабинку.

Недолго думая, Мышелов откинул крючок и рывком распахнул дверь. Перед ней стояла одетая в черное крыса с черно-серебряной маской на морде — ее он видел этажом выше, — а за ней виднелись три крысы без масок, но с крючьями, которые отличались необыкновенной остротой,

явно недостижимой для неуклюжей человеческой руки.

Бросив на них взгляд, Мышелов сразу же опустил голову: он боялся, что его могут выдать цвет, форма и в особенности расположение глаз.

Грызун в маске проговорил по-ланкмарски быстро и безукоризненно:

— Скажи, ты видел или, быть может, слышал, как кто-нибудь спускался по лестнице? В частности, меня интересует вооруженный представитель человеческого племени, каким-то волшебством уменьшившийся до нормальных, пристойных размеров.

Опять-таки не раздумывая, Мышелов оттолкнул плечом грызуна с его свитой и сердито заверещал:

— Тупицы! Вам бы только жевать опиум да глодать гашиш! Прочь с дороги!

Уже на лестнице он на миг обернулся и проорал громко и презрительно:

— Никого я не видел!

С этими словами он двинулся вниз — очень достойно, но тем не менее через две ступеньки.

Этажом ниже крыс не было видно, но зато благоухало зерно. Мышелов разглядел лари с пшеницей, ячменем, просом, комбикормом и

диким рисом с реки Тилт. Здесь вполне можно спрятаться — если понадобится. Вот только зачем ему прятаться?

Третий этаж, считая сверху вниз, был полон воинственного лязга и вонял крысами. Мышелов разглядел там проходивших военную муштру крыс-копейщиков, другой взвод обучался приемам арбалетной стрельбы, еще одна кучка грызунов столпилась вокруг стола, на котором была разложена карта. Тут Мышелов пробыл совсем недолго.

На каждой площадке лестницы находилась ниша с кабинками, подобными той, которой он воспользовался. Мышелов отметил про себя это обстоятельство.

С четвертого этажа струился освежающе чистый, влажный воздух, там было светло, а большинство прогуливающихся крыс красовались друг перед другом богатой одеждой и масками. Мышелов сразу же двинулся навстречу сыроватому ветерку, поскольку он мог дуть из внешнего мира и указывать дорогу к спасению; при этом человечек в сером продолжал сердито вскрикивать и чертыхаться, не желая выходить из инстинктивно взятой на себя роли неистовой и капризной крысы-задиры.

При этом он так старался быть убедительным, что его глаза самопроизвольно и не без вожделения уставились на кокетливую крысу в шелке и жемчугах — такими были как ее маска, так и платье, — которая вела на поводке существо, принятое было Мышеловом за крысенка, но на поверку оказавшееся крохотной и ухоженной мышкой с испуганными глазами. Обратил он внимание и на высокую, величественную крысиху в темно-зеленом шелке, расшитом осколками рубина, которая держала в одной лапке кнут, а в другой — два поводка с привязанными к ним свирепыми с виду и тяжело дышащими землеройками размером с мастифа и, по всей вероятности, еще более кровожадными.

Похотливо пожирая взглядом эту невероятно гордую даму, степенно плывшую мимо него в зеленой, усеянной рубинами и поднятой на лоб маске, Мышелов столкнулся с медлительной и осанистой крысой в одежде и маске из меха горностая, казавшегося здесь довольно грубым, с длинной золотой цепью на груди и внушительной талией, перетянутой золоченым поясом, с которого свисал тяжелый мешочек, сладко зазвеневший при столкновении.

Бросив сипло залопотавшему типу: «Не взыщи,

купчишка!» — Мышелов, не оглядываясь, двинулся дальше. Его лицо под маской расплылось в самодовольной ухмылке. Этих крыс так нетрудно одурачить! А быть может, благодаря меньшим размерам его и без того острый ум сделался еще острее?

На миг Мышеловом овладело искушение вернуться, заманить куда-нибудь и обчистить этого толстяка, но он тут же сообразил, что в человеческом мире его звонкие золотые будут меньше блесток на платье красавицы.

Это соображение заставило Мышелова вернуться к задаче, которая смутно ужасала его с тех пор, как он попал в крысиный мир. Шильба заявил, что зелье будет действовать девять часов. После этого он, скорее всего, вернется к своим нормальным размерам, причем с той же быстротой, с какой и уменьшился. Если это произойдет в норе или даже в помещении высотой в полтора фута, подпертом крепями, — ему конец. Мышелов даже поморщился.

С одной стороны, у него не было ни малейшего желания провести все девять часов в крысином царстве. С другой — ему не хотелось начинать выбираться отсюда прямо сейчас. Слоняться полночи по Ланкмару в виде каким-то чудом

ожившей серой куклы ему вовсе не улыбалось — это будет ужасно стыдно, особенно если в таком мерзком виде ему придется докладывать столь важные сведения о крысином царстве Глипкерио и Олегнию Минологубцу, причем не исключено, что в присутствии Хисвет. Кроме того, Мышелов уже загорелся желанием убить крысиного короля, если таковой имеется, или сорвать планы завоевателей каким-нибудь еще более эффектным манером, причем на их территории. Мышелов ощущал удивительную уверенность, не отдавая себе отчета в одном: эта уверенность вызвана тем обстоятельством, что теперь он стал ростом с большую крысу, примерно как Фафхрд среди людей, а не коротышка, каким был всю жизнь.

Однако не следовало упускать из виду, что по какой-нибудь несчастливой случайности его могут разоблачить, схватить и посадить в крошечную темницу. Мысль, мягко говоря, не из приятных.

Но еще сильнее Мышелова тревожила проблема времени. Как оно движется у крыс — быстрее или медленнее? У Мышелова сложилось впечатление, что здесь, внизу, жизнь во всех ее проявлениях протекает в ускоренном темпе. Но так ли это? Почему он стал так ясно разбирать

речь говорящих по-ланкмарски крыс, которая наверху казалась ему просто писком? Потому ли, что его слух стал острее, а уши меньше, или же просто потому, что крысиный писк слишком высок для человеческого уха? А может, дело лишь в том, что крысы говорят по-ланкмарски только в норах? Мышелов незаметно пощупал себе пульс. Вроде нормальный. Ну а вдруг он здорово участился, но в такой же мере участилась работа его органов чувств и мозга, и поэтому разница незаметна? Шильба упомянул что-то о том, что в сутках содержится одна десятая миллиона ударов пульса. Чей пульс он имел в виду — крысиный или человеческий? А вдруг час у крыс такой короткий, что девять их часов займут всего около сотни человеческих минут? Мышелов почувствовал сильнейшее желание броситься вверх по первой попавшейся лестнице. Нет, стоп… Если считать время по пульсу, а он у него в норме, то не удастся ли ему выкроить хоть немного времени для нормального сна? Да, тут сам черт ногу сломит.

— Да пропади оно все пропадом, клянусь сосисками из кошачьих кишок и жареными собачьими глазами! — от души выругался Мышелов.

Кое-что тем не менее было вполне ясно. Прежде

чем он позволит себе отдохнуть или вздремнуть, не говоря уж о нормальном сне, ему нужно каким-то образом соотнести здешнее время с тем, что течет снаружи. Кроме того, чтобы разобраться с крысиными ночью и днем, следует поскорее выяснить, когда эти чертовы грызуны спят. По какой-то таинственной причине Мышелову пришла на ум рослая крысиха с землеройками на сворке. Нет, это просто смешно, тут же одернул он себя. Сон сну рознь, и один не имеет практически никакого отношения к другому.

Выйдя наконец из глубокой задумчивости, Мышелов в полной мере ощутил то, что уже некоторое время подсказывали ему органы чувств: прохожие стали появляться реже, ветерок сделался более влажным и прохладным и отдавал морем, а колонны впереди освещались желтоватым светом, но не ярким, а мерцающим и непохожим на тот, что давали огненные жуки, светляки и крошечные факелы.

Миновав какие-то отделанные мрамором двери, Мышелов увидел в них мельком спускающиеся беломраморные ступени, вошел в проход между двумя каменными колоннами, и глазам его открылось поистине сказочное место.

Это была естественная пещера, имевшая форму

неправильной окружности, в несколько крысиных ростов высотой, а в длину и ширину еще больше; внизу чуть плескалась морская вода, пронизанная мягким желтоватым светом, который лился из отверстия в ее дальнем конце, находившемся под водой на глубине, примерно равной длине крысиного копья. Вокруг подземного озера, на высоте двух крысиных копий над водой, шла узкая тропинка, частично естественного происхождения, частично выдолбленная в камне. На ней теперь и стоял Мышелов. Прямо над подводным отверстием Мышелов различил с полдюжины неподвижно стоящих на тропке вооруженных крыс, — по всей вероятности, это были часовые.

Через некоторое время Мышелов заметил, что желтоватый свет сделался еще более желтым, и понял: день снаружи уже клонится к вечеру — тот самый день, когда он попал в крысиное царство. Солнце в это время года заходило в шесть, сюда он попал после трех, стало быть из девяти отпущенных ему часов он пробыл здесь почти три. Но что важнее всего, теперь ему удалось установить связь между здешним временем и тем, что текло снаружи, и он сам удивился, какое почувствовал облегчение.

Мышелову припомнились якобы мертвые крысы, которые, как ему тогда показалось, выплывали из клетки, выброшенной из окна дворца во Внутреннее море после демонстрации Хисвином его чудодейственного заклинания. Они вполне могли заплыть под водой в эту пещеру или другую ей подобную.

Теперь Мышелову стала ясна природа влажного ветерка. Он знал, что сейчас время прилива, и примерно через час вода достигнет наивысшего уровня — значит, поднимаясь, она гнала воздух из пещеры в подземный лабиринт. А при отливе отверстие частично выйдет из воды, и в пещеру начнет поступать свежий воздух. Весьма умная система периодической вентиляции. Очевидно, некоторые крысы были гораздо более изобретательны, чем он мог предположить.

Внезапно что-то — и явно не человеческая рука — легонько прикоснулось к правому плечу Мышелова. Обернувшись, он увидел отступившую чуть назад крысу в черной одежде и маске, с обнаженным мечом в опущенной руке, — ту самую, что чуть раньше вломилась к нему в кабинку.

— Что все это значит? — неистово завизжал Мышелов. — Клянусь безволосым хвостом божества, я не потерплю, чтобы меня не переставая

травили кошками и хорьками, черная ты собака!

Крыса в черном осведомилась по-ланкмарски, причем гораздо более чисто, чем верещал Мышелов:

— Что вы делаете в запретной зоне? Я вынужден попросить вас снять маску, сударь.

— Снять маску? Хорошо, но прежде я хочу посмотреть, какого цвета у тебя печень, мышиное ты отродье! — возопил Мышелов, понимая, что не должен выходить из роли.

— Мне что, позвать солдат, чтобы они сорвали с вас маску? — таким же мягким, но зловещим тоном поинтересовалась крыса в черном. — Впрочем, в этом нет необходимости. Ваше нежелание снять маску окончательно подтверждает мою догадку относительно того, что вы — каким-то магическим образом уменьшившееся человеческое существо, которое явилось в Нижний Ланкмар в шпионских целях.

— Снова опиумные фантазии? — заорал Мышелов, кладя ладонь на рукоять Скальпеля. — Исчезни, полоумная мышь, которую окунули в чернила, пока я не порубил тебя в фарш!

— Ваше хвастовство и угрозы ни к чему не приведут, сударь, — тихонько рассмеявшись, отвечала крыса. — Вас удивляет, каким образом

мне удалось вас разоблачить? Полагаю, вы считаете, что действовали крайне ловко. Но на самом деле вы себя выдали, и не раз. Во-первых, тем, что облегчились в туалете, где я вас впервые встретил. Ваши экскременты отличаются по форме, цвету, консистенции и запаху от помета моих соотечественников. Вам следовало бы поискать ватерклозет. Во-вторых, хотя вы и попытались спрятать свои глаза, прорези в вашей маске расположены слишком близко для крысы. В-третьих, ваши сапоги сшиты явно на человеческую ногу, это заметно, несмотря даже на то, что вы догадались идти на цыпочках, чтобы ваши ноги и походка были похожи на наши.

Мышелов увидел, что подметки на черных сапогах его собеседника гораздо тоньше, чем у него, а головки, так же как и голенища, сделаны из одной и той же мягкой кожи.

Между тем его собеседник продолжал:

— И я с самого начала понял, что вы чужак, поскольку в противном случае вы никогда бы не осмелились толкать и оскорблять самого известного дуэлянта и владельца самого быстрого меча во всем Нижнем Ланкмаре.

Левой лапкой в черной перчатке он сорвал с себя маску с серебряным кантом, и взору Мышелова

предстали торчащие закругленные уши, длинная морда, поросшая черной шерстью, и огромные, выпуклые и широко расставленные черные глаза. Обнажив в самодовольной и высокомерной ухмылке длинные белые резцы и прижав маску к груди, крыса в черном с коротким язвительным поклоном добавила:

— Свивомило, к вашим услугам.

И тут Мышелов понял, что лишь непомерное тщеславие — почти равное его собственному! — заставило его преследователя бросить солдат в лабиринте, дабы иметь возможность задержать нарушителя в одиночку. Одновременно выхватив из ножен Скальпель и Кошачий Коготь, не помедлив даже, чтобы снять маску, Мышелов провел стремительнейшую атаку и завершил ее мощным выпадом в горло противника. Ему показалось, что никогда в жизни он не действовал столь быстро, — в крошечных размерах безусловно были свои преимущества.

В воздухе что-то сверкнуло, раздался звон, и Скальпель скользнул по кинжалу Свивомило, который тот выхватил с поистине молниеносной быстротой. Он тут же перешел в наступление, тесня Мышелова вдоль узкой тропинки над водой, причем человечек в черном отбивался обоими

клинками. Ему невольно пришло в голову, что у его противника было гораздо больше времени, чтобы приспособиться к маленькому росту и сопутствующей ей быстроте движений, тогда как ему самому маска очень ограничивала обзор и грозила вообще лишить такового, соскользни она хоть чуть-чуть в сторону. Однако Свивомило все наступал, и у Мышелова просто не было возможности сорвать ее и выбросить прочь. В отчаянном порыве он бросился вперед и ухитрился на миг захватить Скальпелем меч соперника, после чего, полоснув Кошачьим Когтем по его лапке с кинжалом, благодаря точному глазу и везению перерезал на ней сухожилия.

Свивомило отскочил назад, и Мышелов, сделав три мощных выпада, которые противник отразил двумя двойными и одним круговым отбивами, на четвертый раз боковым ударом всадил Скальпель прямо в горло Свивомило, так что острие застряло у того в позвонке.

Алая кровь хлынула ему на черное кружевное жабо, из груди вырвался короткий хрип — кроме артерии, Мышелов рассек ему и дыхательное горло, — и самоуверенный, но безрассудный дуэлянт рухнул ничком и забился в предсмертных судорогах.

И тут Мышелов совершил ошибку: забыв, что ножны Скальпеля лишились проволочного каркаса, он стал пытаться засунуть в них меч. Успехом его старания не увенчались, и он послал подальше ставшие мягкими, как хвост Свивомило, ножны.

Внезапно из двух скальных коридоров вынырнули четыре крысы в кирасах и шлемах и с копьями наперевес. Размахивая окровавленным мечом и сверкающим кинжалом, Мышелов бросился в оставленный без присмотра проход, через который он вошел, и, с устрашающим визгом влетев в замеченные им раньше мраморные двери, кинулся вниз по белой лестнице.

В уже привычной нише на площадке он увидел только три кабинки с дверьми из слоновой кости, отделанной серебром. В среднюю как раз входила крыса в белых сапогах, широком белом плаще с капюшоном, державшая в правой лапке, затянутой в белую перчатку, жезл из слоновой кости с большим сапфиром на конце.

Недолго думая, Мышелов ввалился в нишу, втолкнул в кабинку крысу в белом плаще, захлопнул дверь из слоновой кости и мигом запер ее на задвижку.

Немного опомнившись, жертва Мышелова

повернулась и с видом оскорбленного достоинства, размахивая жезлом, воскликнула из-под украшенной бриллиантами белой маски:

— Кто ты такой, что пошмел шовершить нашилие над шоветником Григом иж Шовета Тринадцати! Шквернавец!

Пока частью своего мозга Мышелов соображал, что видел эту шепелявую белую крысу на плече у Хисвина, когда тот был на борту «Каракатицы», глаза успели ему сообщить, что в этой кабинке была не корзина для помета, а приподнятый над полом серебряный стульчак, из которого доносился звук и запах проточной морской воды. Наверное, это и был один из упомянутых Свивомило ватерклозетов.

Отбросив Скальпель в сторону, Мышелов откинул капюшон Грига, сдернул с него через голову маску, поставил лопочущего что-то советника на колени и, пригнув его голову к дальнему краю серебряного стульчака, перерезал Кошачьим Когтем белую мохнатую глотку от уха до уха, так что кровь хлынула в поток бегущей внизу воды. Когда жертва перестала дергаться, Мышелов снял с нее белый плащ с капюшоном, стараясь не измазать его в крови.

И в этот миг он услышал топот сапог: по лест-

нице кто-то спускался. Действуя с поистине дьявольской скоростью, Мышелов положил Скальпель, жезл из слоновой кости, белую маску и плащ за стульчак, посадил на него труп, а сам присел на корточки сзади, глядя на запертую дверь и поддерживая мертвеца в сидячем положении. Сделав все это, он стал самым искренним образом молиться Иссеку Кувшинному — первому пришедшему ему в голову божеству, которому когда-то служил Фафхрд.

Над дверцей засверкали волнистые и загнутые на концах наконечники копий из вороненой стали. Двери двух других кабинок с треском распахнулись. Последовала пауза, в продолжение которой, как надеялся Мышелов, кто-то заглянул под дверь и заметил белые сапоги, после чего раздался тихий стук и учтивый голос осведомился:

— Прошу прощения, ваше великородие, не повстречался ли вам недавно некто в плаще и маске из тончайшего серого меха, вооруженный мечом и кинжалом?

Мышелов отозвался голосом, которому постарался придать спокойствие и благородную снисходительность:

— Никого такого не жаметил, шударь. Но примерно тридцать вждохов нажад я шлышал, как

кто-то быштро пробежал вниж по штупенькам.

— Тысяча благодарностей, ваше великородие, — ответил голос, и сапоги загрохотали по лестнице вниз, к пятому этажу.

Мышелов неслышно выпустил воздух из легких и прервал свою молитву. Затем быстро принялся за работу, поскольку понимал, что задача перед ним стоит сложная и не из приятных. Прежде всего он вытер и сунул в ножны Скальпель и Кошачий Коготь. Затем тщательно осмотрел плащ, капюшон и маску жертвы и, практически не найдя на них пятен, отложил в сторонку. Мысленно он отметил, что плащ застегивается спереди на пуговицы из слоновой кости. После этого он стащил с Грига высокие сапоги из белоснежной замши и попробовал их примерить. Несмотря на мягкость материала, из которого они были сшиты, он натянул их с большим трудом, причем конец подошвы пришелся ему примерно на середину стопы. Ладно, это поможет не забывать про крысиную походку. Мышелов примерил также длинные белые перчатки Грига, которые сидели еще хуже, чем сапоги, если такое вообще было возможно. Однако носить их некоторое время он все же мог. Свои собственные сапоги и перчатки он засунул себе за серый пояс.

Потом он раздел Грига и одно за другим выбросил в воду все, что на том было, оставив лишь острый как бритва кинжал, отделанный слоновой костью и золотом, несколько небольших пергаментных свитков, нижнюю сорочку и открывавшийся с двух концов кошель, набитый золотыми монетами, на одной стороне которых была отчеканена крысиная голова в венке из колосьев, а на другой — какой-то запутанный лабиринт (туннели?), несколько цифр и буквы: О.О.Н.Л. «От Основания Нижнего Ланкмара?» — промелькнула у него в голове блестящая догадка. Он повесил на пояс кошель, затем кинжал, воспользовавшись золотым крючком на ножнах из слоновой кости, а свитки, не читая, сунул в свою суму.

Затем, крякнув от омерзения, он засучил рукава и с помощью нового кинжала принялся расчленять покрытый шерстью труп на куски такой величины, чтобы их можно было протолкнуть в стульчак и выбросить в воду.

Покончив с этим жутким занятием, он внимательно осмотрел пол в поисках капель крови, вытер его и серебряный стульчак сорочкой Грига и выбросил ее вслед за остальными вещами.

После этого, не давая себе ни малейшей пере-

дышки, Мышелов снова натянул белые замшевые сапоги, накинул плащ из тончайшей шерсти и застегнул его спереди на все пуговицы, предварительно продев руки в прорези по бокам. Потом надел маску и обнаружил, что ему нужно с помощью кинжала удлинить прорези внутри, чтобы видеть хоть что-то своими близко посаженными человеческими глазами. Затем он привязал капюшон и надвинул его как можно ниже, дабы скрыть несколько изуродованную маску и отсутствие волосатых крысиных ушей. И в завершение Мышелов натянул длинные и неудобные белые перчатки.

Оказалось, что действовал он без промедления очень кстати: на лестнице снова послышался стук сапог, и грозные наконечники копий снова заколыхались над дверью, тогда как под ней Мышелов увидел типичные крысиные сапоги с загнутыми носами, сделанные из тонкой черной кожи и украшенные золотыми завитушками. В дверь постучали уже громче, и скрипучий голос проговорил вежливо, но вместе с тем категорично:

— Прошу прощения, советник. Это Грист. Как заместитель начальника пятого этажа, я вынужден просить вас открыть дверь. Вы находитесь

здесь уже довольно давно, и я должен убедиться лично, что шпион, которого мы разыскиваем, не приставил вам нож к горлу.

Мышелов кашлянул, взял жезл из слоновой кости с сапфиром на конце, широко распахнул дверь и, чуть прихрамывая, величественно вышел наружу. Ему пришлось снова вернуться к мучительной походке на цыпочках, и из-за этого левую ногу внезапно свело судорогой.

Крысы-копейщики преклонили колени. Крыса в вычурных сапогах, чья одежда, маска, перчатки и ножны меча тоже были разрисованы тонкими золотыми узорами, попятилась.

Скользнув по ней взглядом, Мышелов произнес ледяным тоном:

— Ты ошмелилшя побешпокоить шоветника Грига и поторопить его ш отправлениями. Что ж, надеюшь, у тебя для этого ешть вешкие причины. Надеюшь.

Грист сдернул с головы широкополую шляпу с плюмажем из грудных перышек черной канарейки:

— Разумеется, есть, ваше великородие. В Нижнем Ланкмаре прячется посланный людьми шпион, который каким-то волшебным образом уменьшился до нашего роста. Он уже убил

нашего опытного, хотя и несколько буйного и заносчивого воина Свивомило.

— Вешьма печальное ижвештие, — прошепелявил Мышелов. — Отышкать этого шпиона немедленно! Вожьмите школько вам нужно шолдат и не жалейте шил. Ешли ваш поштигнет неудача, Гришт, я доложу об этом шовету.

Под извинения, благодарности и заверения Гриста Мышелов стал царственной походкой спускаться по беломраморным ступеням; его хромота была почти незаметна благодаря пришедшемуся очень кстати жезлу из слоновой кости. Сапфир на его конце сверкал, как голубая звезда Ашша. Мышелов чувствовал себя царем.

В сгущающихся сумерках Фафхрд скакал на запад, подковы мингольской кобылы высекали искры из кремнистой дороги, пересекавшей Зыбучие земли. Искры сверкали в полутьме так же, как и несколько самых крупных звезд на небе. Дорога, вернее, простая вереница следов от копыт была едва различима. С севера и с юга серели угрюмые просторы Внутреннего и Восточного морей; первое из них было подернуто рябью. Только теперь, на фоне грязно-розовой полоски заката, Фафхрд начал различать черную волнистую линию приземистых деревьев и толстых кактусов

— там начиналась Великая Соленая топь.

Это было радующее душу зрелище, но Фафхрд хмурился — у внутренних концов бровей лоб его пересекали две глубокие морщины.

Левая морщина, если можно так выразиться, была посвящена тому, что находилось у него за спиной. Неспешно оглянувшись через плечо, он увидел, что четверо всадников, которых он впервые заметил, когда они спускались по Сархеенмарской дороге, находятся всего в полутора полетах стрелы. Они мчались на вороных лошадях и были одеты в просторные черные плащи с капюшонами. Теперь северянин знал точно: это были его старые знакомцы — илтхмарские головорезы. А горевшие жаждой добычи, не говоря уж о мщении, илтхмарские сухопутные пираты славились тем, что отваживались преследовать свою жертву вплоть до Болотной заставы Ланкмара.

Появление правой, более глубокой морщины было вызвано почти незаметным наклоном с юга на север иззубренной линии горизонта. Фафхрд понял: Зыбучие земли дали крошечный крен в противоположном направлении, и это подтвердилось, когда мингольскую кобылу вдруг повело влево. Он дал шенкеля и пустил лошадь в резвый галоп. Только бы успеть добраться до насыпной

дороги через Великую топь, пока Зыбучие земли не погрузились в пучину.

Ланкмарские философы считали, что Зыбучие земли представляют собой громадную, вогнутую снизу и скалистую сверху плиту из породы настолько пористой, что ее удельный вес в точности равен удельному весу воды. Вулканические газы, которые выделяются из основания Илтхмарских гор, а также зловонные испарения из неизведанных глубин Великой Соленой топи постепенно наполняют углубление в плите, и она всплывает на поверхность. Однако устойчивостью она не обладает, поскольку плотность ее поверхностного слоя гораздо больше, чем плотность пористой породы. Словом, всплыв на поверхность, громадная плита сразу начинает раскачиваться. Поддерживающие ее газы и испарения выходят громадными пузырями то с одной, то с другой стороны. В результате плита погружается в воду, и медленный периодический процесс повторяется сызнова.

Короче говоря, по крену Фафхрд понял, что Зыбучие земли вскоре опять погрузятся в море. Крен увеличился до такой степени, что ему пришлось немного натянуть правый повод, чтобы удержать кобылу на дороге. Оглянувшись через правое

плечо, он увидел, что четыре черных всадника тоже прибавили ходу и скачут даже чуть быстрее, чем он сам.

Переведя взгляд на столь дорогую его сердцу и желанную Соленую топь, Фафхрд вдруг увидел, как совсем рядом с ним воды Внутреннего моря взвились в воздух каскадом серых пенистых гейзеров — первый выброс газов, — а Восточное море заплескалось у самой дороги.

Затем скальная плита под ним начала медленно крениться в другую сторону, и вскоре ему пришлось натягивать уже левый повод, чтобы не дать лошади сойти с дороги. Северянин радовался, что кобыла под ним — мингольская, приученная не обращать внимания на любые необычные явления природы, включая и землетрясения.

Теперь уже спокойные воды Восточного моря взорвались длинной и грязной стеной пенящегося газа, а волны Внутреннего моря разбивались чуть ли не под копытами лошади.

Но до топи уже было совсем рукой подать. Фафхрд мог различить отдельные колючие деревья, кактусы и пучки исполинской морской травы, которые четко вырисовывались на фоне уже совершенно обескровленного неба на западе.

Через несколько мгновений он разглядел и прямую черную полосу: это — хвала Иссеку! — была насыпная дорога.

Из-под железных подков лошади вылетали снопы белых искр. Животное дышало сипло и часто.

Но тут в пейзаже начали происходить тревожные, хотя и едва заметные изменения. Почти неразличимо для глаза вся Великая Соленая топь стала подниматься.

Это означало, что Зыбучие земли начали опять медленно погружаться в воду.

С обеих сторон, с севера и с юга, к Фафхрду подступали серые стены — бушующие пенистые воды Внутреннего и Восточного морей ринулись на громадную каменную плиту, которая лишилась поддерживавшего ее газового пузыря.

Внезапно перед Фафхрдом вырос черный уступ примерно в ярд высотой. Низко пригнувшись в седле, северянин дал кобыле шенкеля; в мощном прыжке преодолев высоту, она приземлилась на твердую почву и без малейшей задержки поскакала дальше — с той лишь разницей, что теперь ее копыта не гремели по камню, а мягко стучали по плотно утрамбованному гравию насыпной дороги.

Грозный гул позади нарастал, внезапно раз-

дался оглушительный взрыв. Фафхрд оглянулся и увидел чудовищную круговерть воды, но уже не серой, а призрачно-белой в слабом свете, лившемся с запада: прямо над дорогой столкнулись волны Внутреннего моря с валами Восточного.

Северянин уже собрался было отвернуться от этого жуткого зрелища и чуть придержать кобылу, когда из бело-серого водоворота вынырнул сперва один черный всадник, за ним другой, потом третий. Четвертого не было, — по-видимому, он сгинул в пучине. При мысли о том, какой прыжок пришлось совершить трем вороным лошадям и их всадникам, волосы на затылке у Фафхрда встали дыбом, и он, чертыхаясь, принялся понукать свою мингольскую кобылу, прекрасно зная, что к нежному обращению она не приучена.

12

Когда тени удлинились до бесконечности, а солнечный диск сделался темно-оранжевым, Ланкмар начал готовиться еще к одной ночи ужаса. Жители города не клюнули на то, что свирепых крыс на улицах стало меньше: чувствуя наэлектризованное затишье перед бурей, они, как и в прошлую ночь, баррикадировались в верхних этажах своих домов. Солдаты и стражи порядка, в зависимости от индивидуальных особенностей характера, удовлетворенно ухмылялись или ворчали на глупость начальства, когда узнали, что за час до полуночи им следует собраться в южных казармах, где перед ними выступит Олегний Минологубец, который славился своими длиннейшими, нуднейшими и слюнявейшими речами, как ни один главнокомандующий за всю историю Невона, не говоря уж о том, что от него по-стариковски воняло кислятиной.

Слинур приказал всю ночь жечь огни на борту «Каракатицы» и велел заступить на вахту всей команде. Черный же котенок, оставив «воронье гнездо», прогуливался по поручням со стороны причала, время от времени тревожно мяукал и

вглядывался в темные улицы, словно охваченный искушением и страхом одновременно.

Глипкерио на какое-то время успокоился, наблюдая за Ритой, которую подвергли изощренным истязаниям, в большей степени душевным, нежели физическим, а также многочасовому допросу умелых инквизиторов, поставивших своей целью выбить из нее признание, что Мышелов является крысиным вождем — его уменьшение до размера крысы доказывало это со всей очевидностью, — а также заставить девушку выдать всю информацию касательно его магических методов и уловок. Девушка буквально заворожила Глипкерио — так живо и неутомимо реагировала она на угрозы, издевательства и сравнительно легкие пытки.

Однако через какое-то время ему наскучило и это, и он велел подать себе легкий ужин на залитый красным солнечным светом балкон Голубой палаты, рядом с медным желобом, подле которого стоял серый веретенообразный снаряд, который монарх время от времени для пущего утешения нежно поглаживал рукой. Что ж, Хисвину он не солгал, самодовольно убеждал себя Глипкерио, у него и впрямь есть секретное оружие, хотя и предназначенное не для нападения, а

как раз наоборот. Только бы не пришлось им воспользоваться! Хисвин пообещал, что в полночь произнесет заклинание против распоясавшихся крыс, а ведь до сих пор у Хисвина дела шли отлично — разве не спас он от крыс караван с зерном? — да и его дочь вместе со своей служанкой умели успокоить Глипкерио, и, что удивительно, никого при этом не отхаживали кнутом. Он ведь своими глазами видел, как Хисвин умерщвил заклинанием крыс, и со своей стороны сдержал слово: в полночь все солдаты и стражи порядка будут слушать в южных казармах этого утомительного Олегния Минголобца. Все, что от него требовалось, он сделал, убеждал себя Глипкерио, Хисвин выполнит свое обещание, и в полночь со всеми бедами и неприятностями будет покончено.

Но полночь наступит еще так не скоро! Монарха-орясину в черной тоге и венке из фиолетовых анютиных глазок опять охватила скука, и он с тоской вернулся мыслями к кнутам и Рите. Все у него не как у людей: сюзерену, отягощенному административными и прочими государственными заботами, даже не выделить времени на непритязательные хобби и невинные развлечения.

Тем временем инквизиторы закончили на сегодня с Ритой и оставили ее на попечение Саманды, которая то и дело принималась описывать девушке, каким умопомрачительным поркам и прочим истязаниям она ее предаст, когда эти хлюпики-инквизиторы завершат свою работу. Истерзанная девушка пыталась найти утешение в мысли, что ее лихому серому спасителю удастся обрести нормальные размеры и прийти к ней на помощь. Что бы там ни утверждали ее гадкие мучители, Серый Мышелов сделался ростом с крысу вовсе не по своей воле. Рита стала вспоминать слышанные ею в детстве сказки про ящериц и лягушек, которые вновь стали прекрасными принцами после нежного девичьего поцелуя, и, несмотря на страдания, глаза на ее безбровом лице подернулись мечтательной дымкой.

Сквозь прорези в маске Грига Мышелов разглядывал роскошный зал заседаний и находившихся в нем крыс, входивших в Совет Тринадцати. Ему уже успело опротиветь и окружение, и то обстоятельство, что все время приходилось шепелявить. Тем не менее он постарался собраться для последнего усилия, мысль о котором по крайней мере щекотала ему воображение.

Его появление здесь было полно крайней про-

стоты и неизбежности. Когда он расстался с Гристом и его копейщиками и добрался до пятого этажа, крысы-пажи распростерлись перед ним ниц на беломраморной лестнице, и вперед вышла крыса-гофмейстер, позванивая в серебряный колокольчик с гравировкой, который прежде звенел, скорее всего, на лодыжке храмовой танцовщицы с улицы Богов. Величественно опираясь на жезл из слоновой кости с сапфиром на конце, хотя и слегка прихрамывая, Мышелов молча прошел в сопровождении гофмейстера в зал заседаний и был усажен в соответствующее кресло.

Зал была низким, но просторным, колоннами в нем служили золотые и серебряные свечи, явно стянутые из дворцов и церквей Ланкмара. Было там и несколько украшенных самоцветами колонн, которые очень смахивали на скипетры и жезлы. У дальней стены, наполовину скрытые колоннами, толпились крысы-копейщики, камердинеры, слуги, носильщики паланкинов со своими транспортными средствами и прочая шушера.

Зал освещался посаженными в золотые и серебряные клетки огненными жуками, ночными пчелами и светящимися осами величиной с ор-

ла, и было их так много, что свет в зале заметно пульсировал. Мышелов решил, что, если ему захочется поразвлечься, он выпустит из клеток несколько светящихся ос.

В центральном круге, образованном особо дорогими колоннами, стоял круглый стол, за ним на равном расстоянии друг от друга восседали Тринадцать — все в масках, белых капюшонах и одеяниях, из-под которых торчали лапки в белых перчатках.

Напротив Мышелова, на кресле, которое было чуть выше остальных, сидел Скви, врезавшийся ему в память с того момента, когда он сидел у него на плече и грозил перерезать ему сонную артерию. Справа от Скви сидел Сисс, а слева — молчаливая крыса, которую присутствующие называли лорд Незаметный. Единственный из Тринадцати, этот угрюмый лорд был облачен в черные плащ, капюшон, маску и перчатки. В его чертах было нечто неуловимо знакомое — возможно, потому, что цветом своей одежды он напомнил Мышелову Свивомило и Гриста.

Остальные девять крыс были явно новоизбранными членами, призванными заполнить бреши в Совете, которые образовались после истребления белых крыс на борту «Каракатицы», поскольку

они в основном сидели молча, а когда вопрос ставился на голосование, сразу соглашались с большинством старых членов Совета; когда же голоса разделялись между ними поровну, новички воздерживались.

Всю столешницу закрывала круглая карта, сделанная, по всей видимости, из загорелой и хорошо выделанной человеческой кожи, очень тонкой и пронизанной множеством пор. На самой карте не было ничего, кроме массы точек — золотых, серебряных, красных и черных, отчего она напоминала засиженную мухами витрину торговца фруктами в бедном квартале. Глядя на нее, Мышелов поначалу вспомнил лишь мрачное, многозвездное небо. Но по замечаниям присутствующих он постепенно понял, что перед ним — ни больше ни меньше как карта всех крысиных нор в Ланкмаре!

Поначалу эта карта ни о чем Мышелову не говорила. Но мало-помалу на первый взгляд в беспорядочных нагромождениях точек и пунктирных завитушек он начал узнавать главные улицы и здания города. Изображение города было, понятное дело, перевернутым, поскольку неведомый картограф смотрел на него не сверху, а снизу.

Как выяснилось, золотыми точками были изображены норы, неизвестные людям и используемые крысами; красными точками — норы, известные людям, но тем не менее еще действующие; серебряными — неизвестные наверху, но временно законсервированные подземными жителями; и, наконец, черные точки обозначали норы, известные людям и не посещаемые грызунами Нижнего Ланкмара.

На протяжении всего заседания к столу время от времени подходили три стройные крысы-служанки, чтобы изменить цвет той или иной точки или даже нанести новую в соответствии с текущей информацией, которую шепотом сообщали им пажи, бесшумно входившие в зал. Три крысы очень ловко работали кисточками типа «крысиный хвост», каждая из которых была сделана из одного-единственного жесткого и распушенного на конце конского волоса, макая их в одну из четырех привешенных к поясу чернильниц с чернилами соответствующего цвета.

Через некоторое время Мышелов начал постигать простой и вместе с тем жуткий план штурма Верхнего Ланкмара, который должен был начаться за полчаса до полуночи: он узнал подробнейшие сведения о ротах копейщиков,

арбалетных расчетах, ударных группах кинжальщиков, бригадах отравителей и поджигателей, а также об убийцах-одиночках, детоубийцах, крысах-паникерах, крысах-вонючках, о крысах, назначенных кусать мужчин за детородные органы, а женщин за груди, и о прочих берсерках; равно как о специалистах по ловушкам на человека, таких как веревки для спотыкания, ежи с торчащими из них иглами и удавки; об артиллерийских бригадах, которые должны были по частям вытащить наверх большие орудия и уже там их собрать, — и прочее, и прочее, и прочее, чего мозг Мышелова был уже не в силах вместить.

Узнал он и направления двух главных ударов — на южные казармы и улицу Богов, которую до сих пор крысы щадили.

И наконец, Мышелов узнал, что целью крыс было не уничтожение людей и не изгнание их из Ланкмара — нет, они хотели добиться от Глипкерио безоговорочной капитуляции и тем самым, а также путем постоянного террора подчинить себе его подданных, так чтобы Ланкмар продолжал, как и прежде, развлекаться и заниматься делами, покупать и продавать, рожать детей и умирать, посылать за моря суда и караваны, растить зерно — это главное! — но уже под властью крыс.

По счастью, все эти сведения были сообщены Скви и Сиссом. У Мышелова, то есть у Грига, никто ничего не спрашивал, так же как и у лорда Незаметного, — разве что высказать мнение по какому-нибудь запутанному вопросу или провести очередное голосование. Благодаря этому у Мышелова оказалось достаточно времени, чтобы обдумать, как бы получше подпустить кошку в ящик с крысиными планами.

Проинформировав присутствующих обо всем, Скви поинтересовался, нет ли у кого-нибудь предложений по улучшению плана штурма, причем сделал это, явно не ожидая какой-либо реакции.

Но тут с места поднялся Мышелов — не без труда, поскольку проклятые сапоги Грига жали немилосердно, — и концом своего роскошного жезла безошибочно ткнул в скопление серебряных точек в западном конце улицы Богов.

— А почему бы нам не вжять и это ждание? — осведомился он. — Я предлагаю в шамый ражгар битвы выпуштить отряд крыш в черных тогах иж храма иштинных богов Ланкмара. Это лучше вшего убедит людей, что их боги, боги их города, отвернулишь от них, превратившишь в крыш!

Мышелов с трудом сглотнул образовавшийся в горле сухой комок. Какого дьявола этому Григу

понадобилось шепелявить?

Поначалу остальные члены Совета, казалось, несколько обалдели от подобного предложения. Наконец Сисс с нескрываемым удивлением, восхищением и завистью, как бы против воли, проговорил:

— Мне это и в голову не приходило.

Скви заметил:

— Храм истинных богов Ланкмара уже очень давно не посещается ни людьми, ни крысами, как тебе прекрасно известно, Григ. И тем не менее…

— Я против, — брюзгливо перебил лорд Незаметный. — К чему задевать неизвестное? Жители Ланкмара боятся и избегают храм богов их города. И мы должны поступить так же.

Сверкнув сквозь прорези маски глазами в сторону крысы в черном, Мышелов спросил:

— Мы кто — мыши или крыши? Или мы прошто трушливые и шуеверные люди? Где твоя крышиная шмелошть, лорд Нежаметный? Где твой царштвенный шкептичешкий, крышиный ражум? Моя уловка уштрашит людей и навшегда докажет превошходштво крыш. Шкви! Шшшш! Ражве не так?

Вопрос был поставлен на голосование. Лорд Незаметный проголосовал против, Сисс, Мышелов

— и после краткой паузы Скви — за, остальные девять их горячо поддержали, и, таким образом, операция «Черная тога», как назвал ее Скви, вошла составной частью в план штурма.

— Чтобы ее организовать, у нас есть еще более четырех часов, — напомнил Скви встревоженным коллегам.

Мышелов улыбнулся под маской. У него было ощущение, что истинные боги Ланкмара если уж поднимутся, то окажутся на стороне жителей города, принадлежащих к роду людскому. «Ой ли?» — запоздало подумал он.

Как бы то ни было, его задача и основное желание в настоящий момент — как можно скорее смыться из зала заседаний. И Мышелову мгновенно пришло в голову, как это сделать. Он махнул рукой пажу.

— Пожови паланкин, — велел он. — Это обшуждение меня утомило. У меня шлабошть и шудороги в ногах. Я ненадолго отправлюшь домой, к жене, и отдохну.

Скви обернулся и недоуменно взглянул на него.

— К жене? — недоверчиво переспросил он.

Мышелов тут же нашелся:

— Кому какое дело, ешли мне в голову вштупи-

ла причуда нажвать женой швою любовницу?

Скви несколько мгновений молча смотрел на него, потом пожал плечами.

Появился паланкин, несомый двумя крепкими полуобнаженными крысами. Мышелов с благодарностью взобрался в него, положил рядом посох, скомандовал: «Домой!» — и жеманно сделал ручкой Скви и лорду Незаметному, уже трясясь на подушках. Он чувствовал себя самым блестящим умом во всей вселенной, вполне достойным отдыха, пусть даже в крысиной норе. Он напомнил себе, что у него есть по крайней мере четыре часа до того момента, когда зелье Шильбы перестанет действовать и он снова приобретет нормальные габариты. Для Ланкмара он сделал все, что мог, и теперь обязан подумать о себе. Он лениво размышлял, какие удобства могут ждать его в крысином доме. Он должен их отведать, прежде чем выберется наружу. После всего происшедшего заседание Совета выдалось и впрямь утомительное.

Когда паланкин скрылся за колоннами, Скви повернулся к лорду Незаметному и сказал из-под украшенной бриллиантами белой маски:

— Выходит, у этого старого женоненавистника Грига есть любовница! Должно быть, это она

заставила его ум работать до такой степени блестяще, что он додумался до операции «Черная тога».

— Не нравится мне все это, хотя вы и победили по голосам, и я вынужден подчиниться, — раздраженно пропищал его собеседник из-под своей черной маски. — Слишком много всяких неясностей. Решающее сражение на носу. В Нижнем Ланкмаре появляется какой-то чудесным образом преобразившийся человеческий шпион. Внезапно меняется характер у Грига. Эта взбесившаяся мышь, что с пеной у рта бегала против движения солнца у зала заседаний и трижды пискнула, когда ты убил ее. Необычно громкое жужжание ночных пчел в покоях у Сисса. И теперь эта новая операция, утвержденная с бухты-барахты…

Скви дружески потрепал лорда Незаметного по плечу.

— Нынче вечером ты пребываешь в смятении, друг, и в каждом светляке видишь дурные предзнаменования, — проговорил он. — Как бы то ни было, но одно Григ сказал совершенно справедливо. Нам всем не помешает немного отдохнуть и освежиться. Особенно тебе перед столь важной миссией. Пойдем.

Оставив остальных заседающих на попечение

Сисса, они с лордом Незаметным вошли в занавешенный альков позади зала, и Скви велел принести закуски и напитки.

Когда занавеска за ними запахнулась, Скви уселся на один из двух стульев, стоявших перед небольшим столиком, и снял маску. В мерцающем фиолетовом свете трех ос, сидевших в серебряных клетках и освещавших альков, его длинная, покрытая белой шерстью морда с голубыми глазками казалась особенно зловещей.

— Подумать только, — проговорил он, — что завтра мой народ уже будет хозяином Верхнего Ланкмара. На протяжении тысяч лет мы, крысы, проектировали и строили, прокладывали туннели, учились и боролись, и теперь, меньше чем через шесть часов… Да, за это стоит выпить! Кстати, друг, не пора ли тебе принять лекарство?

Лорд Незаметный, уже готовый по рассеянности снять свою черную маску, зашипел от неожиданности, сунул правую лапку, затянутую в черную перчатку, в кошель и вытащил оттуда маленький белый флакончик.

— Погоди! — в ужасе воскликнул Скви и схватил приятеля за руку. — Ведь если сейчас ты примешь это лекарство…

— Что-то я слишком уж разнервничался, —

согласился собеседник, сунул в кошель белый флакончик и достал черный.

Прежде чем выпить его содержимое, он снял свою черную маску. Под ней оказалась не крысиная мордочка, а морщинистое лицо с глазками-бусинками, принадлежащее торговцу зерном Хисвину.

Проглотив черное лекарство, он заметно расслабился. Тревога на его лице сменилась задумчивостью.

— А что у Грига за любовница? — внезапно спросил он. — Готов поклясться, что это не обычная потаскушка и даже не тщеславная куртизанка.

Скви пожал покатыми плечами и цинично заявил:

— Чем незауряднее очарованный, тем глупее чаровница.

— Нет, — нетерпеливо возразил Хисвин, — я чувствую за всем этим действительно незаурядный и хищный ум, какого у Грига отродясь не было. Когда-то он был честолюбив и метил очень высоко, однако выше лба уши-то не растут — я говорю в переносном смысле, ясное дело. А сейчас он постарел, и такого ему ни за что не выдумать. Да, насчет истинных богов Ланкмара его явно кто-то надоумил. Только вот кто?

Скви пожал плечами:

— Что-то мне не верится, что тут замешана его любовница. Не женского ума это дело. Быть может, он разжился каким-нибудь тайным советчиком?

— Да откуда? — возразил Хисвин. — Больше половины Совета Тринадцати перебито, а новые его члены не в счет, они пока еще недоумки. Ладно, пора браться за дело. Мы должны не только захватить храм истинных богов Ланкмара, но и объявить жителям, что эти самые их боги убиты. Это произведет впечатление.

— Прекрасная мысль! — обрадовался Скви. — Я пойду и распоряжусь, а ты пока отдыхай. Сегодня у тебя трудный день, вернее сказать, трудная ночь.

Продолжая гнать мингольскую кобылу, Фафхрд мчался по насыпной дороге через Великую Соленую топь. Вокруг стало почти совсем темно, и северянин различал по сторонам лишь темные силуэты ястребиных деревьев и толстых кактусов. Судя по глухому стуку копыт позади, три черных всадника продолжали погоню и уже, можно сказать, наступали ему на пятки.

Внезапно кобыла начала прядать ушами и через несколько шагов встала как вкопанная. До

Фафхрда донесся очень знакомый голос:

— Эй, Фафхрд! Дубина стоеросовая, сколько можно тебя звать?

Голос, вне всякого сомнения, принадлежал Серому Мышелову и доносился откуда-то справа. Вглядевшись, северянин различил в густых сумерках слабое серебристое мерцание примерно в двух полетах стрелы от дороги.

«Он что, совсем с ума сошел и оседлал одноглазого болотного леопарда? — с неудовольствием подумал Фафхрд. — Делать нечего, придется разобраться с этим серым бездельником».

Он свернул с дороги и пустил заартачившуюся было кобылицу напрямик через болото. Через несколько десятков ударов сердца, в течение которых слышалось лишь чавканье болотной жижи под копытами, северянин оказался перед какой-то лачугой, торчавшей посреди топи на пяти длинных суставчатых ногах. В полукруглом дверном проеме чуть мерцал серебристый свет непонятного происхождения.

— Что ты там копаешься, олух? — донесся из лачуги голос Мышелова. — Лезь скорее сюда.

— Что стряслось, Мышелов? Что это ты тут делаешь? — пробурчал северянин, несколько удивленный грубостью своего товарища.

Не дожидаясь ответа, он спрыгнул с кобылы, стреножил ее на всякий случай, подтянулся на руках и оказался в дверном проеме. Серебристый свет тут же погас, и послышался голос, напоминавший шорох прибоя по прибрежной гальке:

— Ну что, явился наконец?

Волосы на затылке у Фафхрда, не успев улечься, снова встали дыбом. Ему не раз приходилось слышать скрежещущий голос Шильбы Безглазоликого, но его знаменитую хижину он никогда не видел и тем более никогда в ней не бывал. Он бросился в сторону и прижался спиной к стене. Затылок его прикоснулся к чему-то гладкому, круглому и прохладному. Почти наверняка настенный череп.

Место, которое он только что освободил, заняла бесформенная черная фигура. На фоне тусклого лунного света Фафхрд различил черный клобук.

— Где Мышелов? — сипло осведомился Фафхрд.

Хижина резко накренилась. Фафхрд наудачу вытянул руки и, к счастью, нащупал две какие-то вертикальные стойки.

— В переплете. Очень тяжелом переплете, — лаконично ответил Шильба. — Я кричал его голосом, чтобы ты пошевелился. Когда управишь-

ся с тем, что велел тебе сделать этот придурок Нингобль — что-то с колоколами вроде? — немедленно спеши к нему на помощь.

Хижина дернулась второй раз, третий, после чего началась бортовая и килевая качка, как на корабле, только более быстрая и резкая, словно жилище Шильбы каким-то образом очутилось на покатой спине гигантской и нетрезвой жирафы.

— Немедленно спешить куда? — немного застенчиво спросил Фафхрд.

— Откуда я знаю, а если даже и знаю, то почему должен тебе сказать? Я не твой чародей. Просто я решил подбросить тебя до Ланкмара в качестве одолжения этому толстобрюхому, семиглазому и многоречивому дилетанту, который считает себя моим коллегой и обманом заставил тебя взять его в наставники, — послышался из-под капюшона скрипучий голос. Затем, немного смягчившись, Шильба ворчливо добавил: — Скорее всего, во дворец сюзерена. А теперь умолкни.

Качка и скорость хижины увеличились. Ветер полоскал край клобука Шильбы. Мимо проносилась Великая Соленая топь с пятнами лунного света на ней.

— Что за всадники гнались за мной? — осведомился Фафхрд, изо всех сил вцепившись в

подпорки. — Илтхмарские разбойники? Приспешники мерзкого, серпорукого властелина?

Молчание.

— Что вообще происходит? — не унимался Фафхрд. — Ланкмар захвачен бесчисленным, но безымянным врагом. Безымянные черные всадники. Мышелов ужасно скукожился и сидит глубоко под землей, но живой. Оловянный свисток, которым можно вызвать боевых котов, опасных для свистнувшего. Чушь какая-то.

Хижина дернулась особенно резко. Шильба молчал. Фафхрд почувствовал приближение морской болезни и сосредоточился на своих ощущениях.

Набравшись мужества, Глипкерио просунул свою курчавую белокурую голову в венке из анютиных глазок, болтавшуюся на длинной шее, между кожаными занавесями на кухонной двери и, щуря свои подслеповатые желтые глазки на огонь очага, ухмыльнулся хитровато-благодушной, чуть глуповатой ухмылкой.

Рита, опять прикованная цепью за шею, сидела перед очагом, скрестив ноги и свесив голову на грудь. Окруженная четырьмя сидевшими на корточках служанками, Саманда клевала носом в своем вместительном кресле. Несмотря на то

что на кухне не раздалось ни звука, она перестала храпеть, приоткрыла поросячьи глазки и, уставившись на Глипкерио, бесцеремонно проговорила:

— Заходи, сюзеренчик, не стой там, как застенчивая жирафа. Или крысы напугали и тебя тоже? Ну-ка, девочки, брысь на свои тюфяки.

Три служанки вскочили на ноги. Выхватив из волосяной башни на голове длинную булавку, Саманда ткнула ею четвертую служанку, которая успела задремать.

Молча, если не считать сдавленного вскрика уколотой, четыре служанки отвесили один поклон Глипкерио, два Саманде и поспешили вон из кухни, похожие на восковые манекены. Рита устало посматривала по сторонам. Глипкерио, не глядя на нее, слонялся по кухне, его подбородок дергался, дрожащие длинные пальцы плели нескончаемые узоры.

— Тебя кусает клоп беспокойства, сюзеренчик? — спросила Саманда. — Приготовить тебе маковый глинтвейн? Или лучше полюбуешься, как ее будут пороть? — продолжала толстуха, указывая толстым пальцем на Риту. — Инквизиторы запретили, но, конечно, если ты прикажешь…

— Нет-нет, разумеется, нет, — запротестовал

Глипкерио. — Но раз уж речь зашла о кнутах, то в моей личной коллекции появилось кое-что новенькое, милая Саманда, могу показать, если хочешь. К примеру, бич, якобы доставленный из Дальнего Кираая и покрытый крупнотолченым стеклом. А еще шестизубое серебряное стрекало с хорошенькой гравировкой, оно предназначено для быков и доставлено сюда из…

— А, стало быть, тебе нужна компания, как любому напуганному, — перебила его Саманда. — Я бы и рада удружить тебе, сюзеренчик, вот только инквизиторы велели всю ночь не спускать глаз с этой девчонки, которая стакнулась с крысиным предводителем.

Глипкерио долго что-то пекал, мекал и наконец проговорил:

— Ну, если это так уж необходимо, ты могла бы взять ее с собой.

— Могла бы, могла бы, — сердечно согласилась Саманда и оторвала свою затянутую в черное платье тушу от кресла. — Кстати, испробуем на ней твои новые приобретения.

— Нет, что ты, — снова запротестовал Глипкерио. Потом нахмурился, пожал узкими плечами и задумчиво добавил: — Хотя иногда, чтобы освоить новый пыточный инструмент, просто

необходимо…

— …просто необходимо, — повторила Саманда и, отстегнув серебряную цепь от ошейника Риты, взяла девушку на короткий поводок. — Веди нас, сюзеренчик.

— Ступайте сперва ко мне в спальню, — отозвался тот. — А я пойду вперед и удалю стражников.

И он бросился вон из кухни, чуть ли не разрывая тогу длинными ногами.

— Да не нужно, сюзеренчик, твои привычки ведь всем известны, — крикнула ему вслед Саманда и рывком подняла Риту на ноги. — Пошли, девка, тебе оказали большую честь. Радуйся, что я — не Глипкерио, иначе тебя натерли бы сыром и бросили в подвал к крысам.

Когда по пустынным, увешанным шелками коридорам они добрались наконец до спальни Глипкерио, тот в беспокойстве и раздражении стоял перед открытой, усеянной самоцветами толстой дубовой дверью и нервно шелестел тогой.

— Я по пути не встретил ни единого стражника, — пожаловался он. — Похоже, мой приказ был по чьей-то дурости неверно истолкован, и в южные казармы вместе с солдатами и стражами порядка отправили и мою личную охрану.

— На кой ляд тебе охрана, если для защиты у тебя есть я? — браво осведомилась Саманда и похлопала по дубинке, висевшей у нее на поясе.

— Это верно, — с некоторым сомнением в голосе согласился Глипкерио и вынул из складок тоги большой золотой ключ сложной формы. — Давай запрем девушку здесь, Саманда, и пойдем смотреть мои приобретения, ладно?

— И решим, какое из них испробовать на ней? — громко и хрипло добавила экономка.

Разыгрывая возмущение, Глипкерио неодобрительно покачал головой и, бросив последний взгляд на Риту, проговорил серьезно и по-отечески:

— Нет, конечно нет. Просто я подумал, что бедной девочке будет с нами скучно и неинтересно.

Но, несмотря на все старания, Глипкерио не удалось скрыть прозвучавшее в голосе нетерпение и блудливый огонек в глазах.

Отстегнув поводок, Саманда втолкнула девушку в спальню.

Почувствовав в последний миг опасение, Глипкерио предупредил:

— Не вздумай прикасаться к моему ночному питью.

С этими словами он указал на золотой поднос,

стоявший на серебряном ночном столике. На подносе возвышались большие хрустальные графины и кубок на длинной ножке с вином бледно-абрикосового цвета.

— Не вздумай ничего трогать, или я заставлю тебя молить о смерти, — подтвердила Саманда, на сей раз грубо и без тени юмора. — Встань на колени у изножья кровати и нагни голову — поза покорности номер три — и не двигайся, пока мы не вернемся.

Как только массивная дверь затворилась, щелкнул язычок замка и звякнул вынутый с той стороны золотой ключ, Рита, подойдя к ночному столику, подвигав немного щеками, плюнула в ночное питье и стала следить, как пузырчатый плевок медленно оседает на дно. «Эх, будь у меня хоть несколько волосков», — с яростью подумала она, но в комнате не было ничего мехового или шерстяного, а ее саму утром тщательно выбрили.

Она вынула пробку из самого соблазнительного хрустального графина и, время от времени грациозно отпивая глоточек, принялась осматривать спальню, обшитую панелями из редких пород дерева, привезенного из Восьми Городов, а также находящиеся в ней еще более редкие сокровища.

Дольше всего она простояла у тяжелого золотого ларца, полного ограненных, но неоправленных драгоценных камней — аметистов, аквамаринов, сапфиров, гагатов, топазов, огненных опалов, рубинов, кимпи и ледяных изумрудов, которые сверкали и переливались, словно осколки радуги.

В одном углу она увидела вешалку с женскими платьями, сшитыми на очень высокую и худую особу, и рядом, как ни странно, стойку с вороненым оружием.

Довольно долго Рита разглядывала полки с фигурками из дутого стекла и наконец выбрала, по ее мнению, самую изящную и дорогую — нет нужды говорить, что это была фигурка стройной девушки в сапогах, коротенькой курточке и с бичом в руке. Рита смахнула фигурку с полки, и та вдребезги разбилась о натертый пол, а бич превратился и вовсе в пыль.

Что они могут сделать с ней такого, чего до сих пор не было в их планах? — спрашивала она себя со скупой улыбкой на губах.

Затем, забравшись в постель, Рита вытянулась во весь рост и стала нежиться, наслаждаясь мягкими прикосновениями тонких льняных простыней к ее бритым конечностям, телу и голове

и время от времени выливая из хрустального графина несколько капель нектара себе в рот, которому шутки ради она придала высокомерный изгиб. Черт побери, она будет пить до последнего мига, чтобы стать мертвецки пьяной! И тогда пусть Саманда и Глипкерио сколько угодно терзают ее бесчувственное тело и отключившийся мозг, если, конечно, им это понравится…

13

Мышелов ехал в паланкине, откинувшись чуть набок; хвост передней крысы-носильщика находился на почтительном расстоянии в руку от его лица. Мышелов обратил внимание, что, не покидая пятого этажа, они добрались до широкого коридора, в котором неподвижно замерли копейщики и куда выходило тринадцать забранных тяжелыми шторами дверей. Первые девять штор были бело-серебряные, следующая — черно-золотая и последние три — бело-золотые.

Несмотря на усталость и радостное чувство безопасности, Мышелов на протяжении всего пути был настороже, подозревая, хотя и не совсем всерьез, что Скви или лорд Незаметный может установить за ним слежку; кроме того, не следовало забывать о Гристе, который мог обнаружить в ватерклозете какую-нибудь улику, невзирая на весь артистизм, с каким Мышелов проделал свою неприятную работу. Время от времени он замечал крыс, быть может следивших за его паланкином, но все они раньше или позже сворачивали в какое-нибудь из ответвлений лабиринта коридоров. Последними его ленивые

подозрения пробудили две стройные крысихи в черных шелковых плащах, капюшонах, масках и перчатках, но и те, не взглянув на него, скрылись под ручку за черно-золотыми шторами, явно перемывая кому-то шепотом косточки.

Его паланкин остановился у следующей двери, третьей от конца. Выходило, что Скви и Сисс выше рангом, чем Григ, но Григ выше, нежели лорд Незаметный. Это было невредно знать, хотя именно такое впечатление и сложилось у Мышелова на Совете.

Несколько мгновений он продолжал сидеть, потом встал, опираясь на жезл и немного утрируя судорогу в ноге, и бросил одной из крыс-носильщиц монету с венком из колосьев, извлеченную из кошелька Грига. Мышелов решил, что такая вещь, как чаевые, свойственна любым живым существам, тем более крысам. Не оглядываясь, он проковылял за тяжелые шторы, отметив мимоходом, что они были сотканы из тонкой золотой нити и расшиты белым шелком. За шторами оказался короткий полутемный проход, также занавешенный с другого конца. Мышелов раздвинул вторые шторы и оказался в уютной, но не слишком богато обставленной квадратной комнате с забранными занавесками дверьми во всех

остальных трех стенах, над каждой из которых светился огненный жук в бронзовой клетке. В комнате были два закрытых буфета, письменный стол с табуретом перед ним, множество свитков в серебряных чехлах, весьма смахивавших на наперстки из верхнего мира, два скрещенных меча и боевой топор на тусклых стенах, а также очаг, в котором сквозь слой золы алел один-единственный кусок угля. Над очагом, точнее, нишей с жаровней из стены торчало оправленное в бронзу полушарие величиной почти с теперешнюю голову Мышелова. Оно было желтоватого цвета, с большим зеленовато-коричневым кругом, в середине которого находился еще один черный кружок. Охваченный внезапным ужасом Мышелов догадался, что это — мумифицированный человеческий глаз.

Посреди комнаты стояло мягкое ложе с высокой спинкой, явно предназначенное для существа, которое много читает лежа, а рядом — довольно большой низкий стол, совершенно пустой, если не считать трех колокольчиков — медного, серебряного и золотого.

Выкинув испуг из головы как эмоцию совершенно бесполезную, Мышелов взял серебряный колокольчик и громко позвонил, решив для на-

чала не бросаться в крайности.

Едва он успел заключить, что комната принадлежит закоренелому холостяку с научными наклонностями, как из двери в дальней стене вышла, пятясь, толстая старая крыса в безукоризненно белом длинном халате и белой шапочке. Она повернулась, и Мышелов увидел седую морду со слезящимися глазками, равно как и серебряный поднос с дымящимися тарелками и серебряным кувшином.

Мышелов кивнул в сторону стола. Повар — а это он, пожалуй, и был — поставил поднос и неуверенно подошел к Мышелову, словно желая помочь ему снять плащ. Мышелов отрицательно махнул рукой и твердо указал на заднюю дверь. Будь он проклят, если даст себе труд шепелявить в доме у Грига. К тому же слуги скорее, чем кто-либо другой, распознают чужой голос. Повар неловко поклонился и вышел.

Мышелов удобно расположился на ложе, но решил перчатки и сапоги пока не снимать. Маску он тем не менее снял и положил рядом — было приятно хоть ненадолго дать отдых глазам, — после чего принялся за Григов обед.

В дымящемся кувшине оказалось подогретое вино с пряностями. Оно приятно успокаивало

его пересохшее горло и истерзанные нервы, но было слишком уж ароматным — в кувшине плавала гвоздичина величиной с хорошую грушу, а палочка корицы была размером с пергаментный свиток. С помощью Кошачьего Когтя и двухзубой вилки, которая оказалась на подносе, Мышелов начал расправляться с телячьими отбивными — его нос сообщил ему со всей достоверностью, что это именно телятина, а не мясо грудного младенца, к примеру. С другой дымящейся тарелки он отведал что-то похожее с виду на сладкую картофелину. Оказалось, что это вареное зернышко пшеницы. Желтоватый кубик, размером с игральную кость, оказался крупинкой сахарного песка, а черные шарики величиной с ногтевую фалангу его большого пальца — черной икрой. Он принялся накалывать их по одному на вилку и отправлять в рот, перемежая с кусками телятины. Было очень странно есть чудную нежную телятину, волокна которой были толщиной с его палец.

Покончив с самой существенной частью обеда Грига, равно как и с вином, Мышелов надел маску и откинулся на подушки, намереваясь наметить план бегства из Нижнего Ланкмара. Однако золотой колокольчик все время отвлекал

его от практических вопросов, поэтому Мышелов протянул руку и позвонил в него. Сразу идти туда, куда тебя влечет любопытство, чтобы ум не успел взбунтоваться, было одним из девизов Мышелова.

Не успел замереть нежный звон, как тяжелые шторы на одной из боковых дверей раздвинулись и появилась стройная крыса — нет, пожалуй, крысиха — в платье, капюшоне, маске, туфельках и перчатках из тонкого желто-лимонного шелка.

Первой реакцией Мышелова было удовлетворение. Выходит, у Грига все же была любовница, и его, Мышелова, мгновенный ответ на недоуменный вопрос Скви относительно жены был блестящим проблеском интуиции. Какого бы роста он ни был, все равно он может перехитрить кого угодно. У него ум Мышелова, равного которому нет во всей вселенной.

Мышелов встал и подошел к изящной фигурке в желтом. Во всем ее облике было нечто ужасно знакомое. Быть может, это она и была той крысихой в зеленом, что вела на сворке землероек? Судя по гордой стати, очень похоже.

Используя уловку, уже опробованную им на поваре, он молча показал служанке на дверь, пропуская ее вперед. Она возражать не стала, и

Мышелов двинулся вслед за ней по мрачному петляющему коридору.

К тому же она ужасно миловидна, решил он, разглядывая ее стройный силуэт и вдыхая аромат ее пахнувших мускусом духов. Немного запоздало он напомнил себе, что перед ним крыса, которая должна внушать ему крайнее отвращение. «Но почему обязательно крыса? Я же претерпел превращение, так почему такое не могло произойти и с другими? А если это простая служанка, то какова же ее госпожа? Наверно, какая-нибудь жирная ведьма», — цинично подумал он. Но его возбуждение, несмотря на это, росло.

Отвлекшись ненадолго от этих мыслей, чтобы сориентироваться, Мышелов понял, что боковая дверь, через которую они вышли, ведет, скорее всего, в занавешенные черными шторами покои лорда Незаметного, а не к Сиссу или Скви.

Наконец крысиха в желтом раздвинула тяжелые, расшитые золотом черные шторы, затем легкие занавеси из фиолетового шелка. Пройдя мимо нее, Мышелов стал сквозь прорези в маске Грига разглядывать просторную спальню, весьма красивую и изящную, но при этом самую причудливую и жутковатую из всех, что ему доводилось видеть.

Драпировки, ковры, обивка потолка и мебели были в ней серебряные либо фиолетовые, причем последний цвет прекрасно сочетался с цветом одежды его сопровождающей. Комната освещалась рассеянным светом, лившимся из расставленных вдоль стен узких и глубоких сосудов со склизкими мерцающими червями размером с хорошего угря. Перед этими сосудами стояло несколько туалетных столиков с большими серебряными зеркалами, в которых Мышелов увидел свое отражение в белом плаще и отражение его стройной провожатой, задвигавшей шелковые фиолетовые занавеси. Все столики были завалены всяческой косметикой и прочими средствами для поддержания красоты, разными эликсирами и крошечными баночками — все, кроме одного, находившегося подле другой двери с серебряными шторами и уставленного несколькими десятками черных и белых флаконов.

Между туалетными столиками, ярко освещенные снизу мерцающими слизняками, с потолка на цепях свисали большие серебряные клетки, в которых сидели скорпионы, пауки, богомолы и прочая нечисть, каждый размером со щенка или кенгуренка. В одной из просторных клеток свернулась клубком громадная, как питон,

квармаллийская малая гадюка. Все они клацали челюстями или шипели, в зависимости от того, к какому семейству принадлежали, один из скорпионов яростно гремел жалом о блестящие прутья своей клетки, а гадюка то и дело выпускала изо рта узкий и дрожащий раздвоенный язычок.

На одной из более коротких стен висели лишь две картины, каждая размером с дверь: на первой на темном фоне были изображены девушка и крокодил, которые сплелись в любовном объятии, на второй — мужчина и леопардица, занятые примерно тем же самым.

Почти посреди комнаты стояла большая кровать, накрытая лишь белой простыней, на вид грубой, как мешковина, но тем не менее соблазнительной; в головах лежала пышная белая подушка.

Привольно развалившись на постели и откинув голову на подушку, чтобы удобнее было разглядывать Мышелова сквозь прорези маски, лежала девушка, которая была чуть стройнее, чем служанка, но во всем остальном очень на нее похожа, включая и одежду, правда не желтого, а фиолетового цвета и еще более тонкую.

— Добро пожаловать под землю, Серый Мыше-

лов, — нежно проворковала она очень знакомым серебристым голоском. Затем, бросив взгляд куда-то в сторону, добавила: — Милая рабыня, помоги нашему гостю устроиться поудобнее.

Послышались мягкие шаги. Мышелов обернулся и увидел, что его проводница сняла желтую маску, под которой оказалось веселое и вместе с тем грустное черноглазое личико Фрикс. На этот раз ее темные волосы были убраны в две длинные косы с вплетенной в них тонкой медной нитью.

Без какой бы то ни было суеты, а лишь улыбнувшись, она принялась ловко расстегивать длинный белый плащ Грига. Мышелов чуть приподнял руки и позволил служанке заниматься собой, словно был во сне, не обращая на эту процедуру ни малейшего внимания, поскольку пристально рассматривал фигуру в фиолетовой маске, лежавшую на кровати. Невзирая ни на что, он точно знал, кто это: в виске у него пульсировала серебряная стрелка, а желание, которое смутно преследовало Мышелова все это время, накинулось на него с удвоенной силой.

Ситуация была странная, почти необъяснимая. Мышелов догадался, что Фрикс и ее госпожа приняли какой-то эликсир, вроде того, что дал ему Шильба, но при этом он мог бы поклясться, что

все они были нормального человеческого роста, если бы не эта громадная, бегающая и ползающая нечисть.

Мышелов поднял сперва одну ногу, потом другую и с радостью дал Фрикс стащить с себя тесные сапоги. Покорно отдавшись в руки служанки, он тем не менее оставил при себе пояс с мечом Скальпелем и — по какому-то непонятному наитию — маску Грига. Ощупав висевшие на поясе маленькие ножны, он с тревогой обнаружил, что оставил Кошачий Коготь в покоях Грига на столе, рядом с вилкой, отделанной слоновой костью.

Но эти тревоги растаяли, как последний снег под весенним солнцем, когда с кровати прозвучал вкрадчивый голосок:

— Не хочешь ли немного освежиться, гость дорогой? — Мышелов с радостью согласился, и девушка, приподняв руку в фиолетовой перчатке, приказала: — Милая Фрикс, принеси сласти и вино.

Пока Фрикс возилась у дальнего столика, Мышелов с громко бьющимся сердцем прошептал:

— Ах, восхитительнейшая Хисвет… Ведь, я полагаю, ты — Хисвет?

— Это ты должен решить сам, — кокетливо прозвенел голосок.

— Тогда я буду называть тебя Хисвет, — смело ответил Мышелов, — признавая в тебе свою королеву королев и принцессу принцесс. Знай же, о очаровательнейшая барышня, что с тех пор, как наши восторги под укромным деревом были столь грубо прерваны вмешательством минголов, все мои помыслы — нет, все движения моей души были связаны лишь с тобой.

— Уж не знаю, — сладострастно откидываясь на подушку, отвечала девушка, — верить этим комплиментам или нет.

— Ты должна им верить, — подходя поближе, властно заявил Мышелов. — Более того, знай, что сегодня я намерен вести беседу с тобой не через плечо Фрикс — как бы привлекательна она ни была, — а на более близком расстоянии. Я тверд в своем желании освежиться всеми доступными мне способами.

— Ты не можешь считать, что я — Хисвет! — воскликнула девушка с негодованием, как надеялся Мышелов, притворным. — Иначе ты никогда не осмелился бы произнести столь святотатственные речи!

— Моя смелость простирается гораздо дальше! — с неясным любовным рыком возвестил Мышелов и быстро приблизился к постели.

Висевшая вокруг нечисть сердито зашевелилась, стала биться о прутья клеток, раскачивая их, и принялась громко клацать, пощелкивать и шипеть. Тем не менее Мышелов, бросив пояс с мечом на пол у постели и встав на нее одним коленом, уже готов был накинуться на Хисвет, но в этот миг Фрикс поставила между ними на грубо­тканую простыню большой серебряный поднос, на котором стояли графинчики со сладким вином, хрустальные кубки и тарелочки со сластями.

Не обращая внимания на это препятствие, Мышелов протянул руку и сорвал фиолетовую шелковую маску с лица девушки. Рука в фиолетовой перчатке выхватила у него эту маску, однако не надела ее назад, и Мышелов увидел худощавое треугольное личико Хисвет: щеки девушки пылали, глаза с красноватой радужкой блестели, однако пухлые губы улыбались, обнажая длинные жемчужные верхние резцы, а с головы спускались две длинные, до пояса, косы с вплетенной, как у Фрикс, в серебристо-белокурые волосы нитью, только более тонкой и серебряной, а не медной.

— Нет, — смеясь, проговорила она, — я вижу, ты слишком уж уверен в себе, и мне придется за-

щищаться. — Спустив руку с кровати, она достала откуда-то длинный и узкий кинжал с позолоченной рукояткой. Игриво помахав им перед носом у Мышелова, девушка заявила: — А теперь попробуй из кубков и тарелочек, что стоят перед тобой, дорогой гость, но вот с прочими лакомствами будь поосторожней.

Мышелов послушно налил вина себе и Хисвет. Уголком глаза он заметил, что Фрикс, бесшумно двигаясь в своем шелковом платье, завернула белые сапоги и перчатки Грига в его белый плащ и капюшон и положила сверток на табурет, стоявший подле высокой картины с мужчиной и леопардихой, после чего сделала аккуратный сверток из остальной одежды Мышелова, в основном его собственной, и положила его на табурет рядом с первым. «Весьма деловитая и дальновидная служанка, — подумал Мышелов, — и к тому же очень преданная своей госпоже, даже слишком преданная». Мышелову хотелось бы, чтобы она поскорее удалилась и оставила его наедине с Хисвет.

Но та, судя по всему, делать этого не собиралась, а Хисвет не отсылала девушку прочь, поэтому Мышелов без дальнейших проволочек затеял легкую любовную игру, ловил затянутые в фио-

летовый шелк пальцы левой руки Хисвет, когда девушка протягивала их за очередным лакомством, и дергал за оборки и рюши ее фиолетового платья, как бы намекая на серьезные различия в степени их обнаженности и предлагая устранить их, сняв один-другой предмет ее туалета. Хисвет же проворно тыкала кинжалом в его неугомонную руку, словно желая пригвоздить ее к подносу или постели, так что Мышелову то и дело приходилось ее отдергивать. Это была забавная игра, танец руки и острого как бритва кинжала, — по крайней мере, она показалась Мышелову забавной, особенно после того, как он осушил два кубка огненного бесцветного вина, — так что на вопрос Хисвет, каким образом он попал в крысиное царство, он весело поведал ей историю с черным зельем Шильбы и о том, как принял поначалу его действие за дурацкую шутку волшебника, но теперь благословляет этот драгоценнейший подарок, — словом, Мышелов повернул все дело так, чтобы казалось, будто единственной его целью было очутиться здесь, на постели рядом с Хисвет.

В заключение он поинтересовался, быстро раздвинув пальцы, чтобы очередной удар кинжала пришелся между ними:

— А как ты и милая Фрикс догадались, что это был не Григ, а я?

— Очень просто, любезный искатель приключений, — ответила та. — Мы заехали за моим отцом на Совет, поскольку ему, Фрикс и мне сегодня еще предстоит важная поездка. Мы издали услышали, как ты говоришь, и я сразу узнала твой голос, несмотря на то что ты так искусно шепелявил. А потом мы пошли за тобой следом.

— Вот теперь я могу надеяться, что ты и впрямь нежно меня любишь, раз дала себе труд так хорошо меня изучить, — страстно прощебетал Мышелов, отдергивая руку от очередного коварного удара. — Но скажи, божественная, как получилось, что ты, Фрикс и твой отец способны жить в крысином царстве да еще пользуетесь здесь такой властью?

Несколько томно Хисвет указала концом кинжала на туалетный столик с черными и белыми флаконами и проговорила:

— Моя семья уже бессчетное количество веков пользуется тем же снадобьем, что и Шильба, и, кроме того, снадобьем белого цвета, которое позволяет нам мгновенно вырастать до человеческих размеров. За эти века мы скрестились с крысами, в результате чего появились как

божественно прекрасные монстры вроде меня, так и уродливые чудовища, по крайней мере по людским меркам. Последние никогда не выходят из-под земли, а вот такие, как я, наслаждаются жизнью в обоих мирах. В результате скрещивания появилось также множество крыс с человеческими руками и мозгом. Цивилизацию среди крыс распространили в основном мы, мы и станем верховными вождями и даже божествами, когда крысы покорят людей.

Рассказ о скрещивании и монстрах озадачил Мышелова и заставил его призадуматься, несмотря даже на то, что Хисвет с каждым мигом все сильнее приковывала его к себе своими чарами. Он припомнил предположение Льюкина, которое тот сделал на борту «Каракатицы» относительно того, что у Хисвет под платьем скрывается тело крысы, и стал гадать — со страхом, но и не без любопытства, — как же все-таки выглядит ее стройное тело. Есть, к примеру, у нее хвост или нет? Но в общем и целом он не сомневался: ему придется по душе все, что бы он ни обнаружил под фиолетовым платьем девушки, поскольку его страсть к дочери зерноторговца уже превзошла все мыслимые пределы.

Внешне, однако, Мышелов ничем не выдал

своих мыслей, а как бы невзначай спросил:

— Значит, твой отец — лорд Незаметный, и вы вместе с ним и Фрикс регулярно путешествуете из большого мира в маленький и обратно?

— Покажи ему, милая Фрикс, — лениво велела Хисвет, прикрывая изящными пальчиками зевок, как будто ей уже наскучила игра в кинжал и ладонь.

Фрикс начала продвигаться к стене, пока ее черноволосая головка со сверкающими медной нитью косами — капюшон она откинула назад — не оказалась между клетками с малой гадюкой и самого злющего из скорпионов. Темные глаза девушки были, словно у сомнамбулы, устремлены в какую-то бесконечно далекую точку. Скорпион ткнул сквозь прутья своим влажным белым жалом в крысином дюйме от ее уха, раздвоенный язык гадюки дрожал у самой ее щеки, с зубов, которыми она пыталась перекусить серебряный прут клетки, капал маслянистый яд прямо ей на плечо, но Фрикс, казалось, ничего этого не замечала. Проведя пальцами правой руки по ряду медальонов, украшавших сосуд со светящимся слизнем позади нее, она, не глядя, нажала на два из них.

Картина, изображавшая девушку с крокоди-

лом, быстро поднялась вверх, открыв подножие крутой темной лестницы.

— Она ведет прямо в наш с отцом дом, — пояснила Хисвет.

Картина опустилась. Фрикс нажала на два других медальона, и за поднявшейся картиной с мужчиной и леопардицей обнаружилась такая же лестница.

— А эта ведет к золотой норе, которая сообщается с личными покоями ланкмарского сюзерена, в данном случае — Глипкерио Кистомерсеса, — сказала Хисвет, когда вторая картина скользнула на место. — Как видишь, возлюбленный, наша власть простирается повсюду.

С этими словами Хисвет подняла кинжал и приставила острие к горлу Мышелова. Несколько мгновений Мышелов сидел неподвижно, потом взял лезвие двумя пальцами и отвел его в сторону. После этого он так же осторожно взял косу Хисвет — девушка не сопротивлялась — и стал медленно выплетать тонкую серебряную нить из еще более тонких серебристо-белокурых волос.

Фрикс, словно статуя, продолжала стоять между зубами гадюки и жалом скорпиона и всматриваться в потусторонний мир.

— А Фрикс тоже из вашего племени? В ней

тоже известным образом сочетаются лучшие крысиные и человеческие качества? — спокойно поинтересовался Мышелов, продолжая заниматься своим делом, которое, как он полагал, быть может, и не слишком скоро, но в конце концов позволит ему осуществить свое сердечное желание.

Хисвет томно покачала головой и отложила кинжал в сторону:

— Фрикс моя любимейшая рабыня, почти сестра, но в ней течет не наша кровь. Она и в самом деле самая дорогая рабыня во всем Невоне, поскольку является принцессой, а сейчас, возможно, и королевой своей страны. Путешествуя из одного мира в другой, она потерпела здесь кораблекрушение, и ее одолели демоны, а отец ее спас на том условии, что она будет служить мне вечно.

И тут Фрикс наконец заговорила, однако двигались при этом лишь ее губы и язык, а сама она даже не взглянула на Мышелова и Хисвет:

— Или, любезнейшая госпожа, пока я, рискуя собственной жизнью, трижды не спасу вас от неминуемой гибели. Один раз это уже произошло на борту «Каракатицы», когда вас чуть было не сожрал дракон.

— Ты никогда не оставишь меня, дорогая Фрикс, — уверенно заявила Хисвет.

— Я нежно вас люблю и верно вам служу, — отвечала Фрикс. — Но ведь все имеет свой конец, о благословенная барышня.

— Тогда меня станет защищать Серый Мышелов, и ты мне больше не понадобишься, — приподнимаясь на локте, чуть раздраженно отозвалась Хисвет. — А теперь оставь нас, Фрикс, мне нужно поговорить с ним наедине.

С веселой улыбкой Фрикс вышла из пространства между смертоносными клетками, сделала короткий реверанс, надела свою желтую маску и скрылась за одной из дверей, задернутой тонкой серебристой занавеской.

Все еще опираясь на локоть, Хисвет повернула к Мышелову свое прекрасное узкое лицо. Он нетерпеливо простер к ней руки, но она сжала его неугомонные ладони в своих холодных пальцах и, лаская их и глядя ему прямо в глаза, спросила, вернее, сказала почти утвердительно:

— Ты ведь будешь любить меня вечно, раз отправился за мной в эти темные, страшные и запутанные подземелья крысиного царства?

— Конечно буду, о царица бесконечных услад, — пылко воскликнул Мышелов, вконец ополоумев-

ший от желания и верящий в сказанное всеми фибрами своей души — или почти всеми.

— Тогда, я думаю, тебя нужно освободить вот от этого, — проговорила Хисвет и положила обе ладони ему на висок. — Теперь, когда я безоговорочно верю тебе, это будет оскорблять меня самое и мою красоту.

И, заставив Мышелова ощутить лишь легкий укол, она ловко выдавила ногтями у него из-под кожи серебряную стрелку — так женщина выдавливает черный или белый угорь на лице своего возлюбленного. Затем Хисвет протянула Мышелову ладонь с лежащей на ней сверкающей стрелкой. Мышелов же ничего нового не почувствовал. Он продолжал восторгаться Хисвет, как божеством, а тот факт, что прежде он веровал в какое-либо божество не дольше нескольких мгновений, совершенно его не смущал, по крайней мере пока Хисвет не прикоснулась холодной рукой к его телу. Ее красноватые глаза были уже не туманно-томными, а сверкающими. Мышелов хотел было ее обнять, но она отстранилась и очень по-деловому сказала:

— Нет-нет, еще рано! Прежде нам нужно кое-что обдумать, радость моя, ведь ты можешь оказать мне кое-какие услуги, которые не под силу даже

Фрикс. Для начала ты должен убить моего отца — он вечно ставит мне палки в колеса и мешает невообразимо, — а после его смерти я смогу стать императрицей, а ты — моим возлюбленным принцем-консортом. Нашему могуществу не будет предела. Сегодня ночью — Ланкмар! Завтра — весь Невон! Потом покорение других вселенных, лежащих за пределами космических вод! Порабощение ангелов и демонов, неба и ада! Поначалу было бы неплохо, если бы ты выдал себя за моего отца, как проделал это с Григом, и проделал весьма умело, могу это подтвердить, миленький. По части обмана ты очень похож на меня, дорогой. Затем… — Увидев что-то в лице Мышелова, Хисвет осеклась. — Ты ведь будешь подчиняться мне во всем, не так ли? — даже не спросила, а резко заявила она.

— Ну… — начал Мышелов.

Серебряная занавеска вздулась до потолка, и в спальню влетела Фрикс, в развевающемся плаще и капюшоне, бесшумно скользя по полу в шелковых туфельках.

— Маски! Скорее! — крикнула она. — Берегитесь! — С этими словами Фрикс поспешно схватила бледно-фиолетовое покрывало и прикрыла Хисвет в ее фиолетовом платье и обнаженного

Мышелова. — Ваш отец идет сюда с вооруженными стражниками, госпожа!

После этого, мгновенно встав на колени у изголовья со стороны Хисвет и склонив голову в желтой маске, служанка изобразила полнейшую покорность.

Едва белая и фиолетовая маски заняли свои места, а серебряная занавеска опустилась, как кто-то резко отдернул ее в сторону. В комнату влетели Хисвин и Скви, оба без масок, за ними три крысы-копейщика. Несмотря на сидевших в клетках громадных животных, Мышелов никак не мог отделаться от впечатления, будто все крысы были ростом футов пять, а то и выше.

Хисвин оглядел спальню, и лицо его побагровело.

— Чудовище! — возопил он, обращаясь к Хисвет. — Бесстыдный разврат! Распутничать с моим коллегой!

— Не нужно истерик, папочка, — проговорила Хисвет и лаконично шепнула Мышелову: — Убей его сейчас. Со Скви и остальными я улажу.

Шаря рукой под покрывалом в поисках Скальпеля и повернув в сторону Хисвина свою белую маску, украшенную бриллиантами, Мышелов мягко проговорил:

— Ушпокойшя, шоветник. Ражве моя вина в том, что твоя божештвенная дочь Хишвин выбрала меня иж вшех крыш и людей? Или это ее вина? Любовь не жнает правил.

— Ты поплатишься за это своей головой, Григ, — проскрежетал Хисвин, приближаясь к постели.

— Папочка, ты стал пуританином и маразматиком, — строго, почти чопорно проговорила Хисвет, — раз не можешь подавить старческого раздражения в ночь твоей великой битвы. С тобой все ясно. Твое место в Совете должна занять я. Не правда ли, Скви? Папочка, я полагаю, что ты страшно ревнуешь к Григу, потому что хотел бы сам оказаться на его месте.

— О пакостница, которая была моей дочерью! — возопил Хисвин и, с юношеским проворством выхватив из-за пояса стилет, нанес удар, метя Хисвет в шею, между фиолетовой маской и покрывалом, но Фрикс, бросившись, не вставая с колен, вперед, подставила левую ладонь, словно отбивала ею мяч.

Острый, как игла, кинжал, вонзившись ей в руку по самую узкую рукоять, вырвался из пальцев Хисвина.

Стоя на одном колене и вытянув левую ладонь, из которой торчал стилет и капала кровь, Фрикс

повернулась к Хисвину и, сделав другой изящный жест, сказала ясным и обезоруживающим тоном:

— Ради всех нас, умерь свой гнев, о дорогой отец моей дорогой госпожи. Чтобы все это уладить, нужен спокойный рассудок. Вы не должны ссориться в эту ночь из ночей.

Хисвин побледнел и попятился, явно устрашенный сверхъестественным самообладанием Фрикс, от которого и впрямь легко могло бросить в дрожь не только человека, но даже крысу.

Ладонь Мышелова тем временем сомкнулась на рукоятке Скальпеля. Он приготовился выскочить из постели и броситься назад в покои Грига, прихватив по пути сверток с одеждой. В какой-то момент в течение последних двадцати или около того ударов сердца его великая и бессмертная любовь к Хисвет тихонько приказала долго жить и уже начинала повонивать.

Но в этот миг фиолетовые шторы резко раздвинулись, и из двери, выбранной Мышеловом в качестве пути отступления, выскочил, размахивая мечом и кинжалом, Грист, в своем золототканом черном наряде. За ним следовали три крысы-стражника в зеленых мундирах, каждая с обнаженным мечом в лапке. Мышелов узнал кинжал, который Грист держал в руках, —

это был Кошачий Коготь.

Пробежав за изголовье кровати, Фрикс снова оказалась между клетками со скорпионом и гадюкой; стилет, словно длинная булавка, все еще торчал у нее из ладони. Мышелов услышал ее торопливый шепот:

— Интрига закручивается. Изо всех дверей входят вооруженные крысы. Близится развязка.

Грист внезапно остановился и звонко прокричал Скви и Хисвину:

— Расчлененные останки советника Грига найдены у решетки сточной системы пятого этажа! Человеческий шпион выдает себя за Грига, переодевшись в его одежду!

«В данный момент это не соответствует действительности, если не считать маски», — подумал Мышелов и сделал последнюю попытку:

— Глупошти! Это чиштое бежумие! Я Григ! А предательшки убита была другая белая крыша!

Подняв Кошачий Коготь и не спуская глаз с Мышелова, Грист продолжал:

— Я обнаружил этот явно человеческий кинжал в покоях Грига. Шпион здесь.

— Убейте его прямо в постели! — хрипло скомандовал Скви, однако Мышелов, в общем-то предвидя неизбежное, был к этому готов и за-

нял оборонительную позицию: отбросив белую маску, он стоял совершенно обнаженный, держа в правой руке длинный и грозно сверкавший Скальпель, а в левой вместо кинжала — сложенные вдвое пояс и ножны.

С жутким хохотом Грист бросился на него, размахивая мечом, а Скви выхватил свой клинок и перескочил через изножье кровати, наступив по дороге на покрывало, под которым хрустнуло стоявшее на подносе стекло.

Захватив своим мечом Скальпель, Грист отвел оба клинка в сторону, сделал шаг вперед и нанес удар Кошачьим Когтем. Отбив свой собственный кинжал сложенным вдвое поясом, Мышелов изо всех сил заехал плечом Гристу в грудь, так что тот врезался в двух крыс-стражников в зеленом и сшиб их с ног.

Почти одновременно с этим Мышелову пришлось резко выбросить Скальпель вверх, чтобы отбить меч Скви, который чуть было не воткнулся ему в горло. Затем, быстро развернувшись, Мышелов вступил с ним в бой, снова отбил меч противника и сделал молниеносный выпад. Крыса в белом уже отступала вдоль изножья кровати, за изголовьем которой Хисвет, сдернув маску, критически и несколько мрачно наблюдала за

баталией, однако клинок Мышелова все же успел поранить Скви правую кисть.

В этот миг третий стражник в зеленом, гигант ростом футов семь — разумеется, крысиных, — которому пришлось пригнуться, когда он входил в дверь, сделал мощный, хотя и не слишком быстрый выпад. Между тем Грист уже поднимался с пола, а Скви отбросил кинжал и перекинул свой меч в здоровую руку.

Мышелов парировал выпад гиганта, который еще немного — и угодил бы ему прямо в грудь, и нанес ответный удар. Гигант успел его отбить, однако Мышелов чуть опустил кончик Скальпеля и из-под клинка противника пронзил его прямо в сердце.

Челюсть гиганта отвисла, обнажая могучие резцы. Глаза его подернулись беловатой пленкой. Даже его шерсть, казалось, потускнела. Он уронил оружие и, уже мертвый, на какой-то миг застыл в вертикальном положении. Этим мигом и воспользовался Мышелов: чуть присев на правой ноге, он резко выбросил вперед левую. Его пятка угодила гиганту в грудину, сбросив его со Скальпеля, и стражник с грохотом рухнул на Гриста и обеих крыс в зеленом.

Одна из крыс-копейщиков, подняв свое оружие,

уже хотела было кинуться на Мышелова, но Скви громко скомандовал:

— Не атаковать в одиночку! Его надо окружить!

Остальные начали спешно перестраивать свои боевые порядки, но за эту короткую паузу Фрикс успела открыть дверцу серебряной скорпионьей клетки и, не обращая внимания на проткнутую кинжалом руку, вытряхнуть ее страшного обитателя прямо к изножью кровати, где тот, огромный, словно упитанная кошка, стал медленно кружиться, клацая зубами и клешнями и угрожающе подняв жало.

Почти все крысы тут же направили на него свое оружие. Схватив кинжал, Хисвет сжалась в уголке постели и приготовилась защищаться от своего любимчика. Хисвин нырнул за спину Скви.

Между тем Фрикс поднесла здоровую руку к медальонам на сосуде со слизнем. Картина с мужчиной и леопардицей поднялась. Диковато улыбаясь, служанка впилась сияющими глазами в Мышелова, но тот в подсказке не нуждался. Подхватив серый сверток со своей одеждой, он кинулся вверх по темной лестнице, перепрыгивая через три ступеньки. Что-то просвистело у

него над ухом, со звоном врезалось в подступень и упало на лестницу. Это был брошенный остриём вперед длинный кинжал Хисвет. На лестнице стало совсем темно, и Мышелов бежал уже через две ступеньки, низко пригнувшись и что есть мочи вглядываясь во тьму впереди. Издали до него донеслась пронзительная команда Скви: «За ним!»

Сморщившись, Фрикс выдернула из ладони стилет Хисвина, прикоснулась губами к кровоточащей ране и с реверансом протянула оружие его владельцу.

Истыканный мечами и копьями, истекающий темной кровью скорпион лежал на спине, еще чуть подергивая ногами и клешнями и поводя жалом.

Грист, две крысы в зеленом и три крысы-копейщика бросились в погоню за Мышеловом; топот их сапог уже замер на лестнице.

Мрачно нахмурившись, Хисвин заявил Хисвет:

— Теперь мне осталось убить тебя.

— Ах, папочка, ты совершенно не понял, что произошло, — робко отозвалась Хисвет. — Серый Мышелов приставил к моему телу меч. Это было насилие. И, угрожая под покрывалом мечом, он заставил меня сказать тебе все эти ужасные

вещи. Ты же сам видел, что в конце концов я постаралась его прикончить.

— Тьфу! — отвернувшись, сплюнул Хисвин.

— Вот кого нужно убить, — заявил Скви, указывая на Фрикс. — Она помогла шпиону сбежать.

— Совершенно справедливо, о могущественный советник, — согласилась Фрикс. — Иначе он перебил бы как минимум половину из вас, а ведь ваши головы не просто нужны — они незаменимы, не так ли? — для руководства сегодняшним штурмом Верхнего Ланкмара. — Затем служанка показала Хисвет окровавленную ладонь и мягко сказала: — Это уже второй раз, дорогая госпожа.

— Тебя наградят, — ответила Хисвет и поджала губы. — А за то, что ты помогла шпиону сбежать — и не вмешалась, когда он меня насиловал! — тебя будут пороть кнутами до тех пор, пока ты не перестанешь визжать, но это — завтра.

— Завтра — с превеликим удовольствием, — ответила Фрикс, и в ее веселом голоске послышалась строптивая нотка. — Но сегодня ночью нужно проделать кое-какую работу в Голубой палате дворца Глипкерио. И проделать ее предстоит нам троим. Причем, насколько я понимаю, прямо сейчас, сударь, — повернувшись к Хисвину, почтительно добавила она.

— Это верно, — вздрогнув, согласился Хисвин. Он трижды перевел взгляд с дочери на служанку и обратно, потом пожал плечами и сказал: — Пошли.

— Как ты можешь им верить? — удивился Скви.

— Приходится, — ответил Хисвин. — Раз я должен манипулировать Глипкерио, без них мне не обойтись. Ты же тем временем займешь место верховного главнокомандующего за столом Совета. Ты будешь нужен Сиссу. Пошли! — повторил он, обращаясь к девушкам.

Фрикс нажала на медальоны. Вторая картина поползла к потолку, и все трое стали подниматься по лестнице.

Оставшись в одиночестве, Скви принялся мерить шагами спальню, опустив гудящую от злости голову, автоматически перешагивая через труп гигантского стражника и обходя все еще корчащегося скорпиона. Наконец он остановился и поднял взгляд на туалетный столик, заставленный белыми и черными флаконами с волшебным снадобьем. Походкой сомнамбулы или крысы, бредущей на задних лапках по колено в воде, он медленно приблизился к столику. Какое-то время он бесцельно переставлял флаконы с места на

место. Затем вслух проговорил:

— Ну почему можно быть мудрым, повелевать толпами, беспрестанно бороться, иметь блестящий, словно бриллиант, разум и оставаться при этом крошечным, как тарпон, и слепым, как гусеница? Очевидное лежит прямо перед нашими зубатыми мордами, а мы его не замечаем — и все потому, что мы, крысы, свыклись с собственной ничтожностью, убедили себя в том, что мы незначительны и не можем вырваться из своих тесных туннелей-тюрем, не способны выскочить из неглубокой, но губительной колеи, которая может привести нас лишь к куче вонючих отбросов или в узкий погребальный склеп.

Он поднял взор холодных, как ледышки, глаз и сурово посмотрел на свое серебристое мохнатое отражение в серебряном зеркале.

— При всем своем величии, Скви, — сказал он себе, — ты всю свою крысиную жизнь занимался всякой ерундой. И теперь, Скви, ты должен решиться на серьезный шаг!

С жаром отдав себе это распоряжение, он взял один из белых флаконов и сунул в кошель, немного поколебался, сгреб в кошель все остальные белые флаконы, еще поколебался, пожал плечами, с язвительной ухмылкой сгреб туда же и

черные флаконы и поспешно вышел из спальни.

Скорпион на фиолетовом ковре все еще слабо подергивал лапками.

14

Освещаемый низкой луной, Фафхрд быстро карабкался по высокой Болотной стене Ланкмара в том ее месте, где его высадил Шильба, то есть примерно в полете стрелы от Болотной заставы. «У ворот ты можешь наскочить на своих черных преследователей», — предупредил Шильба. Фафхрд сильно в этом сомневался. Правда, черные всадники неслись как ветер, однако хижина Шильбы летела по болотной траве, словно компактный приземистый ураган, и явно должна была оставить их далеко позади. Но подкреплять чем-либо свои слова Шильба не стал. Он и его коллега Нингобль были прежде всего торговцами и обладали даром убеждения, хотя Нингобль сбивал клиента с ног потоком слов, а Шильба воздействовал с помощью многозначительных умолчаний. Вот эксцентричный болотный чародей и хранил молчание — если не считать упомянутого предупреждения — на протяжении всего пути, состоявшего исключительно из качки, болтанки и прыжков, от которых желудок Фафхрда не оправился до сих пор.

На древней стене было за что зацепиться. Для

человека, который в юности забрался на обелиск Поларис в студеных горах Гигантов, вскарабкаться на эту стену было детской забавой. Гораздо сильнее Фафхрд был озабочен тем, что может ожидать его наверху, поскольку на несколько мгновений он будет совершенно беззащитен перед стоящим на стене врагом.

Но еще сильнее, причем чем дальше, тем больше, он был озадачен мраком и тишиной, охватившими весь город. Где гром битвы, где зарева пожаров? А если Ланкмар уже покорен, что, несмотря на оптимизм Нингобля, было отнюдь не исключено при пятидесятикратном численном перевесе врагов, то где вопли насилуемых и радостные клики и гомон победителей?

Добравшись до верхушки стены, Фафхрд резко подтянулся, сквозь широкую амбразуру спрыгнул на галерею и приготовился выхватить Серый Прутик и боевой топор. Но, насколько он мог видеть, на галерее никого не было.

Пристенная улица — опять-таки насколько он мог судить — была темна и пустынна. На Чистоганной, которая тянулась на запад и была залита лунным светом, не было ни души. Тишина же здесь казалась еще более ощутимой, чем когда Фафхрд карабкался по стене. Она как будто на-

полняла большой, обнесенный стенами город, словно вода, налитая в чашу.

Фафхрд почувствовал ужас. Неужто захватчики уже покинули город, погрузив его сокровища и жителей на какой-то невообразимо большой флот или караван? Или заперлись вместе с жертвами, которым заткнули рот, в молчаливых домах и творят в темноте какие-то мучительные обряды? А может, город осадила армия демонов, после чего все жители исчезли? Или земля разверзлась под победителями и побежденными и поглотила их? А может, рассказ Нингобля — просто чародейский вздор? Но и это невероятное предположение никак не объясняло, почему город стал таким призрачно-пустынным.

Или вот, может, что: в эти самые мгновения на его глазах идет жестокая битва, а он из-за какого-то заклятия Шильбы или Нингобля ее не видит, не слышит и даже не ощущает? И так будет продолжаться до тех пор, пока он не исполнит обет относительно колоколов, который навязал ему Нингобль?

Вообще вся эта история с колоколами очень не нравилась Фафхрду. Воображение рисовало ему истинных богов Ланкмара: перепеленутые коричневыми лентами, словно мумии, они поко-

ятся в своих сгнивших тогах, сверкают черными глазами из-под пропитанных смолами повязок и, держа в окостеневших руках свои черные жезлы, ждут, когда снова позовет их город, который забыл их, но продолжал бояться и который они ненавидели, но вместе с тем и оберегали. Фафхрд полагал, что лучше сунуть голую руку в паучью нору среди пустынных скал, чем лезть к таким вот существам. Но обет есть обет, его нужно выполнить.

Перепрыгивая через три ступеньки, он сбежал вниз по ближайшей лестнице и направился на запад, в сторону Чистоганной улицы, которая шла кварталом южнее Ремесленнической. Ему чудилось, что мимо проносятся чьи-то невидимые тени. Пересекая извилистую Грошовую улицу, темную и безлюдную, как и прочие, он вроде услышал донесшийся с севера рокот и пение, такие слабые, что источник их явно находился никак не ближе улицы Богов. Однако он твердо держался заданного направления: по Чистоганной до улицы Монахинь и оттуда три квартала на север, к этой чертовой звоннице.

Бардачная, которая петляла еще сильнее, чем Грошовая, тоже казалась совершенно необитаемой, однако не успел Фафхрд пройти и пол-

квартала, как услышал позади топот сапог и лязг оружия. Нырнув в узкую полоску тени, он смотрел, как сдвоенный взвод стражи поспешно движется в лунном свете на юг, в сторону Бардачной и южных казарм. Стражники шли тесной кучкой, беспрестанно оглядываясь по сторонам и держа оружие на изготовку, хотя нигде никакого неприятеля и в помине не было. Это в известном смысле подтверждало предположение Фафхрда о невидимой армии. Охваченный еще более сильным ужасом, он быстрым шагом двинулся дальше.

Через какое-то время то здесь, то там он начал примечать узкие полоски света по краям плотно запертых ставен на окнах верхних этажей. Эти мрачные прямоугольники только усилили его мистический ужас. «Лучше уж что угодно, — подумал он, — чем это молчание запертых домов, нарушаемое лишь тихим отзвуком шагов по залитому лунным светом булыжнику. А в конце этого пути — мумии!»

Где-то далеко послышался приглушенный звон: било одиннадцать. И тут, переходя через узкую, налитую чернотой Серебряную улицу, Фафхрд услышал тихое шуршание, как будто бы дождь забарабанил по мостовой, однако на небе

сияли звезды, кроме тех, которые затмила луна, и на землю не упало ни одной капли. Фафхрд побежал.

На борту «Каракатицы» котенок, словно заслышав призыв, на который он не мог не откликнуться, невзирая даже на страх, длинным прыжком перемахнул на сваю причала, вскарабкался на дощатый настил и бросился во тьму, вздыбив черную шерстку и сверкая изумрудными глазами, в которых были и страх, и готовность встретить любую опасность.

Глипкерио и Саманда сидели в нагаечной комнате, предаваясь воспоминаниям и понемногу накачиваясь спиртным, дабы привести себя в надлежащее настроение перед поркой Риты. Жирная дворцовая экономка хлестала кружками темное товилийское, ее черное шерстяное платье уже пропиталось потом, а на каждом волоске мерзких черных усов повисло по соленой капле. Ее господин тем временем потягивал фиолетовое кираайское, которое она сама принесла ему из верхней кладовки, после того как на звонок серебряного, а потом и бронзового колокольчиков не явился ни один из дворецких и пажей. «Они боятся сдвинуться с места, после того как ушла твоя охрана. Я исполосую их всех, как бог черепа-

ху, но только после того, как ты поразвлекаешься с ними по-своему, мой господинчик», — пообещала Саманда.

И вот теперь, забыв на время об окружавших их редких, украшенных драгоценными камнями пыточных орудиях, равно как и о грызунах, угрожавших Ланкмару, они вернулись мыслями к более простым и счастливым дням. Глипкерио, в несколько увядшем и скособоченном венке из анютиных глазок, с пьяным пылом осведомился:

— А ты помнишь, как я в первый раз принес тебе котенка, чтобы ты бросила его в кухонный очаг?

— Помню ли я? — с ласковым упреком переспросила Саманда. — Да я помню, как ты в первый раз принес мне муху и стал показывать, как ловко ты отрываешь у нее лапки и крылышки. Ты тогда только-только начал ходить, но уже был ужасно долговязый.

— Ага, но вот об этом котенке, — продолжал настаивать Глипкерио, у которого после торопливого глотка с дрожащего подбородка капало вино. — Он был черненький, с голубыми, только что открывшимися глазками. Радомикс хотел меня остановить — он жил тогда во дворце, — но ты наорала на него и выгнала вон.

— Верно, — подхватила Саманда. — Мягкосердечный щенок! И я помню, как котенок жарился и верещал и как ты потом плакал, что нельзя снова бросить его в огонь. Чтобы отвлечь тебя и хоть немного развеселить, я раздела и выпорола девчонку-горничную, такую же долговязую, как ты, и с длинными белокурыми косами. Это было еще до того, как на тебя напал этот бзик с волосами, — Саманда утерла усы, — и ты велел побрить всех девчонок и мальчишек. Кажется, именно тогда ты дорос до более мужских развлечений и отнюдь не стеснялся показывать, насколько ты взвинчен!

Саманда расхохоталась и ткнула монарха пальцем в бок.

Придя в возбуждение от этого поддразнивания и собственных мыслей, ланкмарский сюзерен вскочил и сразу стал в своей черной тоге очень похож на кипарис, хотя ни один кипарис на свете никогда так не корчился — разве что во время землетрясения или под воздействием крайне действенного колдовства.

— Пошли! — вскричал он. — Уже пробило одиннадцать. У нас почти не осталось времени — мне ведь надо будет отправляться в Голубую палату, чтобы встретиться с Хисвином и спасти город.

— Ладно, — согласилась Саманда, упершись могучими руками в колени и высвобождая свой объемистый зад из узкого кресла. — Так какую нагайку ты выбрал для этой мерзкой и коварной девки?

— Да никакую, — с радостным нетерпением воскликнул Глипкерио. — В конце концов этот старый, хорошо промасленный черный арапник, что висит у тебя на поясе, всегда оказывается самым лучшим. Скорее, милая Саманда, скорее!

Услышав какой-то скрип, Рита вскинулась на хрустящих простынях. Вытряхнув из своей гладковыбритой головки все мучившие ее кошмары, она судорожно нашарила бутылку, чье содержимое должно было подарить ей спасительное забвение.

Поднеся ее к губам, девушка на миг замерла. Дверь так и не открылась, а скрип был какой-то тонкий и пронзительный. Заглянув за край кровати, она увидела, что в панели стены, на уровне пола, открывается маленькая дверца примерно в фут высотой. Из нее, чуть нагнув голову, быстро и молча выскочил хорошо сложенный мускулистый человечек, в одной руке державший серый сверток, а в другой — нечто вроде игрушечного меча, который был обнажен, как и он сам.

Человечек закрыл за собой дверь, которая сразу слилась с деревянной панелью, и стал внимательно осматриваться.

— Серый Мышелов! — завопила Рита и, соскочив с кровати, опустилась перед ним на колени. — Ты вернулся ко мне!

Сморщившись, человечек закрыл уши крохотными ручками, не выпуская из них меча и свертка.

— Рита, — взмолился он, — не кричи так. У меня лопается голова.

Мышелов говорил медленно, низким голосом, но девушке его речь показалась быстрой и визгливой, хотя и разборчивой.

— Извини, — сокрушенно прошептала она, сдерживая желание поднять Мышелова и прижать к груди.

— Ладно уж, — ворчливо отозвался тот. — Найди лучше что-нибудь тяжелое и приставь к двери. Тебе лучше не знакомиться с теми, кто за мной гонится. Поторопись, красавица!

И, не думая вставать с колен, девушка торопливо предложила:

— А почему бы тебе не прибегнуть к колдовству и не вернуть свой нормальный рост?

— Да нет у меня волшебного зелья, — раздра-

женно ответил Мышелов. — Флакон его был почти что у меня в руках, но я, как какой-то сексуально озабоченный идиот, даже не подумал выпить его содержимое. Ну, давай же, Рита!

Внезапно осознав всю выгоду своего положения и почувствовав, что есть возможность поторговаться, Рита наклонилась пониже и с лукавой, но при этом нежной улыбкой спросила:

— С какой такой крошечной стервозой ты связался на этот раз? Нет, можешь не отвечать, но, прежде чем я стану тебе помогать, ты должен подарить мне шесть волосков из твоей чудесной головки. Учти, я прошу об этом не просто так.

Мышелов начал было как сумасшедший что-то ей объяснять, но тут же передумал, отхватил Скальпелем клок волос и положил его в громадную, изборожденную глубокими морщинами, блестящую ладонь девушки, на которой они казались тонкими, как у младенца, только немного длиннее и темнее.

Девушка порывисто встала, подошла к ночному столику и бросила волосы в ночное питье Глипкерио. Затем отряхнула над кубком ладони и огляделась по сторонам. Самым подходящим для цели, которую имел в виду Мышелов, ей показался золотой ларец с неоправленными

драгоценными камнями. Она подтащила его и поставила перед невидимой дверцей, поверив Мышелову на слово относительно ее точного месторасположения.

— Это задержит их хоть ненадолго, — проговорил он, алчно запоминая на будущее радужные камни величиной с его кулак, — но лучше бы ты принесла и…

Снова опустившись на колени, Рита с некоторой тоской в голосе спросила:

— Неужто ты никогда не будешь опять большим?

— Да не тряси ты пол! Конечно буду! Через час или даже раньше, если верить моему игривому и коварному колдуну. А теперь, Рита, пока я одеваюсь, принеси, пожалуйста…

В двери мелодично лязгнул ключ, тихо стукнул засов. Мышелов почувствовал, что взмыл в воздух, нырнул вместе с Ритой на мягкую пружинистую белую постель, и на него опустилась белая, чуть просвечивающая простыня.

Большая дверь отворилась.

Огромная рука чуть не сплющила Мышелова под простыней; он хотел было запротестовать, но услышал шепот Риты, похожий на рокот прибоя:

— Не вспучивай простыню. Что бы ни произо-

шло, сиди тихо и ради твоей собственной жизни не высовывайся.

В этот миг боевой трубой загремел голос, и Мышелов порадовался, что простыня хоть немного его приглушает.

— Мерзкая девчонка забралась ко мне в постель! Какая гадость! Мне дурно! Вина! Ой! Кр-р-р-х-х! — Послышался громовой хрип, звуки рвоты, плевки, после них — снова боевая труба, уже тише, словно через фланель, но еще более яростно: — Эта чертова вонючая шлюха бросила мне в питье волосы! Исполосуй ее, Саманда, чтобы она стала похожа на бамбуковую ширму! Хлещи ее, пока она не оближет мне все ноги и не перецелует на них все пальцы, моля о пощаде!

Затем послышался другой голос, загремевший, как дюжина гигантских литавр, и чуть не разорвавший тонкие, как листики сусального золота, барабанные перепонки Мышелова:

— Охотно, мой господинчик. И не волнуйся, я закончу, только когда ты велишь. Ну что, девка, сама вылезешь или мне выгнать тебя оттуда плеткой?

Рита сжалась в изголовье постели и начала отползать от этого голоса. Мышелов стал карабкаться вслед за ней, хотя матрас качался под ним,

как белая корабельная палуба в шторм, простыня лежала на голове, словно плотная пелена тумана. Внезапно туман куда-то делся, словно сдутый волшебным ветром, и над Мышеловом склонилось громадное, красно-черное двойное солнце: одно было лицом Саманды, побагровевшим от гнева и горячительных напитков, другое — громадным узлом ее черных волос с торчащими из них булавками. И у этого солнца был черный хвост — занесенная для удара плетка экономки.

Мышелов бросился к ней через развороченную постель, размахивая Скальпелем и не выпуская из другой руки серый сверток с одеждой.

Нацеленная на Риту плетка изменила направление и со свистом устремилась прямо на Мышелова. Он изо всех сил подпрыгнул, плетка драконьим хвостом пронеслась под его босыми пятками, и свист тут же стих. Приземлившись и каким-то чудом удержавшись на ногах, Мышелов снова прыгнул в сторону Саманды, уколол ее Скальпелем в скрытую под черным платьем огромную коленную чашечку и соскочил на пол.

Сверкнув, словно вороненая молния, громадный боевой топор вонзился в пол рядом с Мышеловом с таким грохотом, что у того лязгнули зубы. Это Глипкерио с невероятным проворством

схватил со стойки легкий топорик и на удивление точно метнул его.

Мышелов нырнул под кровать, бросился в сторону того, что представлялось ему низким, темным и широким портиком, и, выскочив с другой стороны, быстро обежал вокруг ножки кровати и замахнулся мечом, целя Глипкерио в лодыжку.

Однако перерезать сюзерену сухожилие Мышелову не удалось: монарх неожиданно повернулся. Немножко прихрамывая, Саманда подошла к Глипкерио. Гигантский топор и плетка снова были занесены над головой Мышелова.

С истерическим, но радостным воплем, который чуть было не разнес в клочки барабанные перепонки Мышелова, Рита швырнула в них хрустальную бутыль с вином. Никого не задев, та просвистела между головами Глипкерио и Саманды, но их остолбенение, быть может, спасло Мышелову жизнь.

А между тем золотой ларец с драгоценностями под шум и суматоху начал мало-помалу отодвигаться от стены. Наконец дверца приоткрылась настолько, что в нее уже могла проскользнуть крыса, и появился Грист во главе вооруженного отряда, состоявшего из двух крыс в зеленых мун-

дирах и масках и трех копейщиков в вороненых шлемах и кольчугах, но без масок.

Совершенно обалдевший Глипкерио бросился к двери, за ним — Саманда, но уже чуть медленнее; под ее могучей поступью пол затрясся, словно началось замлетрясение.

Горя желанием вступить в битву и с облегчением увидев перед собой неприятеля одного с ним роста, Мышелов встал в позицию, прикрывшись, как щитом, свертком с одеждой, и бесстрашно прокричал:

— Приди и встреть свою гибель, Грист!

Но в тот же миг он почувствовал, что снова взлетает к груди Риты с быстротой, от которой у него похолодело внутри.

— Опусти меня вниз! Опусти сейчас же! — завопил он, все еще охваченный воинственным пылом, но тщетно: опьяневшая девушка выбежала с ним из комнаты и захлопнула за собой дверь, переломив при этом крысиное копье и еще раз причинив боль барабанным перепонкам Мышелова.

Через несколько мгновений из комнаты выскочили Саманда и Глипкерио и побежали в сторону голубевших в конце коридора широких штор, но Рита выбрала другой путь: она летела к кухне и

помещениям для слуг, и Мышелов волей-неволей летел вместе с ней, изо всех сил сжимая сверток с одеждой и бесполезный меч, тщетно издавая протестующие вопли и плача от бессильного гнева.

Генеральный штурм Верхнего Ланкмара крысы начали одновременно, за полчаса до полуночи, используя для этого в основном золотые норы. Конечно, не обошлось без преждевременных вылазок, как, например, на Серебряной улице, и без задержек в тех местах, где в последний момент норы были обнаружены и блокированы людьми, но в общем и целом атака началась везде в одно и то же время.

Первыми на Верхний Ланкмар были брошены дикие дивизии передвигавшихся на четвереньках воинов, яростная кавалерия без всадников — крысы-варвары из зловонных туннелей и канализационных труб, проложенных под ланкмарскими трущобами, грызуны, которым были практически неизвестны блага цивилизации и которые в большинстве своем разговаривали на ломаном ланкмарском, помогая себе писком и визгом. Многие из них дрались лишь с помощью зубов и когтей, как самые примитивные существа. С ними наверх отправились также берсерки и группы специального назначения.

Затем двинулись убийцы-одиночки, а также поджигатели со своими факелами, смолами и маслами — использование огня в качестве оружия, что доселе никогда не практиковалось, было частью генерального плана, хотя при этом самые верхние крысиные ходы и подвергались опасности. Однако специалисты подсчитали, что победа будет одержана достаточно быстро, чтобы успеть заставить людей потушить пожары.

И последними шли закованные в броню вооруженные крысы, все на задних лапках, кроме тех, кто нес на себе снаряды и части легких орудий, которые должны были быть собраны уже на поверхности.

Предыдущие набеги производились почти исключительно через норы в подвалах и на первых этажах, через уличные водостоки и так далее. Но эта ночная атака велась, где только это было возможно, через ходы, шедшие до верхних этажей и даже мансард, и люди, захваченные врасплох в помещениях, которые считали безопасными, в панике устремлялись на улицы.

На сей раз все было не так, как в последние дни и ночи, когда крысы захлестывали город черными потоками и волнами. В эту ночь они проникали в дома черным дождем, стекали живыми струями

с казавшихся прочными стен, принося с собой смятение и ужас. Тут и там, в основном под самыми крышами, начались пожары.

Крысы объявились почти во всех ланкмарских храмах и даже утлых часовенках на улице Богов и обратили молящихся в бегство, так что вскоре эту широкую магистраль заполонили людские толпы, обезумевшие от ужаса, боящиеся войти в темные улицы и отважившиеся организовать лишь два-три небольших очага сопротивления.

В южных казармах, в зале с высокими окнами, где всегда проводились собрания, Олегний Мингологубец, брызжа слюной, громким, но дрожащим голосом разглагольствовал перед усталой аудиторией, которая согласно обычаю оставила оружие при входе, — в прежние времена ланкмарские солдаты славились тем, что могли и покалечить чем-то раздражающего их или просто утомительного оратора. Когда главнокомандующий провозгласил: «Вы сразились с черным бегемотом и левиафаном, вы выстояли против минголов и мерфианцев, вы опрокинули ощетинившимися копьями каре царя Кримакса и обратили в бегство его закованных в броню слонов, так неужто же вы испугаетесь мерзких грызунов, которые…» — высоко в черных сте-

нах открылись восемь больших нор, и из этих грозных бойниц замаскированная арбалетная артиллерия дала залп по возбужденному престарелому генералу. Пять жужжащих снарядов угодили в цель, причем один — прямо в горло, и Олегний, жутко хрипя, свалился с трибуны.

После этого арбалетный огонь был перенесен на потрясенных и оцепеневших солдат, некоторые из них принялись аплодировать кончине Олегния, словно это была карнавальная интермедия. Из других высоко расположенных нор был открыт уже настоящий огонь снарядами из белого фосфора и горящими промасленными тряпочными шариками со смолой в середине, а из золотых нор у пола в зал потекли струи выдуваемого мехами ядовитого газа, собранного в клоаках.

Солдаты и стражи порядка бросились к дверям, но оказалось, что те заперты снаружи, — это было одно из самых потрясающих достижений ударных групп, которое стало возможным благодаря тому, что власти Ланкмара в свое время приняли меры, обеспечивающие возможность в случае мятежа перебить всех солдат. Офицеры и несколько рядовых, тайком пронесшие оружие в зал, попытались открыть ответный огонь по норам, но

попасть по ним было нелегко, да и большая часть собравшихся, кашляя и крича, так же беспомощно метались по залу, как и люди на улице Богов, более обеспокоенные вонючими испарениями и дымом от появившегося кое-где пламени, нежели опасностью настоящего пожара.

Между тем черный котенок распластался на бочке неподалеку от зернохранилищ и смотрел на идущих мимо вооруженных крыс. Зверек дрожал от страха, но его тянула все дальше в город какая-то таинственная сила, которой он не понимал, но не мог противостоять.

В маленькой комнатке, помещавшейся на верхнем этаже дома Хисвина, двери и ставни были крепко заперты изнутри, так что сторонний наблюдатель, случись он здесь, очень бы удивился, как это можно было осуществить, когда в комнате никого нет.

Воздух в комнате несколько отравляла однаединственная толстая свеча, горевшая голубоватым пламенем. Мебели тут не было, зато имелись шесть широких углублений в выложенном плиткой полу. Три из них заполняла густая розоватая жидкость, по которой то и дело пробегала легкая рябь. Вокруг каждой розовой лужи была каемка черной пыли, которая с жидкостью не смеши-

валась. Вдоль одной из стен тянулись полки с маленькими флаконч иками: белые стояли у самого пола, черные повыше.

На уровне пола отворилась крошечная дверца, и из нее молча вышли Хисвин, Хисвет и Фрикс. Взяв в руки по белому флакону, они подошли к углублениям с розоватой жидкостью и безбоязненно вступили в нее. Черная пыль и розоватая жидкость замедлили их движение, но не остановили его вовсе. От коленей вступивших в жидкость расходились вязкие волны. Вскоре все трое оказались посреди углубления, каждый своего, по бедра в розоватой жиже. Затем каждый осушил свой флакон.

Несколько мгновений ничего не происходило, лишь в слабом свете свечи разбегалась по жиже мелкая рябь.

Но вот фигуры начали постепенно расти, а уровень жидкости в углублениях — уменьшаться. Через дюжину ударов сердца и жижа и пыль исчезли; в комнате стояли Хисвин, Хисвет и Фрикс — нормального человеческого роста, совершенно сухие, в черной одежде.

Хисвин снял засов со ставен окна, которое выходило на улицу Богов, широко распахнул их, сделал глубокий вдох, быстро и осторожно

выглянул на улицу и, ссутулившись, повернулся к девушкам.

— Началось, — мрачно сообщил он. — Нам нужно спешить в Голубую палату. Время не ждет. Я предупрежу наших минголов, чтобы они собрались и тоже пришли туда. — Он прошаркал к двери и добавил: — Идем.

Выбравшись на крышу храма истинных богов Ланкмара, Фафхрд помедлил и, прежде чем направиться к звоннице, посмотрел назад и вниз, хотя залезть сюда ему было даже проще, чем на городскую стену.

Он хотел выяснить, что за крик там поднялся.

На противоположной стороне улицы темнело несколько домов, первый из которых принадлежал Хисвину, за ними высился Радужный Дворец Глипкерио в окружении залитых лунным светом минаретов нежных тонов во главе с голубым, самым из них высоким, — все это походило на группу стройных танцовщиц, стоящих позади кучки приземистых жрецов в черных одеяниях.

Прямо внизу темнели паперть храма и низкие широкие ступени, ведшие в храм. Перед тем как забраться наверх, Фафхрд даже и не пытался отворить его позеленевшие, обитые медью и изгрызенные червями двери. У него не было ни

малейшего желания искать на ощупь, в темноте и пыли, внутреннюю лестницу, рискуя наткнуться рукой на какую-нибудь перепеленутую на манер мумии фигуру в черной тоге, которая не станет при этом лежать тихо, как подобает уважающему себя праху, а может вскочить, пылая беспредельным и, в общем-то, беспричинным гневом, подобно дряхлому королю, который не одобряет, когда его будят среди ночи. В любом случае подъем по внешней стене казался Фафхрду более оправданным, да и будить истинных богов Ланкмара, раз уж в этом есть необходимость, гораздо приятнее с помощью находящихся в отдалении колоколов, нежели хватая их за костлявые ноги или руки, обернутые рассыпающимся от ветхости полотном.

Когда Фафхрд только начал взбираться на стену, этот конец улицы Богов был безлюден, хотя подальше, из распахнутых дверей роскошных храмов — храмов ланкмарских богов, — лился желтый свет и доносились печальные звуки песнопений с острыми акцентами импровизированных молитв и заклинаний.

Но сейчас на улице клокотала толпа людей с побелевшими лицами, которая непрестанно пополнялась новыми кучками народа, выбегав-

шего из дверей храмов. Фафхрд никак не мог понять, кто обратил их в бегство, и снова подумал о войске невидимок — ему достаточно было вообразить упырей с прозрачными скелетами, — но потом обратил внимание, что большинство вопивших и метавшихся людей смотрели себе под ноги и на мостовую. Тут он вспомнил странный, многозвучный шорох, от которого убежал на Серебряной улице. Припомнил заявление Нингобля о многочисленной и неуловимой армии, нахлынувшей на Ланкмар. И наконец, на память ему пришла «Устрица», потопленная крысами, действовавшими без чьей-либо помощи, и «Каракатица», захваченная ими же. Невероятное предположение, родившееся у него в голове, быстро перерастало в уверенность.

Между тем сбежавшие из храмов люди начали опускаться на колени перед невзрачным святилищем, на крыше которого он стоял, и, биясь головами о нижние ступени и мостовую, выкрикивать бессвязные мольбы о помощи. Как и прежде, Ланкмар прибегал к своим угрюмым личным богам в случае крайней нужды, когда все остальные средства оказывались бессильными. Прямо под Фафхрдом несколько смельчаков взошли на темную паперть и принялись корчиться

подле древних дверей.

Послышался громкий скрип, за ним скрежет и треск. На какой-то миг Фафхрду пришло в голову, что люди на паперти взломали дверь и собираются войти в храм. Но тут же он увидел, что, объятые ужасом, они сбегают по ступеням вниз и распластываются на мостовой вместе со всеми.

Громадные двери приоткрылись на ширину ладони. Из узкой щели показалась факельная процессия, состоявшая из маленьких фигурок, которые выстроились вдоль наружного края паперти.

Это были несколько десятков крупных крыс, которые двигались на задних лапках и были одеты в черные тоги. Четверо из них несли длинные факелы, горевшие ярко-голубым пламенем. Остальные держали в лапках по какому-то предмету — при всей остроте своего зрения Фафхрд не мог разглядеть, что это было, — быть может, маленькие черные жезлы? Среди крыс он различил трех белых, остальные были черные.

Улица Богов затихла — как будто по какому-то тайному сигналу нападавшие перестали преследовать людей.

Крысы в черных тогах закричали в унисон, да так пронзительно, что их услышал даже Фафхрд:

— Мы умерщвили ваших богов, о ланкмарцы! Знай же, народ Ланкмара, теперь мы — ваши боги. Подчинитесь нашим братьям-мирянам, и вас никто не тронет. Внимайте их повелениям! Ваши боги мертвы, о ланкмарцы! Мы ваши боги!

Распростертые перед храмом люди продолжали биться лбами о камни. Многие из стоявших в толпе последовали их примеру.

Фафхрд подумал, что неплохо было бы найти что-нибудь увесистое и сбросить на жуткую черную шеренгу, которая запугивает людей. Но тут же ему в голову пришла неприятная мысль: раз Мышелов стал совсем крошечным и способен жить под самым глубоким подвалом, то, скорее всего, это означает, что злой чародей, наверное Хисвин, превратил его в крысу. Выходит, убивая любую из крыс, он может погубить своего друга.

Северянин решил в точности следовать инструкции Нингобля. Подтягиваясь на длинных руках и упираясь в стену еще более длинными ногами, он стал карабкаться на звонницу.

Из-за дальнего угла храма выглянул черный котенок и вытаращил глазки на жутких крыс в черных тогах. Ему очень хотелось задать стрекача, но он даже не шелохнулся, словно солдат, который знает, что у него есть долг, но позабыл

или не успел поинтересоваться, в чем этот долг состоит.

15

Глипкерио не переставая ерзал на краешке своего золотого ложа в форме морской раковины. Рядом, на голубом полу, лежал уже забытый маленький боевой топор. С низкого столика сюзерен взял изящный серебряный жезл с бронзовой морской звездой на конце — один из лежавших там нескольких дюжин — и принялся нервно вертеть его в руках. Но через несколько мгновений жезл выскользнул у него из пальцев и с мелодичным звоном откатился по голубым плиткам футов на десять. Сюзерен сплел свои длиннющие пальцы и стал раскачиваться от возбуждения.

Голубая палата освещалась лишь несколькими оплывшими и коптящими свечами. Занавес посередине был поднят, но ставший вдвое длиннее зал казался от этого еще более мрачным. Винтовая лестница, ведущая в голубой минарет, терялась в густой тьме. За ведшим на балкон темным проходом таинственно поблескивал залитый лунным светом серый сигарообразный снаряд, стоящий у самого медного желоба. К его открытому люку была приставлена серебряная лесенка.

На голубой стене зала подрагивали чудовищные тени какой-то оплывшей фигуры с двумя посаженными одна на другую головами. Это были тени Саманды, которая стояла и бесстрастно и пристально наблюдала за Глипкерио, как наблюдают за помешанным, готовым вот-вот выкинуть какую-нибудь штуку.

В конце концов Глипкерио, беспрестанно шаривший глазами по полу, в особенности там, где на него спускались голубые шторы перед голубым же проходом, начал бормотать — сперва чуть слышно, потом все громче и громче:

— Мне этого больше не вынести. Вооруженные крысы бегают по дворцу. Охрана ушла. В глотке свербит от волос. Эта ужасная девчонка. Наглый попрыгунчик с физиономией Мышелова. Дворецкий и служанки на звонок не идут. Нет даже пажа, чтобы снять со свечей нагар. И Хисвин не пришел. Не идет, да и только! Я остался один. Все пропало! Мне этого не вынести! Я ухожу! Прощай, мир! До свидания, Невон! Поищу вселенную получше!

С этими словами он ринулся на балкон — лишь мелькнула черная тога, — и стал падать, кружась, последний лепесток с венка из анютиных глазок.

Тяжело ступая, Саманда бросилась за ним и догнала у серебряной лестницы — главным образом потому, что сюзерену никак не удавалось расплести свои длинные пальцы и схватиться за ступеньку. Обхватив его своей громадной рукой, она повела его к парадному ложу, по пути расплетая ему пальцы и успокаивая:

— Ну-ну, господинчик, сегодня ночью никаких путешествий. Мы останемся на суше, в твоем собственном дворце. Только подумай: завтра, когда вся эта ерунда будет позади, мы с тобой всласть поработаем плеточкой. А охранять тебя буду я, красавчик мой, я ведь стою целого полка. Держись за свою Саманду!

Как будто поняв ее слова буквально, Глипкерио, который до этого делал неловкие попытки вырваться, обнял экономку за шею и чуть ли не уселся на ее громадный живот.

Голубая занавеска вздулась к потолку, но это оказалась лишь племянница сюзерена Элакерия, в сером шелковом платье, которое грозило с минуты на минуту лопнуть по всем швам. Дородная и похотливая девица за последние несколько дней растолстела еще больше, поскольку непрерывно напихивала себя сластями, дабы утолить горе, вызванное сломанной шеей ее матушки

и распятием любимой обезьянки, но главное — чтобы заглушить страх за собственную особу. Однако в этот миг функции меда и сахара, казалось, взял на себя гнев.

— Дядя! — завопила она. — Ты должен немедленно что-то предпринять! Охранники сбежали. Ни служанка, ни паж не идут на звонки, а когда я отправилась за ними сама, то обнаружила, что эта наглая Рита — разве ее не должны были выпороть? — подбивает прислугу на революцию, если не на что-то похуже. А на левой руке у нее сидела живая кукла в чем-то сером, размахивала игрушечным мечом — наверное, она-то и распяла мою Кве-Кве! — и призывала ко всяческим гнусностям. Мне удалось убежать оттуда незамеченной.

— На революцию, говоришь? — проворчала Саманда, спуская с рук Глипкерио и отстегивая от пояса кнут и дубинку. — Элакерия, присмотри недолго за дядей. Знаешь, всякие там путешествия, — хриплым шепотом добавила она и многозначительно покрутила пальцем у виска. — А я пойду пропишу этим голым потаскушкам и блюдолизам такую контрреволюцию, что они долго будут помнить.

— Не бросай меня! — взмолился Глипкерио,

пытаясь снова забраться к ней на руки. — Хисвин меня забыл, и теперь ты — моя единственная защита.

Часы пробили четверть. Голубые занавеси раздвинулись, и мерной поступью, без обычного шарканья, в зал вошел Хисвин.

— Плохо это или хорошо, но я явился в обещанный час, — объявил он.

Хисвин был в своей черной шапочке и тоге, перетянутой поясом, с которого свисали чернильница, футляр с перьями и мешочек с пергаментными свитками. За ним в зал вошли Хисвет и Фрикс, обе в скромных черных платьях и палантинах. Голубые занавеси беззвучно опустились на место. Все три обрамленных черных лица были серьезны.

Хисвин подошел к Глипкерио, который, видя деловитость вновь прибывших и несколько устыдившись, немного пришел в себя и теперь торчал жердью на своих длинных, обутых в золотые сандалии ногах. Он уже успел расправить складки тоги и надеть попрямее на золотистые локоны остатки венка из анютиных глазок.

— О достославный сюзерен! — торжественно обратился к нему Хисвин. — Я принес тебе дурные вести... — (Глипкерио побледнел и опять

затрясся), — а также и добрые. — (Глипкерио немного успокоился.) — Сначала дурные. Звезда, восход которой привел было небеса в надлежащее состояние, угасла, словно свеча, задутая черным демоном, ее лучи померкли в темных волнах небесного океана. Словом, она утонула бесследно, и я не могу произнести свое заклятие против крыс. Более того, я считаю своим печальным долгом поставить тебя в известность, что крысы уже практически заняли весь Ланкмар. В южных казармах истреблено все твое войско. Все храмы захвачены, и даже сами истинные боги Ланкмара поголовно умерщвлены на своих роскошных высохших ложах. Крысы просто выжидают из учтивости, причины коей я объясню позже, прежде чем занять твой дворец.

— Тогда все пропало, — дрожащим голосом проговорил Глипкерио и, повернувшись к экономке, сварливо добавил: — Что я тебе говорил, Саманда! Мне остается лишь отправиться в последний путь. Прощай, мир! Всего наилучшего тебе, Невон! Я отправляюсь искать более…

Но на сей раз его бросок в сторону балкона был пресечен в зародыше толстухой-племянницей и дородной экономкой, которые взяли сюзерена в клещи с обеих сторон.

— А теперь послушай добрые вести, — несколько оживленнее продолжал Хисвин. — Подвергая собственную жизнь страшной опасности, я связался с крысами. Мне стало ясно, что они обладают высокоразвитой цивилизацией, во многом гораздо более утонченной, нежели человеческая, — они фактически уже некоторое время регулируют дела и развитие людей. О, эти мудрые грызуны пользуются благами весьма удобной и приятной цивилизации, которая несомненно удовлетворит твое чувство мирового порядка, когда ты поближе с ней познакомишься! Короче говоря, крысы, которым я пришелся по душе, — ах, на какие удивительные дипломатические ухищрения я только не пускался ради тебя, дорогой властелин! — доверили мне ознакомить тебя с условиями капитуляции, которые на удивление благородны!

Выхватив из мешочка один из свитков и проговорив: «Я вкратце», Хисвин начал читать:

— «…немедленно прекратить военные действия… по команде Глипкерио, переданной через посредство его посланцев с жезлами, подтверждающими их полномочия… Потушить пожары и исправить повреждения, нанесенные зданиям, силами ланкмарцев под руководством… — и так

далее. — Повреждения, нанесенные крысиным туннелям, аркадам, местам для развлечений и прочим помещениям, должны быть исправлены людьми. — Здесь должно стоять:…уменьшенными до соответствующего роста. — Всех солдат разоружить, связать, заточить — и так далее. — Всех котов, собак, хорьков и прочих вредителей… — ну, это понятно. — Все корабли и всех ланкмарцев, находящихся за рубежом… — ну, это тоже естественно. А, вот это место! Слушайте. — После этого каждый ланкмарец возвращается к своим занятиям, свободный во всех своих действиях и владении имуществом… — свободный, вы слышите? — и зависящий только от распоряжений своей персональной крысы (или крыс), которая будет сидеть у него на плече или же каким-либо иным образом расположится на нем либо внутри его одежды, равно как и будет делить с ним постель». Но твои крысы, — быстро продолжал Хисвин, указывая на Глипкерио, лицо которого побелело и начало кривиться от тика, а все тело и члены вновь задергались, — твои крысы, учитывая твое высокое положение, будут вовсе не крысы, а моя дочь Хисвет и временно ее служанка Фрикс, которые будут обслуживать тебя денно и нощно, бдеть и еще раз бдеть, удо-

влетворяя любое твое желание на пустяковом условии, что ты будешь подчиняться всем их распоряжениям. Что может быть справедливее, государь?

Но Глипкерио уже снова завел свое: «Мир, прощай! До свидания, Невон! Отправляюсь искать...» — всем телом стремясь на крыльцо и извиваясь в железных руках Элакерии и Саманды. Внезапно он замер, воскликнул: «Конечно, я подпишу!» — и схватил пергамент. Хисвин торопливо потащил его к торжественному ложу и столу, готовя по дороге письменные принадлежности.

Но тут возникла трудность. Глипкерио трясся так сильно, что едва мог удержать в руке перо, так что ни о какой подписи не могло быть и речи. С первой же попытки он посадил целую гроздь клякс на одежду окружающих и морщинистое лицо Хисвина. Все попытки водить его рукой, сперва ласково, потом насильно, ни к чему не привели.

Прищелкнув в раздражении пальцами, Хисвин внезапно кивнул своей дочери. Та достала из складок черного шелкового платья флейту и начала наигрывать нежную, наводящую дрему мелодию. Саманда и Элакерия держали лежа-

щего ничком на ложе Глипкерио, одна за плечи, другая за ноги, а Фрикс, упершись коленом ему в поясницу, начала легонько, в такт музыке, поглаживать пальцами ему спину от затылка до копчика, пользуясь в основном левой перевязанной рукой.

Некоторое время Глипкерио еще ритмично подпрыгивал на ложе, но постепенно это телотрясение начало стихать, и Фрикс смогла приступить к массажу его беспокойных рук.

Прищелкивая пальцами, Хисвин нетерпеливо мерил шагами зал, и его многочисленные тени метались по голубым плиткам пола, словно огромные, меняющиеся в размерах крысы; внезапно, обратив внимание на лежащие на столике жезлы, он осведомился:

— А где пажи, которых ты обещал здесь собрать?

Глипкерио мрачно ответил:

— У себя. Бунтуют. Ты же выманил отсюда всех стражников, которые за ними присматривали. А где твои минголы?

Хисвин остановился как вкопанный и нахмурился. Его вопросительный взгляд устремился на неподвижные голубые занавески, через которые он сюда вошел.

Дыша несколько чаще, чем обычно, Фафхрд влез в один из восьми оконных проемов звонницы, уселся на подоконник и принялся разглядывать колокола.

Их было в общей сложности восемь: пять бронзовых, покрытых бледно-бирюзовой патиной, и три из вороненой стали, с многовековым слоем ржавчины. Насколько северянин понял, все веревки сгнили много веков назад. Внизу чернела темнота, пересекавшаяся четырьмя узкими каменными перемычками. Фафхрд осторожно наступил на одну из них. Перемычка не дрогнула.

Фафхрд качнул самый маленький бронзовый колокол. Кроме унылого скрипа, не раздалось ни звука.

Он сперва заглянул в колокол, потом ощупал его изнутри. Языка не было — скоба, к которой он крепился, уже давно целиком превратилась в ржавчину.

Не было языков и во всех других колоколах, — по-видимому, они лежали в самом низу башни.

Фафхрд уже приготовился бить тревогу с помощью боевого топора, но вдруг увидел колокольный язык, лежащий на одной из каменных перемычек.

Он поднял его двумя руками, словно дубинку

чудовищных размеров, и, без всякой опаски ступая по узким перемычкам, ударил по разу в каждый колокол. Железные колокола обдали его дождем из ржавчины.

Поднялся грохот, перед которым бледнела даже гроза в горах, когда гром перекатывается от склона к склону. Менее музыкальных колоколов Фафхрду слышать не приходилось. Тона двух или трех из них образовывали интервалы, от которых пухли уши. Похоже, что отливал их мастер диссонанса. Бронзовые колокола вопили, лязгали, грохотали, дребезжали, гнусаво ревели и пронзительно верещали. Железные стонали своими проржавевшими глотками, рыдали, как левиафаны, исступленно бились, словно сердце гибнущей вселенной, раскатисто грохотали, будто черный прибой, который обрушивается на гладкие скалы. Судя по тому, что Фафхрд слышал об истинных богах Ланкмара, колокола были вполне им под стать.

Металлический рев начал понемногу стихать, и северянин понял, что начинает глохнуть. Тем не менее он продолжал делать свое дело, пока не ударил в каждый колокол трижды. Затем он выглянул в окно, через которое влез.

Поначалу ему почудилось, будто половина

людей внизу смотрит прямо на него. Но через несколько мгновений он сообразил, что люди запрокинули залитые лунным светом лица, услышав колокола.

Теперь перед храмом было гораздо больше коленопреклоненных ланкмарцев. Они все прибывали по улице Богов с востока, словно за ними кто-то гнался.

Крысы в черных тогах стояли внизу все такой же неподвижной шеренгой; несмотря на их крошечный рост, от них исходила необъяснимая угрюмая властность. По бокам шеренги расположились два взвода крыс, вооруженных каким-то небольшим оружием, и Фафхрд, вглядываясь что есть силы, узнал в нем миниатюрные арбалеты, какие он видел на борту «Каракатицы».

Колокольный гул замер, а может, стал просто тише, и оглушенный Фафхрд уже его не различал, но зато он услышал становившийся все громче ропот и крики безнадежного ужаса, которые доносились снизу.

Снова взглянув на толпу, он увидел, что черные крысы беспрепятственно залезают на коленопреклоненных людей и усаживаются им на правое плечо.

Но тут прямо под Фафхрдом послышался скрип,

скрежет и треск. Древние двери храма истинных богов Ланкмара резко распахнулись.

Задранные кверху белые лица обратились в сторону паперти.

Крысы в черных тогах и охранявшие их солдаты обернулись.

В шеренгу по четыре из широко открытых дверей начали выходить жуткие коричневые фигуры, тоже облаченные в черные тоги. В руках у каждой был черный жезл. У фигур было много чего коричневого: и древние пелены для мумифицирования, и тонкая пергаментная кожа, которая обтягивала голые скелеты, и кое-где обнажившиеся кости.

Крысы-арбалетчики дали залп. Скелетообразные коричневые фигуры продолжали двигаться. Крысы в черных тогах не отступали и лишь что-то повелительно визжали. Еще один бесполезный залп из крошечных арбалетов, и в ответ — фехтовальный выпад черными жезлами. Каждая крыса, к которой прикоснулся жезл, съежилась и застыла. Из толпы стали выскакивать все новые крысы, но их настигала точно такая же гибель. Коричневые шеренги двигались неотвратимо, словно это выступал сам Рок.

Послышались отчаянные вопли, и толпа перед

храмом начала таять, люди бросались в боковые улочки и даже обратно в храмы, из которых только что убежали. Как и следовало ожидать, ланкмарцы боялись пришедших им на помощь собственных богов даже сильнее, чем неприятеля.

В некотором ужасе от последствий, вызванных его колокольным звоном, Фафхрд полез вниз, решив, что ему следует не вступать в фантастическую битву, а бежать в громадный дворец Глипкерио и разыскать Мышелова.

Сидевший у самого подножия храма черный котенок, увидев спускающегося человека, признал в нем гиганта, которого он драл когтями и вместе с тем *любил*, и понял, что держащая его здесь сила каким-то образом связана с этим человеком.

Серый Мышелов решительно выскочил из дворцовой кухни и побежал по коридору, ведущему в покои монарха. Он был все еще маленького росточка, но по крайней мере одет. Рядом с ним шагала Рита, вооруженная длинным и острым вертелом для жарки отбивных. За ними беспорядочной толпой спешили пажи с косарями и деревянными молотками в руках и служанки, вооруженные ножами и длинными вилками.

Мышелов настоял, чтобы девушка не тащила его на руках, и та позволила ему идти самому. И он чувствовал себя вполне мужчиной, когда шел на своих ногах и время от времени грозно взмахивал Скальпелем.

Впрочем, он вынужден был признать, что чувствовал бы себя еще лучше, будь он нормального роста и будь Фафхрд рядом с ним. Шильба говорил, что черное зелье будет действовать в течение девяти часов. Мышелов выпил его в самом начале четвертого. Стало быть, если Шильба не соврал, нормальный рост должен вернуться к нему сразу после полуночи.

Мышелов взглянул вверх на Риту, огромную, словно великанша, с блестящим копьем в руках длиной со шлюпочную мачту, и окончательно успокоился.

— Вперед! — пропищал он, обращаясь к своему голому войску и стараясь говорить как можно басовитее. — Мы должны спасти от крыс Ланкмар и его сюзерена!

Когда до крыши храма оставалось несколько футов, Фафхрд спрыгнул и осмотрелся. Ситуация внизу кардинально изменилась.

Все люди куда-то исчезли, не считая, разумеется, покойников.

Скелеты уже все вышли из храма и теперь двигались на запад по улице Богов — процессия уродливых привидений, которые, правда, не были прозрачны и громко стучали костями ступней по мостовой. Освещаемые луной паперть, ступени и булыжники позади них были усеяны трупами черных крыс.

Однако теперь коричневые шеренги двигались медленнее и были окружены мраком, который затмевал даже их собственные тени, — они шли через настоящее море бросавшихся на них крыс и уже не успевали справиться с ними с помощью своих смертоносных жезлов.

С обоих концов улицы Богов в них летели горящие стрелы. В отличие от арбалетных, эти стрелы производили должный эффект. В местах, куда они попадали, сразу же загоралось старое полотно и пропитанная смолой кожа. В конце концов коричневым мумиям пришлось и вовсе остановиться и, не обращая внимания на крыс, начать вытаскивать засевшие в них горящие стрелы и сбивать пламя с горящих тел.

Внезапно со стороны Болотной заставы на улицу Богов хлынула новая волна крыс, за которыми скакали на огромных конях три всадника и, низко свешиваясь с седел, рубили грызунов в капусту.

Лошади, плащи и капюшоны всадников были черны как смоль. Фафхрд, которому казалось, что уже ничто не может заставить его вздрогнуть, затрепетал. У него было впечатление, что на сцену выступила сама Смерть в трех лицах.

Крысы-огнеметчики развернулись и дали по всадникам залп горящими стрелами, но промахнулись.

В ответ черные всадники принялись давить копытами и крошить огнеметчиков. Затем они развернулись в сторону коричневых скелетов и сбросили свои черные капюшоны и накидки.

Фафхрд осклабился: это могло бы показаться крайне неуместным кому-то, кто знал, что северянин только что ужаснулся явлению Смерти, но был не в курсе его похождений в течение последних нескольких дней.

На трех черных конях сидели три высоких скелета, казавшиеся в сиянии луны совершенно белыми, и чутье влюбленного тут же подсказало Фафхрду, что первый из них — это Крешкра.

Конечно, она могла разыскивать его, чтобы убить за вероломство. И тем не менее, как практически любой влюбленный при подобных обстоятельствах — впрочем, в разгар сверхъестественной баталии такое происходит нечасто, —

Фафхрд ухмыльнулся крайне самодовольно.

И тут же, не теряя времени, принялся спускаться с крыши храма.

Между тем Крешкра — а это была она — думала, глядя на истинных богов Ланкмара: «Что ж, по-моему, лучше уж коричневые кости, чем никаких. Но очень уж они пожароопасны. О, снова крысы! Что за гнусный город! Но где же, о, где мой отвратительный Нечистый?»

У подножия храма черный котенок беспокойно мяукал, ожидая, пока спустится Фафхрд.

Глипкерио, невозмутимый, как скала, и совершенно успокоенный массажем Фрикс и флейтой Хисвет, уже дописал свое имя до половины, украшая каждую букву невиданными громадными завитушками, когда голубые занавеси, заслонявшие самый широкий проход, упали, сорванные чьей-то сильной рукой, и в зал, неслышно ступая босыми ногами, влетела обнаженная армия Риты и Мышелова.

Глипкерио дернулся так, что чернильница пролилась прямо на пергамент с условиями капитуляции, а перо стрелой взмыло в воздух.

Хисвин, Хисвет и даже Саманда начали пятиться в сторону балкона, испуганные появлением служанок и пажей, — в этих бритых, обнажен-

ных юношах и девушках с горящими глазами и плотно сжатыми ртами и вооруженных кухонными орудиями было и впрямь нечто жутковатое. Хисвин ожидал появления своих минголов и поэтому испытал двойное потрясение.

Элакерия бросилась вслед за остальными и завопила:

— Они сейчас нас всех перебьют! Это революция!

Фрикс с возбужденной улыбкой на устах стояла совершенно неподвижно.

Мышелов бросился вперед по голубым плиткам, вскочил на ложе Глипкерио и забрался на золоченую спинку. Рита подскочила и встала рядом, грозно размахивая вертелом.

Не замечая, что Глипкерио начал потихоньку отступать, испуганно глядя сквозь пальцы, которыми он прикрыл глаза, Мышелов громко пропищал:

— О могущественный сюзерен, это не революция! Наоборот, мы пришли, дабы спасти тебя от врагов! Вот этот, — Мышелов указал на Хисвина, — действует заодно с крысами. У него под тогой хвост. Я видел его в подземных туннелях, он входит в крысиный Совет Тринадцати, который собирается тебя свергнуть. Это он…

Тем временем Саманда пришла в себя и бросилась на своих подопечных, словно черный носорог с несколькими рогами в виде длинных булавок, торчащих из ее черной копны. Раздавая своей черной плеткой удары направо и налево, она грозно заорала:

— Так вы бунтовать? На колени, жалкие поварята и судомойки! Молитесь!

Захваченная врасплох и поддаваясь глубоко укоренившейся привычке, стройная обнаженная молодежь бросилась врассыпную, их гордые помыслы мгновенно увяли под градом привычной брани.

Однако Рита лишь побагровела от гнева. Забыв о Мышелове, да и обо всем на свете, распаленная руганью, она бросилась на Саманду, крича остальным рабам:

— Хватайте ее, трусы! Нас же много, а она одна!

И, недолго думая, она вонзила вертел в жирный зад экономки.

Саманда сделала громадный скачок вперед, гремя цепями и ключами, которые висели у нее на поясе. Отшвырнув с дороги несколько служанок, она, громко топая, устремилась в сторону служб.

Рита бросилась за ней, крикнув через плечо:

— Хватайте ее, пока она не позвала на подмогу брадобреев и поваров!

Служанки и пажи больше не колебались. Рита вновь разожгла их ненависть так же быстро, как Саманда ее потушила. Сделаться героями и героинями и спасти Ланкмар — это было как лунный свет. Но отомстить своей давней мучительнице — это уже ослепительное солнце. Как один, они бросились вслед за Ритой.

Мышелов, который все еще балансировал на резной спинке ложа и продолжал свою драматичную речь, слишком поздно сообразил, что остался без войска, а сам между тем все еще такой же маленький. Хисвин и Хисвет, вытащив из-под черных тог длинные кинжалы, быстро отрезали его от двери, в которую убежала армия во главе с Ритой. Хисвин буквально полыхал злобой, а Хисвет стала очень неприятно похожа на отца — никогда прежде Мышелов не замечал столь поразительного фамильного сходства между ними. Дочь и отец медленно приближались к нему.

Слева от него Элакерия схватила со стола несколько тоненьких жезлов и угрожающе замахнулась. Но для Мышелова даже эти палочки были громадными, как копья.

Справа от него Глипкерио, который продолжал

пятиться, незаметно подхватил с пола свой легкий боевой топор. По-видимому, он не расслышал верноподданнического писка Мышелова или расслышал, но не поверил.

Мышелов судорожно размышлял, в какую сторону ему прыгнуть.

За его спиной Фрикс прошептала тихонько, но для него все равно чуть ли не оглушительно:

— Кухонная тиранша удаляется, преследуемая раздетыми пажами и служанками в их натуральном виде, и наш герой остается в окружении великана и двух — а может, трех? — великанш.

16

Несмотря на то что Фафхрд спустился со стены храма довольно быстро, расстановка сил на поле боя к этому моменту претерпела существенные изменения.

Истинные боги Ланкмара, стараясь не поддаваться панике, отступали к дверям своего храма, время от времени тыкая жезлами в орду осаждавших их крыс. Призрачными лунными вымпелами от них еще тянулись к небу струйки дыма. Все боги кашляли, даже, скорее всего, не кашляли, а чертыхались, но это очень походило на кашель. Их коричневые костистые лица были страшны — такое выражение бывает у потерпевших поражение стариков, которые стараются под маской достоинства скрыть свою бессильную ярость.

Фафхрд поспешно уступил им дорогу.

Крешкра вместе с двумя другими упырями, сидя в седлах, рубила и колола крыс перед домом Хисвина, а их кони топтали грызунов копытами.

Фафхрд двинулся было в их сторону, но в этот миг на него налетела громадная стая крыс, и он был вынужден обнажить Серый Прутик. Поль-

зуясь им как косой, он тремя ударами расчистил пространство вокруг себя и снова стал прорываться к упырям.

Внезапно двери дома Хисвина распахнулись и по невысокой лестнице хлынула вниз толпа рабов-минголов. Лица их были искажены от ужаса, но еще более поражала их страшная худоба. Черные ливреи болтались на них, как на пугалах. Их руки были руками скелетов. Вместо лиц были черепа, обтянутые желтой кожей.

Три группы скелетов: коричневые, цвета слоновой кости и желтые. «Это же чудо из чудес, — подумал Фафхрд, — немыслимый спектр, составленный из костяков разных оттенков».

Вслед за минголами, тесня их, но не убивая, а просто отшвыривая с дороги, появилась группа сутуловатых, но крепких мужчин в масках: некоторые из них были одеты в доспехи, и все без исключения размахивали оружием — мечами и арбалетами. В их шаркающей ковыляющей походке было что-то страшно знакомое. За ними вышли другие — с копьями и в шлемах, но уже без масок. На месте лиц у них были крысиные морды. Все вновь прибывшие, как в масках на поросших шерстью мордах, так и без, бросились на трех конных упырей.

Фафхрд прыгнул вперед. Серый Прутик запел у него над головой, он уже не обращал внимания на бушующую у его ног новую волну обычных крыс — и вдруг остановился как вкопанный.

Крысы — ростом с человека и вооруженные на людской манер — продолжали выскакивать из дома Хисвина. Пусть он хоть трижды герой, но убить такое количество врагов просто не в состоянии.

В этот миг северянин вдруг почувствовал, как в ногу ему впились острые когти. Замахнувшись громадной левой рукой со скрюченными пальцами, чтобы смахнуть нового врага, он увидел, что по его бедру карабкается… черный котенок с «Каракатицы».

«Нет, глупыш не должен оказаться в этой свалке», — подумал Фафхрд, открыл пустой мешок, чтобы бросить туда котенка, увидел на дне отливающий матовым блеском оловянный свисток… и понял, что это — та самая соломинка, хоть и металлическая, за которую он должен хвататься.

Выхватив свисток, он поднес его к губам и дунул.

Рассеянно ударяя пальцем в игрушечный барабан, человек не ожидает услышать громовой раскат. У Фафхрда перехватило дух, и он чуть не

проглотил свисток. Потом размахнулся, чтобы его выбросить, но вместо этого снова сунул в рот, зажал уши руками, по какой-то таинственной причине плотно зажмурился и снова дунул.

И опять чудовищный гром взметнулся к луне и прокатился по темным улицам Ланкмара.

Попробуйте вообразить себе рев леопарда, рявк тигра и львиный рык, вместе взятые, и вы получите отдаленное представление о звуке, который Фафхрд выдул из свистка.

Ватаги обычных крыс замерли на месте. Скелетоподобные минголы остановили свой дрожащий и спотыкающийся бег. Большие вооруженные крысы, как в масках, так и без, застыли, не добежав до упырей. И даже упыри вместе со своими конями прекратили бой. Шерстка у черного котенка встала дыбом, зеленые глаза сделались огромными, но он продолжал цепляться когтями за согнутое колено Фафхрда.

Наконец наводящий ужас звук замер в отдалении, далекий колокол начал бить полночь, и схватка возобновилась с новой силой.

Но вокруг Фафхрда в лунном свете начали проступать какие-то туманные четвероногие черные формы. Сперва это были лишь смутные тени, окруженные сиянием. Затем они сделались

плотнее, как будто были сделаны из полупрозрачного черного рога. И наконец достигли угольной черноты, и лапы их уперлись в залитую луной мостовую. У них были стройные длинноногие фигуры гепардов, но массивность тигров или львов. В холке они были ростом с добрую лошадь. Их небольшие головы с острыми ушами, так же как и хвосты, медленно покачивались из стороны в сторону. Острые клыки напоминали чуть зеленоватые сосульки. Похожие на замерзшие изумруды глаза в количестве двадцати шести штук — зверей было тринадцать — уставились на Фафхрда.

Но Фафхрд сразу понял, что смотрят они не на него, а на его бедро.

Черный котенок издал пронзительный вой — это был и первый боевой клич молодого кота, и приветствие.

С душераздирающим ревом, словно кто-то дунул в тринадцать оловянных свистков сразу, боевые коты, разделившись на группы, бросились вперед. Черный котенок со сверхъестественным проворством присоединился к группе из четырех зверей.

Обычные крысы бросились врассыпную — к стенам, дверям и сточным канавам — словом,

всюду, где могли быть норы. Минголы, как один, распростерлись ниц. Потрескавшиеся двери храма истинных богов Ланкмара заскрипели, поспешно закрываясь.

Четыре боевых кота, к которым присоединился котенок, ринулись на человекоподобных крыс, выходящих из дома Хисвина. Двое упырей уже лежали на земле, выбитые из седел мечами и копьями. Третий, вернее, третья — это была Крешкра — отбила направленный в нее удар меча и пустилась галопом мимо дома Хисвина в сторону Радужного Дворца. Две лишившиеся всадников черные лошади поскакали за ней.

Фафхрд уже решил было последовать их примеру, но в этот миг с неба спланировал черный попугай и завис перед ним, хлопая крыльями. В то же самое время тощий мальчишка с фингалом под глазом дернул его за руку.

— Мышелов-Мышелов! — прокудахтал попугай. — Беда-беда! Голубая-голубая-голубая палата!

— Меня просили передать тебе то же самое, громила, — с ухмылкой просипел мальчишка.

И Фафхрд, обежав поле брани, где сражались вооруженные крысы и боевые коты — круговорот серебристых мечей и сверкающих когтей,

ледяных зеленых и пламенеющих красноватых глаз, — пустился вслед за Крешкрой, поскольку та ускакала в нужном ему направлении.

В одного из боевых котов вонзилось несколько длинных копий, но котенок сверкающей черной молнией метнулся к морде переднего из грызунов-копейщиков, и за ним — три других боевых кота.

Едва Хисвин и Хисвет приблизились на длину руки, как Серый Мышелов легко соскочил со спинки золотого ложа. Враги начали обходить его с двух сторон, и Мышелов, пробежав под ложем, оказался под низеньким столиком. Когда он пересекал короткое, не защищенное сверху пространство между одним и другим, рядом с ним в плиточный пол врезался топорик Глипкерио, а с другой стороны шмякнулись и раскатились тоненькие жезлы, которые держала в руке Элакерия. Под самой серединой стола Мышелов остановился, быстро соображая, что ему делать дальше.

Глипкерио благоразумно ретировался, оставив топорик там, где он от удара вырвался у него из руки. Однако толстенькая Элакерия поскользнулась и во весь рост неловко растянулась на полу, так что на какой-то момент Мышелов ока-

зался между ее дородным телом и топориком Глипкерио.

Еще какой-то миг стол был удобной крышей, темневшей где-то над головой Мышелова. Но в следующее мгновение Мышелов, и не думая подпрыгивать, ударился в него головой, а еще через миг каким-то образом перевернул его набок, не притрагиваясь к нему руками и очень прочно сидя на полу.

Одновременно с этим Элакерия из жирной распутницы, выпирающей повсюду из своего серого платья, превратилась в стройную нимфу, причем совершенно нагую. А топорик Глипкерио, которого касался краешком тонкий клинок Скальпеля, стал щербатым осколком металла, как будто бы его разъела невидимая кислота.

Мышелов понял, что к нему вернулся его обычный рост, как и предсказывал Шильба. Ему пришло в голову, что поскольку ничто на пустом месте само по себе не возникает, значит частички, которые Скальпель потерял, когда уменьшался в подвале, теперь были возмещены за счет стального топора, а часть своей плоти и одежды он, если можно так выразиться, позаимствовал у Элакерии. Впрочем, она только от этого выиграла, решил Мышелов.

Однако он тут же сказал себе, что сейчас не время для метафизики и морализаторства. Поднявшись на ноги, он, угрожая Скальпелем, стал наступать на своих недругов, которые, казалось, стали ниже ростом.

— Бросить оружие! — скомандовал он.

У Глипкерио, Элакерии и Фрикс оружия не было. Хисвет мгновенно выпустила из пальцев свой длинный кинжал, вероятно вспомнив, что Мышелов знает об ее умении метать этот вид оружия. Но Хисвин, кипя от ярости и отчаяния, ни за что не хотел расстаться со своим клинком. Неуловимым движением Мышелов приставил кончик Скальпеля к его тощей шее.

— Отзови с улиц своих крыс, лорд Незаметный, или ты умрешь! — заявил он.

— Не буду! — выкрикнул Хисвин, тщетно пытаясь отбить кинжалом Скальпель. Потом, немного опомнившись, добавил: — Даже если б и захотел, то не смог бы.

Мышелов, знавший по заседанию Совета, что это правда, задумался.

Элакерия, увидев, что осталась нагой, сдернула с золотого ложа легкое покрывало и завернулась в него, но тут же приоткрыла край ткани и стала любоваться своим стройным новым телом.

Фрикс продолжала улыбаться возбужденно, но вместе с тем и сдержанно, словно наблюдая за ходом пьесы из зрительного зала.

У Глипкерио, изо всех сил вцепившегося в витую колонну между освещенной свечами частью комнаты и залитым луной балконом, снова начались сильные конвульсии. Его узкое лицо между периодическими судорогами представляло собой олицетворение ужаса и нервного истощения.

Хисвет закричала:

— Мой серый возлюбленный, убей же этого старого дурака, моего отца! Убей Глипа и остальных тоже, если только не хочешь взять Фрикс себе в наложницы. А потом правь Верхним и Нижним Ланкмаром, а я тебе охотно помогу. Ты выиграл, мой миленький. Я признаю свое поражение. Я буду самой покорной из твоих рабынь и лишь надеюсь, что когда-нибудь стану любимейшей.

И столько звенящей искренности было в ее голосе, такими сладкими и нежными были ее обещания, что, несмотря на ее прежние предательства и жестокость, несмотря на убийственную холодность ее слов, Мышелов почувствовал сильное искушение послушаться Хисвет. Он смотрел на нее — лицо у нее было как у игрока, который поставил на кон все, — и тут на него

бросился Хисвин.

Мышелов отбил его кинжал и отступил на два шага, досадуя на то, что позволил себя отвлечь. Хисвин продолжал отчаянно на него наскакивать и угомонился только тогда, когда кончик Скальпеля уперся в его опухшее от брани горло.

— Сдержи обещание и покажи свою отвагу, — крикнула Хисвет Мышелову. — Убей его!

Хисвин начал осыпать бранью и ее тоже.

Впоследствии Мышелов так никогда и не мог сказать, что бы он стал делать дальше, поскольку ближайшие к нему голубые занавески раздернулись и появились Скви и Грист: оба человеческого роста, оба без масок и с обнаженными мечами в руках, оба надменные, полные ледяной решимости и грозные, — сливки крысиной аристократии.

Ни слова не говоря, Скви шагнул вперед и наставил кончик меча на Мышелова. Грист так быстро последовал его примеру, что невозможно было сказать: подражал он товарищу по оружию или действовал по собственному почину. Из-за их спин вынырнули две крысы с мечами и в зеленых мундирах и встали по бокам. А уже из-за их спин появились три копейщика, тоже человеческого роста, как и остальные; двое из

них заняли место в дальнем конце зала, а третий направился к золоченому ложу, рядом с которым стояли Хисвет и Фрикс.

Поднеся руку к тощей шее, Хисвин справился с изумлением и, указывая на дочь, повелительно прохрипел:

— Убейте ее тоже!

Приближавшийся к ложу копейщик послушно взял свое оружие на изготовку и бросился на девушку. Когда широкое волнистое лезвие оказалось рядом с Хисвет, Фрикс бросилась на копье и вцепилась руками в его древко. Наконечник копья пронесся в пальце от Хисвет, и Фрикс упала. Копейщик отдернул копье и уже занес его над лежавшей на полу Фрикс, но Скви закричал:

— Стой! Не убивать пока никого, кроме этого в сером! Вперед!

Копейщик послушно повернулся и направил оружие на Мышелова.

Фрикс поднялась с пола и стала наблюдать за развитием событий, шепнув мимоходом Хисвет:

— Это уже третий раз, дорогая госпожа.

Мышелов хотел было нырнуть с балкона вниз, но вместо этого бросился в дальний конец зала. Вероятно, это была ошибка. У находившихся там дверей располагались два копейщика, а

наступавшие Мышелову на пятки стражники с мечами не давали ему возможности увернуться от копий, убить их обладателей и выскочить в дверь. Поэтому он нырнул за массивный стол и, неожиданно развернувшись, легко ранил одного из стражников в зеленом, который выскочил вперед. Но тот отпрыгнул назад, и Мышелов оказался лицом к лицу с четырьмя крысами с мечами и двумя копейщиками — и, очень возможно, со Смертью тоже, вынужден был признать Мышелов, заметив, с какой уверенностью Скви руководит атакой. И тут началось: косой удар, прыжок, еще удар, выпад, отбив удар ногой по столу — нужно атаковать Скви, — выпад, отбив, ответный укол, защита, отход, но Скви разгадал этот маневр, поэтому: косой удар, прыжок, выпад в прыжке, снова прыжок, удар спиной о стену, выпад — нужно что-то предпринять, причем как можно скорее!

Внезапно краем глаза Мышелов увидел, как голова одной из крыс, отделившись от туловища, отлетела в сторону, и услышал радостный и очень знакомый вопль.

Это был Фафхрд: ворвавшись в зал, он обезглавил копейщика, стоявшего чуть позади, как бы в резерве, и с тыла набросился на других.

По знаку Скви две крысы с мечами и два копейщика развернулись, но последние немного замешкались со своим длинным и неуклюжим оружием. Фафхрд отрубил наконечник одного из копий, потом голову его обладателя, отбил удар второго копья, ткнул мечом в горло державшей его крысы, после чего занялся двумя стражниками с мечами, а Скви и Грист тем временем с удвоенной яростью налетели на Мышелова. Их длинные оскаленные морды со вздыбившейся щетиной и торчащими резцами, громадные глаза, метавшие черные и голубые молнии, казались такими же грозными, как и проворные их мечи; впрочем, Фафхрду тоже приходилось нелегко.

При появлении Фафхрда Глипкерио очень тихо заявил сам себе: «Нет, этого мне больше не вынести», выскочил на крыльцо, взобрался по серебряной лесенке и нырнул в люк серого веретенообразного аппарата. Своим весом сюзерен нарушил его неустойчивое равновесие, и корабль начал медленно сползать вниз по медному желобу. Высунувшись из люка, Глипкерио воскликнул уже чуть громче:

— Прощай, мир! Всего тебе хорошего, Невон! Я отправляюсь на поиски более счастливой вселенной. О Ланкмар, ты еще обо мне пожалеешь!

Восплачь, о великий город!

Серый аппарат скользил по желобу все быстрее и быстрее. Сюзерен влез внутрь и захлопнул за собой крышку люка. С тихим печальным всплеском снаряд скрылся в темных, рябых от лунных отблесков водах.

Лишь Элакерия и Фрикс, чьи глаза и уши не упускали ничего, заметили отбытие Глипкерио и услышали его прощальные слова.

Внезапно объединив усилия, Скви и Грист схватились за стол, над которым вели бой, и попытались прижать им Мышелова к стене. В самый последний момент тот вскочил на стол сверху, увернулся от выпада Скви, отбил удар Гриста и, очень удачно всадив ему Скальпель через глаз прямо в мозг, тут же вытащил меч назад и парировал очередной выпад Скви.

Скви попятился. Благодаря почти панорамному обзору, который обеспечивали ему широко расставленные голубые глаза, он увидел, что Фафхрд расправляется уже со вторым стражником, меч которого был гораздо легче, причем сам северянин получил лишь несколько легких царапин и уколов.

Скви повернулся и побежал. Мышелов спрыгнул со стола и устремился за ним. И тут примерно

посреди зала с потолка стало падать нечто огромное и голубое. Это стоявшая у стены Хисвет перерезала кинжалом шнур, на котором висела занавеска, разделявшая зал пополам. Скви, пригнувшись, успел проскочить под ней, а Мышелов влетел прямо в голубую материю и тут же отскочил назад: Скви ударил мечом сквозь занавеску и чуть было не угодил ему в горло.

Через несколько мгновений Мышелов и Фафхрд, отыскав место, где соединялись две половинки занавеса, одновременно раздвинули их кончиками мечей и приготовились отразить новый удар мечом или даже брошенный кинжал.

Но вместо этого они узрели Хисвина, Хисвет и Скви, которые, вызывающе выпрямившись, стояли у парадного ложа, но ростом были с подростков — если можно, конечно, так выразиться, говоря о крысах. Мышелов кинулся вперед, но не успел он пробежать и половины разделявшего их расстояния, как все трое стали ростом с крыс и юркнули в нору, замаскированную под одной из голубых плиток пола. Бежавший последним Скви обернулся, что-то злобно пропищал, грозно взмахнул своим игрушечным мечом и только после этого захлопнул люк у себя над головой.

Мышелов чертыхнулся, но потом расхохотал-

ся. Фафхрд последовал его примеру, не спуская, впрочем, настороженных глаз с Фрикс, которая, отнюдь не сделавшись меньше ростом, продолжала стоять позади ложа. Северянин обратил внимание и на Элакерию, которая лежала на ложе, испуганно выглядывая из-под покрывала и выставив наружу — случайно или нет, неизвестно — стройную ножку.

Продолжая хохотать, Мышелов подскочил к Фафхрду, обнял его за плечи, шутливо ткнул кулаком в грудь и осведомился:

— Откуда ты взялся, дубина? Я ведь собрался было или героически погибнуть, или прикончить в бою семерых лучших фехтовальщиков Нижнего Ланкмара! Испортил мне всю мизансцену!

Все еще не спуская глаз с Фрикс, Фафхрд любовно смазал Мышелова кулаком по подбородку и саданул локтем под ребро так, что у того заняло дух и он мгновенно прекратил смеяться.

— Трое из них были простые копейщики, — уточнил он и заворчал: — Я скачу две ночи и день вокруг Внутреннего моря, только чтобы спасти твою карликовую шкуру. И спасаю, между прочим. И в благодарность слышу, что я — всего лишь актер.

Мышелов со смешком выдохнул воздух из лег-

ких и проговорил:

— Ты даже не представляешь себе, до какой степени карликовую! Обогнул Внутреннее море, говоришь? А между тем свой выход на сцену ты рассчитал безукоризненно! Да ты величайший актер на свете! — Мышелов опустился на колени перед плиткой-люком, и в его голосе прозвучали и философичность, и насмешка, и легкая истерика: — А я вот потерял — наверное, навсегда — самую большую любовь своей жизни. — Он постучал по плитке — звук был совершенно глухой — и, приникнув к ней, ласково позвал: — Эгей! Хисвет!

Фафхрд рывком поднял друга на ноги. Фрикс подняла руку. Мышелов взглянул на нее, а Фафхрд и так все это время не спускал с девушки глаз.

— На, малыш, лови! — с улыбкой воскликнула Фрикс и бросила Мышелову черный флакон. Мышелов поймал бутылочку и вытаращил на нее глаза. — Можешь воспользоваться этим зельем, если ты такой дурак, что хочешь отыскать мою бывшую госпожу. Мне все это уже не нужно. Моя кабала в здешнем мире закончилась. Я сослужила этой дьявольской барышне все три службы. Я свободна!

Не успела Фрикс вымолвить последние слова,

как ее глаза вспыхнули, словно два светильника. Откинув назад капюшон, она вдохнула так глубоко, что, казалось, вот-вот оторвется от пола. Глаза ее устремились куда-то в бесконечность. Темные волосы поднялись на голове дыбом. В них затрещали голубоватые разряды, образовали вокруг головы девушки нечто вроде нимба и, устремившись вниз, одели ее в ярко-синий огненный плащ.

Фрикс повернулась и бросилась на балкон. Мышелов и Фафхрд — за ней. Вспыхнув нестерпимо ярким голубым светом, девушка вскричала:

— Свободна! Свободна! Свободна! Назад в Аурию! Назад в Страну Воздуха!

С этими словами она нырнула вниз. Немного не долетев до воды, Фрикс пронеслась над гребнями волн крошечной голубой кометой, взмыла в небо и стала подниматься все выше и выше, пока не превратилась в голубоватую звездочку, которая вскоре пропала из виду.

— А где эта Аурия? — поинтересовался Мышелов.

— Насколько я понял, это Страна Воздуха, — задумчиво отозвался Фафхрд.

17

В самом Ланкмаре крысы, понеся громадные потери, попрятались назад по норам и плотно закрыли за собой двери, где таковые имелись. Это случилось и на третьем этаже дома Хисвина, в комнатах с розовыми лужами, куда боевые коты прогнали последних оставшихся в живых крыс человеческого роста, которые, выпив белое снадобье, получили дополнительную плоть за счет хисвинских минголов. Теперь они нетерпеливо хватали черные флаконы, стремясь поскорее оказаться в своих подземных туннелях.

Полное поражение потерпели крысы и в южных казармах, где боевые коты со сверхъестественной яростью набросились на дверь и в конце концов ее высадили.

Выполнив свою задачу, боевые коты собрались в том же месте, куда их вызывал Фафхрд, и растворились в воздухе таким же манером, каким прежде материализовались. Несмотря на то что они потеряли в бою одного сотоварища, их было тринадцать: черный котенок растворился в воздухе вместе с ними, по-видимому как соискатель. Впоследствии среди ланкмарцев распростра-

нилась легенда относительно того, что боевые коты и белые скелеты были призваны на помощь истинными богами Ланкмара, что весьма содействовало укреплению их авторитета как существ могущественных, жутких и зловещих, несмотря даже на временное поражение, нанесенное им крысами.

По двое, по трое, по шестеро выходили ланкмарцы из своих укрытий, узнавали, что с крысиным нашествием покончено, и плакали, и молились, и радовались. Мягкосердечный Радомикс Кистомерсес Незаметный был извлечен из своего убежища в трущобах и вместе с семнадцатью кошками с триумфом препровожден в Радужный Дворец.

Глипкерио, чей свинцовый аппарат под давлением толщ воды сжался вокруг его тела и образовал как бы вторую оболочку, отлитую в точности по форме его фигуры, — премиленький вышел гробик! — продолжал погружаться в Ланкмарскую впадину, но что было ему суждено — упокоиться на твердом дне или вечно плавать между мировыми пузырями в водах вечности, — кто может это знать?

Серый Мышелов вытащил Кошачий Коготь из-за пояса у Гриста, немного удивляясь, что все

убитые крысы оставались ростом с человека. По-видимому, смерть прекращала действие любой магии.

С отвращением заметив три лужи розоватой жижи перед парадным ложем, Фафхрд стал оглядываться в поисках чего-нибудь, чем можно было бы прикрыть это безобразие. Элакерия застенчиво завернулась в покрывало. В результате северянин вытащил из угла цветной ковер, приношение какого-то герцога, и прикрыл розовые лужи.

Внезапно послышался стук копыт по каменным плиткам. В высоком сводчатом дверном проеме, занавески с которого были сорваны, появилась Крешкра верхом на коне, ведшая на поводу еще двух упырских лошадей без всадников. Стащив девушку-скелет с седла, Фафхрд пылко обнял ее на глазах у несколько потрясенных Мышелова и Элакерии, после чего сказал:

— Любимая, мне кажется, тебе лучше надеть свой черный плащ с капюшоном. Для меня твои обнаженные кости — верх красоты, но сюда идут другие, которых они могут вывести из душевного равновесия.

— Выходит, ты меня уже стыдишься? Ох уж это мне нечистое племя с его пуританской моралью

и грязными помыслами! — криво усмехнувшись, отозвалась Крешкра, но послушалась, и две радуги в ее глазницах замерцали.

Под «другими» Фафхрд имел в виду советников, солдат и всяческих родичей бывшего сюзерена, включая и добряка Радомикса Кистомерсеса Незаметного вместе с его семнадцатью кошками, которых несли на руках и гладили придворные, надеясь тем самым снискать расположение явного кандидата в новые сюзерены.

Однако не все из вновь прибывших были во дворце завсегдатаями. К примеру, стуча по плиткам копытами, в зал явилась мингольская кобылица Фафхрда, волоча на ногах перегрызенные путы. Она остановилась перед северянином и уставилась на него своими налитыми кровью глазами, словно желая сказать: «От меня не так-то просто избавиться. Почему ты обманул меня и не дал поучаствовать в заварухе?»

Крешкра потрепала мрачное животное по морде и заметила, обращаясь к Фафхрду:

— Ты очень неплохо умеешь внушать другим привязанность. Надеюсь, ты и сам не лишен этого чувства.

— Можешь не сомневаться, моя милая, — с подкупающей искренностью отозвался Фафхрд.

Среди вновь прибывших появилась и Рита, которая выглядела вкрадчиво-ублаготворенной, словно кошка, наевшаяся сметаны, или пантера, напившаяся другой, более жизненно важной жидкости. Девушка была по обыкновению обнаженной, если не считать черного кожаного пояса, трижды обмотанного вокруг ее талии. Заключив Мышелова в объятия, она радостно вскричала:

— Ты снова вырос и всех их победил!

Мышелов от объятий уклоняться не стал, но сделал намеренно недовольную мину и кисло заявил:

— А ты мне здорово помогла! Особенно когда бросила меня вместе со своим войском в самую трудную минуту. Надеюсь, хотя бы с Самандой вы разобрались?

— Еще как! — ухмыльнулась Рита самодовольно, словно насытившаяся леопардица. — Ну и скворчала же она! Смотри, кукленок, я трижды обернулась ее знаменитым поясом. Мы загнали ее в кухне в угол и повалили. Потом каждый взял по булавке из ее прически и…

— Умоляю, только без этих подробностей, — перебил девушку Мышелов. — Этой ночью я в течение девяти часов был крысой со всеми сопутствующими мерзкими ощущениями, а это

немало. Пойдем, птичка, нам нужно кое-что сделать, пока сюда не повалили толпы.

Когда через небольшой промежуток времени они вернулись, Мышелов тащил завернутый в плащ ларец, а Рита была одета в фиолетовое платье, перетянутое трижды все тем же поясом Саманды. А толпы и впрямь повалили. Радомикс Кистомерсес, уже не Незаметный, которого неофициально произвели в сюзерены, восседал с несколько ошеломленным видом на золоченом парадном ложе в форме морской раковины вместе с семнадцатью кошками и улыбающейся стройной Элакерией, завернутой в покрывало, словно это было сари.

Мышелов оттащил Фафхрда в сторонку.

— А девушка у тебя ничего, — ни к селу ни к городу заметил он, имея в виду Крешкру.

— Ага, — учтиво согласился северянин.

— Жаль, ты не видел мою, — хвастливо проговорил Мышелов. — Не Риту, а ту, сверхъестественную. Она…

— Не вздумай употребить это слово в присутствии Крешкры, — вполголоса, но твердо одернул друга Фафхрд.

— Как бы то ни было, но, если мне захочется с ней повидаться, — заговорщицки продолжал

Мышелов, — я выпью содержимое этого черного флакона и...

— А вот об этом я уж позабочусь! — решительно заявила Рита, которая незаметно подошла сзади и выхватила флакон у него из руки.

Бросив мимолетный взгляд на черную бутылочку, она с поразительной меткостью вышвырнула ее в окно, выходившее на море.

Мышелов послал ей свирепый взгляд, который, впрочем, быстро превратился в чарующую улыбку.

Распахнув черный плащ, чтобы не было слишком жарко, Крешкра подошла к Фафхрду и повелительно проговорила:

— Представь меня своим друзьям.

Между тем вокруг золоченого ложа толпа придворных, знати, советников и офицеров все густела. Всем вновь пришедшим титулы раздавались дюжинами. Хисвин и другие отсутствующие, виновные и невинные, были приговорены к пожизненной высылке с конфискацией имущества. То и дело поступали сообщения об удачной ликвидации пожаров в городе и о полном исчезновении крыс. Тут же строились планы полной ликвидации крысиной метрополии, Нижнего Ланкмара, — планы хитрые и замысловатые, но

казавшиеся Мышелову несколько оторванными от жизни. Становилось все яснее и яснее, что под эгидой праведного Радомикса Кистомерсеса в Ланкмаре в еще большей степени, чем когда бы то ни было, будут править дурацкие фантазии и бесстыдная алчность. В подобные моменты становилось понятно, почему город до такой степени раздражает истинных богов Ланкмара.

Мышелову и Фафхрду была, правда без особого рвения, выражена благодарность, хотя большинство вновь прибывших не особенно ясно представляли себе роль, сыгранную двумя героями, несмотря даже на непрерывные рассказы Элакерии о последней схватке и бегстве Глипкерио. Было понятно, что вскоре в рассеянный и безгрешный ум Радомикса будут заронены семена сомнения относительно Фафхрда и Мышелова и героические подвиги друзей незаметно превратятся в черное негодяйство.

Вместе с тем стало совершенно очевидно, что четыре боевые лошади, три упырские и одна мингольская, начинают раздражать новоявленный двор, а присутствие живого скелета просто выводит людей из себя (Крешкра продолжала разгуливать по залу в распахнутом плаще). Фафхрд и Мышелов переглянулись, посмотрели на

Крешкру и Риту и поняли, что договорились обо всем без лишних слов. Северянин взгромоздился на мингольскую кобылицу, Мышелов и Рита сели на свободных упырских лошадей, и все четверо покинули Радужный Дворец без лишнего шума — разумеется, насколько это было возможно, когда подкованные копыта стучат по каменным плиткам.

В скором времени в Ланкмаре появилась легенда относительно Серого Мышелова и Фафхрда, которая гласила, будто они в виде карлика, ростом с крысу, и гиганта, ростом с колокольню, спасли Ланкмар от крыс ценой условия, что в загробное царство их препроводит посланец самой Смерти; очевидцы почему-то решили, будто скелет в черном плаще — мужчина, что, безусловно, крайне раздражило бы Крешкру.

Впрочем, на следующее утро, когда звезды уже начали меркнуть, все четверо скакали навстречу розоватому восходу по насыпной дороге через Великую Соленую топь и были вполне веселы, каждый на свой лад. Прихватив где-то трех ослов, они погрузили на них ларец с драгоценностями, который Мышелов забрал из спальни Глипкерио, а также еду и питье для долгого путешествия, хотя еще не решили, куда именно они направля-

ются. Фафхрд стоял за поездку в свои любимые Стылые пустоши с долгой остановкой в городе Упырей. Мышелов же горел желанием вновь посетить Восточные земли, лукаво убеждая Риту, что лучшего места для приема солнечных ванн в обнаженном виде просто не сыскать.

Для пущего удобства высоко подоткнув свое фиолетовое платье, Рита согласно закивала.

— От одежды все чешется, — пожаловалась она. — Так и хочется снова раздеться. Мне нравится ездить верхом с голой спиной — я имею в виду свою спину, а не лошадиную. А волосы начинают отрастать и тоже ужасно чешутся. Тебе придется каждый день меня брить, миленький, — добавила она, обращаясь к Мышелову.

Тот согласился взять на себя эту обязанность, но добавил:

— Я не могу полностью разделить твое мнение, радость моя. Одежда защищает от царапин и пыли и, главное, придает человеку известное величие.

— По-моему, в обнаженном теле величия гораздо больше, — строптиво возразила Рита.

— Фи, моя милочка! — заметила на это Крешкра. — Что может сравниться с величием обнаженного скелета? — Она взглянула на рыжую бо-

роду Фафхрда, потом на тоже рыжую, густейшую поросль у него на груди и добавила: — Впрочем, в волосах тоже что-то есть.

Мечи и ледовая магия

Краткое содержание

1. ПЕЧАЛЬ ПАЛАЧА

Танец смерти, как он выглядит с точки зрения его хореографа. Он измышляет свои собственные нравственные законы и находит удовлетворение в поисках знания. О меланхолии, безумии и прочих настроениях и прочих мистериях. О преимуществах раннего подъема и позднего отхода ко сну. О практичном убийстве и целесообразном, но не лишенном жестокости изнасиловании. О находчивости. О вознаграждении мастерства и непрерывных тренировок. О том, что каждый удар сердца, как и удар похоронного колокола, несет в себе частицу вечности.

2. КРАСАВИЦА И ЧУДОВИЩА

Еще одна попытка владыки Царства Теней. О двойственной природе некой женщины и о двойной дуэли. О смерти без трупов.

3. ЛОВУШКА ЦАРСТВА ТЕНЕЙ

О невыносимой жаре, пересохшем полотне жизни и заманчиво темном, влажном ландшафте в противоположность им. О том, как карта может стать реальной территорией. О географической ворожбе. Об иглах и мечах. Об ускользнувших возлюбленных и страстном преследовании.

4. ПРИМАНКА

Смерть использует древнейшую из своих уловок. Ее основные компоненты — женщины и демоны. Побратимы вполне удовлетворены.

5. ПОД ПЯТОЙ БОГОВ

Об отъявленной самонадеянности и необъятном тщеславии героев. Об озорстве богов. Об их проблемах. О бесконечном разнообразии и педагогической жестокости женщин. О пышной процессии потерянных возлюбленных или, скорее, занятых нынче другими делами. О пресыщении нелепыми приключениями. О том, как утешение было получено там, где его меньше всего ждали.

6. ЛОВУШКА МОРЯ ЗВЕЗД

Здесь раскрываются тайны блуждающих огоньков и географии Невона в его южной части. О пленении Великим Экваториальным океаном. О том, как Мышелов становится настоящим философом: различает два вида света и энергии, разъясняет доктрину предустановленной гармонии, распознает подлинное содержание водяных смерчей, рассуждает о сабле Илдрика. Софизмы девушек. О фугообразной буре. О Великой Тьме.

7. ЛЕДЯНЫЕ МОНСТРЫ

Прелюдия — в таверне и в море. Прославленные острова и золото — не фантазия. Испытание предводителей и беды последователей. Сверхъестественная интрига. Ледовая магия.

8. ЛЬДИСТЫЙ ОСТРОВ

Трагикомедия о блуждающих богах и беспокойных смертных. Импровизации кукловодов, а заодно и кукол — кто есть кто? Схожесть богов и детей и подобие мужчин и женщин. Монстры морские, земные, воздушные и огненные. Лем-

минги и тролли. Рыбный обед в Соленой Гавани.

Печаль палача

Там было небо, вечно серое.
Там был край, вечно далекий.
Там было существо, вечно печальное.

Там, в самом сердце Царства Теней, в своем невысоком, нелепо построенном замке на скромном, покрытом темными тканями троне, в кольчуге, перехваченной черным, украшенным серебряными, уже почти почерневшими черепами ремнем, с которого свисал его обнаженный непреоборимый меч, восседал Смерть; он покачал анемичной головой, легонько потер молочно-белые виски и чуть изогнул свои губы цвета темного винограда, подернутого сизой дымкой.

Рыцарь был Смертью на вторых ролях — всего лишь Смерть мира Невона, но и у него хватало проблем. Дважды десять десятков угасающих либо цветущих человеческих жизней должны были оборваться за следующие двадцать ударов его сердца. Каждое биение сердца Смерти подобно удару подземного свинцового колокола, но и он угасает, хотя несет в себе частицу вечности.

Теперь осталось лишь девятнадцать ударов. А Владык Неизбежности, властвовавших над Смертью, следовало удовлетворить.

Итак, прикинем, думал Смерть с тем непоколебимым спокойствием, в каком обычно таится едва заметная капелька страсти: требуются сто шестьдесят крестьян и рабов, двадцать кочевников, десять воинов, два вора, шлюха, купец, священник, аристократ, ремесленник, король и два героя. Тогда в его учетных книгах все сойдется.

За последующие три удара сердца он отобрал сотню и еще девяносто шесть потенциальных смертников из необходимого ему количества и послал им своих невидимых губителей — ядовитых тварей, которые иной раз сбивались в непобедимые скопища, наподобие сгустков крови, и свободно скользили по венам жертв, блокируя главные пути движения крови, проедая насквозь стенки артерий; порой они обращались в слизь, невесть как очутившуюся под ногой карабкавшегося на гору альпиниста, а то и подталкивали гадюку, заставляя ее наброситься на кого-то, либо использовали ядовитого паука.

Смерть, следовавший своему собственному кодексу чести, известному лишь ему самому,

несколько заколебался при выборе короля. Дело в том, что где-то в самых потаенных и самых темных закоулках его сознания таилось очень личное желание вынести приговор нынешнему правителю Ланкмара, наиглавнейшего города всего мира Невона. Этот сюзерен, великодушный и мягкосердечный ученый, который по-настоящему любил лишь семнадцать своих кошек, тем не менее при этом желал, чтобы все в Невоне были здоровы, и вечно мешал Смерти работать, даруя прощение преступникам, примиряя сцепившихся братьев и враждующие семьи, посылая баржи и обозы зерна голодающим, спасая гибнущих животных, кормя голубей, поощряя развитие медицины и родственных ей областей знания, да и просто создавая вокруг себя, подобно прохладному фонтану в жаркий день, ту атмосферу уверенности и спокойной мудрости, в которой мечи не желали вылезать из ножен, нахмуренные лбы разглаживались, стиснутые зубы разжимались. Но именно сейчас, в это самое мгновение, словно повинуясь темному замыслу Смерти (хотя сама идея была и не его), тонкие руки милостивого монарха Ланкмара невинно играли с любимой кошкой, чьи когти завистливый тонконосый племянник короля предыдущей

ночью смазал смертельным ядом редкой змеи из тропического Клеша.

И теперь, когда оставалось подобрать еще четверых, и главное — двух героев, Смерть, все же невольно чувствуя себя виноватым, решил действовать исключительно по наитию. И в то же мгновение перед его мысленным взором предстал Литкил, полоумный герцог Уул-Хруспа, при свете факелов наблюдавший с высокого балкона, как трое северных берсерков, вооруженные кривыми саблями с иззубренными лезвиями, бьются насмерть с четырьмя упырями (прозрачная плоть на розовых скелетах), вооруженными кинжалами и боевыми топорами. Это был один из тех мрачных экспериментов, какие Литкилу никогда не надоедало ставить; он наблюдал за действием вплоть до окончания бойни, и так уж вышло, что именно из-за него погибла большая часть воинов, из числа тех, кого Смерти требовалось уничтожить.

Лишь на самую краткую долю мгновения Смерть усомнился в разумности своего выбора, припомнив, как верно служил ему Литкил в течение многих лет. Но даже лучшие из слуг должны однажды уйти в отставку, к тому же Смерть никогда не слыхал о том, чтобы в каком-то из

миров, и уж тем более не в Невоне, когда-либо испытывали недостаток в добровольных палачах, притом искренне преданных убийству, на диво неутомимых и обладающих неистощимым воображением. А потому, как только виде́ние Литкила возникло перед Смертью, он сосредоточился на герцоге, и сразу же один из упырей поднял прозрачные невидимые глаза и повернулся — так что черные глазницы, обрамленные розовыми костями черепа, уставились на Литкила, — и, прежде чем двое стражей, стоявшие по обе стороны полоумного герцога, успели сообразить, что надо бы поднять тяжелые щиты и прикрыть хозяина, боевой топор упыря, мелькнув в воздухе короткой рукояткой, угодил точно в узкую прорезь шлема и врезался в лоб и нос Литкила.

И не успел еще Литкил осесть на пол, а кто-либо из окружавших его людей выхватить из колчана стрелу или как-то еще попытаться отомстить ассасину, не успела обнаженная рабыня, которую вечно обещали в качестве приза оставшемуся в живых гладиатору (но которая почти никогда никому не доставалась), разинуть рот и пронзительно завизжать, магический взгляд Смерти уже остановился на Горбориксе, городе-крепости Царя Царей. Но не на палатах Великого Золотого

Дворца (хотя Смерть и заглянул туда мельком), а на каморке в грязной мастерской, где очень старый человек с убогого жесткого ложа смотрел на окно, искренне желая, чтобы холодный дневной свет, сочившийся сквозь окно и щели в стенах, никогда больше не тревожил пауков, создавших плетеные арки и контрфорсы над его головой.

Этот старец, носивший имя Горекс, был наискуснейшим в Горбориксе, а возможно, и во всем Невоне, мастером по драгоценным металлам, а также изобретателем хитроумных механизмов, но в последние двенадцать тоскливых месяцев — после того, как его старшая правнучка Иисафем, последняя из оставшихся в живых родственников мастера и его самая одаренная ученица, стройная, красивая, едва достигшая брачного возраста девушка с миндалевидными проницательными глазами, была насильно увезена в гарем Царя Царей, — он потерял интерес к работе, да и вообще к жизни. Горн мастера был теперь холоден как лед, его инструменты покрылись пылью, а сам он погрузился в глубокую печаль.

По сути, он настолько ушел в свое горе, что Смерть почти ничего не добавил к той черной горечи, что медленно и тоскливо струилась по усталым венам Горекса, он мгновенно и безбо-

лезненно угас, как бы растворившись в густых сетях паутины.

Итак, с аристократом и ремесленником было покончено менее чем за два щелчка длинных, тонких, отливающих жемчугом пальцев Смерти (большого и среднего), и теперь следовало выбрать только двух героев.

В запасе были еще двенадцать ударов сердца.

Смерть остро чувствовал, что из соображений высшего артистизма уход героев со сцены жизни следует обставить в духе мелодрамы, лишь одному из дважды пятидесяти позволительно скончаться просто от старости, в собственной постели, во сне, — ну, просто чтобы другим было над чем посмеяться. Потребность Смерти в правильном подходе к делу была так сильна, что допускалось (в соответствии с правилами, установленными им для себя самого) использование самой банальной магии и даже не требовалась маскировка под реализм, необходимый в рядовых случаях. И потому в течение двух полных биений сердца Смерть прислушивался лишь к слабому кипению в самых глубинах своего холодного ума, снова принявшись массировать виски перламутровыми костяшками пальцев. Его мысли метнулись сначала к Фафхрду, весьма изыскан-

ному и романтичному варвару, чьи здоровенные ноги и разум никогда не бывали вполне тверды, поскольку варвар чаще всего либо страдал от похмелья, либо просто был пьян в стельку, потом к его вечному спутнику Серому Мышелову, который, возможно, был самым изощренным и остроумным вором в Невоне и, конечно же, единственным, обладавшим неподражаемым самомнением — то ли крайне болезненным, то ли, напротив, свидетельствовавшим о несокрушимом здоровье.

И тут уже Смерть испытал сомнение отнюдь не мимолетное, как в случае с Литкилом, — нет, на этот раз оно было глубже и сильнее. Фафхрд и Мышелов служили ему хорошо, проявляя куда большую изобретательность, нежели полоумный герцог, чьи глаза жаждали зрелища смерти как таковой, вследствие чего для него вполне приемлема была примитивная пересылка на тот свет с помощью топора. Да, огромный бездельник-северянин и маленький, криво ухмыляющийся карманник с высоко поднятыми бровями в некоторых из наиболее удачных партий, разыгранных Смертью, были самыми полезными пешками.

Но в ходе большой игры все пешки без исключения должны быть постепенно убраны с доски и

уложены в ящик, даже если они сумели продвинуться достаточно далеко и стали королем или королевой. Поэтому Смерть напомнил себе, что, возможно, и ему самому придется когда-нибудь умереть, а потому он принял это безжалостное решение быстрее, чем возвращается на землю взлетевшая в воздух стрела или ракета или даже падает звезда.

Бросив мимолетный взгляд на юго-восток, на огромный, освещенный закатными лучами город Ланкмар, чтобы убедиться в том, что Фафхрд и Мышелов все еще занимают жалкую комнатушку на верхнем этаже гостиницы, смотревшей окнами на стену рядом с Главной заставой и служившей приютом самым бедным торговцам, Смерть вновь обратил свое внимание на загон для рабов на дворе Литкила. В своих импровизациях он нередко пользовался тем материалом, который оказывался прямо под рукой, как это делают все талантливые художники.

Литкил все еще находился в процессе падения. Рабыня визжала. Самый здоровенный из берсерков, с лицом, искаженным неистовством битвы, готовый сражаться до полного истощения, как раз снес обтянутый невидимой плотью розовый череп одного из ассасинов Литкила. И неспра-

ведливо, и по-идиотски запоздало — но ведь и по большей части даже самые незамысловатые проклятия Смерти срабатывали именно таким образом — полдюжины стрел летели с галереи к убийце Литкила, пешке Смерти.

Хватило одного магического вздоха Смерти — и берсерк исчез. Десяток стрел пронзили воздух, но к этому времени Смерть, в целях экономии материалов, уже снова всматривался в Горборикс, его внимание привлекла одна из комнат гарема Царя Царей — довольно просторное помещение с высоким зарешеченным окном. Как ни странно, но в этой комнате стояли небольшой горн, емкость с водой для закаливания металла, две маленькие наковальни, нетрудно было различить несколько молотков разных размеров и множество других инструментов, необходимых для работы с металлом, а также и некоторое количество драгоценных и обычных металлов.

В центре комнаты, пристально разглядывая себя в тщательно отполированном серебряном зеркале, стояла девушка с миндалевидными глазами, взгляд которых был острым, как игла, и в то же время безумным, как взгляд берсерка; девушка была на диво стройна, и ей было не больше шестнадцати лет, она была совершенно

нагой, если не считать четырех серебряных филигранных украшений. Можно даже сказать, что речь идет о предельной степени обнаженности, поскольку все волосы на ее теле до последнего были выщипаны, за исключением ресниц, и на тех местах, где им полагалось бы расти, тело девушки украшала затейливая зеленая и синяя татуировка.

Уже семь лун Иисафем томилась в одиночном заключении за то, что в драке изуродовала физиономии любимых младших наложниц Царя Царей, илтхмарских двойняшек. Впрочем, втайне Царь Царей вовсе не был так уж огорчен этим инцидентом. По правде говоря, царапины на лицах его любимиц, придав некоторую пикантность, сделали наложниц даже еще более привлекательными для него. Однако в гареме следовало поддерживать дисциплину, а соответственно, Иисафем отправили в одиночку, предварительно выщипав все ее волосы — тщательно, по одному, и разукрасив ее татуировкой.

Царь Царей был весьма хозяйственным и в отличие от многих монархов рассчитывал, что его жены и наложницы будут заниматься какими-нибудь полезными делами, вместо того чтобы бесконечно лениться, принимать ванны,

сплетничать и скандалить друг с другом. Поэтому Иисафем было позволено взять с собой в заточение инструменты и металлы, поскольку именно этому делу она была обучена лучше всего и именно так могла принести прибыль своему господину.

Она упорно трудилась, и из ее рук вышло много прекрасных драгоценных изделий, однако молодой ум Иисафем то и дело отвлекался от работы и обращался к событиям двенадцати лун, проведенных в гареме — семь из них прошли в одиночном заключении, — и к тому странному обстоятельству, что Царь Царей, навестив ее здесь однажды — то ли из любви, то ли по какой-то другой причине, — даже не вспомнил о тех чудесных металлических безделушках, которые она изготовляла для него. Никто не навещал ее, если не считать евнухов, посвящавших девушку в тайны искусства любви, а также подававших советы относительно изготовляемых ею драгоценностей, на которые Иисафем не обращала ни малейшего внимания, считая их пустой болтовней, а сама тем временем обсмеивала их маленькие и пухлые физиономии, напоминавшие рыжих рысей, и даже плевала в них при каждом удобном случае.

Теперь же эту творческую натуру, истерзанную

как безумной ревностью, так и мучительным желанием свободы, занимало другое.

Исследуя свое отражение в зеркале, Иисафем внимательно изучила все четыре украшения на своем худощавом, но сильном и упругом теле: две серебряные нагрудные чаши и два наголенника, все изукрашенное филигранью, чудесно сочетавшейся с зеленой и синей татуировкой.

На какой-то момент взгляд девушки отвлекся от ее лица, отражавшегося в зеркале, и, скользнув мимо теперь лишенной волос головы, но зато фантастически разрисованной, упал на серебряную клетку, в которой сидел на жердочке сине-зеленый попугай с таким же, как у нее самой, злобным ледяным взглядом — он служил ей постоянным напоминанием о заточении. Но девушка тут же снова принялась изучать свои украшения.

Они были необычными: на филигранных чашах, прикрывавших ее грудь, вокруг сосков имелись выступы с короткими остриями на концах, а наголенники украшали эбонитовые вертикально расположенные ромбы величиной с мужской большой палец.

Эти детали декора не бросались в глаза, поскольку острия на чашах были окрашены в

зеленовато-синий цвет, в тон татуировке.

Итак, Иисафем пристально рассматривала себя с коварной улыбкой на устах. И Смерть пристально глянул на девушку с такой же коварной улыбкой, в которой угадывалось одобрение, правда более бесстрастное, чем у любого евнуха. А потом девушка в одно мгновение исчезла из своего узилища. И прежде чем сине-зеленый попугай успел вскрикнуть от изумления, глаза и уши Смерти уже внимали другой картине.

Осталось лишь семь ударов сердца.

Смерть не забывал о том, что в мире Невона вполне могли существовать боги, о которых даже он не имел представления и которые время от времени развлекались тем, что воздвигали препоны на его пути. Или же могла вмешаться случайность, обладавшая силой не меньшей, нежели необходимость. Так или иначе именно этим утром Фафхрд-северянин, обычно дрыхнувший до полудня, проснулся с первым, еще тусклым, серебристым проблеском рассвета, взял свой любимый меч Серый Прутик, обнаженный, как и он сам, и выбрался из своей убогой комнатушки на верхнем этаже на крышу, где принялся отрабатывать удары, энергично топая босыми ногами, и издавая воинственные вопли, и ничуть

не заботясь о том, что перебудил спавших внизу усталых купцов, которые тут же принялись стонать, ругаться или проклинать эту ужасную жизнь. Поначалу Фафхрда познабливало из-за холодного, несущего запах рыбы утреннего тумана, тянувшегося с Великой Соленой топи, но вскоре от своих упражнений он уже обливался потом, делая выпады и парируя удары невидимых противников, а его движения, поначалу несколько ленивые, с каждой секундой становились все стремительнее и энергичнее.

Но если не считать шума, производимого Фафхрдом, утро в Ланкмаре началось довольно тихо. Колокола еще не начали свой трезвон, да и громкоголосые гонги, возвещавшие о передвижениях по городу его доброго правителя, помалкивали, и никто еще не начал рассказывать новости о семнадцати кошках сюзерена, пойманных в сети и заключенных в тюрьму, где они в отдельных клетках ожидали судебного разбирательства.

Случилось также, что именно в этот день и Серый Мышелов проснулся до рассвета, который обычно заставал его крепко спящим. Он устроился в уголке убогого гостиничного номера на груде подушек, перед низким столом, водрузив подбородок на сложенные руки, и его серая

хламида легла вокруг него волнами. Время от времени Мышелов делал глоток кислого вина, а мысли его были еще кислее, и думал он о зле и о недостойных доверия людях, с которыми ему доводилось встречаться в течение его на удивление запутанной жизни. Он совершенно не обратил внимания на уход Фафхрда и даже не слышал мощных прыжков друга, но чем старательнее он призывал сон, тем дальше тот убегал от него.

Берсерк с пеной у рта и красными глазами внезапно материализовался перед Фафхрдом — как раз в тот момент, когда последний встал в третью позицию, держа меч перед собой, внизу, немного справа, чтобы нанести удар вверх. Фафхрд изумился возникшему видению, которое, ничуть не смутившись, тут же взмахнуло саблей с зазубренным лезвием и попыталось нанести мощный удар по шее северянина, — а сабля эта показалась Фафхрду чем-то вроде множества острых кинжалов, нанизанных на одну ось и обагренных свежей кровью, — так что, само собой, Фафхрд, защищаясь, автоматически принял четвертую позицию, и в результате сабля берсерка была отбита, издав при столкновении с мечом северянина такой же звук, как железный прут, если им провести по прутьям металлической решетки.

Тут к северянину вернулась способность рассуждать здраво, и, прежде чем берсерк собрался с силами для следующего удара, острие Серого Прутика описало быстрый аккуратный круг, метнулось вперед, к запястью берсерка, — и в результате и оружие, и рука напавшего улетели далеко в сторону. Фафхрд понимал, что лучше сначала обезоружить — или обезручить? — такого бешеного противника, а уж потом протыкать его сердце, что он и сделал.

В то же самое время и Мышелов испытал в равной степени невероятное изумление, поскольку его размышления были прерваны совершенно ничем не объяснимым появлением Иисафем в центре комнаты. Казалось, будто одна из его наиболее буйных сексуальных фантазий внезапно материализовалась. Он лишь вытаращил глаза, когда девушка с улыбкой шагнула к нему и опустилась на колени, глядя прямо ему в лицо, а потом опустила руки и с такой силой прижала их к своим бокам, что филигранный обруч, поддерживавший чашечки на ее груди, чуть изогнулся. Глаза Иисафем полыхнули зловещей зеленью.

Что спасло Мышелова, так это его извечная и очень глубокая антипатия к любому острому предмету, направленному на него, будь это

просто тонюсенькие иглы или игриво грозящие ему острия в навершиях нагрудных серебряных чаш, скрывающих, без сомнения, великолепную плоть. Он откатился в сторону как раз в тот момент, когда со звуком «зингз!» маленькие, но мощные пружины высвободили отравленные стрелки, так что те со свистом пронеслись через комнату и вонзились в стену как раз над тем местом, где только что сидел Мышелов.

В следующую секунду Мышелов уже был на ногах и метнулся к девушке. То ли рассудок, то ли интуиция обратила его внимание на два черных ромба в верхней части серебряных наголенников девушки. Оттолкнув руку Иисафем, он успел дотянуться до наголенников первым, выдернул из них два тонких стилета с черными рукоятками и отшвырнул их за неприбранную постель Фафхрда.

Затем, осуществив захват ног девушки своими ногами так, чтобы она не смогла ударить его в пах, и прижав ее шипящую, плюющуюся голову локтем левой руки к собственному уху (после того, как тщетно попытался ухватить ее за волосы), а также изловив правой обе ее снабженные острейшими ногтями руки, он приступил к процессу поневоле довольно грубого насилования

красотки. Когда он вонзился в нее, она затихла. Ее груди оказались на поверку очень маленькими, но тем не менее весьма аппетитными.

Фафхрд, вернувшийся с крыши несколько озадаченным, разинул рот при виде этого зрелища. Как этот чертов Мышелов сумел затащить сюда эту славную штучку? Ну впрочем, это не его дело. Пробормотав: «О, извини... продолжай, продолжай...» — он попятился назад и захлопнул дверь, пытаясь сообразить, как ему избавиться от трупа берсерка. Впрочем, ему удалось это сделать без особого труда, сбросив тело с высоты четырех этажей на огромную кучу мусора, почти полностью перегородившую улицу Призраков. Затем Фафхрд поднял саблю с зазубренным лезвием, с трудом разомкнул крепко сжимавшие ее пальцы отсеченной кисти и швырнул руку вслед за телом. После этого он, нахмурившись, принялся рассматривать окрашенное красным лезвие, которое намеревался сохранить в качестве сувенира, и гадал, чья это может быть кровь.

(Вряд ли можно было легко и просто решить, как поступить с Иисафем. Но тут достаточно будет сказать, что со временем она в значительной степени избавилась от своего безумия и некоторой доли ненависти к человеческому роду,

научилась бегло говорить по-ланкмарски и закончила жизнь вполне счастливо, обзаведясь собственной крохотной мастерской в Медном Дворе, рядом с Серебряной улицей, и там изготавливала великолепные украшения, а заодно продавала из-под прилавка такие милые штучки, как, например, лучшие во всем Невоне перстни с тайниками для яда.)

Тем временем Смерть, для которого время текло несколько иначе, нежели для людей, осознал, что у него осталось лишь два удара сердца, в течение которых он должен завершить работу. Глядя на двух героев, испортивших его блестящую импровизацию, он почувствовал легчайшую дрожь возбуждения, а затем у него возникла мысль о том, что во вселенной могут существовать силы, неизвестные ему и даже более неуловимые, чем можно вообразить, но тут же почувствовал несколько ироничное отвращение, поскольку стало ясно, что для артистизма и поиска окольных путей уже не остается времени и что придется лично приложить руку к делу… а это было ему крайне неприятно, поскольку появление джинна из бутылки всегда коробило его как самый дурной из литературных — или жизненных — приемов.

Следовало ли ему прикончить Фафхрда и Мышелова сейчас, самому? Нет, они каким-то образом перехитрили его, а потому по всем законам правосудия (если таковые вообще существовали) им следовало на некоторое время дать отсрочку. Кроме того, в данных обстоятельствах его действия были бы окрашены едва ли не гневом или, по крайней мере, чувством обиды. А Смерть, на свой манер и вопреки тому, что время от времени позволял себе слегка смошенничать, все-таки был рыцарем.

Поэтому, подавив легкий вздох, Смерть перенесся в караульное помещение королевской стражи в Великом Золотом Дворце в Горбориксе и там двумя невообразимо стремительными и безжалостными ударами, нанесенными практически одновременно, лишил жизни двух знатных и безупречных героев, которых до этого момента почти не замечал, но которые, однако, запечатлелись в его безграничной и непогрешимой памяти, — двух братьев, поклявшихся вечно блюсти невинность, а также спасать от беды по крайней мере одну прекрасную даму в месяц. И вот теперь они освободились от тяжких обязательств, и Смерть, окончательно опечалившись, вернулся на свой невысокий трон в своем скром-

ном замке в Царстве Теней, чтобы дожидаться следующего боевого задания.

Сердце Смерти ударило в двадцатый раз.

Красавица и чудовища

Она была, без сомнения, самой красивой девушкой в Ланкмаре или даже в Невоне, а то и во всех мирах. Поэтому, естественно, Фафхрд, рыжеволосый северянин, и Серый Мышелов, этот смуглый уроженец юга с кошачьей физиономией, последовали за ней.

Ее звали, что казалось очень странным, Сления Аккиба Магус, и она была самой обворожительной брюнеткой всех времен, а также, что и вовсе удивительно, самой очаровательной блондинкой. Они знали, что девушку зовут Сления Аккиба Магус, потому что кто-то выкрикнул ее имя, когда она промелькнула впереди, неподалеку от них, по улице Фальшивок, что шла параллельно Золотой улице, и приостановилась на мгновение-другое, как это бывает с людьми, неожиданно услышавшими, как их окликают, — а потом поспешила дальше, даже не посмотрев по сторонам.

Они так и не поняли, кто ее позвал. Похоже, кто-то с крыши. Они заглянули в Цехинный Двор, проходя мимо него, — но он был пуст. Пуст был и Золотой Двор Дураков.

Сления была на два дюйма выше Серого Мыше-

лова и на десять — ниже Фафхрда, а это самый подходящий рост для девушки.

— Она моя, — с полной уверенностью шепнул Серый Мышелов.

— Нет, она моя, — откликнулся Фафхрд с убийственной небрежностью.

— Мы могли бы поделить ее, — рассудительно прошептал Мышелов.

В этом предположении заключалась некая безумная логика, поскольку, хотя это и могло показаться забавным, девушка была совершенно черной с правой стороны и совершенно белой — с левой. Линия раздела отчетливо просматривалась со спины, поскольку платье бежевого шелка на красотке было чрезвычайно тонким, а два цвета окрашивали ее тело, начиная от ягодиц.

Со светлой стороны волосы на голове девушки были белокурыми. С черной стороны она выглядела брюнеткой.

И как раз в это мгновение эбонитово-черный воин с бронзовой турецкой саблей в руке, возникший как бы из ниоткуда, напал на Фафхрда.

Мгновенно выхватив свой Серый Прутик, Фафхрд подставил его под удар под прямым углом, и бронзовые обломки сабли полетели в разные стороны. Фафхрд, бешено вращая запястьем, за-

ставил Серый Прутик описать несколько кругов, а потом лихо снес голову врага.

Одновременно и Мышелов вдруг очутился лицом к лицу со снежно-белым воином, также невесть откуда взявшимся и вооруженным стальной шпагой с серебряным эфесом. Мышелов взмахнул мечом Скальпелем, отбил сталь противника и проткнул его сердце.

Друзья поздравили друг друга с победой.

Потом они огляделись по сторонам. Если не считать трупов, улица Фальшивок была пуста.

Сления Аккиба Магус исчезла.

Побратимы размышляли над этим в течение пяти ударов сердца и двух вздохов. Потом лоб Фафхрда разгладился, а глаза расширились.

— Мышелов, — сказал он, — девушка превратилась в двух злодеев! Этим все объясняется. Они точно так же, как и она, выскочили из ниоткуда.

— Ты хочешь сказать — откуда-то, — прицепился к слову Мышелов. — Это уж слишком экзотичный способ размножения или, скорее, расщепления.

— Да еще и с изменением пола, — добавил Фафхрд. — Может, если мы хорошенько осмотрим тела…

И тут они обнаружили, что теперь улица Фаль-

шивок опустела окончательно. Оба продукта расщепления исчезли. Даже отсеченная голова, которая откатилась под стену, пропала.

— Отличный способ избавляться от трупов, — одобрительно произнес Фафхрд.

Его слух уловил топот ног и звон оружия приближавшейся стражи.

— Ну, они могли бы и задержаться чуть-чуть, тогда мы успели бы заглянуть в их карманы и за подкладки одежды, вдруг там нашлись бы какие-нибудь драгоценности или золотишко? — пробормотал Мышелов.

— Но что все это означает? — озадаченно спросил Фафхрд. — Черно-белую магию или…

— Какой смысл лепить кирпичи, если у тебя нет соломы? — перебил его Мышелов. — Пойдем-ка лучше в «Золотую миногу» да выпьем за девчонку, она-то уж точно была диво как хороша.

— Согласен, — кивнул Фафхрд. — И мы выпьем за нее примерно поровну самого темного эля и самого светлого шипучего вина, какое только есть в Илтхмаре.

Ловушка Царства Теней

Фафхрд и Серый Мышелов просто умирали от жажды. Их кони пали от обезвоживания у последнего колодца, до которого им удалось добрести и который оказался пустым. Даже содержимое мехов, пополнившееся за счет влаги, выделяемой их собственными телами, не помогло удержать жизнь в драгоценных бессловесных тварях. Как всем известно, одни только верблюды способны нести человека более одного-двух дней через невероятно жаркие, тоскливые пустыни мира Невона.

Друзья тащились на юго-запад под слепящим солнцем, через обжигающие пески. Но, несмотря на то что положение их было отчаянным, а умы и тела объяты лихорадкой, они умудрялись держаться правильного курса. Если взять слишком к югу — они попадут в жестокие руки императора Восточных земель, который, конечно же, не откажет себе в удовольствии хорошенько помучить их, прежде чем убить. Если повернуть на восток — они столкнутся с безжалостными степными минголами и прочими ужасами. На западе и северо-западе их тоже подстерегали опасности.

А на севере и северо-востоке лежало Царство Теней, обитель самого Смерти. Уж настолько-то они знали географию Невона.

А Смерть в это время едва заметно усмехался в своем невысоком замке в самом сердце Царства Теней, будучи уверен, что наконец-то он наложит на двух увертливых приятелей свою костлявую руку. Много лет назад они набрались наглости и заявились в его владения, чтобы навестить своих первых возлюбленных, Иврианy и Влану, и даже стащили из замка самого Смерти его любимую маску. Теперь им придется заплатить за свое безрассудство.

Смерть имел наружность высокого, интересного молодого человека, хотя и отличался почти мертвенной бледностью и заметным свечением кожи. Сейчас он отмечал что-то звездочками на большой карте Царства Теней и его окрестностей, прилегающих к темной стене, ограждавшей его мир. На этой карте Фафхрд и Мышелов были представлены как сверкающие пятнышки, наподобие блуждающих звезд или жуков-светляков, и находились они к югу от Царства Теней.

Смерть чуть изогнул в улыбке тонкие губы и начертил кончиками костлявых пальцев крошечную кабалистическую закорючку, так как

решил прочитать короткое, но сложное заклинание.

Едва заклинание было дочитано, как он одобрительно кивнул, видя, что на карте южная оконечность Царства Теней заметно вытянулась в сторону ослепительных точек, изображавших его жертв.

Фафхрд и Мышелов теперь с трудом продвигались на юг, оступаясь и пошатываясь, их головы и ноги были объяты пламенем, по лицам стекали капли пота, что окончательно лишало драгоценной влаги их организмы. Незадолго до описываемых событий неподалеку от моря Монстров и Города Духов они искали своих потерявшихся подруг: Риту — Мышелова и Крешкру — Фафхрда, — и хоть последняя и сама являлась духом и ее плоть и кровь были невидимы, благодаря чему рассмотреть удавалось только розовые кости скелета, а Рита предпочитала всегда ходить обнаженной и выбритой от макушки головы до кончиков пальцев на ногах, все это не мешало девушкам быть чертовски привлекательными.

Однако Фафхрд и Мышелов нашли там лишь полчища свирепых безумных духов, сидевших на скелетах-лошадях, и теперь эти духи преследовали их то ли с целью просто убить, то ли для

того, чтобы уморить жаждой в пустыне, а может, и затем, чтобы бросить в пыточную темницу Царя Царей.

Наступил полдень, жара достигла наивысшей точки. И в этом палящем зное левая рука Фафхрда вдруг нащупала прохладную изгородь примерно в два фута высотой, поначалу невидимую, но потом проявившуюся.

— Мы можем спрятаться в тени, — сказал Фафхрд надтреснутым голосом.

Они стремительно перебрались через ограду и в полном блаженстве свалились на темную траву, короткую и густую, над которой клубился едва заметный туман. И проспали почти десять часов.

Смерть, сидя в своем замке, позволил себе тонкую усмешку, когда на его карте двинувшийся на юг язык границы Царства Теней коснулся сверкающих искр и пригасил их.

Самая яркая звезда неба Невона, Астарион, уже поднималась с восточной стороны небосклона, предвещая восход луны, когда двое искателей приключений пробудились, весьма освеженные длительным отдыхом. Туман почти растаял, но единственной видимой звездой была огромная Астарион.

Мышелов вскочил и поспешно натянул свой

серый балахон с капюшоном и башмаки из крысиной кожи.

— Нам лучше поскорее вернуться туда, в жару, — сказал он. — Мы забрались в Царство Теней, обитель Смерти!

— Весьма уютное местечко, — заметил Фафхрд, укладываясь поудобнее на мягком зеленом ковре. — Возвращаться к соленому, царапающему, обжигающему морю песка? Только не я.

— Но если мы останемся здесь, — возразил Мышелов, — мы утратим волю, и нас увлечет за собой чертов блуждающий огонек и заманит в замок самого Смерти, которого мы здорово задели, стащив его маску и разделив ее между нашими наставниками Шильбой и Нингоблем… вряд ли Смерть очень любит нас после такого поступка. Кроме того, здесь мы вполне можем столкнуться с нашими первыми возлюбленными, Иврианой и Вланой, а они теперь наложницы Смерти, и вряд ли встреча окажется приятной.

Фафхрд поморщился, но упрямо повторил:

— Здесь так уютно!

Почти бессознательно он поежился, затем прижал все свои семь футов к восхитительно влажной траве («семь футов» относится к его росту. Он был, без сомнения, очень интересным

рыжебородым варваром, весьма высоким).

Мышелов настаивал:

— Но что, если вдруг твоя Влана появится здесь, с синим лицом, отвратительная? Или моя Иврианa, такая же… и начнут к нам приставать?

Это была такая ужасающая картина. Фафхрд вскочил, нащупывая изгородь. Но — о чудо! — никакой изгороди рядом не оказалось. Во все стороны простирались лишь темно-зеленые, влажные луга Царства Теней. Заморосил мелкий дождь, звезда Астарион скрылась из виду. Определить направление стало невозможно.

Мышелов порылся в своем потрепанном мешке и извлек голубую костяную иглу. Отыскивая ее, он укололся и крепко выругался. Игла была с одного конца опасно острой, а с другого — закругленной и с дырочкой.

— Нам надо найти прудик или лужу, — сказал Мышелов.

— Эй, где ты раздобыл такую игрушку? — насмешливо спросил Фафхрд. — Магическая, поди?

— Это от Наттика Гибкие Пальцы, портного из великого Ланкмара, — ответил Мышелов. — Как же, магическая! Ты что, не слыхал об иглах-компасах, или мудрых иглах?

Неподалеку от места отдыха они отыскали в

траве мелкую лужу. Мышелов осторожно опустил свою иголку на маленькое зеркало чистой, безмятежной воды. Игла медленно развернулась и плавно остановилась.

— Мы пойдем туда, — сказал Фафхрд, кивнув в ту сторону, куда указывал тупой продырявленный конец иглы. — На юг.

Он уже сообразил, что острый конец должен быть направлен к центру Царства Теней — или, так сказать, к Полюсу Смерти Невона. На мгновение он задумался о том, существует ли противоположный ему полюс — возможно, Полюс Жизни?

— И нам эта иголочка еще пригодится, — добавил Мышелов, снова уколов палец, пока вылавливал иглу из лужи, и выругавшись. — Чтобы указывать направление в будущем.

— Хах! Уах-уах-уах-хах! — завопили три берсерка, возникшие из тумана, как три корабельные носовые фигуры.

Эти трое уже давным-давно слонялись по Царству Теней, не решаясь приблизиться к замку Смерти и обрести либо свой ад, либо свой рай, Валгаллу, и не пытаясь сбежать, но всегда готовые подраться. Голые, с обнаженными мечами, они обрушились на Фафхрда и Мышелова.

Понадобилось десять ударов сердец побратимов, чтобы отразить атаку и убить берсерков, — хотя убийство во владениях Смерти должно быть, пожалуй, наказуемым по закону поступком, подумалось Мышелову, — вроде браконьерства. Один из берсерков зацепил Фафхрда, и Мышелов тщательно перевязал его поцарапанную руку.

— Уау! — воскликнул Фафхрд. — И в какую же сторону показывала иголка? Я повернулся вокруг себя!

Они отыскали то ли ту же самую, то ли похожую лужу, пустили в нее иглу, снова нашли юг и отправились в путь.

Друзья дважды пытались сбежать из Царства Теней, меняя направление и шагая то на восток, то на запад. Но ничего не вышло. Куда бы они ни шли, всюду было только бескрайнее поле, поросшее мягкой ровной травой, да затянутое дымкой небо. Поэтому они снова зашагали на юг, доверившись игле Наттика.

Они хорошенько подкрепились черными барашками из черной отары, встретившейся им на пути, — зарезали их, выпустили кровь, ободрали шкуры и зажарили нежное мясо на костре, который развели из ветвей низкорослых черных деревьев и кустов, росших там и тут. Молодые

барашки оказались вкусными, сочными. Побратимы запили мясо росой.

Смерть, оставаясь за невысокими стенами своего укрытия, продолжал посмеиваться, время от времени посматривая на карту и видя, как темный язык его территории волшебным образом вытягивается на юго-запад, удерживая блеклые огоньки его жертв в своих пределах.

Он отметил, что Призрачные всадники, поначалу преследовавшие побратимов, остановились у границы его земель.

Но вот в усмешке Смерти появился слабый оттенок тревоги. И время от времени крошечная вертикальная морщинка прорезала его бледный гладкий лоб, когда он напрягал все свои способности, дабы продлить эту географическую магию.

Черный язык полз в нижнюю часть карты, мимо Сархеенмара и вороватого Илтхмара, к Великой топи. В обоих городах на побережье Внутреннего моря жители были перепуганы до смерти внезапным вторжением темной влажной травы и туманной дымки и возблагодарили своих убогих богов, когда вскоре эта напасть миновала.

А теперь черный язык пересек Великую топь, двигаясь строго на запад. Маленькая морщинка на лбу Смерти стала заметно глубже. У Болотной

заставы Ланкмара Мышелов и Фафхрд увидели ожидавших их наставников, Шильбу Безглазоликого и Нингобля Семиокого.

— Что ты опять задумал? — сурово спросил Шильба Мышелова.

— А ты что делаешь? — потребовал ответа у Фафхрда Нингобль.

Мышелов и Фафхрд все еще находились в Царстве Теней, а два чародея — за его пределами, и граница пролегала как раз на полпути между ними. Поэтому со стороны все это выглядело так, как если бы две пары людей стали переговариваться, находясь на противоположных сторонах узкой улицы, на одной стороне которой дождь льет как из ведра, а на другой сухо и солнечно, хотя в данный момент и пованивает смогом из Ланкмара.

— Я ищу Риту, — ответил Мышелов честно, что бывало с ним редко.

— А я ищу Крешкру, — дерзко бросил Фафхрд, — но за нами гонятся верхом призраки.

Нингобль высунул из-под капюшона шесть из своих семи глаз и внимательно осмотрел Фафхрда. Потом он неодобрительно произнес:

— Крешкра устала от твоего дикарского своенравия и вернулась домой, в Страну Призраков,

уговорив Риту отправиться вместе с ней. Я бы посоветовал тебе поискать лучше Фрикс, — сказал Нингобль, имея в виду весьма примечательную особу, сыгравшую немаловажную роль в истории с нашествием полчищ крыс, той самой истории, в которую оказалась замешанной и Крешкра, девушка-призрак.

— Фрикс храбрая, симпатичная, весьма хладнокровная женщина, — заколебался Фафхрд, — но как ее отыскать? Она в другом мире, в Стране Воздуха!

— А я бы тем временем порекомендовал тебе поискать Хисвет, — мрачно сообщил Мышелову Шильба Безглазоликий.

Бесформенная чернота под его клобуком стала еще чернее (от сосредоточенности), если, конечно, это было возможно. Речь шла об еще одной особе женского пола, вовлеченной в крысиное приключение, в котором Рита играла одну из главных ролей.

— Великолепная идея, отец, но она, скорее всего, находится сейчас глубоко под землей, и ростом она не больше крысы. Как я стану ее разыскивать? Ну как? — возразил Мышелов, который без колебаний предпочел бы Хисвет всем другим девушкам, в особенности потому, что он так и не

попользовался ее благосклонностью, хотя дело почти доходило до того несколько раз.

Если бы Шиль и Нинг умели улыбаться, они бы так и поступили.

Но Шильба лишь бросил:

— До чего же скучно видеть вас обоих затуманенными, ни дать ни взять герои в дыму.

Они с Нингом, не сговариваясь, начали некое недолгое, но очень сложное магическое действо. После упорного сопротивления Царство Теней с его промозглой моросью отступило к востоку, оставив побратимов в мире солнца рядом с их наставниками. Однако два невидимых клочка темного тумана удержались, проникли в плоть Мышелова и Фафхрда и навсегда обернулись вокруг их сердец.

Далеко на востоке Смерть позволил себе отчетливо выругаться, что могло бы весьма шокировать высоких богов, если бы они это услышали. Он взглянул на отметинки на своей карте и на сжимающийся черный язык. Смерть был чрезвычайно раздосадован. Опять ускользнули!

Теперь Нинг и Шиль занялись уменьшительной ворожбой.

И Фафхрд внезапно взлетел в воздух, становясь все тоньше и меньше, пока наконец не потерялся

в солнечных лучах.

А Мышелов, не успев сделать и шага, начал уменьшаться, и вскоре его рост был уже меньше фута, то есть как раз соответствовал росту Хисвет — хоть спящей, хоть бодрствующей. Мышелов нырнул в ближайшую крысиную нору и был таков.

И сделать это оказалось проще, чем рассказать об этом, поскольку Невон был всего лишь пузырем, поднявшимся из вод вечности.

Два героя провели отличные деньки со своими подругами.

— Уж и не знаю, почему я все это делаю, — слегка шепелявя, сказала Хисвет, нежно касаясь тела Мышелова, когда они без сил лежали рядышком на шелковых простынях, — должно быть, потому, что ненавижу тебя.

— Приятное и даже достойное героя начало, — признала Фрикс, очутившись в сходной ситуации наедине с Фафхрдом. — Это вообще мой пунктик — развлекаться время от времени с тупыми тварями. Кое-кто мог бы даже назвать это слабостью королевы воздуха.

Отпуск закончился, Фафхрд и Мышелов магическим образом вернулись в Ланкмар, одновременно очутившись на Дешевой улице, неподалеку от

тесного и с виду грязноватого жилища портного Наттика Гибкие Пальцы. Мышелов уже обрел свой обычный рост.

— Ты неплохо загорел, — заметил он, взглянув на друга.

— Обожжен пространством, — поправил его Фафхрд, — Фрикс живет воистину в далеких краях. Но ты, старина, теперь даже бледнее, чем прежде.

— Вот видишь, что могут сделать с внешностью мужчины три дня, проведенные под землей, — ответил Мышелов. — Пойдем-ка выпьем в «Серебряном угре».

А Нингобль в своей пещере поблизости от Илтхмара и Шильба в своей бродячей хижине в Великой Соленой топи улыбнулись, хотя этим улыбкам и недоставало некоторых деталей для того, чтобы их можно было заметить со стороны. Они знали, что теперь их подопечные еще кое-что им задолжали.

Приманка

Фафхрд-северянин в своих грезах видел огромный холм золота.

Серый Мышелов в силу свойственной южанам практичности мечтал о кучке бриллиантов. Он не возражал бы даже, если бы дело шло о камнях с желтоватым оттенком, но ведь и тогда его сверкающая огнями кучка стоила бы куда больше, чем блестящая гора Фафхрда.

Откуда он узнал, что именно грезится Фафхрду, осталось тайной для всех живых существ мира Невона, кроме разве что Шильбы Безглазоликого да Нингобля Семиокого — наставников соответственно Мышелова и Фафхрда. Возможно, сработали механизмы мощного глубинного подсознания, не раз выручавшего их обоих.

Они проснулись одновременно, но Фафхрд перешел в состояние бодрствования чуть медленнее; он сел на постели.

Его внимание привлек некий предмет, который устроился на равном расстоянии от их коек. Он весил примерно восемьдесят фунтов, был около четырех футов и восьми дюймов высотой, с его головы ниспадали длинные, прямые черные во-

лосы, а кожа цвета слоновой кости и линии тела вызывали в памяти лучшую из шахматных фигурок Царя Царей, вырезанных из лунного камня. На первый взгляд ей можно было дать тринадцать, но ее губы, изогнутые в улыбке, способной свести с ума любого, наводили на мысль о семнадцати, а сверкающие, глубоко посаженные глаза обладали первозданной голубизной Ледяного Века. Естественно, она была совершенно голая.

— Она моя! — заявил Серый Мышелов, готовый, как всегда, в любую минуту обнажить свое оружие.

— Нет, моя! — почти одновременно с ним воскликнул Фафхрд, однако его «нет» отчасти служило признанием того, что Мышелов опередил его или, по крайней мере, мог опередить.

— Я принадлежу лишь самой себе и никому больше, кроме разве что двух или трех мужественных полудемонов, — парировала ослепительно обнаженная девушка, посылая каждому из них по самому сладострастному взгляду.

— Я готов с тобой драться за нее, — заявил Мышелов.

— А я — с тобой, — ответил Фафхрд, не спеша вытаскивая Серый Прутик из ножен, лежавших рядом с его койкой.

Мышелов также извлек из ножен, сшитых из крысиных шкур, свой Скальпель.

Теперь оба героя поднялись с кроватей.

В этот момент позади девушки появились еще два действующих лица — они возникли прямо из воздуха, как бы сгустившегося. Оба были ростом по меньшей мере девять футов. Им даже пришлось пригнуться, чтобы не расшибить головы о потолок. Паутина тут же повисла на их острых ушах. Тот, что стоял ближе к Мышелову, был черным, как сварочная сталь. Он молниеносно выхватил меч.

Одновременно меч второго пришельца — белого, как старые кости, — сверкнул серебром — так сверкает сталь, покрытая тонким слоем олова.

Девятифутовый противник Мышелова попытался нанести сокрушительный удар по макушке героя. Мышелов парировал удар из первой позиции, и оружие его противника со свистом отлетело влево. А Мышелов, изящно взмахнув Скальпелем, снес черную голову демона, и та с оглушительным грохотом свалилась на пол.

Белый ифрит, напавший на Фафхрда, приготовился применить нисходящий удар. Но северянин, сделав своим мечом замысловатое движение против часовой стрелки, пронзил

демона насквозь, и серебряный меч, падая, просвистел у правого виска Фафхрда на расстоянии волоса.

Злобно топнув босой пяткой, нимфетка растаяла в воздухе, а может быть, просто отправилась в преддверие ада.

Мышелов хотел обтереть меч о простыню со своей постели, но обнаружил, что в этом нет необходимости. Он пожал плечами.

— Ох и не повезло же тебе, приятель, — сказал он с печальною усмешкой. — Теперь тебе не удастся насладиться милой крошкой, пока она резвится на груде твоего золота.

Фафхрд шагнул было к своей постели, чтобы протереть клинок Серого Прутика, но заметил, что на нем нет крови. Он нахмурился.

— Тебе пришлось куда хуже, лучший из друзей, — посочувствовал он Мышелову. — Теперь ты не можешь и мечтать о том, как овладел бы ею на своей куче бриллиантов, а она бы корчилась и извивалась от страсти, а блеск сверкающих камней отражался на ее бледном теле!

— Откуда ты знаешь, чертов извращенец, что я видел во сне бриллианты? — рявкнул Мышелов.

— А откуда я знаю? — задумчиво пробормотал Фафхрд. Наконец он подыскал подходящий от-

вет: — Наверное, оттуда же, откуда ты узнал, что мне снилось золото.

В этот момент оба невообразимо длинных трупа исчезли, прихватив и свои отсеченные головы.

Фафхрд проницательно заметил:

— Мышелов, я начинаю думать, что к этой нашей утренней заварушке причастны сверхъестественные силы!

— Или это была галлюцинация, о гигант мысли! — раздраженно бросил Мышелов.

— Это вряд ли, — возразил Фафхрд. — Взгляни-ка, здесь осталось их оружие!

— И правда, — признал свою ошибку Мышелов, жадно впиваясь взглядом в черный и серебристый клинки, лежавшие на полу. — За них, пожалуй, немало дадут на Дворе Чудес.

Большой Гонг Ланкмара, чей звук проникал даже сквозь толстые стены, мрачно отбил двенадцать — в этот полуденный час могильщики вонзали в землю свои лопаты.

— Вот он, знак! — провозгласил Фафхрд. — Теперь понятно, откуда эти сверхъестественные силы. Царство Теней, конечный пункт всех похоронных процессий!

— Да, — согласился Мышелов, — Принц Смерть,

этот шустрый парнишка, снова попытался погубить нас.

Фафхрд подошел к большому тазу, стоявшему у стены, и начал плескать себе в лицо холодной водой.

— Ну и ладно, — проговорил он, фыркая. — Во всяком случае, это была симпатичная приманка. В конце концов, что может быть лучше юной девушки, да еще обнаженной, — пусть даже она просто промелькнула перед глазами, чтобы пробудить отличный аппетит перед завтраком?

— В самом деле! — откликнулся Мышелов, крепко зажмурив глаза и энергично протирая лицо светлым бренди, щедро плеснув его в ладонь. — Она была как раз тем недозрелым виноградом, который разжигает твою страсть сатира к обладанию едва распустившимися бутончиками!

В тишине, наступившей после того, как прекратился плеск воды в тазу, Фафхрд невинным тоном переспросил:

— Чья страсть сатира?

Под пятой богов

Как-то вечером, хорошенько набравшись в «Серебряном угре», Серый Мышелов и Фафхрд принялись благодушно и даже с удовольствием вспоминать своих былых возлюбленных и свои подвиги на ниве любви. Они даже чуть-чуть прихвастнули друг перед другом насчет самых недавних эротических утех (хотя хвастать такими вещами, вообще-то, не умно: разве можно предугадать, кто вас случайно подслушает?).

— Несмотря на большую дружбу с силами зла, — сказал Мышелов, — Хисвет сущий ребенок. Так что чему бы я стал удивляться? Зло естественным образом присуще детям, это для них игра, они не стыдятся дурного. Груди у нее — не больше орехов, или плодов лайма, или маленьких мандаринов, увенчанных крошечными шишечками… все восемь таковы!

Фафхрд продолжил:

— Фрикс — это приключение в чистом виде! Тебе бы взглянуть на нее в ту ночь, на крепостной стене, — глаза восхищенно горят, глядя на звезды… Обнаженная, если не считать татуировок на бронзовом теле, нежном, как розовеющий

закат… Она выглядела так, словно была готова взлететь, — ну именно это она и сделала, как ты знаешь.

В Стране Богов, или, коротко, Страбоге, и вблизи от Полюса Жизни Невона, который лежит в южном полушарии и является антиподом Царства Теней (обители Смерти), трое богов сидели кружком, скрестив ноги; сквозь непрерывное бормотание молящихся, надеющихся и отчаявшихся, вечно звучащее в ушах любого божества, как будто боги постоянно вслушиваются в гул морской раковины, они услышали голоса Фафхрда и Мышелова.

Одним из трех этих богов был Иссек, которому Фафхрд некогда в течение трех месяцев преданно служил. Иссек выглядел как нежный юноша со сломанными запястьями и лодыжками или, скорее, постоянно изогнутыми под прямым углом. Его жестоко пытали во время крестных мук. Вторым был Кос, которого Фафхрд почитал в детстве, живя в Мерзлом Стане, — довольно кряжистый, мускулистый бог, закутанный в меха, с серьезным, если не сказать — угрюмым выражением бородатого лица.

Третьим божеством был Мог, походивший на четырехлапого паука с довольно симпатичным,

хотя и не совсем человеческим лицом. Когда-то Иврианa, первая возлюбленная Мышелова, глядя на украденную им для нее нефритовую статуэтку Мога, заявила (возможно, в шутку), что Мог и Мышелов похожи друг на друга.

Ныне Мышелов (как, впрочем, и прежде) был уверен в том, что он — абсолютный атеист, но это было не так. Отчасти благодаря шутке Иврианы, а отчасти потому, что его самолюбию польстило то, что он украл бога, похожего на него самого, он твердо поверил в существование Мога.

Таким образом, Мышелов и Фафхрд были истинно верующими, хотя и заблудшими, и три бога услышали их голоса именно по этой причине и еще потому, что это были наиболее заметные из почитателей, каких когда-либо имели эти три бога, кроме того, герои жутко хвастались. А ведь у богов особо острый слух на хвастовство, или на заявления о счастье и довольстве, или на заверения в том, что какое-либо событие должно наверняка произойти, или на любые слова, намекающие на то, что человек хотя бы в самой малой степени сам управляет собственной судьбой. Ведь боги ревнивы, упрямы, легко впадают в гнев и любят разрушать планы людей.

— Это они, точно… дерзкие ублюдки, — хрюк-

нул Кос, потея под своими мехами, так как в Страбоге было тепло, как в раю.

— Он не молился мне уже годы, неблагодарный! — сказал Иссек, вздернув точеный подбородок. — Мы бы просто погибли из-за того, что они о нас совсем не заботятся, если бы не имели других почитателей. Но они об этом не думают… бессердечные!

— Они даже не упоминают наши имена всуе, — сказал Мог. — Полагаю, джентльмены, пора их помучить предсказаниями сплошных несчастий. Согласны?

Тем временем, потихоньку обсуждая Фрикс и Хисвет, Мышелов и Фафхрд преисполнились вполне определенных желаний, что, впрочем, не нарушило хода их блаженных воспоминаний.

— Как ты думаешь, Мышелов, — лениво проговорил Фафхрд, — а не пойти ли нам поискать удовольствий? Ночь еще только начинается.

Его друг важно ответил:

— Нам только и нужно, что щелкнуть двумя пальцами, выражая свою волю, и удовольствия сами найдут нас. Нас любили и нами восхищались столько женщин, что мы наверняка накрепко связаны по крайней мере с парочкой из них. А может, даже с двумя парами. Они почув-

ствуют, о чем мы сейчас думаем, и явятся сами. Мы без труда поймаем девушек — мы лакомый кусочек!

— Ну, тогда пошли, — сказал Фафхрд, допивая вино и с трудом поднимаясь на ноги.

— О, похотливые псы! — прорычал Кос, отирая пот со лба, поскольку в Страбоге было не только тепло, но и весьма тесно от собравшихся там богов. — Но как их наказать?

Мог сказал, криво усмехнувшись, поскольку его челюсть была все-таки наполовину паучьей:

— Они, похоже, сами выбрали себе наказание.

— Пытка надеждой! — мелодично пропел Иссек, сразу ухватывая мысль. — Мы даруем им то, чего они желают…

— …а остальное предоставим самим девушкам! — закончил Мог.

— Не следует доверять женщинам, — мрачно заявил Кос.

— Напротив, мой дорогой друг, — сказал Мог. — Бог, когда он в хорошей форме, вполне может доверить верующим, хоть мужчинам, хоть женщинам, любую работу. А теперь, джентльмены, подумаем хорошенько!

Кос энергично поскреб свою густо поросшую волосами голову и поймал пару вшей.

По какому-то странному капризу судьбы, а возможно, для того, чтобы потребовалось преодолеть кое-какие препятствия между собой и теми девушками, которые предположительно стремились к встрече с ними в данный момент, Фафхрд и Серый Мышелов покинули «Серебряный угорь» через заднюю кухонную дверь, чего никогда не делали прежде за многие годы посещения этой таверны.

Дверь оказалась низкой, была заперта на тяжелый засов и не пожелала открыться, даже когда засов был отодвинут. Новый повар, глухонемой, отвлекся от приготовления телячьего желудка и вышел посмотреть, что там за странная вещь происходит, — он даже замахал руками, то ли протестуя против действий друзей, то ли предостерегая их о чем-то. Но Мышелов сунул в его перепачканную жиром ладонь два бронзовых агола, а Фафхрд тем временем открыл дверь хорошим пинком. Друзья рассчитывали, что выйдут на пустырь, покрытый полуразмытым пеплом многоэтажного дома, в котором когда-то Мышелов снимал комнату вместе с Иврианой (и который она вместе с обожаемой Фафхрдом Вланой сожгли дотла), и где также сохранился пепел от деревянного летнего дома безумного

герцога Данииуса, в который они как-то раз забрались тайком и неплохо там повеселились (хотя это и плохо кончилось), — пустынный участок с дурной славой, на котором, насколько они знали, никто с тех пор не пытался строиться.

Однако когда они, наклонившись, пробрались сквозь дверной проем, то обнаружили, что все еще находятся в здании (очевидно, они просто недооценили масштабы «Серебряного угря») и что вместо открытого всем ветрам пустыря они попали в некий коридор, освещенный факелами, которые держали бронзовые руки, укрепленные вдоль стен.

Герои бесстрашно зашагали вперед мимо двух закрытых дверей в стенах.

— Вот она, столица Ланкмара, — заметил Мышелов. — Стоит отвернуться на минутку, и у тебя за спиной возникает новый тайный храм.

— Однако здесь недурная вентиляция, — сказал Фафхрд, поскольку в коридоре не чувствовалось чада.

Они дошли до того места, где коридор поворачивал под прямым углом… и застыли как вкопанные. Двухуровневая комната, представшая перед ними, выглядела ошеломляюще. В дальней ее половине потолок снижался, и ка-

залось, будто та часть находилась глубоко под землей, словно пол этой части комнаты был ниже пола первой по меньшей мере на восемьдесят ярдов. Там стояла кровать, покрытая фиолетовым шелком. Толстый желтый шелковый шнур свисал из дыры в низком потолке.

Верхняя часть комнаты была устроена так, что казалось, будто находишься на балконе или на крыше башни, возвышающейся над смогом Ланкмара, — поскольку на черных потолке и задней стене виднелись звезды.

В дальней части комнаты, на кровати, ногами к изголовью, лежала ничком стройная Хисвет, закинув руки за голову. Ее серебристые волосы разметались; свободная шелковая туника, желтая, как солнце над пустыней, приподнималась над парой маленьких высоких грудей, чуть открывая соски и оставляя без ответа вопрос, есть ли ниже еще три пары симметрично расположенных выпуклостей.

А на фоне звездной ночи (или ее имитации) стояла Фрикс — удивительно высокая, легкая (хотя и неподвижная), в шелковой тунике, фиолетовой, как сумерки в пустыне незадолго до заката, ее темные волосы стягивал сверкающий медный жгут.

Фафхрд собрался было сказать Фрикс: «Представь, мы только что говорили о тебе», а Мышелов уже простодушно поднял ногу, чтобы шагнуть вперед, когда прозвучал крик Хисвет:

— Снова ты! Неугомонный меченосец! Я же говорила тебе, чтобы ты по меньшей мере года два и не помышлял о новом свидании со мной!

Фрикс же обрушилась на Фафхрда:

— Животное! Я же говорила тебе, что развлекаюсь с низшими тварями лишь изредка!

Хисвет резко дернула за шелковый шнур. Тяжелая дверь обрушилась сверху, едва не снеся лица обоим мужчинам, и ее нижний брус грохнулся об пол с резким и категоричным стуком.

Фафхрд потер пальцем кончик носа и печально подвел итог:

— Думаю, дверь означает конец всему. Это не назовешь ласковым приемом.

Мышелов сказал вызывающе:

— Я рад, что они нас отбрили. По правде говоря, это был бы слишком скорый повтор, а значит, скучный. Вперед, на охоту за девицами!

Друзья повернули обратно и, пройдя мимо неярких огней в бронзовых руках, подошли ко второй из закрытых дверей. Она распахнулась при легком прикосновении, открыв взорам ге-

роев другую, как бы сдвоенную комнату, а в ней — их возлюбленных Риту и Крешкру, которых друзья всего лишь несколько месяцев назад искали неподалеку от моря Монстров, пока не угодили в ловушку Царства Теней и чудом вернулись в Ланкмар. Слева, освещенная косыми солнечными лучами, полулежала на кушетке удивительной красоты обворожительная Рита. Ее можно было назвать более чем обнаженной, поскольку, как отметил Мышелов, она сохранила привычку, приобретенную ею в бытность рабыней при дворе излишне взыскательного сюзерена, сбривать все до единого волоски на своем теле, включая брови. Ее настороженно повернутая, без единого волоска голова была столь безупречной формы, что Мышелов ощутил прилив сладкого желания. Она свернулась клубочком, выпятив аппетитные ягодицы, похожая на несколько отощавшего, но безмятежного зверька, — и Мышелов вдруг понял, что она напоминает безволосую кошку.

Справа, во тьме ночи, освещенная лишь танцующим светом костра, сидела на скользком глинистом берегу моря, в котором Фафхрд по резвящимся в воде белобородым змеям признал море Монстров, его возлюбленная Крешкра, даже еще более нагая, чем Рита. Ее внешность могла

бы кому-то показаться пугающей (ничего, кроме изысканно обнаженных костей), к тому же огонь, возле которого она уселась, бросал темные синие блики сквозь ее мягко очерченную мерцающую плоть, подчеркивая благородство линий скелета.

— Мышелов, зачем ты явился? — воскликнула Рита с легким укором. — Я счастлива здесь, в Мире Вечернего Пурпура, где все мужчины от природы лишены волос (и домашние животные тоже!), хотя сама я могу добиться этого лишь прилежным ежедневным трудом. Я по-прежнему люблю тебя, но мы не можем жить вместе и не должны больше встречаться. Мой настоящий дом здесь!

И точно так же дерзкая Крешкра крикнула Фафхрду:

— Эй, безумный хвастун! Я когда-то тебя любила. Но теперь я снова призрак. Возможно, когда-то в будущем… Но сейчас — уходи!

И ни Фафхрд, ни Мышелов не смогли перешагнуть порог, потому что после слов Крешкры и вторая дверь захлопнулась перед друзьями, к тому же гораздо быстрее, чем первая. Фафхрд едва удержался от того, чтобы хорошенько ее пнуть.

— Знаешь, Мышелов, — задумчиво сказал он, — мы в своей жизни влюблялись в странных

женщин. Но с ними всегда было необычайно интересно, — поспешил добавить он.

— Ладно-ладно, — грубовато перебил его Мышелов. — В море есть и другие рыбки.

Еще одна дверь тоже открылась легко, хотя Фафхрд и толкнул ее весьма осторожно. Однако на этот раз взорам побратимов не открылось ничего ошеломляющего — они увидели всего лишь длинную темную комнату, в которой не было ни людей, ни мебели, а в дальнем конце была другая дверь. Впрочем, стена справа от нее почему-то светилась зеленым. Вновь обретя уверенность в себе, они вошли внутрь. Пройдя несколько шагов, герои поняли, что светящаяся стена представляет собой толстую хрустальную пластину, за которой находится бледно-зеленая, чуть мутноватая вода. Пока они приближались к стене, всматриваясь в нее, в освещенную воду вплыли, лениво извиваясь, две прекрасные наяды: первая с длинными золотистыми волосами, стелющимися вслед за ней, и в некоем подобии свободной золотой рыбачьей сети вместо платья, вторая — с волосами темными, короткими, разделенными на прямой пробор серебряным зубчатым гребнем. Они подплыли достаточно близко для того, чтобы можно было рассмотреть

нежно пульсирующие жилки на их шеях, которые, изгибаясь, переходили в покатые, покрытые мелкой чешуей плечи; а ниже их тела представляли собой соединение соперничающих между собой несовместимых частей, так что мужчина не смог бы по-настоящему насладиться подобной не раздвоенной в должном месте женщиной (хотя любая пара змей, слившихся в любовном объятии, доказывает обратное). Наяды подплыли еще ближе, их томные глаза широко раскрылись, всматриваясь в хрустальную преграду, и теперь Мышелов и Фафхрд узнали двух морских королев, с которыми они повстречались несколько лет назад, нырнув в море с борта «Черного казначея».

То, что увидели их широко раскрытые рыбьи глаза, явно не понравилось наядам, потому что они скривились и, резко хлестнув длинными рыбьими хвостами, уплыли от хрустальной стены в зеленоватую водяную глубину, и вода замутилась сильнее, и наконец сквозь туманное облако стало невозможно что-либо рассмотреть.

Повернувшись к Мышелову, Фафхрд спросил, вздернув брови:

— Ты ведь упомянул о других рыбках в море?

Мышелов, на мгновение нахмурившись, шагнул в сторону выхода. Следуя за ним, Фафхрд

озадаченно бормотал:

— Ты сказал, это может быть тайный храм, дружище. Но если это так, где же привратники, священнослужители и посетители, кроме нас с тобой?

— Это больше похоже на музей… тут показывают сцены прошлой жизни. Или на рыбий садок, или на устричную ферму, — бросил через плечо его товарищ.

— Я еще подумал, — продолжил Фафхрд, ускоряя шаг, — что тут слишком уж много всего, чтобы уместиться на заднем дворе «Серебряного угря». Что это за сооружение?..

Мышелов уже перешагнул через порог. Фафхрд не стал отставать от него.

В Страбоге Кос рыкнул:

— Эти мошенники слишком легковесно ко всему отнеслись! Ох, разрази их гром!

Мог поспешил сказать:

— Не тревожься, друг мой, мы их еще поприжмем. Они пока что имели дело лишь с призраками. Мы медленно проведем их по всем ступеням пытки, пока они не начнут молить нас о милосердии, ползая на коленях. От этого мы получим куда большее удовольствие.

— Потише, вы оба! — энергично прикрикнул

Иссек, взмахивая перегнутыми руками. — Я подыскиваю еще одну подходящую пару девиц!

Эти слова и резкая жестикуляция, а также увлеченность и несколько напряженный вид троицы свидетельствовали о том, что эти боги, усевшиеся тесным кружком, занимаются чем-то интересным. И вот уже стали собираться со всех сторон другие небожители — большие и маленькие, причудливые и с классической внешностью, уродливые и прекрасные, чтобы понаблюдать за событиями и высказать свое мнение. Страна Богов действительно перенаселена, словно какие-нибудь трущобы, — и все потому, что человек всегда упорно жаждет разнообразия. И там, среди страдающих от тесноты богов, постоянно ходят слухи о других (выкиньте из головы такие мысли!), высших богах, возможно невидимых, которые предаются наслаждениям в куда более просторном обиталище на другом (о горе!), более высоком уровне бытия и которые (полная чертовщина!) даже слышат чужие мысли, — но это всего лишь слухи.

Иссек восторженно воскликнул:

— Вот, вот, сцена готова! Теперь надо найти следующую парочку прелестниц. Кос и Мог, помогите мне. Примите же в деле законное участие!

Серый Мышелов и Фафхрд вдруг поняли, что непонятным образом перенесены в загадочную область Квармалла, где им довелось пережить одно из их наиболее фантастических приключений. Ведь следующее помещение походило на пещеру, выдолбленную в твердой скале, — но чьи-то руки придали ей вид обычной комнаты. За столом, заваленным пергаментами и свитками, чернильницами и перьями, сидели две веселые, симпатичные рабыни, которых друзья спасли от страданий и скуки пещерного мира: стройная Ививис, гибкая, как змея, и легкая на подъем соблазнительно пухленькая Фриска. Мужчины почувствовали облегчение и радость, как если бы они вернулись домой, к знакомым и любимым людям.

Потом они обнаружили, что в комнате есть окна, в которые внезапно брызнул солнечный свет (как если бы уплыло темное облачко), и что стены вовсе не выдолблены в скальном граните, а выложены из каменных блоков, и что на девушках надеты вовсе не жалкие лохмотья рабынь, а дорогие и элегантные платья, а их лица преисполнены важности и самоуверенности.

Ививис глянула на Мышелова вопросительно и с неодобрением:

— Что ты здесь делаешь, вымысел моего рабского прошлого? Верно, ты спас меня от грязи Квармалла. Но за это я заплатила тебе своим телом. Все это кончилось в Товилийсе, где мы расстались. Мы в расчете, дорогой Мышелов, клянусь Могом, в расчете!

Она и сама не поняла, почему с ее губ слетела эта божба.

И точно так же Фриска, посмотрев на Фафхрда, сказала:

— Это и к тебе относится, дерзкий варвар. Ты ведь убил моего возлюбленного Ховиса, ты помнишь, — так же как Мышелов убил Клевиса, возлюбленного Ививис. Мы больше не простодушные рабыни, забавы для мужчин, мы опытные секретари и казначеи Гильдии Свободных Женщин Товилийса. Мы больше никогда не занимаемся любовью вопреки своему желанию — а нынче я такого желания не испытываю! А теперь именем Коса и Иссека приказываю тебе убраться отсюда!

Она, точно так же как Ививис, хотела бы понять, почему она упомянула именно этих богов, которых вовсе не почитала.

Такой резкий отпор жестоко поразил двух героев, так что они даже не решились как-то вы-

разить протест — словом, жестом, любезностью… Их языки словно окаменели, их сердца и половые органы окатило холодом, они даже съежились — друзья поспешно вышли из этой комнаты через открытую дверь, которую увидели перед собой… и очутились в огромном зале, сверкающем голубоватым льдом или же похожим на лед камнем, мерцающим, холодным, — поэтому огонь, танцующий в большом очаге, показался им весьма желанным. Перед очагом был расстелен ковер, казавшийся на диво мягким и пушистым, а на нем были расставлены в беспорядке баночки с притираниями, маленькие флаконы духов (заявлявшие о себе выразительным запахом) и прочие косметические штучки. Более того, на заманчиво мягком ворсе ковра виднелись два отпечатка лежащих тел, а примерно в локте над ними витали в воздухе две живые маски, тонкие, как шелк или бумага, или даже еще тоньше, — маски, имеющие очертания симпатичных девичьих лиц, и первая маска была розовато-лилового цвета, а вторая — бирюзового.

Кто-нибудь другой мог счесть это чудом, но Мышелов и Фафхрд сразу же узнали Кейайру и Хирриви, невидимых ледяных принцесс, с одной из которых каждый из них как-то провел

долгую-предолгую ночь на Звездной Пристани, одной из высочайших горных вершин на севере Невона, и друзья знали, что две эти жизнерадостные девушки любили поваляться голышом перед очагом, намазывая друг друга разноцветными целебными мазями.

Потом бирюзовая маска вдруг взмыла в воздух, оказавшись между Фафхрдом и очагом, так что оранжевые отблески пляшущего огня высветили отверстия для глаз и губ, и эти ныне жестокие губы произнесли, обращаясь к Фафхрду:

— В какой ледяной постели ты ныне спишь, неотесанный любовник одной ночи, что твоя скрипучая душа влетела в междумирье, чтобы изумить меня? Как-нибудь поднимись снова на Звездную Пристань в своем истинном теле и попробуй добиться меня. Возможно, я и отнесусь к тебе благосклонно. А сейчас, призрак, исчезни!

Розовато-лиловая маска последовала примеру бирюзовой, насмешливо заговорив с Мышеловом, и ее голос зазвучал так же язвительно и категорично, и отсветы огня так же плясали в отверстиях маски.

— И ты тоже убирайся, жалкое видение! Именем Кхакхта, владыки Черного Льда, и Гары Голубого, и Коса Зеленого — приказываю, уйди!

Ветры, гоните их!

Фафхрд и Мышелов были оскорблены этим новым отказом даже сильнее, чем прежними. Их души содрогнулись от предположения, что они и в самом деле призраки, а говорящие маски — реальность. Тем не менее им следовало бы набраться храбрости и попытаться ответить на дерзкий вызов, если бы после приказа Кейайры они не были унесены мощным порывом ветра в абсолютную, непроницаемую тьму, а потом брошены в некое освещенное пространство. За их спинами громко хлопнула дверь.

С немалым облегчением они увидели, что не видят перед собой очередную пару девушек (это было бы уж и вовсе невыносимо), а находятся в другой части коридора, освещенного ярко горящими факелами, воткнутыми в бронзовые, крепко стиснутые птичьи лапы, в свернувшиеся кольцами щупальца кальмаров либо в сжатые крабьи клешни. Радуясь передышке, друзья глубоко вздохнули.

Потом Фафхрд нахмурился и сказал:

— Попомни мои слова, Мышелов, за всем этим кроется чья-то магия. Или это рука богов.

Мышелов с горечью ответил:

— Если это какой-то бог, у него очень длинные

руки, если учесть, какой он выбрал путь для того, чтобы повергнуть нас в прах.

Мысли Фафхрда изменили направление, что выразилось в изменении формы морщин на его лбу.

— Мышелов, я никогда не пищал, — заявил он, — Хирриви сказала, я пищу.

— Ну, это просто фигура речи, я думаю, — постарался утешить его побратим. — Но, черт побери, каким жалким я себя чувствовал, как будто я вообще перестал быть мужчиной, а вот это — не более чем палка от метлы! — Он показал на свой меч Скальпель, висевший на поясе, и кивнул на вложенный в ножны Серый Прутик Фафхрда.

— Может быть, мы спим… — с сомнением пробормотал Фафхрд.

— Ну, если мы спим, так давай продолжим это занятие, — сказал Мышелов и, ободряюще хлопнув друга по плечу, двинулся по коридору.

Но, несмотря на бодрые слова и энергичный шаг, оба мужчины чувствовали себя так, как будто они все глубже и глубже погружаются в пучины ночного кошмара, втягивавшего их в себя.

Они миновали поворот. Справа, на несколько ярдов в длину, стена превратилась в ряд тонких темных колонн, расположенных на разном

расстоянии друг от друга, а между ними — темные тонкие копья, а чуть дальше — вытянутый алтарь, на который падал мягкий свет, делая видимыми распростертую обнаженную женщину и рядом с ней — жрицу в пурпурной тоге, державшую в одной руке обнаженный кинжал, в другой — большую серебряную чашу; жрица пела.

Фафхрд прошептал:

— Мышелов! Я знаю жертву, это куртизанка Лесснія, с ней я имел дело, когда служил Иссеку несколько лет назад.

— А вторая — это Илала, жрица одноименной богини, с ней я вел дела, когда был в отряде Пульга-вымогателя, — прошептал в ответ Мышелов.

Фафхрд возразил:

— Но мы не могли дойти до храма Илалы, хотя все это и напоминает его. Между ним и «Угрем» — половина Ланкмара!

Но Мышелов вспомнил слышанные им рассказы о тайных ходах под Ланкмаром, соединявших разные территории, — путь по этим туннелям был якобы короче самого короткого пути по поверхности.

Илала повернулась к ним, взметнув подол фиолетовой тоги, и сказала, подняв брови:

— Потише, там! Вы совершаете святотатство,

вмешиваясь в святейший из ритуалов, посвященный величайшей из богинь. Нечестивые злоумышленники, удалитесь!

В это время Лесния приподнялась на локте и окинула друзей высокомерным взглядом. Затем она снова легла и уставилась в потолок, а Илала окунула кинжал в чашу и обрызгала вином (или что уж там содержал в себе серебряный сосуд) нагое тело Лесснии, обращаясь с лезвием так, как если бы это было кропило. Она окропила лежавшую трижды — грудь, живот и колени, — а потом снова принялась распевать литанию, и Лесния вторила ей (а может, просто похрапывала), а Мышелов и Фафхрд вернулись в освещенный факелами коридор.

Но у них не оказалось времени, чтобы поразмышлять над странными встречами и над странной геометрией их ночного кошмара, потому что теперь уже слева перед ними открылась некая баснословно богато обставленная, большая, тускло освещенная комната, в которой они узнали приемный зал главы Цеха Воров в Доме Вора, — а он находился в противоположном по отношению к храму Илалы конце Ланкмара. Передняя часть зала была сплошь заполнена фигурами, стоявшими на коленях спиной к побратимам, — все

эти люди благоговейно смотрели в сторону покрытого богатой скатертью эбонитово-черного стола, за которым стояла царственно высокая и красивая рыжеволосая женщина, убранная в одни лишь драгоценности, а рядом с ней, чуть сзади, находилась вторая женщина — коротко подстриженная, в черной тунике служанки.

— Это Ивлис, такая же прекрасная, как в далеком прошлом, — та самая, для которой я украл у Омфала лучшие из его драгоценностей, — в полном ошеломлении прошептал Мышелов.

— А рядом с ней Фрег, ее горничная, и она выглядит ничуть не старше, — хриплым шепотом откликнулся Фафхрд в каком-то сонном оцепенении.

— Но что она делает здесь, в Доме Вора? — удивленно произнес Мышелов, и в его шепоте прозвучала горячность. — Ведь женщинам запрещен вход сюда, женщин здесь презирают! Все выглядит так, будто именно она — глава Цеха… ее повелительница… магистр… богиня, которой поклоняются… Неужели Цех Воров перевернулась вверх дном?

Ивлис глянула на них поверх голов своих коленопреклоненных последователей. Ее зеленые глаза сузились. Она небрежно подняла руку и,

коснувшись губ, дважды едва заметно качнула пальцем в сторону, показывая Мышелову, что он должен потихоньку удалиться в указанном направлении и не возвращаться.

С медленной холодной улыбкой Фрег в точности повторила ее жест, обращаясь к Фафхрду, но у нее это вышло куда более грубо, что естественно для прислуги. Двое мужчин повиновались и удалились, но при этом постоянно оглядывались, так что для них оказалось полной неожиданностью, почти пугающей, когда они обнаружили, что вошли не глядя в комнату, отделанную редкими породами дерева со сложной резьбой, с дверью прямо перед ними и дверями по обе стороны, и у двери, ближней к Мышелову, стояла едва достигшая брачного возраста девушка с недобрыми глазами и влажными черными волосами, в свободном зеленом халате из махровой ткани; а возле ближайшей к Фафхрду двери стояли две стройные блондинки с двусмысленными улыбками на губах; на них были широкие черные тоги с капюшонами — одежда монахинь Ланкмара. Угодившие в ночной кошмар побратимы поняли, что находятся в том самом летнем доме герцога Даниуса, где они наслаждались самой первой и самой глубокой любовью, — в доме, возрож-

денном магией из пепла, в который обратил его наставник Шильба, и святотатственно обставленном всеми теми изысканными безделушками, которые маг Нингобль вышвырнул из дома своим волшебством и рассеял на все четыре стороны; и что представшие перед ними три ночные красотки — это Ивмисс Овартоморис, племянница Карстака Овартомориса, а также Фралек и Фро, неотличимые друг от друга близнецы, дочери сумасшедшего герцога, — те самые дети тьмы, к которым побратимы, обезумев, бросились, окончательно утратив надежду повидать хотя бы призраки своих истинных возлюбленных в Царстве Теней. В мыслях Фафхрда бешено прокручивалось: «Фралек, и Фро, и Фрег, Фриска… и Фрикс — что за чары на меня наведены, почему именно „Фр“?» — а в голове Мышелова точно так же прыгало: «Ивлис, Ивмисс, Ививис (здесь и вовсе два „Ив“… и в имени „Хисвет“ есть обе эти буквы)… кто они, эти девушки-охранницы?..»

(Рядом с Полюсом Жизни боги Мог, Иссек и Кос трудились на пределе сил, выкрикивая все новые имена девушек, пригодных для издевательств над отступниками. Толпа богов-зрителей вокруг них стала еще плотнее.)

А затем Мышелов, содрогнувшись, подумал о

том, что среди всех этих девиц «Ив» нет самой главной, нежной Иврианы, навеки оставшейся во владениях Смерти. И Фафхрд тоже содрогнулся. А рожденные кошмаром девы обступили их с флангов, надув губы в презрительных гримасах, — и побратимы вдруг незаметно для себя перенеслись в шатер из винного шелка, и за откинутым полотнищем входа они увидели плоские черные равнины Царства Теней.

Прекрасная (хотя и с серовато-синим лицом) Влана щедро плюнула в лицо Фафхрду, сказав:

— Я ведь обещала тебе, что сделаю это, если ты вернешься.

Но нежная Иврианa лишь посмотрела на Мышелова и не произнесла ни звука.

А потом друзья вновь вернулись в освещенный факелами коридор, скорее подгоняемые кем-то, чем по доброй воле, и Мышелов позавидовал посмертному плевку, сползавшему по щеке Фафхрда. А вокруг, словно призраки, мелькали, не задерживаясь, девушки — Мара времен юности Фафхрда, Атья, поклонявшаяся Тье, волоокая Гренлет, Ахура из Селеции и многие, многие другие, — пока друзья не впали в полное отчаяние, какое наступает только тогда, когда теряешь не одну-двух любимых, а всех до единой. Само по

себе такое несчастье может довести человека до гибели.

Потом вдруг одна из мелькавших перед ними сцен стала приближаться и увеличиваться, помедлив несколько мгновений: Алекс Пиклок, в алой тунике и покрытой рубинами золотой тиаре — одеянии первосвященника Востока, и преклонившая перед ней колени Лилиблэк — любовница Мышелова времен его преступного прошлого, одетая как духовное лицо и бормочущая: «Языческий гнев, культуры распад...» — а первосвященник-трансвестит провозгласил в ответ: «Все мужчины — враги...»

Фафхрд и Мышелов едва не упали на колени, чтобы взмолиться неведомым богам о прекращении этой пытки. Но почему-то друзья этого не сделали и тут же очутились на Грошовой улице, там, где она пересекается с Цеховой, повернули к обшарпанной двери, за которой скрылись две женщины — их спины показались друзьям очень знакомыми, — и начали подниматься по узкой лестнице с безумно крутыми длинными пролетами.

В Страбоге Мог откинулся назад, переводя дыхание и говоря:

— Вот! Это конец.

Иссек тоже откинулся назад и вытянулся (насколько это позволяли ему изогнутые под прямым углом лодыжки и запястья), заметив:

— Ох, люди не слишком одобряют наши методы… а уж как тяжко наблюдать, как прокладываются пути Судьбы!

После этих слов боги-зрители начали потихоньку расходиться.

Но Кос, предельно сосредоточенный на том, чтобы завершить начатое, даже не замечал боли в толстых бедрах, возникшей от слишком долгого сидения со скрещенными ногами; он воскликнул:

— Не останавливайтесь! Это отличная парочка, одна из этих девиц — Немия Сумрачная, а другая — Очи Ого, женщина неопределенных моральных устоев и в придачу скупщица краденого, — в общем, то, что надо!

Иссек устало рассмеялся и сказал:

— Довольно, дорогой Кос. Этих двух я вычеркнул из списка с самого начала. Они — заклятые враги наших мужичков, они надули героев на немалую сумму, это тебе скажет почти любой из здешних богов. Так что наши герои, вместо того чтобы добиваться этих красоток (хотя, конечно, их в любом случае отошьют), скорее предпочтут

провалиться в ад.

А Мог, зевнув, добавил:

— Разве ты еще не понял, дорогой Кос, что мы проиграли?

Тогда и Кос, поведя плечами, попытался выпрямить затекшие ноги — и выругался от боли.

В это время Очи Ого и Немия Сумрачная добрались наконец до верха бесконечной лестницы, с усталым видом вошли в свое жилище и с отвращением оглядели его. (Это и в самом деле было преотвратное место — бедно обставленное, прокопченное, даже дурнопахнущее, — две лучшие воровки Ланкмара переживали трудные времена, как это случается время от времени даже с самыми искусными ворами и скупщиками краденого на их долгом трудном пути.)

Немия обернулась и сказала:

— Посмотри, каких птичек к нам занесло!

Нужда превратила ее пухлые губы в тонкие жесткие полоски. Ее подруга Очи Ого все еще была похожа на ребенка, но ребенка очень постаревшего и потрепанного.

— Отлично, — произнесла она усталым тоном. — Вы двое выглядите такими несчастными, как будто сбежали от Смерти и сами об этом жалеете. Сделайте одолжение — свалитесь с лестницы

и сломайте себе шеи!

Поскольку Фафхрд и Мышелов не двинулись с места и не изменили мрачного выражения лиц, она коротко рассмеялась, опустилась на стул со сломанным сиденьем, вытянула ногу и сказала, обращаясь к Мышелову:

— Ну, если ты не желаешь уходить, займись делом. Сними с меня сандалии, вымой мне ноги.

А Немия уселась перед рахитичным столом и, оглядывая себя в треснувшее зеркало, протянула Фафхрду утратившую половину зубьев расческу, говоря:

— Расчеши-ка мне волосы, варвар. Да поосторожнее, не дергай!

Фафхрд и Мышелов (последний начал с того, что поставил подогреваться воду) с серьезными лицами принялись за дело, стараясь изо всех сил.

Спустя довольно много времени (и после того, как друзья выполнили еще ряд приказов — причем с самым подобострастным видом) женщины уже не могли удержаться от улыбок. Даже невзгоды казались им теперь не такими уж значительными…

— Ладно, пока довольно, — сказала Очи Ого Мышелову. — Иди сюда, устраивайся поудобнее.

Немия обратилась к Фафхрду примерно с такими же словами, добавив:

— Попозже вы можете приготовить обед и сбегать за вином.

Через некоторое время Мышелов произнес:

— Клянусь Могом, это уже похоже на что-то настоящее.

А Фафхрд согласился с ним:

— Клянусь Иссеком, да! Во имя Коса, да будут прокляты все истории с привидениями!

Трое богов, отдыхавшие после тяжких трудов в своем раю, услышали, что их имена упомянуты всуе, и остались довольны.

Ловушка Моря Звезд

Фафхрд, образованный варвар, и его вечный спутник Серый Мышелов, рожденный в городе, но учившийся магии в диких лесах, плыли на своем судне «Черный гонщик» (класса «леопард») по Крайнему морю — вдоль Квармалла, или западного побережья земли Ланкмар, все дальше на юг — туда, где они никогда прежде не бывали и куда не забирался еще никто из знакомых им заядлых мореплавателей.

Героев увлекла за собой пара веселых светлячков, как их обычно называют, — это представители особого рода блуждающих огоньков, которых люди считают надежными проводниками к залежам драгоценных металлов, если, конечно, у кого-то окажется достаточно терпения и подходящее судно, чтобы последовать за ними; это объясняет, почему их также называют драгоценными мухами, серебряными мошками и золотыми жуками. Эта пара днем отливала красной медью, а ночью выглядела как темное серебро, обещая тем самым указать, где сокрыт некий клад природного золота и куда более крупные залежи дорогого белого золота.

Огоньки больше всего напоминали непрерывно трепещущие обрывки тончайшей простыни. Они неустанно кружили возле мачты, то бросаясь вперед, то немного отставая от «леопарда». Иногда они были почти невидимы, казались просто едва заметными струйками горячего воздуха в обжигающих лучах стоящего почти точно в зените солнца или мерцанием живой тьмы в черноте ночи, их легко можно было принять за отражение Белой Охотницы в морских волнах, ведь луна была уже почти полной. Иной раз они весело плясали, оправдывая свое название, а иной раз поникали и отставали от судна — но всегда пребывали в движении. Когда они оказывались позади судна, то выглядели печальными (или меланхоличными, как говорил Фафхрд, — это было одно из его любимых настроений). Случалось, что они начинали (если можно доверять ушам в таком деле) весело петь, наполняя воздух вокруг быстрого судна едва слышным нежным бормотанием, шепотом, похожим на шепот ветра, и протяжным восторженным мурлыканьем.

По подсчетам Серого Мышелова и Фафхрда, «Черный гонщик» уже оставил позади землю Ланкмара и далекий гипотетический Западный континент и шел прямиком на юг, к Великому

Экваториальному океану (который иногда — но почему? — называют Морем Звезд) — тому самому, что окружает Невон и считается невообразимо зловещим; и ланкмарцы, и люди Востока в равной мере считают, что его невозможно пересечь; они, отправляясь в плавание, всегда держатся южных берегов северных континентов, так что можно предположить, будто эти отважные моряки боятся, что в противном случае не вернутся назад.

Но, видите ли, была и другая причина, кроме надежды на огромное богатство, которая побудила героев идти на риск, — и, во всяком случае, вовсе не из-за бесконечной храбрости Фафхрд и Мышелов плыли навстречу неведомым опасностям и чудовищным монстрам, упоминаемым в легендах, — монстрам, способным пожирать корабли, — и навстречу стремительным теченим, несущимся быстрее, чем ураган, и безумным водоворотам, что разом проглатывают самые быстрые суда и даже смывают целые острова. Была причина, но они редко касались ее в разговорах, а если и упоминали, то лишь весьма осторожно, понизив голоса, предварительно помолчав и оглядевшись по сторонам, и только ночью. Вот в чем она заключалась: на самом краю

глубокого ночного сна или вяло пробуждаясь после дневной дремы, они на краткое мгновение видели в блуждающих огоньках прекрасных, стройных, полупрозрачных девушек, неотличимо похожих друг на друга, с нежными лицами и большими мерцающими крыльями. У девушек были пышные волосы, похожие на золотые или серебряные облака, и глаза, устремленные вдаль, глаза, полные задумчивости и волшебства, — это были девушки невообразимо тоненькие, но все же не настолько субтильные, чтобы с ними нельзя было заняться любовью, да к тому же иной раз их улыбки и взгляды вроде бы и обещали кое-что… И два искателя приключений чувствовали к этим мерцающим девушкам влечение, какого никогда не чувствовали по отношению к смертным женщинам, так что повернуть назад они способны были не более, чем люди, которые полностью находятся под властью колдовских чар или охвачены безумием.

В то утро, когда веселые светлячки влекли их вперед, сверкая на солнце, как маленькие радуги, Мышелов и Фафхрд, поглощенные тайными мыслями о девушках и золоте, не обратили внимания на едва заметные перемены на поверхности океана впереди по курсу: рябь почти исчезла и

по разгладившейся поверхности воды то и дело пробегали пенные полосы, уходящие на восток. Внезапно золотые жуки метнулись к востоку, а в следующую секунду нечто неведомое вцепилось в киль стремительного судна, так что оно резко уклонилось на восток, почти совершив прыжок на манер той гибкой твари, именем которой и назван данный класс плавучих средств. Высокая мачта едва не переломилась, а два героя чуть не покатились по палубе, и к тому времени, когда они опомнились от удивления, «Черный гонщик» уже летел на восток, блуждающие огоньки-двойняшки ликующе неслись впереди, и герои поняли, что они попали в ловушку Великого Восточного Экваториального течения и что это течение — не вымысел.

Мгновенно забыв о своих воздушных вроде бы девушках, они попытались взять к северу: Фафхрд налег на румпель, а Мышелов уставился на их единственный большой парус, — но в этот момент им в корму ударил порыв северо-западного почти штормового ветра, едва не перевернувший «Черный гонщик», и подтолкнул судно вглубь течения. Потом ветер задул ровно, быстро набрав штормовую силу, так что он наверняка порвал бы их парус, прежде чем они успели бы его спустить,

если бы при этом течение не несло их на восток почти с такой же скоростью, с какой подгонял судно ветер.

Потом примерно в лиге к югу от себя друзья увидели три смерча, бок о бок двигавшихся на восток, — серые колонны, взметнувшиеся ввысь на половину расстояния от земли до неба, неслись по меньшей мере в три раза быстрее, чем «Черный гонщик», и это говорило о том, что там течение еще более стремительное. Двое все еще не оправившихся от изумления моряков волей-неволей примирились с обстоятельствами — беспомощные в двойном захвате бешено несущихся воды и воздуха, — и Серый Мышелов воскликнул:

— О Фафхрд, теперь я вполне готов поверить в метафизическую выдумку о том, что вся вселенная — бесконечный водный резервуар и наш мир — единственный воздушный пузырь, плавающий в ее толще!

Фафхрд, по-прежнему не выпускавший из рук румпель, ответил:

— Согласен, что сейчас, когда вокруг все эти смерчи и пена, может показаться, будто в мире вообще ничего не существует, кроме воды. Но я все равно не верю тем философам, которые

считают, что мир Невона — пузырь, когда любой дурак способен увидеть, что солнце и луна — гигантские шары, и то же можно сказать о Невоне, если посмотреть на него с очень высокой вершины, и воздух там, между прочим, жидкий. Но сейчас, приятель, не время для софистики. Я закреплю румпель, и, пока длится этот роковой штиль (возникший в результате равенства скоростей течения и ветра, как будто поток воздуха оборвался впереди нас и иссяк позади), давай-ка спустим парус.

Пока они работали, три водяных смерча растаяли впереди, но их заменили другие пять, быстро догонявшие судно с кормы, — и на этот раз смерчи подошли ближе, а «Черный гонщик» начало постепенно и неудержимо сносить к югу. Полуденное солнце слало свои обжигающие лучи почти с самой верхушки неба, но штормовой ветер, дувший с едва ли не ураганной силой, не принес с собой ни единого облачка — что само по себе казалось чудом не только имевшему немалый опыт Мышелову, а даже Фафхрду, также не раз бывавшему в плаваниях, хотя и в других водах. После нескольких бесплодных попыток повернуть к северу и выбраться из плена могучего течения (в результате чего дувший им в

спину ветер развернул их судно еще на один или два румба к югу) мужчины прекратили усилия, признав тем самым свою полную беспомощность перед обстоятельствами, увлекшими за собой их «леопард».

— При такой скорости, — высказал свое мнение Фафхрд, — мы пересечем Великий Экваториальный океан за месяц или два. К счастью, у нас хороший запас провизии.

Мышелов заметил меланхолически:

— Если «Гонщик» продержится еще день среди всех этих смерчей, да на такой скорости — я буду очень удивлен.

— Ну, это крепкое судно, — беспечно бросил Фафхрд. — Ты только подумай, маленький угрюмец, ведь впереди южные континенты, неведомые людям! Мы первыми ступим на эти земли!

— Если они вообще существуют. И если обшивка корпуса не лопнет. Континенты? Я бы сейчас отдал душу за один маленький островок!

— Мы будем первыми, кто доберется до Южного полюса Невона! — продолжал мечтать Фафхрд. — Первыми, кто взберется на южную Звездную Пристань! Первыми приберем к рукам сокровища юга! Первыми увидим земли, являющиеся противоположностью Царству Теней, обители

Смерти! Первыми…

Мышелов молча обошел спущенный парус, медленно добрался до носа судна и с утомленным видом пристроился в узкой полоске тени. Он был слишком ошеломлен ветром, брызгами, напряжением, палящим солнцем и бешеной скоростью. Улегшись, он тупо уставился на отливающие красной медью блуждающие огоньки, которые с завидным упорством держались впереди судна на расстоянии в длину мачты.

Через некоторое время он заснул, и ему приснилось, что один из веселых светлячков отделился от второго и завис над его головой, трепеща, как длинный розовеющий призрак, а потом, превратившись в нежную, длиннолицую, зеленоглазую девушку, упал в его объятия, — она сняла с него одежду пальцами, прохладными, как молоко, только что вынутое из колодца, и он увидел, как соски ее лакомых грудей цвета начищенной меди прижались к темной, курчавой растительности на его груди. И она говорила — ласково, сладко, склонив к нему голову, касаясь губами и языком его уха:

— Ну же, поспеши! Это единственный путь к Жизни и бессмертию и к раю…

А он ответил:

— Любовь моя, я поспешу…

Мышелов проснулся от крика Фафхрда и успел заметить ускользавшее лицо женщины почти ослепляющей красоты, узкое и изысканное, но совершенно непохожее на спокойное лицо девушки его сна. Это было резкое, властное лицо, пылающее страстью, сотканное из багряно-золотого света, а радужки огромных глаз этой женщины были алыми.

Он вяло приподнялся. Его короткая куртка была расстегнута до самой талии, плечи обнажены.

— Мышелов, — резко сказал Фафхрд, — когда я взглянул на тебя, вот только что, ты был весь объят огнем!

С глупым видом, потупив взгляд, Мышелов увидел две струйки дыма, поднимавшиеся от его волосатой груди — в тех местах, где к ней прижимались соски снившейся ему девушки. Он смотрел на дымки, пока они не иссякли. Запахло паленым волосом.

Мышелов потряс головой, моргнул и резко вскочил на ноги.

— Что за странная фантазия, — сказал он Фафхрду. — Должно быть, тебя ослепило солнце. Эй, смотри-ка!

Пять водяных столбов растаяли далеко впереди,

но зато возникли еще два отряда водяных смерчей (по три и четыре столба), быстро догонявших «Черный гонщик»; четыре были еще довольно далеко, три — устрашающе близко, так что побратимы могли отчетливо видеть устройство смерчей: это были колонны яростно вращающейся серой воды толщиной с хороший корабль и высотой в три мачты, как бы обрезанные сверху. А много дальше друзья заметили еще несколько групп вращающихся водяных столбов, и совсем далеко, едва ли не у горизонта, бешено несся одинокий смерч, казавшийся с лигу в поперечнике. А мерцающие светлячки по-прежнему трепетали перед носом их судна, маня вперед и вперед.

— Это уже становится странным, — заявил Фафхрд.

— Ты о стаях водяных смерчей? — решил уточнить Мышелов. — Или это водяные скопища? А может — гигантские фонтаны? Или — да! Башня! Башня воды!

Миновал день, прошла половина ночи, а судьба все так же влекла их к востоку — вместе с «Черным гонщиком». Море, как ни странно, было спокойным, лишь длинные ленивые волны медленно вспухали на его поверхности, увенчанные бледными полосами пены. Ветер в конце концов

превратился в настоящий ураган, но скорость Великого Экваториального течения тоже возросла ему под стать.

Над головами, почти касаясь верхушки мачты, повисла полная луна, окруженная редкими звездами. Свет Белой Охотницы падал на гладкую поверхность моря, на которой тут и там торчали водяные столбы, несущиеся в некоем волшебном боевом порядке и с фантастической скоростью, как будто они умели извлечь куда больше энергии из морского течения, чем «Черный гонщик». Впереди, на высоте мачты и на расстоянии корпуса судна, порхали близнецы-огоньки, похожие на фоне ночной темноты на флажки из серебряного кружева. Вокруг было тихо.

— Фафхрд, — заговорил Мышелов мягко, словно не желая нарушать серебряные чары луны, — нынче ночью я отчетливо увидел, что Невон действительно представляет собой пузырь, поднимающийся из вод вечности, а его континенты и острова плавают внутри этого пузыря.

— Ну да, и они там движутся — я имею в виду континенты — и стукаются друг о друга, — сказал Фафхрд, тоже мягко, хотя и несколько ворчливо. — И таким образом могут вообще уплыть куда-то. В чем я лично сильно сомневаюсь.

— Они движутся в строго предопределенном порядке, в соответствии с законами предустановленной гармонии, — откликнулся Мышелов. — А что касается плавучести — подумай о Тонущей земле.

— Но тогда где находятся солнце, и луна, и девять планет? — возразил Фафхрд. — Они, выходит, столпились в середине пузыря? Это совершенно невозможно… да и глупо.

— Я догадался насчет звезд, — сказал Мышелов. — Они все плавают, подчиняясь еще более строгим правилам гармонии в Великом Экваториальном океане, который, как мы теперь сами убеждаемся, является чем-то вроде стремительно текущего пояса Невона, совершающего полный оборот каждые сутки. Я тебя спрашиваю — почему бы иначе его называли Морем Звезд?

Фафхрд моргнул, поневоле впечатлившись сказанным. Потом усмехнулся.

— Но если этот океан полон плавающих звезд, — требовательно спросил он, — почему мы видим их над нашим кораблем? Объясни-ка мне это, о мудрец!

Мышелов в ответ очень спокойно улыбнулся.

— Они все внутри этих вот водяных смерчей, — сказал он. — А смерчи — это серые водяные трубы,

указывающие на небеса, под которыми я, само собой, подразумеваю антипод Невона. Посмотри вверх, мой самоуверенный друг, на выгнутый купол неба и высшую его точку. Ты смотришь на тот самый Великий Экваториальный океан, по которому мы плывем, только он находится на полпути от Невона до «Черного гонщика». Ты смотришь вниз (или вверх, кто скажет?) на водяные трубы-смерчи, а потому можешь видеть звезды на дне каждой из них.

— Я смотрю еще и на полную луну, — сказал Фафхрд. — И не пытайся доказать мне, что и она находится на дне водяной трубы.

— Но я именно это и скажу, — возразил Мышелов. — Припомни-ка тот гигантский смерч, подобный несущейся горе, который мы видели в минувший полдень. Это и была труба луны, если можно так выразиться. И теперь она мчится к небу впереди нас, на расстоянии в половину дня.

— Ну чтоб мне сардиной подавиться! — с чувством воскликнул Фафхрд. Потом он помолчал, собираясь с мыслями. — А те, кто живет по другую сторону от Невона — там, наверху, — они что же, видят звезды на дне каждой из тех труб, что сейчас несутся мимо нас вот здесь?

— Конечно нет, — терпеливо ответил Мы-

шелов. — Для тех людей солнечные лучи, просачиваясь отсюда, сверкают как звезды. Там, наверху, — день, видишь ли. — Он показал на темное пространство вокруг луны. — Там, наверху, они купаются в тепле горячего полдня, их орошают лучи солнца, которое сейчас находится где-то неподалеку от нас, но скрыто за толстыми стенами его собственного солнечного смерча, если это можно так назвать, — полностью подобного трубе луны.

— Ох, это чудовищно! — воскликнул Фафхрд. — Если там, наверху, день, почему мы его не видим, дурачок? Почему мы не видим там, наверху, земли Невона, омываемые ярко-синим морем? Ответь мне на это!

— Потому что существуют два разных типа лучей света, — ответил Мышелов с почти божественной безмятежностью. — Они выглядят одинаково, но различаются по сути. Первый — это прямой свет, тот, что исходит от луны и солнца над нами. Второй — это отраженный свет, который не способен преодолевать по-настоящему большие расстояния и, уж конечно, не может — ни единый его лучик! — пересечь центральное пространство Невона, чтобы добраться до нас.

— Мышелов, — сказал Фафхрд очень тихо, но

чрезвычайно уверенно, — ты сейчас не рассказ сочиняешь, ты выдумываешь целую систему — просто под влиянием момента.

— Изобретаю Законы Природы? — переспросил Мышелов, вроде бы даже ужаснувшись. — Но это было бы хуже самого черного богохульства!

— Так прекрати, именем всех богов! — потребовал Фафхрд, на этот раз очень громко. — Разве может солнце находиться внутри водяной трубы и чтобы при этом она не испарилась мгновенно, выбросив горы пара? Ну, отвечай!

— Но есть кое-какие вещи, о которых людям не положено знать, — произнес Мышелов напыщенно. И тут же заговорил как обычно: — Или, скорее, поскольку я не религиозен, я сказал бы, что есть некоторые вещи, недоступные для нашего разума. Но все же попытаюсь как-то все разъяснить. Есть, видишь ли, два разных вида энергии: одна — тепло, а вторая — свет, который не вскипятит даже крохотную каплю воды, — тот самый прямой свет, о котором я тебе уже говорил, который почти полностью преобразуется в тепло там, куда он падает, а это, в свою очередь, объясняет нам, почему отраженный свет не может совершить долгий обратный путь через центр Невона. Ну, теперь мой ответ тебя удовлетворяет?

— О черт, черт, черт! — слабым голосом выругался Фафхрд. Потом все же сумел взять себя в руки, хотя на этот раз с трудом, и заговорил язвительно: — Хорошо, хорошо! Но где же тогда сейчас это плавающее солнце, о котором ты тут рассуждал, где эта его широченная водяная труба со стенками, крепкими, как алмаз?

— Посмотри туда, — сказал Мышелов, показывая на юг, вперед по правому борту.

Глянув через серебристо-серое поле морской воды, утыканной вращающимися башнями почти до самого горизонта, едва видимого, Фафхрд увидел одинокую гигантскую башню, огромную, как остров, выше самой высокой горы, движущуюся на восток по меньшей мере с такой же скоростью, как все остальные смерчи, и такую же тупо неостановимую, как боевая колесница императора Восточных земель. Волосы на голове Фафхрда встали дыбом от страха и изумления, и он не произнес ни слова, а лишь смотрел и смотрел на ужасающее явление, которое подавляло своей необъятностью.

А потом он почувствовал сильную усталость. Он поднял глаза немного вперед и вверх на неколебимо висящие перед судном серебряные кружева огоньков-двойняшек, и его немного

успокоили их близость и постоянство, как будто они были своеобразным флагом «Черного гонщика». Фафхрд медленно опустился на палубу и растянулся ничком, прижавшись к ее доскам, головой к носу, уткнув подбородок в ладони и по-прежнему глядя на веселых светлячков.

— Ты ведь знаешь, как иной раз таинственно гаснут целые группы звезд в самые ясные ночи Невона? — легко и мечтательно произнес Мышелов.

— Это верно, такое случается, — сонно согласился Фафхрд.

— Должно быть, это оттого, что стены их водяных труб-смерчей сильно наклонились или изогнулись под напором случайного шторма и скрыли от нас их свет.

Фафхрд пробормотал:

— Ну, если ты так считаешь…

После довольно длительной паузы Мышелов спросил тем же тоном:

— Разве не изумляет мысль о том, что в самом сердце каждого из темных, серых смерчей, несущихся вон там, в открытом море, горит (не давая тепла) драгоценность ослепительного, чистейшего, бриллиантового света?

Фафхрд умудрился тяжким вздохом выразить

свое согласие.

После еще одной долгой паузы Мышелов сказал задумчиво, как человек, пытающийся свести концы с концами:

— Не правда ли, сразу понятно, что и огромные и маленькие смерчи должны быть трубами? Ведь если бы они по какой-то непонятной причине сплошь состояли из воды, они бы полностью осушили океан и наполнили небо густейшими облаками — да нет, морем воды! Ты с этим согласен?

Но Фафхрд уже спал. Он видел сон, во сне он перевернулся на спину, и одна из мерцающих точек отделилась от своей сестрицы и порхнула к нему, превратившись в длинное и тонкое существо с черными волосами, бледное, как луна, обернутое тончайшим черным с серебром кружевом, которое волшебным образом подчеркивало наготу. Она смотрела на Фафхрда нежно, однако и оценивающе, и ее глаза были бы фиолетовыми, если бы вокруг было чуть посветлее. Он улыбнулся ей. Она чуть заметно покачала головой, ее лицо стало серьезным, и она спустилась ниже, пролетев над ним от головы к ногам, ее воздушные пальцы занялись бронзовой пряжкой его широкого ремня, а девушка, развернувшись, прижалась

прохладной щекой к его лихорадочно горящему лицу и зашептала тихо, но вполне отчетливо прямо в его ухо (и каждое слово звучало так, будто оно было написано самыми черными чернилами на матово-лунной бумаге):

— Поворачивай назад, поворачивай назад, самый замечательный из мужчин, к Стылым пустошам, к Царству Теней и Смерти, потому что это единственный способ остаться в живых… Доверяй только луне. Не верь ничьим пророчествам, кроме моих. А сейчас — на север, на север, только на север…

И Фафхрд ответил во сне:

— Я не могу повернуть на север, я слишком устал. Люби меня, самая замечательная из женщин…

А она хрипловато произнесла:

— Так должно быть, любимый. Ищи Смерть, чтобы спастись от него. Не доверяй ни одной пленяющей юностью и горящей страстью женщине. Остерегайся солнца. Верь только луне. Жди от нее знака.

И в это мгновение сон отлетел от Фафхрда, и он тупо сел, услышав резкий вскрик Мышелова, и перед ним мелькнуло леденящее видение лица — узкого, прекрасного, с необычайно грустным

бледно-фиолетовым лицом и с глазами, похожими на черные дыры. Еще он успел заметить призрачное тело, как бы обернутое черными крыльями.

А потом Мышелов схватил его за плечо и встряхнул, крича:

— Проснись, проснись! Не молчи!

Фафхрд потер лицо ладонью и пробормотал:

— Что случилось?

Присев рядом с ним на корточки, Мышелов заговорил торопливо, едва успевая переводить дыхание:

— Наши веселые светлячки вдруг забеспокоились и начали метаться вокруг мачты, как огни святого Эльма. Один начал кружить возле меня, словно назойливая оса, а когда я его отогнал, то увидел, что второй огонек летает прямо над тобой, задержался у талии, потом просто прилип к твоей шее. Твоя кожа вдруг стала серебристо-белой, бледной, как у покойника, а огонек превратился в объявший тебя светящийся саван. Я жутко испугался за тебя и прогнал его.

Замутненный взгляд Фафхрда отчасти прояснился, пока Мышелов говорил, а когда рассказ закончился, Фафхрд кивнул и сказал понимающе:

— Да, так и должно быть. Она много говорила о смерти и в конце сама стала похожа на покойницу, бедная пророчица.

— Кто говорил? — спросил Мышелов. — Какая пророчица?

— Мерцающая девушка, конечно, — ответил Фафхрд. — Ты знаешь, о чем я говорю.

Он встал. Его ремень скользнул вниз. Он широко раскрытыми глазами уставился на расстегнутую пряжку, потом поднял ремень и застегнул.

— Фафхрд, я не знаю, о чем ты говоришь! — возразил Мышелов, и его лицо внезапно помрачнело. — Девушка? Какая девушка? Мираж? Твоя эротическая фантазия? Или ты превратился в сумасшедшего лунатика?

Тут Фафхрд заговорил куда более резко и напомнил Мышелову, что именно он, Мышелов, еще недавно высказывал предположение, что блуждающие огоньки — это девушки и что, хоть в них ощущается немалая примесь чего-то сверхъестественного, все же они могут обрести вполне материальное женское естество любого вида.

Мышелов постепенно признал справедливость слов друга, хотя его ум постоянно стремился уплыть в размышления о пузырящемся мироздании. Однако под нажимом Фафхрда Мышелов

даже признался в своей встрече с огненно-рыжей мерцающей девушкой с красными, как киноварь, глазами, произошедшей прошлой ночью, — когда побратим увидел его охваченным пламенем, и после настойчивых расспросов припомнил те слова, которые слышал во сне.

— Значит, твоя рыжая красотка говорила о Жизни и утверждала, что на юге таятся бессмертие и рай, — задумчиво подвел итог Фафхрд, — в то время как моя темная милашка толковала о Смерти и о том, что мы должны повернуть назад, на север, к Царству Теней и Ланкмару. — И тут его охватило возбуждение, он изумился собственному прозрению, внезапно посетившему его. — Мышелов, я все понял! Их две пары, этих мерцающих девушек! Дневная пара (ты говорил с одной из них) — это дети солнца и посланницы мифической Страны Богов на Полюсе Жизни Невона. А ночная пара, заменяющая первую на период от сумерек до рассвета, — это служительницы луны, дочери Белой Охотницы, преданные Царству Теней, которое лежит в противоположном от Полюса Жизни конце мира.

— Фафхрд, подумай-ка вот о чем, — сказал Мышелов, возвращаясь из глубин своих мрачных раздумий. — Какими должны быть высота и

диаметр каждой из водяных труб-смерчей, чтобы звезды на их дне были видны в каждой точке противоположной половины Невона (там, наверху, когда там наступает ночь)? Чем объяснить, почему звезды ярче всего в зените, так что ты отчетливо видишь каждую из них, не прибегая в двояковыпуклым линзам. Похоже, это доказывает, что некие божества должны… — Тут слова Фафхрда наконец проникли в его сознание, и он сказал уже не так отстраненно: — Две разные пары девушек? То есть всего их четыре? Фафхрд, я думаю, тут перебор в количестве. По правилу сабли Илдрика…

— Здесь две пары близнецов, — перебил его Фафхрд. — И именно это верное число, а другое будет ошибочным. Заметь себе, малыш, твоя солнечная девушка предсказывала, что нас ждет беда, хотя и обещала добро, — ведь как же можно достичь бессмертия и рая, если не смертью? Как можно попасть в Страну Богов, если не через гибель? Ведь обжигающие солнечные лучи — чисты они или нет, все равно гибельны и смертоносны. Но моя лунная девушка, тоже считая, что нас ждут несчастья, все-таки желает нам одного лишь добра — и сама она одновременно и добра и холодна, как ночное светило.

Она сказала в моем сне: «Поворачивай назад, к Смерти», и это звучит зловеще. Но ты и я жили рядом со Смертью десятки лет и ни разу всерьез не пострадали, — а ведь она именно об этом и говорила: «Это единственный способ остаться в живых. Ищи Смерть, чтобы спастись от него!» Так что давай-ка поскорее поворачивать на север, как она посоветовала. Потому что, если мы будем по-прежнему плыть на юг, забираясь все глубже и глубже в выжженные солнцем края («Остерегайся солнца», — сказала она), мы наверняка погибнем, обманутые твоей фальшивой, лживой огненной красоткой. Вспомни-ка, от одного лишь ее прикосновения ты задымился! А моя девушка сказала: «Не доверяй ни одной пленяющей юностью и горящей страстью женщине», — и это подтверждает мои доказательства.

— Не вижу тут никаких доказательств, — сказал Мышелов. — Я люблю солнце и всегда его любил. Его всепроникающие лучи — лучшее из лекарств. Это ты любишь холод, ты, дикарь из Стылых пустошей! Моя девушка была нежной и наполненной горячей жизнью, а твоя — уныла и мрачна, как оживший труп, сам же сказал. Кто поверит ее словам? Только не я. Кроме того, по правилу сабли Илдрика — если вернуться к

нему, — простейшее объяснение всегда и есть самое лучшее, а заодно и самое изящное. Рядом с нами — всего две девушки, и с одной я говорил во сне, а с другой — ты, и вовсе не четверка их порхают вокруг нас, сбивая с толку и сменяясь на рассвете и на закате, к нашему и их собственному недоумению. Две девушки — только две! — выглядят совершенно одинаковыми внешне, медные днем, серебряные ночью, но при этом моя — ангел, твоя — смертоносная валькирия. И в снах это открылось.

— Ну, ты просто играешь словами, — решительно сказал Фафхрд. — И в придачу доводишь меня до головокружения своей болтовней. Мне-то все ясно: мы должны подготовиться сами и подготовить «Черный гонщик» к развороту на север, как настойчиво советовала мне моя лунная бедняжка, к тому же не один раз.

— Но, Фафхрд, — возразил Мышелов, — мы уже пытались вчера повернуть на север, и тоже не один раз, и каждый раз терпели неудачу. Так почему же ты решил, ты, доверчивое ухо…

Фафхрд перебил его:

— «Верь только луне, — сказала она. — Жди от нее знака». Так что ты уж подожди ради такого случая и понаблюдай. Смотри на море и на небо,

идиот, и поражайся.

Мышелов и вправду был поражен. Пока они спорили, сосредоточившись лишь на том, чтобы наносить и парировать словесные удары, гладкая поверхность Моря Звезд из ровной и блестящей стала мутной и неспокойной. Сильные толчки несколько раз встряхнули судно. Серебристые клубы пены внезапно прокатились по палубе — ураган разыгрался не на шутку, словно вырвавшись из-под чьей-то власти, порывистый ветер обдавал побратимов то горячим, то холодным воздухом. В небе наконец появились облака, быстро несущиеся одновременно с северо-запада и с востока, вся природа, казалось, опасливо съежилась, как бы ожидая неких зловещих событий, предвещаемых этим странным кипением в небесах. Два серебристых блуждающих огонька, похоже, разделяли эти опасения или предчувствия, поскольку они снова начали беспорядочно метаться, их серебряные кружева трепетали на ветру, они тонко пищали и встревоженно свистели в неестественной тишине и наконец разделились: один поплыл к носу судна, на юго-восток, другой — к корме, на северо-запад.

Быстро сгущавшиеся облака закрыли большую часть звезд и уже подбирались к луне. Ветер дул

с прежней силой, в точности соответствуя скорости течения. «Черный гонщик» колыхался, как будто находился на гребне гигантской волны. На мгновение море словно замерзло. Тишина была оглушительной.

Мышелов посмотрел вверх — и из его горла вырвался приглушенный короткий вскрик, от которого у его друга кровь застыла в жилах. Справившись с потрясением, Фафхрд тоже посмотрел вверх — как раз в то мгновение, когда на них обрушилась полная тьма. Голодные тучи поглотили луну.

— Почему ты закричал? — сердито спросил Фафхрд.

Мышелов ответил с трудом, его зубы громко стучали друг о друга.

— Как раз перед тем, как тучи ее закрыли, луна сдвинулась с места!

— Да как ты мог бы это увидеть, дурачок, если тучи так и кипели вокруг нее? Из-за этого и могло показаться, что луна движется!

— Я не знаю… но я в этом уверен, так же как в том, что стою на этой палубе! Луна начала двигаться!

— Ну, если луна находится в водяной трубе-смерче, как ты сам утверждаешь, она точно так

же должна быть подвержена влиянию ветра и волн. Так что же такого ужасающего в ее движении?

Яростный, дрожащий голос Фафхрда сводил на нет всю его рассудительность.

— Я не знаю, — повторил Мышелов на удивление тонким, напряженным голосом, его зубы продолжали выбивать дробь. — Но мне это не нравится!

Блуждающий огонек на корме трижды свистнул. Его нервно мерцающий, полупрозрачный, серебряный свет был отчетливо виден в черноте ночи, так же как свечение двойника на носу «Гонщика».

— Это знак! — хрипло воскликнул Фафхрд. — Готовься к повороту!

И он всем своим весом налег на румпель, отводя его вправо и тем самым заставляя судно повернуть влево, чтобы уйти на север. «Черный гонщик» откликнулся чрезвычайно вяло, однако вырвался из захвата течения и ветра настолько, чтобы на румб-другой развернуться к северу — но не больше.

Длинная прямая молния сверкнула в небе и осветила серую поверхность моря до самого горизонта, и там друзья увидели на этот раз два

невообразимо гигантских смерча, один точно на юге, второй приближался с запада. Гром грянул так, словно несколько армий или армад столкнулись с железными всадниками Армагеддона.

А потом ночь превратилась в яростное пламя и хаос, и огромные сокрушительные волны сражались с ветром, словно гиганты, чьи головы задевали небеса. А возле корабля вступили в схватку блуждающие огоньки, и то их было два, то вроде бы четыре, — во всяком случае, они кружили друг возле друга, то сближаясь, то разбегаясь. Застывшее вокруг судна море теперь покрылось волнами, высокие гребни устремлялись к небу, между ними возникали провалы, достигавшие, казалось, черного илистого морского дна, недоступного человеку. Молнии и оглушительные раскаты грома следовали друг за другом почти непрерывно, перекрывая все другие звуки. И среди всего этого «Черный гонщик» все еще держался на плаву, как пушинка в безумном хаосе, а Фафхрд и Мышелов демонстрировали чудеса мореходного искусства.

Но вот с юга двинулся второй гигантский водяной столб, подобный ожившей горе, гоня перед собой огромные волны, и они весьма помогли Фафхрду, разворачивавшему судно к северу все

сильнее и сильнее. В то же время первый гигантский столб, шедший с юга, казалось, повернул назад, и эти два смерча (лунный и солнечный?) столкнулись.

И тут же «Черный гонщик» как будто налетел на стену. Фафхрда и Мышелова швырнуло на палубу, и, пока побратимы в безумном усилии пытались подняться на ноги, они, к своему крайнему изумлению, обнаружили, что их «леопард» плывет по безмятежным водам, а вдали продолжают сверкать молнии и греметь гром, мало различимые для их наполовину оглохших ушей и наполовину ослепших глаз. Не видно было ни звезд, ни луны, осталась лишь густая тьма. Исчезли блуждающие огоньки. Парус был разодран на ленты, освещаемые слабым блеском молний. Фафхрд ощутил под рукой свободно болтающийся румпель, словно судно вовсе лишилось руля и могло теперь выжить только чудом.

Мышелов сказал:

— Он накренился немного на правый борт и осел на корме, тебе не кажется? У нас течь, я уверен. Нам надо взяться за насос. А уж потом будем ложиться на новый курс.

И они взялись за дело и несколько часов молча работали бок о бок, как не раз случалось в про-

шлые времена, приводя в порядок свое гоночное судно в свете двух фонарей, которые Фафхрд снял с мачты и заправил чистейшим жиром левиафана, а тем временем буря исчерпала все свои молнии, а темные тучи опустились ниже.

Вообще-то, облачный покров навис в ту ночь над всем Невоном (и в тот день на другой его стороне). И в течение многих последующих месяцев и лет люди вспоминали о Великой Тьме, как это чаще всего называли, окутавшей Невон на многие часы, но так никогда и не удалось до конца выяснить, вправду ли луна в это время непостижимым образом обошла половину мира, чтобы сразиться с солнцем, а потом вернулась на свое законное место, или этого не было, — хотя и звучали разрозненные, но настойчивые тревожные разговоры об этом ужасающем явлении, замеченном сквозь редкие просветы в облачном саване, и поговаривали даже, что солнце само двинулось навстречу луне, желая остановить ее.

Довольно много времени спустя, когда друзья сделали небольшой перерыв, Фафхрд тихо сказал:

— Как-то одиноко без наших веселых светлячков, тебе не кажется?

Мышелов ответил:

— Согласен. Хотел бы я знать, действительно ли они вели нас к сокровищам или хотя бы собирались это сделать? Или они вели нас, или одного из нас, куда-то еще — твой светлячок, а может, мой?

— Я по-прежнему уверен, что огоньков было четыре, — сказал Фафхрд. — Так что любая пара могла вести нас в своем направлении вместе, не разлучая.

— Нет, огоньков было только два, — возразил Мышелов. — И они пытались вести нас в совершенно разных направлениях, противоположных, разделить нас. — Поскольку Фафхрд ничего не ответил на это, Мышелов после паузы продолжил: — И какая-то часть меня желала отправиться вместе с моей огненной девушкой на поиски чего-то вроде рая, омытого блистающим солнцем.

Фафхрд сказал:

— Какая-то часть меня желала последовать за моей меланхоличной девой туда, где царствует бледная луна, и, возможно, проводить летние месяцы в Царстве Теней. — Потом, немного помолчав, Фафхрд продолжил: — Но человек не предназначен для рая, я уверен, будь тот жарким или прохладным. Нет, нет и еще раз нет.

— Ну, за двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь, — сказал Мышелов.

Пока они так разговаривали, начало понемногу светлеть. Тучи умчались. Новый парус стал виден. Масло левиафана уже выгорало в лампах, их чистый свет стал почти незаметен на фоне бледного неба. Затем далеко-далеко на севере два искателя приключений заметили неясные очертания побережья, напоминающие лежащего быка, — вернейший знак приближения южной оконечности Восточных земель.

— Мы обошли с наветренной стороны весь Ланкмар за один день и одну ночь, — сказал Мышелов.

С юга налетел бриз, взбодрив неподвижный воздух. Они взяли курс на север, вдоль длинного Восточного моря.

Ледяные монстры

— Я устал, Серый Мышелов, от всех этих мелких стычек со Смертью, — сказал Фафхрд-северянин, поднимая свой помятый серый кубок и делая осторожный глоток сладкой виноградной браги, приправленной горьким бренди.

— Жаждешь стычки посолиднее? — фыркнул его друг, делая такой же глоток.

Фафхрд обдумал вопрос, неторопливо оглядывая таверну, вывеской которой служила пятнистая, змееподобная серебряная рыба.

— Возможно, — ответил он наконец.

— Скучная сегодня ночь, — согласился Мышелов.

И в самом деле, даже зал таверны «Серебряный угорь» казался им таким же свинцово-серым и унылым, как ее винные кубки. Время уже перевалило за полночь, лампы горели без копоти, воздух был влажным, но не холодным, другие пьянчуги сидели, словно угрюмые статуи, уставясь на хозяина заведения, на лицах подавальщиков застыло выражение раздражения и недовольства, и казалось, что само Время остановилось.

Великий город Ланкмар затих, словно кладби-

ще, а весь Невон пребывал в мире или, скорее, в состоянии отсутствия войны уже целый год. Даже минголы не совершали обычных коротких набегов на южные области из своих необъятных степей.

Однако результатом такого положения вещей стало не спокойствие, а скорее смутная неуверенность, тревога, еще не созревшая, как будто служившая лишь прелюдией к некой мучительной вспышке холодной молнии, пронзающей каждый из самых незначительных моментов бытия.

Эта атмосфера оказала свое влияние на чувства и мысли высокого варвара, одетого в коричневую рубаху, и его низкорослого друга в сером.

— И вправду скучно, — сказал Фафхрд. — Хочется совершить что-нибудь эдакое!

— Это всего лишь мечты простодушной юности. Ты поэтому сбрил бороду? Чтобы соответствовать собственным мечтам? — и спросил, и ответил Мышелов.

— А ты почему не бреешься в последние три дня? — поинтересовался Фафхрд.

— Всего лишь даю коже отдых. А ты похудел. Юношеская лихорадка желания?

— Все это ни при чем. Ну ты тоже потерял в

весе. Ты меняешь неуемные мускулы юности на нечто более гибкое и прочное, более подходящее для великих испытаний и рискованных предприятий средних лет.

— Ну мы уже хлебнули их досыта, — заявил Мышелов. — По меньшей мере трижды обошли весь Невон!

Фафхрд угрюмо покачал головой:

— Мы еще и не жили по-настоящему. Мы не завладели никакой землей. Мы не руководили людьми.

— Фафхрд, ты вдрызг пьян! — хихикнул Мышелов. — Ты что, хочешь стать фермером? А ты помнишь капитана, захваченного в плен собственной командой? Вот что, выпей еще, чтобы протрезветь или хотя бы развеселиться.

Северянин позволил наполнить свой кубок из двух кувшинов, но настроение у него не изменилось. Все с тем же несчастным видом он продолжил:

— У нас до сих пор нет ни домов, ни жен.

— Фафхрд, тебе нужна девка!

— Кто говорит о девках? — возразил Фафхрд. — Я подразумевал женщин. У меня была храбрая Крешкра, но она вернулась к своим любимым призракам. А твоя дерзкая Рита предпочла страну

безволосых.

Мышелов возразил вполголоса:

— У меня была также и величественная, наглая Хисвет, а у тебя — смелая, артистичная королева-рабыня Фрикс.

Фафхрд продолжил:

— И еще когда-то давно были Фриска и Ививис, но они были рабынями в Квармалле, а потом стали свободными женщинами в Товилийсе. А до них были Кейайра и Хирриви, но они были принцессами, невидимыми возлюбленными одной-единственной долгой-предолгой ночи, дочерями ужасного Умфорафора и родственницами убийцы Фарумфара. И совсем давно, в дни прекрасной юности, были нежная Ивриана и стройная Влана. Но они были промежуточными девушками (или таинственными актрисами), а теперь они живут в обители Смерти, в Царстве Теней. Так что я всего лишь наполовину мужчина. Мне нужна пара. А может быть, и тебе тоже.

— Фафхрд, ты сошел с ума! Ты болтаешь всякую чепуху о путешествиях по всему миру и приключениях, а потом тебе хочется того, что сделает их невозможными: жена, дом, пажи, обязанности! Одна скучная ночь, без женщин или драки, и твои мозги размягчились! Повторяю, ты сума-

сшедший!

Фафхрд снова оглядел таверну и ее унылых посетителей.

— Поневоле станет скучно, — заметил он, — если ни один нос не поморщился и ни одно ухо не повернулось с тех пор, как я смотрел на них в последний раз. И если это покой, то я ему не доверяю. Я чувствую ледяной холод, Мышелов…

Но Мышелов смотрел мимо него. Едва слышно, или вовсе бесшумно, в «Серебряный угорь» только что вошли две стройные особы и замерли ненадолго у тяжелого, как свинец, занавеса из железных полос, удерживавшего туман снаружи и способного превратиться в щит, который не пробить никаким мечом, — замерли, оценивающе рассматривая посетителей таверны. Одна из них была мускулистой, как мужчина, с голубыми глазами, худощавым лицом, широким ртом; ее одежду составляли короткая мужская куртка и синие брюки, а также длинный серый плащ. Вторая была тонкой и гибкой, как кошка, зеленоглазой, с крепко сжатыми полными губами; она была одета так же, но ее костюм отличался цветом — ржаво-красный и коричневый. Они не были юными девушками, но и до средних лет им было еще далеко. Гладкие лбы, безмятежные

взгляды, правильные овалы лиц и длинные волосы — у одной серебристо-русые, у другой черные, с каштановым отливом, — подчеркивали их женственность.

Именно это последнее обстоятельство вывело из заторможенного состояния собравшихся в таверне олухов, и с полдюжины их вскочили и двинулись навстречу вновь вошедшим, приглашая девушек за свой столик и утробно хихикая. Девушки шагнули вперед, словно спеша к кому-то, но их взгляды были устремлены поверх голов.

А потом — не задержавшись ни на мгновение и ни с кем не столкнувшись, хотя кое-кто дернулся, как будто ему наступили на ногу, а кто-то слегка задохнулся, словно получил под ребра крепким локтем, — девушки прошли мимо этой шестерки. Это выглядело так, словно они прошли прямо сквозь мужчин, как человек может пройти сквозь клубы дыма, лишь слегка поморщившись. Позади девиц облитый презрением дым зашевелился и заволновался.

А девушки шли прямиком к Серому Мышелову и Фафхрду, которые разом приподнялись и чьи руки все еще тянулись к рукояткам мечей, вложенных в ножны, хотя и не касались их.

— Леди… — начал Мышелов.

— Выпьете немного вина? — продолжил Фафхрд.

— Очень помогает от ночного холода, — закончил Мышелов, отвешивая короткий поклон, в то время как Фафхрд учтивым жестом показал на стол, из-за которого они с Мышеловом встали и возле которого стояло четыре стула.

Стройные женщины остановились и неторопливо оглядели друзей.

— Мы могли бы… — пробормотала та, что была ниже ростом.

— Предоставить вам возможность отправиться на Льдистый остров в ответ на угощение, — закончила высокая тоном чистым и живым, как стремительный снежный ручей.

При словах «Льдистый остров» лица двух мужчин стали задумчивыми и мечтательными, как в других мирах могло бы случиться при звучании слова «Атлантида», или «Эльдорадо», или «Дальний Предел». Тем не менее они согласно кивнули и придвинули стулья для женщин.

— Льдистый остров, — повторил Фафхрд так, словно произносил заклинание, пока Мышелов занимался кубками и кувшинами. — Когда я был ребенком и жил в Стылых пустошах и позже, в

годы пылкой юности, будучи пиратом, я слышал, как кое-кто шептался о нем и о городе Соленая Гавань. Легенды гласят, что на него указывают Когти — те маленькие каменистые полуострова, что замыкают северо-западную часть земли Невона.

— На этот раз легенды говорят правду, — мягко, но живо сказала русоволосая женщина в синем и сером, — Льдистый остров существует. И Соленая Гавань тоже.

— Ну, — с улыбкой сказал Мышелов, церемонно протягивая девушке кубок, — говорят также, что Льдистый остров не более реален, чем Симоргия.

— А Симоргия нереальна? — спросила она, принимая кубок.

— Реальна, — признал Мышелов, пораженный внезапным воспоминанием. — Я однажды видел ее с одного совсем маленького суденышка: она ненадолго поднялась из глубин Крайнего моря. Мой более храбрый друг, — он кивнул в сторону Фафхрда, — даже решился ступить на ее влажный глинистый берег и увидел неких безумцев, танцующих с морским дьяволом, выглядевшим как куча черных меховых одежд.

— К северу от Симоргии, к западу от Когтей, — быстро сказала женщина в ржаво-красном и

коричневом, с короткими черными волосами, отливавшими темной бронзой и золотом. Ее правая рука уверенно держала на весу винный кубок, а левую девушка быстро сунула под стол и тут же снова положила на дубовую столешницу, покрытую затейливым рисунком следов стаканов, потом резко разжала кулак, показав четыре маленьких кружка, мерцающих, как бледные луны. — Льдистый остров способен заплатить.

Вежливо, но отстраненно кивнув, Мышелов и Фафхрд взяли по одной монетке и внимательно рассмотрели их.

— Клянусь грудями Тичуби! — выдохнул Мышелов. — Это не звездный металл, черт побери, и не эссенция моря!

— Серебро Льдистого острова? — мягко спросил Фафхрд, вздернув брови и переводя взгляд от монеты к высокой женщине.

Она ответила ему прямым твердым взглядом. Уголки ее губ тронула улыбка, тут же растаявшая. Она произнесла искренне, хотя и с легким оттенком добродушной насмешки:

— Которое никогда не тускнеет.

Он сказал:

— А дополнением к нему будут огромные морские чудовища, поднимающиеся из глубин.

Она сказала:

— Только лишь большой кит, выпускающий шумные фонтаны.

Мышелов сказал другой женщине:

— А обратная сторона монеты — похожая очертаниями на корабль скала длиной в лигу, встающая из волн высотой в милю.

Она сказала:

— Всего лишь некий айсберг едва в половину этих размеров.

Фафхрд сказал:

— Что ж, выпьем за то, что можно купить на эти блестящие иностранные монетки. Я — Фафхрд, он — Серый Мышелов.

Высокая женщина сказала:

— Я — Афрейт, моя подруга — Сиф.

Отпив несколько глотков, они опустили кубки, причем Афрейт дважды резко стукнула оловянной посудиной по дубовой столешнице.

— А теперь к делу, — сказала она коротко, едва заметно нахмурившись при взгляде на Фафхрда (можно было усомниться, хмурилась ли она вообще), когда тот потянулся к кувшину с вином. — Мы говорим от имени Льдистого острова…

— И тратим его деньги, — добавила Сиф, и в ее

зеленых глазах блеснули желтые искры. Потом она добавила ровным тоном: — Льдистый остров под угрозой.

Афрейт, понизив голос, спросила:

— Вы когда-нибудь слышали о морских минголах? — и, когда Фафхрд кивнул, перевела взгляд на Мышелова, говоря: — Большинство южан сомневаются в их существовании, полагая, что любой из минголов совершенно беспомощен, когда слезает со спины своего коня, будь то хоть на море, хоть на суше.

— Только не я, — ответил Мышелов. — Я плавал с мингольской командой. Среди них был один, теперь уже старик, по имени Урф…

— А я встречался с пиратами-минголами, — сказал Фафхрд. — Их корабли немногочисленны, однако вселяют ужас. Оскалившиеся стрелами водяные крысы — вот каковы эти морские минголы, как ты их называешь.

— Что ж, хорошо, — сказала Сиф, обращаясь теперь к обоим друзьям. — Тогда вы вполне поверите мне, когда я скажу, что все это связано с волшебным пророчеством: «Кто захватит венец Невона, тот завоюет весь мир…»

— Под венцом подразумеваются земли у Северного полюса, — вставила Афрейт.

— Во главе с подстрекателем Ледяным Магом Кхахктом, чье подлинное имя — просто замерзший кашель…

— Возможно, он — наизлобнейшее существо из когда-либо живших на свете… — вставила Афрейт, и ее глаза сверкнули лунным холодом.

— …минголы собрали свои корабли, чтобы поспешить к самым северным землям Невона двумя огромными флотами, один из них направился по солнцу, другой — это противосолнечные минголы — идут против его хода…

— А что касается слухов о малочисленности их кораблей — уж поверь, это настоящие армады, — вставила Афрейт, по-прежнему пристально глядя на Фафхрда (так же как Сиф на Мышелова), и продолжила повествование: — Если посолнечные и противосолнечные минголы встретятся у Льдистого острова и захватят его, они разлетятся во все стороны, чтобы насиловать и грабить весь мир!

— Мрачная перспектива, — заметил Фафхрд, ставя на место кувшин с бренди, которым он приправил налитое всем вино.

— Во всяком случае, реальная, — согласился Мышелов. — Минголы — неутомимые насильники.

Сиф подалась вперед, вздернув подбородок. Ее

зеленые глаза вспыхнули.

— Таким образом, Льдистый остров — место решающей схватки. Избранное Роком, Ледяным Кхахктом и богами. Место, где необходимо остановить степные орды, превратившиеся в морских разбойников.

Афрейт вдруг выпрямилась на своем стуле, ее синие глаза обожгли взглядом Фафхрда и его друга.

— Итак, Льдистый остров, все его мужчины и платные наемники. Это последнее дело мое и Сиф. Нам нужны два героя, и чтобы каждый из них нашел двенадцать воинов, подобных себе, и привел их на Льдистый остров в течение трех периодов лунного цикла. Вы — два этих героя!

— Ты хочешь сказать, в Невоне есть хотя бы один подобный мне мужчина… не говоря уж о дюжине? — недоверчиво спросил Мышелов.

— По крайней мере, это дорогостоящая работа, — рассудительно заметил Фафхрд.

Сиф сунула руки под стол, и ее мышцы слегка напряглись под ржаво-красной курткой, когда она выкладывала на столешницу два туго набитых мешочка, величиной с апельсин каждый, — по одному перед каждым из мужчин. Глухой стук и тихое звяканье прозвучали весьма

обещающе.

— Вот ваша плата.

Глаза Мышелова расширились, хотя он и не дотронулся еще до шарообразного мешочка.

— Льдистый остров нуждается только в героях… А как насчет героинь? Если, конечно, мне позволительно упомянуть об этом.

— Об этом уже позаботились, — твердо ответила Сиф.

Указательный палец Фафхрда легко коснулся мешочка и тут же отдернулся.

Афрейт сказала:

— Выпьем.

Когда они подняли кубки, вокруг послышался тихий звон, похожий на звон колокольчиков фей; мгновенный порыв леденящего холода донесся со стороны двери; воздух в таверне едва заметно засветился, превратив все предметы вокруг в подобие бледных жемчужин, — а потом звуки внезапно резко усилились, став оглушительными, как колокола огромного собора, и грохочущими, как пушечные выстрелы, и в уши ударило завывание северного ветра, который в долю секунды вымел все тепло и сорвал тяжелую, как свинец, дверь, заставив посетителей «Серебряного угря» свалиться со стульев, холодный

туман, густой, как молоко, заполнил помещение, и сквозь его белую массу послышался крик Сиф: «Это ледяное дыхание Кхахкта!» — и голос Афрейт: «Он выследил нас!» — а потом весь этот кошмар кончился.

Фафхрд и Мышелов каждый схватились одной рукой за мешочек с деньгами, а другой — за дубовый стол, радуясь, что тот достаточно тяжел, чтобы дать им удержаться на месте.

Штормовой ветер и оглушающий шум затихли, туман растаял, хотя и не так быстро, как появился. Друзья разжали стиснутые пальцы, смахнули кристаллы льда с бровей и ресниц, зажгли лампы и огляделись.

Все вокруг превратилось в руины, тишина стояла гробовая — но вот уже послышались испуганные стоны, вскрики боли и изумления. Друзья осмотрели длинное помещение — их стройных собутыльниц не было среди медленно приходящих в себя жертв.

Мышелов пробормотал несколько легкомысленным тоном:

— Откуда вообще могли взяться те особы, которых мы с тобой ищем? Может, мы просто выпили что-то не то…

Он умолк. Фафхрд встряхнул свой жирный

круглый кошель и направился к двери.

— Эй, ты куда? — окликнул его Мышелов.

Фафхрд остановился и обернулся. Ответил он серьезно, без улыбки:

— На север от Степи Троллей, нанимать своих двенадцать берсерков. Не сомневаюсь, ты отыщешь свою дюжину воров-меченосцев в более теплых краях. За три дня до истечения срока мы встретимся в море, на полпути от Симоргии до Льдистого острова. Так что — до встречи!

Мышелов проводил его взглядом, пожал плечами, отыскал кубок и кувшин, покрытый влагой магического тумана, перевернутый, но не разбитый бурей. Жидкости в кувшине не хватило даже на хороший глоток. Мышелов легко коснулся своего мешочек с деньгами, потом развязал ремешок, стянутый в тугой узел. Со дна кожаного шара полилось слабое янтарное сияние.

— И в самом деле, золотой апельсин, — с довольным видом произнес Мышелов, совершенно не замечая стонов, скрипов и прочих горестных звуков вокруг, и достал одну из желтых монеток.

На одной ее стороне был изображен дымящийся вулкан, возможно, с покрытыми снегом склонами; на другой был выбит огромный утес, поднимающийся над морем и не похожий ни

на ледяную глыбу, ни на обычную скалу. Что за шутки! Он снова посмотрел на входную дверь таверны, на железную штору. Да какой же идиот, подумал он, примется всерьез за столь невыполнимое задание, данное к тому же исчезнувшими женщинами, скорее всего фантомами! Или отправится на свидание, назначенное через много дней, в океанских просторах, в месте, не отмеченном на карте, в некую точку между затонувшей землей и землей мифической — да, география Фафхрда была еще более фантастичной, чем его обычные вымыслы.

А если подумать о том, какие редкостные удовольствия — нет, какое количество наслаждений и блаженств — можно оплатить таким количеством золота? И как может быть счастлив мужчина, держащий в руках этот металл, этого безмозглого раба его желаний…

Мышелов вернул монету в мешочек, затянул ремешок, пригасив сияние, решительно встал, а потом взглянул на столешницу, на краю которой все так же лежали четыре серебряные монетки.

Пока он рассматривал их, грязная рука жирного слуги, спрятавшегося под столом в тот момент, когда в дверь таверны ворвалась буря, протянулась к монеткам и сцапала их.

Еще раз пожав плечами, Мышелов величественно направился к выходу, насвистывая сквозь зубы походный марш минголов.

В сфере высотой в половину роста мужчины хлопотало костлявое старое существо. На внутренней стороне сферы была нарисована карта Невона: моря обозначены самым темным синим цветом, суша — самым темным зеленым и коричневым, и цвета эти, переливаясь, словно синеватое, зеленоватое и коричневатое железо, создавали иллюзию, что сфера — это гигантский пузырь, беспрестанно поднимающийся сквозь бесконечные темные маслянистые воды — как, по утверждениям некоторых ланкмарских философов, поднимался и сам Невон. Южные и Восточные земли в Великом Экваториальном океане были здесь обведены шарообразной водяной стеной в пядь шириной и в три пальца высотой — точь-в-точь так, как говорили те же самые философы, полагающие, что там прячется солнце, обойдя половину Невона, а потом вплавь возвращается на прежнее место, — хотя сейчас на дне жидкого кратера не видно было слепящего солнечного диска, а лилось только бледное сияние, достаточное лишь для того, чтобы осветить внутренность сферы.

Четыре длинные, постоянно шевелящиеся конечности старого существа там, где их не скрывало свободное светлое одеяние, были покрыты короткими, жесткими черными волосами, то ли тронутыми сединой, то ли подернутыми льдом, а его узкое лицо было тошнотворным, как у паука. В данный момент оно вытянуло вперед жесткие губы и нервно шарило пальцами с длинными ногтями по той части карты, где располагалось крошечное мерцающее черное пятнышко, — к югу от синего и посреди коричневого, обозначающего великий город Ланкмар, на южном побережье Внутреннего моря. Что это — морозное дыхание мерзкого существа или оно своей волей создало тот белый клочок тумана, что пронесся через черное пятнышко? Но что бы это ни было, оно тут же исчезло.

Существо высоким голосом забормотало по-мингольски:

— Исчезли, суки… Кхахкт видит каждую муху, он посылает свое иссушающее дыхание туда, куда пожелает. Минголы спешат, мир беззаботен… Шлюхи копаются, герои спотыкаются. И настало время, настало время, настало время поймать, обратить ледяной поток…

Существо открыло круглую дверцу в районе

Южного полюса и выскользнуло наружу.

За три дня до назначенного срока Мышелов совсем расклеился, на него навалилась усталость, он был простужен. Пальцы его ног были жутко холодными, хотя и прятались в меховых ботинках, и холод медленно поднимался вверх, прокрадываясь по подошвам, словно по покрытой льдом палубе, и превращаясь в длинную опухоль. Мышелов стоял возле короткой грот-мачты, на длинной рее которой (длиннее, чем гик) болтался грот-парус, увешанный фестонами льда. За смутно видимыми кормой и носом корабля и над верхушкой мачты клубился туман, состоявший из крошечных ледяных кристаллов, похожий на перистые облака, спускающиеся с вершины Звездной Пристани, — сквозь который свет невидимой луны, находившейся между второй четвертью и полнолунием, но ближе к полному кругу, сочился темно-серым жемчугом. Пустынность и неподвижность окружавшего корабль пейзажа создавали противоречащее всем законам ощущение, что холод все усиливается и усиливается.

Но тишина здесь не была абсолютной. Слышались легкий плеск воды и стук падающих капель — возможно, даже шуршание микроскопических

крупинок льда, — когда корпус корабля сталкивался с волнами. Слышно было и потрескивание и поскрипывание шпангоутов и такелажа «Бродяги». А за всем этим — или поверх всего этого, на грани слышимости, — таились еще более слабые звуки. Та часть сознания Мышелова, что работала сама по себе, не требуя усилий, неустанно трудилась, пытаясь уловить именно их. Мышелов вовсе не хотел быть захваченным врасплох мингольской флотилией или даже одиноким кораблем минголов. «Бродяга» был грузовым судном, а не военным кораблем, и Мышелов постоянно напоминал себе об этом. Едва уловимые звуки, приглушаемые неподвижным туманом, — то ли реальные, то ли воображаемые — казались очень странными: треск тяжелого льда на расстоянии многих лиг, глухие удары и плеск могучих весел на еще более далеком расстоянии, страдальческие крики, невообразимо отдаленное низкое угрожающее рычание и еще смех, похожий на смех демонов, обитающих за пределами Невона. Мышелов думал о невидимых насекомых, которые парили в воздухе вместе со снегом на полпути к вершине Звездной Пристани, самой величественной из гор Невона, когда они с Фафхрдом карабкались на нее.

Холод прервал цепь его размышлений. Мышелову страстно захотелось потопать ногами, похлопать ладонями по собственным бокам или — еще лучше! — согреться, дав волю ярости, но он упорно сдерживал себя, возможно, для того, чтобы в итоге получить куда большее наслаждение, и принялся анализировать причины собственной тошнотворной усталости.

Ему пришлось хорошенько потрудиться, сначала отыскивая, потом уговаривая и подчиняя себе двенадцать воров-воинов, — ну, прежде всего следует сказать, что этот контингент — вообще редкая птица. А потом обучить их! — половине пришлось овладевать искусством метать камни из пращи, а двоим (помоги им Мог!) — сражаться на мечах. А чего стоило подобрать двоих наиболее подходящих на роль капралов — Пшаури и Миккиду, которые сейчас тайком дрыхли внизу вместе со своими командами, будь прокляты их шкуры!

Одновременно с этим Мышелов занимался поиском Старого Урфа и собирал для него команду из четверых минголов. Это был оправданный риск. Будут ли они действительно сражаться со своими в решающий момент? Ну, минголы всегда считались склонными к предательству.

Но все равно очень полезно иметь нескольких представителей врага на своей стороне, чтобы лучше понять их. И еще благодаря им Мышелов мог более глубоко вникнуть в те мотивы, которые заставили нынешних минголов отправиться в великий морской поход.

А одновременно с этим Мышелов должен был искать, выбирать, покупать, упаковывать все необходимое, чтобы подготовить «Бродягу» к дальнему плаванию.

И ведь нужно было еще и заниматься научными изысканиями! Начать с того, что пришлось немало поломать голову над древними морскими картами из библиотеки ланкмарской Гильдии Астрологов и Навигаторов, освежить свои знания о ветрах, волнах и небесных светилах. А ответственность! Ведь на его корабле собралось не менее семнадцати человек, а Фафхрда не было рядом, чтобы поддержать его и заменить, пока Мышелов спит, — и чтобы привести команду в порядок: лечить их от цинги, вылавливать их багром из воды, когда они падают за борт (Мышелов вот так едва не потерял большеногого Миккиду в самый первый день плавания), поддерживать в них боевой дух и удерживать их в должных рамках, заставлять их тренироваться,

как это необходимо. (Подумать только, последнее занятие было не только обязанностью, но и иной раз удовольствием! Как удивительно завизжал Пшаури, когда получил основательный удар ножнами Кошачьего Когтя! — а потом еще разок, клянусь Могом!)

И наконец, само по себе опасное путешествие продолжительностью почти в месяц! На северо-запад от Ланкмара, через Внутреннее море. Сквозь вероломную брешь в Скальной стене (возле которой Фафхрд однажды искал королеву морских змеев) в Крайнее море. Затем — быстрый переход на север при ветре, дующем в правый борт, пока они не увидели черные крепостные валы Но-Омбрульска, стоявшего на той же широте, что и затонувшая Симоргия. Там он повернул «Бродягу» точно на запад, прочь от суши, и почти в самые зубы западного ветра, который пока что легко дул в их левый борт. После четырех дней хода по тоскливой замкнутой области они достигли того никак не отмеченного участка встревоженного океана, который и обозначал местонахождение Симоргии, согласно независимо проведенным расследованиям Мышелова и Урфа: один узнал это из украденных карт, другой — отсчитывая узлы на счетных шнурах минго-

лов. Затем путешественники снова повернули на север и шли два дня, причем воздух и вода быстро становились все холоднее, пока, по их подсчетам, они не прошли половину пути до Когтей. А потом были два унылых дня топтания на одном месте в ожидании Фафхрда, при постоянно нарастающем холоде, — пока наконец ночью ясное небо не затянул этот ледяной туман, в котором и замер «Бродяга». Два дня, в течение которых Мышелов гадал, сумеет ли Фафхрд отыскать это место, да и явится ли он вообще. Два дня скуки и отчаянных сомнений, непослушания команды и дюжины воров-воинов — спящих сейчас внизу, в тепле, чтоб их высек Мог! Два дня размышлений о том, почему, во имя Мога, он потратил почти все дублоны Льдистого острова на это безумное предприятие, на то, чтобы нагрузить себя работой, — вместо того, чтобы потратить их на вино и женщин, редкие книги и произведения искусства, на радости и удовольствия для себя самого.

И наконец, постепенно он стал подозревать, что Фафхрд вообще не покидал Ланкмар!!! Что он тогда, столь величественно, столь уверенно выйдя из «Серебряного угря» со своим мешочком денег, тут же принялся тратить его на те самые восхитительные вещи, которые Мышелов (вооду-

шевленный примером добродетельного Фафхрда) отверг по глупости.

И, дойдя в своих мыслях до вершины пика ярости, Мышелов схватил свисавшее с крюка на грот-мачте било и ударил в корабельный гонг с такой силой, что едва не разнес вдребезги обледеневшую бронзу. Вообще-то, он даже слегка удивился тому, что покрытую льдом палубу «Бродяги» не усыпали острые осколки промерзшего коричневого металла. Тогда он ударил еще раз, и еще, и еще, так что гонг гремел, как медная вывеска во время урагана, а Мышелов подпрыгивал на месте и изо всех сил топал ногами, добавляя шума (и заодно отогреваясь).

Передний люк откинулся, Пшаури выпрыгнул наверх, как чертик из коробки, чтобы тут же очутиться перед Мышеловом и уставиться на него бешеными глазами. За старшим капралом выскочил другой, Миккиду, а следом — и все остальные, причем по большей части полуодетые. Потом, и куда более неторопливо, наверх выбрались, плотно стянув края своих капюшонов под желтыми подбородками, Гэвс и другие минголы — и в то время, как Урф легко, как привидение, скользнул к своему капитану и встал позади него, двое других заняли свои места у румпеля и на носу.

Мышелов удивился не на шутку. Так, значит, от этой ободранной звенящей тарелки и вправду может быть толк!

Мерно постукивая обтянутой войлоком головкой била по ладони правой руки, Мышелов сказал:

— Ну, мои маленькие воришки. — (И в самом деле, все воры были по крайней мере на толщину пальца ниже Серого Мышелова.) — Похоже на то, что вы едва не проспали сигнал!

Он чуть зловеще усмехнулся, внимательно оглядывая массу обнаженной плоти, выставленной на мороз.

Потом продолжил:

— Но мы должны согреть вас — это необходимо в таком климате… хотя каждый из вас на самом деле заслуживает хорошей порки, это я вам говорю! — Его усмешка стала еще более зловещей. — Чтобы избежать опасности ночного тарана — по местам!

Полуодетая дюжина промчалась мимо него, чтобы схватить длинные, тонкие весла со стойки между грот-мачтой и бизанью, опустить их вальки в десять соответствующих уключин и встать лицом к носу в полной готовности, расставив ноги, чтобы удержаться при качке, — рукоятки

весел прижаты к груди, лопасти выставлены за борт, в туман. Команда Пшаури расположилась по левому борту, команда Миккиду — по правому, а сами старший и младший капралы надзирали за людьми с носа и кормы.

Мельком глянув на Пшаури и убедившись, что все находятся на должных местах, Мышелов скомандовал:

— Бродяги! Раз, два, три… навались! — и ударил в гонг, тут же придержав его правой рукой за край, чтобы приглушить звон.

Десять гребцов опустили весла в невидимую соленую воду и резко наклонились вперед, толкая их.

— Выпрямись! — медленно прорычал Мышелов, потом снова ударил в гонг.

Корабль двинулся вперед, и волны тихо зашлепали по его корпусу.

— А теперь — вперед, вы, шуты, полуодетые карманники! — крикнул Мышелов. — Мастер Миккиду! Смени меня у гонга. Сэр Пшаури, заставь их грести ровнее! — И, передав било изумленному младшему капралу, он наклонился к загадочно скривившемуся лицу Урфа и шепнул: — Пошли Тренчи и Гиба вниз, пусть принесут всем одежонку потеплее.

И наконец он позволил себе вздохнуть, в целом довольный делами, хотя и отчасти неудовлетворенный, потому что Пшаури не дал ему возможности поизмываться над собой. Ну нельзя же получить все сразу. Странно, конечно, видеть, что ланкмарский вор-домушник и оппозиционер Цеха Воров обернется тем самым обещанным солдатом-моряком. Но это вполне естественно — ведь что взбираться по стенам домов, что лазить по мачтам, разница невелика.

Немного согревшись, Мышелов уже более доброжелательно думал о Фафхрде. Да и в самом деле, северянин пока что не опоздал на свидание; на самом-то деле это «Бродяга» прибыл на место слишком рано. Но теперь уже пришло назначенное время. Лицо Мышелова помрачнело, когда в его голове вдруг возникла остужающая своим реализмом мысль (одна из тех, что никому не нравятся): было бы настоящим чудом, если бы они с Фафхрдом умудрились отыскать друг друга в этой водной бесконечности, не говоря уж о ледяном тумане. Ну, впрочем, Фафхрд весьма изобретателен…

На корабле воцарилась тишина, если не считать плеска весел, ударов гонга и той легкой суеты, которая произошла вследствие того, что

Пшаури отправил двоих за одеждой. Мышелов наконец обратил внимание на ту часть своего сознания, которая все это время пыталась разобрать странные звуки, доносящиеся из тумана. И почти сразу он вопросительно посмотрел на Старого Урфа. Опытный мингол медленно поднял и опустил руки. Мышелов кивнул, напрягая слух. Затем шум крыльев приблизился и стал слышен совершенно отчетливо. Что-то рассекло ледяную пелену над их головами, и белая тень с шумом упала вниз. Мышелов выбросил правую руку, чтобы отразить удар, и почувствовал, как в его запястье и предплечье что-то вцепилось — тяжелое и живое. После мгновения страха, почти лишившего его дыхания, левая рука Мышелова схватилась за кинжал, но тут же оставила это намерение и вместо того потянулась к правой — и коснулась жестких лап с длинными когтями, обхвативших его руку, и нашла маленький кусок пергамента, обернутый вокруг чешуйчатой лапы и привязанный ниткой, которую Мышелов перерезал острым ногтем большого пальца. После этого большой белый сокол отпустил его руку и взлетел на короткий круглый брус, с которого свисал корабельный гонг.

А потом, при свете сальной свечи, которую

принес и зажег один из минголов, Мышелов прочитал короткую записку, написанную крупными буквами:

Привет, Малыш! Вряд ли в этих диких краях есть другие суда. Зажги красный огонь — и я пойду на него. Ф.

Ниже было наспех приписано:

Давай-ка при встрече изобразим внезапное нападение, помуштруем наши команды. Согласен?

Белое пламя, горевшее ровно и ярко в неподвижном воздухе, высветило довольную ухмылку Мышелова, а также внезапно появившееся на его лице выражение недоверия и обиды, когда он прочитал постскриптум. Северяне все помешаны на битвах, и Фафхрд точно такой же.

— Гиб, давай сюда перо и чернила, — приказал он. — Сэр Пшаури, подними на грот-мачту красный фонарь и зажги его там. Да поосторожнее! Если подожжешь «Бродягу», я приколочу тебя к горящей палубе!

Несколько мгновений спустя, когда срочнослужащий Мышелова, маленький и ловкий, как кошка, грабитель (обремененный к тому же отпорным крюком), все же вскарабкался по снастям

наверх, его капитан перевернул пергамент, расправил его, прижал к мачте и начал аккуратно писать на его обратной стороне при свете свечи, которую Гиб держал вместе с чернильницей:

Приветствую безумца! Я зажгу два огня, один за другим через склянку. Я не согласен. Моя команда уже обучена. М.

Он потряс листком, чтобы просушить чернила, потом аккуратно обернул его вокруг когтистой лапы сокола и туго обвязал нитью. Как только его пальцы разжались, птица взмахнула крыльями и, резко вскрикнув, унеслась в туман, не дожидаясь приказа. По крайней мере, этот воздушный посланец Фафхрда был обучен как следует.

Красный огонь, на удивление яркий, прорвался сквозь туман с грот-мачты и таинственно повис в десяти локтях над палубой. Потом Мышелов увидел, как, ради собственной безопасности и безопасности корабля, маленький старший капрал прикрепил фонарь к концу отпорного крюка и поднял его выше, заодно увеличив таким образом и расстояние, с которого можно было бы увидеть свет, — по меньшей мере на длину ланкмарской лиги, как быстро подсчитал Мышелов. Отличная мысль, вынужден был признать он,

почти блестящая. Он приказал Миккиду изменить курс «Бродяги», чтобы попрактиковаться, и гребцы левого борта подняли весла. Мышелов пошел на нос, чтобы лично убедиться в том, что стоящий там плотно укутанный мингол неотрывно всматривается в туман перед кораблем; затем он вернулся на корму, где рядом с рулевым стоял Урф, оба они были отлично защищены от холода.

Потом, когда красный огонь уже светил и восстановилась относительная тишина, свойственная мерному ходу корабля, уши Мышелова невольно возобновили свою работу по поиску странных звуков в тумане, и он негромко сказал Урфу, не глядя на него:

— Скажи-ка мне, старина, что ты на самом деле думаешь о своих беспокойных собратьях-кочевниках и почему они оседлали корабли вместо коней?

— Они несутся вперед, как лемминги, ищущие смерти… для других, — задумчиво проворчал старик. — Несутся галопом по волнам вместо суровых степей. Разорять города — это их главная потребность — не важно, на море или на суше. Но может быть, они убегают от Людей Топора.

— Я слыхал о них, — с сомнением в голосе

произнес Мышелов. — Как ты думаешь, они действительно заключили союз с невидимыми мухами Звездной Пристани, которые летают над миром на ледяных облаках?

— Я не знаю. Но в любом случае они подчиняются магам своего клана.

Красный огонь потух. Пшаури спустился вниз — куда более бодро, чем поднимался, — и доложил о выполнении задания своему грозному капитану, который отмахнулся от него со свирепым видом, но тут же ухмыльнулся и приказал зажечь второй огонь через полчаса. Потом Мышелов снова повернулся к Урфу и тихо спросил:

— Если уж речь зашла о чернокнижниках… ты знаешь о Кхахкте?

Старик молчал в течение пяти ударов сердца, потом прохрипел:

— Кхахкт — это Кхахкт. Он не колдун какого-нибудь племени, это уж точно. Он обитает на самом крайнем севере, в куполе — но некоторые утверждают, что это плавучий глобус, — из самого черного льда, и оттуда Это Существо наблюдает за всеми делами человеческими, сея зло везде, где только может, когда звезды стоят правильно — или, лучше сказать, неправильно — и все боги спят. Минголы боятся Кхахкта, и еще… когда они

достигнут критической точки, они повернут к Нему, умоляя Это Существо встать во главе них, пока они не станут самыми великими, самыми кровавыми кентаврами. Лед — его излюбленное жилище, лед — его оружие, и его ледяное дыхание — вернейший знак его близости, кроме мерцания.

— Мерцания? — неуверенно переспросил Мышелов.

— Солнечный или лунный свет отражается ото льда, — пояснил мингол, — Ледяное мерцание.

Мягкая белая вспышка бледным пятном прорезала темный жемчужный туман где-то вдали, и тут же уши Мышелова уловили шум весел — удары были мощнее, чем удары весел «Бродяги», более уверенные и ритмичные, хотя и не приходилось сомневаться, что это именно весла, и звуки становились все громче. На лице Мышелова отразилась радость. Он неуверенно всматривался в туман. Урф ткнул корявым пальцем прямо вперед. Мышелов кивнул и закричал пронзительно, изо всех сил:

— Фафхрд! Эгей!

Наступило короткое молчание, прерываемое лишь плеском весел «Бродяги» и шумом весел приближавшегося судна, а потом из тумана

донесся крик, заставивший сердце Мышелова забиться быстрее, но почему-то угрожающий:

ТовилийЭгей, малыш! Мышелов, приветствую тебя в необитаемых водах! А теперь — защищайся!

Радостная улыбка Мышелова превратилась в яростную. Неужели Фафхрд всерьез намеревается сейчас, в тумане, осуществить свою шальную идею и устроить учебную битву? Он с изумлением глянул на Урфа, который в ответ лишь пожал плечами.

На мгновение впереди вспыхнул чуть более яркий свет. Мышелов, ни на секунду не задумавшись, скомандовал:

— Правый борт, суши весла! Быть наготове! Левый борт, на весла!

И, не обращая внимания на стоявших у руля минголов, он бросился к нему и повернул влево, помогая гребцам развернуть корабль.

Это оказалось весьма кстати — то, что Мышелов действовал со всей скоростью, на какую был способен. Из тумана впереди вынырнул толстый, заостренный, сверкающий таран, который в противном случае мог бы ударить в нос «Бродяги» и расколоть его пополам. Но теперь таран лишь со скрежетом скользнул по борту «Бродя-

ги», заставив судно содрогнуться, и «Бродяга» резко вильнул вправо, слушаясь весел, которыми управляли солдаты-воры.

А потом, следом за тараном, туман разрезал белый острый нос корабля Фафхрда. Он был просто невообразимо высок, высок, как дом, и предвещал появление судна настолько огромного, что команда «Бродяги» задрала головы, и даже Мышелов задохнулся от ужаса и восхищения. К счастью, между ними оставалось немало ярдов, а «Бродяга» продолжал уходить вправо, иначе маленькое судно было бы просто расплющено.

Из густого тумана впереди надвигалась плоскость борта. В ярде над палубой «Бродяги» пронеслось бревно, которое легко смело бы в воду все, что осталось бы после первого удара, если бы Мышелов не успел сманеврировать; к ногам Мышелова с лязгом упало нечто, заставившее еще более расшириться его бешеные глаза: огромное, покрытое льдом лезвие и нечто вроде лопасти весла, размером вдвое превосходящего весло «Бродяги» и похожего, черт бы его побрал, на ноготь мертвого великана.

Еще одно огромное весло пронеслось в воздухе, промахнувшись по мачте, но нанеся оглушительный удар Пшаури и сбив его с ног. И последнее не

достало «Бродягу», потому что расстояние между ними все увеличивалось. С огромного и высокого, белого сверкающего корабля, уже таявшего в тумане, донесся могучий крик:

— Эй, трус! Уходишь от схватки! Эй, хитрый трус! Я достану тебя, козявка, куда бы ты ни спрятался!

Эти ужасные, безумные слова сопровождались таким же безумным смехом. Такого рода смех Мышелов уже слышал прежде — так хохотал Фафхрд в острые моменты схваток, но теперь смех звучал еще более безумно, чем когда-либо, совершенно по-дьявольски и при этом был таким громким, как будто дюжина Фафхрдов хохотала одновременно. Неужели он научил своих берсерков вторить ему?

Похожая на птичью лапу рука крепко вцепилась в локоть Мышелова. Урф показал на огромное сломанное весло, лежавшее на палубе:

— Это просто лед. — В голосе старого мингола слышался призвук благоговейного страха. — Лед, выкованный в холодной кузнице Кхахкта.

Он отпустил локоть Мышелова и, быстро нагнувшись, взял обломок покрытыми черными пятнами руками так, как можно было бы взять смертельно раненную ядовитую змею, и резко

швырнул его за борт.

Позади Урфа Миккиду, обхватив за плечи Пшаури, приподнял его окровавленную голову над палубой. Но сейчас он смотрел на капитана, держа на весу своего бесчувственного, неподвижного друга. И в его глазах светился вопрос.

Лицо Мышелова окаменело.

— Гребите, бездельники! — сдержанно приказал он. — Энергичнее! Миккиду, пусть кто-нибудь другой позаботится о Пшаури, а ты бей в гонг, поднимай гребцов. Как можно быстрее! Урф, вооружай свою команду. Пошли вниз за стрелами и вашими роговыми луками — и пусть захватят для моих солдат пращи и все прочее. Берите свинцовые шары, не каменные. Гэвс, наблюдателем на корму, Тренчи — на нос. Да поживее, вы!

Серый Мышелов казался мрачным, поскольку ему в голову пришла мысль, которая ему очень не нравилась. Тысячу лет назад в «Серебряном угре» Фафхрд заявил, что наймет двенадцать берсерков, впадающих в безумство в битве. Но догадывался ли его дорогой друг, ныне обуянный демоном, насколько безумными окажутся эти двенадцать сумасшедших и что их безумие будет заразительным и поразит его самого?

Над ледяным туманом мерцали звезды, словно

холодные свечи, приглушаемые лишь спорящим с ними светом луны, висевшей низко на юго-западе, где далеко-далеко собирался шторм, вздымавший в воздух густую пелену ледяных кристаллов.

Почти над самыми жемчужно-белыми волнами, расстилавшимися ко всем горизонтам, кроме юго-восточного, летел на восток выпущенный Мышеловом сокол-почтальон. Насколько мог видеть глаз, ни единого другого существа не было в пустынной бесконечности, и все же птица внезапно вильнула в сторону, как бы подвергшись нападению, потом отчаянно заколотила крыльями и зависла в воздухе, став беспомощной, словно ее кто-то схватил. Но в прозрачном пространстве рядом с птицей никто не появился…

Лоскуток пергамента, обернутый вокруг лапы сокола, развернулся как по волшебству, на мгновение застыл в воздухе, а потом снова обернулся вокруг чешуйчатой лапы. Белый сокол отчаянно помчался на восток, мечась из стороны в сторону, как будто стремясь избежать преследования, и летя так близко к белой клубящейся массе, словно был готов в любой момент нырнуть в нее.

Из пустоты в том месте, где был пойман и отпущен сокол, зазвучал голос, произносящий

длинный монолог:

— Будет более чем достаточно для членов сообщества Умфорафора со Звездной Пристани и Кхаххта — владыки Черного Льда, если моя уловка сработает — а она сработает! Милые сестры во дьяволе, возрыдайте! — ваши возлюбленные, осквернившие вас, уже мертвы, хотя еще дышат и движутся. Хорошо выношенная и созревшая месть куда слаще, чем мгновенная. А слаще всего — когда те, кого вы ненавидите, любят, но вынуждены убивать друг друга. И если мои записки не принесут мне этого сверхблаженства, то мое имя не Фарумфар! А теперь вперед, мой плоский воздушный конь, лети быстрее ветра, мой невидимый чудесный ковер!

Странный низкий туман сгустился, мороз обжигал, но одежда Фафхрда, сшитая из вывернутых шкур северных оленей, отлично хранила тепло. Опершись рукой, одетой в перчатку, на невысокий ростр — шипящий снежный змей, Фафхрд удовлетворенно наблюдал с носа «Морского ястреба» за своими гребцами, продолжавшими грести с таким же усердием, как и в первый момент, когда была отдана команда, после того как он заметил красный огонь, зажженный Мышеловом на грот-мачте. Его гребцы были крепкими

парнями, умевшими и работать, и драться, когда это было необходимо. Девять из них были одного с ним роста, а трое еще выше — его капралы Скаллик и Маннимарк и старший капрал Скор, — но двух последних сейчас не было видно из-за тумана, лишь слышалось, как Скор отбивал время на корме. Каждый из младших офицеров тут же отдал команду своим людям.

«Морской ястреб» был великолепным прочным морским вельботом — немного длиннее и уже в бимсе, с более высокой мачтой, с надстроенными носом и кормой, в отличие от судна Серого Мышелова (хотя Фафхрд и не мог этого знать, не увидев «Бродягу»).

Внезапно Фафхрд слегка нахмурился. Пелли должен бы уже добраться до Мышелова и, получив ответное послание, вернуться — ведь этот маленький серый человечек никогда не упустит возможности поразглагольствовать, хоть дав волю языку, хоть посредством пера. Ну, в любом случае пора подняться наверх — ведь Мышелов может зажечь второй сигнальный огонь, а Скаллик вечно дремлет на вахте. Но когда Фафхрд приблизился к мачте, перед ним вырисовалась семифутовая тень — некий призрак, закутанный в серый мех выдры.

— В чем дело, Скаллик? — прохрипел Фафхрд, глядя вверх, поскольку призрак был выше его на пядь. — Почему ты оставил свой пост? Отвечай быстро, мерзавец!

И без дальнейших предупреждений он саданул своему старшему капралу кулаком под ребра, что заставило детину отступить на шаг и (непонятно почему) лишило его легкие воздуха, необходимого для ответа.

— Мороз… как в чреве ведьмы… там, наверху, — наконец с трудом выговорил Скаллик. — А моя вахта… кончилась.

— Отныне и навсегда ты будешь дожидаться смены на посту, пусть даже сам Ледяной Ад обрушится на все вокруг тебя, а может, и на тебя самого. Но ты свободен. — И Фафхрд еще раз поддал по той же самой критической точке. — Сейчас ты напоишь гребцов, четыре меры воды на одну меру виски, и, если ты сделаешь более двух глотков последнего, я об этом узнаю!

Он резко повернулся, в два шага очутился у мачты и уверенно полез вверх, цепляясь за выступы бронзовых колец, мимо реи, к которой крепился свернутый большой парус, все выше, пока его руки в перчатках не ухватились за короткий поперечный брус «вороньего гнезда». Подтянув-

шись на нем, Фафхрд удивленно подумал о том, что туман почему-то обрывается слишком резко, без плавного перехода в увенчанное звездами небо, — как будто бы неощутимая, но плотная пленка, вобравшая в себя пылинки льда, удерживает его, прижимая вниз. Когда Фафхрд встал на брус и выпрямился, он оказался по пояс в тумане, настолько плотном, что северянин едва мог разглядеть собственные ноги. Он вместе с верхушкой мачты словно бы несся сквозь жемчужное море, волнуемое невидимыми гребцами в самой его глубине. Звезды сказали Фафхрду, что «Морской ястреб» по-прежнему идет точно на запад. Интуиция не подвела его даже в тумане, окутавшем все внизу. Хорошо!

Да уж, бестолковый Скаллик говорил правду. Здесь действительно было холодно, как в уборной демоницы, но холод прекрасно бодрил. Фафхрд отметил, что на юго-западе поднялся ветер, взбудораживший туман, а к северу от этого места находилась та точка, где он заметил огонь, зажженный Мышеловом, — почти на горизонте. Жирная неровная луна сейчас находилась именно там, почти касаясь воды, но все еще достаточно яркая. Если Мышелов зажжет очередной сигнальный огонь, тот появится выше,

поскольку гребцы Фафхрда уже должны были подвести судно гораздо ближе к кораблю Мышелова. Фафхрд внимательно исследовал западную часть горизонта, чтобы убедиться в том, что вторая красная вспышка не растворилась в сильном свете луны Невона.

Фафхрд заметил черное пятно на неровном, ярком жемчужном круге. Пока он вглядывался в пятно, оно быстро выросло, обрело крылья, стало белым и, с криком опустившись на прикрытое перчаткой запястье Фафхрда, вцепилось в него когтями.

— Ты что-то встрепан, Пелли. Кто тебя так? — спросил Фафхрд, разрывая нити и разворачивая обернутый вокруг лапы пергамент.

Он узнал начало собственной записки, перевернул листок и при тусклом свете луны прочитал сообщение Мышелова.

Приветствую безумца! Я зажгу два огня, один за другим через склянку. Я не согласен. Моя команда уже обучена. М.

P. S. Никаких фальшивых атак, ты, шавка, бывшая когда-то моим другом, но слишком зазнавшаяся! Я хочу, самое малое, уничтожить тебя, собака!

Фафхрд прочел обращение и первую фразу с огромным облегчением и радостью. Следующие две фразы заставили его удивленно нахмуриться. А когда он добрался до постскриптума, его лицо исказилось, на нем появилось выражение ужаса и страдания. Он поспешно просмотрел письмо еще раз, вглядываясь в начертание букв и слов. Они, безусловно, были написаны Мышеловом, но постскриптум чуть более небрежно, как бы второпях. Обрывок какой-то мысли промелькнул в голове у Фафхрда, но он тут же его отбросил. Скомкав пергамент, он засунул его в карман.

Он сказал самому себе низким, ровным голосом, как говорят люди, погруженные в кошмар:

— Я не могу в это поверить, но не могу и пренебречь этим. Я знаю, когда Мышелов шутит и когда говорит всерьез. Должно быть, в этих приполярных морях бродит мгновенно поражающее безумие, возможно выпущенное тем магом, которого упомянула Афрейт… Ледяной Чародей… Кхахкт. И еще… и еще я должен подготовить «Морской ястреб» к настоящей войне, в какой бы момент она меня ни застигла. Мужчина должен быть готов к любым событиям, и не важно, насколько они обжигают и терзают его сердце…

Он бросил на запад последний взгляд. Фронт

шедшего с юго-запада шторма уже приблизился, гоня перед собой ледяные кристаллы. Он отрезал сектор круглого белого туманного моря, оставив на смену обнаженный черный океан. И оттуда сочился белый свет, застававший Фафхрда пробормотать: «Ледяное мерцание…»

Потом куда ближе, едва ли на расстоянии десяти полетов стрелы, еще в тумане, но уже поблизости от расчищенного ветром пространства, вспыхнул и погас красноватый огонь.

Фафхрд нырнул в туман и начал, перебирая руками, быстро спускаться, его ноги почти не касались медных колец.

Существо внутри шарообразной пустоты, обернутой темной картой, прекратило метаться, застыло в неподвижности, отвернувшись от окруженного водой солнечного диска на экваторе, и принялось начитывать голосом, напоминающим треск трущихся друг о друга льдин:

— Услышьте, атомы-малютки, что бурлят в морях морозных… Услышьте, духи холодов, и ответьте: «Я готов»… Отыщите-ка суда, что плывут туда-сюда, и заставьте двух героев биться до смерти на море. Ледяной поток крадется, в Ледяной вливаясь Ад, а мингольские отряды храмы рушить норовят. Если двое разгадают хитрость

замыслов моих, вы, невидимые духи, сами уничтожайте их! Вы крушите их суда, вы дробите их тела, плоть их в клочья разнесите, подвиг этот совершите! А закончив дело тьмы — погасите солнце вы!

И со змеиной ловкостью Существо обернулось вокруг себя и прикрыло черным железным колпаком мягко светящийся солнечный диск, окруженный водяными стенами, погрузив тем самым внутренность сферы в абсолютную темноту, хихикая при этом и хрипло шепча:

— И все эти великие боги начнут ныть у себя на небесах, взывая к солнцу… боги, тоже мне! Обычные хвастуны! Кхахкт никогда не хвастает, он действует!

У основания грот-мачты «Бродяги» Серый Мышелов схватил Пшаури за горло, но сдержался и не стал трясти его изо всех сил. Из-под окровавленной повязки, охватывавшей его лоб, бледный капрал с вызовом уставился на Мышелова.

— Неужели одного легкого удара хватило, чтобы все твои мозги вытекли наружу? — прорычал Мышелов. — Почему ты зажег этот огонь, ты же выдал врагу наше местонахождение!

Пшаури поморщился, но продолжал твердо смотреть в глаза капитану.

— Ты сам это приказал… и ты не отменял свой приказ, — упрямо произнес он.

Мышелов плюнул, но вынужден был признать правоту капрала. Этот дурак повиновался, поскольку был совершенно не в состоянии рассуждать самостоятельно. Ох уж эти солдаты, с их слепой преданностью дисциплине, а в особенности отданному приказу! Но самым поразительным сейчас кажется то, что еще вчера этот послушный идиот был вором-грабителем, порождением предательства, лжи и тупого самомнения. Мышелов снова с сожалением признался себе, что ему действительно следовало отменить приказ, что было бы вполне логично, и сделать скидку на глупость человеческую, а в особенности — подумать о том, что намеревался сделать этот дурак, когда полез на мачту во второй раз. Пшаури по-настоящему еще не пришел в себя после удара по голове, бедняга, поэтому он сразу швырнул в море крюк и фонарь, когда Мышелов заорал на него снизу, с палубы.

— Ладно, — ворчливо бросил он, разжимая пальцы. — В следующий раз — если он будет — подумай, прежде чем что-то сделать. Попроси у Урфа маленькую чарку белого бренди. Потом иди вперед, встань на вахту вместе с Гэвсом… я хочу

удвоить посты на корме и на носу.

С этими словами Мышелов принялся сверлить взглядом неподвижный туман, одновременно вслушиваясь в малейший шорох и с горечью и тревогой размышляя о природе охватившего Фафхрда безумия и об огромном как гора корабле, который он построил, купил, реквизировал или даже каким-то образом получил от Нингобля либо другого волшебника. Или волшебников? — корабль был достаточно велик и таинственен, чтобы оказаться творением нескольких супермагов! Возможно даже, это переоборудованная плавучая тюрьма из заиндевевшего Но-Омбрульска. Или, что было бы хуже всего (мысль, рожденная страхами Урфа из-за исчезновения гигантской лопасти весла), этот корабль был творением Кхахкта и неким связующим звеном между этим чернокнижником и безумным Фафхрдом?

«Бродяга» едва тащился вперед, гребцы лишь удерживали его в движении. Мышелов незадолго до того приказал экономить силы.

— Три склянки, — послышался мягкий голос Урфа.

Скоро рассвет, подумал Мышелов.

Пшаури едва успел добраться до носа судна, как

раздался его крик:

— Чистая вода прямо по курсу! И ветер!

Туман разлетелся в клочки и, кружась в морозном воздухе, отступил за корму. Недозревшая луна коснулась западного горизонта, но еще лила зловещий белый свет, в то время как к югу от нее в небе висели редкие звезды. Как-то это неестественно, подумал Мышелов, ведь лунный свет должен был скрыть их. Он посмотрел на восток — и едва не задохнулся. Над низким покровом тумана, освещенным луной, небеса были темнее, чем обычно, и там ночь была беззвездной, и при этом точно на востоке туманный покров отсвечивал серебром чернейшей черноты, чернее, чем может быть любая ночь, как будто черное солнце, вставая, бросало свои темные лучи, мощные и живые, как свет, — нет, это было не просто отсутствие света, это было нечто враждебно-противоположное ему. И казалось, что именно из центра сгущающегося серебра, вместе с могущественной тьмой, тянулся холод, более злобный и совсем не похожий на тот режущий юго-западный ветер, что свистел в правое ухо Мышелова.

— Судно по правому борту! — визгливо выкрикнул Пшаури.

Мышелов мгновенно перевел взгляд и увидел

незнакомый корабль, примерно на расстоянии тройного полета стрелы, только что вынырнувший из тумана и освещенный луной — и шедший прямиком к «Бродяге». В первое мгновение Мышелову показалось, что это вернулся ледяной левиафан Фафхрда, но потом он увидел, что судно так же мало, как его собственное, даже, пожалуй, поуже в корпусе. Его мысли отчаянно заметались: неужели безумный Фафхрд командует целым флотом? Или это военное судно морских минголов? Или какие-то другие пираты? Или это корабль с Льдистого острова? Он взял себя в руки, привел мысли в порядок.

Его сердце ударило дважды. Затем он отдал команду:

— Поднять парус, мои минголы! Запасные гребцы, бросайте свои инструменты, вооружайтесь! Пшаури, командуй ими!

И он схватился за румпель, сменив рулевого.

Фафхрд с борта «Морского ястреба» увидел длинный корпус, короткие мачты и реи, вырисовавшиеся на фоне призрачно-белой зловещей луны к западу от его корабля. В то же самое мгновение он наконец осознал, какая мысль мелькнула у него в голове, когда он сидел на верхушке мачты. Он сорвал перчатку с правой

руки, сунул ее в карман, и выудил обрывок пергамента, и на этот раз перечитал свое собственное послание — и теперь увидел внизу постскриптум, которого, как он знал совершенно точно, он не писал. И ему стало понятно, что оба постскриптума, начертанные не слишком ровными буквами, были хитроумной подделкой, которую каким-то образом провернули высоко в небе, в сферах, принадлежащих лишь птицам.

Поэтому он быстро определил направление ветра и приказал:

— Скор! Собери свою команду. Готовьтесь поднять парус!

Фафхрд достал из колчана, лежавшего рядом с ним на палубе, лучшую стрелу, быстро, но тщательно обернул письмо вокруг нее, достал свой мощный лук и натянул тетиву — и с короткой молитвой, обращенной к Косу, изо всех сил пустил послушную стрелу в черное небо, в сторону луны и черного силуэта двухмачтовика.

Тем временем Мышелова вдруг охватила дрожь странного предчувствия, возникшая в его теле, когда он наблюдал за минголами, сосредоточенно сражавшимися с линями и узлами на все усиливавшемся холодном ветру, и вскоре раздался глухой удар стрелы о палубу его корабля — стре-

лы, вонзившейся в доски едва ли в локте от его ноги. Так, значит, маленький вельбот, освещенный лунным светом (к этому времени Мышелов уже успел определить, что это за судно), намерен атаковать! Но расстояние между ними было еще слишком велико, и Мышелов знал лишь одного лучника в Невоне, способного сделать такой потрясающий выстрел. Не отпуская румпель, он наклонился и, выдернув стрелу, разорвал нить, которой был туго примотан к стреле светлый кусок пергамента, — и прочитал (а отчасти — перечитал) две записки, причем свою собственную — с дьявольским постскриптумом, которого он и в глаза не видел. Едва он успел дочитать все, как буквы стали невидимыми в черных лучах антисолнца, победившего лунный свет и начавшего затемнять белый диск. Однако он пришел к тому же выводу, что и Фафхрд, и горячие слезы радости брызнули из его пересохших глаз, когда он понял, что, какие бы хитрецы ни поработали с чернилами и пером этой ночью, его друг все тот же — нормальный и честный.

Раздался продолжительный резкий треск, когда последние узлы были распущены и ветер наполнил паруса, разбив морозные складки и фестоны. Мышелов налег на румпель, приводя

«Бродягу» к ветру, набиравшему ураганную силу, и резко скомандовал:

— Миккиду! Зажги три огня, два красных и один белый!

Фафхрд с борта «Морского ястреба» увидел благословенный тройной сигнал, пробившийся через все сгущающуюся неестественную тьму, когда на его парусах были взяты рифы, и, развернув свой корабль, приказал:

— Маннимарк! Ответь на сигнал такими же огнями. Скаллик, болван! Дай отбой своим лучникам! Там, на западе, — друзья! — Потом он сказал Скору, стоявшему рядом с ним: — Встань к рулю. Корабль моего друга идет по ветру, на север, как и мы. Держи курс на него. Нам надо подойти поближе.

На борту «Бродяги» Мышелов отдал аналогичные указания Урфу. Его порадовал ответный сигнал Фафхрда, хотя теперь не требовались подобные церемонии. Ему страстно хотелось поскорее поговорить с Фафхрдом. И это должно было случиться уже очень скоро. Полоса черной воды между кораблями быстро сужалась. Он потратил несколько мгновений на размышления о том, не вмешалась ли в дело некая богиня, отведя

стрелу Фафхрда от его сердца. Он подумал о Сиф.

На обоих кораблях, почти одновременно, Пшаури и Маннимарк испуганно закричали:

— Корабль сзади, близко!

Из рваной туманной тьмы, со сверхъестественной скоростью рассекая ураганный ветер, наперерез кораблям друзей бесшумно выскочило судно чудовищных размеров и чудовищного вида. Оно вполне могло остаться незамеченным вплоть до самого момента столкновения, сокрытое в противоестественных лучах встающего черного солнца, которое светило в его правый борт, порождая чудовищное бледное отражение, но не чистое белое, как это бывает, если речь идет об обычном свете, а некую вызывающую отвращение белесую, бесцветную люминесценцию, от которой по коже бежали мурашки, нечто жабье, рыбье… И если субстанция, вызывающая это отражение, имела вообще какую-нибудь фактуру, это была фактура ободранного и потрескавшегося серого рога… или ногтей мертвеца.

Лепрозный адский свет залил дьявольский корабль, надводный борт которого в три раза превосходил борт любого нормального корабля. Его возвышавшиеся над водой нос и корпус были неровны и покрыты зазубринами, как если бы

он был целиком отлит из грубого, смешанного с землей льда, оставшегося от Века Хаоса, или же наскоро вытесан джиннами из огромного айсберга, отколовшегося от еще более огромной ледяной горы. Он двигался благодаря работе нескольких рядов длинных весел, которые дергались, как лапы насекомых или конечности в мириады раз увеличенного ракообразного, — огромные, как соединенные суставами мачты, и они заставляли корабль-чудовище стремительно нестись через обширный черный океан. А с его надменно громоздящейся палубы, словно выпускаемые из дьявольских катапульт и баллист, летели в сторону «Бродяги» и «Морского ястреба» здоровенные куски льда, вздымавшие вокруг кораблей фонтаны черной воды. Затем с верхушки обломанной грот-мачты корабля — бледной, огромной и искривленной, как пораженная молнией сосна, — рванулись два тонких луча наичернейшего света, похожие на лучи антисолнца, но куда более интенсивные, — и ударили Серого Мышелова и Фафхрда в грудь, насквозь пронзив каждого из друзей леденящим холодом и вызвав тошнотворную слабость, которая парализовала волю…

Тем не менее каждый из них сумел отдать короткую, точную команду, и их корабли, повер-

нув, в последний момент разошлись в стороны, и смертоносный весельный айсберг пронесся между ними. «Бродяга» всего лишь развернулся по ветру и быстро вернулся на прежнее место. Но «Морскому ястребу» поневоле пришлось перекинуть парус. Парус на мгновение потерял ветер, потом с треском, похожим на удар грома, вновь резко наполнился, однако крепкая ткань Уул-Крута выдержала. И оба корабля вновь понеслись на север.

Зловещий корабль-айсберг позади них замедлил ход, потом развернулся со сверхъестественной быстротой, похожий своими веслами на паука, вытянувшего лапы, и бросился в погоню. И хотя преследуемые не произнесли ни слова и никак не дали понять, что видят преследователя, — словно чудовищного призрака за кормой вовсе не было, — тем не менее и капитанов, и каждого человека из команд двух кораблей пробрала дрожь.

Итак, настало время испытаний и напряжения всех сил, они вошли в Царство Ужаса, в Бесконечную Ночь, о которой ни один из них и не слыхал прежде. И именно темнота окутала их прежде всего — и темнота эта сгущалась по мере того, как антисолнце взбиралось все выше в черные

небеса. Только горящие свечи да огонь на камбузе нарушали нарастающую тьму. А преследовавшее их порождение бреда светилось гнилым белым светом, обладавшим странным свойством: он не освещал предметы, а скорее наоборот, делал их еще темнее, как будто в нем была заключена самая суть существовавшего лишь для того, чтобы сделать видимым ужасающий корабль-айсберг.

И еще вместе с антисолнцем пришел холод, который пробирался в самые кости, просачивался в каждую щелочку «Морского ястреба» и «Бродяги» и с которым приходилось сражаться путем постоянного похлопывания себя по бокам, не позволяя себе ни на мгновение остановиться, а еще с помощью питья и еды, которые разогревались невообразимо медленно на едва теплящемся огне, — холод, который мог парализовать и ум, и тело, а затем и убить.

Кроме того, вместе с противоестественной тьмой и холодом пришла оглушительная тишина — тишина, которая делала почти неслышными скрип снастей и дерева, которая приглушала звук шагов и хлопанье рук, при помощи которого люди боролись с холодом, которая приглушала голоса до едва слышного шепота и превращала адский рев штормового ветра, гнавшего корабли

на север, в мягкое журчание морской раковины, прижатой к уху.

А ведь штормовой ветер продолжал неистовствовать, ничуть не ослабев из-за того, что его шум перестал быть слышным, — шторм бросал на палубы ледяную пену, смертоносный шторм, с которым приходилось сражаться ежеминутно (цепляясь словно скованными руками за безнадежно обледеневшие канаты и поручни), шторм почти ураганной силы, увлекавший их к северу с почти неслыханной скоростью. Никому из мореходов не приходилось до сих пор вести корабль при таком ветре, даже Мышелову, Фафхрду и Урфу при первом их выходе в Крайнее море.

И наконец, было еще и чудовищное судно, смертоносный айсберг с усердно работавшими лапами-веслами, постепенно нагонявший их. Изредка остроконечные обломки льда падали в черную воду позади судов-беглецов. Время от времени черный луч касался сердец героев. Но все это были несущественные мелочи. Наибольшую опасность представлял корабль-чудовище: он ничего не предпринимал (лишь понемногу сокращал расстояние между собой и бегущим противником).

Фафхрд и Мышелов, каждый на своем корабле,

боролись с усталостью и холодом, с безумным желанием заснуть, со странными мимолетными видениями. В какой-то момент Фафхрду пригрезились невидимые насекомые, зависшие над его головой, — такие же, с какими они с Мышеловом столкнулись во время их знаменитого воздушного путешествия. В какой-то момент Мышелову показалось, что он видит черные паруса двух огромных флотов. Командиры обоих кораблей то и дело подбадривали своих людей, поддерживая в них боевой дух.

Время от времени «Морской ястреб» и «Бродяга» расходились довольно далеко, так что теряли друг друга из виду. Иной раз они сходились так близко, что видели огни другого корабля. А один раз они очутились почти рядом, так что капитаны смогли обменяться несколькими словами.

Фафхрд закричал во все горло (но до Мышелова донесся едва слышный шепот):

— Хэй, малыш! Ты слышал тех, что летают у Звездной Пристани? Наши горные принцессы… сражающиеся с Фарумфаром?

Мышелов закричал в ответ:

— Мои уши забиты льдом! А ты заметил… вражеские корабли… за этим ледяным уродом?

Ф а ф х р д. Ледяной урод? Что это такое?

М ы ш е л о в. Он там, за кормой! Я просто не знаю, как это назвать… вроде как галера с двумя рядами весел… или такая текучая четырехпарная галера… ледяной монстр! И на веслах там — ледяные монстры!

Ф а ф х р д. Монстры при таком-то шторме! Невеселая история! (Он посмотрел назад, на ледяную галеру.)

М ы ш е л о в. Монстры во время муссона… это было бы еще хуже!

Ф а ф х р д. Экономь дыхание! Когда мы доберемся до Льдистого острова?

М ы ш е л о в. Я и забыл, что у нас есть цель! Как ты думаешь, который час?

Ф а ф х р д. Первая склянка второй вахты! Должно бы светать…

М ы ш е л о в. Наверное, посветлеет… когда это черное солнце сядет.

Ф а ф х р д. Черт бы побрал этого урода за кормой! Что бы все это значило?

М ы ш е л о в. Думаю, он хочет остановить нас. А потом убить холодом или взять на абордаж.

Ф а ф х р д. Прекрасно, скажу тебе! Ему бы следовало нанять тебя!

Тут друзья перестали слышать друг друга — и хотя они обрадовались возможности поговорить,

но быстро устали от этого. К тому же им необходимо было присматривать за своими людьми. Кроме того, в таком сближении судов был и немалый риск.

Время тянулось медленно, как в ночном кошмаре. Потом на севере Фафхрд заметил темный красный отсвет. Довольно долго он всматривался в этот свет, сомневаясь, видит ли его вообще, и в его промороженной голове мысли метались, как в лихорадке. Он заметил, что перед ним то и дело выскакивает, как поплавок, тонкое лицо Афрейт. Стоявший рядом с ним Скор спросил:

— Капитан, что это за огонь прямо по курсу? Наше потерявшееся солнце решило встать на севере?

Тут наконец Фафхрд позволил себе поверить собственным глазам.

На борту «Бродяги» Мышелов, едва не падающий от изнеможения, услышал шепот Фафхрда:

— Мышелов, эй! Посмотри вперед. Что ты видишь?

Мышелов понял, что богатырский крик друга приглушен чернотой и штормом и что «Морской ястреб» снова подошел ближе. Он даже видел, как поблескивают щиты, укрепленные на его бортах, и заметил, что монстр, догонявший их,

приблизился, тускло светясь, как гнилушка. Некоторое время он смотрел вперед, а потом тяжело выдохнул:

— Красный свет!.. — и тут же заставил себя проорать те же слова в подветренную сторону, добавив: — Это ты скажи мне, что это такое! А потом отстань, дай мне поспать!

— Льдистый остров, я думаю, — ответил Фафхрд со своего корабля.

— Они что, подожгли его? — спросил Мышелов.

Ответ прозвучал едва слышно и мрачно:

— Вспомни… на золотых монетах… вулкан?

Мышелов не был уверен, что правильно расслышал следующее за этим восклицание Фафхрда, и потребовал, чтобы тот повторил свои слова. А потом громко позвал:

— Сэр Пшаури! — и, когда тот приковылял, держась рукой за перебинтованную голову, приказал: — Опустить бадью за борт и быстро поднять! Мне нужен образец воды из этих волн. Быстрее, ты, мерзкий калека!

Немного погодя у Пшаури от удивления поднялись брови — его капитан взял наполненную водой бадью, поданную ему, поднес ее ко рту и, запрокинув голову, отпил, а потом вернул Пшаури,

со свистом выпустив сквозь зубы тот «образец», скривился и сплюнул за борт.

Исследуемая жидкость была куда менее холодной, чем ожидал Мышелов, — она была почти теплой и куда более соленой, чем вода моря Монстров, которое лежит как раз к востоку от Выжженных гор. На какое-то мгновение Мышелову пришла в голову безумная мысль, что они волшебным образом очутились в том огромном мертвом озере. Это вполне объясняло бы появление монстров. Он вспомнил о Сиф.

И тут «Бродяга» с чем-то столкнулся. Корабль накренился и не вернулся на место. Пшаури уронил бадью и заорал.

Гигантский ледяной монстр вклинился между их небольшими кораблями и мгновенно примерз к ним своей носовой фигурой (живой или мертвой?), изображающей морского урода, вырубленного или рожденного изо льда, и его челюсти широко раскрылись, но в этот момент с высокой палубы прогремел смех Фафхрда, многократно и пугающе усиленный.

Ледяной монстр заметно съежился.

В одно мгновение тьма отступила. Из-за низкого западного горизонта брызнули лучи настоящего солнца, окатив теплым светом залив, в котором

находились корабли, и отразившись золотыми волнами от огромного белого ледяного утеса, вздымавшегося прямо по курсу перед судами, — и со склонов утеса тут же хлынули тысячи ручьев и ручейков. А в лиге или около того за утесом высилась конусообразная гора, изливающая чистый алый свет, а из неровно срезанной вершины ослепительные языки пламени цвета киновари устремлялись к зениту, и темные клубы дыма, срывавшиеся с их концов, уносились с ветром на северо-восток.

Широким жестом указывая на гору, Фафхрд крикнул:

— Смотри, Мышелов, красное сияние!

Прямо впереди, ближе, чем ледяной утес, плыл, приближаясь к кораблям, некий город или же небольшое, не защищенное стенами поселение с низкими зданиями, приткнувшимися к невысоким холмам; в его порту был всего лишь один длинный низкий причал, у которого стояли несколько кораблей и собралась небольшая молчаливая толпа людей. А на западе, окружая залив, высились утесы, ближайшие из них представляли собой просто темные голые камни, а дальние были одеты снегом.

Глядя на город, Фафхрд сказал:

— Соленая Гавань.

Всматриваясь в истекающий водой сверкающий белый утес и огненный вулкан вдали, Мышелов припомнил два изображения на его золотых монетах, уже истраченных. Но тут он вспомнил о четырех серебряных монетках, которые не смог истратить, потому что их стащил со стола в «Угре» потрепанный жирный слуга, и о двух изображениях на сторонах этих монет: айсберг и монстр. Он резко повернулся назад.

Ледяные монстры исчезли. Или, точнее, Мышелов увидел тающие обломки весел, погружающиеся в безмятежные воды залива без единого звука или всплеска, только крошечные водовороты оставались после них на поверхности.

Взлетев невидимо с мостика ледяной галеры-монстра, откуда Оно наблюдало за поражением ужасных ледяных уродов, внезапно растаявших, Существо, одержимое яростью, вернулось в свою тесную черную сферу. Кхахкт изрыгал проклятия голосом, похожим на голос Фафхрда, однако вскоре перешедшим в его обычное карканье:

— Чтоб этим проклятым богам Льдистого острова провалиться на самое дно ада! Но придет и их день, и их гибель! Я знаю, как это сделать, и так будет, а пока я отдохну…

Он смахнул крышку с водяной трубы, скрывающей солнце, и начал начитывать заклинание — сфера начала вращаться, пока солнце не очутилось в верхней ее части, а Великая Субэкваториальная пустыня — в самой нижней. Пахнуло жаром, и Кхахкт, свернувшись, устроился на изображении пустыни и закрыл глаза, бормоча:

— …потому что только Кхахкт посылает холод…

В это время на высочайшей Звездной Пристани Великий Умфорафор слушал рассказ о поражении или, скорее, отступлении и о новом предательстве его дорогих дочерей — рассказ своего взбешенного, разъяренного не менее Кхахкта сына, принца Фарумфара.

А Мышелов, снова повернувшись лицом к огромному белому утесу, вдруг понял, что тот, скорее всего, целиком состоит из соли — отсюда и возникло название этого морского порта, — и что горячие ручьи, стекающие с его склонов, размывают его и потому вода здесь теплее и соленее, чем в океане, и что именно поэтому растаяла ледяная галера-монстр. А она ведь была построена из магического льда, который и крепче и слабее обычного, подумал Мышелов, — так же как ма-

гия, и сильнее и слабее жизни.

Они с Фафхрдом с радостным облегчением смотрели на длинный причал, а их корабли подходили все ближе к пристани — и друзья уже видели две стройные фигурки, высокую и пониже, стоявшие несколько в стороне от других встречающих; и по украшениям девушек, по их горделивым позам и неброским, но богатым одеждам — синевато-серым на одной, ржаво-красным на другой — нетрудно было догадаться, что они занимают достаточно высокое положение в Совете Льдистого острова.

Льдистый остров

Фафхрд и Серый Мышелов, дождавшись, когда носовые и кормовые швартовы «Морского ястреба» и «Бродяги» будут закреплены вокруг больших деревянных тумб на берегу, легко, несмотря на полное изнеможение, перепрыгнули на причал, ибо знали, что капитанам не к лицу выказывать усталость. Подойдя друг к другу, они обнялись, а потом повернулись к толпе жителей Льдистого острова, которые, выстроившись полукругом, наблюдали за драматическим прибытием и швартовкой их побитых бурями, покрытых соленой коркой кораблей.

За спинами людей раскинулась сама Соленая Гавань — маленькие, прочные, приземистые, как того требует суровый северный климат, домишки, крашенные некогда в синий, зеленый и фиолетовый цвета, ныне выцветшие на ветру до серого единообразия, которое нарушали только ближайшие к пристани грязные строения зловеще красных и желтых тонов.

Дальше за Соленой Гаванью тянулись низкие, покрытые мхом и вереском серо-зеленые холмы, которые упирались в серо-белую стену огромно-

го глетчера, чьи вековые льды, в свою очередь, упирались в обрывистый склон действующего вулкана, в данный момент извергавшего раскаленную докрасна лаву и черные клубы дыма, но который тем не менее показался Фафхрду и Мышелову гораздо меньше, чем когда они увидели его впервые с борта корабля.

Толпу собравшихся возглавляли рослые, крепко сбитые мужчины с невозмутимыми лицами, в рыбацких куртках, штанах и ботинках. Почти каждый имел при себе четырехгранную дубинку, и по тому, как держали они это грозное оружие, было понятно, что они хорошо знают, как с ним управляться. Все с любопытством, хотя и сдержанным, разглядывали обоих капитанов и их корабли — «Бродягу» Мышелова, широкобокое и несколько неуклюжее торговое судно, команду которого составляли несколько минголов и отряд дисциплинированных (о диво!) воров, и «Морской ястреб» Фафхрда, грузовой вельбот с экипажем дисциплинированных (если такое вообще возможно) берсерков. Швартовкой занимались соскочившие на пристань капрал Фафхрда Скор, капрал Мышелова Пшаури и еще два матроса.

Толпа была столь безмолвна и столь невозму-

тима, что Фафхрд с Мышеловом сначала озадачились, а потом почувствовали даже некоторое раздражение. Они приплыли в такую даль, такие страшные преодолели опасности, дабы помочь защитить остров Льдистый от вторжения обезумевших пиратов-минголов, решивших завоевать весь мир, и что? Никакой радости не видать, одни только флегматичные оценивающие взоры. Где приветственные крики, пляски, девушки с цветами, или что тут на севере растет? Правда, один из рыбаков держал на плече коромысло с двумя дымящимися котлами рыбного варева, что как будто сулило угощение и радушный прием, но до сих пор им никто еще ничего не предложил!

Аппетитный запах тушеной рыбы донесся и до обоих экипажей, члены которых стояли на борту в позах, свидетельствовавших об их крайней усталости и упадке духа, — они были измотаны не меньше своих капитанов и не имели нужды это скрывать, — и глаза моряков медленно прояснились, а челюсти машинально задвигались. Позади них, под солнцем, озарявшим уютную гавань, небеса над которой еще так недавно были черным-черны, стояли на якоре многочисленные мелкие рыбачьи суденышки, в основном местные, чьи красивые корпуса напоминали

дельфиньи тела, но среди них виднелись и те, что явно приплыли издалека, — небольшой торговый галеон из Восточных земель, клешитская джонка (удивительно!) и парочка скромных, но непривычного вида кораблей, пришедших, судя по всему, из морей за Невоном. (Среди рослых жителей Льдистого острова на пристани находились и моряки из далеких портов.)

Наконец островитянин, который стоял ближе всех, в сопровождении еще парочки молча двинулся к нашим героям. Он остановился в каком-нибудь ярде от них, но не проронил ни звука. Казалось, он и смотрит-то не на них, а мимо, на корабли и матросов, и производит в уме некие глубокомысленные расчеты. Ростом все трое были ничуть не ниже Фафхрда и его берсерков.

Фафхрду и Мышелову не без труда удавалось сохранять достоинство. Однако первыми начинать разговор с человеком, который предположительно являлся их должником, они не желали.

Человек этот как будто завершил наконец свои расчеты и заговорил на нижнеланкмарском наречии, принятом среди торговцев на севере:

— Я Гронигер, корабельный мастер Соленой Гавани. По моим прикидкам, на ремонт кораблей и на то, чтобы запастись вам провизией, уйдет

добрая неделя. Вашим экипажам будут предоставлены кров и питание в квартале торговцев.

Он показал на убогие красные и желтые домишки.

— Благодарю вас, — степенно сказал Фафхрд.

И Мышелов холодно откликнулся эхом:

— Огромное спасибо.

На горячее приветствие это мало смахивало, но хоть что-то!

Гронигер протянул руку ладонью вверх.

— Стоить это будет, — сказал он громко, — пять золотых монет за вельбот, семь за старую галошу. Плата вперед.

У Фафхрда и Мышелова челюсть так и отвисла. Последний, не в силах сдержать негодование, махнул рукой на свое капитанское достоинство.

— Но мы же ваши союзники, — запротестовал он, — мы приплыли, как и обещали, преодолев многие опасности, дабы в качестве ваших наемников защитить вас от вторжения морских минголов, подобных стае хищной саранчи, коих ведет и направляет злейший Кхахкт, Ледяной Маг.

Гронигер вскинул брови.

— Какого вторжения? — удивленно спросил он. — Морские минголы — наши друзья. Они

покупают у нас рыбу. Может, по отношению к кому-то они и пираты, но только не для кораблей Льдистого. А Кхахкт — это и вовсе бабушкины сказки, которым не поверит ни один здравомыслящий человек.

— Бабушкины сказки? — взорвался Мышелов. — Да нас три бесконечные ночи преследовала чудовищная галера Кхахкта, и потопили мы ее чуть ли не у вашего порога! Его нападение едва не увенчалось успехом. И что же, вы за последние три дня ни разу не были свидетелями ни тьмы непроглядной, когда Кхахкт согнал колдовством солнце с небес, ни адского ветра?

— Видели мы немного туч, что надуло с юга, — сказал Гронигер, — под прикрытием которых вы и вошли в Соленую Гавань. Коснувшись Льдистого, они рассеялись — как, похоже, рассеиваются любые суеверия. Что до нападения, то несколько месяцев назад ходили слухи о такой напасти, но наш Совет тщательно их проверил и счел пустыми сплетнями. Слыхал ли кто из вас до сего дня о вторжении морских минголов? — спросил он громко, глядя на своих земляков-островитян. Те дружно покачали головой. — В таком случае платите! — повторил он, тряхнув своей протянутой рукой, а спутники его, стоявшие рядом,

перехватили дубинки поудобнее.

— Преступная неблагодарность! — упрекнул его Мышелов нравоучительным тоном, вспомнив о своей команде. — Каким богам вы поклоняетесь на своем Льдистом, что сделались столь жестокосердны?

Ответ Гронигера прозвучал отчетливо и холодно:

— Мы не поклоняемся никаким богам, а дела свои делаем на ясную голову, без всяких там туманных грез. Пусть этими фантазиями маются так называемые цивилизованные люди — представители упадочной культуры тепличного юга. Платите, я сказал.

В этот момент Фафхрд, чей рост позволял ему видеть и то, что происходит позади толпы, воскликнул:

— Послушай, корабельный мастер, вот идут те, кто нас нанял, и уж они-то подтвердят наши слова.

Толпа почтительно расступилась и пропустила вперед двух стройных женщин в мужских брюках, с длинными ножами в украшенных драгоценными камнями ножнах у пояса. Та, что повыше, светловолосая и голубоглазая, была в голубом наряде, в тон глазам. У ее подруги, в

темно-красном, глаза были зеленые, а волосы черные, в которые, казалось, были вплетены блестящие золотые нити. Когда Скор и Пшаури, отупевшие от усталости, увидели женщин, в глазах этих морских волков появилось выражение, которое невозможно было объяснить иначе: «Вот они, северные ангелы!»

— Высокочтимые советницы Афрейт и Сиф, — провозгласил Гронигер. — Их присутствие — честь для нас.

Женщины, царственно улыбаясь, подошли и взглянули на героев с выражением дружелюбного любопытства на лицах.

— Расскажите же им, леди Афрейт, — учтиво сказал Фафхрд той, что была в голубом, — как вы поручили мне привести на Льдистый остров двенадцать… — Он проглотил слово «берсерков» и вкрадчиво продолжил: —…крепких северных бойцов горячего нрава.

— А мне — двенадцать… шустрых и сообразительных фехтовальщиков и пращников, милейшая леди Сиф, — столь же непринужденно избегая слова «воров», подхватил Мышелов.

Афрейт и Сиф недоуменно уставились на них. Затем взгляды девушек сделались встревоженными и одновременно полными участия.

Афрейт сказала:

— Они попали в шторм, бедняги, и явно повредились умом. Для южан даже наши небольшие северные шторма — большое потрясение. Но ведут они себя как будто смирно. Не обижайте их, мастер Гронигер.

Не сводя глаз с Фафхрда, она подняла руку, поправила волосы и, опуская ее, на мгновение прижала палец к своим плотно сжатым губам.

Сиф добавила:

— Да, они, похоже, временно не в себе. Их кораблям как следует досталось. Но что за бред они несут? И вообще, кто они такие? Покормите их горячим супом… потом они, разумеется, расплатятся.

И, отвернувшись от Гронигера, она подмигнула Мышелову зеленым глазом, обрамленным темными ресницами. Затем обе леди удалились.

Видимо, велик был врожденный запас самообладания у Мышелова и Фафхрда, возросшего еще и за время плавания, когда они в качестве капитанов вынуждены были руководить другими людьми, ибо ни один из них слова не сказал, получив столь откровенный, правда удивительным образом смягченный, отпор, а только каждый сунул руку в кошелек, но оба несколько

заинтригованно посмотрели вслед женщинам. И увидели, что Скор и Пшаури, остолбенело пялившиеся на эти два северных видения красоты, ринулись теперь вслед за гуриями, явно намереваясь заложить основы для более тесного и нежного знакомства.

Афрейт решительно оттолкнула Скора, но только после того, как, склонившись к его уху, шепнула пару слов и схватилась за его руку таким манером, что вполне могла оставить в его ладони подарочек или записку. Сиф на ухаживания Пшаури ответила точно так же.

Гронигер, обрадованный видом монет, которые капитаны принялись вытаскивать из кошельков, тем не менее предупредил их:

— И следите за тем, чтобы ваши матросы не оскорбляли женщин Соленой Гавани и шагу не делали за пределы квартала торговцев.

Фафхрд отдал последние золотые монеты Льдистого острова из тех, что вручила им Сиф в Ланкмаре, в «Серебряном угре», а Мышелову пришлось еще и добавить два ланкмарских рилька и сархеенмарский доллар.

Гронигер взглянул на свой улов, и брови его взлетели.

— Чеканка Льдистого! Так вы уже бывали у нас,

знаете, стало быть, наши правила и просто хотели поторговаться? Но к чему было выдумывать столь невероятную историю?

Фафхрд пожал плечами и сказал резко:

— Нет. Этими монетами с нами рассчитались на одном восточном базаре в здешних водах.

Мышелов только рассмеялся.

Гронигер коротко сказал:

— Можете теперь покормить своих людей.

Он бросил вслед двум советницам задумчивый взгляд.

Мышелов повернулся к «Бродяге» и крикнул:

— Эй, парни! Тащите свои кружки, миски и ложки! Гостеприимные жители Льдистого приготовили для вас угощение. Ведите себя хорошо. Пшаури, ты идешь со мной.

Такую же команду отдал и Фафхрд, добавив:

— Не забывайте, это наши друзья. Будьте с ними повежливей. Скор, задержись на два слова.

И хотя услышанное «галоша» все еще терзало сердце Мышелова, несмотря на то что было оно весьма точным определением для его разлапистого, длинновесельного «Бродяги», он ничем не выказал своей обиды.

Убедившись, что обе команды обеспечены едой, и снабдив каждого порцией грога в честь

благополучного прибытия, Мышелов и Фафхрд повернулись к своим капралам, которые с несколько опечаленным видом и явной неохотой передали им записки, при вручении коих, как подозревали капитаны, им было сказано: «Для твоего хозяина!»

Записка Афрейт сообщала: «В Совете Льдистого временно заправляет другая фракция. Мы с вами незнакомы. Завтра в сумерках ищите меня у холма Восьминогая Лошадь», а в послании Сиф говорилось: «Золото Кхахкта посеяло в Совете разногласия. Ведите себя так, словно мы никогда не встречались. Завтра вечером вы найдете меня в „Огненном логове“, если придете один».

— Вот как, значит, они выступают не от имени всего Льдистого, — негромко отметил Фафхрд. — С какими же пылкими дамами-политиками мы соединили свои судьбы?

— Золото их было недурным, — сердито отвечал Мышелов. — И теперь нам предстоит решить две новые загадки.

— «Огненное логово» и Восьминогая Лошадь, — подтвердил Фафхрд.

— Он назвал мой корабль галошей, — с горечью пробормотал Мышелов, вновь вспоминая о нанесенной ему обиде. — Каким же философам,

безбожникам и педантам собираемся мы помогать, да еще против их желания?

— Ты тоже безбожник, — напомнил ему Фафхрд.

— Не настолько, верил одно время в Мога, — возразил Мышелов с шутливым унынием в голосе, припомнив времена своего юношеского легковерия, когда он, дабы угодить любимой, стал приверженцем бога-паука.

— С этими вопросами и загадками разберемся позже, — решил Фафхрд. — А пока давай попытаемся расположить к себе рыбаков-атеистов.

И в сопровождении Мышелова он направился к Гронигеру, чтобы со всеми церемониями предложить бренди, которое принес с «Бродяги» старик Урф, мингол-ренегат. Корабельный мастер поддался на уговоры выпить рюмочку, каковую и тянул потихоньку, пока Фафхрд с Мышеловом, заведя беседу о ремонтных доках, запасах воды, размещении экипажей на берегу и ценах на соленую рыбу, пытались его разговорить. Кое-как им удалось добиться разрешения выходить за пределы квартала торговцев, но только днем и только им самим, но не их людям. От второй рюмочки Гронигер отказался.

Кхаххт, отдыхавший в своей ледяной сфере, где

более высокому существу пришлось бы согнуться в три погибели, пробудился со словами:

— Новые боги Льдистого вероломны — предают и чужих и своих, — однако они сильнее, чем я предполагал.

Он принялся рассматривать темную карту Невона на внутренней стороне сферы. Его внимание привлек северный язык Крайнего моря и длинный полуостров Западного континента, вытянутый в сторону Стылых пустошей, на полпути к которым располагался Льдистый остров. Приблизив свое паучье лицо к самому кончику этого полуострова, он разглядел на темно-синей воде с северной стороны крохотные пятнышки.

— Армада идущих против солнца морских минголов окружает Сэйенд. — Он хихикнул, произнеся название самого восточного города древней Ивамаренсийской империи. — За работу!

И, поводя своими толстыми, покрытыми черной щетиной руками над скоплением пятнышек, забубнил заклинание:

— Смерти рабы, призываю я вас. Слушайте мой указующий глас. Воле моей вы покорно внемлите — Сэйенд дотла для начала спалите! Дале на Льдистый пусть грянет орда, следом Невона вас

ждут города. — Одна из паучьих рук двинулась в сторону маленького зеленого острова посреди океана. — Будет здесь рыбы несметная рать, дабы минголов моих напитать. — Рука вернулась на место, и Кхахкт с еще большей скоростью стал производить магические пассы. — Да затуманит вам головы тьма, всяк человек да лишится ума. Ярость безумца сильнее горит, огненной смертью холод грозит!

Он дунул сильно, словно раздувая угасший костер, и на краю полуострова засветилось темно-красное, похожее на рдеющий уголек, пятнышко.

— Да сбудется все сие по воле Кхахкта! — проскрипел он в завершение колдовства.

Корабли идущих против солнца минголов, посеребренные лунным светом, стояли в гавани Сэйенда, теснясь, как рыба в бочке, вплотную друг к другу. Паруса были убраны. Палубы кораблей, примыкая с бортов друг к другу, образовывали нечто вроде моста, перекинутого от крутого берега к флагману, где восседал на корме Идумир, вождь минголов, попивая квармаллийское грибное вино, которое порождает видения. Холодный свет полной луны, лившийся с южной стороны неба, озарял узкую клеть, выполнявшую

роль полубака и имевшуюся на каждом судне, и высвечивал безумные глаза и костлявую морду исхудавшего степного жеребца, просунутую меж широко расставленных прутьев.

В осажденном городе за выходившим далеко в море шлюзом было темно. Перед городскими стенами и на предпортовой улице плавали в собственной крови трупы немногочисленных защитников, павших под натиском минголов, которые потом не стали, однако, утруждать себя взламыванием дверей, за коими заперлись разбежавшиеся по домам остальные жители города. Минголы успели захватить и переправить на флагман пять девушек, как того требовал ритуал, и искали теперь ворвань, дельфиний жир и рыбий. Как ни странно, но, добыв эти сокровища, они не тащили их на корабль, а расточали понапрасну, взламывая топорами бочонки, разбивая кувшины и орошая этими дорогостоящими продуктами двери, деревянные стены домов и мощеные улицы.

На высокой корме флагмана было темно, как в городе, и освещал ее лишь лунный свет. Рядом с Идумиром стоял колдун с глазами безумными, как у корабельного жеребца, держа в руке, поднятой над жаровней с растопкой, кремень

и подкову. Возле него застыл в ожидании обнаженный по пояс жилистый воин с роговым мингольским луком, грозным для невонцев оружием, и пятью стрелами, обмотанными промасленной ветошью. По другую же руку от колдуна стоял секироносец с пятью бочонками трофейного масла.

Ниже на палубе, съежившись, ждали своей участи пять сэйендских девушек, притихших, казавшихся особенно бледными из-за темных, заплетенных в косы волос, и каждую из них охраняли по две угрюмые минголки со сверкающими обнаженными ножами в руках.

На главной же палубе, верхом на отменно обученных степных кобылицах, на удары копыт которых палубный настил отзывался глухим барабанным рокотом, выстроились в ряд пять молодых минголов, удостоенные высокой чести за не раз проявленную в бою отвагу.

Идумир бросил кубок в море, медленно обратил к колдуну свое бесстрастное, с вытянутым подбородком лицо и кивнул. Колдун опустил руку с подковой и кремнем и, ударяя ими друг о друга, высекал искры, пока растопка в жаровне не разгорелась.

Лучник положил свои пять стрел поперек

жаровни и, дождавшись, когда они запылают, выхватил их и одну за другой выпустил в сторону Сэйенда со столь изумительной скоростью, что первая не успела еще достичь цели, как последняя уже взвилась оранжевой дугой в небо.

Стрелы вонзились в дерево, облитый маслом город вспыхнул весь разом, как факел, со сверхъестественной быстротой, и оттуда стали доноситься приглушенные расстоянием отчаянные вопли запертых жителей, подобные воплям грешников в аду.

Тем временем сторожившие девушек минголки быстрыми взмахами сверкавших, как пламя, ножей разрезали на одной из них платье и толкнули ее, обнаженную, к первому всаднику. Он схватил девушку за темные косы и вскинул на седло перед собой, прижав ее нагую стройную спину к своей затянутой в кожаный панцирь груди. В тот же миг секироносец сбил крышку с первого бочонка и выплеснул масло на лошадь, всадника и девушку. Затем всадник рванул поводья, вонзил шпоры в бока кобылицы и погнал ее галопом по мосту из палуб к горящему городу. Когда девушка поняла цель этой безумной скачки, она начала вопить от ужаса, и вопли ее заглушали даже гортанные, ритмичные выкрики

всадника и барабанный бой конских копыт.

Ритуальные действия были повторены во второй, третий, четвертый и пятый раз — третья лошадь поскользнулась было на масле, заскользила, но выправилась, — и пятый всадник тронулся в путь, когда первый еще не успел доскакать до города. Кобылы были специально обучены перепрыгивать через стены огня. Всадники напились вволю того же грибного вина, какое пил Идумир. Девушкам же только и оставалось, что кричать.

Их силуэты один за другим коротко мелькнули на фоне пылающих ворот и слились с огнем. Пять раз вскинулось еще выше к небесам пламя, бушевавшее над городом, озаряя красным светом маленькую бухту, сбившиеся в кучу корабли, остекленевшие глаза минголов, и Сэйенда под единый бесконечный вопль агонии и муки не стало.

Когда все кончилось, Идумир поднялся во весь рост, в своих меховых одеждах, и прокричал трубным голосом:

— Востока больше нет. Вперед, на Льдистый!

На следующие утро потрепанные корабли Мышелова и Фафхрда после откачки воды из трюмов были переведены в отведенные для них доки, и работа закипела. Отдохнувшие за ночь матросы,

немного поворчав, взялись за ремонт. Ворами Мышелова руководили капрал Пшаури и минголы. На «Бродяге», который они конопатили и смолили изнутри, стоял глухой стук деревянных колотушек и воняло дегтем, а с палубы «Морского ястреба», где викинги Фафхрда латали надводную часть, поврежденную колдовскими ледяными снарядами Кхахкта, доносилась более звонкая музыка пил и молотков. Часть экипажа занималась заменой износившейся оснастки.

Квартал торговцев, где мореходов разместили на постой, ничем не отличался от места такого же рода в любом невонском порту — три таверны, два борделя, несколько лавок и часовенок, — и за порядком в нем следили без излишней строгости двое постоянно здесь проживавших и странно смотревшихся рядом чужестранцев: неофициальный мэр квартала, покрытый шрамами капитан Бомар из Восьми Городов, и главный банкир, суровый темнокожий кешит. Фафхрд и Мышелов поняли, что одна из главных забот здешних жителей-рыбаков, да и морских торговцев тоже, состояла в том, чтобы не подпускать к тайнам Льдистого весь остальной Невон. Вероятно, торговцы научились сдержанности у своих хозяев, которые их терпели только ради

прибыли и не упускали случая напомнить о соблюдении порядка. Во всяком случае, по словам этих чужестранцев, они тоже ничего не слыхали о минголах.

Жители Льдистого пока как будто не нарушали первого о них впечатления: крепко сбитые, практично одетые, невозмутимые и весьма самоуверенные люди без всяких странностей, чудаковатости и даже без суеверий, люди, которые пьют мало и придерживаются принципа: «Занимайся своим делом». Большую часть свободного времени они играли в шахматы и упражнялись с дубинками, но при этом, казалось, почти и не замечали друг друга, а чужестранцев в особенности, хотя глаза у них отнюдь не были сонными.

В этот же день к ним было и вовсе не подступиться — вышедшая спозаранку лодка почти сразу вернулась с вестями, которые взбудоражили и заставили выйти в море всех рыбаков. И когда, вскоре после полудня, первое судно пришло с великим уловом и, наскоро засолив его (соли на острове хватало — целая скала ее стояла на востоке, в стороне от горячих вулканических вод), снова отправилось под всеми парусами в море, стало ясно, что сразу за устьем гавани идут небывалые косяки рыбы, и практичные рыбаки

решили извлечь из этого всю возможную выгоду. Даже Гронигер снарядил свою лодку.

Мышелов и Фафхрд, занятые каждый своими личными хлопотами, ибо только им разрешено было выходить из квартала торговцев, встретились возле дамбы к северу от пристани и остановились, чтобы обменяться новостями и перевести дух.

— Я нашел «Огненное логово», — сказал Мышелов. — Во всяком случае похоже, что нашел. Это задняя комната в таверне «Соленая селедка». Хозяин-илтхмарец признался, что порой сдает ее на ночь, — если я, конечно, правильно истолковал его подмигивания.

Фафхрд кивнул и сказал:

— А я прогулялся на северный край города и спросил там у одного дедули, слыхал ли он о холме Восьминогая Лошадь. Он весьма скверно усмехнулся и показал на вересковые холмы. Воздух был чистый (ты заметил, что вулкан не дымит сегодня? Удивительно, что местные не обращают на него внимания), и когда я разглядел, на какие именно холмы указует его палец, то на вершине одного я увидел нечто вроде виселицы.

Мышелов сочувственно хмыкнул и принялся разглядывать оставшиеся в гавани корабли,

сплошь «чужестранные». Через некоторое время он тихо сказал:

— Сдается мне, здесь, в Соленой Гавани, немало странного. Кое-что выглядит не так, как должно быть. Вот эта уул-плернская парусная плоскодонка, к примеру, — ты видел в Уул-Плерне хоть одну с таким низким носом? А шапку видел со столь странным козырьком, как на том моряке, что сошел при нас с гнампф-норского тендера? А эта серебряная монета с совой?.. Мне дал ее Гронигер на сдачу с моего дублона. Как будто Льдистый находится на границе с иными мирами, где другие корабли, другие люди, другие боги… что-то вроде края света…

Осмотрев гавань, Фафхрд кивнул, но только он открыл рот, как со стороны доков послышались сердитые голоса, а затем раздался могучий рев.

— Это Скаллик, ей-ей, — сказал Фафхрд. — Попал в какой-то переплет, видят боги.

И без дальнейших слов сорвался с места.

— Наверно, границу нарушил, вот и получил, — торопливо следуя за ним, заявил Мышелов. — Миккиду нынче утром досталось дубинкой за то, что попытался стянуть кошелек, — и поделом! Я бы ему еще и не так двинул.

Вечером того же дня Фафхрд вышел из Соленой

Гавани и зашагал на север к Висельному (как правильнее было бы его называть) холму, он шел, ни разу не оглянувшись на город. Солнце только-только ушло за юго-западный горизонт, и закатный свет придал нежно-фиолетовый оттенок ясному небу, вереску высотой по колено под ногами Фафхрда и даже черным склонам Мрачного вулкана, на которых остывала вчерашняя лава. От ледника впереди чуть заметно веял прохладный ветерок. В холмах царили тишина и умиротворение.

Дневные заботы постепенно оставили Фафхрда, и мысли его обратились к дням юности, которую провел он в похожем краю, — к высоким соснам и палаткам Мерзлого Стана с его снежными змеями и волками, колдуньями и призраками. Он вспомнил Нальгрона, своего отца, и мать Мору, и даже Мару, свою первую любовь. Нальгрон враждовал с богами, почти как жители Льдистого (его даже прозвали Разрушителем Легенд), но был более деятелен — великий скалолаз, он и смерть свою нашел, покоряя пик под названием Белый Зуб. Фафхрду вспомнился вечер, когда отец стоял с ним на краю Холодного Каньона и называл ему звезды, мерцавшие в таком же фиолетовом небе.

От воспоминаний его отвлек тихий звук побли-

зости, словно в вереске прошуршал лемминг. Он уже дошел до нужного холма и поднимался по склону. Через мгновение Фафхрд добрался до вершины, ступая осторожно и стараясь не подходить к виселице, особенно к месту непосредственно под перекладиной. Здесь ощущалось присутствие чего-то потустороннего, и Фафхрд огляделся в тишине по сторонам.

Северный склон холма порос густым утесником в человеческий рост высотой и походившим более на живую беседку, ибо внутрь вела узкая тропинка, тенистый проход. Ощущение присутствия чего-то сверхъестественного стало сильнее, Фафхрд сдержал невольный трепет.

Отведя взгляд от утесника, он увидел Афрейт, которая стояла как раз над зарослями и неотрывно молча смотрела на него. Фиолетовый свет неба подкрасил слегка и ее голубой наряд. Почему-то и Фафхрд не заговорил с ней сразу, а потом она поднесла к губам свою изящную руку, веля ему молчать. И перевела взгляд на заросли.

Из темного прохода медленно вышли три тоненькие девушки, почти девочки. Они как будто вели кого-то, глядя на него снизу вверх, но Фафхрд поначалу никого не увидел. Он дважды сморгнул, широко открыл глаза и только тут разглядел, что

ведут они высокого светлобородого мужчину в широкополой шляпе, прикрывающей глаза, то ли очень старого, то ли больного, ибо шел он неуверенно и, хотя спину держал прямо, опирался на плечи двух девушек.

И Фафхрда пробрал леденящий озноб, поскольку ему вдруг почудилось, что это Нальгрон, чьего призрака он не видал с тех пор, как покинул Мерзлый Стан. Лицо, борода и одеяние старика казались странно пятнистыми, словно сквозь них просвечивали колючие ветки утесника.

Но если это и был призрак, Нальгрона или еще чей-то, девушки страха не выказывали, поддерживали его скорее с почтительной нежностью и даже чуть сгибались под его руками, как если бы тяжесть мужчины была вполне реальной.

Они медленно поднялись на вершину холма — Афрейт молча двинулась следом, держась в нескольких шагах позади, — и остановились под концом перекладины виселицы.

Там этот старик, или призрак, казалось, обрел силы (даже плоть его стала как будто более материальной), ибо он снял руки с плеч девушек, которые тут же, продолжая смотреть на него снизу вверх, отступили в сторону Афрейт, а затем поднял лицо к небу, и Фафхрд разглядел, что, хотя

тот не молод и сухощав, как его отец, и черты лица имеет столь же строгие и благородные, губы у него все же потоньше, чем у Нальгрона, с загнутыми книзу уголками, что придавало старику вид мудрого учителя, а на левом глазу у него повязка.

Старик неуверенно огляделся по сторонам, не обратив никакого внимания на неподвижного и испуганного Фафхрда, потом повернулся к северу, вытянул вперед руку и проговорил сипловатым голосом, подобным шелесту ветра в листве:

— С запада приближается мингольский флот. Два рейдера высланы вперед, чтобы захватить Холодную Гавань. — Он быстро повернул к Фафхрду голову под таким невероятным углом, словно шея у него была сломана и только каким-то чудом еще служила ему, уставился на варвара своим единственным глазом и сказал: — Ты должен их уничтожить!

После чего он, похоже, утратил интерес к происходящему, а может, ощутил слабость, сделав свое дело, поскольку тут же развернулся несколько суетливо в сторону убежища в утеснике и двинулся прочь в окружении девушек, вновь возложив руки на их хрупкие плечики и, кажется, даже сладострастно поглаживая на ходу шейки юниц,

и тени, сгустившиеся в проходе, поглотили всех четверых.

Фафхрд, невзирая на страх, был так поражен этим обстоятельством, что, когда Афрейт подошла к нему и сказала тихо, но деловито:

— Вы все поняли? Холодная Гавань — второй город Льдистого острова, но гораздо меньше, легкая добыча даже и для одного мингольского корабля. Он находится в дне пути отсюда, на северном побережье, свободном ото льда только в летнее время. Вы должны… — он прервал ее вопросом:

— По-вашему, девочки с ним в безопасности?

Она умолкла, потом ответила коротко:

— Как со всяким человеком. Или с призраком мужчины. Или богом.

Услышав последнее слово, Фафхрд пристально глянул на нее. Она кивнула и продолжила:

— Они кормят его, поят, укладывают спать. Конечно, перед сном он может их немножко потискать. Это старый бог, потерявший свой дом, как я думаю; он легко устает, что, возможно, является благословением для нас. В любом случае девочки тоже служат во спасение Льдистого и рискуют не больше других.

Фафхрд обдумал услышанное и, прочистив горло, сказал:

— Прошу прощения, леди Афрейт, но ваши земляки, судя по словам Гронигера и некоторых других, с кем я познакомился, в том числе и советников, не верят ни в каких богов вообще.

Она нахмурилась:

— Да, это так. Боги покинули Льдистый остров много лет назад, и наш народ вынужден сам о себе заботиться в этом жестоком мире — в столь ужасном климате. Поневоле научишься трезвомыслию.

— Однако, — сказал Фафхрд, припомнив что-то, — мой друг в сером считает, что Льдистый — это что-то вроде края света, где могут встречаться необычные корабли, и люди, и боги из самых дальних миров.

— И это правда, — сказала она торопливо. — Возможно, это тоже развивает умение трезво мыслить: живя среди призраков, ты можешь сосчитать лишь то, что можно удержать в руке и взвесить на весах. Деньги и рыбу. Это единственный путь. Но мы с Сиф выбрали другой — в этом сонмище фантомов среди мошенников и предателей различать полезных и надежных, искать таких, которые помогут Льдистому. Ибо эти два бога, которых мы нашли…

— Два бога? — вопросил Фафхрд, поднимая бро-

ви. — Сиф тоже нашла одного? Или второй сидит в этой же беседке?

— Это долгая история, — сказала она нетерпеливо. — Слишком долгая, чтобы рассказывать ее сейчас, когда на нас одно за другим сыплются несчастья. Надо думать о деле. Холодной Гавани угрожает страшная опасность…

— Я снова прошу прощения, леди Афрейт, — перебил ее Фафхрд, слегка повысив голос, — но ваш призыв думать о деле напомнил мне о другом вопросе, по поводу которого вы и Сиф, кажется, совершенно разошлись во мнениях со своими друзьями-советниками. Они не слыхали о вторжении минголов и уж точно не знают о том, что вы нас наняли… и в записках своих вы просите держать это в секрете. Я привез вам двенадцать берсерков, как вы и хотели…

— Знаю, знаю, — сказала она резко, — и я довольна. Но вы получили за это плату — и получите еще, когда дело будет сделано. А советники… Кхахкт усыпил их подозрения своими колдовскими чарами, и я не сомневаюсь, что нынешнее скопище косяков рыбы — тоже его рук дело, ставка на их жадность.

— От его чар пострадали и я, и мой друг, — сказал Фафхрд. — Однако в Ланкмаре, в «Серебряном

угре», вы утверждали, что выступаете от имени всего Льдистого острова, а сейчас получается, что вы выражаете только свое мнение и мнение Сиф, а не всего Совета — сколько там всего человек, двенадцать?

— А вы ожидали легкого плавания? — рассердилась она. — Никаких препятствий и встречных ветров? К тому же мы и впрямь говорим от имени Льдистого, ибо из всех членов Совета только мы с Сиф лелеем в наших сердцах надежду вернуть былую славу острову, и мы, уж поверьте, — полноправные советники, унаследовавшие, как единственные дочери, дома, фермы и членство в Совете от своих отцов (Сиф — после смерти братьев). В детстве мы играли с нею в этих холмах, возрождая в наших играх величие Льдистого. Порой мы становились королевами пиратов и грабили остров. Но чаще всего мы воображали, как захватим власть в Совете, принудив к покорности всех остальных его членов…

— Откуда столько жестокости в маленьких девочках? — не удержался Фафхрд. — Мне-то представлялось, что вы обычно собираете цветочки, плетете венки и воображаете себя маленькими женами и матерями…

— …и как вы перерезаете этим женам глот-

ки! — закончила Афрейт. — О, цветочки мы тоже собирали, иногда.

Фафхрд усмехнулся, но далее заговорил серьезно:

— Стало быть, вы унаследовали членство в Совете — Гронигер говорит о вас с уважением, хотя, мне кажется, догадывается все же о сговоре между нами, — потом, наткнувшись на какого-то бездомного бога, вернее, двух богов, решили, что эти боги не предадут вас и из-за старческого слабоумия не смогут сбить с толку, а те поведали вам о великом нашествии минголов, решивших завоевать весь мир, начав с Льдистого, после чего вы и отправились в Ланкмар и наняли нас с Мышеловом, как я догадываюсь, на собственные средства…

— Сиф — казначей Совета, — с выразительной гримаской заверила его Афрейт. — Она весьма ловко управляется с цифрами и расчетами — как и я, секретарь Совета, управляюсь с пером и словами.

— И тем не менее вы верите этому богу, — подчеркнул Фафхрд, — старому богу, который любит виселицы и как будто черпает силы, разглагольствуя о них. Что до меня, я весьма подозрительно отношусь к старикам и богам. Опыт учит меня,

что все они развратны и алчны — и за свой долгий век пообвыкли жить во зле, строя хитроумные козни.

— Согласна, — сказала Афрейт. — И все-таки бог есть бог. Пусть его старое сердце томит низменная страсть, пусть его представления о смерти и судьбе безнравственны, он все-таки должен быть верен своему божественному предназначению, а это значит — слушать, что мы говорим, поддерживать нас, рассказывать честно, что происходит в далеких краях, и пророчествовать, хотя он может попытаться и запутать, если слушать его не очень внимательно.

— Что же, пожалуй, это согласуется с моим опытом по части богов, — признался Фафхрд. — Скажите мне, почему этот холм называется холмом Восьминогая Лошадь?

Афрейт, нисколько не удивившись неожиданному вопросу, ответила:

— Потому что требуется четыре человека, чтобы принести гроб или снять тело повешенного. Четыре человека — восемь ног. Могли бы и сами догадаться.

— А как зовут этого бога?

Афрейт сказала:

— Óдин.

И при звуке этого звонкого, как удар гонга, имени Фафхрд испытал странное чувство — словно еще чуть-чуть, и всплывет в памяти что-то из другой жизни. И еще оно чем-то напомнило ему о Карле Тройхерце, этом чудном иномирянине, который ворвался ненадолго верхом на двухглавом морском змее в жизнь Фафхрда и Мышелова, когда они ввязались в бурную и опасную войну с разумными крысами Нижнего Ланкмара, и о невнятице, которую тот нес. Одно короткое имя — но чувство было такое, словно рухнула стена между мирами.

Он смотрел все это время в широко открытые глаза Афрейт и заметил вдруг, что они скорее фиолетовые, чем голубые, какими казались при желтом свете факела в «Серебряном угре», — и удивился, как он вообще сумел разглядеть их цвет, если фиолетовые небеса давно покрылись ночною мглой, которую рассеивала сейчас только неспешно поднимавшаяся над восточным плоскогорьем луна.

За спиной Афрейт прозвучал голосок, тихий и спокойный, как сама эта ночь:

— Бог спит.

У входа в беседку виднелся стройный белый силуэт — там стояла одна из девочек, одетая в

скромное, похожее на сорочку платьице, оставлявшее одно плечо открытым. Фафхрда удивило, что она не дрожит от ночного холода. Позади нее маячили смутные тени подруг.

— Он не причинил вам никаких хлопот, Мара? — спросила Афрейт.

И при звуке этого имени Фафхрд вновь испытал странное чувство.

— Не больше, чем всегда, — ответила девочка.

Афрейт сказала:

— Ладно, надевай башмаки и плащ — и вы тоже, Мэй и Гейл, — и ступайте за мной и этим чужеземным господином в Соленую Гавань, идите поодаль, чтобы не слышать разговора. Мэй, ты сможешь навестить бога на рассвете и принести ему молока?

— Смогу.

— Это ваши дети? — шепотом спросил Фафхрд.

Афрейт покачала головой.

— Кузины. А мы с вами тем временем, — сказала она тоже тихо, но деловито, — обсудим в деталях ваш неотложный поход с берсерками в Холодную Гавань.

Фафхрд чуть приподнял брови, но кивнул. Над головой прошелестел ветерок, и ему вспомнились вдруг давние их с Мышеловом возлюбленные,

невидимые горные принцессы Хирриви и Кейайра, и брат их, воинственный принц Фарумфар.

Серый Мышелов убедился, что люди его накормлены и готовы отойти ко сну, и еще раз предупредил их по-отечески о необходимости вести себя в родном порту своих нанимателей прилично. Он обсудил вкратце с Урфом и Пшаури предстоявшие на завтра работы. Затем, окинув всех напоследок загадочным хмурым взглядом, набросил плащ на левое плечо и вышел в стылый вечер, направляясь к «Соленой селедке».

Хотя они с Фафхрдом неплохо выспались накануне на борту «Бродяги» (от предложенных коек на берегу они отказались, разместив там только матросов), день выдался столь долгим и хлопотным, что Мышелов должен был бы чувствовать сейчас усталость, однако, к своему удивлению, чувствовал даже некоторое воодушевление. Но вызвано оно было вовсе не нынешними их с Фафхрдом проблемами и не мыслями о грядущих, а скорее размышлениями о том, какой же нелепостью было то, что ему пришлось три месяца изображать перед своими людьми капитана, быть неумолимым поборником дисциплины, великим штурманом и со всех сторон самым героическим героем. Он, сам вор и капитан корабля

воров, учил их искусству войны и мореплавания, что никоим образом не могло им пригодиться по возвращении к прежнему образу жизни, — смешно! А все потому, что маленькая женщина с золотыми искорками в темных волосах и зеленых глазах поручила ему это неслыханное дело. Воистину, всем шутам шут.

Лунный свет, разлитый в небесах горизонтально, в узкую темную улочку не попадал, а высвечивал лишь перекрестье балок над дверью таверны «Соленая селедка». Откуда на этом северном острове взялось столько дерева? Войдя внутрь, Мышелов отчасти получил ответ на свой вопрос. На постройку таверны пошли останки затонувших кораблей, серые от времени балки и доски — одна стена, как заметил Мышелов, еще сохранила килевой изгиб, а на другой виднелись дырочки и окаменелые панцири подводных тварей.

В таверне сидели и тихо выпивали полдюжины моряков с разных кораблей, и еще более тихо передвигали по шахматной доске пузатые каменные фигурки двое молодых островитян. Мышелов вспомнил, что видел нынче утром того, кто играл черными, рядом с Гронигером.

Без лишних слов он направился к задней ком-

нате, в дверях которой, загораживая проход наполовину своим телом, сидела на низком стульчике могучая, с бородавками на лице, старая ведьма, с виду — прародительница всех уродов-великанов и прочих чудищ.

Рядом с Мышеловом появился хозяин-илтхмарец и тихо сказал, вытирая руки полотенцем, которое служило ему передником:

— «Огненное логово» нынче вечером занято — частная пирушка. Только наживете себе неприятностей с матушкой Грам. Что вам подать?

Мышелов одарил его хмурым взглядом и молча шагнул к двери. Матушка Грам сердито глянула на него из-под косматых бровей. Он ответил ей тем же. Илхтмарец пожал плечами.

Матушка Грам встала со стула и пропустила его в заднюю комнату. Проходя мимо ведьмы, Мышелов обернулся и с холодным высокомерием коротко улыбнулся илтхмарцу. Один из островитян поднял черную ладью и, не поднимая склоненной над доской головы, словно бы пребывая в глубокой задумчивости, бросил в их сторону внимательный взгляд.

В задней комнате горел огонь, его света едва хватало, чтобы видеть, куда идешь. Большой очаг — каменная плита по пояс высотой — рас-

полагался в самом ее центре. В низкий потолок над ним был вделан огромный медный дымоход — с днища какого только корабля была снята эта медь, подумал Мышелов, — куда и утекала, извиваясь, тонкая струйка дыма. В комнате стояли несколько маленьких, исцарапанных столов, стулья, в стене виднелась еще одна дверь.

Боком к нему на краю очага сидели рядышком две женщины, привлекательные, но имевшие несколько потасканный вид. Одну из них Мышелов уже видел днем и принял за проститутку. Таковое его мнение вполне подтвердили сейчас их вызывающие наряды и красные чулки на одной из девиц.

Мышелов подошел к столу в сторонке от них, бросил плащ на один стул и сел на другой, так чтобы видны были обе двери. И, сплетя пальцы рук, невозмутимо уставился в огонь.

Матушка Грам, повернувшись ко всем троим спиной, вернулась на свое место в дверях.

Одна из веселых девиц следила за огнем, время от времени подбрасывая в него плавник, отчего пламя начинало гудеть и становилось то синим, то зеленым, и колючие черные ветки, которые вспыхивали жарко-оранжевым цветом и с треском стреляли искрами. Вторая девица,

растопырив пальцы, плела из черного шнурка кошачью колыбельку. Мышелов то и дело посматривал, отводя взгляд от огня, на ее незатейливое рукоделье.

Женщины как будто не обращали на него внимания, но через некоторое время та, что следила за огнем, встала, принесла на его стол кувшин и две кружки, налила в одну из них вина и выжидательно посмотрела на Мышелова.

Он взял кружку, попробовал вино, затем сделал небольшой глоток, кружку поставил и, не глядя на женщину, коротко кивнул.

Она вернулась к прежнему занятию. А Мышелов принялся потихоньку потягивать вино, глядя в огонь и слушая его песню. В этой маленькой тихой комнате треск и гудение пламени казались весьма громкими и напоминали звучание человеческого голоса — молодого, страстного, быстрого, то веселого, то сердитого. Мышелов готов был поклясться, что слышит порой слова и целые фразы.

Постепенно он начал различать в пламени лица, вернее, одно лицо, которое все время меняло выражение, — лицо молодое, красивое, с подвижным ртом, то открытое и дружелюбное, то перекошенное завистью и злобой (в те мгно-

вения, когда пламя зеленело), то искаженное до неузнаваемости, словно размытое потоками нагретого огнем воздуха. Мышелову даже померещилось раза два, что по ту сторону очага и впрямь сидит какой-то человек, который то приподнимется, чтобы взглянуть на него сквозь пламя, то снова сядет. Его подмывало встать и посмотреть, так ли это, но он сдержался.

Странно, но лицо это казалось Мышелову знакомым, хотя, как он ни ломал голову, вспомнить его не смог. В конце концов он оставил эти попытки и вновь начал слушать голос огня, стараясь совместить движения губ пляшущего в огне лица с воображаемыми словами.

Тут матушка Грам вновь встала и, поклонившись, попятилась. В дверь вошла леди, нижняя половина лица которой была прикрыта красно-коричневым плащом, но Мышелов узнал переливающиеся золотом зеленые глаза и встал. Сиф кивнула матушке Грам и двум шлюхам, подошла к столу Мышелова, бросила свой плащ поверх его плаща и села на третий стул. Он налил ей вина, наполнил свою кружку и тоже сел. Они выпили. Некоторое время она молча смотрела на него.

А потом…

— Вы видели лицо в огне, слышали голос? — спросила она.

Глаза Мышелова расширились, и он, напряженно глядя на нее, кивнул.

— А догадались ли вы, почему лицо кажется знакомым?

Он быстро покачал головой и, весьма заинтригованный, подался вперед с выжидательным выражением в глазах.

— Оно похоже на ваше, — уверенно сказала она.

У Мышелова отвисла челюсть. А ведь и правда! Это лицо напоминало его собственное — только моложе, гораздо моложе. Порой он и теперь видел себя таким в зеркале — когда бывал в состоянии самовлюбленности и самодовольства и не замечал следов возраста.

— А почему это так, вы знаете? — спросила она, тоже напрягшись.

Он покачал головой.

Сиф расслабилась.

— И я не знаю, — сказала она. — Думала, вдруг вы… Я заметила сходство сразу, когда увидела вас в «Серебряном угре», но откуда оно — это тайна из тайн, которой нам пока не разгадать.

— Льдистый мне кажется просто гнездилищем

тайн, — веско сказал Мышелов, — и не последняя из них — ваше отречение от нас с Фафхрдом.

Она кивнула, выпрямилась и сказала:

— В таком случае, думаю, сейчас самое время рассказать вам, почему Афрейт и я так уверены, что вторжение минголов на Льдистый состоится, а весь остальной Совет в это не верит. Не так ли?

Он энергично кивнул и улыбнулся.

— Однажды, почти год назад, — сказала она, — мы с Афрейт прогуливались в холмах к северу от города, как повелось у нас с детства. Мы горевали о былой славе Льдистого и ушедших или забытых людьми богах и высказывали желание, чтобы они вернулись и остров наш обрел надежных защитников, умеющих предвидеть опасности. Был конец весны, время неустойчивой погоды и переменчивых ветров, когда солнце то блещет, то скрывается за облаками. И, поднявшись на отлогий склон, мы увидели вдруг в вересковых зарослях юношу, который лежал на спине с закрытыми глазами и запрокинутой головой, то ли мертвого, то ли умирающего от истощения, — как будто его выбросило на берег гигантской волной какого-то невообразимо сильного шторма.

На нем была простая домотканая туника, весьма поношенная, на ногах — грубые стоптанные

сандалии с истрепанными ремешками, старенький пояс на талии с изображениями каких-то чудовищ, но я с первого взгляда догадалась, что это — бог.

Я поняла это по трем признакам. По иллюзорности его плоти — тело можно было потрогать рукой, но сквозь него слегка просвечивал вереск. По божественной красоте — лицо его было… сама страсть, невзирая на спокойствие смерти в чертах. И по чувству преклонения, которое вспыхнуло вдруг в моем сердце.

Поняла я это также и по поведению Афрейт, которая, как и я, сразу опустилась рядом с ним на колени, только с другой стороны, — правда, двигалась она как-то неестественно, для чего, как выяснилось потом, имелась самая поразительная причина. Но это мы поняли гораздо позже.

Говорят, что боги умирают, когда их покидают все, кто в них верил, вы слышали об этом? Так вот, этот бог выглядел так, словно умер его последний в Невоне почитатель. Или же — на что было больше похоже — словно в его собственном мире умерли все его почитатели, и он вылетел наугад в неведомые пространства между мирами, откуда случай забросил его в некий новый мир, где он мог утонуть или выплыть, умереть или выжить,

в зависимости от того, как его там примут. Я думаю, боги обладают способностью путешествовать между мирами — как по-вашему? — иногда путешествуя по собственному желанию, а когда и невольно. И кто знает, какие ураганы могут бушевать там, где пролегают их пути?

Но в тот день чудес, год назад, я не тратила времени на размышления. Я растирала ему запястья и грудь, прижималась к его холодному лицу своими горячими щеками, раздвигала языком его губы (челюсти его были расслаблены), зажимала ему пальцами нос и, примкнув устами к устам, вдыхала в его легкие воздух, одновременно пылко молясь про себя, хотя и говорят, что боги слышат только наши слова, а не мысли. Какой-нибудь прохожий при виде нас решил бы, что мы не раз уже предались любви и теперь я пытаюсь вновь разжечь его угасший пыл.

Афрейт тем временем трудилась так же, как и я, только с другого бока юноши, но — снова эта странность, о коей я уже говорила, — всю работу тем не менее делала я. Объяснилось все несколько позднее.

Бог наконец подал признаки жизни. Ресницы его затрепетали, грудь приподнялась, и я ощутила, как губы его ответили на мой поцелуй.

Я вынула серебряную флягу и начала капать понемногу ему в рот бренди, перемежая питье поцелуями и нежными, ободряющими словами.

Он открыл глаза — карие с золотым отливом, как у вас, — и, подняв с моей помощью голову, пробормотал что-то на незнакомом языке. Я отвечала ему на всех языках, какие знаю, но он только хмурился, качая головой. Потому я и поняла, что это не невонский бог, — не кажется ли вам вполне естественным, что бог, всеведущий в своем мире, попав в чужой, будет поначалу в затруднении? Ему нужно время, чтобы освоиться.

Наконец он улыбнулся и с вопрошающим видом указал на меня рукой. Я назвала свое имя. Он кивнул и шевельнул губами, повторив его. Затем он коснулся своей груди и сказал: «Локи».

При звуке этого имени Мышелова посетили те же мысли и чувства, что и Фафхрда, услышавшего имя Один, — воспоминания о других жизнях и мирах, о языке Карла Тройхерца и о его маленьком ланкмарско-немецком и немецко-ланкмарском словаре, который он дал Фафхрду. В тот же миг, на одно краткое мгновение, он вновь увидел в пламени лицо, столь похожее на его собственное, и лицо это ему как будто подмигнуло. Он удивленно сдвинул брови.

Сиф продолжала:

— После чего я покормила его припасами из своего дорожного мешка, но ел он мало, больше пил бренди, а тем временем я учила его новым словам, показывая на разные предметы. В тот день Мрачный сильно дымил и выбрасывал языки пламени, весьма заинтересовавшего бога, когда я произнесла его название. Тогда я вынула из мешка кремень и кресало, высекла искры и вновь сказала: «Огонь». Он так радовался, словно черпал силы из этих искр, затлевшей соломы и из самого слова. Огня он касался без всякого для себя вреда. Это меня пугало.

Так прошел день — я была всецело поглощена богом, забыв обо всем, кроме того, что его в данный момент интересовало. Он оказался на редкость способным учеником. Я называла ему предметы на нашем, островном, и нижнеланкмарском языке, полагая, что это ему пригодится, когда в видениях ему будут открываться земли за Льдистым.

Вечер близился к концу. Я помогла богу подняться на ноги. В сумеречном свете бледная плоть его казалась еще прозрачней.

Я повернулась к Соленой Гавани, показывая, что нам туда. Он охотно согласился (должно быть,

его манил дым над трубами и тянуло к огню, его стихии), оперся на мое плечо, и мы тронулись в путь.

Тут-то и открылась тайна Афрейт. Она не собиралась идти с нами! Только сейчас я разглядела, хотя и очень смутно, того, кому помогала она, кого она выхаживала и учила весь день, как я Локи, — то был изможденный старый человек (то есть бог), бородатый и одноглазый, который с самого начала лежал бок о бок с Локи, но мне позволено было видеть одного из них, а ей другого!

— Воистину необыкновенная история, — заметил Мышелов. — Видимо, подобное притянулось к подобному и таким образом себя и обнаружило. Второй бог, часом, не похож на Фафхрда? Не считая, конечно, его одноглазости.

Она горячо закивала:

— Да, только он старше, каким бы мог быть отец Фафхрда. Афрейт это заметила. О, значит, вы все-таки что-то знаете об этой тайне?

Мышелов покачал головой.

— Просто догадался. — И спросил: — Как его имя — старого бога?

— Один.

— Ну и что было дальше?

— Мы разделились. Я повела бога Локи, опи-

равшегося на мою руку, в Соленую Гавань. Он был еще совсем слаб. Похоже, довольно и одного почитателя для того, чтобы бог не умирал и оставался видимым, а на силу его разума число их не влияет — ибо к этому времени Локи уже сам называл мне различные предметы (отмечая их свойства и назначение), причем не только на островном и нижнеланкмарском, но и на верхнем! — что несомненно свидетельствовало о божественности его интеллекта.

В то же время он, невзирая на слабость, начал проявлять все возраставший интерес ко мне — к моей внешности, я имею в виду, — и вскоре я утратила все сомнения относительно того, как именно мне предстоит его ублажать, когда мы доберемся до дому. Я была счастлива, что заполучила для Льдистого нового бога. И согласна была всячески ему поклоняться, лишь бы он оставался в живых. Но пускать его в свою постель мне совсем не хотелось, независимо от того, насколько призрачно-нематериальной оказалась бы при любовном соприкосновении его плоть — если она вообще осталась бы такою!

О, я, скорее всего, покорилась бы, дойди дело до этого; все-таки в том, чтобы спать с богом, есть что-то — великая честь, конечно; но вот уж чего

точно от него не дождешься, так это верности — только не от такого капризного, лукавого и озорного бога, каким казался этот Локи! Кроме того, мне, чтобы хорошенько обдумать пророчества о судьбе Льдистого, которые я надеялась от него услышать, хотелось иметь ясную голову — а не затуманенную плотской страстью, мечтами и страхами, кои неизбежно влечет за собой влюбленность.

Но вышло так, что решение принимать мне не пришлось. Когда мы проходили мимо этой таверны, он заметил красные отсветы огня и шмыгнул внутрь, чего никто, кроме меня, не заметил, ибо для всех он был еще невидимым. Я тоже вошла — меня, почтенную советницу, проводили взглядами несколько человек — и поспешила за ним, а он устремился в эту вот заднюю комнату, где пировала шумная непристойная компания и в очаге пылало жаркое пламя. У меня на глазах он нырнул в огонь и растворился в нем!

Пирующие были несколько ошарашены моим нежданным вторжением, но я с улыбкой посмотрела на них и тут же вышла, помахав рукой и сказав: «Веселитесь!» — это относилось и к Локи. Я поняла, что он попал туда, куда ему и хотелось.

И она помахала пламени, пляшущему в очаге,

а потом с улыбкой снова повернулась к Мышелову. Он, удивленно покачав головой, улыбнулся в ответ.

Сиф продолжала:

— И я, вполне довольная, отправилась домой, но сначала сняла «Огненное логово» (так называлось это место, как я потом узнала) на следующий вечер.

Назавтра я наняла двух проституток — для ублажения Локи — и матушку Грам в качестве стража, дабы обеспечить нам уединение.

Вечер прошел, как я и предполагала. Локи и впрямь поселился здесь навсегда, и вскоре я уже могла разговаривать с ним и получать ответы на свои вопросы, хотя до недавнего времени пользы для Льдистого в них не было никакой. С илхтмарцем я договорилась, что один вечер в неделю «Огненное логово» остается за мной, и плачу Хильзе и Рилл за то, что они приходят в эти вечера сюда и развлекают бога, не давая ему заскучать. Хильза, сегодня бог был с тобою? — окликнула она женщину в красных чулках, что поддерживала огонь.

— Дважды, — прозаично ответила та сипловатым голосом. — Выскальзывал невидимкой из огня и возвращался обратно. Он доволен.

— Прошу прощения, леди Сиф, — встрял Мышелов, — но мне любопытно знать — как эти профессионалки находят столь близкое общение с невидимым богом? На что это похоже?

Сиф посмотрела в сторону очага, где сидели женщины.

— Словно мышка пробегает под юбкой, — ответила с коротким смешком Хильза, покачивая красной ногой.

— Или жаба, — поправила ее товарка. — Хоть он и живет в огне, но тело у него холодное.

Рилл отложила кошачью колыбельку, подняла руки и принялась сплетать пальцы то так, то эдак, отчего на стене появлялись тени в виде исполинских вервольфов с остроконечными ушами, огромных морских змеев, драконов и длинноносых ведьм с загнутыми кверху подбородками.

— Ему эти пугала нравятся, — объяснила она.

Мышелов задумчиво кивнул, разглядывая тени, затем снова перевел взгляд на огонь.

Сиф продолжала:

— Вскоре бог, как я заметила, стал узнавать и понимать Невон все лучше, проникая мыслью до дальних пределов нашего мира, и прорицания его делались все глубже. Афрейт, с которой я встречалась ежедневно, тем временем точно

так же заботилась об Одине, оставшемся в холмах, — только она, чтобы ублажать его, призвала девочек, а не взрослых женщин, ибо он старик, — в ожидании важных для нас пророчеств.

Локи первый предупредил нас, что минголы зашевелились и снаряжают свои конные корабли, собираясь напасть на Льдистый, и что именно Кхаххт способствует всплеску безумия в них. Афрейт затем спросила об этом у Одина, и тот подтвердил — рассказы богов совпали в каждой мелочи.

Когда мы спросили, что нам делать, оба посоветовали — опять-таки независимо друг от друга — отыскать в Ланкмаре неких двух героев с тем, чтобы те явились со своими дружинами на защиту Льдистого. Они назвали ваши имена и весьма подробно описали места, где вы любите бывать, сказав, что вы — их последователи, даже если в этой жизни не знаете того, и, когда мы переспрашивали, повторяли в точности то же самое. Так скажите мне, Серый Мышелов, знали ли вы прежде бога Локи? Только честно.

— Слово чести, не знал, леди Сиф, — отвечал тот, — и не больше, чем вы, способен объяснить тайну нашего сходства. Хотя есть нечто странно знакомое в этом имени, да и в имени Одина тоже,

словно я слышал их когда-то во сне. Но сколько ни ломаю голову, вспомнить ничего не могу.

— Что ж, — сказала она после паузы, — так вот, оба бога все настаивали, веля нам вас найти, и потому полгода назад мы с Афрейт сели на корабль и приплыли по Хлалу в Ланкмар… остальное вам известно.

— А скажите мне, леди Сиф, — встрепенувшись и отведя взгляд от огня, воскликнул Мышелов, — как же вы и высокочтимая Афрейт попали обратно на Льдистый после того, как колдовской буран Кхахкта вынес вас из «Серебряного угря»?

— Буран кончился так же быстро, как мы вернулись, — сказала она. — Всего мгновение мы задыхались в его ледяных объятиях, ослепленные снежным вихрем и оглушенные громовым хохотом. В следующий же миг нас подхватили два летучих женственных создания и с головокружительной скоростью перенесли в теплую пещеру, где и оставили приходить в себя. Они представились как дочери горного короля.

— Хирриви и Кейайра, не иначе! — воскликнул Мышелов. — Они наверняка на нашей стороне.

— Кто это такие? — спросила Сиф.

— Горные принцессы, с которыми мы с Фафхрдом были некогда дружны. Они невидимы, как

и наш почтенный огненный обитатель, — он кивнул в сторону очага. — Их отец властвует над гордой Звездной Пристанью.

— Я слыхала об этом пике и страшном Умфорафоре, его короле, который, по слухам, вместе со своим сыном Фарумфаром является союзником Кхахкта. Дочери против отца и брата… вполне естественно. Так вот, отдышавшись, мы с Афрейт подошли к выходу из пещеры и обнаружили, что смотрим на Льдистый и Соленую Гавань откуда-то с середины склона Мрачного вулкана. Мы спустились, не без некоторых трудностей, на ледник и добрались до дому.

— Вулкан, — задумчиво сказал Мышелов. — Опять Локи и огонь.

И он вновь обратил взгляд в сторону завораживающего пламени.

Сиф кивнула.

— Все это время Локи и Один постоянно рассказывали нам о продвижении к Льдистому минголов и о вашем плавании. Четыре дня назад Локи начал описывать ваши стычки с ледяными чудовищами Кхахкта. И описывал так живо, словно сам вел один из кораблей. Мне удалось снять «Огненное логово» на несколько вечеров подряд — оно, кстати, остается за мной еще три

дня и ночи, — и потому мы могли следить за всеми перипетиями вашего долгого не то бегства, не то погони — что, по правде говоря, стало под конец скучновато.

— Вас там не было, — проворчал Мышелов.

— Благодаря Локи все равно что были.

— Вообще-то, странно, — небрежно сказал Мышелов, — что вы снимали «Огненное логово» не каждый вечер с тех пор, как тут поселился ваш бог.

— Я не из золота сделана, — объяснила она без обиды. — Кроме того, Локи любит разнообразие. Его развлекают попойки и драки, которые тут случаются, — что и притянуло его сюда изначально. Да и Совет, пожалуй, не понял бы, что я здесь делаю.

Мышелов кивнул:

— Мне показалось, что в зале играет в шахматы один из приятелей Гронигера.

— Помолчите, — попросила она вдруг. — Я должна посоветоваться с богом.

Голос Сиф, пока она вела свой рассказ, звучал все более монотонно, и монотонность эта усилилась, когда она без всякого перехода воззвала:

— А сейчас, о бог Локи, расскажи нам о наших врагах в море и в ледяных королевствах. Расска-

жи нам о безжалостном Кхахкте, об Идумире, вожде идущих против солнца минголов, и о Гонове, идущем по солнцу. Хильза и Рилл, спойте со мною для бога.

И она запела построенную всего на двух нотах, убаюкивающую песню без слов, и к голосу ее присоединились сипловатый голос Хильзы, несколько пронзительный Рилл и еще какое-то тихое рычание (каковое, как понял Мышелов немного погодя, исходило от матушки Грам), созвучные голосу огня, пылавшего в очаге.

Мышелов, словно под действием некой сонной магии, совершенно забылся, вслушиваясь в пение женщин и огня, а песня меж тем становилась все более внятной, и в ней начали проскакивать слова на нижнеланкмарском, столь же странно тревожившие его, как и само имя бога.

— Тучи гуще, ветер злей. Льдистый тонет в черной мгле. Ночь родит чудовищ строй — нисс и никор, дрок и тролль. — (Последние четыре слова показались Мышелову весьма странными, особенно звучное, как удар колокола, «тролль».) — Бей тревогу — только три ждать врага осталось дня. Мчат с востока корабли, люди-звери на конях. Хитрость — вот твое спасенье, их поглотит вод круженье, коль заманишь их ту-

да. Море — друг, а тролль — беда! Мингол должен умереть — там, внизу, в аду кромешном, там, где злится круговерть, задыхаться будет вечно, муки адские терпеть, в смерти призывая Смерть. Нет безумию конца! Не вернется мир в сердца!

Завершилась песня огня таким треском, что сонная магия нарушилась, и Мышелов, вздрогнув и мгновенно очнувшись, вскочил на ноги. Он посмотрел на огонь, быстро обошел вокруг очага, вгляделся в пламя с другой стороны, затем обшарил взглядом всю комнату. Никого! Он уставился на Хильзу и Рилл. Они, мягко улыбнувшись, сказали хором:

— Это говорил бог.

Однако ощущение чьего-то присутствия исчезло из пламени, равно как и из комнаты, не оставив и намека, куда этот кто-то мог подеваться, — если только, вдруг подумал Мышелов, бог не удалился в него самого, что могло бы объяснить вдруг накативший на него прилив энергии и горячность, завладевшую разумом, в коем снова и снова звучали сейчас строки, пророчащие минголам гибель. «Может быть такое? — спросил он себя и ответил без колебаний: — Да!»

Он вернулся к Сиф, которая тоже встала на ноги.

— У нас есть три дня, — сказала она.

— Кажется, так, — сказал он. — Вы знаете что-нибудь о троллях? Что это такое?

— Я собиралась вас спросить, — ответила она. — Для меня это слово столь же необычно, как, по-видимому, и для вас.

— А про водовороты знаете? — Мысли Мышелова неслись вскачь. — Есть они возле острова? Может, моряки рассказывали…

— О да — у восточного скалистого побережья, где быстрые, предательские течения и мудреная система приливов, есть Большой водоворот, который поставляет на остров все дерево, какое у нас есть, выбрасывая его на Костяной берег. Он закручивается там каждый день, в одно и то же время. Наши моряки хорошо его знают и избегают пуще любой другой напасти.

— Хорошо! Тогда мне нужно выйти в море, найти его, вызнать все его хитрости. Необходимо небольшое парусное судно, пока «Бродяга» в ремонте… времени совсем мало. Да, еще мне нужны деньги — серебро для моих людей.

— Зачем вам в море? — спросила она, затаив дыхание. — Для чего вам подвергаться такой опасности?

Но в ее глазах, как заметил Мышелов, уже за-

брезжило понимание.

— Да чтобы победить ваших врагов, — сказал он звенящим голосом. — Разве вы не слышали пророчества? Мы исполним его. Утопим хотя бы часть мингольского войска и не дадим им ступить на землю Льдистого! И если Фафхрд и Афрейт с помощью Одина смогут столь же ловко расправиться с западными минголами, наша задача решена!

И в ее глазах появилось такое же, как у него, ликующее выражение.

Когда Фафхрд и двенадцать его берсерков двинулись на север от Соленой Гавани, высоко на небосклоне с юго-западной стороны еще стояла луна и ярко сияли звезды, но на востоке небо уже начинало светлеть. Воины оделись тепло, зная, что на пути лежит ледник, и каждый имел при себе большой лук, колчан, запасные стрелы, топор за поясом и мешок с едой. Замыкал шествие Скор, строго следя, как повелел ему Фафхрд, за соблюдением полной тишины, пока они шли по городу, дабы никто не заметил этого нарушения портовых правил. Как ни странно, их ни разу не окликнули. Видимо, жители Льдистого, засаливая свой неслыханный улов, так устали — последние суда вернулись в гавань уже затем-

но, — что крепко спали и ничего не слышали.

С берсерками шли девушки Мэй и Мара, в мягких башмачках и плащах с капюшонами, — первая несла богу Одину кувшин свеженадоенного молока, последняя же должна была служить экспедиции проводником через центр Льдистого к Холодной Гавани, поскольку, по словам Афрейт, «родилась в тех краях, знает дорогу и вполне в состоянии угнаться за любым мужчиной».

Фафхрд, услышав это, с сомнением покивал. Ему не хотелось брать на себя ответственность за девочку, которая носила имя его первой возлюбленной. Не хотелось ему также бросать все дела в Соленой Гавани, которых было так много, на Мышелова и двух женщин, особенно сейчас, когда Мышелову предстояло еще исследовать Большой водоворот, что отнимет у него по меньшей мере день, да и по плечу скорее Фафхрду, как более опытному мореплавателю. Но, посовещавшись вчетвером в полночь на «Бродяге» и обсудив пророчества обоих богов, они решили разделить свои дела именно так.

Мышелов собирался выйти в море на маленьком рыболовном судне, принадлежавшем дамам, взяв с собой Урфа, хранителя древней морской мудрости, и Миккиду, чтобы тот попрактиковал-

ся. Пшаури было велено следить за ремонтом «Бродяги» и «Морского ястреба» под присмотром остальных трех минголов и создавать видимость, что берсерки Фафхрда на месте. Сиф и Афрейт должны были по очереди дежурить в доках, чтобы ответить в случае чего на расспросы Гронигера и разобраться с возникшими вдруг осложнениями.

Что ж, может, все и получится, сказал себе Фафхрд, учитывая, сколь тупы, бесчувственны, непрошибаемы и наивны эти островитяне. Мышелов-то казался вполне уверенным в этом — глаза у него блестели, он что-то напевал себе под нос и был непоседлив и напорист.

Небо на востоке быстро розовело. Фафхрд, который шел впереди, прислушиваясь к басистым голосам своих солдат и звонкому щебетанью девушек за спиною, вел своих людей по вересковым холмам. Оглянувшись через плечо, он увидел, что шагают они сомкнутым строем, а Мэй и Мара идут сразу позади него.

Слева показался Висельный холм, и среди солдат раздались досадливые восклицания. Кое-кто сплюнул против дурного знака.

— Передай богу от меня привет, Мэй, — услышал Фафхрд голос Мары.

— Если он, напившись молока, не заснет раньше, — ответила Мэй, отходя в сторону от отряда и направляясь со своим кувшином сквозь предрассветные сумерки к холму.

Увидев это, несколько мужчин опять выругались, и Скор призвал их к молчанию.

Мара тихо сказала Фафхрду:

— Теперь мы возьмем немного левее, чтобы обойти ледник Мрачного, и пройдем через центр острова туда, где он сходится с ледником Адовой горы.

Фафхрд подивился тому, какие веселенькие названия предпочитают эти островитяне, и пристально вгляделся вперед. Заросли вереска и утесника там постепенно редели, сменяясь сланцевыми пустошами, где рос только лишайник.

— А как называется эта часть Льдистого? — спросил он у девочки.

— Гибельные земли, — ответила она.

Ну вот, еще одно, подумал он. Что ж, это подходящее название, во всяком случае для безумных минголов, стремящихся к смерти, да и для бога Одина, любителя виселиц, тоже.

Из четырех жилистых коротышек, ожидавших на краю пристани, Мышелов был самым высоким. Рядом с ним стоял Пшаури, собранный и

предупредительный, хотя еще несколько бледный, на лбу его чистая повязка. Урф же и Миккиду напоминали двух обезьян: одна — морщинистая и мудрая, вторая — молодая и довольно унылая.

Солнце, еще скрытое соляной скалой на востоке, играло на ее кристаллической вершине, озаряя дальнюю сторону пристани и выходившую в море рыболовную флотилию. Мышелов задумчиво смотрел вслед маленьким суденышкам — островитяне, которые, уж казалось бы, должны были удовлетвориться небывалым вчерашним уловом, сегодня как будто еще больше спешили в море, словно им предстояло снабдить рыбой весь Невон или же их подгоняла та же будоражащая песенка, что и сейчас звучала в ушах Мышелова: «Мингол должен умереть — там, внизу, в аду кромешном» — да уж, самое место этим минголам! А время идет, и где же Сиф?

Ответ на этот вопрос он получил, завидев медленно приближающийся к пристани ялик, на корме которого восседала матушка Грам, загребая единственным веслом то с одной стороны, то с другой, словно рыба хвостом. Когда сидевшая в лодке Сиф встала, голова ее оказалась на уровне причала. Мышелов протянул руку, и, ухватившись за нее, девушка поднялась на пристань.

— Несколько слов, — сказала она. — Матушка Грам отвезет вас на «Фею», — и передала Мышелову кошелек.

Тот заглянул в него, и она добавила, наморщив нос:

— Только серебро.

Мышелов передал кошелек Пшаури.

— По две монеты каждому, если я не вернусь к ночи, — приказал он. — Следи, чтобы работали как следует. Хорошо бы, «Бродяга» завтра в полдень, самое позднее, был на ходу. Ступай.

Пшаури отсалютовал и убежал.

Мышелов повернулся к остальным:

— Спускайтесь в ялик.

Они повиновались — Урф с невозмутимым видом, Миккиду же бросил на мрачную лодочницу испуганный косой взгляд. Сиф коснулась руки Мышелова. Он повернулся к ней.

Она заглянула ему в глаза.

— Водоворот опасен, — сказала. — Если вдруг он вас захватит, возможно, его остановит вот эта штука. Будет нужда, бросьте ее в самую середину. Только не потеряйте и никому не показывайте.

Мышелов, удивленный тяжестью маленького кубического предмета, который она вложила ему в руку, незаметно покосился на него.

— Золото? — с некоторым удивлением выдохнул он.

То был кубик, гранями которого являлись квадраты, составленные из двенадцати толстых, блещущих золотом полос.

— Да, — сказала она без колебаний. — Жизнь дороже.

— Есть какое-то поверье?..

— Да, — коротко отрубила она.

Он кивнул, бережно положил кубик в кошель и без дальнейших разговоров спустился в ялик. Матушка Грам тут же заработала веслом, направляя ялик в сторону единственного оставшегося в гавани маленького рыболовного судна.

Сиф смотрела, как они выплывают на озаренное солнцем пространство. Вскоре и ее головы коснулось солнце, под лучами которого, как она хорошо знала, в темных ее волосах вспыхнули золотые искорки. Мышелов ни разу не оглянулся. Она и не ждала от него этого. Ялик подошел к «Фее», и трое мужчин проворно вскарабкались на борт.

Сиф могла поклясться, что рядом никого нет, но в следующее мгновение услышала, как кто-то поблизости прочистил горло. Выждав несколько секунд, она обернулась.

— Мастер Гронигер, — кивнула она в знак приветствия.

— Госпожа Сиф, — столь же вежливо ответствовал тот. По его виду не сказать было, что он за нею следил.

— Вы послали чужестранцев с каким-то поручением? — поинтересовался он.

Она медленно покачала головой:

— Я сдала им наш с леди Афрейт корабль. Наверное, они собрались порыбачить, — и пожала плечами. — Я, как и всякий на нашем острове, пытаюсь заработать при каждом удобном случае, и рыбная ловля — не единственный способ. А вы сегодня не выходите в море, мастер?

Он в свою очередь покачал головой:

— Как у главы порта, на первом месте у меня служебные обязанности, госпожа. Второго чужестранца сегодня еще никто не видел. И его людей тоже…

— Да? — вынуждена была спросить она, ибо он сделал паузу.

— …Хотя под палубой его вельбота слышится шум работ.

Она кивнула и повернулась взглянуть на «Фею», направлявшуюся к выходу из гавани, и на плывущий к берегу ялик, на борту которого

виднелась одинокая приземистая фигурка с косматой головой.

— На вечер назначено собрание Совета, — сказал Гронигер, словно только что об этом вспомнив. Она, не оборачиваясь, кивнула. И он пояснил небрежным тоном: — Ждем отчета, госпожа казначей, о находящихся в вашем ведении деньгах и прочих сокровищах — золотой стреле правды, золотых кругах согласия, золотом кубике справедливости…

Она снова кивнула, затем поднесла ко рту руку. Он услышал приглушенный зевок. В волосах ее ярко горело солнце.

К середине дня отряд Фафхрда далеко углубился в Гибельные земли и передвигался по полосе темного камня, усеянной валунами и являвшей собой нечто вроде широкого прохода меж двух ледяных стен, ближняя из которых, левая, находилась на расстоянии полета стрелы. Ползущее на запад солнце припекало, но ветер был холодный. Голубое небо казалось низким.

Впереди отряда, в качестве дозорного, шел без оружия самый молодой из берсерков. (Безоружный человек не привлекает к себе внимания врага, которого на самом деле высматривает.) Ярдах в сорока позади него шагал Маннимарк,

как прикрытие, следом — возглавляемый Фафхрдом и Марой основной отряд, замыкающим был по-прежнему Скор.

Из своего убежища на дорогу выскочил вдруг большой белый заяц и, обходя людей, помчался прочь огромными прыжками, похоже вспугнутый кем-то. Фафхрд помахал шедшим впереди и устроил засаду, оставив под надежным прикрытием камней две трети своего войска и командиром их назначив Скора, коему приказал удерживать эту позицию и встречать любого появившегося в поле зрения врага стрелами, но ни в коем случае не атаковать. Затем быстро повел остальных окольным путем вверх на ближайший ледник. С ним пошли Скаллик, Мара и еще трое. Девочка до сих пор вела себя спокойно и уверенно, как и говорила Афрейт, и хлопот не причиняла.

Они осторожно выбрались на лед, и тут безмолвие горных вершин было нарушено пением тетивы, вслед за тем раздались громкие крики впереди на дороге и там, где осталась засада.

Отсюда Фафхрду видны были и его люди в засаде, и отряд человек из сорока на расстоянии примерно полета стрелы от них — минголы в меховых одеждах и шапках, с изогнутыми лу-

ками в руках. Берсерки и минголы обменялись градом стрел. Один мингол упал, вражеские командиры как будто начали спорить. Фафхрд быстро натянул лук, приказав своим спутникам сделать то же, и они осыпали врага стрелами с боковой позиции. Пал еще один мингол — из тех, кто спорил. Полдюжины их начали стрелять в ответ, но до позиции Фафхрда стрелы не долетали. Остальные минголы укрылись. Один заскакал на месте, словно пришел в бешенство, но соратники утащили его за камни. Через некоторое время мингольский отряд двинулся, насколько мог судить Фафхрд, обратно туда, откуда пришел, унося с собой раненых.

— Догоним и перебьем их? — свирепо ухмыляясь, предложил Скаллик.

В глазах Мары читалось горячее желание того же.

— Чтобы они увидели, что нас всего дюжина? Только за молодость тебя и прощаю, — ответил Фафхрд, нарочитой резкостью остужая пыл Скаллика. — Нет, мы осторожненько пойдем за ними следом до их корабля или до Холодной Гавани, где там у них лагерь. Лучший враг — тот, что бежит.

И он отправил гонца уведомить Скора о своем решении, а сам задумался тем временем, почему

эти степняки в мехах повели себя совсем не так неистово и безрассудно, как он ожидал. Не было ли это хитростью с их стороны? А еще он попытался представить, что подумал бы о его решении бог Один, приказавший минголов «уничтожить». Ответ на сей вопрос он видел, кажется, в устремленных на него глазах Мары, в коих читалось теперь нечто весьма похожее на разочарование.

Мышелов сидел на носу «Феи», уперевшись спиной в мачту, а ногами в основание бушприта, и смотрел на Льдистый остров, к которому они приближались снова, но уже с северо-востока. Впереди по курсу должно было находиться место, где зарождался водоворот, и начало отлива указывало, что близится нужное время, — если только он рассчитал все правильно и верны были сведения, полученные от Сиф и Урфа. Старик-мингол у него за спиной ловко управлялся с румпелем на корме и треугольным косым парусом, а Миккиду присматривал за единственным узким кливером.

Мышелов расстегнул висевший на поясе небольшой, но глубокий кошель и посмотрел на покоившийся внутри тяжелый, тускло отблескивавший золотом «Усмиритель Водоворотов» (как назывался сей предмет, Сиф не сказала,

оставалось только гадать). И ему не в первый раз подумалось, насколько по-благородному расточительно (равно и как глупо) делать из золота вещь, которая должна пропасть безвозвратно. Что ж, вера и расчетливость несовместимы… Хотя, может, и совместимы.

— Миккиду! — громко позвал он.

— Да, сэр? — откликнулся тот мгновенно, покорно и несколько испуганно.

— Ты видел под крышкой люка моток тонкого шнура? Прочного такого, вроде того, на каком ты спускаешь из окна добычу сообщнику, а то и сам спускаешься при нужде? Им еще некоторые душители пользуются.

— Да, сэр!

— Хорошо. Принеси его мне.

Шнур оказался именно таким, как Мышелов его описал, и, насколько он мог судить, не менее ста ярдов длиной. И пока он привязывал один конец шнура к Усмирителю Водоворотов, другой — к палубному рым-болту, проверял, свободно ли разматывается моток, и прятал Усмиритель в кошель, на губах его играла сардоническая усмешка.

Они добирались до этого места полдня. Сначала, выйдя из Соленой Гавани, взяли на восток

при боковом ветре, оставив рыбачью флотилию, занятую ловом, на юго-западе, где море так и кипело от обилия рыбы, и плыли до тех пор, пока белая соляная скала не осталась далеко позади. Затем медленно пошли навстречу ветру на север, постепенно удаляясь от скалистого восточного берега, который отклонялся к западу. И наконец быстро вернулись по ветру обратно к тому же берегу, туда, где была заманивавшая неосторожных моряков мелкая бухта, охраняемая двумя скалами. Парус пел на ветру, нос корабля вспенивал невысокие волны, шедшие навстречу в стройном боевом порядке. Солнце заливало светом всю морскую гладь.

Мышелов поднялся и начал высматривать в море впереди подводные камни и признаки отлива. «Фея» как будто ускорила ход, словно, помимо ветра, ее подгоняло течение. И тут он заметил небольшой водоворот, стремительное кружение пенящихся гребешков волн. Настало время действовать! Он крикнул Урфу, чтобы тот приготовился сделать поворот оверштаг.

Но хотя Мышелов и ждал чего-то в этом роде, он все же был захвачен врасплох, когда гигантская невидимая рука (так это выглядело) подхватила снизу «Фею», развернула и повлекла ее по кругу,

сильно накренив судно. Миккиду у него на глазах завис в воздухе над водой в ярде от палубы. Он невольно рванулся на помощь и, схватившись машинально левой рукой за мачту, правой сгреб ошарашенного вора за воротник. Мышцы его застонали, но выдержали. Опустив Миккиду на палубу, он прижал его ногой, чтобы не слетел за борт, согнулся под напором ветра, хлопавшего парусами, и кое-как огляделся по сторонам.

Где только что были стройные ряды волн, теперь возникло глубочайшее блюдце почти в две сотни ярдов в поперечнике, и по краю его с невероятной скоростью неслась «Фея». За бешено хлопающим парусом Мышелов углядел Урфа, который обеими руками вцепился в румпель. Посмотрев снова на водоворот, он обнаружил, что «Фея» уже гораздо ближе к центру, где обнажились на глубине зазубренные, словно сломанные черные клыки какого-то чудовища, камни. Не мешкая, он полез в кошель за Усмирителем и, сделав поправку на ветер и скорость «Феи», швырнул его в середину водяной ямы. Мгновение тот, казалось, висел в воздухе, сверкая в солнечном свете, потом наконец упал.

На сей раз было так, словно сто гигантских невидимых рук внезапно разгладили водоворот.

«Фея» как будто налетела на стену. Изменившие направление волны столкнулись с такой силой, что вскипевшая при этом пена захлестнула палубу и можно было поклясться, что в воде полно мыла.

Мышелов сначала убедился, что Урф и Миккиду на месте, держатся на ногах, а стало быть, скоро опомнятся. Затем удостоверился, что море и небо заняли надлежащие им места. Потом проверил румпель и паруса. Отведя глаза от мокрого кливера, он наткнулся взглядом на палубный рым-болт. И принялся сматывать шнур, не очень-то веря в удачу, — наверняка тот зацепился за корягу или просто порвался в только что пережитом разгуле водной стихии, — но, к собственному удивлению, выудил-таки привязанный к концу Усмиритель, который сверкал еще ярче, чем до своего падения в донные камни. Положив его в кошель и туго затянув сырые завязки, Мышелов ощутил необыкновенное самодовольство.

К этому времени волны и ветер как будто вернулись к своему нормальному состоянию, а Урф и Миккиду зашевелились. Мышелов велел им вернуться на места (отказавшись наотрез обсуждать появление и исчезновение водоворота) и направил «Фею» в обратный путь, дерзко держась

близ берега, где среди скал он заметил изрядное количество серого плавника, останки погибших кораблей.

Пора жителям Льдистого собирать новую партию дерева, весело подумал он. Надо сказать Гронигеру. А может, лучше подождать следующего кораблекрушения — мингольского! — которое обеспечит им огромный урожай.

Мышелов взял курс на Соленую Гавань, радуясь попутному ветру. И забубнил себе под нос:

— Мингол должен умереть — там, внизу, в аду кромешном…

Да, и корабли их ждет погибель — среди каменных клыков.

В гуще облаков к северу от Льдистого плыла чудесным образом в небе сфера из черного льда, что была обиталищем Кхаххта, но чаще всего его тюрьмой. Снег, сыпавшийся не переставая, накрыл черную сферу белой шапкой. Снег этот скапливался также тонким белым слоем, обрисовывая их, на могучих крыльях, спине, шее и груди невидимого существа, парившего рядом со сферой. Существо это, похоже, за нее держалось, ибо всякий раз, как оно дергало головой и плечами, чтобы стряхнуть снег, сфера подскакивала.

Опускная дверь, расположенная в нижней ее

части, откинулась, и Кхахкт высунул наружу голову, плечи и одну руку, словно некое злобное божество, выглядывающее с небес.

Два этих существа заговорили.

Кхахкт. Капризное чудовище! Почему ты нарушаешь мое божественное уединение, колотя по моей сфере? Скоро я пожалею, что дал тебе крылья.

Фарумфар. Я бы охотно вернулся к полетам на невидимом скате. В них есть свои преимущества.

Кхахкт. Да чтоб тебя разорвало!..

Фарумфар. Умерь свою прыть, дедуля. Я разбудил тебя не без причины. Безумие минголов, кажется, поуменьшилось. Гонов, вождь идущих за солнцем, что движутся на Льдистый, велел своим кораблям брать два рифа на парусе во время простого шторма. А рейдеры идущих против солнца, кои уже на острове, отступили от отряда, что был в три раза меньше их собственного. Что, твои колдовские чары ослабли?

Кхахкт. Успокойся. Я разбирался с двумя новыми богами, которые помогают Льдистому: насколько они сильны, откуда пришли, чего хотят и возможно ли их подкупить. И пришел к выводу, что оба весьма ненадежны, большой

силой не обладают — так, жуликоватые боги из незначительного мирка. Можно не обращать на них внимания.

На летуне вновь скопился снег, обрисовав отчасти даже тонкие, жестокие, аристократические черты его лица. Тот отряхнулся.

Фарумфар. Итак, что же мне делать?

Кхахкт. В минголах я снова разожгу пыл, когда (и если) они решат отступить, так что не бойся. Пока твое дело — избегать своих зловредных сестер, если удастся, и причинить как можно больше вреда Фафхрду (ведь это он напугал рейдеров, не так ли?) и его отряду. Меть в девочку. За работу!

И он исчез в своей черной, покрытой снегом сфере и захлопнул за собой дверь, словно чертик из коробочки. А Фарумфар широко раскинул крылья, разметав сыпавшийся с небес снег, и устремился вниз.

Когда Урф и Миккиду, войдя в гавань, ловко ставили «Фею» на якорь у бакена и убирали паруса под бдительным присмотром Мышелова, достойная всяческих похвал матушка Грам уже поджидала их в ялике. Мышелов все еще пребывал в удивительно хорошем настроении и был столь собой доволен, что соизволил даже пару

раз похвалить Миккиду (чем последний был крайне озадачен) и отпустил в адрес мудрого, молчаливого старого мингола несколько глубокомысленных и весьма непонятных замечаний.

В ялике Миккиду устроился на носу, а Мышелов, разделив с Урфом среднюю банку, беззаботно обратился к старой ведьме, подгребавшей к причалу:

— Как прошел день, матушка? Нет ли для меня каких вестей от вашей госпожи?

Она ответила ему ворчанием, которое могло означать все или ничего, на что он всего лишь мягко ответил:

— Да будут благословенны ваши старые, верные косточки, — и обратил свой рассеянный взор на гавань.

Уже наступил вечер. В гавань входили последние рыбачьи суда, глубоко осевшие под тяжестью еще одного побившего все рекорды улова. Внимание Мышелова привлек ближайший пирс, где как раз разгружался при свете факелов один из кораблей и четыре островитянина сходили на берег, неся свои невероятные (и чудовищные) трофеи.

Вчера жители острова произвели на него впечатление весьма солидных и уравновешенных

людей, но сегодня они казались ему все более и более какими-то придурковатыми и неотесанными, особенно эти четверо, которые чуть не лопались от радости, растянувши в ухмылке рты и выпучив глаза под тяжестью своего немалого груза.

Шедший первым согбенный бородатый парень тащил на спине, держа за хвост, огромного серебряного тунца, длиною с него самого, а толщиной так даже и больше.

Следующий поджарый малый нес, обвивши вокруг туловища и придерживая на плечах за хвост и шею, самого большого угря, какого только когда-либо видел Мышелов. Казалось, он с этой рыбой борется на ходу — та, еще живая, медлительно корчилась. Счастье, что она не обвилась вокруг его шеи, подумал Мышелов.

Шедший следом за угреносцем рыбак нес на изогнутом крюке, пропущенном сквозь панцирь, великанского зеленого краба, все десять ног которого непрестанно шевелились, а клешни сжимались и разжимались. И трудно было сказать, чьи глаза были выпучены больше, моллюска или человека.

Последний тащил на плече за связанные щупальца осьминога, туловище коего еще сменяло

в предсмертных судорогах, один за другим, все цвета радуги, а огромные впалые глаза над чудовищным клювом уже помутнели.

«Чудовища, несущие чудовищ, — заключил с довольным смешком Мышелов. — Господи, до чего же мы, смертные, гротескны!»

Ялик приближался к причалу. Мышелов повернулся к нему и увидел на краю… нет, не Сиф, как понял он с грустью через мгновение, но Хильзу и Рилл (что его несколько удивило), которые радостно улыбались, — последняя держала ярко пылавший факел, и обе они, нарумяненные, в коротеньких ярких нарядах с глубокими вырезами, одна в красных чулках, другая в желтых, выглядели просто замечательно. Мышелов, выбираясь из ялика на причал, подумал, что нынче они кажутся как-то моложе или, по крайней мере, менее потасканными. Как это мило со стороны Локи — прислать своих жриц… ну, не совсем жриц, скорее храмовых девушек… да и не девушек тоже, а просто знающих свое дело леди, нянек и подружек бога — приветствовать воротившегося домой его верного слугу.

Но не успел он поклониться в ответ, как они перестали улыбаться и Хильза сказала тихо, но с нажимом:

— Дурные вести, капитан. Леди Сиф послала нас сказать вам, что ей и леди Афрейт предъявлено обвинение со стороны остальных членов Совета. Будто бы доверенные ей деньги и прочие сокровища Льдистого она употребила на то, чтобы нанять вас и другого, высокого, капитана и ваших людей. Она надеется, что ваше прославленное хитроумие позволит вам придумать какую-то историю, дабы опровергнуть это обвинение.

Мышелов, однако, не дрогнул. Куда больше, чем печальный рассказ Хильзы, его поразило, как ярко пылает и искрится факел в руках Рилл. При упоминании сокровищ Льдистого он коснулся своего кошеля, где покоился Усмиритель, к коему был привязан отрезок шнура. Наверняка золотой кубик был одним из этих самых сокровищ, но Мышелова это почему-то не встревожило.

— И это все? — спросил он, когда Хильза умолкла. — Я-то думал, против нас уже выступили тролли, о которых говорил бог. Ведите же меня, мои драгоценные, в Зал Совета! Урф и Миккиду, за мной! Мужайтесь, матушка Грам, — он наклонился к ялику, — вашей госпоже ничто не угрожает.

И, взяв под руки Хильзу и Рилл, он не мешкая тронулся в путь, сказав себе, что в трудные мо-

менты жизни, такие как сейчас, самое важное — держаться с предельной самоуверенностью, искриться ею, как тот факел в руках Рилл! Вот и весь секрет. И не важно, что он представления не имеет, какую историю рассказать Совету. Побольше уверенности, и, когда понадобится, вдохновение придет!

На узких улицах оказалось полно народу, видимо, из-за позднего возвращения рыболовной флотилии. Может, правда, это был базарный вечер, а может, скопление людей было как-то связано с заседанием Совета. В любом случае даже «чужестранцы» шатались по городу, и, как ни удивительно, выглядели они не столь гротескно, как жители Льдистого. Мышелов вновь увидел тех четырех рыбаков, еле тащившихся со своей чудовищной ношей! На них, разинув рот, пялился жирный мальчуган. Мышелов походя дал ему подзатыльник. Что за спектакль — вся эта жизнь!

Хильза и Рилл, заразившись его беззаботностью, снова разулыбались. Он и сам должен выглядеть презабавно, подумал Мышелов, вышагивая с двумя шлюхами с таким видом, будто весь город принадлежит ему.

И вот показался голубой фасад Зала Совета, с

дверью, украшенной массивной кормой какого-то погибшего галеона и охраняемой двумя угрюмыми недотепами с дубинками. Хильза и Рилл дрогнули было, но Мышелов, ощутив их нерешительность, громко крикнул:

— Мое почтение Совету! — и увлек их внутрь за собой, а Урф и Миккиду прошмыгнули следом.

Они оказались в помещении побольше и повыше, чем задняя комната в «Соленой селедке», но тоже выстроенном из серого дерева, обломков кораблекрушения. Очага здесь не было, скудное тепло давали две дымящие жаровни, а освещался зал факелами, горевшими тускло-голубым пламенем (возможно, из-за бронзовых гвоздей), не таким веселым и золотисто-желтым, как факел Рилл. Главной деталью интерьера являлся длинный тяжелый стол, на одном конце которого с высокомерным видом восседали Сиф и Афрейт. В стороне от них, ближе к другому концу, сидели десять могучих, рассудительных островитян средних лет (Гронигер в середине) с такими скорбными, возмущенными и оскорбленными лицами, что Мышелов разразился смехом. У стен толпились другие островитяне, средь них — несколько женщин. И все обратили на вновь прибывших взоры, в коих читались замешатель-

ство и неодобрение.

Гронигер вскочил и проревел:

— Как ты смеешь смеяться в лицо властям Льдистого? Ты, который ворвался сюда в сопровождении уличных женщин и своих жуликов-матросов?

Мышелов, кое-как сдерживая смех, слушал его с самым что ни на есть честнейшим видом, словно воплощение оскорбленной невинности.

Гронигер продолжал, тыча в него пальцем:

— Вот он перед вами, советники, тот, кто получил незаконно присвоенное золото и даже, может быть, золотой кубик справедливости. Тот, кто явился к нам с юга с байками о магических ураганах, о дне, обернувшемся ночью, об исчезающих вражьих кораблях и о мингольском вторжении, — человек, у которого, представьте себе, в команде минголы, — и этот человек платит за стоянку в доках золотом Льдистого!

Тут встала Сиф и, сверкнув глазами, сказала:

— Позвольте высказаться хотя бы ему, дабы ответить на это оскорбительное обвинение, раз уж вы не верите моему слову.

Вскочил советник, сидевший рядом с Гронигером:

— Почему мы должны выслушивать лживые

речи чужестранца?

Гронигер сказал:

— Благодарю вас, Двон.

Афрейт тоже поднялась на ноги:

— Нет уж, позвольте ему сказать. Или вы не хотите слушать никого, кроме себя?

Встал еще один советник.

Гронигер сказал:

— Да, Зваакин?

Тот сказал:

— Не будет вреда, если мы его выслушаем. Он может выдать себя собственными же речами.

Сиф свирепо посмотрела на Зваакина и сказала громко:

— Скажите им, Мышелов.

В этот момент Мышелов, взглянув на факел Рилл (который как будто подмигнул ему), ощутил вдруг, что в него хлынула богоподобная сила, заполнившая все тело до кончиков пальцев — более того, до кончиков волос. Без предупреждения — на самом деле не успев даже осознать, что собирается сделать, — он подбежал к тому краю стола, где оставалось возле Сиф свободное пространство, и вспрыгнул на него.

Обвел властным взором всех собравшихся (сплошь холодные и враждебные лица), испыту-

ющe глянул на каждого, а потом… богоподобная сила завладела, видимо, всецело его существом, вытеснив поневоле собственный его разум, и он только начал говорить что-то, как в глазах у него потемнело и сознание заволоклось безвозвратно тьмою, чернее и глубже всякого сна и обморока.

Далее для Мышелова время вообще остановилось… а может, пролетела вечность.

Возвращение сознания (или, скорее, возрождение — столь далеким показался этот путь) началось для него с кружения во мраке желтых огней и возбужденных лиц с разинутыми ртами, с далекого смутного гула, сопровождавшего звучный голос, который ронял исполненные силы слова, а затем, опять же без предупреждения, глаза его резанул яркий свет, уши — оглушительный крик, перед ним материализовался Зал Совета, и он обнаружил, что стоит на столе в вызывающей позе, растянув губы в дикую, если не безумную, усмешку, уперев самодовольно левую руку в бок, а правой вращая над головой на шнурке золотой Усмиритель — кубик справедливости, вспомнил он. А все вокруг, повскакивав на ноги, — советники, стражники, простые рыбаки, женщины (не говоря уже о Сиф, Афрейт, Рилл, Хильзе и Миккиду) — смотрят на него с восторженным

обожанием, словно на бога или какого-то легендарного героя, подпрыгивают от возбуждения и громко его приветствуют! Они колотили кулаками по столу и стучали по полу дубинками. Стражники размахивали факелами, пока те не разгорелись столь же ярко, как факел Рилл.

«Во имя всех богов сразу, — воскликнул про себя Мышелов, продолжая тем не менее улыбаться, — что я сказал или пообещал такого, чтобы привести их всех в подобное состояние? Во имя дьявола, что?»

Тут Гронигер с помощью стоявших рядом быстро вскарабкался на другой конец стола, помахал, призывая к вниманию, и, едва получив таковое, сразу же обратился к Мышелову громким и прочувствованным голосом, заставив слушать себя и всех остальных:

— Мы это сделаем… да, мы сделаем это! Я сам поведу через Гибельные земли половину войска Льдистого, наших горожан, на помощь Фафхрду, сражаться с идущими против солнца, а Двон и Зваакин вооружат вторую половину, наш рыболовный флот, и поплывут за вашим «Бродягой» биться с идущими за солнцем минголами. Победа!

И весь зал огласился криками «Смерть минго-

лам!», «Победа!» и еще какими-то возгласами, коих Мышелов не разобрал. Когда шум стал стихать, Гронигер вскричал:

— Вина! Давайте закрепим наш союз!

Зваакин же прокричал Мышелову:

— Позовите вашу команду, пусть празднуют с нами — они имеют право отныне и навсегда свободно ходить по Льдистому!

Миккиду охотно побежал за остальными матросами.

А Мышелов беспомощно взглянул на Сиф — все еще улыбаясь, ибо, как он подумал, улыбка, наверно, приклеилась к его губам навеки, — но она лишь простерла к нему руки и крикнула, вся разрумянившись:

— Я поплыву с вами!

Афрейт же рядом с нею твердила:

— Я пойду через Гибельные земли к Фафхрду и возьму с собой бога Одина!

Гронигер услышал это и сказал ей:

— Я и мои люди окажем вам любую помощь, какая только понадобится, почтенная советница.

И Мышелов понял, что, помимо всего прочего, заставил еще и неверующих рыбаков уверовать — во всяком случае, в двух богов, Одина и Локи. Но что же он им сказал?

Он позволил Сиф и Афрейт стащить себя со стола на пол, но не успел ни о чем спросить, так как Сиф обвила его руками, крепко обняла и поцеловала в губы. Это было чудесно, именно об этом он мечтал вот уже три месяца с лишним (хотя в мечтах все происходило в несколько более интимной обстановке), и, когда она, с сияющими, как звезды, глазами, отпустила его, на уме у него вертелся уже совсем другой вопрос, задать который ему не дала Афрейт, тоже обняв его и крепко поцеловав.

Это, разумеется, было приятно, но значимость поцелуя Сиф как-то поубавилась — он стал менее личным, превратился из знака любви в простое поздравление, пылкий выплеск энтузиазма. Мечта растаяла. И только Афрейт отошла, как Мышелова сразу окружила толпа доброжелателей, кое-кто из которых тоже жаждал заключить его в объятия. Краем глаза он заметил Хильзу и Рилл — они целовались со всеми подряд, и поцелуи эти, конечно, не имели никакого значения, так что дураком он был, приняв поцелуй Сиф за нечто другое, — а потом он увидел Гронигера и готов был поклясться, что тот танцевал джигу. Один только старик Урф почему-то не присоединился к общему веселью. И Мышелову показалось даже,

что тот смотрит на него с печалью во взоре.

Так начался праздник, продолжавшийся полночи, и все ели, пили, веселились, плясали, уходили и возвращались и бесконечно поздравляли друг друга. И чем далее, тем более гротескными становились их танцы, прыжки и прочие телодвижения под звуки коротенькой ритмичной, но грозной песенки, которая и сейчас звучала в голове Мышелова и под которую плясали уже все: «Тучи гуще, ветер злей. Льдистый тонет в черной мгле. Ночь родит чудовищ строй — нисс и никор, дрок и тролль». Как раз это сейчас, по мнению Мышелова, и происходило — рождение чудовищ. (Только вот тролли где?) И дальше все будет по песенке, думал он, вплоть до неумолимого приговора в конце: «Мингол должен умереть — там, внизу, в аду кромешном, там, где злится круговерть, задыхаться будет вечно, муки адские терпеть, в смерти призывая Смерть. Нет безумию конца! Не вернется мир в сердца!»

Все это время с лица Мышелова не сходила словно приклеившаяся улыбка, и с видом бойким, дерзким и крайне самоуверенным он отвечал на вопрос, который ему то и дело задавали: «Нет, я не оратор… никогда не учился… правда, всегда любил поболтать», хотя внутренне сгорал от

любопытства. Улучив момент, он спросил у Сиф:

— Что я сказал такого, чтобы всех переубедить и столь кардинально склонить на свою сторону?

— Кому, как не вам, об этом знать, — ответила она.

— Расскажите мне все же, что вы запомнили, — сказал он.

Она задумалась.

— Вы взывали исключительно к их чувствам, к их эмоциям, — сказала она наконец. — Это было просто замечательно.

— Но что именно я говорил? Какие слова?

— О, я даже передать не могу, — заверила его она. — Все сказанное было столь органично, ничто не выделялось… мне не вспомнить подробностей. Но не сомневайтесь, речь была безупречной.

Затем Мышелов попробовал подступиться к Гронигеру:

— В какой момент мои доводы вас убедили?

— Как вы можете спрашивать? — отвечал седой островитянин, хмуря в искреннем замешательстве морщинистый лоб. — Все было так логично, четко и холодно аргументировано — прямо как дважды два четыре. Можно ли считать одну часть уравнения более убедительной, нежели другую?

— Верно, верно, — неохотно отозвался Мышелов и добавил: — Я полагаю, принять богов Одина и Локи вас убедила та же строгая логика?

— Именно, — подтвердил Гронигер.

Мышелов кивнул, но про себя пожал плечами. Он-то понял, что произошло, и проверил чуть позже свою догадку, поговорив с Рилл.

— Где ты зажгла свой факел? — спросил он.

— В «Огненном логове», — ответила она, — от божественного огня, разумеется.

И поцеловала его. (Этот поцелуй тоже был не плох, хотя в него не было вложено ничего профессионального.)

Да, Мышелов понял, что это бог Локи вышел из огня, на время завладел им (как однажды в Ланкмаре Фафхрдом завладел бог Иссек) и привел его устами доводы, которые бывают весьма убедительны, когда звучат из уст бога или во время войны и подобных ей катаклизмов, — и оказываются совершенно пустыми, будучи высказаны простым смертным или при каких-то рядовых обстоятельствах.

И некогда было гадать на самом деле, что он там такое сказал, ибо хлопот и без того хватало: и решения предстояло принимать жизненно важные, и великим множеством дел руководить

— причем весьма скоро, лишь только народ кончит праздновать и передохнет.

Тем не менее хорошо бы узнать хоть что-то, подумал он с тоскою. Может, было сказано что-нибудь умное. Для чего, например, о небеса, достал он Усмиритель из кошелька и что хотел продемонстрировать, вращая его над головой?

Он не мог не согласиться, что пребывание полностью во власти бога — довольно приятное состояние (или было бы приятным, окажись возможность вспомнить хотя бы немногое), но опустошающее, ибо ничего не осталось в душе его после, кроме неумолчного бряцания «мингол должен…» — каковое, казалось, будет звучать вечно.

На следующее утро берсерки Фафхрда увидели наконец Холодную Гавань, море и передовой отряд мингольского войска — все сразу. Солнце рассеяло береговой туман, западный ветер сдул остатки его с ледника, по краю которого они шли. Поселение здесь было гораздо меньше Соленой Гавани и куда больше походило на деревню. На севере вздымался темный кратер Адовой горы, так высоко и близко, что его восточные предгорья отбрасывали тени на лед. Струйка дыма над кратером тянулась на восток. На снежном склоне

виднелась тень, похожая на вход в пещеру, ведущую внутрь горы. Внизу ее покрытые сугробами склоны переходили в ледник, узкий в том месте, где находился отряд, и простирался тот ледник вперед на север, к сверкающему и удивительно близкому серому морю. От невысокого подножия ледника тянулись к юго-западу травянистые холмы с редкими купами искривленных ветрами маленьких северных кедров, и с дальних заснеженных вершин в той стороне ветер сдувал белый туман, который таял над озаренными солнцем холмами.

Вечером и рано поутру, идя по следу отступавших мародеров-минголов, отряд берсерков натыкался несколько раз на разоренные и брошенные фермы в холмах, и это подготовило их к тому, что они увидели сейчас. Те домишки и коровники были из торфа и дерна, на крышах их, с дырками вместо труб, росли цветы и трава. Про одну ферму Мара сказала, что жила там, но глаза ее остались сухими. Холодная Гавань оказалась всего лишь дюжиной таких же домишек, стоявших на вершине не то крутого холма, не то насыпи у самого ледника и обнесенных земляной стеной, — что-то вроде убежища на случай опасности. Песчаный берег сразу за холмом выходил

на саму гавань и на три мингольские галеры, вытащенные из воды, — их легко было узнать по чудным конским клетям на носовой палубе.

На почтительном расстоянии от насыпи Холодной Гавани стояли, выстроившись кругом, около восьмидесяти минголов, и командиры их, судя по всему, совещались с командирами тех сорока, которые совершали набег и недавно вернулись. Один из этих вернувшихся показывал то в сторону Гибельных земель, то наверх, на ледник, видимо рассказывая о преследовавшем их войске. Рядом щипали травку три степных жеребца, освобожденные из своих клетей. Вполне мирное зрелище, но, пока Фафхрд все это рассматривал, оставив свой отряд в укрытии ледяных торосов (не слишком-то он доверял нелюбви минголов ко льдам), со стороны столь же мирно выглядевшей насыпи вдруг прилетело копье и, метко брошенное, поразило одного из минголов. В ответ раздались яростные вопли и полетели стрелы. Фафхрд рассудил, что осаждающая сторона, получившая подкрепление, наверняка сейчас пойдет на решительный приступ. Он, не колеблясь, начал отдавать приказы:

— Скаллик, возьми своего лучшего лучника, масло и горшок с огнем. Бегите туда, где ледник

ближе всего к кораблям на берегу, и подожгите их горящими стрелами или хотя бы попытайтесь это сделать. Скорее!

Мара, следуй за ними до насыпи и, когда увидишь, что корабли задымились, но не раньше того, беги вниз, к своим друзьям. Будь осторожна! Случись что с тобой, Афрейт голову с меня снимет. Скажи им честно, сколько нас тут. Пусть держатся до конца и, если представится удобный случай, сделают отвлекающую вылазку.

Маннимарк! Выбери одного человека из твоего взвода и оставайся здесь наблюдать. Предупредишь нас, когда минголы выступят.

Скор и остальные, следуйте за мной. Спустимся к ним в тыл и прикинемся ненадолго войском, которое за ними гонится. Вперед!

И он побежал, а следом затопотали восемь берсерков с колчанами, которые били их на бегу по спине. Фафхрд уже присмотрел рощицу низкорослых кедров, из-под прикрытия которых собирался начать свое выступление. Направляясь к ним, он мысленно бежал вместе со Скалликом и Марой, пытаясь точно рассчитать время.

Добравшись до кедров, он увидел сигнал Маннимарка, означавший, что минголы пошли на приступ.

— Ну а теперь войте, как волки, — сказал он своим запыхавшимся воинам, — и орите каждый за двоих. Потом осыпаем их стрелами — на самое дальнее расстояние и с как можно большей скоростью. По моей команде возвращаемся обратно на ледник! Бегом, как и спускались.

Проделав все это (и не особо оценивая результат, ибо не было времени), он воротился к Маннимарку вместе со своим задыхающимся отрядом и с удовольствием увидел жидкий столб черного дыма, который поднимался над ближайшей к леднику галерой. Минголы, отказавшись от штурма, помчались со склонов осажденного холма к своему судну. Тут он заметил маленькую фигурку в развевающемся красном плаще — Мара бежала с ледника к Холодной Гавани. На земляном валу появилась женщина с копьем и ободряюще помахала девочке. И вдруг Мара сделала невероятно длинный прыжок, на мгновение пропала из виду, словно что-то ее загородило, а потом как будто — нет, на самом деле! — начала подниматься в воздух, все выше и выше, словно ее подхватил невидимый орел или какой другой невидимый летающий хищник. Фафхрд, не отрывая глаз, следил за красным плащом, который вдруг, когда невидимка вылетел со своей плен-

ницей из тени на солнечный свет, сделался ярче. Он услышал рядом удивленный и сочувственный возглас, скосил глаза и понял, что Скор тоже видел это чудо.

— Не спускай с нее глаз, парень, — выдохнул он. — Ни на секунду не теряй из виду красный плащ. Следи, куда она летит.

Взгляды обоих сначала были устремлены вверх, потом на запад, а затем обратились на восток, в сторону темной горы. Фафхрд поглядывал периодически вниз, дабы убедиться, что в Холодной Гавани и возле мингольских кораблей не происходит ничего такого, что требовало бы его срочного вмешательства. Всякий раз он боялся, что, подняв глаза, уже не увидит красный плащ, но всякий раз его находил. Скор же неукоснительно следовал приказу. Красное пятнышко становилось все меньше и меньше. Когда оно снова влетело в тень горы, они едва не потеряли его. И наконец Скор выпрямился.

— Куда она залетела? — спросил Фафхрд.

— К пещере на склоне, — ответил Скор. — Девчонку занесло туда по воздуху, уж не знаю, какой такой магией. Там я потерял ее из виду.

Фафхрд кивнул.

— Это совершенно особая магия, — быстро ска-

зал он. — Как я думаю, ее занес туда невидимый летун из вурдалачьей породы, мой старый враг, принц Фарумфар из высокой Звездной Пристани. Из всех нас только я могу с ним потягаться.

Отчего-то он смотрел на Скора так, словно видел его в первый раз, — крепкий парень, выше его самого на дюйм и лет на пять моложе, но уже с залысинами, со сломанным некогда носом и рыжеватой клочковатой бородой. На вид — задумчивый злодей.

Фафхрд сказал:

— Я тебя нанял в Стылых пустошах, близ Илликвинга. У Но-Омбрульска я сделал тебя капралом, и ты поклялся, как и все остальные, повиноваться мне во время плавания на «Морском ястребе» туда и обратно. — Глаза их встретились. — И сейчас тебя ждет испытание, ибо ты примешь командование, покуда я буду искать Мару. Продолжай дразнить минголов, но в открытый бой не вступай. Жители Холодной Гавани — наши друзья, но не объединяй с ними силы, пока есть возможность действовать иначе. Помни, мы служим леди Афрейт. Понятно?

Скор, не отводя глаз, нахмурился, потом кивнул.

— Хорошо! — сказал Фафхрд, вовсе не будучи в

том уверен, но сознавая, что поступить по-другому он не может.

Горящий корабль дымился уже меньше, — видимо, минголам удалось его потушить. Прибежали обратно ухмыляющиеся Скаллик и его напарник с луками.

— Маннимарк! — позвал Фафхрд. — Принеси мне два факела. Скаллик, дай трутницу.

Он отстегнул от пояса свой меч Серый Прутик. Оставил только топор.

— Парни! — Он повернулся к отряду. — Я должен на время отлучиться. Командование переходит к Скору. — И передал тому Серый Прутик. — Слушайтесь его. Берегите себя. И чтоб у меня не было повода вас упрекать, когда вернусь.

И без дальнейших церемоний он отправился по леднику к Адовой горе.

Мышелов, проснувшись, заставил себя сразу подняться и принял холодную ванну, прежде чем выпить кубок горячего вздрога (такое уж у него было состояние духа). Отправил работать всю команду: и минголов, и воров — и предупредил их, что ремонт «Бродяги» должен быть завершен самое позднее к завтрашнему утру, памятуя о словах бога Локи: «Только три ждать врага осталось

дня». И, заметив, что некоторые из них страдают от похмелья сильнее, чем он сам, испытал большое удовольствие.

— Не позволяй им отлынивать, Пшаури, — приказал он. — Никакого сострадания к этим бездельникам и лежебокам!

Затем Мышелов встретился с Сиф, дабы вместе проводить в пешеходную экспедицию Афрейт и Гронигера. Жители Льдистого, на его взгляд, были до отвращения бодрыми, шумными и ясноглазыми, и Гронигер чересчур уж суетился, пока выстраивал их.

Сиф, как всегда в красно-коричневом наряде, и Афрейт, в голубом, тоже улыбались, и глаза у них были ясные, но это было куда легче снести. Мышелов и Сиф прошли вместе с отрядом часть пути. Он заметил, что Афрейт велела четверым из людей Гронигера нести занавешенные носилки, хотя сама в них пока не садилась, и Мышелова это позабавило. Таким образом, она расплачивалась с ними за вчерашние ложные (или, по меньшей мере, бестактные) обвинения и Гибельные земли могла пересечь со всеми удобствами. Подобная месть была совершенно в его вкусе.

Он пребывал в странном состоянии духа, чувствуя себя скорее зрителем, нежели участником

великих событий. Его по-прежнему терзали мысли о вдохновенной речи, которую он произнес накануне вечером (точнее, которую Локи произнес его устами) и из которой он не помнил и не мог вспомнить теперь ни слова. Как будто он был каким-то мелким прислужником, мальчишкой на посылках, коему не положено знать содержание доставляемых им запечатанных посланий.

И, глядя этаким вот критическим взором со стороны на полных энтузиазма, шагавших, высоко задирая ноги, островитян, он был поражен экзотичностью их оружия. В него входили дубинки, разумеется, и тяжелые дротики, а еще — рыболовные остроги, огромные вилы, зазубренные пики с крюками и длинные молотильные цепы с тяжелыми трепалами на конце. Два человека несли даже остро заточенные лопаты. Он поделился своим недоумением с Сиф, а она спросила, чем он вооружил своих воров. В это время они приближались к Висельному холму, и Афрейт шла немного впереди.

— Да пращами, — сказал он Сиф. — Они не хуже луков, и носить их гораздо удобнее. Вот. — И он показал на кожаную пращу, висевшую у него на поясе. — Видите эту старую виселицу? Сейчас я вам покажу.

Он достал из кошеля свинцовый шарик, пристроил его в центр ремешка и, быстро, но тщательно прицелившись, дважды крутанул вокруг головы и выпустил. На меткое попадание дерево отозвалось неожиданно громким и долгим «твинк». Кое-кто из островитян зааплодировал.

Афрейт поспешно подошла к нему и попросила больше так не делать, ибо это может оскорбить бога Одина. «Ничего-то у тебя нынче толком не выходит», — кисло сказал себе Мышелов.

Но это навело его на некоторые размышления. Он спросил у Сиф:

— Скажите, прошлым вечером я не изображал, случайно, пращу, вертя над головой кубик справедливости? Припоминаете? Я порой пьянею от собственных речей и не все помню.

Она покачала головой.

— Может быть, — ответила. — А может, вы изображали Большой водоворот, который поглотит минголов. О, какая была прекрасная речь!

Тем временем они подошли к Висельному холму, и Афрейт остановила отряд. Мышелов вместе с Сиф направился к ней, чтобы узнать, почему остановились, и попрощаться, — дальше идти они все равно не собирались. И обнаружил с удивлением, что тех двоих с лопатами и еще

несколько человек Афрейт отправила выкапывать виселицу, а носилки велела поставить перед зарослями утесника на северной стороне холма и раздернула занавески. Глядя на все это в замешательстве, он увидел, как из зарослей появились девочки, Мэй и Гейл, которые шли медленно и осторожно, словно помогая кому-то, — только никого при них не было.

Все затихли, наблюдая за ними, кроме тех, кто расшатывал в это время виселицу.

Сиф вполголоса назвала Мышелову имена девочек и объяснила, что происходит.

— Вы хотите сказать, что это богу Одину они помогают и могут его видеть? — тихо спросил он. — Афрейт говорила, припоминаю, что возьмет его с собой, но… а вы можете его видеть?

— При солнечном свете довольно смутно, — призналась она. — Но в сумерках видела. Афрейт сказала, что и Фафхрд его видел вполне отчетливо в сумерках, перед наступлением ночи. Но на самом деле это дано только Афрейт и девочкам.

Странная медленная пантомима была наконец завершена. Афрейт срезала несколько колючих веток утесника, положила в носилки («Чтобы он чувствовал себя как дома», — объяснила Мышелову Сиф) и начала задергивать занавески,

но тут…

— Он хочет, чтобы я села к нему, — заявила Гейл тонким детским голоском.

Афрейт кивнула, малышка, покорно пожав плечами, забралась в носилки, занавески были задернуты, и люди наконец зашевелились и заговорили.

«Господи, какой идиотизм! — подумал Мышелов. — Мы, двуногие фантазеры, поверим во что угодно». Но тут же его кольнула мысль, что и сам он слышал голос невидимого бога в огне, и этот бог завладевал его собственным телом. Не слишком-то считаются боги с людьми!

Тут виселица под напором рухнула, основание столба вышло из земли, подняв тучу пыли, и полдюжины рослых островитян, взвалив виселицу на плечи, изготовились нести ее вслед за носилками.

— Что ж, может, она сгодится им как таран, — пробормотал Мышелов.

Сиф только покосилась на него.

Теперь все распрощались, обменялись последними напутствиями и пожеланиями стойкости до победного конца, и войско бодрым, размашистым шагом вновь тронулось в путь. Мышелову, стоявшему рядом с Сиф, показалось, что остро-

витяне твердят себе под нос: «Мингол должен умереть…» — и шагают в такт. Он заподозрил даже, что сам, видимо, начал повторять эту песню вслух, вот они ее и переняли. И покачал головой.

Но когда они с Сиф повернули вдвоем обратно и Мышелов осознал, какой погожий и прохладный стоит день, и увидел, как ветерок, раскачивая полевые цветы, ерошит вереск, настроение у него стало улучшаться. На Сиф сегодня было красно-коричневое платье, а не обычные брюки, она распустила свои темные, отливающие золотом волосы и держалась легко и непринужденно. Она была по-прежнему сдержанна, но уже меньше походила на советницу, и Мышелов вспомнил волнующий вчерашний поцелуй, который он счел ничего не значащим. Внезапно прямо перед ними появились два жирных лемминга и, прежде чем нырнуть в кусты, уставились, встав на задние лапки, на людей. Сиф остановилась, чтобы не наскочить на них, и споткнулась, Мышелов подхватил ее и, чуть помешкав, притянул к себе. Она на мгновение уступила, но тут же, смущенно улыбнувшись, высвободилась.

— Серый Мышелов, — мягко сказала она, — меня тянет к вам, но вы слишком похожи на бога Локи — и вчера, когда вы заворожили своим

красноречием весь остров, сходство это еще более бросалось в глаза. Я уже говорила вам, что не хотела брать бога к себе домой и что наняла ухаживать за ним Хильзу и Рилл, этих знающих свое дело чертовок. Из-за этого сходства я и к вам сейчас отношусь настороженно, так что лучше будет, наверное, если мы останемся капитаном и советницей, пока не спасем Льдистый и я не смогу думать о вас отдельно от бога.

Мышелов глубоко вздохнул и сказал медленно, что — да, наверное, так лучше, а про себя подумал, что боги вечно мешают личной жизни людей. Ему очень хотелось спросить, не ждет ли Сиф, что и он, по примеру бога, обратится за утешением к Хильзе и Рилл (чертовкам, как она выразилась), но решил, что вряд ли она склонна предоставить ему такие привилегии, независимо от того, сколь велико сходство между ним и богом.

Тут за спиною Сиф Мышелов увидел нечто, что позволяло ему найти выход из создавшегося неловкого положения, и спросил с облегчением:

— Кстати, о демоницах — не они ли это выходят из Соленой Гавани?

Сиф повернулась и обнаружила, что по вересковому полю к ним действительно спешат Хильза и Рилл в своих пестрых нарядах, а сзади движется

темная фигура матушки Грам. Рилл почему-то среди ясного дня несла горящий факел. При свете солнца пламени почти не было видно, и догадаться о нем можно было лишь по колыханию вереска по ту сторону его трепещущей прозрачной завесы. И когда обе блудницы подошли ближе, по возбужденным их лицам стало понятно, что они спешат рассказать нечто необыкновенное, но Мышелов опередил их, спросив сухо:

— Неужели вам темно, Рилл?

— С нами только что говорил бог, из очага в «Огненном логове», и так внятно, как никогда, — затараторила она. — Сказал: «К Мрачному, Мрачному, несите меня к Мрачному. Вслед за пламенем спешите…»

Хильза перебила:

— …«куда укажет, — протрещал бог, — туда идите».

Рилл продолжила:

— Тогда я зажгла факел от огня в очаге, чтобы бог в него перебрался, и мы следили за пламенем и шли, куда оно указывало, и пришли к вам!

Тут подоспела матушка Грам, и Хильза снова перебила Рилл:

— Посмотрите, теперь пламя велит нам идти к вулкану. Показывает прямо на него!

И она махнула рукой в сторону ледника на севере, над коим высился безмолвный черный пик с дымным султаном, тянувшимся на запад.

Сиф и Мышелов, прищурив глаза, послушно посмотрели на призрачное пламя факела. И после паузы Мышелов сказал:

— Пламя клонится вперед, но, по-моему, оно просто неровно горит. Это зависит от строения дерева, смолы и масел…

— Нет, оно, конечно же, указывает на Мрачный, — взволнованно сказала Сиф. — Веди нас, Рилл.

И все женщины, повернув на север, направились к леднику.

— Но, леди, у нас нет времени на прогулки по горам, — протестующе закричал им вслед Мышелов, — надо готовиться к обороне Льдистого и к завтрашнему плаванию.

— Так приказывает бог, — ответила Сиф через плечо. — Ему лучше знать.

А матушка Грам прорычала:

— Уж конечно, он не поведет нас на самую вершину. Окольный путь ближе, чем прямой, так я думаю.

Выслушав это таинственное замечание, Мышелов пожал плечами и, поскольку женщины не

останавливались, поневоле последовал за ними, думая о том, какая это глупость — носиться с горящей палкой, словно это сам бог, только из-за того, что пламя клонится. (Голос пламени он и сам слышал позапрошлым вечером.) Что ж, на «Бродяге» в его присутствии сегодня не нуждались; Пшаури не хуже его справлялся с командованием, неплохо, во всяком случае. Лучше присмотреть за Сиф, пока не кончится этот приступ безумия, чтобы с ней — да и с этими тремя чудными служительницами бога — не приключилось ничего худого.

Сиф была бы такой милой, сильной, умной и прелестной женщиной, когда бы не эти страсти по богам. До чего же эти боги надоедливые, требовательные и придирчивые хозяева, никогда не дадут покоя! (Думать об этом безопасно, успокоил он себя, боги не умеют читать мысли, и какая-то свобода у человека остается — хотя расслышать они могут и самый тишайший шепот и, уж конечно, все понимают, стоит тебе вздрогнуть невольно или скорчить гримасу.)

В голове у него вновь зазвучала назойливая песня: «Мингол должен умереть…» — и он почти обрадовался этому жужжанию, ибо бесплодно размышлять о причудах богов и женщин ему совсем не хотелось.

По мере приближения к леднику становилось все холоднее, и вскоре они наткнулись на низкорослое мертвое дерево, позади которого торчала из земли невысокая скала темно-фиолетового, почти черного цвета, в середине коей чернела дыра высотою и шириною с дверь.

Сиф сказала:

— В прошлом году этого здесь не было, — а матушка Грам проворчала:

— Ледник открыл ее, убывая, — и Рилл вскричала:

— Пламя тянется к пещере! — и Сиф сказала:

— Войдем.

На что Хильза заметила дрожащим голосом:

— Там темно, — а матушка Грам громыхнула:

— Не бойся. Темнота порой лучше света, и путь вниз — лучший путь вверх.

Мышелов же, не тратя время на слова, отломил от мертвого дерева три ветки (факел-Локи не мог гореть вечно) и, взвалив их на плечо, последовал за женщинами внутрь камня.

Фафхрд упорно карабкался по казавшемуся бесконечным склону последней ледяной скалы, за которой начинался уже снежный покров Адовой горы. В спину ему светило солнце, холодный оранжевый свет заливал всю эту сторону горы,

и верхний темный пик, и столб дыма над ним, клонившийся к востоку. На твердой, как алмаз, скале было много выступов, специально выбитых для восхождения, но Фафхрд очень устал и уже проклинал себя за то, что бросил своих людей в опасности ради этого дурацкого романтического преследования. Ветер дул с запада, крестообразно его восхождению.

Вот что бывает, когда берешь в опасный поход девочку и слушаешься женщин — вернее, одной женщины. Афрейт была так в себе уверена, так величественно отдавала приказы, что он переступил через глубочайшие свои убеждения. И полез-то он на эту гору за Марой в основном из страха, что подумает о нем Афрейт, если с девочкой что-то случится. О, он прекрасно понимал, почему взвалил это дело на себя, а не поручил парочке своих людей. Потому что решил, что Мару похитил принц Фарумфар, и, памятуя рассказ Афрейт и Сиф о спасении их от чар Кхахкта летучими горными принцессами, питал надежду, что принцесса Хирриви, его возлюбленная всего на одну прекрасную и давно минувшую ночь, прилетит, невидимая, на своей невидимой воздушной рыбе и поможет ему в борьбе с ненавистным Фарумфаром.

С женщинами еще и потому вечная морока, что никогда их нет, когда хочется или когда они на самом деле нужны. Они приходят на помощь, это правда, но ждут обычно, что мужчина совершит все мыслимые и немыслимые подвиги ради великого дара — их любви, — и чем же оборачивается эта любовь, когда тебя ее удостаивают наконец? Всего лишь быстротечной сладостью объятий в ночной темноте, озаренной единственно непостижимой прелестью нежной обнаженной груди, после чего уделом твоим остаются растерянность и печаль.

Подъем делался все круче, солнечный свет — краснее, и все мускулы у него ныли. Фафхрд начал опасаться, что темнота застанет его на этом склоне и придется ждать часа два по меньшей мере, пока из-за горы покажется луна.

Только ли ради Афрейт пошел он искать Мару? Может быть, свою роль сыграло и то, что девочку звали, как первую его юную возлюбленную, которую он бросил с не рожденным еще ребенком, сбежав из Мерзлого Стана с другой женщиной, которую тоже бросил — или привел нечаянно к смерти, что, по сути, одно и то же? Не хотел ли он оправдаться как-то перед той Марой, спасая эту? Вот и еще одна морока с женщинами, во всяком

случае с теми, кого ты любишь или когда-то любил, — они даже после своей смерти заставляют тебя чувствовать себя виноватым. Ты незримо прикован к каждой женщине — любил ты ее или не любил, — с которой был когда-то близок.

А может быть, истинная причина, по которой он ищет Мару, лежит еще глубже? — спросил он себя, понуждая свою мысль блуждать в потемках разума, как понуждал онемевшие руки искать при гаснущем свете дня следующий выступ на крутом склоне. Может быть, он, думая о девочке, возбуждался, как похотливый старик Один? Может, и за Фарумфаром погнался, поскольку счел принца развратным соперником в борьбе за обладание этим лакомым кусочком девичьей плоти?

И коли уж на то пошло, не юность ли, игравшая в самой Афрейт, — ее хрупкость, невзирая на высокий рост, ее маленькие манящие грудки, рассказы о разбойничьих играх с Сиф, мечтательность фиолетовых глаз, отчаянная храбрость — привлекла его еще в далеком Ланкмаре? Афрейт да еще серебро Льдистого покорили его и вынудили встать на совершенно неподобающий путь — сделаться капитаном, ответственным за целую команду, — это его-то, кто всю жизнь свою был одиноким волком и в друзьях имел

одинокого леопарда Мышелова. Сейчас, оставив своих людей, он вернулся к привычному одиночеству. (Да помогут боги сохранить Скору голову и да возымеют действие хоть немногие из поучений Фафхрда и его призывов к благоразумию!) Ох, ну что же это все-таки за жизнь — в вечном рабстве у девушек, этих капризных, наивных, расчетливых, легконогих и вечно ускользающих маленьких демонов с каменными сердцами! О, эти нежные, с тонкими шейками и острыми зубками, вечно суетящиеся ласки, глаза которых полны чувства, как у лемуров!

Протянутая вверх рука его вдруг попала в пустоту, и Фафхрд понял, что, занимаясь самобичеванием, незаметно добрался до верха скалы. Он подтянулся и с запоздалой осторожностью заглянул через край. Глазам его открылся в последних темно-красных лучах солнца уступ футов в десять шириной, за которым вновь уходил круто вверх бесснежный горный склон. На этом склоне виднелось большое углубление — вход в пещеру шириною с уступ и раза в два выше. Внутри царила тьма, но он все же разглядел красный плащ Мары и обращенное в его сторону маленькое личико под капюшоном, очень бледное, с огромными глазами, казавшееся на самом деле отсюда

размытым пятном.

Он вскарабкался на уступ, с подозрением огляделся, потом, тихонько окликнув Мару, зашагал к ней. Она не ответила ни словом, ни жестом, хотя по-прежнему смотрела на него. В пещере было тепло, из недр горы задувал, шевеля ее плащ, слабый, пахнувший серой ветер. Предчувствуя недоброе, Фафхрд ускорил шаги, сдернул плащ и увидел маленький ухмыляющийся череп, насаженный на верхушку деревянного креста футов четырех высотой с короткой перекладиной.

Тяжело дыша, Фафхрд вышел обратно на уступ. Солнце село, и серое небо словно раздвинулось и побледнело. Стояла глубокая тишина. Он посмотрел с уступа в обе стороны, но ничего не увидел. Затем снова заглянул в пещеру и стиснул челюсти. Достал кремень, трутницу, зажег факел. Подняв высоко левую руку с факелом, а в правой зажав снятый с пояса топор, он прошел, стараясь не наступить на красный плащ, мимо жуткого маленького пугала и двинулся вглубь горы по проходу со странно гладкими стенами, достаточно широкому и высокому для великана или человека с крыльями.

Мышелов не знал, сколько времени следовал за четырьмя свихнувшимися на боге женщинами

по странной, похожей на туннель, пещере, которая уводила их все глубже и глубже под ледник, в самые недра Мрачного вулкана. Во всяком случае, он успел обстругать и расщепить концы всех трех ветвей, которые захватил с собой, чтобы они могли загореться быстро. И уж точно он успел изрядно устать от песни, пророчившей минголам смерть, — песни, которая звучала уже не только в его голове — ее скандировали вслух, словно марш (совсем как ему померещилось при виде людей Гронигера), все четыре женщины. Ему не пришлось себя спрашивать, откуда они ее знают, поскольку позапрошлым вечером в «Огненном логове» они слышали ее все вместе, но легче ему от этого не было, и сама песня не становилась сколько-нибудь привлекательней.

Он попытался было поговорить с Сиф, которая неслась вслед за остальными, словно обезумевшая менада, и объяснить ей все безрассудство и рискованность похода в никем не изученную пещеру, но она только показала ему на факел Рилл и ответила:

— Смотрите, как пламя тянется вперед. Бог приказывает, — после чего вновь начала петь.

Он не мог отрицать того, что пламя и впрямь тянулось вперед, когда по всем правилам при

таком быстром продвижении должно было отклоняться назад, — да и горел факел дольше, чем вообще полагается факелу. Поэтому все, что оставалось Мышелову, — это пытаться запомнить дорогу внутри скалы, где поначалу было холодно из-за окружавшего ее ледника, но постепенно становилось все теплее, и ветерок из глубин доносил слабый запах серы.

Он может, конечно, быть орудием и игрушкой таинственных сил, думал про себя Мышелов, сил, куда более могущественных, чем он сам, которые даже не соизволили поставить его в известность, о чем они говорят его устами, но это не значит, что такое положение должно ему нравиться (речь, им произнесенная, из коей он не помнил ни слова, беспокоила его все больше и больше). И утверждать свою зависимость от этих сил, как делали эти женщины, бессмысленно повторяя песню смерти, ему вовсе не хотелось.

А еще ему было неприятно сознавать, что он зависит от женщин и все глубже вовлекается в их дела, как сознавал он это все три последних месяца, взявшись в Ланкмаре выполнять поручение Сиф, что вдобавок поставило его в зависимость от Пшаури, Миккиду и прочих его подчиненных и от собственных амбиций и честолюбия.

И больше всего ему не нравилось, что он зависим теперь и от сложившегося представления о нем как о невероятно ловком парне, способном обвести вокруг пальца минголов со всеми их богами и божками, о герое, от которого все ждут богоподобного совершенства. Почему он не признался даже Сиф, что не слышал ни слова из своей замечательной, по словам всех, речи? И если он и впрямь может справиться с минголами, так почему же мешкает?

Туннель, по которому они так долго шли, вывел их в нечто вроде грота, наполненного испарениями, и внезапно они уперлись в огромную стену, уходившую вверх, казалось, до бесконечности и столь же бесконечно тянувшуюся в обе стороны.

Женщины перестали петь, и Рилл вскричала:

— Куда теперь, Локи?

И Хильза дрожащим голосом повторила этот вопрос, затем матушка Грам пророкотала:

— Скажи нам, стена.

А Сиф воскликнула громко:

— Говори же, о бог.

Мышелов быстро подошел к стене и коснулся ее. Она оказалась такой горячей, что он едва не отдернул руку, но все же сдержался и ощутил ладонью и пальцами ровную, сильную пуль-

сацию в камне, в точности повторявшую ритм надоевшей песни.

И тут, словно в ответ на просьбу женщин, факел-Локи, от которого оставался уже небольшой огрызок, вспыхнул внезапно, разветвившись на семь языков, невыносимо ослепительным пламенем — удивительно, как только Рилл его удержала, — и осветил каменную поверхность пугающе огромной стены. Мышелову показалось, что камень под его рукой вздымается и опадает в такт внутренней пульсации и что пол под ногами колеблется тоже. Затем громадная поверхность стены вспучилась, жар весьма усилился, а с ним и запах серы, отчего все начали задыхаться и кашлять, и воображение вмиг нарисовало каждому картину землетрясения и заливающие пещеру потоки раскаленной лавы, хлынувшие из недр горы.

Мышелов оказался столь предусмотрителен, что, невзирая на изумление и страх, сообразил в этот момент ткнуть одну из своих расщепленных веток в ослепительно пылавшее пламя. И сделал это весьма вовремя, ибо божественный огонь потух так же внезапно, как вспыхнул, после чего в пещере остался лишь слабый свет его загоревшейся ветки. Рилл, вскрикнув от боли, как будто

только сейчас ощутила ожог, бросила мертвый факел. Хильза захныкала, и все женщины неуверенно попятились от стены.

И, словно услышав приказ, переданный вместе с огнем факела, Мышелов не мешкая повел их обратно той же дорогой, какой они сюда пришли, прочь от удушающих испарений, по ставшему вдруг мрачным и путаным проходу, который только он и запомнил и в котором по-прежнему ощущалась пульсация камня, повторявшая ритм их песни, — прочь, к благословенному свету дня, к воздуху, небу, полям и к благословенному морю.

Но дальновидная предусмотрительность Мышелова (столь дальновидная, что порой он и сам не знал ее целей) не кончилась, ибо в момент величайшей паники, когда Рилл отбросила остаток факела-Локи, он зачем-то подхватил его с пола и спрятал этот маленький, еще горячий уголек в свой кошель. Потом он обнаружил, что слегка обжег пальцы, но уголек, по счастью, остыл достаточно, чтобы кошель не загорелся.

Афрейт, закутанная в серый плащ, сидела, отдыхая, возле носилок на заросшем лишайником камне в широком проходе через Гибельные Земли (недалеко от того места, где Фафхрд впервые

наткнулся на минголов, о чем она не подозревала). Налетавший порывами ветер с востока, чья прохлада казалась прохладой самого фиолетового неба, рябил задернутые занавески носилок. Помощники Афрейт сидели у одного из костров, разведенных из принесенного с собой дерева, и ели горячую похлебку. Виселицу они под руководством девушки установили так, что она возвышалась теперь над носилками наподобие опрокинутой буквы «Г», и угол ее напоминал две балки, оставшиеся от покосившейся крыши.

На западе еще не догорел закат, и Афрейт видела дым, поднимавшийся из кратера Адовой горы, а на востоке уже воцарилась ночная тьма, и можно было разглядеть слабое свечение над Мрачным вулканом. Очередной порыв ветра заставил ее поежиться и натянуть получше капюшон на голову.

Тут раздвинулись занавески носилок, оттуда выскользнула Мэй и подошла к Афрейт.

— Что это у тебя на шее? — спросила та у девочки.

— Петля, — пылко и не без торжественности в голосе объяснила Мэй. — Это я ее сплела, а Один показал, как делать узел. Теперь мы все будем принадлежать к ордену Петли — так мы приду-

мали сегодня с Одином, пока Гейл спала.

Афрейт нерешительно протянула руку и пощупала петлю из прочного шнура на тонкой шейке девочки. На ее шее и впрямь оказался настоящий и довольно туго затянутый палаческий узел, в который был вставлен букетик уже немного увядших мелких горных цветов, собранных девочкой еще утром.

— Я и для Гейл сделала такую, — сказала девочка. — Но она сначала не хотела ее надевать, потому что это я помогла Одину придумать. Приревновала.

Афрейт укоризненно покачала головой, хотя думала в это время о другом.

— Вот, — продолжала Мэй, вынимая руку из-под плаща, — для вас я тоже сделала, немного побольше. И тоже с цветами. Откиньте капюшон. Вам ее, конечно, нужно носить под волосами.

Афрейт какое-то мгновение смотрела в немигающие глаза девочки. Потом откинула капюшон, нагнула голову и подняла волосы. Мэй обеими руками затянула петлю у нее на горле.

— Так и носите, — сказала она, — плотно, но не туго.

В это время к ним подошел Гронигер, неся три миски и небольшой котелок с похлебкой. Мэй и

ему рассказала про петли.

— Чудеснейшая мысль! — вскинув брови, сказал он с широкой улыбкой. — В самый раз для минголов, чтобы они поняли, что их здесь ждет. И песня, которой нас научил маленький капитан, тоже замечательная, правда?

Афрейт бросила на Гронигера косой взгляд и кивнула.

— Да, — сказала она, — слова прекрасные.

Гронигер ответил ей таким же взглядом:

— Да, слова прекрасные.

Мэй сказала:

— Жаль, что я его не слышала.

Гронигер раздал им миски и быстро налил густой, дымящейся похлебки.

Мэй сказала:

— Я отнесу Гейл ее миску.

Гронигер же грубовато буркнул Афрейт:

— Ешьте, пока не остыло. Потом немножко отдохните. Пойдем дальше, когда луна поднимется, хорошо?

Афрейт кивнула, и он, напыжась, зашагал прочь, весело напевая песню, под которую они весь день маршировали, — песню Мышелова или, вернее, Локи.

Афрейт сдвинула брови. Сколь она помнила

Гронигера, он всегда был человеком трезвым и довольно вялым, но сейчас в нем появилось что-то шутовское. Можно даже сказать, чудовищно шутовское. Она медленно покачала головой. Это появилось во всех жителях Льдистого — какая-то грубость, хвастливость и даже нелепость. Но может быть, это усталость, сказала она себе, заставляет ее видеть все в искаженном и преувеличенном виде.

Мэй вернулась, они достали ложки и принялись за еду.

— Гейл решила поесть в носилках, — через некоторое время сказала девочка. — По-моему, они с Одином что-то придумывают.

И, пожав плечами, снова заработала ложкой. Потом опять заговорила:

— Я сделаю еще петли для Мары и капитана Фафхрда.

Покончив с едой, Мэй отставила миску и сказала:

— Кузина Афрейт, как по-вашему, Гронигер — тролль?

— А что это такое? — спросила Афрейт.

— Так Один его называет. Это он сказал, что Гронигер тролль.

Из носилок выпорхнула возбужденная Гейл, не

забыв, однако, задернуть за собой занавески.

— Мы с Одином придумали для нас марш! — объявила она, поставив в миску Мэй свою пустую посудину. — Он говорит, что песня другого бога хороша, но у него должна быть собственная. Слушайте, сейчас я ее спою. Она короче и поется быстрее. — Девочка сдвинула бровки и пояснила: — Как бой барабана.

И притопывая ногой, она запела:

— Марш, марш — по Гибельной земле. Марш, марш — смерть по всей земле. Смерть! Убей мингола. Смерть! Умри героем. Славная смерть! Смерть! Смерть!

С каждым словом голос ее становился все громче.

— Славная смерть? — переспросила Афрейт.

— Да. Давай, Мэй, пой со мной.

— Что-то мне неохота.

— Ну давай же. Я ведь ношу твою петлю? Один говорит, мы все должны петь эту песню.

Пока девочки повторяли со все возраставшим энтузиазмом своими тонкими голосками новую песню, к ним подошли Гронигер и еще один островитянин.

— Хорошо, — сказал Гронигер, собирая миски. — Славная смерть — это хорошо.

— Мне тоже нравится, — согласился его спутник. — «Смерть! убей мингола», — повторил он восторженно.

И они отошли, громко распевая новый марш.

Стемнело. Ветер все дул. Девочки наконец затихли.

Мэй сказала:

— Холодно. Бог замерзнет. Гейл, пошли-ка лучше к нему. Вам тут удобно, кузина Афрейт?

— Удобно.

Они удалились и задернули за собой занавески. Немного погодя Мэй высунула голову и окликнула Афрейт:

— Бог зовет вас к нам.

Афрейт затаила дыхание. И, как могла, спокойно ответила:

— Поблагодари бога, но скажи ему, что я останусь здесь… на страже.

— Хорошо, — сказала Мэй и снова опустила занавески.

Афрейт стиснула под плащом руки. Она никому не могла признаться, даже Сиф, что Один с некоторого времени начал постепенно таять. Она его уже почти не видела. Голос еще слышала, но и тот все более слабел и походил на шелест ветра. Когда они с Сиф давним весенним днем нашли

своих двух богов, Один казался вполне материальным. Он был так близок к смерти тогда, и она так старалась его спасти! Преисполнилась к нему такого обожания, словно перед нею был какой-то древний герой, или святой, или даже ее любимый умерший отец. И когда он принялся нежно поглаживать ее, а потом с досадой (в этом можно было не сомневаться) пробормотал: «Ты старше, чем я думал» — и, отодвинувшись, уснул, обожание ее несколько потускнело, замутненное страхом и неприязнью. Она додумалась привести к нему девочек (чудовищный поступок? Возможно…), после чего все как будто наладилось, и она могла распоряжаться, держась в стороне.

Потом было много чего: полная треволнений поездка в Ланкмар, страшная ледяная магия Кхахкта, минголы, появление Мышелова и Фафхрда, принесшее с собою новые треволнения, и подтверждение сходства Фафхрда с Одином, — что же случилось такого, что бог Один начал таять и голос его обратился в шепот? Этого она не понимала, знала только, что страдает и сбита с толку — и войти к богу этим вечером не может. (Наверно, она и впрямь чудовище.)

Тут она ощутила острую боль в шее и сообразила, что в душевном смятении задела нечаянно

свободный конец петли, тем самым ее затянув. Она расслабила петлю и заставила себя успокоиться. Уже совершенно стемнело. Над Адовой горой и Мрачным было теперь хорошо видно слабое свечение. До девушки доносились обрывки разговоров, смех, пение — новая песня пришлась всем по вкусу. Стало очень холодно, но она не шевелилась. Восток озарился серебристым сиянием, и наконец из-за горизонта медленно выплыла полная луна.

В лагере началось движение, вскоре подошли носильщики и подняли виселицу. Афрейт встала, разминая затекшие мышцы, потопала онемевшими ногами, и все снова двинулись на запад меж скал, посеребренных луною, вскинув на плечи свое гротескное оружие и не забыв две ноши побольше. Кое-кто уже хромал (ведь это были рыбаки, не привыкшие к ходьбе), но под новый марш Одина они шагали весьма резво, поеживаясь от ветра, который дул теперь с востока сильно и устойчиво.

В туннеле становилось все теплее, и только Фафхрд поджег второй факел от догорающего огрызка, как проход вывел его в столь огромную пещеру, что свет, который он нес, совершенно в ней растворился. Брошенный остаток факела

ударился о камень, на звук этот где-то вдалеке откликнулось слабое эхо, и Фафхрд, остановившись, посмотрел вверх и по сторонам. Вскоре он разглядел множество мелких искорок — это сверкала, отражая свет факела, слюда, покрывавшая стены, — и посреди пещеры кривоватую, тоже отблескивавшую слюдой, каменную колонну, на вершине которой белело что-то маленькое, привлекшее его взгляд. Тут под сводами пещеры кто-то хлопнул огромными крыльями, потом еще раз — словно во тьме наверху кружил гигантский гриф.

Фафхрд, глядя на колонну, крикнул:

— Мара!

Эхо повторило его зов, а потом он услышал собственное имя, произнесенное тонким, слабым голосом, и эхо своего имени. Хлопанье крыльев прекратилось, и Фафхрд обнаружил вдруг, что одна из слюдяных искр становится все ярче и быстро приближается к нему, и услышал шум стремительного движения, как будто на него падал огромный ястреб.

Он метнулся в сторону, уворачиваясь от летящего в него сверкающего меча, и ударил одновременно топором в пустоту позади рукояти. Факел вылетел из руки, и что-то похожее на невидимый

кожаный парус хлестнуло его по коленям, сбив с ног, после чего совсем рядом мощно хлопнули крылья, раз и другой, и послышался пронзительный, полный страдания, оскорбленный вопль.

Вскочив на ноги, он увидел свой ярко пылающий факел, отлетевший в сторону, — из него торчал меч, который и выбил его из руки Фафхрда. Хлопанье крыл и крики затихали, удаляясь. Фафхрд наступил на конец факела, чтобы выдернуть меч, но, когда попытался взяться за рукоять, наткнулся внезапно на крепко в нее вцепившуюся чешуйчатую руку, более тонкую, чем его рука, и отрубленную, как понял он, ощутив горячую влагу на ее запястье. И рука, и кровь были одинаково невидимы, и, хотя он осязал их совершенно явственно, глаза видели лишь черную кожаную рукоять меча с оплеткой из серебряной проволоки, серебряную гарду и серебряное же грушевидное навершие.

Тут он вновь услышал свое имя, произнесенное робким голосом, и, обернувшись, увидел растерянную и удрученную Мару, в белом платьице, которая успела слезть с колонны и подойти к нему.

Он только собрался заговорить с ней, как рядом с девочкой раздался вдруг голос, знакомый и

любимый, но холодный и, словно в кошмарном сне, исполненный ненависти.

Невидимая горная принцесса Хирриви сказала:

— Горе тебе, варвар, ибо ты, снова явившись на север, не засвидетельствовал сперва своего почтения в Звездной Пристани. Горе тебе, ибо пришел ты на зов другой женщины, хотя ее делу мы и сочувствуем. Горе тебе, ибо ты покинул своих людей, дабы догнать это дитя, которое мы спасли бы (да и спасли) без тебя. Горе тебе, ибо вмешиваешься не в свои дела, в дела демонов и богов. И еще горе тебе, ибо изувечил ты принца Звездной Пристани, с коим мы связаны, хоть он и враг наш, узами, что сильнее любви и ненависти. Голова за голову и рука за руку, запомни! Пятикратное горе!

Пока оглашался список прегрешений Фафхрда, он на коленях, с подергивающимся лицом, смотрел в пустоту, откуда раздавался голос. Мара придвинулась к нему, он опустил руку ей на плечо, и так они и стояли, внимая говорящей тьме.

Хирриви закончила свою речь уже без всякого пафоса, совершенно ледяным голосом:

— Кейайра утешает и врачует нашего брата, и я иду к ним. На рассвете мы отнесем тебя на

летучей рыбе к твоим людям, где и сбудется наше пророчество. Теперь же отдыхай в тепле Адовой горы, пока неопасной для тебя.

Она умолкла, и послышались удаляющиеся шаги. Догоравший факел почти не давал света, и величайшая усталость овладела внезапно Фафхрдом и Марой, они улеглись рядышком и мгновенно погрузились в сон. Фафхрд, правда, успел еще удивиться напоследок, зачем понадобилось Маре браться обеими руками за его левую руку и сгибать ее к плечу.

На следующее утро жители Соленой Гавани, готовясь к великому плаванию, поднялись в такую рань и развили столь бурную — столь фантастическую — деятельность, что вся суета эта казалась продолжением ночных кошмаров, за которым незаметно наступал ясный, сулящий исполнение надежд день. Даже «чужестранцы» подхватили эту заразу, словно им тоже всю ночь снилось, что «мингол должен умереть», так что Мышелову пришлось уступить и отправить самых нетерпеливых из них во главе с Бомаром, «мэром», и илтхмарцем, хозяином таверны, на корабль Фафхрда «Морской ястреб». Пшаури он назначил их капитаном, придав ему в помощь половину своей воровской команды и двух мин-

голов, Тренчи и Гэвса.

— Помни, ты хозяин, — сказал он Пшаури. — Заставь их это понять и примириться — и держись от меня с наветренной стороны.

Пшаури, с розовым следом едва зажившей раны на лбу, энергично кивнул и пошел принимать команду. Восход окрашивал небо за соляной скалой в зловеще-красный цвет, на западе еще медлила ночная мгла. Дул сильный восточный ветер.

Мышелов с кормы «Бродяги» разглядывал оживленную гавань и рыбачьи суда, превращенные в боевые корабли. Они являли собой поистине причудливое зрелище, ибо палубы их, еще вчера заваленные рыбой, ныне щетинились пиками и прочим импровизированным оружием вроде того, что он видел вчера у людей Гронигера. Некоторые из рыбаков привязали к своим бушпритам огромные церемониальные остроги (просто бревна с бронзовыми наконечниками) — вместо таранов, решил Мышелов, да смилостивятся над ними парки! Другие подняли красные или черные паруса в знак, как предположил Мышелов, кровожадности своих намерений — ибо самый мирный рыбак в душе наверняка пират. Три судна были прикрыты рыболовными сетями — в качестве защиты от стрел? Двумя

самыми большими кораблями командовали Двон и Зваакин, которые вроде как должны были подчиняться Мышелову. Он покачал головой.

Ах, если б у него было время разобраться в своих мыслях! — но с того момента, как он проснулся, его непрестанно увлекал за собой водоворот событий и собственных непредсказуемых порывов. Вчера, когда он вывел-таки Сиф и остальных женщин из сотрясавшейся зловонной пещеры (Мышелов глянул в сторону Мрачного — из его кратера все еще поднимался черный дым, уносимый ветром на запад), оказалось, что они провели под землей слишком много времени и уже наступил вечер. Осмотрев обожженную факелом-Локи руку Рилл, они поспешили в Соленую Гавань, где каждый встречный желал посоветоваться с ними по всяким разным поводам, — и никакой возможности не было обменяться с Сиф впечатлениями по поводу происшедшего в пещере…

Вот и сейчас от созерцания его оторвал Миккиду, который никак не мог разобраться с шестью жителями Льдистого, пришедшими в команду вместо воров, — кого ставить на весла и тому подобное.

Только он успел решить этот вопрос, дав вполголоса Миккиду несколько указаний, как на борт

поднялась Сиф в сопровождении Рилл, Хильзы и матушки Грам — все, кроме последней, в рыбацких штанах и куртках, с ножами за поясом. Рилл держала правую руку на перевязи.

— Вот и мы к вашим услугам, капитан, — весело сказала Сиф.

— Дорогая… советница, — отвечал Мышелов с упавшим сердцем, — «Бродяга» не может идти в бой с женщинами на борту, особенно… — «С шлюхами и ведьмами», хотел он сказать, но вместо этого только выразительно посмотрел на нее.

— Тогда мы наберем людей на «Фею» и поплывем за вами, — сказала она, ничуть не расстроившись. — А еще лучше — впереди, тогда мы первыми увидим минголов, «Фея» ведь, как вам известно, быстроходное судно. Да, это, пожалуй, хорошая мысль — боевой корабль с женским экипажем.

Мышелов смирился с неизбежным со всем изяществом, на какое был способен. Рилл и Хильза просияли. А Сиф сочувственно коснулась его руки.

— Я рада, что вы согласились, — сказала она, — «Фею» я уже сдала другим трем женщинам. — Тут лицо ее посерьезнело, и Сиф понизила голос: — Случилось кое-что неприятное, о чем вам следует

знать. Мы собирались принести бога Локи на борт в горшке с огнем, чтобы он был с нами, как вчера в факеле Рилл…

— На корабле, идущем в бой, не должно быть огня, — машинально ответил Мышелов. — Рилл-то как обожглась, посмотрите.

— Но утром обнаружилось, что огонь в «Огненном логове» отчего-то угас — впервые за год, — закончила Сиф. — Мы просеяли золу. И не нашли ни искорки.

— Что ж, — задумчиво сказал Мышелов, — возможно, после того, как пламя вчера столь сильно воспылало у каменной стены, бог переселился на время в огненное сердце горы. Видите, как дымит!

И он указал на Мрачный, черный столб над которым, клонившийся к западу, стал еще гуще.

— Да, но в таком случае он сейчас не с нами, — тревожно возразила Сиф.

— В любом случае он все еще на острове, — сказал Мышелов. — И в какой-то мере, я уверен, и на «Бродяге» тоже, — добавил он, вспомнив (отчего обожженные пальцы заболели снова) черный уголек, который по-прежнему лежал в его кошеле.

И об этом тоже, сказал он себе, не мешало бы

поразмыслить…

Но в этот момент к ним подплыл Двон и доложил, что флот Льдистого готов и все горят нетерпением тронуться в путь. Мышелову пришлось волей-неволей, ибо «Бродяга» должен был идти впереди, поднимать необходимые для лавирования против ветра паруса, посадив на весла своих воров и неумелое подкрепление, для которых Урф отбивал такт.

С берега и с других кораблей донеслись приветственные крики, и на некоторое время Мышелов преисполнился самодовольства, гордясь «Бродягой», отважно возглавившим флот, своей умелой командой, Пшаури, ловко управлявшим «Морским ястребом», любуясь Сиф и ее сияющими глазами и немножко собой — прямо-таки настоящим адмиралом, видит Мог!

Но вскоре его снова начали одолевать сомнения, разобраться с которыми с утра не было времени. Помимо прочего, он находил безрассудным и даже нелепым то, с какой готовностью они подняли паруса, собираясь действовать на основании всего лишь нескольких слов, услышанных в шелесте пламени и треске горящих деревяшек. Даже сейчас что-то внутри нашептывало ему, что они идут на правый бой, и ничто не причинит

им вреда, и мингольский флот они встретят, и в последний миг на него снова снизойдет вдохновение…

В этот момент взгляд его упал на Миккиду, который с шиком вздымал весла в передних рядах гребцов, и Мышелов принял решение.

— Урф, встань к румпелю и веди корабль, — велел он. — Задавай ритм гребцам. Моя дорогая, я вынужден покинуть вас ненадолго, — сказал он Сиф. Потом, позвав второго мингола, прошел вперед и резко приказал Миккиду: — Ступай за мной в мою каюту. На совещание. Гиб тебя заменит на веслах.

И, не обращая внимания на любопытные взгляды женщин, спешно спустился со своим капралом вниз.

Усадив Миккиду напротив себя за столом в каюте с низким потолком (хоть какая-то радость, подумал Мышелов, что сам он невысокого роста, а команда вся еще ниже), он устремил на своего помощника пристальный и непреклонный взгляд и сказал:

— Капрал, позапрошлым вечером я произнес речь на Совете, которая привела в восторг всех жителей Льдистого. Ты тоже был там. Что я сказал?

Миккиду поежился.

— Ох, капитан, — заныл он, — неужто вы думаете…

— Я не желаю слышать никакой чуши насчет прекрасной речи, из которой ты даже вспомнить ничего не можешь, — перебил его Мышелов. — Представь, что мы попали в шторм и спасение корабля зависит от того, сколь честный ты дашь мне сейчас ответ. О боги, неужто никто из вас до сих пор не понял, что я никого и никогда не накажу за правду?

Миккиду, услышав это, сглотнул комок в горле и наконец сдался.

— Ох, капитан, — сказал он, — я страшно виноват. В тот вечер, пока мы с вами и с теми двумя леди шли в Зал Совета, попался мне по пути уличный разносчик, и я перехватил стаканчик, когда вы отвернулись. На вкус вино было слабенькое, клянусь вам, но, видно, из тех, что крепко ударяют в голову немного погодя, потому как, когда вы вскочили на стол и начали говорить, я вроде как потерял сознание — честное слово! А когда очнулся, вы уже говорили о том, что Гронигер и Афрейт поведут половину островитян на помощь капитану Фафхрду, а остальные поплывут с вами заманивать минголов в Большой водоворот, и

все кричали как сумасшедшие — ну и я закричал, будто тоже все слышал.

— Ты можешь поклясться, что это правда? — страшным голосом спросил Мышелов.

Миккиду с жалким видом кивнул.

Мышелов встал, обошел вокруг стола, обнял его и поцеловал в щеку.

— Вот это хороший капрал, — сказал он тепло, хлопнув его по спине. — Теперь ступай, мой славный Миккиду, и пригласи леди Сиф зайти ко мне. Потом найдешь себе какое-нибудь занятие на палубе. Не стой столбом. Давай беги, парень.

Сиф явилась незамедлительно, но он успел решить, как с ней заговорить об этом.

— Дорогая Сиф, — начал он, подойдя к девушке, — я должен вам кое в чем признаться. — И далее рассказал со всем смирением, но коротко и ясно, правду о своей «замечательной речи» — о том, что он не слышал из нее ни слова. И, закончив, добавил: — Вы же понимаете, моего самолюбия это никак не затрагивает — ведь это была речь Локи, а вовсе не моя, — так перескажите мне, что я говорил, нисколько меня не щадя.

Глядя на него с удивленной улыбкой, она ответила:

— Честно говоря, я гадала, что такого вы ска-

зали Миккиду, отчего он теперь летает как на крыльях, — да и сейчас не совсем понимаю. Но, должна признаться, помню я не больше, чем он, и не могу оправдаться даже стаканчиком неизвестного вина. В голове у меня вдруг стало пусто, время как будто остановилось, и из всей вашей речи я тоже слышала только последние указания насчет экспедиции Афрейт и водоворота. Но все кругом были в восторге, и я притворилась, что слышала все, не желая вас обидеть или показаться дурочкой. Повела себя как овца в стаде! Потом я хотела признаться в этом Афрейт и жалею, что не призналась, потому что у нее было тогда такое странное выражение лица… Вы, наверно, подозреваете, как и я теперь, что она тоже?..

Мышелов уверенно кивнул:

— Я подозреваю, что ни одна душа не слышала ни слова из главной части моего выступления — вернее, выступления Локи, но все притворились потом, что слышали, и впрямь, как стадо овец — во главе со мною, черным козлом. Стало быть, только Локи знает, что сказал Локи, и мы плывем сейчас на минголов, доверившись, сами не зная кому.

— Что же теперь делать? — спросила она с интересом.

Мышелов, глядя ей в глаза, улыбнулся, покорно и в то же время комично пожал плечами и сказал:

— Что ж, продолжим плавание, ибо вы этого хотели и для этого наняли меня.

Тут «Бродяга», в борт коего ударила волна, сильно накренился, Сиф толчком бросило к Мышелову, он подхватил ее, и губы их встретились — трепетно, но ненадолго, ибо Мышелову должно было поспешать на палубу, дабы выяснить, что произошло (вернее, подтвердить свою догадку), и Сиф побежала за ним.

«Бродяга» вышел из порта Соленой Гавани и из-под укрытия соляной скалы вошел в Крайнее море, где восточный ветер задувал резче и волнение было сильнее, а солнце щедро заливало паруса и палубу. Мышелов встал к румпелю вместо печального Урфа, и тот вместе с Гибом и Миккиду поднял парус для встречного галса на восток. И этот маневр, следуя за «Бродягой», один за другим повторили «Морской ястреб» и причудливо снаряженные суда рыбачьего флота.

Этот же восточный ветер, с которым боролся «Бродяга», гулял над южной половиной Льдистого острова и далеко в море подгонял на запад корабли идущих за солнцем минголов. Их было

великое множество, этих зловещих галер с квадратными парусами, резавших носом волны, и на них то и дело слышалось ржание жеребцов, когда клети из черных, диковинно изогнутых прутьев заливала морская вода. Все глаза были устремлены на запад, и трудно было сказать, в коих из них полыхало большее безумие — в глазах скаливших зубы людей, одетых в меха, или в глазах несчастных коней с оскаленными зубами.

На корме флагмана это безумие приобретало философскую окраску — там Гонов беседовал со своим лекарем-колдуном и прочими мудрецами, предлагая им такие вопросы, как «достаточно ли сжечь город дотла или его должно еще и растоптать?», и размышляя над ответами вроде «достойнее всего растоптать, превратить в добрую, плодородную землю, а сжигать не надобно вовсе».

Над северной же половиной Льдистого дул тем временем сильный западный ветер, отчего вдоль линии раздела образовалась зона ураганных шквалов, и этот ветер гнал с запада на восток такую же армаду идущих против солнца минголов, вождь которой Идумир, тоже беседовавший со своими философами, задал им следующий вопрос: «Как предпочтительнее убить себя — бро-

сившись на вражеское копье в первой же атаке или выпив яд по завершении последней?»

Он выслушал их тщательно аргументированные ответы и встречный вопрос: «Коли смерть столь желанна, что превосходит наслаждение любовью и грибным вином, как удалось нашим благородным и достойным предкам уцелеть, чтобы породить нас?» — и ответил на него, жадно глядя на восток обведенными белыми кругами глазами: «Все это лишь теории. На Льдистом мы еще раз подвергнем проверке практикой правильность ответов на всякие мутные вопросы».

А над всеми ветрами парил в своей ледяной сфере Кхахкт, неотрывно изучая карту и передвигая по ней время от времени фигурки, изображавшие корабли и мужчин, лошадей и женщин — и даже богов, — столь низко склонив над картой свое щетинистое лицо, что ни одна, даже самая крохотная, пешка не смогла бы избежать его пристального, испытующего внимания.

Солнце вставало, дул сильный ветер, когда Афрейт, шагавшая в полном одиночестве по вересковым холмам, где лишь изредка встречались низкорослые кедры, миновала последнюю из брошенных жителями ферм с покосившейся серо-зеленой дерновой крышей и приблизилась

к Холодной Гавани. Ноги у нее были стерты, она очень устала (даже петля Одина на шее казалась ей тяжким грузом), ибо отряд шел всю ночь, сделав лишь две короткие остановки на отдых, и на полпути к тому же им пришлось пробиваться через полосу между юго-восточной половиной острова, где задувал восточный ветер, и северо-западной, где правил западный, в котором бушевали переменные ветра, достигавшие шквальной силы. Но девушка должна была проверить, кто впереди — друзья или враги, поскольку сама назначила себя впередсмотрящим Гронигера с его тяжело нагруженными нелепыми маршировальщиками. Еще до рассвета она, оставив носилки, подошла к Гронигеру и указала ему на необходимость выслать кого-то вперед, поскольку цель путешествия близка и следовало опасаться засады. Он же как будто не сознавал опасности и был столь равнодушен и беспечен, словно и сам он, и все воины его собирались топать и топать вперед с остекленелым взглядом, скандируя марш, сочиненный Гейл, пока не наткнутся на минголов или на Фафхрда с его отрядом. А не наткнутся, поняла Афрейт, так зашагают прямехонько в холодный Западный океан, не дрогнув и не запнувшись, словно стая

спятивших леммингов. Однако возражать против того, что она пойдет на разведку, Гронигер не стал — равно как и не выразил никакого беспокойства относительно ее безопасности. Куда только делись его здравомыслие и осмотрительность?

Вскоре ее зоркие глаза разглядели Скора, караулившего Холодную Гавань из рощицы карликовых кедров, откуда Фафхрд обстрелял вчера минголов. Когда Афрейт его окликнула, Скор стремительно развернулся, натягивая лук, но увидел знакомый голубой наряд и вскочил на ноги.

— Леди Афрейт, откуда? Вид у вас усталый, — сказал он быстро.

Он и сам выглядел усталым — глаза ввалились, лоб и щеки над клочковатой рыжей бородой вымазаны сажей, чтобы легче было переносить ослепительный блеск ледника.

Она коротко поведала, что следом за нею в помощь им движется подкрепление.

И пока она говорила, усталость его как будто развеялась.

— Замечательная весть, — сказал он. — Вчера, еще до заката, мы объединили наши силы с защитниками Холодной Гавани (я как раз сейчас обхожу наш строй) и заперли на берегу передовой отряд минголов — всего лишь с помощью

хитрости! Я думаю, что один только вид войска, о котором вы говорите, если его выстроить стратегически, заставит их сесть на корабли и убраться, — нам даже пальцем шевелить не придется!

— Извините, капрал, — возразила она, чувствуя, как перед его оптимизмом отступает и ее собственная усталость, — но разве вас и ваших товарищей именуют берсерками не за то, что, как я слышала, при виде врага вы тут же бросаетесь в бой в чем мать родила и завывая, как волки?

— По правде говоря, я тоже так когда-то думал, — ответил он, потирая тыльной стороной ладони свой сломанный нос, — но капитан изменил мое мнение. О, наш капитан мастер насчет всяких хитростей и уловок! Заставляет врагов видеть то, чего нет, обращает против них их же намерения, никогда не вступает в бой, если можно обойтись без этого, — и крохи его мудрости просыпались и на нас.

— А почему меч Фафхрда у вас? — спросила она, внезапно заметив знакомое оружие.

— О, он отправился вчера утром за девчонкой на Адову гору, оставив меня за командира, и пока не вернулся, — беззаботно ответил Скор, хотя на лбу его появилась беспокойная морщинка, и

рассказал Афрейт о странном похищении Мары.

— Удивительно, что он оставил вас так надолго всего лишь из-за девочки, — нахмурившись, заметила Афрейт.

— По правде сказать, я и сам удивляюсь, — признался Скор. — Но я то и дело спрашивал себя, а как бы поступил капитан на моем месте, и так и делал, и все получалось — пока, во всяком случае. — И скрестил пальцы.

Тут послышались топот и хриплое пение, и, повернувшись, они увидели спускавшиеся с холма первые ряды войска островитян.

— Что ж, выглядят довольно грозно, — сказал Скор после паузы. — И странно к тому же, — добавил он, когда в поле зрения появились носилки и виселица.

Рядом с носилками шли девочки в красных плащах.

— Да, — сказала Афрейт.

— Какое у них оружие? — спросил он. — Я имею в виду, кроме пик, дубинок и острог?

Афрейт ответила, что, насколько ей известно, другого оружия нет.

— Тогда им против минголов не выстоять, ибо, чтобы атаковать, им надо сначала подойти к врагу, — рассудил он. — Однако, если мы их

правильно расставим и разместим среди них несколько лучников…

— Труднее всего, я думаю, будет удержать их от атаки, — сказала Афрейт. — Или хотя бы остановить.

— Ах вот как! — сказал он, подняв бровь.

— Кузина Афрейт! Кузина Афрейт! — закричали вдруг пронзительно Мэй и Гейл, замахав ей руками. Потом девочки стали показывать куда-то вверх. — Смотрите! Смотрите!

И побежали с холма вдоль колонны островитян, продолжая кричать и тыкать руками в небо.

Афрейт и Скор вскинули голову и увидели ярдах в ста над собою летящие мужскую фигуру и девичью в красном плаще, которые, распластавшись лицом вниз, неслись, крепко вцепившись друг в друга и во что-то невидимое, и это быстро опускалось в сторону Холодной Гавани. Они описали большой круг, постепенно снижаясь, и направились прямо к Скору и Афрейт. То были Фафхрд и Мара, и Афрейт поняла, что сама она выглядела, должно быть, точно так же, когда невидимые горные принцессы спасали их с Сиф от снежной бури Кхахкта. Задохнувшись от волнения, она схватила Скора за руку и быстро проговорила:

— С ними все в порядке. Они лежат на летучей

рыбе, похожей на толстый ковер, живой, но невидимой. Ею управляет невидимая женщина.

— Может быть, — неопределенно ответил тот.

Обоих захлестнуло порывом ветра, когда Фафхрд и Мара, по-прежнему распластанные в воздухе, пронеслись чуть не над самой головой, — оба возбужденно ухмылялись, Фафхрд, во всяком случае, точно скалил зубы, как успела заметить Афрейт. Они зависли в футе над землей на полпути между ней и Гронигером, войско которого приостановилось, вытаращив глаза, и вереск под ними смялся большим овальным пятном, словно Фафхрд и Мара возлежали на невидимом тюфяке, толщиною и шириной достойном королевского ложа.

Затем летуны встали на ноги, прошли, пошатываясь, несколько шагов по воздуху и спрыгнули на землю. С одной стороны к ним поспешили Скор и Афрейт, с другой подбежали Мэй и Гейл, остальные же островитяне так и стояли, открывши рот. Мара крикнула своим подружкам:

— Меня похитил ужасный демон, но Фафхрд меня спас! Он отрубил демону руку!

А Фафхрд обнял Афрейт (тут она сообразила, что протянула к нему руки первой) и сказал:

— Афрейт, благодарение Косу, что вы здесь. Что

это такое у вас на шее? — И, не отпуская ее, повернулся к Скору. — Как ребята? Как у вас дела?

Все это время островитяне, не сводя с них глаз, продолжали маршировать, медленно и как-то тягостно, словно во сне, захваченные зрелищем очередного кошмара.

И тут раздался голос, от которого все замерли и Фафхрд разжал руки, выпустив Афрейт, голос, который она слышала в последний раз в пещере Мрачного вулкана, звонкий, как серебряная труба:

— Прощай, девочка. Прощай, варвар. В следующий раз не забывай о надлежащей учтивости и помни о своих недостатках. Мой долг выплачен, ты же только начинаешь выплачивать свой.

После чего с того места, где приземлились Фафхрд и Мара (из-под невидимого тюфяка, как могло показаться), с силой вырвался ветер, так что даже вереск пригнулся и взметнулись красные плащи девочек, а до Афрейт донеслось зловоние некоего животного, не рыбы, не птицы и не четвероногого, что-то незримое, большое взлетело в воздух и понеслось прочь, и серебряный смех растаял в вышине.

Фафхрд, вскинув на прощание руку, опустил ее отметающим жестом, словно желая сказать:

«Давайте забудем об этом!» Лицо его, пока говорила Хирриви, было встревоженно-мрачным, но, когда он посмотрел на колонну островитян, медленно маршировавшую вниз по склону холма, сделалось жестким и решительным.

— Мастер Гронигер! — резко сказал он.

— Капитан Фафхрд? — ответил тот неуверенно, словно пробуждаясь ото сна.

— Остановите своих людей! — приказал Фафхрд и повернулся к Скору, который, пока островитяне, постепенно замедляя шаги, собирались беспорядочной толпой вокруг Гронигера, доложил своему командиру с бóльшими подробностями, чем рассказывал Афрейт, обо всем, что без него произошло.

Афрейт же, встав на колени возле Мары, проверяла тем временем, не ранена ли девочка, и слушала с изумлением, как та гордо рассказывает подругам о своем похищении и спасении.

— Он сделал пугало из моего плаща и черепа последней маленькой девочки, которую он съел, и трогал меня везде, совсем как Один, но тут Фафхрд отрубил ему руку, а утром принцесса Хирриви вернула мне мой плащ. По небу лететь было просто здорово. У меня даже голова не закружилась.

Гейл сказала:

— А мы с Одином сочинили марш. Про убийство минголов. И все его поют.

Мэй сказала:

— А я сплела петли с цветами. Это почетный знак Одина. Мы все их теперь носим. Я и для тебя сплела и одну большую для Фафхрда. Сейчас отдам ему. Перед великим сражением он обязательно должен ее надеть.

Фафхрд выслушал девочку терпеливо, ибо хотел знать, что это за уродливая штука на шее у Афрейт. Но когда Мара попросила его нагнуть голову, он поднял взгляд на занавешенные носилки и, увидев позади них виселицу, сердито сказал, содрогнувшись от отвращения:

— Нет, я это носить не буду. Не собираюсь садиться на его восьминогую лошадь. И вы все снимите с себя эти штуки!

В глазах Мары появилось обиженное, недоверчивое выражение, и девочка запротестовала:

— Но петля придаст вам силы в бою. Это же знак Одина.

В глазах Афрейт, когда та показала на носилки с развевавшимися на ветру занавесками (оттуда исходила эманация некой зловещей святости), он тоже увидел беспокойство, да и Гронигер со

всеми остальными островитянами в ожидании смотрели на него, и это заставило его переменить мнение. Фафхрд, вложив в голос побольше энтузиазма, сказал:

— Вот что я сделаю — я надену ее на запястье, чтобы его укрепить. — Затем протянул левую руку, и Мэй быстренько затянула на ней петлю. — Левая рука у меня, — объяснил он, несколько привирая, — всегда была в бою гораздо слабее, чем правая. Теперь она станет сильнее. Я возьму и вашу тоже, — сказал он Афрейт с многозначительным видом.

Та расслабила петлю на своей шее с чувством облегчения, сменившимся, впрочем, предчувствием чего-то нехорошего, когда она увидела ее на запястье Фафхрда.

— И твою, и твою, и твою, — сказал он по очереди всем трем девочкам. — Я буду носить все ваши петли. Ну, неужто вы хотите, чтобы левая рука подвела меня в бою? Вот и славно. — Заполучив все пять петель, он зажал в левой руке свисающие концы и взмахнул ими. — Мы прогоним минголов с Льдистого плеткой!

Девочки, несколько приунывшие после расставания со своими петлями, радостно засмеялись, а прочие островитяне внезапно разразились

приветственными криками.

После того как Скор вернул Фафхрду меч и отправился вперед на разведку, а Фафхрд навел среди островитян относительный порядок, пытаясь заставить их прекратить пение — по счастью, ветер относил голоса от берега, — они зашагали дальше. Девочки и Афрейт отошли от носилок, правда не так далеко, как хотелось бы Фафхрду. По дороге отряду встретились два берсерка, которые доложили, что все минголы собрались на берегу вокруг своих кораблей. Наконец они добрались до защитников Холодной Гавани, расположившихся строем к югу от крепостной насыпи, и Фафхрду и его людям пришлось удерживать островитян, вновь воспылавших рвением ринуться в бой. Тут с берега донеслись отчаянные вопли, и глазам их открылось на редкость приятное зрелище — вражеские галеры, спешно уходящие на веслах в море, и маленькие фигурки минголов, подталкивающие в корму последнюю из них и карабкающиеся на борт. Почти сразу в Холодной Гавани раздался тревожный крик, и, всмотревшись в морскую даль, они увидели на западном горизонте скопище парусов — то приближалась армада идущих против солнца минголов. Одновременно послышалось

отдаленное, слабое громыхание, походившее на топот копыт бесчисленных табунов, несущихся по степи. Островитяне сказали, что это голос Адовой горы, предвещающий извержение на севере Льдистого. На юге меж тем появились и начали сгущаться высокие тучи, обещая перемену ветра и погоды.

Серый Мышелов вполне отдавал себе отчет в том, что оказался в одном из самых рискованных положений, какие только выпадали на его долю за всю полную опасностей жизнь, — с той только разницей, что на сей раз риску вместе с ним подвергались триста дружески настроенных и даже дорогих его сердцу (говоря о Сиф) людей, а заодно и несметное множество врагов, ибо армада идущих за солнцем минголов сейчас вовсю их догоняла. Он увлек минголов в погоню, что должна была завершиться их погибелью, без малейшего труда, рыбачья флотилия успешно развернулась, и «Бродяга» теперь шел последним вслед за «Морским ястребом», а за ним всего лишь в полете стрелы неслись, вспенивая волны, галеры преследователей, с коих доносились непрерывно вопли и ржание. На глазах у Мышелова одна из галер, не справившись с управлением парусами, пошла ко дну, и никто из соратников не подумал прийти

ей на помощь. Лигах в четырех впереди простиралось безжизненное побережье Льдистого, виднелись две скалы с соблазнительной бухтой и за ними Мрачный, указывавшие местонахождение Большого водоворота. На севере сгущались тучи, предвещая перемену погоды. Основной проблемой было, конечно, заманить минголов в водоворот, избежав его самому (равно как и всем остальным островитянам), и никогда еще Мышелов не осознавал опасности так остро. Хорошо бы, водоворот закружился сразу после того, как пройдут рыбаки, «Морской ястреб» и «Бродяга», и заглотил хотя бы авангард флотилии минголов. Рассчитать время точно было под силу разве что богам, поскольку те и другие шли сейчас чуть ли не вперемешку, но Мышелов старался, как мог, да и, в конце концов, разве боги были не на его стороне — по меньшей мере двое из них?

Мингольские галеры были так близко, что Миккиду и прочие воры уже держали наготове заряженные свинцовыми шариками пращи, хотя им было приказано не пускать их в ход, пока не начнут стрелять минголы. Слышалось отчаянное ржание жеребцов в клетях. Мысль о водовороте заставила Мышелова заглянуть в кошель. Золотой Усмиритель был в полном порядке, только

внутрь его каким-то образом забился огрызок факела-Локи. Крохотный черный уголек — вот и все, что от него осталось. Неудивительно, что Рилл так сильно обожглась, подумал он, глянув на ее перевязанную руку, — обе проститутки и матушка Грам, увидев, что Сиф осталась на палубе, потребовали и для себя такой же привилегии, и на матросов это, кажется, подействовало ободряюще.

Мышелов начал было выковыривать уголек, но тут его посетила странная мысль, что Локи, будучи богом (а уголек этот в каком-то смысле тоже был Локи), заслуживает золотого домика, и, повинуясь внезапной прихоти, он туго обмотал кубик концом привязанного к нему шнура и завязал его, чтобы отныне эти два предмета — Усмиритель и бог-уголек — были соединены навеки.

Сиф легонько подтолкнула его. Ее зеленые глаза с золотыми крапинками смеялись, словно говоря: «Славное приключение!»

Мышелов сдержанно кивнул. Да, приключение славное, но и чертовски сомнительное — вроде все должно получиться, только вот узнать бы, какие же указания дал им бог Локи в своей речи, которую никто не слышал…

Он обвел взглядом лица собравшихся на палубе

людей. Как ни странно, в глазах каждого он увидел то же нетерпеливое, детское возбуждение, что горело в глазах Сиф… даже у минголов — Гэвса, Тренчи и Гиба… даже в глазах матушки Грам, блестевших, как черные бусинки…

Оно было во всех глазах — кроме окруженных морщинками глаз Урфа, который помогал Гэвсу управляться с румпелем. В них читались лишь печаль и бесконечное смирение, словно старик созерцал издали картину великого всенародного бедствия. И Мышелов, как будто его подтолкнуло что-то, не мешкая подозвал Урфа и отошел с ним в сторону.

— Старик, — сказал он, — ты был в Зале Совета позапрошлым вечером, когда я произнес речь и всех покорил. Полагаю, ты, как и все остальные, не слышал ни слова из того, что я сказал, — разве что указания насчет похода Гронигера и нашего сегодняшнего плавания?

Старый мингол молча, с любопытством смотрел на него в течение двух ударов сердца, потом медленно покачал лысой головой:

— Нет, капитан, я слышал каждое ваше слово до последнего (глаза меня уже подводят порой, но уши в порядке), и они, эти слова, весьма меня опечалили, ибо вы проповедовали ту самую

философию, коей пользуется мой степной народ в периоды своего безумия (и не только в них), философию пагубную и губительную, отчего я и покинул своих сородичей еще в юности и стал жить среди язычников.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Мышелов. — Только покороче, будь любезен.

— Ну, вы говорили — весьма убедительно, так что даже я чуть не соблазнился, — о торжестве смерти и о том, какая это великая вещь — радостно пойти на смерть, прихватив с собою своих врагов (да и как можно больше друзей тоже), поскольку это и есть закон жизни, ее величественный и прекрасный венец, наивысшее удовлетворение. И когда вы объяснили всем, что они должны скоро умереть и каким именно образом, они приветствовали вас столь же бурно, как мои земляки-минголы в период безумия, с тем же блеском в глазах. И меня весьма опечалило, как я уже сказал, то, что вы оказались столь рьяным поклонником смерти, но вы — мой капитан, и я смирился с этим.

Мышелов обернулся и увидел позади себя изумленную Сиф, которая, оказывается, пошла следом и слышала все, что говорил старик Урф, и в глазах друг друга они прочли одинаковое понимание.

В тот же миг палуба «Бродяги» едва не ушла из-под ног Мышелова, ибо корабль вдруг резко остановился и, свернув со своего курса, на огромной скорости помчался по кругу, в точности как это случилось накануне с «Феей», только водоворот влек его с большей силой, соразмерно большей величине судна. Небеса над головой завертелись, море почернело. Мышелова и Сиф отшвырнуло к гакаборту вместе с куча-мала из воров, проституток, ведьм (ну ладно, одной ведьмы) и матросов-минголов. Он приказал Сиф во имя жизни держаться крепче, а сам побежал по перекосившейся палубе мимо громко хлопавшего грота (и мимо юного Миккиду, обнимавшего грот-мачту с закрытыми не то в ужасе, не то в экстазе глазами) туда, откуда мог беспрепятственно видеть, что происходит.

«Бродяга», «Морской ястреб» и вся рыбачья флотилия с головокружительной скоростью неслись по внутренней стене водяной воронки, внешняя окружность которой имела по меньшей мере две лиги в поперечнике; по самому краю ее мчались маленькие, словно игрушечные на фоне кружащегося неба, мингольские галеры — похоже, вся армада, — а далеко, в неподвижном центре водоворота торчали из белой пены смертоносные

клыки камней.

Несколько ниже «Бродяги» летел по гибельному кругу одномачтовик Двона, так близко, что Мышелов мог разглядеть лица рыбаков. Жители Льдистого, вцепившиеся в свое диковинное оружие и друг в друга, выглядели чудовищно счастливыми и походили на корявых, подвыпивших великанов, отправившихся на бал. Ну да, сказал себе Мышелов, это же и есть те чудовища, рождение которых предрек Локи, не то тролли, не то еще какие-то твари. И это напомнило ему о той участи, которую Локи уготовил, по неопровержимому свидетельству Урфа, для них всех и, возможно, также и для Фафхрда с Афрейт, и для всей вселенной с ее морями и звездами.

Он выхватил из кошеля золотой Усмиритель и при виде черного уголька внутри подумал: «Хорошо! Одним махом от двух зол». Хорошо-то хорошо, только забросить кубик надо в середину водоворота, а как туда попасть, в такую даль? Способ был, в этом он не сомневался, только вот никак не мог придумать, слишком многое отвлекало его в эту минуту…

Тут его слегка толкнули в бок — и он снова отвлекся. Это оказалась Сиф, которая, как и следовало ожидать, не подчинилась строжайшему

приказу оставаться на месте и показывала сейчас с озорной ухмылкой… ну конечно, на его пращу!

Он уложил драгоценный метательный снаряд в центр ремешка и, отослав жестом Сиф к мачте, дабы расчистить себе место, сделал по наклонной палубе несколько мелких пританцовывающих шажков, пытаясь соразмерить расстояние, скорость, снос ветром и еще много чего. И пока он занимался этим, раскручивая над головой Усмиритель с угольком и готовясь к длиннейшему и величайшему в своей жизни броску, из глубин его разума всплывали слова, которые, видимо, созревали там все эти дни, слова, которые соответствовали последним двум зловещим строфам Локи практически полностью, чуть ли даже не в рифмах, но имели совершенно обратный смысл. И по мере того, как они всплывали, он проговаривал их вслух, тихо, как ему казалось, но на самом деле достаточно звучно, пока не заметил в конце концов, что Сиф слушает его с явным удовольствием, и Миккиду слушает, открыв глаза, и даже страшилища-островитяне на одномачтовике Двона обратили в его сторону свои протрезвевшие вдруг лица. Тогда, неведомо почему, он ощутил уверенность, что, невзирая на буйство морской стихии, его слышат и на другой стороне водяной

воронки, за лигу отсюда — а может быть, даже и дальше. И вот что он произнес:

— Мингол должен умереть? Не бывать тому, конечно! Затихает круговерть, отступает ад кромешный. Мук не надобно терпеть, не грозит удушьем смерть. Снова минголы мудры! Боги, прочь в свои миры!

После чего завертелся по палубе, приплясывая, словно метатель диска, так что праща с Усмирителем превратилась над его головой в блещущее золотом кольцо, и выпустил свой снаряд. Усмиритель понесся, сверкая, к центру водяной воронки и скрылся из глаз.

И… огромный водоворот мгновенно успокоился, выровнялся. Черная вода вскипела белой пеной. Море и небо забурлили. К адскому вою ветра и грохоту волн присовокупилось вдруг рокочущее громыхание землетрясения, вдали над Мрачным вулканом полыхнул красный огонь, и началось форменное светопреставление, когда смешались землетрясение и извержение, шквальный ветер и буря на море — буйный разгул всех четырех стихий. Корабли были в этом хаосе что щепки, за которые люди цеплялись, как муравьи. Ветер дул, казалось, в направлении каждого деления компаса. Пена покрыла палубы

кораблей до самых кончиков мачт.

Но прежде чем она успела полностью захлестнуть «Бродягу», Мышелов и некоторые другие из его экипажа, вцепившиеся кто в поручни, кто в мачты, успели, взлетев на несколько мгновений на гребне волны, увидеть, как из самой середины бывшего водоворота ударило в небеса что-то вроде черной радуги (или вроде тонкого, изогнутого водяного смерча, как утверждали впоследствии некоторые), пробив дыру в темных небесах, через которую и унеслось навсегда нечто безумное и могущественное из разума людей, из их жизни и из всего Невона.

А потом Мышелов и вся его команда, включая женщин, заняты были только спасением «Бродяги» и самих себя в обезумевшем океане, над коим бесился ветер, сменивший вдруг направление и задувший с запада, неся с собою черный дым Мрачного. Вокруг вели ту же битву и все остальные корабли, пока великое волнение, взбаламутившее море на участке в несколько квадратных лиг, постепенно не улеглось. Тогда верткие рыбачьи лодки и одномачтовики (а также «Бродяга» и «Морской ястреб») смогли лечь на юго-западный курс против ветра и медленно двинуться к Соленой Гавани. Мингольским же

галерам с их квадратными парусами (сильное волнение мешало пустить в ход весла) оставалось только бежать подальше от протрезвившего их хаоса и от этого страшного острова, черный дым которого еще долго преследовал их и несчастных вымокших жеребцов. Несколько галер, должно быть, затонуло, ибо «Бродяга» подобрал в море парочку минголов, и эти бедолаги, которых, возможно, просто смыло за борт, выглядели до того жалкими, что трудно было видеть в них врагов. Урф, безмятежно улыбаясь, принес им позднее, когда западный ветер расчистил небо, горячей похлебки. (Что касается ветров, то западный, когда все кончилось, сменился на южный, задувая вдоль восточного побережья Льдистого, а восточный ветер стал северным и двинулся вдоль западного побережья, из-за чего промежуточный штормовой пояс закрутился по часовой стрелке, вызвав в Гибельных Землях ужасающие смерчи.)

В тот миг, когда Мышелов метнул из пращи Усмиритель с угольком, Фафхрд стоял на обращенной к морю земляной стене Холодной Гавани, глядя на приближавшийся к берегу флот идущих против солнца минголов, и размахивал мечом. Сие было не просто знаком вызова, но частью

тщательно продуманной демонстрации сил в надежде устрашить минголов, хотя про себя Фафхрд считал, что надежда эта весьма слаба. Три мингольских рейдера, еще до этого бежавшие с побережья, отчего-то не стали останавливаться и поджидать свой флот, хотя не могли не видеть парусов, и, насколько можно было видеть, уплыли на юг. Фафхрда это заставило задуматься, не напугало ли минголов на острове что-то такое, с чем они не желали столкнуться снова, даже при поддержке всего своего войска. Тут он припомнил, какие отчаянные крики они издавали, когда вояки Гронигера, взойдя на холм, появились в их поле зрения. Афрейт уже призналась Фафхрду, что ее земляки стали казаться ей по пути сюда какими-то чудовищами и как будто увеличились в размерах, да и Фафхрду, честно говоря, показалось то же самое. И если им обоим так показалось, то какое, интересно, впечатление могли произвести островитяне на минголов?

Так они поразмыслили вдвоем, Фафхрд и Афрейт, кое-что надумали и принялись отдавать приказы (дополняя их по мере надобности то угрозами, то лестью) и в результате выстроили освободительные силы Гронигера в одну длинную линию, расставив потрясающих оружием

островитян на расстоянии двадцати шагов друг от друга, и этот строй начинался высоко на леднике, проходил вдоль валов поселка и заканчивался почти в лиге к югу от него. Между рыбаками там и сям разместили защитников Холодной Гавани (тоже островитян, но непохожих на чудовищ) и берсерков Фафхрда, дабы придать строю видимость огромного войска, а заодно и удерживать на постах жителей Соленой Гавани, ибо они, словно роботы, по-прежнему порывались маршировать дальше. В самой середине широкого вала Холодной Гавани установили носилки Одина, поставив над ними углом, как в Гибельных землях, виселицу, по бокам их в некотором отдалении разместились Гронигер и еще один пиковладелец, а вокруг встали Фафхрд, Афрейт и три девочки, нацепившие свои красные плащи на грабли и размахивавшие ими, как флагами. (Для пущего эффекта, так им сказал Фафхрд, и девочки очень старались.) Афрейт одолжила у кого-то копье, а Фафхрд размахивал то мечом, то концами пяти петель, как бы грозя подходившим к гавани мингольским кораблям. Гронигер и все остальные островитяне скандировали марш Гейл (или Одина): «Смерть! Убей мингола! Смерть! Умри героем!»

И тут (как раз в тот момент, когда, как уже было сказано, Мышелов на другой стороне Льдистого метнул в водоворот свой Усмиритель) всех их захлестнули, трепля красные флаги, смерчи с юга, предвещавшие перемену ветра, небеса потемнели и зарокотала Адова гора, начавшая извергаться одновременно с Мрачным. Море взволновалось, и под натиском громадных камней, сыпавшихся с Адовой горы в ритме песни «Смерть! Смерть!», волны его устремились на север. И флот идущих против солнца минголов отступил в море, гонимый ветром, который дул теперь с берега, — прочь, подальше от этого страшного пылающего острова, который охраняла стена великанов ростом выше деревьев и силы всех четырех стихий. И за ними черной завесой потянулся дым Адовой горы.

Но прежде чем это случилось, а именно в тот самый миг, когда за сто лиг к востоку выстрелила в небо из центра водоворота не то черная радуга, не то водяной смерч, носилки Одина начали вдруг трястись и подпрыгивать, а тяжелая виселица стала приподниматься, покачиваясь, подобно игле компаса, которую притягивал расположенный где-то в небе магнит. Афрейт увидела, что левая рука Фафхрда на глазах у нее чернеет, и

закричала. Неодолимая сила вдруг вздернула его руку кверху, и Фафхрд взревел от внезапной боли, когда сплетенные Мэй и украшенные цветочками петли безжалостно затянулись на запястье и, подобно стальной проволоке, стали врезаться все глубже и глубже между косточками кисти и предплечья, разрывая хрящи, сухожилия и мягкие ткани. Затем занавески носилок поднялись вертикально, виселица, вибрируя, встала на один из концов. Что-то черное и мерцающее выстрелило внезапно в небо, проделав дыру в облаках, и вслед за ним полетели все пять петель, прихватив с собою отрезанную руку Фафхрда.

После чего занавески упали на место, виселица с грохотом рухнула с вала, и Фафхрд, оцепенев, уставился на истекавший кровью обрубок. Афрейт же, совладав со своим ужасом, стиснула этот обрубок пальцами, пережимая кровеносные сосуды, и приказала Мэй, стоявшей ближе всех, взять нож и отрезать для перевязки лоскут от ее белого платьица. Девочка быстро исполнила приказание, и Афрейт, остановив поток крови, ловко перевязала рану, Фафхрд же взирал на это, пребывая все в том же оцепенении. Потом он пробормотал:

— Голова за голову, сказала она, и рука за руку.

На что Афрейт резко ответила:
— Лучше рука, чем голова… или пять голов.

Кхахкт с силой ударил по стене своей тесной сферы из черного льда и в ярости попытался соскрести с карты Льдистый остров. Затем, зажав меж двух черных ороговелых ладоней фигурки, изображавшие Фафхрда, Мышелова и прочих, он злобно принялся искать те, что представляли двух назойливых богов, — но эти фигурки исчезли бесследно. Тем временем изувеченный принц Фарумфар в далекой Звездной Пристани уснул спокойным сном, зная, что отомщен.

Через два месяца после вышеописанных событий Афрейт устроила в своем приземистом фиолетового цвета домике на северной окраине Соленой Гавани скромный обед из рыбных блюд, на каковой были приглашены Гронигер, Скор, Пшаури, Рилл, старик Урф и, конечно же, Сиф, Серый Мышелов и Фафхрд, — большее число народу за ее столом просто не поместилось бы. Поводом послужило назначенное на следующий день отплытие на «Морском ястребе» Мышелова со Скором, минголами, Миккиду и еще тройкой воров в Но-Омбрульск с товарами на продажу, частью купленными, частью накопленными Сиф

и самим Мышеловом. Они с Фафхрдом весьма нуждались в деньгах, чтобы оплатить ремонт своих кораблей и рассчитаться с экипажами, да и обе леди были нисколько не богаче, оставаясь в не просчитанном еще долгу перед Советом — членства в коем их, впрочем, пока еще никто не лишил. Фафхрду не пришлось далеко идти, чтобы попасть на пиршество, ибо он, оправляясь после увечья, проживал у Афрейт — а Мышелов гостил у Сиф и вовсе без какой бы то ни было уважительной причины. Жители острова, довольно строгие на этот счет, косились на них, конечно, но все четыре нарушителя приличий стойко игнорировали эти косые взгляды.

За обедом, который состоял из устричной похлебки, запеченного с зеленым луком и островными травками лосося, пшеничных лепешек из дорогого ланкмарского зерна и легкого илтхмарского вина, беседа вращалась вокруг недавних извержений, сопутствовавших тому событий и их последствий, особливо всеобщей нехватки денег. Соленая Гавань претерпела некоторый ущерб от землетрясения, а еще больше — от возникших по этой причине пожаров. Зал Совета уцелел, но таверна «Соленая селедка» вместе с «Огненным логовом» сгорела дотла. («Бог Локи, конечно, был

разрушителем, — заметил Мышелов, — особенно где дело касалось его основного атрибута, огня». — «То был мерзкий притон», — высказал свое мнение Гронигер.) В Холодной Гавани рухнули три дома, по счастью пустых, поскольку все в это время принимали участие в демонстрации сил. Жители Соленой Гавани отправились домой на следующий день, и носилки пригодились им, чтобы нести Фафхрда.

— Таким образом, ими попользовался еще один смертный, кроме девочек, — сказала Афрейт.

— Мне мерещились и другие пассажиры, — признался Фафхрд, — правда, я был в лихорадке.

Но о чем говорилось больше всего, так это о денежном дефиците, и строились планы, как его уменьшить. Скор нашел временную работу для себя и остальных берсерков по сбору плавника на Костяном берегу, на коем, увы, не оказалось ожидаемого изобилия обломков мингольских кораблей. Фафхрд предложил отправить часть своих людей на «Бродяге» в Уул-Плерн за грузом хорошего дерева. («Когда совсем поправишься — пожалуйста», — сказала Афрейт.) Команда Мышелова под началом Пшаури занялась рыбной ловлей и кормила оба экипажа, даже порой оставался излишек на продажу. Удивительно,

хотя, может быть, и не очень, но грандиозные трофеи, добытые рыбаками во время великого лова, несмотря на засолку, протухли и стали вонять хуже дохлой медузы, так что их пришлось сжечь. (Сиф сказала: «Я же вам говорила, тот косяк наколдовал Кхаххт, — и потому это была отчасти иллюзия, а не рыба, хоть она и выглядела настоящей.) Они с Афрейт продали «Фею» за малые деньги Рилл и Хильзе; эта парочка, прокатившись на «Бродяге», приобрела, как ни странно, вкус к морским плаваниям, и обе профессионалки зарабатывали теперь на жизнь рыбной ловлей, хотя не брезговали на досуге обратиться к прежнему ремеслу. Как раз в этот вечер Хильза отправилась с матушкой Грам на ночной лов. Даже для врага настали тяжелые времена. Через три недели после изгнания минголов в порт Соленой Гавани пришли два их рейдера из тех трех, что бежали в страхе на юг, — в весьма плачевном состоянии, побитые штормами, без крошки продовольствия на борту. Команда одного дошла с голодухи до того, что съела священного жеребца, а команда другого, утратив вместе с безумием и фанатичную гордыню, продала своего коня «мэру» Бомару, которому возжелалось быть единственным островитянином (или «чужестранцем»), имеющим

собственную лошадь, и который преуспел лишь в том, что при первой же попытке на ней проехаться сломал себе шею. (Пшаури заметил: «Он был — мир его праху — довольно самонадеянным человеком. Пытался отобрать у меня командование „Морским ястребом“».)

Гронигер заявил, что Льдистому, имея в виду главным образом Совет, приходится столь же тяжко, как и любому другому. Прямодушный корабельный мастер, с виду еще более недоверчивый, чем до всех этих сверхъестественных, колдовских событий, считал своим долгом держаться с Афрейт и Сиф весьма жестко и отмалчивался относительно дальнейших отчислений из казны Совета на оборону Льдистого. (На самом деле он был теперь их лучшим другом среди советников, но сварливый нрав свой менять не собирался.)

— Золотой-то кубик справедливости, — с укором напомнил он Сиф, — теперь и вовсе не вернешь!

Она только улыбнулась. Афрейт подала горячий вздрог, нововведение на Льдистом, ибо они решили в связи с назначенным на завтра отплытием закончить вечер пораньше.

— Может, и вернешь, — сказал Скор. — Мне

кажется, что с той стороны острова все рано или поздно прибивается к Костяному берегу.

— А то давайте нырнем за ним, — предложил Пшаури.

— Что? И уголек-Локи вместе с ним достанем? — усмехнулся Мышелов. Он посмотрел на Гронигера. — Снова тогда заделаетесь одурманенным служителем бога, вы, старый атеист!

— Всякое бывает, — отпарировал тот. — По словам Афрейт, я был еще и троллем-великаном. Но вот он я, перед вами.

— Сомневаюсь, что вы его найдете, сколько ни ныряй, — тихо сказал Фафхрд, не сводя глаз с кожаного чехольчика на своем еще перевязанном обрубке. — Я думаю, что уголек-Локи исчез из Невона, и с ним вместе исчезло много чего другого — ваш Усмиритель, например, после того как сделал свое дело (Локи любит золото), и призрак-Один — с тем, что ему принадлежало.

Рилл, сидевшая с ним рядом, коснулась его кожаного чехольчика своей обожженной рукой, которая заживала почти столь же долго, как и его рана. Из-за этого меж ними возникло определенного рода взаимопонимание.

— Вы будете носить крюк? — спросила она.

Он кивнул.

— Или гнездо для всяких штучек — ложек, вилок, инструментов.

Старик Урф, прихлебывая дымящийся вздрог, сказал:

— Странно, как тесно связаны были эти два бога, так, что когда один исчез, пришлось уйти и второму.

— Когда мы с Сиф наткнулись на них в первый раз, мы подумали, что это один человек, — объяснила ему Афрейт.

— Мы спасли им жизнь, — заявила Сиф. — И в общем-то, были для них обоих весьма гостеприимными хозяевами.

Она встретилась глазами с ухмыляющейся Рилл.

— Спасая самоубийцу, берешь на себя ответственность, — сказала Афрейт, устремив взгляд на обрубок Фафхрда. — Если он при следующей попытке захватит с собой еще кого-нибудь, считай, это твоих рук дело.

— Что-то вы печальны нынче, леди Афрейт, — покачал головой Мышелов, — и рассуждаете очень странно. Отправляясь в путь в таком настроении, рискуешь залететь неведомо куда, а, Фафхрд? Мы вот отправились в путь капитанами, а теперь, кажется, становимся купцами. Что же

дальше? Станем банкирами? Или пиратами?

— Становись кем хочешь, — сказала Сиф многозначительно, — только помни, что Пшаури и все твои люди остаются у Совета в заложниках.

— Как и мои останутся, пока я буду искать лес, — сказал Фафхрд. — Самые зеленые и высокие сосны — в Уул-Плерне.

Валет мечей

Краткое содержание

1. МОРСКАЯ МАГИЯ

Стрельба из лука на острове Льдистый. Призрак и золотые символы.

Фафхрд ныряет в море.

2. МОРСКОЙ ОБОРОТЕНЬ

Капитан торгового корабля Мышелов. Пленная красавица. Воспитание демона. Башни из плоти и воды. Мошенник и глупец. Вопрос упаковки.

Праздник в «Обломке кораблекрушения».

3. ЗВЕЗДНАЯ БОЛЕЗНЬ И ТИХОЕ ПОМЕШАТЕЛЬСТВО

Дома Луны. Звездочет и крохобор. Сокровища в пыли. Пикник у Эльвенхольма.

Образцы силы и ловкости. Люди в воздухе. Метание кинжала. Игра в кости.

4. МЫШЕЛОВ УХОДИТ ВНИЗ

Королевы чашек и тарелок. Девочки и прости-

тутки. Черные и Белые ведьмы.

Луна. Скама и Скелдир. В тартарары и в заоблачные выси. Поклонение Кнуту.

Смерть и любовники. Уловки Квармаля. Круг замкнулся.

Морская магия
1

В мире Невона, в королевстве Симоргия, что в трех днях пути (при попутном ветре) от Льдистого острова, в подводном зале с колоннами, потолком которому служила толща морской воды, два удивительных серебристых создания вели негромкий, но очень напряженный разговор. Освещение в зале было странным — тут и там из вечного холода и мрака выступали колонны, обвитые некими причудливыми подобиями ковриков, излучавшими призрачное зеленовато-желтое сияние; такие же коврики покрывали отдельные участки пола, а над ними, на высоте примерно человеческого роста, медленно плавали какие-то шары и спирали, то и дело вспыхивавшие и снова угасавшие, точно впавшие в оцепенение гигантские огненные мухи.

Мордруг вдруг резко произнес:

— Ты почувствовала вибрацию, сестра? Где-то далеко на севере, еле заметно, но это совершенно точно та самая.

Исисси оживленно отвечала:

— Точно такая же, как и два дня тому назад, — наше магическое золото погрузилось в воду всего на несколько мгновений и тут же было поднято наверх.

— Верно, сестра, такая же, однако на этот раз трудно понять, что случилось с ним после — было ли оно вновь поднято наверх или же каким-то непонятным образом испарилось, — подтвердил Мордруг.

— И все же происшедшему можно дать лишь одно объяснение: наше главнейшее сокровище, наш вернейший оберег, похищенный у нас много веков тому назад, отыскалася — и теперь мы знаем, кто лишил нас его покровительства: проклятые пираты с Льдистого острова! — на одном дыхании выпалила Исисси.

— Много, много веков тому назад, еще до того, как Симоргия ушла под воду (и из благоденствующего острова превратилась в мрачное подводное царство), вероломные воры лишили нас чудотворных сокровищ и ускорили, а быть может, и вызвали катастрофу. Но теперь мы знаем, как помочь беде; а когда сокровища вернутся к нам, еще посмотрим, не восстанет ли Симоргия вновь из морских глубин, пылая ненавистью и жаждой мести, к вящему ужасу соседей? Смотри, сест-

ра! — выкрикнул Мордруг.

Подводный зал погрузился во тьму, а потом вдруг осветился гораздо ярче, чем раньше: это Мордруг опустил руку в висевшую у него на поясе сумку и вновь вытащил, сжимая что-то величиною с детский кулачок. Шары и спирали, оживившись, двинулись к нему, толкаясь и перепрыгивая друг через друга. Исходящий от них рассеянный свет, отразившись от небольшого металлического предмета, лежавшего в ладони Мордруга, острыми лучами пронзил окружающий мрак. Этим предметом оказалась филигранной работы золотая сфера, уместившаяся меж полусогнутых чешуйчатых пальцев морского демона, больше похожих на когти. Сферу окружали плотно прилегавшие к ней двенадцать слегка изогнутых ребер, точно на нее натянули шестигранник. Несмотря на изящество, предмет был, судя по всему, довольно тяжелым. Демон протянул вещь сестре.

Отраженный золотистый свет оживил их ястребиные профили.

— Сестра, — выдохнул он, — отныне твоя задача и твоя священная обязанность — проникнуть на Льдистый остров и вернуть наше сокровище, обрушив на головы похитителей страшные ка-

ры, — если, конечно, представится возможность. А я останусь здесь и, готовясь к твоему возвращению, буду копить силы и собирать рассеявшихся союзников. Это последнее из оставшихся у нас сокровищ ты возьмешь с собой: оно защитит тебя в пути и, точно ищейка, взявшая след, укажет самый прямой и короткий путь к своим собратьям.

Впервые за все время беседы Исисси, казалось, дрогнула и заколебалась.

— Путь наверх долог, брат мой, а мы ослабели в ожидании, — слабо запротестовала она. — Дорога, которую я прежде с легкостью одолела бы за неделю, теперь, как я ни старайся, займет три тяжкие луны. Мы превратились в рабов моря, брат, и обречены вечно нести на своих плечах его тяжесть, куда бы ни лежал наш путь. И, кроме того, солнечный свет стал мне ненавистен.

— Море же придает нам и силы, — повелительным тоном ответил Мордруг. — И хотя на суше мы слабы, как призраки после первого петушиного крика, мы еще не забыли старую магию и с ее помощью можем защититься от солнечного света. Это твой долг, сестра. Выполни его. Соль тяжела, но кровь сладка. Иди же, иди, иди!

Повинуясь его приказу, она взяла казавшийся призрачным в обманчивом подводном свете

золотой куб, опустила его в свою поясную сумку и, резко взмахнув хвостом, повернулась лицом на север — живые светильники расступились, чтобы дать ей дорогу, и по черному коридору, открывшемуся между их мерцающими телами, она покинула зал.

С последним «иди» маленький пузырек воздуха повис в уголке тонких, искаженных злобой чешуйчатых губ Мордруга, отделился от них и, постепенно увеличиваясь в размерах, устремился наверх, к солнечному свету.

2

Три месяца спустя Фафхрд упражнялся в стрельбе из лука на вересковой пустоши к северу от города Соленая Гавань, что на юго-восточном берегу Льдистого острова. Это было одно из многочисленных им самим придуманных и самому себе предписанных упражнений для овладения необходимыми навыками в повседневной жизни без левой руки, которую он потерял в бою с морскими минголами, отражая их набег на западном побережье острова. В самой середине своего лука он укрепил тонкий, сходящий на нет металлический стерженек длиной в палец (ви-

дом и формой он напоминал наконечник шпаги) и заклинил его в соответствующем отверстии, специально для этой цели просверленном в деревянном запястье, которое перехватывал плотно прилегающий кожаный манжет, доходивший ему до середины предплечья. В манжете было проделано множество дырочек — для проветривания недавно зажившей культи. В результате всех этих ухищрений лук оказался надежно прикреплен к его руке, хотя это и несколько стесняло свободу движений.

Здесь, неподалеку от города, вереск, в котором нога тонула по щиколотку, рос вперемежку с высокой травой и кустами дрока, и из этого живого ковра то и дело выскакивали, резвясь и ничуть не стесняясь присутствия человека, упитанные полевые мыши. Тут и там были разбросаны вертикально стоящие серые камни в человеческий рост высотой. Когда-то они, вероятно, имели сакральное значение для жителей острова, ныне сделавшихся атеистами. Правда, то был атеизм особого рода: не то чтобы островитяне совсем не верили в богов (в мире Невона такое вряд ли возможно), а просто не общались ни с кем из них, не прислушивались к их предостережениям, не боялись угроз и не поддавались на уговоры.

И потому серые камни вот уже сколько веков стояли неподвижно и молчаливо, точно стадо окаменевших доисторических медведей.

Было уже за полдень, небо было совершенно чистым, если не считать двух-трех легких облачков, застывших в лазурной вышине над самым островом. Для этого времени года — а была уже поздняя осень, и зимы с ее пронизывающими ледяными ветрами ждать оставалось совсем недолго — погода стояла удивительно спокойная и даже теплая.

Фафхрда сопровождала девочка. Тринадцатилетняя платиновая блондинка семенила за ним, собирая стрелы, — из всего выпущенного Фафхрдом запаса лишь половина вонзилась в большой шар, служивший мишенью. Чтобы лук не мешал двигаться, Фафхрд при ходьбе прижимал его согнутой в локте рукой к телу, так что он лежал у него на плече, словно коромысло.

— Почему до сих пор никто не придумал такую стрелу, которая могла бы поражать цель за углом, — пожаловалась Гейл, выныривая из-за камня с очередной стрелой в руке. — Тогда можно было бы убить врага, спрятавшегося за стеной или за деревом.

— Неплохая мысль, — отозвался Фафхрд.

— Может, если стрелу немного изогнуть… — продолжала размышлять вслух девочка.

— Нет, ничего не выйдет, тогда она будет просто падать, и все, — прервал ее Фафхрд. — Стрела тем и хороша, что она абсолютно прямая…

— Можешь не повторять, я и сама все это знаю, — нетерпеливо перебила его девочка. — Только об этом и слышу от тети Афрейт и тети Сиф, когда они обучают меня магическому искусству и рассказывают про Золотую Стрелу Правды, Золотые Кольца Единства и все остальное.

Девочка говорила о золотых символах, что с незапамятных времен почитались священными у нерелигиозных рыбаков Льдистого острова и потому их берегли как зеницу ока.

Ее слова напомнили Фафхрду о Золотом Кубе Честных Сделок, навеки погрузившемся в морскую пучину, куда его бросил Мышелов, чтобы усмирить водоворот, поглотивший флот морских минголов и уже грозивший разнести в щепы и утлые суденышки островитян. Интересно, лежит ли он до сих пор на морском дне, зарывшись в жирный, удобренный телами сотен и сотен утопленников ил, или же исчез из Невона вместе с богами-странниками Одином и Локи?

Это воспоминание навело его на размышления

о Мышелове, месяц тому назад отправившемся в торговый рейс в Но-Омбрульск на «Морском ястребе»; с ним поплыли почти все его воры, половина мингольской команды «Бродяги» и Скор, старший капрал самого Фафхрда. Малыш (то есть капитан Мышелов) планировал вернуться в Соленую Гавань еще до начала зимних штормов.

Его раздумья были прерваны вопросом Гейл:

— Дядя Фафхрд, а тетя Афрейт говорила тебе, что вчера вечером ее кузина Сиф видела в сокровищнице городского совета, ключ от которой есть только у нее, привидение или еще кого-то?

Девочка держала мишень на весу, чтобы он мог свободной рукой вытащить воткнувшиеся в нее стрелы и сложить их обратно в колчан.

— Нет, кажется. — И он умолк, стараясь потянуть время. Дело в том, что сегодня он вообще не видел ни Афрейт, ни тем более Сиф. Последние несколько ночей он провел не в доме Афрейт, а в помещении, которое они с Мышеловом арендовали у Гронигера, начальника порта и главного советника Соленой Гавани, для своих людей вместо казармы. Свое намерение перебраться туда он объяснил необходимостью присматривать за ворами, чтобы они не отбились от рук в отсутствие командира. Афрейт сделала вид, что

разделяет его беспокойство. — Как он выглядел, этот призрак?

— Загадочно, — объявила Гейл. Ее светло-голубые глаза, выглянувшие из-за скрывавшей нижнюю половину лица мишени, широко раскрылись. — Он был темным и одновременно серебристым, а когда Сиф подошла ближе, исчез. Она позвала Гронигера, который был неподалеку, но они так никого и не нашли. Потом она рассказывала Афрейт, что призрак напоминал одновременно какую-нибудь заморскую красавицу и большую костлявую рыбу.

— Как это можно быть похожим на женщину и рыбу одновременно? — с коротким смешком переспросил Фафхрд, вытаскивая последнюю стрелу из мишени.

— Но ведь русалки существуют? — торжествующе ответила она, выпуская шар из рук.

— Существуют, — подтвердил он, — хотя не думаю, чтобы Гронигер с нами согласился. Давай, — переменил он тему, и выражение легкой тревоги на его лице наконец исчезло, — поставь мишень вон за тот камень. Я, кажется, придумал, как попасть за угол.

— О, здорово!

Она проворно подкатила шарообразную ми-

шень вплотную к одному из серых, похожих на медведей, камней, и оба они отошли шагов на двести в сторону. Фафхрд повернулся к мишени лицом. Воздух был тих и прозрачен. Клонившееся к закату солнце зашло за облачко, но небо оставалось таким же ясным и синим. Он вытащил стрелу и расположил ее между серединой лука и деревянной перекладинкой, которая, выполняя роль большого пальца лучника, удерживала стрелу. Затем, прищурившись, словно прикидывая расстояние между собой и мишенью, сделал еще пару шажков назад. Вдруг, изогнувшись, он пустил стрелу прямо в небо. Она взмыла в воздух, взбираясь все выше и выше, на долю секунды замерла — и молнией канула вниз, прямо за камень.

— Это же не за угол, — возмутилась Гейл. — Так всякий сможет. Я же имела в виду сбоку.

— Ты этого не сказала, — ответил он. — Сверху вниз или снизу вверх — стрела делает угол, как если стрелять слева направо или справа налево. Какая разница?

— Если угол сверху, то можно просто перебросить стрелу!

— Конечно можно! — согласился он и, поддавшись неистовому порыву, выпустил вслед за

первой все стрелы — одну за другой, — после чего, тяжело дыша, опустил лук.

Со стороны им казалось, что все стрелы, кроме самой последней, которая с убедительным стуком ударилась о камень, попали в цель; однако, подойдя ближе, они увидели, что все как раз наоборот: оперенные наконечники торчали из земли, образуя, как ни странно, ровный полукруг и нигде не касаясь мешка, и лишь самая последняя стрела воткнулась в край мишени и повисла, цепляясь за нее хвостом из гусиных перьев.

— Видишь, ты промахнулся, — заметила Гейл. — Все стрелы мимо, кроме той, что чиркнула о камень.

— Да. Ну ладно, хватит на сегодня стрельбы, — решил он и, пока девочка собирала стрелы и осторожно высвобождала из мишени последнюю, вытащил железный стержень из заменявшей его запястье деревяшки, воспользовавшись для этого лезвием ножа, закинул лук себе за спину, а затем вдел в деревяшку кованый крюк, уперев его в камень, чтобы загнать на место поплотнее.

При этом он слегка сморщился — культя еще не совсем зажила, и последние двенадцать выстрелов, сделанные без минутной передышки, стали для нее серьезным испытанием.

3

Пока они шли назад, к низеньким, крытым преимущественно красной черепицей домикам Соленой Гавани, Фафхрд, пользуясь тем, что солнце светило им в спину, разглядывал стоячие камни и наконец спросил у Гейл:

— Ты знаешь что-нибудь о прежних богах островитян, которым здешние жители поклонялись до того, как стали атеистами?

— О, тетя Афрейт говорит, что они были совсем дикие и никому не подчинялись — наподобие людей капитана Мышелова до того, как они стали моряками, или твоих берсерков, пока ты не укротил их. — Энтузиазм ее возрастал по мере того, как она говорила. — И уж конечно, они не верили ни в какую Золотую Стрелу Правды или Золотую Чашу Умеренного Гостеприимства — все они были лжецы, шлюхи, убийцы и пираты каких свет не видывал.

Фафхрд кивнул:

— Может, дух, которого видела Сиф, один из них.

Высокая стройная женщина отделилась от

стены выкрашенного в фиолетовый цвет дома и пошла им навстречу. Поравнявшись с ними, Афрейт обратилась к Гейл:

— Вот ты где пропадала. Твоя мать тебя обыскалась. — Потом взглянула на Фафхрда. — Ну, как пострелял?

— Капитан Фафхрд попадал в цель почти каждый раз, — ответила за него Гейл. — Он даже за угол попал! И я ни разу не помогала ему надевать лук или еще что-нибудь!

Афрейт кивнула.

Фафхрд пожал плечами.

— Я рассказала Фафхрду о призраке, которого видела Сиф, — продолжала Гейл. — Он думает, что это могла быть одна из старых богинь Льдистого — Рин, Лунная Охотница, или еще кто-нибудь. Или даже Скелдир, королева-ведьма.

Узкие светлые брови Афрейт удивленно изогнулись.

— Иди лучше, мать тебя ищет.

— Можно я возьму твою мишень до следующего раза? — обратилась девочка к Фафхрду.

Тот кивнул, оттопырил локоть левой руки, и большой шар шмякнулся оземь. Гейл побежала, катя его перед собой. Мишень была красная, выкрашенная соком ягоды-подснежницы, и в

лучах заката походила на зловещий, налитый кровью глаз. Обоим взрослым показалось, что Гейл, удаляясь, катит перед собой солнце.

Когда девочка скрылась из виду, Фафхрд повернулся к Афрейт и спросил:

— Что это за ерунда про Сиф и какого-то призрака?

— Ты становишься таким же скептиком, как и все островитяне, — ответила она без тени улыбки. — По-твоему, тот факт, что нечто или некто поверг в полную прострацию не самого слабого и не самого безмозглого члена совета, — ерунда?

— Это сделал призрак? — переспросил Фафхрд, когда они вновь зашагали по направлению к городу.

Афрейт кивнула:

— Когда Гваан, которого Сиф позвала на помощь, вошел в темную сокровищницу, кто-то напал на него, он целый час пролежал без сознания. Он до сих пор не может подняться на ноги. — Ее тонкие губы искривились в усмешке. — Хотя, конечно, он мог просто споткнуться в темноте и треснуться головой об стену — это тоже не исключено, особенно если учесть, что он ничего не помнит.

— Расскажи подробнее, как это произошло, —

попросил Фафхрд.

— Заседание городского совета затянулось, стемнело, взошла луна — вчера она была еще не полной, так что света от нее было не много, — начала она. — Сиф и я присутствовали в качестве казначея и писца. Зваакин и Гваан попросили Сиф сделать опись символов добродетели — мысль о них не дает им покоя с тех самых пор, как был утрачен (хотя и ради общего блага) Золотой Куб Честных Сделок. Сиф тут же отперла дверь сокровищницы, однако замешкалась на пороге. Позже она сказала мне, что лунный свет, падавший сквозь небольшое зарешеченное оконце напротив двери, хотя и оставлял большую часть комнаты в темноте, позволил ей заметить беспорядок. Кроме того, ей почудился какой-то тяжелый запах, напоминающий болотные испарения…

— А куда выходит окошко? — перебил ее Фафхрд.

— На море. Гваан оттолкнул ее нетерпеливо (и, надо сказать, весьма невежливо) и вошел внутрь. И тут — Сиф клянется, что видела это, хотя все произошло очень быстро, в какие-то доли секунды, — голубоватая вспышка сверкнула во тьме, точно беззвучная молния, и бесплотная,

словно сотканная из голубоватой дымки, высокая костлявая фигура сжала Гваана в объятиях. По ее словам, было похоже, будто бесплотный, обессилевший дух хочет напиться живой крови. Гваан коротко вскрикнул и рухнул замертво. Когда по требованию Сиф принесли факелы, оказалось, что в комнате, кроме нее самой и лежащего без сознания Гваана, никого нет, но Стрела Правды свалилась со своего места на полке и лежит под окном, а все остальные символы добродетели слегка сдвинуты, точно кто-то прикасался к ним, перебирал их руками; помимо того, на полу комнаты были обнаружены следы — узкие отпечатки ног, измазанных черным вонючим донным илом.

— И это все? — спросил Фафхрд, как только женщина умолкла.

Когда она упомянула о высокой, словно сотканной из тумана, фигуре, смутное воспоминание шевельнулось у него в мозгу — совсем недавно он видел кого-то похожего, но где и когда это было, он не мог вспомнить, как ни старался: точно завеса ночи упала и закрыла собою именно этот образ.

Афрейт кивнула:

— В общих чертах по крайней мере. Гваан

пришел в себя через час, однако не помнил абсолютно ничего. Его положили в постель, где он и находится до сих пор. Сиф и Гронигер решили выставить специальную охрану в сокровищнице сегодня ночью.

Вдруг Фафхрду стало ужасно скучно от всей этой истории с Сиф и ее привидением. Голова просто отказывалась работать в этом направлении.

— Эти ваши советники — все до одного скупердяи, только и думают что о золоте своем несчастном! — выпалил он ни с того ни с сего.

— Тоже верно, — согласилась она, но это почему-то еще больше разозлило его. — Они все еще продолжают осуждать Сиф за то, что она отдала Мышелову Куб вместе со всеми деньгами, что были в ее хранении, поговаривают об отставке, грозятся отобрать ее ферму, а может, и мою заодно.

— Неблагодарные! А Гронигер — худший из них: уже пристает ко мне с арендной платой за неделю, хотя прошло всего два дня.

Афрейт снова кивнула:

— Он жаловался, что твои берсерки учинили безобразие в «Обломке кораблекрушения» неделю тому назад.

— О, вот как? — отозвался Фафхрд, на этот раз

заметно потише.

— Как ведут себя люди Мышелова? — спросила она.

— Ничего, Пшаури держит их в строгости, — ответил он. — Но это не значит, что мое присутствие там не требуется.

— «Морской ястреб» вернется еще до зимних штормов, я уверена, — спокойно сказала Афрейт.

— Я тоже так думаю, — согласился Фафхрд.

Когда они поравнялись с ее домом, она вошла внутрь, улыбнувшись ему на прощание. Приглашать его на обед она не стала, и это его задело, хотя, с другой стороны, он все равно бы отказался; и про руку ничего не спросила, хотя и взглянула на его крюк разок-другой — тактично, конечно, но тоже не совсем так, как ему бы хотелось.

Однако досада его быстро прошла, так как упоминание о таверне «Обломок кораблекрушения» направило его мысли по совершенно другому руслу, и они продолжали крутиться вокруг таверны все время, пока он шел по своим делам. В последние дни все раздражало и утомляло его, он устал от проблем с левой рукой и испытывал странное чувство ностальгии по Ланкмару, его ворам и чародеям, туманам (столь непохожим на свежий бодрящий воздух Льдистого острова)

и небрежной пышности. Позавчера вечером он забрел в «Обломок», после пожара в «Соленой селедке» сделавшийся лучшим питейным заведением острова, и долго сидел там, потягивая черный горький эль и наблюдая за происходящим вокруг.

Атмосфера в кабачке, называемом завсегдатаями «Обломком» и «Развалиной» (он услышал это, уже когда уходил), была мирной и спокойной, отчего он сразу почувствовал себя как дома. В таком месте никто не стал бы дебоширить, в том числе и его люди (это было на прошлой неделе, напомнил он себе, — если, конечно, вообще было). Он с удовольствием следил взглядом за неспешными движениями прислуги, прислушивался к рыбацким и матросским байкам, наблюдал за двумя перешептывавшимися шлюхами (шлюха, которая не вопит во весь голос, уже само по себе явление исключительное), приглядывался к более эксцентричным посетителям — до смешного толстому человеку, погруженному в глубочайшую меланхолию, костлявому бородачу, посыпавшему свое пиво перцем, и худощавой молчаливой женщине в серо-серебристом платье, одиноко сидевшей за задним столиком. Ее лицо — довольно красивое, кстати, — на протяжении всего вечера остава-

лось абсолютно бесстрастным. Сначала он думал, что она тоже проститутка, но за весь вечер к ней никто ни разу не подошел, никто, кроме него самого, казалось, даже не видел ее, и, насколько он мог припомнить, она ничего не пила.

Вчера вечером он вновь вернулся в таверну и застал там все ту же компанию и испытал то же чувство покоя, что и днем раньше. Поэтому сегодня он опять собирался туда — после того, как сходит в порт и внимательно исследует горизонт, не показался ли где-нибудь на юге или на востоке «Морской ястреб».

4

В этот момент из-за угла показалась Рилл и, увидев его, радостно замахала рукой, на ладони которой виднелся красный, хорошо заметный даже издалека шрам. Это напоминание о давнем увечье сблизило их с Фафхрдом, точно они были однополчанами, раненными в одном бою. Темноволосая шлюха-рыбачка была скромно и аккуратно одета — знак того, что в данную минуту она не планировала заняться каким-либо из своих ремесел.

Они остановились поболтать, чувствуя себя

друг с другом легко и свободно. Рилл рассказала ему о сегодняшнем улове рыбы, спросила, когда должен вернуться Мышелов, как идут дела у него и его людей, как рука (она была единственным человеком, с которым он мог говорить о своем увечье), как самочувствие и сон.

— Если плохо спишь, то сходи к матушке Грам, у нее есть хорошие травы, да и я могу помочь, — предложила она.

Промолвив это, она усмехнулась и посмотрела на него с вопросительной полуулыбкой, одновременно слегка потянув его за крюк указательным пальцем, который так и не распрямился после того самого ожога, что навсегда оставил след на ее ладони. Фафхрд ответил ей благодарной улыбкой и отрицательно помотал головой.

Тут к нему подошли Пшаури и Скаллик доложить о проделанной за день работе и о других делах, и Рилл отправилась восвояси. Некоторые из людей Фафхрда работали на строительстве, которое велось на месте сгоревшей «Соленой селедки», еще пара занималась починкой «Бродяги», а остальные ходили в море за треской вместе с теми из людей Мышелова, которых он не взял с собой в Но-Омбрульск.

Пшаури докладывал на первый взгляд небреж-

но, но вместе с тем подробно — его манера каждый раз напоминала Фафхрду Мышелова (подчиненный явно перенял у командира многие повадки), что его одновременно злило и забавляло. Хотя, если уж на то пошло, все воры из отряда Мышелова, столь же жилистые и низкорослые, как и его товарищ, напоминали его. Целая стая Мышеловов — смех, да и только!

Он прервал доклад Пшаури:

— Довольно, ты все сделал правильно. И ты, Скаллик, тоже. Только смотри, чтобы впредь и ты, и твои люди носу в «Обломок» не совали. На держи. — С этими словами он передал подчиненному свой лук и колчан со стрелами. — Унеси в казарму. Ужинать я не приду. А теперь идите, оба.

И опять сквозь ярко-голубые сумерки, именуемые здесь «сиреневым часом», зашагал он в одиночестве к «Обломку кораблекрушения». Внезапно с удивлением и некоторым презрением к самому себе он осознал, что́ именно заставило его избежать постели Афрейт и отклонить дружеское приглашение Рилл, — все дело в том, что он предвкушал то удовольствие, которое доставит ему еще один вечер, проведенный в одиночестве, наедине с кружкой эля и в бесплодных мечтах о

странной женщине в серебристо-сером платье, с бесстрастным взглядом и отстраненным выражением лица. Господи, какими романтическими дурнями ты создал мужчин, почему они вечно перешагивают через знакомое и не замечают доброго в несбыточной погоне за таинственным и новым? Или все дело в том, что мечта привлекательнее реальности? Фантазия прекраснее истины? И так, ни на минуту не прекращая философствовать о тщете фантазии, он с каждым шагом все глубже погружался в ее серебристо-серое облако.

5

Знакомые голоса, оживленно что-то обсуждавшие, вывели его из задумчивости. Повернув голову, он увидел Гронигера и Сиф, которые говорили, перебивая друг друга. Он надеялся, что, увлекшись беседой, они не заметят его и он пройдет мимо, не прерывая сладостных раздумий. Не тут-то было.

— Капитан Фафхрд, ты уже слышал о нашем несчастье? — обратился к нему седовласый начальник порта Гронигер, делая несколько широких шагов в его сторону. — Сокровищница

ограблена, золотые символы исчезли, а Зваакин убит!

За ним поспешно подошла невысокая женщина, в платье кирпичного цвета, с золотистыми прядями в темно-русых волосах, и многозначительно добавила:

— Это случилось не далее чем на закате. Мы были поблизости, в Зале Совета, и уже готовились заступить на ночной караул (ты ведь слышал о вчерашнем происшествии?), как вдруг раздался жуткий вопль и сквозь щели в запертой двери мы увидели голубую вспышку. Когда дверь открыли, то увидели мертвого Зваакина с жуткой гримасой на лице, его одежда дымилась, точно от удара молнии… а символы исчезли.

Странно, но Фафхрд с трудом понимал, что она говорит. Вместо этого он удивлялся, насколько сильно даже она напоминает ему Мышелова и как много общего у нее с Серым. Говорят, что влюбленные люди начинают походить друг на друга. Неужели это так быстро становится заметно?

— Теперь мы лишились не только Золотого Куба Честных Сделок, все, все пропало, — сокрушался Гронигер.

Его замечание слегка подстегнуло интерес

Фафхрда. Хотя, надо признать, он испытывал не столько любопытство или негодование, сколько раздражение по поводу происшедшего, несмотря на то что помочь Сиф, которая была, как-никак, зазнобой его друга Мышелова, конечно же, не отказался бы.

— Я слышал только о призраке, — ответил он ей. — Все остальное для меня новость. Могу ли я сделать что-нибудь сейчас?

Они поглядели на него с недоумением. Он понял, что от него ожидали более заинтересованной реакции, и, как ни хотелось ему поскорее остаться наедине со своими мыслями, он все же добавил:

— Если вам понадобится помощь, кликните моих людей. Они в казарме.

— За которую ты должен мне арендную плату, — привычно добавил Гронигер.

Фафхрд милостиво оставил последнее замечание без внимания.

— Что же, — закончил он, — желаю вам успеха в ваших поисках. Золото — вещь дорогая.

С этими словами он отвесил легкий полупоклон и отправился своей дорогой. Отойдя немного, он вновь услышал их голоса, но поскольку разобрать ничего уже не смог, то заключил, что обращаются

не к нему, и обрадовался.

Он достиг гавани, когда сиреневый свет еще не угас в небе, и ощутил, как теплая волна удовольствия разлилась у него в груди. Так вот почему он так спешил сюда, не думая ни о чем другом! Людей вокруг было немного, одни неспешно прохаживались, другие стояли на месте, но никто не обращал на него никакого внимания. Ветра по-прежнему не было. Он подошел как можно ближе к воде и устремил взгляд на юг и юго-восток, туда, где сиреневое небо плавно перетекало в недвижное, точно огромное зеркало, жемчужно-серое море. Ни одно облачко не нарушало своим присутствием их величественной гармонии.

Никакого паруса также не было видно. Мышелов и «Морской ястреб» по-прежнему оставались в недосягаемых морских просторах.

Но, быть может, какой-нибудь предвестник их приближения появится на горизонте в те минуты, что еще остались до наступления темноты. Его отрешенный, как у спящего на ходу человека, взгляд переместился на более близкие предметы. К востоку от него над волнами вздымался отполированный прибоем утес, в сумерках казавшийся серым. От него до низкого мыса на западе все пространство гавани было абсолютно пустынно.

Справа, ближе к мысу, стоял на якоре «Бродяга»; слева, у легкого деревянного причала, который будет поднят на сушу с началом зимних штормов, были пришвартованы рыбацкие лодки и еще несколько мелких судов, принадлежавших гавани. Среди них виднелась шлюпка с «Бродяги», на которой Фафхрд имел обыкновение выходить в море в одиночку, когда было свободное время и погода благоприятствовала, — потренироваться в управлении шлюпкой с помощью металлического крюка, заменившего отрубленное запястье. Рядом со знакомой шлюпкой Фафхрд увидел и еще какое-то суденышко — крохотную скорлупку.

6

Небо постепенно бледнело, превращаясь из ярко-сиреневого в тускло-серое, и Фафхрд вновь окинул взглядом далекий горизонт и водную гладь между ним и берегом — магическую пустоту, никогда не переставшую манить его. По-прежнему ничего. Со вздохом он повернулся и тут, в какой-то дюжине футов от себя, увидел ту самую незнакомку с невозмутимым взглядом и отрешенным лицом, что сидела в «Обломке

кораблекрушения». Теперь она поспешно направлялась в сторону причала, где стояли лодки. Никто во всем порту не обратил на нее ни малейшего внимания: она едва не задела подолом своего серебристо-серого платья одного из матросов, а он и глазом не моргнул, будто ее и не было вовсе. Какие-то голоса кричали что-то ей вслед (что это — погоня? ищут что-то?), а тем временем на севере небо уже совсем почернело и последние отблески «сиреневого часа» исчезли с горизонта. На поясе у женщины висела небольшая сумка, в которой что-то брякнуло, пока она стягивала вокруг лица капюшон своего длинного серебристого одеяния. А потом, уже совсем поравнявшись с Фафхрдом, женщина повернула голову, и ее огромные зеленые глаза, окаймленные черными ресницами, заглянули прямо ему в душу; в ту же минуту она сунула руку за пазуху, извлекла оттуда короткую золотую стрелу, показала ему и тут же опустила в сумку на поясе, в которой опять что-то звякнуло. В течение трех ударов сердца она глядела на него, улыбаясь одновременно маняще и отталкивающе, ободряюще и отрешенно, затем отвернулась и сделала шаг к причалу.

7

И Фафхрд пошел за ней. Ему не хотелось даже знать, делает ли он это по собственной воле, или же она заколдовала его своим взглядом и улыбкой. Все, чего ему хотелось, — это окунуться в манящий водный простор и отправиться на юг, навстречу Мышелову и Ланкмару, подальше от скучных повседневных дел, обязанностей и ответственности за Соленую Гавань, туда, куда лежит ее путь, и будь что будет. Лишь малый участок его мозга, тот, что управляет непосредственно движениями ног и рук (хотя одну из них недавно заменил железный крюк), побуждал его двигаться вперед, за золотой стрелой, хотя что это за вещь и почему так важно не упустить ее из виду, Фафхрд не мог вспомнить, как ни старался.

Когда он ступил на деревянный причал, женщина была уже на противоположном его конце и спускалась в ту самую утлую лодчонку, которую он заприметил незадолго до ее появления. Не тратя времени на подъем якоря или другие действия, обычно предшествующие отплытию, она встала посреди лодки, лицом к носу и навстречу сгущающимся сумеркам, широко раскинула

руки, отчего складки ее просторного одеяния расправились и натянулись на невидимом ветру, и лодка, увлекаемая этим живым парусом, резво побежала по недвижной морской глади прямо к выходу из бухты.

В ту же секунду Фафхрд ощутил, что с запада потянул не сильный, но ровный и упругий бриз. Не раздумывая, он прыгнул в ближайшую лодку, споро выбрал конец, опустил киль, поставил и закрепил небольшой парус и, устроившись так, чтобы управлять парусом правой рукой, а крюком левой держать румпель, бесшумно и быстро кинулся за ней. Его немного удивило, что никто не окликнул их и даже не взглянул на два суденышка, плывущие точно по волшебству, одно из них к тому же под очень странным парусом, однако долго раздумывать ему было некогда, и он весь отдался преследованию.

8

Как долго скользили они по водной глади таким манером, он не знал, да и не старался угадать, но сумерки сменились непроглядным мраком, который вскоре рассеяли звезды, а потом показавшийся в небе полукруг луны затмил их неяркий

свет. Ночное светило, которое было сначала прямо перед ними, постепенно оказалось позади (должно быть, их суденышки описали полукруг и направлялись теперь на север), так что его блеск не слепил больше глаза, но, мягко отражаясь от наполненного ветром паруса, позволял Фафхрду отчетливо видеть фигуру женщины, облаченной в развевавшиеся серебристо-белые одежды, на корме убегавшей от него лодочки. Поднявшийся ветер был по-прежнему ровным, но абсолютно бесшумным, и при его помощи лодка Фафхрда постепенно нагоняла беглянку, так что в конце концов стало казаться, что они вот-вот соприкоснутся. Ему хотелось разглядеть ее поближе, и в то же время он мечтал, чтобы это загадочное плавание никогда не кончалось.

И вдруг ему показалось, будто само море под ними приподнялось, точно грудь гиганта, сделавшего вдох, и их суденышки стали ближе к звездам, чем были до этого. Тут женщина обернулась и поманила его к себе, и он, повинуясь ее молчаливому приказу, поднялся и шагнул ей навстречу, а лодки по-прежнему продолжали в унисон подниматься и опускаться на колышащейся поверхности моря. И вновь она улыбнулась ему своей удивительной улыбкой и поглядела на

него полным любви взглядом, а из-за ее спины в небо взлетели полосы фосфоресцирующего красного, зеленого и бледно-голубого света — он знал, что это северное сияние, но все равно она казалась ему святыней, стоящей на алтаре какого-нибудь собора в окружении падающих на нее сквозь витражные окна переливающихся лучей. Бросив беглый взгляд по сторонам, он увидел, что их лодки и впрямь возносятся к небу на гребне высоченной волны, разделившей в остальном совершенно неподвижное море на две половины. В этот момент он не мог думать ни о чем, кроме ее горделивой улыбки и дерзкого, дразнящего взгляда, она была воплощением самой тайны и приключения, вечно манивших его.

Опустив руку в поясную сумку, она достала оттуда Золотую Стрелу и протянула ему, держа своими тонкими длинными пальцами за оба конца; мелкие жемчужно-белые зубы сверкнули в улыбке.

Тут он заметил, что его крюк, точно повинуясь какому-то пришедшему извне приказу, протянулся вперед и ухватился за середину стрелы, а правая рука, двигаясь столь же независимо от его одурманенного мозга, как и левая, вцепилась в горловину сумки, висевшей у женщины на поясе,

и дернула ее вниз.

Любовь в ее взгляде сменилась выражением яростного желания, улыбка превратилась в хищный оскал, а голубой луч северного сияния, казалось, вошел в ее тело, наполнил его до краев, брызнул из глаз, проступил сквозь кожу, синие искры пробегали по стреле и крюку, гроздьями ссыпались с того места, где два металлических предмета соприкасались. Мертвой хваткой держала она стрелу, изо всех сил стараясь вырвать ее у Фафхрда, но крюк тоже не отпускал, так что стрела погнулась. Вот когда Фафхрд порадовался, что деревянное запястье отделяет крюк от его культи: и без того каждый волосок на его теле встал дыбом, а по коже пробегали волны колючего холода.

Он продолжал упорно тянуть и вырвал-таки стрелу — та погнулась, но светиться не перестала. Он зажал ее большим и указательным пальцами правой руки, сжимавшей сумку. И, уже шагнув назад в свою лодку, увидел, как ее удлиненное лицо вытянулось еще больше, превратившись в рыло, большие зеленые глаза выпучились и разъехались, бледная кожа покрылась серебристой чешуей, а манящий рот раздвинулся в угрожающем оскале, обнажившем несчетное количество

острых треугольных зубов.

Она кинулась на него, он молниеносно выставил вперед левую руку, и ее страшная пасть с лязгом и хрустом сомкнулась вокруг железного крюка.

9

Все завертелось и закружилось вокруг него, поднялся звон и грохот, волна, удерживавшая его лодку, обрушилась вниз, и он полетел вслед за нею, сначала к поверхности моря, а потом, ничем не удерживаемый, и под нее, пока не оказался в заполненном воздухом подводном туннеле, стенами, потолком и полом которого служила морская вода. Теперь он находился на таком же расстоянии от поверхности, что и прежде, только по другую сторону — гигантская волна, поднявшая его к звездам, словно провалилась вглубь на всю свою высоту. Один конец туннеля уходил в глубину, другой загибался к поверхности, и луна, заглядывая в него, освещала его странным искаженным светом. Кроме того, тугие водяные стенки испускали желтовато-зеленое свечение. Страшные рыбьи хари гримасничали вокруг, пытаясь дотянуться до лодки своими удлиненны-

ми рылами. Другая лодка и женщина-оборотень исчезли.

Невероятность происходящего вкупе с чудовищным превращением женщины стряхнули с него остатки колдовского оцепенения и заставили его мозг работать во всю силу. Он встал на колени посреди лодки и огляделся вокруг. Внезапно шум у него в ушах усилился, откуда-то из глубины налетел порыв ветра, наполнил парус и погнал лодку вверх, к выходу из туннеля, навстречу безумной ухмылке луны. Дьявольский ветер превратился в ураган, и Фафхрд распластался по дну лодки, обхватив локтем левой руки основание мачты, — правая его рука по-прежнему сжимала сумку, а крюк куда-то исчез. Серебристо-зеленая вода проносилась мимо, с носа летели клочья пены. К беспорядочному свисту и грохоту, уже давно сопровождавшему его, прибавились какие-то размеренные раскаты грома: он шел откуда-то сзади, и Фафхрд подумал, что это, должно быть, закрывается туннель.

Теперь вихрь выдувал его лодку на поверхность.

Впереди открылся проход. Лодка проскочила в него, вспорхнув над водой, точно летающая рыба, шлепнулась о волны, выпрямилась и поплыла.

Сзади раздался последний громовой удар.

Можно было подумать, что само море выплюнуло его вместе с лодкой и плотно сомкнуло губы.

10

Быстрее, чем ему казалось возможным без магического вмешательства, море успокоилось, и лодка закачалась на еле заметных волнах. В южной части неба светила луна. Ее лучи серебрили остаток металлического стержня, на котором когда-то был откушенный женщиной-рыбой крюк. Он осознал, что его правая рука по-прежнему сжимает сумку, которую он выхватил у призрака из сокровищницы (она же женщина из трактира), а между большим и указательным пальцем торчит погнутая стрела.

На севере умирало северное сияние. И там же, на севере, виднелись огни Соленой Гавани — гораздо ближе, чем он рассчитывал. Он взял в руки одно-единственное весло, бывшее в лодке, опустил его за корму и начал выгребать против ветра к дому, то и дело с опаской поглядывая на черную воду, плескавшуюся за бортом.

11

Фафхрд вновь упражнялся в стрельбе из лука на вересковой пустоши за городом. Серые камни стояли на своих местах. И Гейл опять была с ним. Но сегодня холодный северный ветер — предвестник суровых зимних вьюг — ерошил вереск и пригибал кусты дрока к земле… И по-прежнему никаких признаков Мышелова и «Морского ястреба».

Сегодня утром Фафхрд, как и многие другие островитяне, долго не вставал с постели. Было уже за полночь, когда он наконец дотащился до порта, но оказалось, что на берегу царит суматоха, вызванная похищением святынь острова и его отсутствием. Не успел он выбраться на берег, как к нему подбежали Сиф, Гронигер, Афрейт, Рилл, матушка Грам и еще кое-кто. Выяснилось, что после его исчезновения (как ни странно, никто так-таки и не заметил, как он покинул гавань) со скоростью лесного пожара распространился слух, что именно он похитил драгоценности (к чести упомянутых женщин, они горячо отрицали такую возможность). Как же все обрадовались,

когда выяснилось, что именно он не только принес их обратно в целости и сохранности (если не считать того, что стрела погнулась), но и добавил к ним еще одно — сферу, заключенную в некое подобие куба, ребра которого были искривлены, как дуги. Фафхрд немедленно высказал предположение, что это и есть Куб Честных Сделок, претерпевший некоторые изменения вследствие пребывания под водой, однако Гронигер отнесся к его словам весьма скептически и вообще сильно расстроился из-за деформаций, которым подверглись оба предмета, но Фафхрд был настроен философски.

Он сказал:

— Кривая Стрела Правды и закругленный Куб Честных Сделок кажутся мне куда более правдоподобными, чем прямые; во всяком случае, так они больше соответствуют реальной человеческой практике.

Его рассказ обо всем, что приключилось с ним на воде, в воздухе и под водой, а также о магии, которой обладал виденный Сиф призрак, и о его последнем страшном превращении вызвал немало удивленных ахов и охов у его слушателей, но некоторые из них задумчиво нахмурились. Афрейт задала несколько вопросов, пытаясь

понять, что заставило его последовать за призраком, притворяясь, будто не понимает; Рилл, слушая ее вопросы и его бессвязные ответы, насмешливо улыбалась.

Что до личности призрака, то на этот счет у матушки Грам были твердые убеждения.

— Это кто-то из затонувшей Симоргии, — заявила она, — пришел забрать побрякушки, похищенные у них когда-то пиратами.

Гронигер наотрез отказывался этому верить, доказывая, что золотые символы всегда принадлежали Льдистому. Старая ведьма не стала спорить, только пожала плечами.

Тут собиравшая стрелы Гейл спросила:

— И что, эта женщина-рыба просто взяла да и откусила твой крючок?

— Да, взяла и откусила, — подтвердил Фафхрд. — Маннимарк сделает мне новый — из бронзы. Знаешь, я начинаю любить его, ведь он дважды спас меня прошлой ночью: если бы не он, я бы поджарился от молнии, которую исторгал оборотень, или бы оборотень откусил мне еще кусок левой руки.

Гейл спросила:

— А почему ты стал подозревать женщину-рыбу и пошел за ней?

— Давай сюда стрелы, — ушел он от ответа на ее вопрос, — я придумал, как стрелять за угол.

На этот раз он прицелился по ветру, так что воздушное течение подхватило его стрелу и понесло ее прямо за камень, туда, где стояла круглая мишень. Гейл снова возмутилась, заявив, что это такое же надувательство, как стрельба сверху, но позже они обнаружили, что его выстрел достиг цели.

Морской оборотень
1

В небе Невона показался растущий месяц, его желтое сияние отразилось в упругих боках волн Крайнего моря, зажгло искры в их кружевных гребнях и позолотило туго натянутый треугольный парус крутобортой галеры, поспешавшей на северо-запад. Там еще догорали последние отблески заката, а скалистый берег, от которого недавно отчалило судно, уже объяла тьма, скрыв его суровые очертания.

На корме «Морского ястреба», рядом со старым Урфом, сжимавшим штурвал, стоял Серый Мышелов: руки его были сложены на груди, лицо сияло довольной улыбкой. Все его приземистое коренастое тело мерно покачивалось в такт движениям увлекаемого попутным ветром корабля, нос которого то зарывался в невысокие волны, то вновь поднимался над ними. Время от времени он оглядывался назад, на таявшие вдали одиночные огни Но-Омбрульска, но чаще взгляд его был устремлен вперед, туда, где на расстоянии пяти дней и пяти ночей пути, на Льдистом острове,

его ждали прекрасная Сиф и однорукий бедняга Фафхрд и большая часть их людей, а также Фафхрдова Афрейт, которая, на вкус Мышелова, была уж больно строга.

«Клянусь Могом и Локи, подумал он, ничто не сравнится с радостью капитана, ведущего домой свой корабль, груженный добытыми в невероятно ловких сделках товарами». И любовный пыл юноши, и жажда подвигов молодого, полного сил мужчины, даже восторг художника, создавшего шедевр, или ликование ученого, завершившего дело своей жизни, — все это сущие пустяки, детский лепет в сравнении с удовлетворением, испытываемым им от сознания выполненного долга.

В восторге от самого себя, Мышелов не мог противиться искушению еще раз мысленно перечесть все до единого товары на корабле — а заодно и лишний раз увериться, что каждый из них находится в наиболее подходящей для него части судна, надежно привязанный на случай шторма или другой оказии.

Прежде всего в капитанской каюте, которая в данный момент находилась у него под ногами, лежали крепко-накрепко привязанные к переборкам бочки с вином, в основном крепленым;

там же были и небольшие бочонки горького бренди, излюбленного напитка Фафхрда, — их-то уж точно никому нельзя было доверять (кроме, пожалуй, желтокожего Урфа), напомнил он себе, поднося ко рту висевшую у него на поясе маленькую кожаную фляжку и делая умеренный глоток живительной влаги, добытой на виноградниках Уул-Хруспа; командуя погрузкой и молниеносным отплытием «Морского ястреба», он сорвал себе горло и теперь чувствовал, что лишь этот живительный эликсир в состоянии вернуть его голосу прежнюю мощь еще до того, как ему доведется помериться силой с суровыми ветрами открытого моря.

Но не только вино и бренди были сложены в его каюте: в таких же крепких бочонках с просмоленными швами лежала и пшеничная мука, плебейский товар, предназначенный для тех, кто не привык глубоко вдумываться в суть вещей, но тем не менее совершенно необходимый жителям острова, на котором даже в летнее время невозможно было вырастить ничего, кроме жалкой горстки ячменя.

Между капитанской каютой и носовой частью судна — раздувшийся от самодовольства Мышелов и не заметил, как от мысленного пере-

числения товаров перешел к самой настоящей их инспекции и теперь уже тихими кошачьими шагами крался по залитой лунным светом палубе к корабельному носу, — так вот, там, впереди, помещался самый драгоценный груз: доски, брус и кругляки хорошо просушенного леса, как раз такого, какой Фафхрд намеревался раздобыть на юге, в богатом лесами Уул-Плерне, как только его культя заживет достаточно, чтобы носить крючок. Точно такую древесину ценою неимоверных усилий Мышелову удалось выторговать в Но-Омбрульске, где леса было отнюдь не больше, чем на самом Льдистом (его обитатели пополняли запасы топлива, собирая плавник на берегу, ибо ничего выше куста на острове найти было невозможно), а потому брульскяне готовы были скорее расстаться с собственными женами, чем со строевым лесом! Да, именно драгоценные бревна, брус и доски, крепко-накрепко привязанные во всю длину к скамьям для гребцов, занимали все пространство под большим парусом от полуюта до бака; каждый слой древесины был отдельно укреплен, надежно укрыт просмоленной парусиной для защиты от соленых брызг и морской сырости, да еще для пущей сохранности переложен тонкими, как пергаментная бумага,

пластинами кованой меди. Верхняя часть этого многослойного пирога, покрытая кусками парусины с залитыми смолой швами, образовывала импровизированную палубу, поднимавшуюся вровень с фальшбортами, — настоящее чудо погрузочного искусства! (Разумеется, все это сильно усложнит задачу гребцам, если таковые понадобятся, но обычно в плаваниях, подобных этому, в них редко возникала необходимость; да и кроме того, выходя в море, все равно нельзя предусмотреть все опасности, с которыми рискуешь столкнуться.)

Да, Мышелов имел все основания гордиться собой: его корабль вез к изглоданным ветрами голым берегам Льдистого щедрый груз древесины: поздравляя себя с удачей, он медленно пробирался мимо вспучившегося в лунном свете паруса, неслышно ступая по пружинящей парусиновой палубе, стараясь не попадать на смоляные швы, а ноздри его между тем подрагивали, улавливая странный, немного удушливый, острый мускусный аромат; это был запах его победы — ни за что на свете не получить бы ему желанного леса, не знай он о пристрастии лорда Логбена Но-Омбрульского к редким украшениям из слоновой кости, которыми тот мечтал украсить свой Белый

Трон. Известно было ему и то, что брульскяне скорее расстались бы со своими юными наложницами, нежели с драгоценным строительным материалом; однако страсть лорда Логбена пересиливала любое из этих желаний, и потому, как только в черную гавань Но-Омбрульска под низкий рокот барабанов вошла торговая шаланда клешитов, Мышелов устремился к ней одним из первых и, углядев среди предназначенных на продажу сокровищ рог чудовищного бегемота, немедленно купил его в обмен на кусок серой амбры размером в два кулака — чего-чего, а этого добра на Льдистом хватало. Жители Клеша ценили амбру больше, чем рубины, и потому не смогли устоять перед искушением.

И тщетно потом умоляли клешиты управляющего лорда Логбена принять от них все более мелкие фрагменты кости в обмен на гигантскую, с корабельную мачту величиной, шкуру снежной змеи, покрытую белым мехом. Охотники Логбена добыли змею в холодных горах, известных под названием гряды Бренных Останков; обладать ею было заветным желанием клешитов. Столь же тщетны были и посулы Логбена заплатить Мышелову за вожделенный бивень столько электрума, сколько тот весил. И только когда кле-

шиты присоединились к требованиям Мышелова заплатить ему деревом, да еще и предложили в обмен на желанную шкуру не только кость, но и половину своих пряностей, а Мышелов пригрозил скорее бросить бивень в воды бездонной бухты, чем обменять его на что-нибудь, кроме древесины, Логбен был вынужден заставить своих подданных уступить ему четверть трюма отлично просушенного, прямого, как стрела, строевого леса. Обе стороны расставались с принадлежавшими им сокровищами с величайшей неохотой (Мышелов мастерски притворялся), после чего торговля (в том числе и лесом) пошла значительно легче.

«Да, я был настоящим мастером, нет, даже художником!» — без ложной скромности похвалил себя Мышелов.

Пока услужливая память, извлекая из многочисленных карманов подробности недавних событий, складывала из них картину успеха, в наиболее выгодном свете представлявшую его, Мышелова, способности, ноги сами принесли его к основанию мачты, где заканчивался настил из драгоценного груза. В трех ярдах впереди начинался навес, под которым, привязанный и упакованный, лежал остальной груз: слитки

бронзы, сундучки с красителями и пряностями, большие сундуки с шелковыми и полотняными тканями для Сиф и Афрейт, — чтобы показать матросам, что он доверял им все, кроме вина, туманящего разум и заставляющего забыть о долге. Но по большей части здесь было сгружено рыжевато-коричневое зерно, белые и фиолетовые бобы и сушеные фрукты. Пища для голодного острова была уложена в мешки и покрыта шерстью, чтобы защитить от морской влаги. Настоящее сокровище для здравомыслящего человека, говорил он себе, рядом с которым все — и золото, и сверкающие драгоценные камни, и острые, как нераскрывшиеся розовые бутоны, груди юной возлюбленной, и слова поэтов, и даже лелеемые астрологами звезды, пьянящие людей своей недостижимой далью, — не более чем жалкие побрякушки.

На пятачке между фальшдеком и мачтой, головами в тени, а ногами в ярком пятне лунного света, перечеркнутом сейчас его бдительной тенью, убаюканная мерным движением корабля, крепким сном спала команда: четыре жилистых мингола, трое проворных воров-коротышек под началом Миккиду, а также здоровяк Скор, капрал Фафхрда, позаимствованный специально

для этого плавания. Как же вам, голубчикам, не спать, с удовольствием подумал Мышелов (ему было хорошо слышно легкое, точно птичье, посвистывание вечно настороженного Миккиду и богатырский храп Скора), ведь он держал свою команду в ежовых рукавицах все время их пребывания в Но-Омбрульске, а потом нещадно гонял на погрузке корабля, чтобы все они до единого, как только судно отойдет от пристани, поужинали и тут же уснули как убитые (однако не щадил он и себя, не давал себе ни минуты отдыха, никаких развлечений, даже в чисто гигиенических целях), ибо кому, как не ему, было знать аппетиты матросов и притягательную силу темных закоулков Брульска. Да что там, шлюхи и сами, что ни день, толпами маршировали взад и вперед мимо «Морского ястреба» в надежде завлечь его команду. Особенно хорошо помнил он одну, почти ребенок, нахальная тщедушная девчонка в оборванной полинявшей тунике серебристо-серого цвета — того же оттенка, что и ее серебристые волосы. Она держалась в стороне от других и, казалось, нарочно старалась привлечь к себе внимание матросов, пристально наблюдая за всем, что происходило на борту «Морского ястреба». Взгляд ее больших темно-зеленых

глаз, тоскливый и одновременно насмешливый, напоминал взгляд брошенного животного или потерявшегося ребенка.

Да, исполняя долг капитана, строже всего относился он к себе самому, тратя все без остатка силы, мудрость, хитрость (и голос!) и не требуя никаких наград, кроме четкого знания и неукоснительного исполнения командой своих обязанностей — да еще подарков для себя и своих друзей. Мышелова прямо-таки распирало от гордости за собственную добродетель, и в то же время ему стало грустно при мысли об отсутствии вознаграждений. Теперь это казалось ему особенно несправедливым.

Не сводя пристального взгляда со своих измученных людей, чутко прислушиваясь к малейшему изменению их храпа, он поднес свою кожаную фляжку к губам и не торопясь сделал хороший глоток, ощущая, как животворное питье смягчает надорванное криком горло.

Когда заметно полегчавшая фляжка вернулась на место, какое-то изменение в расположении груза привлекло к себе внимание Мышелова — то ли его собственный пристальный взгляд, то ли некий едва уловимый посторонний звук подсказал ему это. (В ту же минуту на него вновь повеяло

мускусным, животным, до странности притягательным запахом моря. Снова амбра?) Ощущение неладного создавал сундук с лентами, шелками, полотном и другими дорогими тканями, предназначавшимися главным образом в подарок Сиф. Он стоял в некотором отдалении от остальных, у борта, и в свете луны Мышелову показалось, что перетягивавшие его веревки ослабели; присмотревшись, он понял, что сундук и вовсе не был прикреплен к палубе, а крышка была приоткрыта на ширину пальца и удерживалась в таком положении жгутом из светло-оранжевой ткани, подсунутым под замок.

Какое чудовищное нарушение дисциплины крылось за этим?

Он бесшумно спрыгнул на палубу и подошел к сундуку, морща ноздри. Может быть, кто-то спрятал туда кусок амбры? Потом, стараясь, чтобы его тень не падала на сундук, Мышелов резким движением откинул крышку.

Сверху лежал отрез тяжелого медно-красного шелка; такой оттенок имели на солнце темные волосы Сиф.

На этой роскошной постели, словно котенок, забравшийся вздремнуть на стопке свежевыглаженного белья, на спине, чуть подогнув колени,

закинув за голову руку, словно хотела еще сильнее прикрыть и без того закрытые глаза, лежала та самая девушка из порта, которую он вспоминал лишь минуту назад. На вид она была сама невинность, но ее аромат (теперь он узнал его) был ароматом желания. Хрупкая грудная клетка слегка поднималась и опускалась в такт ровному дыханию спящей, тонкая потрепанная туника отчетливо обрисовывала маленькие груди с довольно крупными сосками, губы чуть заметно улыбались. Ее волосы цвета светлого серебра очень напоминали волосы тринадцатилетней Гейл, девственницы Одина с Льдистого острова. Очевидно, она была не намного старше.

Все это гораздо хуже, чем можно было ожидать, сказал себе Мышелов, ошарашенно уставившись на девушку. Уже то, что кто-то из команды тайком протащил девчонку на борт, соблазнив ее серебряной монетой или заплатив ее сутенеру или хозяину ради удовлетворения своей похоти (а то еще и украл ее, чего доброго, — хотя, судя по тому, что руки и ноги ее были не связаны, на похищение мало похоже), было достаточно плохо; но то, что он или они сделали это не только без ведома капитана, но и прямо наплевав на то, что он-то не позволял себе никаких удовольствий, а

работал как каторжный, заботясь только о здоровье и благополучии своей команды, целости и сохранности корабля и груза и удачном исходе всего предприятия в целом, — вот в этом крылось не только вопиющее нарушение дисциплины, но и самая черная неблагодарность.

Теперь, когда Мышелов чувствовал, что его вера в ближнего утрачена окончательно и бесповоротно, он с еще большим удовлетворением отметил, что команда спит мертвым сном, измученная той прорвой работы, которую он заставил проделать. Их храп звучал для него музыкой, ибо он означал, что, хотя они и протащили девчонку на борт, никому из них еще не удалось насладиться ею (по крайней мере с тех пор, как корабль покинул гавань). Усталость свалила всех до единого, и даже ураган не заставил бы их теперь подняться. И именно эта мысль подсказала ему, какое наказание будет в данном случае не только заслуженным, но и самым подходящим.

Широко улыбаясь, он протянул руку к прикрытой выцветшей туникой груди спящей девушки и легко, но в то же время резко ущипнул ее за правый сосок. Вздрогнув, она проснулась: глаза ее открылись, с губ уже готово было сорваться восклицание, когда он, строго нахмурившись

и прижав палец к неодобрительно поджатым губам, склонился над ней, знаком приказывая молчать. Она отпрянула, глядя на него удивленно и испуганно, однако молча. Он в свою очередь тоже подался назад и увидел отражение ущербной луны в ее широко раскрытых темных глазах и странный контраст между насыщенным цветом шелковой материи, на которой она покоилась, и призрачным серебром ее спутанных волос.

Команда продолжала спать, их храп не прекращался ни на мгновение. Мышелов подхватил лежавший подле ее ноги моток плотной шелковой ленты и, вытащив из ножен Кошачий Коготь, отрезал от него три больших куска, все это время не сводя со сжавшейся в комочек девушки задумчивого взгляда. Затем он кивнул ей и скрестил запястья, чтобы показать, что от нее требуется.

Глубоко вздохнув и пожав плечами, она скрестила запястья перед собой. Он сделал отрицательное движение головой и указал ей за спину.

Вновь угадав его желание, она завела руки за спину, слегка повернувшись при этом на бок.

Он связал ей сначала запястья, потом и локти — крепко, но без жестокости, чтобы не причинять ненужной боли ее хрупким плечам. Третьим куском ленты он крепко связал ей ноги как раз

над коленями. «Отличная вещь дисциплина — полезна всем, молодым в особенности!» — думал он при этом.

Вскоре она уже лежала навзничь со связанными за спиной руками, не спуская с него глаз. Он отметил, что в ее взгляде было больше задумчивого любопытства, чем страха, и что контуры двух почти полных лун в ее зрачках ни разу не исказили ни дрожание век, ни непрошеная слезинка.

До чего же все хорошо складывается, с удовольствием размышлял он: команда спит, груженный товарами корабль на всех парусах летит домой, гибкая девушка покорна его воле, а он вершит правосудие в тишине и тайне, точно бог. Он был настолько опьянен властью, что даже не заметил странного серебристого свечения, исходившего от шелковистой кожи девушки и не имевшего ничего общего с лунным светом.

Без всякого предупреждения, не меняя задумчивого выражения лица, он втолкнул скрученный кусок ткани, удерживавший крышку, обратно в сундук и захлопнул его.

«Пусть маленькая шлюшка поломает себе голову над тем, что я собираюсь с ней сделать: удушить ее там или швырнуть вместе с сундуком за борт», — подумал он. Если верить тому, что

болтают люди и пишут историки, такие вещи случаются сплошь и рядом.

Мелкие волны ласково похлопывали «Морского ястреба» по бортам, залитый лунным светом парус продолжал тихо гудеть, матросы по-прежнему храпели.

Мышелов разбудил двух самых здоровых минголов, подергав их за большие пальцы ног, и знаками указал, что они должны унести сундук в его каюту, не тревожа остальных спящих. К жестам он прибег потому, что не хотел будить всю команду, к тому же щадил и свою сорванную глотку.

Даже если минголы и были причастны к таинственному появлению девушки на корабле, ему ничего не удалось прочесть по их лицам, как он ни старался. И старик Урф тоже ничем не выдал себя. Когда они подошли ближе, старый мингол лишь на мгновение скользнул по ним равнодушным взглядом, а потом с прежним спокойствием продолжал вглядываться в даль, не снимая узловатых ладоней со штурвала, — весь его вид говорил о том, что любое перемещение каких угодно сундуков по палубе не имело к нему ровным счетом никакого отношения.

Мышелов приказал молодым минголам по-

ставить сундук между прикрепленными к полу ящиками с грузом, загромождавшими каюту, прямо под бронзовой лампой, свисавшей на короткой цепи с низкого потолка. Коснувшись указательным пальцем плотно сжатых губ, он велел им хранить молчание об этой ночной прогулке. Потом коротким кивком отпустил их. Пошарив вокруг, нашел небольшую бронзовую чашку, наполнил ее до краев из бочонка любимым бренди Фафхрда, отпил половину и лишь после этого открыл крышку.

Спокойствие, с которым девушка продолжала смотреть на Мышелова, делало ей честь. Да, смелости ей, видать, не занимать. Он заметил, что она трижды глубоко вздохнула, будто в сундуке и впрямь было душновато. Ему нравился серебристый оттенок ее кожи и волос. Знаком он приказал ей сесть и, когда она поднялась, поднес чашку с бренди к ее губам и дал выпить вторую половину. Вытащив из ножен кинжал, он просунул лезвие между ее колен и, потянув вверх, разрезал скреплявшую их ленту. Повернулся к ней спиной, отошел к низкому табурету, стоявшему у широкого лежака Фафхрда, и, устроившись на нем, пальцем поманил ее к себе. Она стояла перед ним, вскинув подбородок и

расправив плечи, — принять другую позу ей не давали связанные за спиной руки. Окинув ее многозначительным взглядом, он одними губами произнес: «Как твое имя?»

«Исисси», — прошелестела она, и голос ее прозвучал как призрак волны, целующей днище корабля. Губы ее улыбались.

2

В это время на палубе Урф велел одному из молодых минголов подогреть ему гахвег и передал штурвал другому. Он укрылся от ветра за настилом из леса, глядя на капитанскую каюту и в изумлении качая головой. Остальная команда храпела в тени полуюта. А тем временем на Льдистом острове в желтой спальне с низким потолком Сиф проснулась с мыслью, что Серый Мышелов в опасности. Пока она пыталась припомнить подробности приснившегося ей кошмара, упавший на стену луч лунного света напомнил ей о морском призраке, который убил Зваакина и на какое-то время разлучил Фафхрда с сестрой Афрейт, и спросила себя, а что сделал бы на месте Фафхрда Мышелов?

3

Ранним утром следующего дня, довольный и бодрый, Мышелов накинул короткую серую рубаху, застегнул пояс и отрывисто постучал в потолок каюты. Хриплым шепотом он приказал явившемуся на его зов бесстрастному монголу позвать к нему мастера Миккиду. Сундук, принесенный ночью с палубы, еще больше загромождал и без того тесную каюту; Мышелов накинул на него первый попавшийся под руку кусок ткани и уселся сверху. Позади него, на койке, занимавшей всю заднюю стену каюты, лежала Исисси; глаза ее были закрыты, но спала она или делала вид — он не знал. Из-под одеяла были видны только ее волосы, струящиеся жидким серебром. Девушка была свободна, если не считать куска плотной шелковой ленты, которым она была привязана к кровати за ногу.

«Я не такой дурак, чтобы верить в преданность женщины только потому, что провел с ней ночь», — самодовольно усмехался Мышелов.

Отхлебнув немного бренди, он задумчиво прополоскал горло — в медицинских целях, разумеется, — и не спеша проглотил.

«И все же из нее выйдет неплохая служанка для Сиф, после того как я вышколю ее как следует. А может, уступлю ее бедолаге Фафхрду, а то ведь ему со своей рукой и с острова не выбраться».

Он нетерпеливо побарабанил пальцами по занавешенному сундуку, недоумевая, почему не идет Миккиду. Совесть замучила? Похоже на то!

Кроме бледного отблеска зари, пробивавшегося через занавешенный люк, да двух узких слюдяных окошек по бокам, почти совсем заставленных громоздящимися повсюду бочками, каюта освещалась лишь светом масляной лампы, качавшейся под потолком.

4

Кто-то вихрем промчался по палубе, раздался стук, и в ту же минуту во входном проеме возникла патлатая голова Миккиду с округлившимися от волнения глазами. Мышелов знаком показал ему войти и смягченным после бренди голосом заговорил:

— А-а-а, мастер Миккиду! Как я рад, что твои обязанности, несомненно отнимающие массу драгоценного времени, наконец-то позволили тебе откликнуться на мой призыв! Насколько я

помню, я велел тебе явиться немедленно.

— О капитан, господин, — затараторил тот, — из носовой укладки пропал сундук. Я сразу заметил, что его нет, как только Тренчи разбудил меня и передал твой приказ. Я задержался, только чтобы поднять и расспросить остальных, а потом сразу же кинулся сюда.

«Ага, — подумал Мышелов, — он наверняка знает про Исисси, слишком уж волнуется, — поди, тоже помогал протаскивать ее на борт. Но он не знает, что с ней сейчас, — подозревает всех и вся, надо полагать, — вот и спешит доложить о пропаже, мерзавец, торопится отвести от себя подозрения!»

— Сундук? Какой сундук? — мягко произнес он между тем вслух. — Что в нем было? Пряности? Специи?

— По-моему, материи для госпожи Сиф, — ответил Миккиду.

— Только материи для госпожи Сиф? — задал вопрос Мышелов, пристально вглядываясь в своего подчиненного. — Не было ли там еще чего-нибудь? Чего-нибудь твоего, например?

— Нет, господин, ничего, — тут же ответил Миккиду.

— Уверен ли ты в этом? — гнул свое Мыше-

лов. — Иногда сунешь вот так что-нибудь в чужой сундук — для сохранности ли, а то и чтобы протащить незаметно.

— Ничего моего там не было, — отпирался Миккиду. — Ну разве что немного материи для одной дамы… ну да, господин, материя только и — ах да — лент пара мотков.

— И ничего больше, кроме материи и лент? — продолжал Мышелов испытующе. — Может, одежда какая-нибудь? Коротенькая серебристая туника из полупрозрачной ткани, например?

Миккиду отрицательно покачал головой, удивленно подняв брови.

— Ну-ну, — произнес Мышелов бархатным голосом. — И что же случилось с этим сундуком, как по-твоему? Должен быть где-нибудь на корабле, если, конечно, за борт не спихнули. А может, его еще в Брульске украли?

— Я знаю, что вчера вечером, когда мы отплывали, он был на борту в целости и сохранности, — уверил его Миккиду. Потом нахмурился. — То есть я так думаю. — Его лицо вновь прояснилось. — Веревки, которыми он был привязан, лежат там же, где он стоял!

— Что ж, хорошо, что хоть что-то от него осталось, — сказал Мышелов. — Где же он может быть

сейчас? Думай, где?

Для большей выразительности он стукнул кулаком по накрытому материей сундуку, на котором сидел.

Миккиду беспомощно покачал головой. Взглядом он шарил по комнате, избегая встречаться глазами с Мышеловом.

«О-го-го, — подумал тот, — уж не начинает ли наконец до него доходить, что стало с девчонкой? Кто с ней теперь развлекается? Это было бы забавно!»

Он вновь обратился к своему помощнику с вопросом:

— А что твои люди думают о пропаже?

— Ничего, господин. Озадачены не меньше моего. Я уверен, что они ничего не знают. По крайней мере я так думаю.

— Угу. Ну а минголы что говорят?

— Они на вахте, господин. Кроме того, они отчитываются только перед Урфом — и перед тобой, разумеется, господин.

«Да уж, по части умения держать язык за зубами на мингола можно положиться», — подумал Мышелов.

— А Скор? — был его следующий вопрос. — Что знает об исчезновении сундука человек капитана

Фафхрда?

Физиономия Миккиду помрачнела.

— Капрал Скор не состоит у меня под началом. Кроме того, сейчас он спит.

В ту же секунду оглушительный двойной удар едва не вышиб крышку люка, закрывавшего вход в каюту.

— Входи, входи! — откликнулся Мышелов раздраженно. — И нечего расшибать корабль в лепешку, если тебе нужно всего-навсего открыть дверь!

Сначала в дверях возникла только голова, покрытая редеющими рыжеватыми волосами, затем следом протиснулся и ее обладатель. Чтобы не стукаться лысой макушкой о потолочные балки, ему пришлось не только ссутулиться, но и согнуть колени. «Вот и Фафхрду пришлось бы сгибаться в три погибели, вздумай он войти в собственную каюту, — мелькнуло в голове Мышелова. — До чего же неудобно быть большим».

Скор смерил Мышелова холодным взглядом; присутствие Миккиду он едва заметил. Великан огладил пятерней свою бороду цвета ржавчины, явно стараясь придать ей более благообразный вид; однако в результате его усилий она стала больше, чем когда-либо, походить на пучок ве-

тоши. Если бы не это да не сломанный нос, то он был бы вылитый Фафхрд каких-нибудь пять лет тому назад.

— Ну? — не допускающим возражений тоном произнес Мышелов.

— Прошу прощения, капитан Мышелов, — начал здоровяк. — Но как я есть единственный, кто плавал на этом корабле раньше и знаю, как он себя ведет во всякую погоду, то был тобою поставлен следить за погрузкой и сохранностью груза. А потому должен доложить, что сундук с материями — ты, думаю, его помнишь — исчез со своего места. Веревки от него так и лежат на палубе.

«Ага, — думал Мышелов, — и у него тоже рыльце в пуху, вот и выслуживается, докладывает, хотя и видит, что опоздал. Ишь ты, рожа тупая, а туда же! Мужлан похотливый!»

Вслух же он сказал:

— Ах да, пропавший сундук — мы как раз о нем говорили. Когда же, по-твоему, это случилось? Когда он исчез? В Брульске?

Скор покачал головой:

— Я сам следил за его погрузкой, а когда ложился спать, сундук был последним, что я видел на палубе, прежде чем закрыть глаза; мы в это время были уже в нескольких лигах от порта. Я уверен,

он и сейчас на борту.

«И не стыдится признаваться, мерзавец! — возмутился про себя Мышелов. — Удивительно, что он не обвиняет Миккиду в краже. Оказывается, у воров и головорезов тоже есть представление о чести».

Между тем он продолжал:

— Если, конечно, его не бросили за борт — такое ведь тоже могло произойти, не так ли? Или какие-нибудь невидимые и бесшумные пираты взяли нас на абордаж, пока вы оба дрыхли, и умыкнули ящик. А может быть, хитроумный осьминог, поднаторевший в устройстве судов, возжаждал нарядного платья и, работая щупальцами, словно руками…

Он остановился на полуслове, заметив, что Скор и Миккиду остолбенело уставились куда-то за его спину. Он повернулся на своем сундуке. Из-под одеяла был виден большой зеленый глаз в обрамлении серебряных ресниц да спутанная прядь волос, упавшая на бледный лоб, — Исисси смотрела на вошедших немигающим взглядом.

Мышелов решительно обернулся и рявкнул, скрывая замешательство:

— Ну? Чего вы там разглядываете?

— Э-э-э… ничего, — проблеял Миккиду, в то

время как Скор лишь медленно отвел глаза от лежащей Исисси и вперил пристальный взор в Мышелова.

— Ничего? Уж не сундук ли вы где-нибудь тут углядели? Или, может быть, разгадали тайну его исчезновения? — продолжал допрашивать он.

Миккиду отрицательно покачал головой, а Скор лишь медленно пожал плечами, не сводя с Мышелова странного взгляда.

— Что ж, господа, — бодро закончил тот. — На том и порешим! По вашим словам, сундук должен быть где-то на корабле. Так найдите его! Обыщите корабль — вещь такого размера в карман не спрячешь. И смотрите у меня, ищите как следует! А теперь — убирайтесь!

«Будь я проклят, если они оба не в курсе дела! Лживые собаки! — кипятился Мышелов в душе. — И все-таки… все-таки что-то тут не так».

5

Когда они наконец ушли, недоумевая и оглядываясь, Мышелов подошел к кровати и, упершись в нее обеими руками, стал пристально вглядываться в глаза лежащей на ней девушки. Та немного запрокинула голову, потом снова

опустила, повертела ею из стороны в сторону и, высвободив лицо из-под одеяла, а глаза из-под падавших на них волос, выжидательно посмотрела на него.

Он вопросительно поднял брови, мотнул головой в сторону люка, через который только что вышли двое, и показал на нее. Невольно он поймал себя на том, что предпочитает разговаривать с ней жестами, а не словами. Быть может, в этом и есть самая суть власти — заставить другого выполнять свою волю, не прибегая к словам, провести его через все стадии подчинения в полном молчании, так чтобы даже боги ничего не узнали.

И вновь одними губами задал он свой вопрос:

— Так как же ты на самом деле попала на борт «Морского ястреба»?

Ее глаза широко раскрылись, и мгновение спустя бархатистые, как кожица персика, губы задвигались, но, чтобы разобрать слова, ему пришлось опускать голову до тех пор, пока ее влажное дыхание не защекотало ему ухо, — она говорила на том же нижнеланкмарском диалекте, что и он, и Миккиду, и Скор, но с очаровательным акцентом, который заключался сплошь в каких-то шелестах, придыханиях и гортанных звуках. Он

вспомнил, что, когда она пряталась в сундуке, ее запах показался ему концентрированным желанием, теперь же она источала бесконечно нежный аромат свежераспустившегося цветка.

— Я была принцессой и жила с принцем Мордругом, моим братом, в далекой стране, где всегда весна, — начала она. — В той далекой стране жестокое солнце светило так же мягко и нежно, как серебристая луна, вода укрощала и зимние бури, и летнюю жару, превращала ревущие ураганы в легкий бриз и отнимала силу даже у огня.

«Все шлюхи врут одно и то же, — подумал Мышелов. — Все они бывшие принцессы». И все же не прекратил слушать.

— Сокровищ у нас было столько, что и представить себе нельзя, — продолжала она. — Летучие единороги, резвые водяные котята были моими друзьями, ловкие молчаливые слуги прислуживали нам, сладкоголосые чудовища охраняли нас — стремительный Крушитель, многорукий Душитель и бесстрашный Разведчик Глубин, самый мощный из всех.

А потом пришли плохие времена. Однажды ночью, пока наши стражи спали, сокровища наши похитили, и королевство наше опустело, погрузившись в тишину и тайну. Мы с братом

начали собирать союзников, чтобы отправиться на поиски пропавших сокровищ, и вот тогда подлые негодяи вероломно покинули меня и насильно увезли в грязный, отвратительный Брульск, где мне пришлось познать все зло, которое только есть под бесстыдно таращащимся на него солнцем.

«И это тоже старая песня, — отметил про себя Мышелов, — похищение невинной девицы, потеря невинности, наставление во всех мыслимых пороках». Но продолжал слушать ее щекочущий шепот.

— Но я знала, что настанет день, когда придет тот, кому суждено быть моим владыкой и вернуться вместе со мной в мое королевство и править в его серебристых глубинах, владея вновь обретенным сокровищем. И вот ты пришел.

«Ага, добавим еще индивидуальный подход, — продолжал иронизировать Мышелов. — Знакомо до боли. Однако послушаем. Мне нравится, когда ее язык проникает мне в ухо. Как будто я — цветок, а она — сосущая нектар пчела».

— Каждый день я приходила к твоему кораблю и смотрела на тебя. Большее было не в моей власти, как я ни старалась. Но хотя ты никогда

не смотрел на меня подолгу, я знала, что нашим путям суждено пересечься. Я чувствовала, что ты — суровый мужчина и что ты подвергнешь меня таким лишениям и испытаниям, с которыми не сравнится ничто из перенесенного мною в Брульске, и все же я не могла отступить и каждый день приходила и смотрела на тебя и твой черный корабль. А когда мне стало понятно, что ты не хочешь ни замечать меня, ни поступать в соответствии со своим желанием и что никто из команды не даст мне шанса пробраться на корабль, я сама прокралась сюда незамеченной, пока ты и все твои люди были заняты на погрузке.

«Вранье, сплошное вранье», — сказал себе Мышелов и продолжал слушать.

— Сначала я пряталась за грузом. Но когда корабль наконец вышел из гавани и все уснули, мне стало холодно, тело мое ныло от долгого лежания на твердой палубе. Однако, хотя я сильно страдала, у меня не хватило смелости искать твою каюту или как-либо иначе обнаружить себя, из страха, что ты прикажешь повернуть в Брульск и высадить меня там. Поэтому я постепенно развязала веревки, опутывавшие примеченный мной раньше сундук с материями, трудясь над узлами,

точно мышь или землеройка, — узлы были очень жесткие и прочные, но у меня ловкие пальцы, которые могут быть сильными, когда нужно. Потом я забралась внутрь и уснула в тепле. А потом пришел ты, и вот я здесь.

Мышелов повернул голову и увидел два желтых пульсирующих огонька в ее глазах — то было отражение ритмично раскачивавшейся под потолком лампы. Затем он на краткий миг прикоснулся пальцем к ее губам и стал медленно стягивать с нее одеяло, пока не показалась лента, обвивавшая ее хрупкую щиколотку. Он залюбовался ее маленьким стройным телом. Хорошо, когда рядом с мужчиной есть молодая красивая женщина, сказал он себе, независимая, как молодая кошка, и игривая, как котенок. Хорошо, когда она рассказывает всякие небылицы (ясно как день, что ей помогли пробраться на борт, — Скор и Миккиду, должно быть, оба приложили руку), но лучше реже с ней разговаривать и держать на привязи. Людям можно доверять, только пока они на привязи — а еще лучше, если на цепи. И в этом тоже суть власти — лишить другого воли и свободы. Не сводя с нее гипнотического взгляда, он потянулся за куском ленты. Надо привязать ее к изножью и к изголовью кровати, не сильно,

но так, чтобы она не могла дотянуться одним запястьем до другого или развязать узлы своими жемчужными зубками. Тогда он сможет пройтись по палубе и быть уверенным, что найдет ее на месте, вернувшись.

6

Сиф в одиночестве прогуливалась по вересковой пустоши возле Соленой Гавани. Из маленькой сумочки, висевшей у нее на поясе, она вынула набитую льняным семенем тряпичную куклу, изображавшую мужчину. Он был с ее ладонь ростом, вокруг талии у него было золотое кольцо, которое женщина могла бы носить на пальце. Остальные размеры игрушки были сопоставимы с этим кольцом. На нем был серый плащ с капюшоном и серая туника. Взглянув в его лишенное всяких черт лицо, она на мгновение задумалась о тайне полотна — нитки, натянутые в одном направлении, удерживают нитки, идущие в другом направлении; все же вместе образует ткань, плотную и теплую, хотя и проницаемую для воздуха и воды. В этот момент ей показалось, что по лицу куклы промелькнуло какое-то выражение. Она подумала, что Серый Мышелов находится в

опасности и ему может понадобиться охранная магия, более сильная, чем магия золотого кольца. Решительным жестом сунула она куклу в сумку и зашагала вперед, по направлению к Соленой Гавани, к ратуше и к сокровищнице, таинственным образом лишенной своих сокровищ. Порывы налетавшего с севера ветра ерошили вереск на пустоши.

7

Глоток горького бренди еще продолжал согревать ему горло, а Мышелов уже проскользнул в люк и бесшумно крался по палубе. Он хотел проверить, чем заняты его люди, припугнуть их, если понадобится, проследить, чтобы все были при деле и чтобы все его приказы, включая и бессмысленное распоряжение о поиске сундука, выполнялись неукоснительно. Последнее он расценивал как справедливое наказание мерзавцам, посмевшим протащить Исисси на корабль без его ведома. (Подумать только, что она-то все это время находится в его каюте, надежно привязанная к кровати!)

Ветер заметно посвежел, и «Морской ястреб», увлекаемый тугим парусом вперед, глубже вспа-

хивал волны, зарываясь в них освинцованным килем. Вахтенный-мингол налегал грудью на штурвал, а его товарищ и старый Урф пристально вглядывались в даль в поисках признаков приближающейся бури. Если ветер не переменится, то они будут дома не через четыре дня, как предполагалось, а уже через три. От этой мысли Мышелову стало скорее неуютно, чем радостно. Озабоченно перегнувшись через борт, он отметил, что вода еще далеко не доставала до весельных отверстий. Каждое отверстие было надежно задраено и перегорожено поперечным брусом, который был обмотан канатом, другим концом крепившимся вокруг лежавшего в центре судна груза. Однако и это напоминание о надежности его судна не доставило Мышелову удовольствия.

«Где же остальная команда? — задал он себе вопрос. — Ищут пропавший сундук внизу? Заняты чем-то другим? Или просто дурака валяют?» Сейчас он сам посмотрит! Но, не успев сделать и нескольких шагов по парусиновой палубе, скрывавшей сокровище, он остановился как громом пораженный, ибо ему стала ясна причина охватившего его недовольства. Ему претило скорое возвращение домой, богатый груз «Морского

ястреба» давно стал ему ненавистен, потому что все это напоминало об узах, навеки связавших его с Сиф, с калекой Фафхрдом, с высокомерной Афрейт, со всеми его людьми, вплоть до последнего обитателя Льдистого острова. Безграничная ответственность — вот что ждало его по возвращении. Ответственность перед Сиф в качестве ее мужа (или, по крайней мере, эквивалента такового), ответственность перед старым товарищем Фафхрдом (связанным с высокомерной Афрейт), ответственность перед своими людьми, для которых он был не только капитаном, но и покровителем, отцом. Кормилец и защитник — не успел он оглянуться, как они — или по крайней мере некоторые из них — уже связали его по рукам и ногам путами любви, дружбы и взаимных обязанностей.

На час-другой он станет героем, его будут превозносить за богатую добычу. А завтра? Поди и принеси еще! Или (что еще хуже) оставайся дома и неси за нас ответственность. И так далее, до бесконечности. Такая перспектива плохо согласовывалась с жаждой власти, охватившей его прошлой ночью и странным образом разросшейся под влиянием девочки-проститутки Исисси. Вместо того чтобы подчинять себе других, по-

корять вселенную, одолеть самих богов, если придется, он оказался связанным по рукам и ногам. Никогда больше не устремится он навстречу приключениям, открытиям, неизведанным высотам и полным опасностей глубинам, никогда больше не сыграет он в орлянку с самим Смертью и не обведет его благодаря всемогущему знанию и хитрости. Связанный Мышелов? Ну уж нет!

Воспаленный этими мыслями, Мышелов и не заметил, как ноги сами донесли его до основания мачты; когда же он остановился, то, несмотря на ровное гудение натянутого ветром паруса и удары волн о борта корабля, услышал напряженный шепот двух спорящих людей.

Инстинктивно он упал на живот и бесшумно пополз вперед, пока его лицо не оказалось у самого края временной палубы, образованной драгоценным грузом.

Трое его матросов-воришек и двое минголов спали вповалку, в то время как прямо у него под носом Скор и Миккиду яростно обсуждали что-то громким шепотом. Ему ничего не стоило бы сейчас потрепать их ладонью по макушкам или — чего ему в данный момент хотелось гораздо больше — треснуть по ним кулаком.

— Вынь да положь ему этот сундук! — горячо

доказывал свое Миккиду. — Да нет больше никакого сундука на «Морском ястребе»! Мы обыскали каждый уголок и не нашли его, значит кто-то выбросил его за борт — что же еще могло с ним случиться? Но прежде из него вынули все ткани и попрятали их в самых разных местах на этом корабле. И, при всем моем уважении, не могу не подумать на старого Урфа. Он был на вахте, пока все спали, минголам вообще нельзя доверять (да из них и слова-то вечно не вытащишь), в его жилах течет кровь торговцев, а значит, он жаден, как все они, к тому же он необычайно хитер и…

Миккиду вынужден был остановиться, чтобы перевести дух, и тут Скор, который, казалось, только этого и дожидался, вставил:

— Обыскали все, кроме капитанской каюты. А мы ее своими глазами хорошо разглядели. Только та длинная, покрытая тряпкой штуковина, на которой он сидел, да еще и кулаком стучал, и может быть этим самым сундуком. Как раз подходит по размеру…

— Это был стол капитана, — яростно зашипел Миккиду.

— Когда капитан Фафхрд занимал эту каюту, там никакого стола не было, — отрезал Скор. — И когда мы плыли туда, тоже не было. Не пытайся

обмануть себя, старик. Скажи еще, что и девчонки с ним тоже не было.

— Не было там никакой девчонки! — выпалил Миккиду, израсходовав при этом весь накопленный им запас воздуха, так что Скор мог безнаказанно продолжать:

— Там была девчонка, и это мог видеть любой, кто не слеп из-за собачьей преданности, — этакий лакомый кусочек, как раз подходящего для него размера, с длинными серебристыми волосами и похотливыми зелеными глазами.

— Да не было там никакой девчонки с волосами, дубина ты стоеросовая! — завопил Миккиду, наполнив, очевидно, свои легкие новым запасом воздуха. — Это были всего лишь сухие серебристые водоросли с застрявшей в них морской галькой, обточенной морем в форме глаза, — в капитанских каютах всегда можно найти подобные украшения. А у тебя так давно не было женщины, что тебе они уже всюду мерещатся, идиот… Или, — торопливо перебил он сам себя, — это могло быть серебристое кружевное платье с застежкой из зеленого камня — о таком расспрашивал меня капитан, когда мы говорили о пропавшем сундуке перед твоим приходом.

«Ну и ну, — изумился Мышелов. — Кто бы мог

подумать, что у Миккиду такая богатая фантазия и что он так самоотверженно кинется меня защищать. Однако похоже, что я зря подозревал этих двоих и девчонка действительно в одиночку пролезла на борт „Морского ястреба“. Если, конечно, ей не помог кто-нибудь из оставшихся — но нет, это исключено. Да, вот так штука — шлюха сказала правду».

Скор с победоносным видом объявил:

— Но если платье, которое ты видел на кровати, раньше лежало в сундуке, значит и сундук тоже в каюте, разве нет? Да, очень может быть, что это было тонкое серебристое платье: девчонка сбросила его, прежде чем прыгнуть в постель, или же сам капитан Мышелов содрал его с нее (платьишко-то было довольно потрепанное, как я припоминаю). Он же похотлив, как хорек, это всем известно — он и сам любит похвастаться, что у него не только тот кинжал, который в ножнах, хорошо работает. Капитан Фафхрд нередко об этом говорил, ну или намекал, по крайней мере.

«Что за клевета, — возмутился Мышелов, в негодовании глядя на лысую макушку Скора, — Фафхрд и сам бабник, каких мало, и не мне выслушивать подобные упреки, да еще от кого — от этого наглого, заносчивого выскочки,

Фафхрдова прихвостня». От этой мысли руки его сами сжались в кулаки.

— Да, хвастливый, жадный, лживый солдафон, — чеканил Скор, а Миккиду только и мог, что брызгать слюной да фыркать от возмущения. — Как еще назвать капитана, который гоняет своих матросов в порту до седьмого пота, не платит денег, не пускает на берег, не позволяет удовлетворять естественные надобности — а потом приводит на корабль девку и тычет ею в нос всем остальным? Да еще и затевает вокруг нее какую-то дурацкую возню — пойди, видишь ли, найди ему то, чего он не терял. Мелочный — вот как сказал о нем капитан Фафхрд, ну или, по крайней мере, подумал, судя по его виду.

Разъяренный Мышелов сдерживался из последних сил. «Ну скажи же что-нибудь, Миккиду, — взмолился он про себя. — Какая чудовищная наглость — приплести сюда еще и Фафхрда. Неужели он и в самом деле…»

— Ты и правда так думаешь? — В голосе Миккиду звучало легкое сомнение. — Думаешь, в его каюте и впрямь какая-то девка? Ну если так, то он и вправду сущий дьявол!

Яростный вопль, исторгнутый предательством Миккиду из груди взвившегося, точно распрямив-

шаяся пружина, Мышелова, прервал перепалку двух его помощников, которые уставились на него в немом изумлении, и разбудил остальных матросов, спавших тут же.

Открыв было рот, чтобы задать им такую взбучку, от которой у них вспухли бы уши, он вдруг понял, что сказать ему, в сущности, и нечего. В конце концов, в его каюте действительно была девушка — в данный момент она лежала в его постели навзничь, совершенно голая, широко раскинутые руки и разведенные в стороны ноги привязаны к четырем углам кровати. И тут его взгляд упал на веревки, все еще лежавшие на том месте, где раньше стоял сундук.

— Подобрать веревки немедленно! — проревел он. — Обвяжите ими вон те мешки с зерном, — ткнул он в другую сторону. Тут ему пришлось остановиться, чтобы набрать в грудь побольше воздуха. — Закрепить весь груз повторно! Того и гляди ураган налетит, а тут все по палубе катается!

Последнее замечание было адресовано непосредственно Миккиду и Скору, которые, недоуменно взглянув в безоблачно-голубое небо, направились лично присмотреть за исполнением капитанских команд.

— Груз нужно привязать так, чтобы держался плотно, как зубы во рту, — продолжал между тем он, расхаживая по палубе и сам уже начиная верить собственным словам. — Лес закрепите, концы канатов пропустите через весельные отверстия и натяните поперек палубы. Смотрите мне, чтобы мешки с зерном и фруктами были увязаны как следует: представьте, что вы затягиваете в корсет толстую бабу — упритесь ей пониже спины коленкой да тяните изо всей мочи. А то, не ровен час, волна через палубу перехлестнет да и смоет их. Как закончите здесь, отправите людей в мою каюту — бочки и ящики надо так укрепить, чтобы между ними и переборками места осталось не больше, чем между мясом и кожей. И запомните, вы, — победоносно закончил он, — хочешь ничего не терять, не быть застигнутым врасплох и ни от кого не зависеть — держи все на привязи: и деньги, и добро, и врагов, и друзей заодно.

8

Сиф вытащила из-за корсажа массивный серебряный ключ, нагревшийся от долгого соприкосновения с ее телом, отперла тяжелую дубовую дверь сокровищницы, медленно и осторожно

отворила ее и с подозрением окинула взглядом комнату — ей было не по себе здесь с тех самых пор, как морские духи учинили свой опустошительный налет. Войдя, женщина заперла дверь изнутри. Сквозь небольшое, забранное толстыми бронзовыми прутьями окошко на деревянные стены и пол комнаты лился скудный свет. На одной из полок покоились два слитка бледного серебра, три небольшие кучки серебряных монет и еще одна, совсем маленькая, золотых. Стены комнаты, казалось, со всех сторон сжимали низкий круглый стол, на серой поверхности которого темнела выжженная пентаграмма. Мысленно Сиф перечислила все пять предметов, стоявших в ее углах: Стрела Правды, погнувшаяся в тот момент, когда Фафхрд вырвал ее из руки завладевшего было ею демона; Линейка Бережливости, представлявшая собой небольшой жезл с поперечными полосками; Чаша Умеренного Гостеприимства, чуть больше наперстка величиной; Кольца Единства, соединенные так, что стоит вытащить одно, как два других тут же распадутся сами; а также странная ребристая сфера, обнаруженная Фафхрдом вместе со всем остальным и являвшаяся, как он считал, несколько деформированным Кубом Честных Сделок (в чем

Сиф, впрочем, сомневалась). Она вынула из поясной сумки изображение Мышелова и положила его между предметами, прямо в центр пентаграммы. Облегченно вздохнув, она опустилась на один из трех табуретов, стоявших поблизости, и принялась пристально вглядываться в незрячее лицо тряпичного человечка.

9

Одобрив последний из узлов на перетягивавших винные бочки веревках, Мышелов коротким кивком отпустил своих все еще недоумевавших помощников и измученных бесполезной работой матросов — прямо-таки выставил их из каюты! — и почувствовал, как его охватывает пьянящий восторг власти, словно он только что перешагнул или на могучих крыльях пересек границу королевства, где все принадлежало ему одному и было отмечено надписью: «Мое собственное!»

Ну и позабавился же он, пока матросы работали, а он, стоя среди них на покрытой тканью крышке того самого сундука, который они по его приказу тщетно искали во всех углах и закоулках судна, отдавал распоряжения; и все это время совершенно голая Исисси лежала, распластав-

шись, на кровати, надежно укрытая одеялом, и каждый, кто был в каюте, смутно ощущал ее восхитительное присутствие, но никто не посмел и словом обмолвиться! Вот уж действительно упоение властью!

Бесконечно гордый собой, он сорвал с сундука матерчатое покрытие, откинул крышку и воззрился на открывшийся его взору роскошный медно-красный шелковый простор, пересеченный росчерками черных лент. «Чем не брачное ложе какой-нибудь принцессы», — пришла ему в голову мысль. Опрокинув очередной стаканчик бренди, он с наслаждением ощутил разлившееся по его телу приятное тепло.

В его воспаленном желанием мозгу сладострастные картины сменяли одна другую; он сделал несколько неверных шагов к кровати, отшвырнул одеяло и…

Можно было подумать, что над грубой серой простыней прошел черный снег, так густо устилали ее клочки и обрывки черных лент. Исисси на постели не было.

В первую минуту, онемев от неожиданности, он лишь созерцал это безобразие, потом принялся судорожно шарить под матрасом в поисках ножа или ножниц, а быть может, — кто знает? — и

какого-нибудь острозубого зверька, который, повинуясь воле девочки-проститутки, превратил ее путы в труху.

Глубокий вздох блаженного удовлетворения заставил его резко обернуться. Прямо из только что раскрытого сундука смотрела на него, сидя скрестив ноги, бог весть как попавшая туда Исисси. Ее руки были подняты: с удивительной ловкостью и проворством заплетала она в косы свои чудные серебристые волосы. Ее тонкая талия и маленькие прелестные грудки выглядели при этом еще более соблазнительными, а лучистый зеленый взгляд и улыбка точно говорили: «Ну разве я не умна? Поразительно умна и совершенно неотразима!»

Мышелов посмотрел на нее, мрачно нахмурившись, затем, не меняя выражения, обратил свой взор в противоположную сторону, точно намереваясь проследить путь, которым она, невидимая, попала с кровати в сундук, минуя стоящие вплотную друг к другу и намертво прикрученные к полу бочонки, — а также обнаружить следы ее таинственного помощника, будь то зверь, человек или демон. Затем он двинулся к ней, обошел вокруг сундука, пристально осматривая ее при этом с головы до ног в поисках какого-либо потай-

ного оружия — хотя бы остро заточенного ногтя; при этом он ни на секунду не выпускал девушку из виду, пока наконец вновь не оказался с ней лицом к лицу.

Ноздри его раздувались от возбуждения. Масляная лампа мерно раскачивалась под потолком, попеременно то заливая его темную фигуру и серебристую кожу девушки своим желтым светом, то снова погружая их в тень.

Продолжая плести косы и все еще улыбаясь, Исисси начала издавать какие-то клокочущие, переливающиеся, булькающие звуки. Постепенно они стали складываться в некое подобие грубой песни или лишенного всякого изящества стихотворения. Было похоже, что она импровизирует, словно переводя на нижнеланкмарский слова другого языка:

Шесть волшебных даров имеет страна моя,

И все они сейчас стоят вокруг тебя.

Золотая Стрела Желанья, несущая смерть,

Власти Жезл, крушащий неба твердь,

Чаша Раздумий и Уединенья,

Колец Судьбы чудесное сплетенье.

И Куб, богов и эльфов дар коварный,

И Шар из Прутьев, символ Симоргии славной.

Глубоко, глубоко страна моя,

Куда унесет нас злато, тебя и меня.

Мышелов погрозил ей пальцем, вложив в этот жест мрачный вызов и угрозу. Затем отрезал от мотка черной ленты еще несколько полос, скрутил их и с силой потянул, проверяя на прочность. По-прежнему не отводя взгляда, он связал ей ноги, притянув лодыжку одной к икре другой и наоборот. Потом властно потянулся к ее рукам. Девушка, закончив плести косы, проворно уложила их в некое подобие серебряной короны и, со вздохом отвернув лицо, которое словно сжалось, лишенное серебристой завесы, протянула ему прижатые запястьями друг к другу руки ладонями вверх.

С презрительной миной он схватил ее руки, завел их ей за спину и, как прошлой ночью, связал у локтей, насильно расправив плечи. Потом он опрокинул ее лицом в медно-красный шелк, предназначавшийся Сиф (как давно это было?), и, протянув соединявшую ее руки ленту к скрещенным ногам, завязал так туго, как только мог,

отчего спина ее выгнулась дугой, а лицо оказалось поднятым над шелковым покрывалом.

Но, несмотря на растущее возбуждение, Мышелов отметил, что было в ее виршах нечто странное, заставившее его насторожиться. Ах да, Симоргия. Какое отношение имеет это давно затонувшее королевство к бредням портовой шлюхи? И раньше она бормотала что-то такое о воде, смягчавшей климат той страны, где она была не то королевой, не то принцессой… Вот опять принялась за свое!

— Приди, о брат мой Мордруг, и стань нашим провожатым, — бормотала она, совершенно, видимо, не замечая чудовищного неудобства своей позы. — Приди вместе с нашими хранителями, приди на твоем коне — чудовищном пожирателе морского пространства, Разведчике Глубин. Приди вместе с могучим Крушителем и необъятным Душителем, сокруши нашу темницу и забери нас домой. Пошли вперед всех своих духов, чтобы затуманили они наш разум…

Тени в углах комнаты вдруг неестественно замерли; разбег масляной лампы под потолком, вздрогнув, прервался; все остановилось.

На палубе все тоже оцепенело. Ветер исчез совершенно; море кругом, на сколько хватало

взгляда, сделалось гладким, как стекло. Румпель в руках Скора безжизненно замер, шкот, который натягивал Миккиду, бессильно обмяк. На небе по-прежнему не было ни облачка, но солнечный свет стал призрачным, точно его источнику угрожало внезапное затмение. Вдруг на расстоянии полета копья от правого борта парусника море вздыбилось громадной волной и беззвучно опустилось. Абсолютная бесшумность этого действа еще усугубила дурные предчувствия команды. «Морской ястреб» закачался на расходившихся в разные стороны волнах. Урф и оба капрала в изумлении то озирались по сторонам, то смотрели друг на друга. Никто из них не обратил внимания на тонкий пузырьковый след, потянувшийся от того места, где только что стояла водяная гора, к замершему в ожидании ветра паруснику.

10

А тем временем находившаяся в сокровищнице Сиф вдруг почувствовала, что Мышелов нуждается в защите еще больше, чем раньше. Кукла в центре пентаграммы выглядела очень одинокой. Может быть, священные предметы нужно перенести к ней поближе? Она сдвинула их к центру

и после минутного колебания согнула тряпичную фигурку пополам и просунула ее внутрь решетчатой сферы. Туда же отправились погнутая стрела и жезл (чем больше будет рядом с ним золота, тем лучше!), и, наконец, она нахлобучила кукле на голову крошечную чашу вместо шлема и водрузила все это на переплетенные кольца.

Вернувшись на свое место, она с сомнением посмотрела на дело своих рук.

11

Серый Мышелов перекатил Исисси на спину и любовался ее серебристым телом, раскрывшимся ему навстречу, точно перламутровая морская раковина. Кровь стучала в его висках, голову распирало, точно мозг внезапно сделался слишком велик для вмещавшего его черепа. Очертания неподвижной каюты стали призрачными, в ней ощущалось незримое пульсирующее присутствие; вдруг ему показалось, что он раздвоился: одна часть его оставалась на корабле, в то время как другая, чудовищных размеров, с непостижимой скоростью вспарывала тьму, утратив всякое ощущение принадлежности к человеческому роду, — лишь растущая тяжесть внутри черепа

не давала полностью забыть об этом.

Оставшаяся в каюте половина его существа не перестала чувствовать, хотя и начисто лишилась способности что-либо предпринимать; с беспомощным ужасом он наблюдал за тем, как воздух в каюте сгустился и стал похожим на воду и в этой полужидкой субстанции серебристая, улыбающаяся, неестественно изогнутая Исисси начала извиваться. Кожа ее становилась все более и более серебристой — вот уже чешуя заблестела на ней влажным блеском, и без того узкое личико сузилось еще сильнее, вытянувшись вперед, а глаза переместились на его стороны; в то же время тело ее начало прорастать шипами — острые как бритва, они вмиг усеяли тыльные стороны ее рук и ног, покрыли спину, плечи и голову игольчатым гребнем. Последний мощный рывок страшно изменившегося тела — и обрывки черных лент затрепетали в жидком воздухе вокруг нее. Тут в проеме ведущего в каюту люка показалось лицо, подобное ее теперешнему, а она волнообразным движением поднялась над шелковым ложем и потянула свои бесконечно удлиняющиеся руки к лицу Мышелова. Одновременно из самых глубин ее тела вырвался удивительно низкий голос:

— Сейчас этой темницы не станет, Разведчик

Глубин разобьет ее, и мы будем свободны.

При этих словах Мышелов понял, что темнота, сквозь которую несется другая часть его «я», — это глубины моря и что сам он заключен в мощном теле и широколобой голове кита — Разведчика Глубин, а скорлупка на поверхности моря, к которой неумолимо приближается вызванная заклинаниями Исисси морская тварь, — «Морской ястреб».

12

А в то же время в сокровищнице Сиф решилась действовать, не вынеся горестного выражения, появившегося на лице куклы после того, как на нее был надет шлем; к тому же ее посетила мысль, что совсем недавно руки морского демона прикасались ко всем золотым предметам, что окружали сейчас куклу. Она вырвала человечка из золотого плена и сорвала с него шлем; от ее резких движений предметы со звоном рассыпались по полу. Забыв обо всем, Сиф прижала игрушку к груди, осыпала поцелуями и принялась баюкать и укачивать ее, нашептывая слова любви и утешения.

13

Мышелову в каюте удалось увернуться от шипастых объятий, а в глубине моря вторая половина его «я» вовремя развернула чудовищную тушу и спасла тем самым корабль от неминуемой гибели. Как только чудовище вынырнуло на поверхность, обе половинки Мышелова вновь соединились и вернулись в каюту, которая накренилась так сильно, словно «Морской ястреб» уже шел ко дну.

Все, кто был на палубе, вытаращив глаза и разинув рты, глазели на гигантскую фигуру, шириной намного превосходившую их судно, взметнувшуюся из темных глубин совсем рядом с ними, так близко, что корабль содрогнулся всем корпусом, — при желании можно было протянуть руку и коснуться чудовища. Оно походило на лишенную окон башню из черной сапожной кожи, с которой каскадами рушилась вода. Башня вздымалась все выше и выше, притягивая их взоры к небу, пока наконец над водой не показался огромный хвост, — мощный удар плавников, и черный левиафан воспарил прямо над палубой «Морского ястреба», необъятный, как грозовая

туча. Сходство еще более усиливали струи воды, стекавшие, подобно дождю, прямо на палубу, и оглушительный, точно раскат грома, удар хвоста по волнам. Не хватало лишь молний. Матросам, чтобы устоять на ногах, пришлось хвататься за первое, что попало под руку, ибо корабль накренился так резко, точно был живым существом, пытающимся стряхнуть с себя людей. К счастью, благодаря случившемуся недавно у Мышелова приступу властного зуда на палубе хватало всякого рода канатов и веревок, так что, когда корабль скользнул в зияющий водяной провал, оставленный телом левиафана, за борт никого не смыло. Но когда чудовище рухнуло назад, в свою родную стихию, море вокруг корабля повторно содрогнулось, соленый океан сомкнулся над мачтами, и, увлекаемое тяжестью воды, судно заскользило вниз, вниз, вниз.

Позднее Мышелов никак не мог решить, что из развернувшейся в каюте схватки происходило собственно в просочившейся туда воде, а что — в том пузыре воздуха, который сжала в своих тисках подступающая со всех сторон морская стихия. Все они — и сам Мышелов, и чудовищным образом преобразившаяся Исисси, и та тварь, которую он принял за ее брата, — двигались томительно

медленно, как в страшном сне, когда во что бы то ни стало нужно опередить преследователя, а ноги вязнут, словно у попавшей в мед мухи. В их движениях сочетались элементы борьбы не на жизнь, а на смерть и ритуального танца. И все это время Мышелов оставался в центре, а Исисси с братцем кружили вокруг него, словно две акулы. Попеременно они делали атакующие выпады, как ножницами щелкая своими длинными челюстями, утыканными острыми, словно бритвы, зубами. В то же время он испытывал постоянно увеличивающееся давление, но теперь оно не только разрывало череп, а распространилось на поверхность его тела более или менее равномерно; разве только легкие ощущали его немного больше.

Все началось с того самого момента, когда ему удалось избежать первых смертельных объятий Исисси. При этом они поменялись местами: она покинула сундук, он же, напротив, приблизился к нему. Затем, когда она изготовилась для второго броска (колючие ноги плотно сжаты, руки прижаты к чешуйчатым бокам, челюсти широко открыты, зеленые глаза горят), а он в свою очередь приготовился отразить ее натиск, ему вдруг пришла в голову неожиданная мысль: он

схватил в охапку лежавшую сверху штуку материи и подбросил вверх. Облако шелка разделило их медным занавесом. Этот маневр и впрямь на некоторое время отвлек нападавшую, но, опомнившись, она так хватанула зубами прямо сердцевину розовато-оранжевого облака, что от него остались одни клочки и ошметки, и, разумеется, ни о каком плаще, или платье для приемов, или церемониальном платье для хранительницы сокровищ Сиф не приходилось уже и мечтать.

Повернувшись в другую сторону, Мышелов оказался лицом к лицу с Мордругом. Он решил повторить удачно сработавший прием, и в воздух взметнулся кусок фиолетового шелка, который он скрепя сердце купил для гордячки Афрейт. Но и его постигла та же участь: через несколько мгновений от него осталось лишь облако узеньких полосочек, в котором, словно чудовищная луна, переливалась серебром устрашающе щелкающая челюстями физиономия Мордруга.

Сзади, прорвавшись сквозь облако медно-красных клочьев, вновь наседала Исисси. Но и эта атака была отбита при помощи штуки ярко-алого шелка, предназначавшегося в подарок рыбачке Хильзе, бывшей проститутке. Однако и этому куску повезло не больше, чем двум другим: зубы

морского чудовища превратили его в ничто так же быстро, как близящаяся ночь стирает последние отблески заката.

Пришлось Мышелову принести в жертву морским демонам все так любовно и дипломатично выбранные подарки: бронзово-желтый атлас для подруги Хильзы, Рилл, темно-коричневый с золотым шитьем для Фафхрда, нежно-розовый и цвета морской волны снова для Сиф, небесно-голубой для Афрейт — чтобы Фафхрд не дулся, пурпурный для Пшаури (в честь его повышения в звании) и даже один для Гронигера (самый незатейливый черный). Когда вся эта роскошь превратилась в груду самого дорогого в мире конфетти, сундук оказался пуст.

По счастью, атаки демонов к этому времени тоже стали заметно менее интенсивными и утратили свою первоначальную ярость, а потом и вовсе сошли на нет, превратившись в почти бесцельное колыхание взад-вперед, сильно напоминавшее конвульсии издыхающей рыбы. Одновременно чудесным образом стало уменьшаться и давление.

А дело было вот в чем: после того как «Морской ястреб» соскользнул в оставленный телом левиафана провал, свинец, залитый в его киль (именно

он и делал корабль устойчивым), потянул судно вниз. Обильный груз, и в особенности бронзовые слитки и медные пластины, тоже увлекал корабль в пучину. Но, с другой стороны, большая часть груза состояла из товаров, которые были легче воды, — хорошо просушенный лес, просмоленные бочки с мукой, шерстяные мешки с зерном. Да к тому же, благодаря просмоленной парусине, которой был укрыт лес, и пропитанной жиром грубой шерсти, укрывавшей зерно, груз оказался водонепроницаемым, и воздух, в больших количествах скопившийся внутри упаковки, превратил его в поплавки. До тех пор, пока товары находились на поверхности, своим совокупным весом они погружали корабль в воду, но, оказавшись под водой, груз начал выталкивать «Морского ястреба» назад, на поверхность.

Опять же, при обычных условиях — то есть если бы груз был закреплен всего лишь как обычно — все, что было на палубе, могло бы оторваться от нее и всплыть: доски и бревна плавали бы по поверхности моря, словно остатки рассыпавшегося плота, мешки с зерном подпрыгивали бы на волнах, как воздушные шары, а «Морской ястреб» тем временем продолжал бы опускаться в водяную могилу, увлекая с собой и тех, кто находился

в каюте под палубой, и пораженных ужасом моряков наверху, которые, уцепившись в панике за что попало, не успели вовремя ослабить хватку.

Но, пустившись в коммерцию, Мышелов принял твердое решение завоевать славу самого умного и дальновидного негоцианта и потому пустил в ход всю свою смекалку и всю силу своих легких, надзирая за погрузкой своего корабля в брульской гавани; к тому же ему совершенно не хотелось, чтобы у Фафхрда, или у Сиф, или (Мог сохрани!) у Скора была причина критиковать его. А если добавить к этому еще и слегка отдававшую садизмом настойчивость, с которой он гонял свою команду по кораблю во время путешествия, заставляя привязывать и перевязывать груз, то станет понятно, что так надежно, как на палубе «Морского ястреба», груз не был укреплен еще нигде и никогда. Таким образом, то, что другие утром описываемого дня расценивали как безумный каприз своего капитана, обеспечило спасение кораблю и команде.

Конечно, веревки и канаты скрипели и трещали под водой (еще бы, ведь они тянули наверх целый корабль), но ни одна из них не лопнула и не развязалась, ни один хранивший воздух мешок не всплыл раньше, чем «Морской ястреб»

достиг поверхности.

14

Так вот и получилось, что Мышелов смог выбраться из каюты через люк, вновь увидеть ясное голубое небо, наполнить свои легкие более подходящей для них субстанцией и слабым голосом поздравить Миккиду и одного из минголов, бултыхавшихся и отплевывавшихся неподалеку, с чудесным спасением. Правда, «Морской ястреб» зачерпнул порядочно воды, но зато корабль по-прежнему уверенно держался на плаву, мачта и парус были невредимы, хотя с последнего потоками стекала вода, море оставалось спокойным, а команда (как вскоре выяснилось) в полном здравии. Поэтому Мышелов решил, что ничто не помешает его людям вычерпать воду, откачать остатки насосом и продолжить путешествие. Занятые подготовкой корабля к дальнейшему плаванию, матросы не обратили внимания на двух довольно больших рыб, которые, пометавшись по палубе, перескочили через борт и скрылись в морских глубинах, — что же в этом особенного, во всем Невоне так и заведено, что вода более всего подходит рыбам для жизни.

15

Две недели спустя, через неделю после благополучного возвращения «Морского ястреба» в Соленую Гавань, Фафхрд и Афрейт устроили в «Обломке кораблекрушения» обед для капитана Мышелова и его команды; впрочем, сам Мышелов и Сиф оплатили часть расходов из той прибыли, которую дал последний рейс. Многочисленные друзья-островитяне также получили приглашения. День торжественного обеда совпал с первой снежной бурей: зимние штормы в тот год долго обходили остров стороной. Но за просоленными морскими ветрами стенами таверны было тепло и уютно, выпивки предостаточно, и еда такая, что лучше и желать нечего, — пожалуй, если бы не один нюанс.

— Фруктовый суп немного отдает жиром и шерстью, — заметила Хильза. — Не то чтобы очень сильно, но довольно неприятно.

— Да это из-за жира, которым пропитали мешковину, — просветил ее Миккиду. — Благодаря ему вода не дала мешкам промокнуть, и они не дали нам утонуть. Они были как поплавки. Капитан Мышелов все предусмотрел.

— И все равно девчонка в его каюте была, — напомнил ему Скор вполголоса. — И этот чертов сундук с тряпками тоже. Враль он, каких мало, — с этим-то ты не поспоришь.

— Да, но ведь девчонка-то оказалась морским демоном, и тряпки понадобились ему для защиты, а это уже совсем другое дело, — возразил верный Миккиду.

— А я и видел ее только в образе призрачного морского демона с серебряными плавниками, — вставил старый Урф. — В ту ночь, когда мы вышли из Но-Омбрульска, я видел, как она поднялась из каюты на палубу и оттуда вызывала морских духов и чудовищ и говорила с ними.

— Почему же ты не доложил об этом Мышелову? — спросил Фафхрд, указывая на почтенного мингола своим железным крюком.

— Кто же говорит о призраках в их присутствии? — удивился тот. — Верный способ добавить им силы. Молчание — золото, как говорится.

— Да, а слово — серебро, — веско бросил Фафхрд.

Рилл через весь стол обратилась к Мышелову с вопросом:

— А что же ты делал с демоницей, пока она

оставалась в образе девушки? Я так понимаю, ты держал ее связанной или, по крайней мере, пытался?

— Да, — ввернула сидевшая рядом Сиф. — Ты ведь даже подумывал одно время сделать из нее для меня служанку, не так ли? — Она лукаво улыбнулась. — Подумать только, какую помощницу я потеряла, не говоря уже о прекрасных тканях.

— Да, я замахнулся на то, что мне явно было не по силам, — мужественно признал Серый, зардевшись. — Счастье, что хоть жив остался. — Он повернулся к Сиф. — А если бы ты не выдернула мое изображение из того меченого золота, то живым бы мне не уйти.

— Именно я тебя туда и засунула, — ответила она, положив ладонь на его руку, лежавшую на столе. — Но, будем надеяться, теперь оно очищено.

Она лично провела церемонию очищения сакрального золота от гибельного влияния Симоргии, которому магические предметы подверглись, когда морские духи вторглись в сокровищницу. Ей помогала матушка Грам, сомневавшаяся, надо сказать, в действенности этого ритуала.

Потом Скор описал прыжок левиафана через палубу «Морского ястреба». Афрейт понимающе кивнула и сказала:

— Однажды я плыла в рыбачьей лодке, и рядом с нами вынырнул кит. Такое не скоро забудешь.

— Да, и когда увидишь свой корабль с обратной стороны планшира, тоже, — задумчиво ответил Мышелов. Потом, подмигнув, добавил: — Клянусь Могом, вот это был бы удар!

Звездная болезнь и тихое помешательство
1

Однажды, когда морозный и ветреный день ранней весны на Льдистом острове уже клонился к вечеру, Фафхрд и Серый Мышелов с удовольствием опустились на сиденья отдельной кабинки в таверне «Обломок кораблекрушения», что в Соленой Гавани. Несмотря на то что на острове они прожили всего год, а завсегдатаями таверны числились восемь месяцев, никому и в голову не приходило оспаривать их право на отдельную кабинку в этом заведении — во всяком случае не в их присутствии. Оба порядком устали: один руководил работами по ремонту днища «Морского ястреба», который нужно было закончить до полнолуния, пока не наступила пора высоких приливов, а потом зашел на стрельбище пострелять немного из лука; второй присматривал за тем, как движется постройка новых казарм, предназначавшихся одновременно и под склады, а заодно и производил ревизию имеющихся в наличии строительных материа-

лов. Однако пара кружек горького эля на брата заставила позабыть все дневные заботы, и мысли их потекли совершенно в ином направлении. У стойки бара стояли их помощники: здоровяк Скор, ростом не уступавший самому Фафхрду, и коротышки-воры Пшаури и Миккиду, остепенившиеся за последние несколько месяцев. Хозяин за стойкой уже зажигал факелы, так как еще по-зимнему короткий день клонился к вечеру и в углах таверны сгущался полумрак.

Сосредоточенно подравнивая острым как бритва Кошачьим Когтем ноготь большого пальца, Мышелов начал:

— Помнится, каких-то семнадцать лун тому назад мы с тобой сидели в таверне «Серебряный угорь» в Ланкмаре и считали, что Льдистый — легенда. И вот мы здесь.

— Ланкмар, — протянул Фафхрд, чертя своим металлическим крюком по поверхности стола. — Кажется, слыхал я о таком городе. Странно все-таки, как часто мы с тобой думаем об одном и том же. Можно подумать, что мы — разлученные половинки одного человека, только был ли он героем или злодеем, философом или негодяем — трудно сказать.

— Я бы сказал — демоном, — тут же ответил Мы-

шелов. — Демоническим воином. Мы и раньше гадали, кем он мог быть, помнишь? Мы решили, что во время боя он ревел, как разъяренный медведь. Может, он и был медведем-оборотнем.

Фафхрд продолжал с усмешкой:

— Но в ту ночь (с той поры здесь прошло уже двенадцать лун, да еще в Ланкмаре пять) мы оба выпили по двенадцать кружек горького эля вместо обычных двух, да еще и полирнули их бренди — вряд ли в таком состоянии можно отличить вымысел от реальности. Ну а потом в «Угорь» вошли две героини с прославленного Льдистого, реальные, как похмелье, ведь так?

Одетый во все серое коротыш, не обращая внимания на слова северянина, тем же задумчивым тоном продолжал:

— А ты, набравшись до самых бровей — что, разве не так? — завел жалобную песню о том, как тебе не хватает работы, земли, ответственности, сыновей и прочих обязанностей, включая жену!

— Да, и вот теперь у меня все это есть, и даже жена! А ты, кстати, был не трезвее моего — тоже жаловался на судьбу, как и я! — заявил Фафхрд. Глаза его затуманили воспоминания. Он добавил: — Хотя, быть может, лучше было бы назвать мою жену товарищем или компаньоном — даже

партнером.

— Одна в трех лицах, — подытожил Мышелов. — Что же до остальных благ, которых жаждал твой затуманенный винными парами разум, — и здесь двух мнений быть не может! — то мы оба просто нашпигованы ими, как свиной окорок чесноком. Вот только сыновей, насколько я знаю, нет. Если, конечно, не считать перезревшими младенцами наших людей, каковыми они мне иногда и кажутся.

Фафхрд, вглядывавшийся в дверной проем на протяжении последней тирады Мышелова, поднялся со словами:

— Кстати, о дамах, а не присоединиться ли нам к ним? Их кабина, кажется, побольше нашей.

— Конечно. Чего мы ждем? — ответил Мышелов, вскакивая на ноги. Затем тихо добавил: — Скажи мне, они только что появились? Или, когда мы вошли, нам так не терпелось промочить горло, что мы ничего вокруг не видели и не слышали?

Фафхрд пожал плечами:

— Кто знает? Да и какая разница?

— Для них, может, и есть разница, — ответил другой.

2

Много ланкмарских миль восточнее и южнее, во тьме безлунной ночи, на краю Великой Соленой топи архимаг Нингобль держал совет с чародеем Шильбой. Каждый раз, когда он, сотрясаясь всей своей тушей, с риском для жизни склонялся со спины слона, пронесшего своего владельца от пещеры в пустыне через Зыбучие земли сквозь все препятствия к условленному месту, семь сверкающих глаз искрами вспыхивали в тени широкого, низко опущенного капюшона. Его собеседник, выпрямившись во весь рост в дверях крохотной хижинки, пришедшей сюда своим ходом из самого центра ядовитых топей, устремил безглазое лицо ему навстречу. Оба волшебника изо всех сил старались перекричать, перереветь или перевизжать тот безымянный космический гвалт (не слышный уху простого смертного), который сводил на нет все их предшествующие попытки побеседовать на расстоянии. И вот наконец им удалось услышать друг друга!

— Некие неопровержимые признаки указали мне, что волнение в магических сферах, ломающее и сводящее на нет все мои заклинания,

есть результат исчезновения из Ланкмара моего слуги и ученика варвара Фафхрда. Без его легковерного добродушия вся моя магия обращается в дым, а нехватка присущего ему романтического идеализма не позволяет ставить высокие цели, — одышливо просипел Нингобль.

На что Шильба ответил:

— И я тоже знаю теперь наверняка, что вся моя злая волшба терпит поражение оттого, что вместе с ним ушел Мышелов, мой протеже, которому я доверял самые мрачные и мерзкие поручения. Злые чары не срабатывают без подпитывающей их угрюмой, всепоглощающей злобы, характерной для него. Необходимо вытащить его с этого богами забытого острова, и Фафхрда с ним вместе!

— Но как же мы это сделаем, коль наша волшба утратила силу? Какому слуге можем мы поручить столь важную и ответственную миссию? Я знаю одну молодую ведьму, которая могла бы сослужить нам эту службу, но как раз сейчас она в рабстве у Кхахкта, сильного мага той холодной страны, — а он враждебен нам. Или же отыскать в шумном царстве духов их мнимого воинственного предка, известного под именем Ворчун? Невеселая задача! Куда бы я ни бросил

взгляд, повсюду встречаются лишь препятствия и неуверенность…

— Я сообщу об их местонахождении Могу, Паучьему Богу, покровителю Серого, — этот шум не препятствие для молитвы, — прервал его Шильба хриплым отрывистым шепотом. Присутствие велеречивого, рассеянного, вечно колеблющегося волшебника, способного видеть семь сторон одного вопроса одновременно, всегда помогало ему проявить себя с наилучшей стороны. — А потом вы вместе отправитесь в качестве советников к богам Фафхрда: этой доисторической скотине Косу, привередливому калеке Иссеку. Как только они узнают, где скрываются их былые почитатели, то нашлют на них такие громы и молнии, такие кары и проклятия, что те сами приползут к нам как миленькие и будут, скуля, умолять освободить их от наказания.

— И как это я сам до этого не додумался? — протестующе воскликнул Нингобль, носивший также прозвище Сплетник Богов. — За дело! За дело!

3

Весь Невон, как известно, расположен меж двух полюсов — Северным полюсом Смерти, или Царством Теней, и его полной противоположностью — благодатной Землей Богов, занимающей южную оконечность самого южного континента этого мира. Это райское место отделяет от более беспокойных и менее приятных северных земель Великое Экваториальное течение (в котором, как говорят, купаются звезды), субэкваториальные пустыни и горы, известные под названием горы Старейших. Именно там, на этой обетованной земле, и встретились боги Мог, Иссек и Кос. Место встречи они выбрали подальше от других божеств Невона, более культурных и утонченных, которым не по нраву были ни вши, блохи и беспрестанное ворчание неолитического бога Коса, ни некоторая женоподобность Иссека, хотя у Мога и были некоторые связи среди этих, как он их называл, «высших существ».

Трудно было бы сыскать троих столь непохожих друг на друга существ, как боги Мог, Кос и Иссек: их объединяла лишь общая печальная судьба — ни у кого из них практически не оста-

лось почитателей. Молитвы, просьбы и даже богохульства стали в последнее время куда как редки, и всеми позабытые божки проводили целые дни в торжественном молчании, как и подобает богам; однако в их случае молчание явно затянулось и грозило вот-вот перейти в транс или смертное забытье. Поэтому все трое несказанно обрадовались, получив послание от магов, и тут же на него отреагировали.

— Ах они безбожники, мошенники, драчуны! — зашипел Мог, раздвинув в ядовитой усмешке широкий тонкогубый рот. В этот момент он очень напоминал паука, поджидающего в засаде муху. — Они-то нам и нужны! С ними, досточтимые небожители, нам всем работа найдется. Перед нами открывается редкая возможность попрактиковаться в карах и проклятиях.

— О да, чудесная перспектива! — подключился Иссек, оживленно размахивая кистями вывихнутых на дыбе рук. — Я давно должен был о них подумать — наши самые прославленные вероотступники скрылись на своем замороженном острове, чуть ли не в самом Царстве Теней, и думают, что мы уже над ними не властны, — какое ребячество, какая наивность! Но они за это поплатятся!

— Псы неблагодарные! — проскрежетал Кос сквозь лохматую густонаселенную черную бороду. — Мало того что они отвергли нас, их истинных небесных отцов и заступников, так они еще и отреклись от всех приличных невонских божеств, связались с атеистами и стали прислуживать чужим богам, проститутки несчастные! Клянусь туманами и молниями, они у нас еще попляшут! А ну, где тут моя палица?

Известно было, что Могу и Иссеку приходилось время от времени применять силу, чтобы удержать Коса от опрометчивых поступков и не дать ему лично наказать какую-нибудь слишком строптивую или далеко заблудшую овцу.

— Предлагаю снова поссорить их с женщинами, — прочирикал Иссек. — Женщины имеют над мужчинами власть порою не меньшую, чем боги.

Мог отрицательно покачал своей громадной головогрудью:

— Наши мальчики слишком примитивны в своих запросах. Рассорь мы их с Афрейт и Сиф, как они тут же заведут шашни с Рилл и Хильзой, потаскухами из Соленой Гавани. — Пользуясь данной богам привилегией, Мог с легкостью узнал все подробности жизни на Льдистом ост-

рове, стоило ему лишь подумать о нем. — Нет, на этот раз придется выдумать что-нибудь похитрее.

— Чума на все эти тонкости! — взревел Кос. — Пытать их! Наслать на них кашель, пусть задохнутся, пусть у них член отгниет, пусть все кости размякнут!

— Тише, тише, а то ведь мы и вовсе их со свету сживем, — забеспокоился Мог. — У нас не так много почитателей, чтобы разбрасываться ими направо-налево, ты, пожиратель огня. Экономнее надо быть, экономнее! Кроме того, да будет тебе известно, угроза всегда страшит больше, чем ее исполнение. Думается мне, что самое подходящее для них наказание — старческий маразм, как вы полагаете?

— Что ж, вполне, — согласился внезапно протрезвевший Кос. — Мне, во всяком случае, этого было бы вполне достаточно.

— Значит, если я правильно тебя понял, старый Арахн, ты хочешь свести интересы твоего скользкого Мышелова к повседневным банальностям, заставить его думать не о манящем приключениями горизонте, но о ночном колпаке, обеденном столе, отхожем месте и кухонной плите? С большой дороги в сточную канаву, так сказать. Из

океана в лужу. Не грандиозный пейзаж, а мутное окошко на задний двор. Гром не из тучи, а из навозной кучи, — прокомментировал предложение коллеги Иссек.

Мог в возбуждении распахнул все восемь глаз:

— А для твоего Фафхрда мы приготовим совсем другой сюрприз: пусть воображает себя звездочетом, пусть он забудет обо всем, что имело для него значение прежде, и только маленькие искорки света высоко в ночном небе будут манить и интересовать его. В то же время между ним и его приятелем разверзнется неодолимая пропасть и они ничем не смогут друг другу помочь.

— И, задрав голову к небу, он будет спотыкаться и падать, и ему будет уже не до тех маленьких удовольствий, которые он мог бы получать на земле, — быстро закончил Иссек, ловя мысль на лету.

— Да, и пусть он целыми днями заучивает их имена и изучает нарисованные ими в небе фигуры! — ввернул Кос. — Работы ему хватит на целую вечность. Сам я никогда не мог в них разобраться, в звездах этих. Скачут по небу туда-сюда, точно вши или блохи какие. Прямо оскорбление богам — считать, что это мы их создали.

— А потом, когда чаша унижений будет испита

ими до дна, мы подумаем, как отменить или облегчить их тяготы, — промурлыкал Иссек.

— Нет уж, пусть так и остаются, — возразил Кос. — Никакой снисходительности. Вечное проклятие — как раз то, что надо!

— Этот вопрос мы решим, когда настанет время. А теперь за работу, господа! Нам еще предстоит состряпать множество проклятий, — подвел итог встречи Мог.

4

Тем временем в таверне «Обломок кораблекрушения» Афрейт и Сиф пригласили Фафхрда и Серого Мышелова, несмотря на опасения последнего, присоединиться к ним в их кабине и даже позволили угостить себя кружкой горького эля. Обе дамы происходили из старинных, но потихоньку приходивших в упадок семей — по сути, были кем-то вроде незамужних матриархов. Островитяне их уважали и время от времени поручали им высокие официальные должности. Кроме того, на протяжении последнего года они делили с Фафхрдом и Мышеловом все тяготы и ответственность за походы и деловые предприятия, а также и постель (последнее, впрочем,

вошло в обыкновение сравнительно недавно). Походов было два: почти бескровное выдворение с острова передового отряда безумных морских минголов, что было достигнуто совокупными силами людей Фафхрда (двенадцати здоровенных берсерков-северян) и Мышелова (такого же числа ставших воинами коротышек-воров); да еще при несколько сомнительном содействии двух бродячих богов, Одина и Локи, вечно скитающихся из одной вселенной в другую. Под вторым походом подразумевались небольшая вылазка с целью вернуть на остров имевший сакральную ценность набор золотых предметов, называемых Символами Разума. А поскольку Сиф и Афрейт нанимали двух друзей для участия в этих предприятиях, то можно сказать, что их отношения с самого начала были поставлены на деловую основу. Другим деловым предприятием была торговая миссия Мышелова (капитана Мышелова в данном случае) на «Морском ястребе», одномачтовике Фафхрда, со смешанной командой из берсерков и воров и товарами, которыми их снабдили обе дамы, в Но-Омбрульск, куда можно попасть только летом, ибо зимой море в тех местах сковывает лед. В том, а также и в ряде других случаев люди Фафхрда и Мышелова, с

одной стороны, и данники Сиф и Афрейт — с другой, делили между собой всю черновую работу, участие в делах принимали и вольнонаемники.

Что до постели, то обе четы, хотя еще и не достигли того, что принято называть «средним возрастом» (по крайней мере внешне), уже были ветеранами любовных сражений; любые отношения, интимные в том числе, завязывали они с большой осторожностью и предусмотрительно, стараясь соблюдать дистанцию между собой и партером и на всякий случай держа открытыми пути к отступлению. С момента гибели своих первых возлюбленных Фафхрд и Мышелов искали любовных утех только у битых жизнью, хотя и не утративших привлекательности девушек-рабынь, юных бродяжек и демонических принцесс, которых легко встретить и еще легче потерять. Альковные радости никогда не были целью их приключений — скорее их побочным результатом. Оба героя хорошо чувствовали разницу между прошлыми скороспелыми романами и отношениями с женщинами Льдистого острова: последние связывали их достаточно серьезными обязательствами. Романы Афрейт и Сиф были столь же преходящи: их партнерами были твердолобые и не склонные к романтике обитатели

Льдистого, уже в юности демонстрировавшие незаурядный здравый смысл и полное отсутствие фантазии; либо разного рода морские скитальцы, появляющиеся и исчезающие со скоростью ветра или, точнее, урагана.

Тем не менее дела обеих пар на любовном фронте складывались весьма успешно. И по правде сказать, Фафхрда и Мышелова это радовало даже больше, чем они готовы были признать. Каждый из них начал понемногу уставать от бесконечных поисков приключений; в особенности утомило их последнее, в котором, в отличие от их прежних одиноких вылазок, они вынуждены были нанимать людей и командовать ими, а следовательно, нести ответственность бóльшую, чем обычно. Естественно, что после таких трудов они чувствовали себя вправе вкусить отдыха и тихих радостей домашнего очага, позабыть на время об ударах коварной Судьбы, а также о ее дарах и искушениях, которыми она заманивает наиболее непоседливых на путь приключений и опасностей. А если уж говорить совсем начистоту, то обе женщины также были весьма близки к тому, чтобы признаться себе в подобных чувствах.

Так они и сидели одним тихим весенним вечером за столом в таверне, потягивали горький

эль, обсуждали дела и заботы дня минувшего, делились планами на день грядущий, вспоминали сражения с минголами и осторожно расспрашивали друг друга о тех временах, когда они еще не были знакомы; каждый из них втайне наслаждался мыслью о том, что теперь у него — или у нее — было двое или даже трое друзей, на которых можно положиться, а не один товарищ того же пола, как это было раньше.

За дружеской беседой Фафхрд и поведал об их с Мышеловом фантазии, будто они половинки или даже более мелкие фрагменты, осколки, некоего жившего ранее существа, прославленного либо героическими деяниями, либо, напротив, злодейскими поступками, чем и объясняется сходство их мыслей.

— Как странно, — удивилась Сиф. — И мы с Афрейт по той же самой причине считаем себя духовными половинками королевы-ведуньи Скелдир, правившей Льдистым в незапамятные времена, когда гордые башни Симоргии возвышались еще над морскими волнами. Раз за разом приходилось Скелдир отражать набеги симоргийцев, жаждавших присоединить наш остров к своей империи, и всегда победа оставалась за ней. Как же звали вашего героя — или великого

злодея? — если вам так больше по нраву.

— Сие мне неведомо, госпожа, ибо он, может статься, жил еще в те времена, когда люди, подобно животным, не ведали магии имен. Его узнавали по боевому кличу — всякий раз, вступая в сражение, он издавал короткий хриплый кашель, подобный львиному рыку.

— Еще одно удивительное сходство! — воскликнула Сиф. — Королева Скелдир имела обыкновение встречать угрозу резким отрывистым смехом, в особенности если это была опасность, при виде которой бледнели и отступали даже бывалые воины.

— Я называю нашего звероподобного предка Гузорио, — вмешался Мышелов. — Не знаю, что думает Фафхрд. Великий Гузорио Ворчун.

— Судя по твоим словам, он и впрямь похож на животное, — вступила в беседу Афрейт. — Скажи мне, случалось ли тебе хоть раз видеть этого Гузорио хотя бы во сне или в видении или слышать отголоски его древнего боевого клича в ночи?

Но Мышелов, словно не слыша обращенных к нему слов, внимательно разглядывал выщербленную поверхность стола, низко склонив над ней голову.

— Нет, госпожа моя, не случалось, — ответил

Фафхрд за своего впавшего в задумчивость товарища. — По крайней мере я не видел. Нам нагадала это одна колдунья или гадалка, так что, скорее всего, это лишь плод воображения. Доводилось ли вам слышать смех или видеть облик чародейки-воительницы?

— Нет, не доводилось, — вынуждена была признать Афрейт. — Хотя хроники нашего острова хранят множество упоминаний о ней.

Но не успела она закончить свою речь, как взгляд Фафхрда устремился куда-то за ее спину. Оглянувшись, она не увидела ничего, кроме мрака, сгущавшегося в широко распахнутом дверном проеме.

Сиф поднялась на ноги:

— Так, значит, ужинаем у Афрейт через полчаса?

Мужчины рассеяно кивнули. Фафхрд, продолжая смотреть мимо Афрейт, склонил голову вправо; женщина, снисходительно улыбаясь, тоже отвела от него взгляд.

Мышелов откинулся назад и еще ниже опустил голову, внимательно изучая ножки стола.

Фафхрд заметил:

— В это время года звезда Астарион уходит за горизонт почти сразу же после заката. Совсем

невозможно за ней наблюдать.

— Сохрани меня бог тягаться с вечерней звездой, — забавляясь, произнесла Афрейт и встала. — Пойдем, сестра.

Мышелов оторвал взгляд от ползущего по ножке стола таракана только тогда, когда тот достиг наконец пола. Насекомое припадало на один бок, так как у него не хватало лапки. Затем они с Фафхрдом допили эль и пошли по узкой улице вслед за своими подругами. На протяжении всего пути один из них заглядывал в придорожные канавы, не пропуская ни одной, точно надеясь отыскать там сокровище, а другой не сводил глаз со звезд, подмигивавших в ночном небе, вспоминая знакомые названия и высчитывая расположение тех светил, что не были ему известны.

5

Положив начало своей затее, Шильба и Нингобль вернулись в свои обители: одного ждала пещера в пустыне, другого — островок в самом сердце непролазной Великой топи. Между тем буря в магическом пространстве начала ослабевать, что оба волшебника сочли за доброе предзнаменование. Три божка довольно ухмы-

лялись, взбодрившись процессом изготовления проклятий. Всеми позабытый закоулок Небес, служивший им обиталищем, уже не казался Иссеку таким холодным, Кос перестал ворчать, что здешняя жара лишает его воли, а мысли коварного, словно паук, Мога приняли совершенно иное, куда более приятное, чем обычно, направление.

Зерно упало на плодородную почву и со временем могло бы дать хороший урожай, однако некоторые боги, равно как и некоторые чародеи, никак не могут держать язык за зубами, и вскоре известие о предполагаемом возвращении Фафхрда и Мышелова в Ланкмар, передаваясь от жреца к повитухе и от повитухи к нищенке, достигло ушей тех сильных мира сего, которые радовались исчезновению двух героев и вовсе не жаждали их нового появления в своих владениях. А ведь всякому известно, что сильные мира сего более всего дорожат своим покоем и потому готовы перевернуть небо и землю, лишь бы отвести от себя угрозу малейшего беспокойства.

Так и случилось, что Пульг Артонакс, скупой и несговорчивый верховный правитель Ланкмара, ненавидевший любых героев вообще, а подобных Фафхрду светловолосых великанов в особенности, и Гамомель, прижимистый и беспощадный

магистр Цеха Воров, не выносивший Мышелова, в котором он видел опасного конкурента, с одной стороны, и как человека, переманившего к себе на службу двенадцать самых многообещающих подмастерьев Цеха, — с другой, посоветовались и поручили Ордену Наемных Убийц, элите Братства Душегубов, навсегда задержать ненавистных Двоих на Льдистом острове, прежде чем те успеют навострить лыжи в сторону Ланкмара. А поскольку Арт-Пульг и Гамомель были самыми ужасными крохоборами и скупердяями, каких только видывал свет, то они торговались с Орденом, пока не сбили цену до самых нижних пределов, да еще и объявили три четверти всей возможной добычи, обнаруженной убийцами в карманах их жертв или в непосредственной близости от них, своей законной долей.

Ордер на убийство был оформлен; все свободные на тот момент члены Ордена собрались, чтобы тянуть жребий, после чего состоялась тайная торжественная церемония, в которой, помимо двоих избранных, участие принимали только Великий Магистр и Летописец Ордена. Те, на кого пал жребий, лишались отныне знаков отличия, любых занятий и званий и вплоть до исполнения порученного им задания должны

были именоваться Смерть Фафхрда и Смерть Мышелова.

6

Назавтра, когда новой луне исполнился лишь один день от роду и прилив продолжал оставаться таким же низким, как и прежде, ремонт «Морского ястреба» шел своим чередом. Во время перерыва — а это было уже довольно позднее утро — Фафхрд отошел в сторонку и начал разглядывать северо-восточную часть неба. Взгляд его блуждал, как у безумца. Через некоторое время к нему подошел Скор и тоже уставился наверх. Он ничего не видел в серо-голубом небе, но по опыту знал, что у его капитана зрение необычайно острое.

— Что там, орлы? — спросил он тихонько.

Фафхрд устремил на него задумчивый взор, затем улыбнулся, встряхнул головой и заявил:

— Я пытался вспомнить, какие звезды видны здесь ночью.

— Звезды? — недоуменно наморщил лоб Скор.

— Да, — подтвердил Фафхрд. — Как ты думаешь, куда прячутся днем звезды?

— Уходят, — ответил Скор, просияв. — На заре

они уходят, а с закатом возвращаются. Их огни гаснут — как костры зимнего лагеря! Там, где живут звезды, наверняка очень холодно, холоднее, чем на вершинах гор. Конечно, пока не выйдет солнце и не согреет все вокруг.

Фафхрд отрицательно покачал головой:

— Звезды маршируют по небу в том же неизменном порядке день за днем, год за годом, век за веком, наверное. Они не бросаются врассыпную с приходом дня и не прячутся, словно звери, в норах и логовах, но продолжают свой размеренный марш даже при свете солнца — под покровом дня, если можно так выразиться.

— Звезды светят днем? — переспросил Скор, изо всех сил стараясь скрыть свое замешательство.

Потом он понял, к чему клонит Фафхрд, — или подумал, что понял, — и в его взоре промелькнуло удивление. Он знал, что его капитан был отличным полководцем, который никогда не вступал в бой, не разведав предварительно всех подробностей расположения сил противника, в особенности там, где можно было легко спрятать целую армию, например в лесу или в морском тумане. Теперь капитан применял то же правило к звездам, следя за каждым их движением, словно они были передовыми отрядами минголов,

движущимися на Льдистом.

Но что за странность — ассоциация врагов со звездами! Капитан, видно, что-то задумал. А может, у него и в самом деле были там враги. До Скора доходили слухи, будто Фафхрд однажды был любовником самой королевы воздуха.

7

В тот вечер на северо-западной окраине Соленой Гавани, в потемневшем от времени кирпичном доме с низко нахлобученной крышей, Сиф и Серый Мышелов не спеша укладывались спать. Пока женщина прихорашивалась у зеркала, Мышелов сел на край кровати, поставил на стоявший рядом низкий ночной столик свой кисет и принялся вытаскивать из него разные удивительные предметы, аккуратно размещая их один подле другого. Необычность его коллекции состояла в глубокой заурядности всех входивших в нее вещей.

Сиф, которая хорошо видела в зеркале его медленные, размеренные движения, заинтересовалась и, прихватив плоскую черную коробочку, пересекла комнату и устроилась рядом с ним на краешке постели.

На столике уже лежали: зубчатое деревянное колесико с сархеенмарский доллар размером — у него не хватало двух зубчиков, перо зяблика, три одинаковых гладких камешка, обрывок задубевшей от грязи синей шерстяной ткани, погнутый железный гвоздь, лесной орех и черный выщербленный диск, который, видно, был когда-то ланкмарским тиком или восточным полупенсовиком.

Окинув предметы беглым взглядом, Сиф вопросительно посмотрела на Мышелова.

Он заговорил:

— Едва наступил вечер, я прямо из казарм направился сюда, и по дороге со мной случилась странная вещь. Зарево заката еще окаймляло горизонт, а в небе уже стоял полный невыразимой чистоты и изящества, точно призрак невинной девушки, молодой месяц. Он был прямо над крышей твоего дома, как будто служил знаком твоего присутствия здесь. Но, несмотря на эту красоту, я не мог оторвать взгляда от обочин дороги и придорожной канавы. Там я все это и нашел. Удивительный набор для скромного северного порта. Можно подумать, что все это собрано по меньшей мере в Илтхмаре… — Он покачал головой.

— Но зачем же нужно было подбирать это

все? — спросила Сиф.

Про себя она подумала: «Как старьевщик какой».

Он пожал плечами.

— Не знаю. Наверное, подумал, что пригодятся, — добавил он с некоторым сомнением.

Женщина произнесла:

— Все это напоминает всякую всячину, при помощи которой колдуны насылают порчу и накладывают заклятия.

Он вновь пожал плечами и сообщил:

— Они вовсе не то, чем кажутся. Например, вот этот… — Он указал на один из серых камешков. — Это не галька, как два других, это свинец, которым стреляли из пращи, может быть, даже я.

Задетый пальцем, камешек скатился со стола и ударился об пол с приглушенным, но достаточно убедительным стуком, доказывающим верность последнего наблюдения.

Нагнувшись за камешком, Мышелов замер, не в силах отвести глаз от устилавшего пол мраморного порошка, черного с красными и золотистыми крапинками. Когда его взгляд переместился на ступню сидевшей рядом Сиф, он обхватил ладонями ее ногу, положил к себе на колено и принялся внимательно рассматривать.

— Необычайно симметричный пятипалый обломок коралла из морских глубин, — вынес он свой вердикт, после чего склонился и запечатлел поцелуй у основания большого пальца, просунув кончик языка между ним и его соседом.

— Какой-то угорь крутится возле моего рифа, — промурлыкала она.

Прижавшись щекой к ее лодыжке, он устремил взор вдоль ее ноги. Ее ночное одеяние из тонкого коричневатого льна держалось на завязках между бедрами.

— У тебя волосы точно такого цвета, как крошка на полу.

Она ответила:

— Неужели ты думаешь, что я не учла этого, когда выбирала камень для крошки? Или забыла добавить туда золотистых блесток? Вот тебе подарочек.

И плоская черная коробочка, которую она держала в руках, скользнула вдоль ее обнаженного бедра к колену.

Он взял ее в руки, открыл и выпрямился, чтобы как следует рассмотреть содержимое.

Внутри, на черной подкладке, легким прозрачным облачком лежал рыбий пузырь.

Сиф произнесла:

— Этой ночью мы будем любить друг друга глубоко, но не настолько глубоко, чтобы завести дочку или сыночка.

Мышелов ответил:

— Я видел такие штуки из тончайшей промасленной кожи.

— Вряд ли такие же надежные, как этот, — возразила она.

— Да уж, на Льдистом и тут без рыбы не обошлось. Уж не начальник ли порта Гронигер додумался? Этому скупердяю, поди, не то что денег, а и спермы своей жалко, — проворчал, качая головой, Мышелов.

Он наклонился и поднял другую ее ногу себе на колени. Поприветствовав ее таким же манером, что и первую, он прижался щеками к ее щиколоткам и заглянул в щель между ногами.

— Этой ночью я намерен долго и неторопливо исследовать каждый участок твоего тела, ничего не пропуская, в точности как по дороге сюда нынче вечером, — прорычал он в предвкушении.

Она согласно кивнула, удивляясь, уж не унаследовал ли Мышелов этот рык от своего загадочного предка Гузорио, но потом решила, что для этого он недостаточно грозен.

8

Сидя на носу корабля, направляющегося с грузом зерна из Ланкмара через все Внутреннее море в Землю Восьми Городов, Смерть Фафхрда, высокий и тощий, как пугало, обратился к своему спутнику:

— Мне это воплощение и нравится, и не нравится. Пока что путешествие приятное, и говорить нечего, но к концу будет холодно, как у старухи в п…е, хотя и лето. Арт-Пульг — скупой хозяин, да и невезучий к тому же. Достань-ка мне яблочко из мешка.

Смерть Серого Мышелова, вечно улыбающийся и гибкий, как хорек, ответил:

— Гамомель не щедрее, да и не удачливее. Но работать на него все же выгодно. Я еще не освоился с этим обличьем, да и вкусов его не знаю. Сам выбирай себе яблоко.

9

Неделю спустя Фафхрд ужинал у Афрейт в ее выкрашенном светло-фиолетовой краской доме

на северной окраине Соленой Гавани. Вечер был не по-весеннему теплым и благоуханным; яркий молодой месяц уже стоял высоко в небе, звезды казались каплями вина, упавшими из лунной чаши, которую воздевшая ее рука богини опускала теперь к вечно жаждущим устам заката. Завершив трапезу, Афрейт и Фафхрд решили пройтись через Большой Луг к Эльвенхольму, узкому каменному шпилю в два полета стрелы высотой, вспоровшему ровную гладь полей примерно в лиге к западу от города.

— Смотри, — указал на изящный силуэт скалы Фафхрд, — она наклонилась к Тарджу (на небе Ланкмара это было самое северное созвездие), как будто гранитная стрела, которую боги нацелили прямо в небо.

— Сегодня ночью они, похоже, зажгли все огни в своих подземных мастерских, так что от их жара цветы и травы запахли, как летом. Давай немного отдохнем, — отозвалась Афрейт и, коснувшись плеча Фафхрда, опустилась на травянистый дерн.

И в самом деле, хотя еще не кончилась весна, а в воздухе уже пахло разнотравьем середины лета.

Окинув взглядом горизонт в поисках восходящих или покидающих его небесных скитальцев,

Фафхрд устроился справа от нее. Откуда-то сзади, то ли из города, то ли с моря, донесся призывный звук горна.

— Ночные рыбаки рыбу подманивают, — высказал предположение Фафхрд.

— Прошлой ночью мне снился сон, — откликнулась Афрейт, — будто я гуляю в лесу, как вдруг из моря выбирается чудовище и идет за мной. Я вижу, как его чешуйчатая мокрая кожа светится в темноте. Но мне не страшно, и тогда этот зверь начинает понемногу превращаться в человека. Мне кажется, чудовище хотело меня не напугать, а предостеречь.

Когда она умолкла, последовал вопрос:

— Какого пола оно было?

— Женского, конечно, — без запинки ответила она и тут же засомневалась: — То есть я так думаю. А может, у него вообще пола не было? В самом деле, почему же я не подождала, пока оно поравняется со мной, почему сама не пошла ему навстречу? Наверное, я чувствовала, что стоит мне повернуться к нему лицом, как оно тут же вновь обернется животным, бессловесной тварью.

— Мне тоже снился удивительный сон прошлой ночью, и чем-то он был невероятно похож

на твой, — проговорил Фафхрд. — Или я грезил при свете дня? В последнее время со мной и такое тоже случается. — С этими словами он во весь рост вытянулся на упругой молодой травке, чтобы лучше видеть закрученные тугой спиралью семь звезд Тарджа. — Мне снилось, будто я нахожусь в огромном замке. Там миллион темных комнат, и я брожу по ним в поисках Гузорио (хотя мы с Мышеловом и придумали его, иногда он словно бы становится реальным), потому что во сне — может быть, внутри того сна я видел другой сон — кто-то сказал мне, что он хочет о чем-то рассказать.

Афрейт повернулась на живот и склонилась над ним, внимательно глядя ему в глаза, пока он говорил. Светлые волнистые волосы двумя плавными водопадами ниспадали по обеим сторонам ее лица. Он слегка изменил позу, так что пять из семи звезд Тарджа оказались у нее над головой, как корона (теперь его взгляд устремлялся то к ним, то к серебряному шнуру, стягивавшему края ее фиолетового корсажа), и продолжал:

— В двенадцатижды двенадцатой комнате я увидел стоявшую у дальней двери фигуру, одетую в чешуйчатую серебряную кольчугу (здесь наши сны совпадают), но она стояла спиной ко мне, и

чем дольше я на нее смотрел, тем более высокой и тощей казалась она, — Гузорио должен быть совсем не таким.

Тем не менее я окликнул ее в полный голос и в тот самый момент, когда мой голос разорвал царившую там тишину, понял, что совершил непоправимую ошибку и что фигура преобразится, но это преображение принесет мне только вред. Видишь, тут наши сны опять совпадают. Но когда она начала поворачиваться, я проснулся. Драгоценная моя принцесса, знаешь ли ты, что носишь корону из звезд?

И когда она склонилась для поцелуя, его правая рука потянулась к серебристой змейке, вившейся по ее платью прямо под горлом.

Испытываемое им блаженство росло и ширилось, великолепная картина ночного неба, радость плоти и восторг духа, переплетаясь, многократно усиливали друг друга; экстаз наступил уже после захода луны. Но все это время его не оставляло странное ощущение, будто он идет путем, ведущим одновременно к бесконечной жизни и к неумолимой смерти, а Эльвенхольм лишь мрачная веха на этом пути.

10

— Слов нет, капитан Мышелов переменился, — уверенно, но в то же время удивленно и озабоченно заметил Пшаури капралу Миккиду, когда два вечера спустя они вместе выпивали в «Обломке кораблекрушения». — Вот тебе еще пример, хотя, видит Мог, их и так достаточно. Тебе, конечно, известно, как тщательно он следит, какую еду готовят нам стряпухи. Обычно он подойдет, попробует ложку-другую, скажет, если чего не хватает, — а один раз велел даже весь котел вылить, помнишь? — и пойдет себе дальше. А сегодня днем я своими глазами видел, как он стоял перед котлом с кипящей похлебкой и смотрел в него так долго, что хватило бы времени поставить и снова убрать большой парус на «Бродяге». Похлебка в котле пузырилась и пенилась, бобы и куски рыбы то всплывали на поверхность, то вновь уходили под воду, а репа и морковь крутились волчком, а он все смотрел и смотрел, словно надеялся прочесть там пророчество судеб мира.

Миккиду кивнул:

— А то еще взял моду ходить согнувшись в три

погибели, как мамаша Грам, и подбирать такую мелочь, которую и муравей не заметит. Однажды он заставил меня следовать за собой по пятам; мы так петляли, словно разрабатывали маршрут для лабиринта, — это он показывал мне всякую дрянь, лежащую на земле: очески волос, мелкую монетку, камешек, покрытый рунами обрывок пергамента, мышиные какашки, мертвого таракана.

— А съесть все это он тебя не заставил? — поинтересовался Пшаури.

Миккиду в изумлении потряс головой:

— Еще не хватало… Но и не объяснил ничего толком. Только когда ноги у меня уже совсем затекли от сидения на корточках, он заявил: «Хочу, — говорит, — чтобы ты все хорошенько запомнил».

— А наш капитан Фафхрд…

Вздрогнув от неожиданности, воры подняли голову. Через перегородку соседней кабины свесился озабоченный Скор, морщины покрывали его лоб с высокими залысинами.

— Наш капитан так занят наблюдениями за звездами — и днем и ночью, — что просто диву даешься, как ему удается выйти из порта, не сломав при этом себе шею. Как думаете, уж не

сглазил ли кто обоих?

Обычно между людьми Мышелова и Фафхрда существовало соперничество: обе стороны относились друг к другу с подозрением и никогда не упускали случая сказать колкость. Однако сейчас судьба капитанов не на шутку беспокоила и тех и других, и потому, позабыв о вражде, они откровенно совещались, пытаясь вместе разобраться в происходящем.

Пшаури энергично пожал плечами:

— Как знать? Это, конечно, мелочи, но все же…

— Слишком уж много всякой чертовщины тут накопилось, — вставил Миккиду. — Кхахкт Ледяной Маг, летающие духи Стардока, затонувшая Симоргия…

11

А в это время в доме у Сиф две женщины плескались в сауне и, наслаждаясь особой свободой банной атмосферы, без стеснения посвящали друг друга в самые тайные подробности своей интимной жизни. Афрейт наигранно-величаво произнесла:

— Я хочу, чтобы ты знала, что Фафхрд сравнил мои соски со звездами.

Сиф, словно захлебнувшись паром, хрюкнула от смеха и с показной гордостью парировала:

— А Мышелов утверждает, что моя задница похожа на звезду. И на яблочный хвостик. А свой собственный член он именует кинжалом! Что бы то ни было не в порядке у обоих с головой, в постели это никак не сказывается.

— А может быть, наоборот? — смеясь, возразила Афрейт. — Мой помешался как раз на звездах. А у твоего в голове одна еда да посуда.

12

Смерть Фафхрда и Смерть Мышелова тряслись верхом на ослах в хвосте небольшого торгового каравана, к которому они пристали, чтобы пересечь покрытую лесом Землю Восьми Городов от Кварч-Нара до Иллик-Винга. Уже наступило полнолуние. Смерть Фафхрда бросил:

— Не люблю я быть чужой смертью — начинаешь забывать собственное тело и привычки, в особенности если ты прирожденный актер.

— Это вовсе не обязательно, — отозвался другой. — Мне перевоплощение скорее помогает: можно взглянуть на себя со стороны, есть время непредвзято обдумать условия контракта, да и во-

обще мозги прочищает (а у кого мозги могут быть чище, а взгляд объективнее, чем у Смерти?).

— Это верно, — произнес его коллега, проводя ладонью по длинному худому подбородку. Теперь, когда его осел решил для разнообразия перейти на более ровный шаг, не обязательно было сидеть, вцепившись в поводья до судорог в руках. — А как ты думаешь, почему в нынешнем контракте так много говорится о добыче, которую мы якобы сможем захватить?

— Да потому, что Гамомель и Пульг уверены, что наши подопечные — люди не бедные! Мне очень нравится эта мысль — от нее и в холодную ночь становится теплее.

— А также наводит на размышления о том, за кого нас держат: за почтенных наемных убийц или грабителей с большой дороги?

— Какая разница? — подвел итог разговора менее щепетильный убийца. — По крайней мере, нам самим ясно, как действовать — ни в коем случае не убивать Двоих, пока они не приведут нас к сокровищу.

— Или скорее к сокровищам, — поправил другой, — ведь они, будучи людьми здравомыслящими, наверняка не доверяют друг другу.

13

Огибая с разных сторон угол городской ратуши в Соленой Гавани, Мышелов и Фафхрд буквально налетели друг на друга, так как один из них шел, уткнувшись носом в оставленные только что отшумевшим ливнем лужи, а другой, напротив, внимательно вглядывался в облака, поспешно отступавшие под натиском солнечных лучей. Поначалу оба угрожающе заворчали, но, узнав друг друга, расхохотались; неожиданное столкновение встряхнуло и вывело на какой-то момент Фафхрда из состояния глубокой задумчивости, в котором он пребывал в последнее время, и заставило пристально взглянуть в лицо друга. Он увидел, как широкая приветственная улыбка последнего сменилась выражением задумчивого удивления, смешанного со всепроникающей печалью.

Сердце его дрогнуло, и он спросил:

— Где ты прятался все это время, друг? Мне хотелось поговорить, но я никак не мог тебя отыскать.

— Верно, — сказал Мышелов, скривившись, как от внезапной боли, — в последнее время мы

с тобой, похоже, находимся на разных уровнях.

— Да, но что ты чувствуешь? — поспешно продолжал Фафхрд.

Мышелов в свою очередь также расчувствовался и, обрадовавшись неожиданно представившейся возможности разделить с другим свои самые сокровенные и с трудом поддающиеся формулировке трудности, затащил Фафхрда в какой-то переулок и выпалил:

— Если бы кто-нибудь осмелился предположить, что я испытываю ностальгию по Ланкмару, я сказал бы этому человеку прямо в глаза, что он лжет! Все наши веселые приятели и влиятельные почти друзья, а также очаровательные, хотя и неверные подруги, благоухающие духами, сверкающие рубинами накрашенных губ и изумрудами подведенных глаз, со всеми их прелестными сиськами и шикарными письками, не значат для меня ровным счетом ничего! Ничего не значат ни Шильба, знавший меня как облупленного, не велеречивый Нинг. Все мосты и дворцы, храмы и пирамиды, мрамор и гранит этого города мне безразличны! Но… — тут голос его пресекся, и выражение удивления и печали вновь появилось на лице, — мелочи, при воспоминании о них, признаюсь тебе, у меня начинается ностальгия,

невообразимая тоска. Маленькие уличные жаровни, завораживающе разнообразный мусор: каждый его фрагмент словно отмечен неповторимой прелестью, наделен особым смыслом. Отпечатки подошв, одни присыпанные алмазной пылью, другие — с оттенком хны. Я знаю все эти мелочи, хотя никогда раньше не присматривался к ним, не наслаждался каждой деталью. Одна мысль о том, что никогда уже мне не пересчитать камни мостовой на улице Богов, не запечатлеть в памяти форму каждого из них, не увидеть, как ручейки дождевой воды прокладывают между ними путь, сводит меня с ума! Мне хотелось бы быть не больше крысы, чтобы исследовать там все как следует, нет, даже не больше муравья, настолько властно влечет меня к себе этот мир мелочей, вселенная в одном камне!

Он попытался заглянуть Фафхрду в глаза, надеясь прочесть в них понимание, — в конце концов, именно он начал этот разговор, — но импульс, вызвавший озабоченность великана душевным состоянием друга, уже прошел, и теперь он отрешенно смотрел куда-то вверх, лицо его при этом хранило отпечаток легкой меланхолии.

— Скучаешь по Ланкмару? — произнес он рассеянно. — Что ж, мне тоже не хватает его

звезд, южных звезд, которые не видны отсюда. Но… — теперь настала его очередь делать признания, — но есть ведь и еще более южные звезды, которых мы никогда не видели! За Срединным морем лежит земля, где не бывал еще ни один путешественник, — Земля Богов и Полюс Жизни Невона, а над ними звезды, которых не видел ни один человек, живой или мертвый. Да, вот по тем землям у меня действительно ностальгия!

Мышелов увидел, как пламя, зажегшееся было в его глазах, опало и погасло. Северянин тряхнул головой.

— Я заговариваюсь, — сказал он. — Здесь тоже хватает хороших звезд. Зачем беспокоиться о будущем? Мне и здесь работы надолго хватит.

— Да, в Соленой Гавани, на Соленой и Ураганной улицах, тоже можно найти немало интересного мусора, так зачем забивать себе голову проблемами, которых пока нет? — услышал собственный голос Мышелов, заглядывая в ближайшую лужу. Он чувствовал, что и его огонь погас, если, конечно, он вообще был. — Все утрясется, успокоится, уляжется само собой, и чувства тоже.

Фафхрд согласно кивнул, и они пошли каждый своей дорогой.

14

Шли дни. Луна Ведьм выросла и пошла на убыль, уступая место Луне Призраков, которая, в свою очередь, тоже сошла на нет и сменилась Луной Середины Лета, которую еще иногда называют Луной Убийц, поскольку в период полнолуния она имеет обыкновение вставать позже и заходить раньше всех остальных полных лун.

Со временем многое на Льдистом действительно утряслось и даже в некотором роде улеглось и прояснилось, а именно все странное и непонятное от частого повторения сделалось привычным и заурядным, как это обыкновенно и случается.

«Морской ястреб» починили и даже заново оснастили, но планы Фафхрда и Афрейт отправиться на нем в Уул-Плерн валить лес для оголенного Льдистого как-то сами собой отодвинулись в будущее. Никто не говорил «следующим летом», но все понимали, что так оно и будет.

Закончилась постройка казарм и складских помещений, включавшая в себя и сооружение канализационной системы и отстойника, которыми Мышелов непомерно гордился; однако починка «Бродяги», хотя и не застопорилась

окончательно, продвигалась медленно, и планы Сиф и Мышелова отправиться на нем торговать с ледовыми гномами, обитавшими севернее Но-Омбрульска, казались теперь малореальными.

Необычное проклятие продолжало влиять на поведение Двоих (к великому наслаждению наславших его божков, чьи представления об удовольствии были весьма, надо сказать, примитивны), однако не настолько, чтобы лишить их способности командовать своими людьми или сделать менее остроумными, пылкими и галантными кавалерами. Большая часть их подчиненных вскоре привыкла считать странности поведения командиров «капитанскими причудами»; на них сетовали или ими хвастались — по обстоятельствам, но серьезного внимания на них никто не обращал. И только Пшаури, Миккиду и Скор не смирились с положением вещей и продолжали тревожиться, волноваться, испытывать нехорошие подозрения — как им и пристало по чину: ведь капрал, предполагается, учится нести ответственность за подчиненных наравне со своим командиром. С другой стороны, островитяне, включая и суховатого Гронигера, находили, что причуды сомнительных протеже — упрямых и своенравных Сиф и Афрейт превращали

из непредсказуемых союзников и потенциальных беспокойных соседей в законопослушных и порядочных граждан. В особенности сильное впечатление производила на них одержимость Мышелова разными мелочами.

Афрейт и Сиф хорошо понимали, что с их мужчинами что-то неладно; да и сами Двое, если уж на то пошло, отдавали себе в этом отчет. Однако они были склонны относить эти изменения на счет погоды или более глубоких психологических сдвигов, которые однажды уже превращали Фафхрда в религиозного фанатика, а Серого Мышелова — в расчетливого скрягу. А может быть, — кто знает? — нечто подобное неизбежно происходит с каждым, кто решает покончить с полной приключений и опасностей жизнью и обзавестись домом и семьей. Как ни странно, но мысль о проклятии, божеском или человеческом, ни разу не посетила их. Проклятия обычно давали себя знать очень ощутимо: человек либо бросался со скалы в пропасть, либо разбивал своим детям голову о камни; впавшие в безумие женщины нередко оскопляли своих мужчин, поджигали дома или самих себя, если под рукою не оказывалось подходящего вулкана, в который можно было бы прыгнуть. Никогда еще не случалось,

чтобы проклятие действовало столь незаметно.

Когда четверка собиралась вместе, случалось им побеседовать и о влиянии сверхъестественного на жизнь людей, причем каждый из них чувствовал, что в душе относится к предмету разговора серьезнее, чем кажется.

— Почему бы вам не обратиться за помощью к Великому Гузорио? — предложила однажды Сиф. — Раз уж вы оба — его воплощения, он должен знать о вас все.

— Он скорее шутка, чем реальная сила, к которой можно обратиться с молитвой, — ответил Мышелов и тут же переадресовал вопрос: — А почему бы вам с Афрейт не попросить вашу ведьму или королеву-воина Скелдир, ту, что носит кольчугу из рыбьей чешуи и смеется коротким отрывистым смехом, просветить вас?

— Мы с ней не в таких близких отношениях, хотя и претендуем на родство, — потупив глаза, объяснила Сиф. — Я даже не знаю, как за это взяться.

Однако этот разговор побудил Фафхрда и Афрейт пересказать те сны, которыми они поделились друг с другом раньше, после чего все четверо принялись строить догадки и предположения. Фафхрд и Мышелов вскоре позабыли об

этом, но их подруги надежно сохранили в памяти все сказанное в тот вечер.

И все же, несмотря на отсутствие явных внешних проявлений, проклятие богов медленно, но верно делало свое дело. К примеру, Фафхрд очень заинтересовался некой волосатой звездой, которая каждую ночь появлялась в западной части неба, низко над горизонтом, и, постепенно увеличиваясь в размерах и яркости, перемещалась на восток. Северянин взял за правило каждый вечер наблюдать за ее движением. Что касается Мышелова, то у него появился излюбленный маршрут, следуя по которому он занимался своими текущими повседневными делами и одновременно собирал всякую всячину. Путь его начинался у дверей «Обломка кораблекрушения», где он пропускал свой первый утренний стаканчик, проходил по соединявшему ратушу и таверну переулку; огибая угол, где пару месяцев тому назад они столкнулись с Фафхрдом, он направлялся к казарме, а потом мимо общественного туалета, куда непременно заглядывал в поисках мышиных нор, и, наконец, к отстойнику, находившемуся прямо позади казармы и составлявшему предмет его неизменной гордости.

Так, в повседневных трудах и заботах, тихо и

без приключений текла жизнь в Соленой Гавани, пока наконец весна не уступила место короткому и жаркому северному лету. Фафхрд и Мышелов уподобились трудолюбивым лотофагам; окружающие невольно подражали этой слегка тронувшейся парочке. Единственным исключением обещал стать День Летнего Солнцестояния, традиционный праздник островитян. В этот день Афрейт и Сиф предложили закатить пир для людей Фафхрда и Мышелова, а также для друзей среди горожан. Намечался грандиозный праздник с играми, танцами и состязаниями атлетов. Местом для его проведения был избран Большой Луг у самого подножия Эльвенхольма.

15

Если в описанный период времени кто-нибудь и испытывал разочарование и неудовольствие, так это Шильба и Нингобль. Космический шум поутих, и ничто не мешало им общаться на расстоянии, сидя одному в своем болоте, а другому — в пещере, и обмениваться новостями о том, что предпринимают Фафхрд с Мышеловом и их боги. Но новости были нерадостными, так как противоречили их понятиям о логике и не отвечали

их целям. Глупые заштатные божки наложили на их излюбленных мальчиков на побегушках какое-то непонятное заклятие, но те не покинули свой остров, и ничего не складывалось так, как хотелось бы двум волшебникам. А тем временем через Стылые пустоши и горы Пляшущих Троллей в северо-западном направлении двигалась какая-то угроза, лишавшая их покоя, которую они тем не менее никак не могли опознать. Одним словом, все было в высшей степени неудовлетворительно и странно.

16

У Иллик-Винга Смерти Двоих присоединились к каравану, державшему путь в Но-Омбрульск. Всю Призрачную Луну они провели, сидя на спинах лохматых приземистых мингольских лошадок, хорошо переносивших морозы. Несмотря на то что лето уже началось, в горах Пляшущих Троллей и у подножия гряды Бренных Останков было достаточно холодно, чтобы заставить двоих наемников на каждом шагу поминать мужской детородный член и мать того персонажа, о котором не следует говорить на ночь глядя. Во время привалов они старались держаться поближе к ог-

ню, а ночами их согревала мысль о сокровищах, припрятанных их нареченными.

— Этот Фафхрд представляется мне драконом, который сидит на груде золота в глубокой горной пещере, — заявил однажды тощий наемник. — Теперь я уже полностью вжился в этот образ. И кстати, до нашей встречи осталось совсем немного времени.

— А мне Мышелов снится в виде огромного серого паука, — откликнулся второй, — живущего в норе со множеством ходов и выходов, разветвлений и закоулков, и каждый уголок его логова забит серебром, янтарем и слоновой костью. Да, теперь я тоже смогу сыграть его роль. Удивительно, до чего похожими становимся мы в конце концов на наших подопечных.

По прибытии в охраняемый каменными башнями порт они направились в трактир, сняли там комнату и проспали две ночи и один день, набираясь сил перед последним отрезком пути. Проснувшись, Смерть Мышелова решил прогуляться в сторону доков. Когда он вернулся, на лице его сияла довольная улыбка.

— Я договорился с капитаном уул-хруспского торгового корабля. Мы отплываем послезавтра на заре.

— Луна Убийц начинается удачно, — прокомментировал еще лежавший в кровати тощий, как жердь, Смерть Фафхрда.

— Сначала капитан прикидывался, будто слыхом не слыхал про Льдистый остров, называл его легендой, но, когда я показал ему значок и прочие доказательства принадлежности к Ордену Душегубов, он понял, что его торговым секретам ничто не угрожает, и отказался от своей купеческой скрытности. Кстати, наше судно называется «Хорошая новость».

— Отличное название, — ответил второй, улыбаясь. — Ах, Фафхрд, Мышелов, родные вы наши, братья-близнецы спешат к вам!

17

Долгие сумерки собственно и составили короткую летнюю ночь; утро Дня Летнего Солнцестояния в Соленой Гавани выдалось туманным и холодным. Тем не менее в кухне при казарме, где в эту ночь помещались Фафхрд и Мышелов, царила веселая суета; оживленно было и в доме Афрейт, где ночевали Сиф и племянницы обеих женщин: Мэй, Мара и Гейл.

Огненноликое солнце не заставило долго себя

ждать и, пустившись в свое самое длинное в году путешествие, испепелило легкую молочную дымку, окутывавшую берега Льдистого, и остров предстал во всей своей красе — от низких крыш Соленой Гавани у края и до холмов в центре, а на полпути между ними падающей башней нависал над широко раскинувшимся Большим Лугом Эльвенхольм.

Вскоре из ворот казармы показалась беспорядочная процессия. Неспешно и прихотливо змеилась она по улицам городка, где жили жены обитателей казарм, зарабатывая себе на жизнь преимущественно торговлей — по крайней мере, в свободное время, — а также моря́чки и другие приглашенные на праздник люди. Мужчины по очереди везли тележку, наполненную корзинами с ячменными лепешками, сладкими хлебцами, сыром, жареной бараниной и козлятиной, фруктовыми компотами и другими деликатесами, традиционно приготовляемыми на Льдистом. На самом дне, тщательно укрытая снегом, помещалась самая драгоценная кладь — бочонки с горьким темным элем. Несколько человек играли на флейтах и небольших ручных арфах.

У доков к ним присоединился одетый в черный выходной костюм Гронигер и сообщил новость:

— Вечером из Но-Омбрульска пришла уул-плернская «Северная звезда». Капитан говорит, что, по последним сведениям, «Хорошая новость» из Уул-Хруспа направлялась к Льдистому следом за ними. Через день-другой должна быть здесь.

Тут старый мингол Урф принялся жаловаться, что его старым костям уже не вынести прогулки до Эльвенхольма, что у него опять разболится левая лодыжка и что лучше ему погреться на солнышке прямо здесь, в порту. Там они его и оставили: кряхтя, примостил он свое старое костлявое тело на разогретых камнях и устремил вдаль привычный к морским просторам взгляд, мимо «Морского ястреба», «Бродяги», «Северной звезды» и других кораблей, стоявших на якоре среди рыбацких шлюпок островитян.

Фафхрд заметил Гронигеру:

— Я здесь уже больше года и все никак не могу привыкнуть к тому, что Соленая Гавань — такой оживленный порт. А ведь весь Невон считает Льдистый легендой; по крайней мере, я сам именно так полжизни и думал.

— Легенды путешествуют на крыльях радуги и повсюду оставляют яркие следы, — усмехнулся начальник порта, — в то время как реальность плетется пешком, одетая в неприметный плащ.

— Как твой?

— Угу, — промычал Гронигер, довольный.

— А вот для капитанов, цеховых мастеров и королей, извлекающих немалые прибыли из торговли с нами, это вовсе не легенда, — вернул Мышелов. — На легендах всегда кто-нибудь наживается.

Коротышка (хотя среди своих он, разумеется, ни в коем случае таковым не считался) был в хорошем настроении, все время переходил от одной группы к другой, со всеми шутил и зубоскалил.

Скаллик, младший капрал, состоявший под началом у Скора, затянул боевую песню берсерков, и Фафхрд, незаметно для себя, начал подтягивать. На следующей остановке им передали по кружке с элем, отчего все еще больше развеселились.

На выходе из города, там, где дорога начинала петлять между засеянными скороспелым местным ячменем полями, они встретились с процессией женщин, которые шли из дома Афрейт. Их запасы еды и питья были сложены в две большие красные тележки, которые тащили два белых волкодава, огромных, как медведи, и кротких, как овечки. К ним присоединились жены моряков и рыбачки Хильза и Рилл, которые внесли свой вклад в общие приготовления — два

кувшина рыбы в сладком соусе. С ними была и колдунья мамаша Грам, — не моложе Урфа, она, однако, упрямо ковыляла вместе со всеми. О ней говорили, что за всю свою долгую жизнь она не пропустила ни одной пирушки.

Встреча двух компаний сопровождалась радостными криками и песнями, а три племянницы Сиф и Афрейт тут же побежали играть с городскими ребятишками, увязавшимися за первой процессией.

Фафхрд повернул назад, чтобы подробнее расспросить Гронигера о пришедших в Соленую Гавань кораблях, потрясая для пущей выразительности крюком, служившим ему вместо кисти левой руки.

— Я слышал, будто некоторые из этих кораблей не приписаны ни к одному невонскому порту, да и сам видел кое-какие тому доказательства.

— Да ты, как я погляжу, и сам охотник до легенд, — удивился одетый в черное человек. Затем ехидно добавил: — Почему бы тебе не заняться составлением гороскопов для кораблей, раз уж ты так мастерски разбираешься в звездах, обычных и волосатых? — Тут он нахмурился. — Хотя появился тут один черный одномачтовик с белой полосой, о порте приписки которого мне, при-

знаюсь, хотелось бы знать больше. Капитан не пустил меня в трюм, а парусов для такого корпуса у него явно маловато. Он говорит, что приплыл из Сэйенда, но уже давно прошел слух, что морские минголы сожгли его дотла. Заявляет, что слухи были сильно преувеличены. Акцента его я не смог разобрать.

— Вот видишь? — отвечал Фафхрд. — Что касается гороскопов, то я их составлять не умею, да и не верю в них. Меня волнуют сами звезды и фигуры, в которые они складываются. А волосатая звезда интереснее всех прочих! Она растет каждую ночь. Сначала я думал, что это блуждающая звезда, но она стоит на месте. Я тебе ее покажу, как стемнеет.

— А еще лучше как-нибудь потом, когда выпивки будет поменьше, — снисходительно проворчал другой. — Мудрец с подозрением относится даже к тому, что составляет предмет его интересов. Увлечение порождает иллюзии.

Люди переходили из одной группы в другую, пели, пили и веселились, двигаясь меж шелестящих трав к месту, выбранному для пикника. Сиф воспользовалась толчеей, чтобы отыскать Пшаури и Миккиду. Помощники Мышелова, заметив их с капитаном взаимное влечение, поначалу от-

носились к ней с недоверием и даже ревностью, но ее открытость, искренняя забота о Мышелове, а также содействие, которое она оказала Пшаури в его стараниях расположить к себе одну островитянку, скоро завоевали их доверие, и теперь эти трое считали себя союзниками.

— Как чувствует себя капитан Мышелов в последнее время? — весело спросила она.

— Сегодня утром никуда не выходил, — ответил Миккиду.

— Утренние ревизии все продолжаются?

— Вчера он вспомнил об этом только к обеду, — добавил Пшаури. — А позавчера вообще забыл.

Миккиду кивнул.

— Мне спокойнее оттого, что вы присматриваете за ним, — улыбнулась она.

Так, с песнями и танцами, смеясь и болтая, вся честная компания добралась до Эльвенхольма. И вот наконец снедь выставлена на покрытые белым полотном дощатые столы, початы первые бочонки вина, и начались игры и состязания, составлявшие значительную часть праздничной программы. Желающие состязались в основном в силе и ловкости и принимали участие не более чем в одном конкурсе кряду, а состязаний на выносливость не было вовсе, так что все участники

могли к тому же поесть и попить вдоволь.

В промежутках собравшиеся танцевали: бурные танцы островитян с притопываниями и прыжками, старинные плавные танцы, завезенные когда-то из Ланкмара, дикарские скачки и телодвижения, подсмотренные у минголов.

Потом настала очередь соревнования по метанию ножей.

— Как раз вовремя, пока никто еще не напился до одури, — ворчливо одобрил Гронигер.

Мишенью служила колода в ярд длиной и почти в два шириной, принесенная накануне. Было отмерено расстояние в пятнадцать больших шагов, что означало два поворота ножа в воздухе — именно так привыкли метать ножи все участники соревнования. Мышелов дождался, пока попытали счастья все желающие, и только потом метнул свой нож снизу, не поднимая руки, из самого неудобного положения, словно желая уравнять шансы между собой и другими участниками; и все же лезвие его кинжала, вибрируя, вошло в самый центр мишени. Как свидетельствовали многочисленные сделанные красной краской пометки, это был лучший бросок.

Поднялся шквал аплодисментов, но тут вперед выступила Сиф; она выжидала до самой что ни на

есть последней минуты. Никто не удивился, что женщина решила принимать участие в таком соревновании, — на острове в этом не видели ничего необычного.

— Ты не предупредила меня, что будешь участвовать, — упрекнул ее Мышелов.

Она только тряхнула головой, давая понять, что он не дает ей как следует прицелиться.

— Нет, нет, оставьте этот кинжал, — крикнула она судьям, — он мне не мешает.

Она метнула с поднятой на уровень плеча руки, и ее кинжал вошел в дерево рядом с предыдущим, да так близко, что все присутствующие услышали скрежет металла, соприкасающегося с металлом. Гронигер тщательно измерил расстояние своей березовой линейкой и объявил Сиф победительницей.

— Деления моей линейки — точная копия тех, что нанесены на Золотом Жезле Благоразумия, хранящемся в сокровищнице острова, — произнес он внушительно, однако не удержался и добавил: — Хотя моя линейка точнее образца: она не увеличивается от жары и не сжимается в мороз, как это происходит с металлами. Но некоторым не нравится, когда я так говорю.

— Как ты думаешь, дисциплина у нас не по-

страдает оттого, что она одержала верх над капитаном? — прошептал Миккиду своему товарищу Пшаури.

Его доверие к Сиф, с таким трудом завоеванное ею, заметно поколебалось.

— А хоть бы и пострадала! — прошипел тот в ответ. — Пусть капитан встряхнется как следует, вместо того чтобы выискивать неведомо что да собирать всякое барахло, как старый дед! Ну вот я и сказал это, — подумал он, — и очень хорошо, что я это наконец сделал.

Сиф солнечно улыбнулась Мышелову.

— Я не стала говорить тебе раньше времени, но потихоньку тренировалась. А что, если бы я сказала, что-нибудь изменилось бы? — спросила она с невинным видом.

— Нет, — медленно ответил он, — разве что подумал бы, стоит ли бросать из-под руки или нет. А в состязании по метанию из пращи ты тоже будешь участвовать?

— Такое мне и в голову не приходило! — искренне удивилась она. — А почему ты решил, что я собираюсь?

Мышелов выиграл это состязание, превзойдя всех по силе и дальности броска. Его последний бросок был таким мощным, что не только проды-

рявил центр мишени, но и выбил дно стоявшего за ней ящика, в который падали снаряды. Сиф выпросила у него помятый снаряд на память, и он преподнес его со всеми подходящими случаю пышными и цветистыми комплиментами.

— Такой удар пробил бы даже мингсвордскую кирасу! — восхитился Миккиду.

Начинались соревнования лучников, и Фафхрд уже прилаживал железную середку своего лука к креплению из твердого дерева, которым заканчивался закрывавший его левую культю кожух, когда появилась Афрейт. Она скинула куртку, так как солнце припекало вовсю, и осталась в сиреневой блузке, голубых брюках, подпоясанных широким ремнем с золотой пряжкой, и щегольских коротких сапожках темно-лилового цвета. Сиреневая косынка покрывала ее золотые волосы. С плеча ее свисал видавший виды колчан с одной-единственной стрелой; в руке она держала большой лук.

Фафхрд прищурился, вспомнив про соревнования метальщиков. Но, поприветствовав ее словами:

— Ты похожа на королеву пиратов, — спросил: — Собираешься пострелять?

— Не знаю, — пожав плечами, ответила она, —

посмотрю пока.

— По-моему, этот лук длинноват для тебя, да и натянуть его будет непросто.

— Да, ты прав, — согласилась она. — Это лук моего отца. Думаю, ты бы подивился, случись тебе увидеть, как я натягивала его, когда была еще голенастой девчонкой. Не сомневаюсь, отец выдрал бы меня как следует, если бы хоть раз застал меня за этим, но не дожил.

Фафхрд выразительно поднял бровь, но пиратская королева умолкла. Он с легкостью выиграл соревнование по стрельбе на дальность, но был вторым в стрельбе в цель, уступив на ширину пальца Маннимарку, своему младшему капралу. (Все это время Афрейт лишь наблюдала за происходящим.)

Наконец настал черед стрельбы в высоту — состязания, которым жители Льдистого традиционно отмечали День Летнего Солнцестояния. Участники обычно теряли массу стрел, поскольку в качестве мишени неизменно использовалась узкая, почти вертикальная полоска травы, каким-то чудом выросшей на самой середине южного склона Эльвенхольма. Северный склон наклонной каменной башни буквально нависал над землей и потому оставался совершенно голым,

а южный, хотя и был невероятно крут, в своих изгибах и трещинах содержал достаточно земли, чтобы дать жизнь нескольким чахлым травинкам. Состязание посвящалось солнцу, которое в этот день проходило через наивысшую точку своего небесного пути, и лучники, подражая ему, старались послать свою стрелу как можно выше. Чтобы не перепутать результаты выстрелов, каждую стрелу предварительно обвязывали узкой шелковой ленточкой определенного цвета.

Тут вперед выступила Афрейт. Она сбросила свои щегольские сапожки, закатала брюки выше колен и, вытащив из колчана помеченную фиолетовым шелком стрелу, отшвырнула его в сторону.

— А теперь я покажу тебе, как я управлялась с этим луком, когда была еще девчонкой, — обратилась она к Фафхрду.

С этими словами она уселась на землю лицом к почти отвесному склону, уперлась босыми ступнями в изнанку лука, пристроив наконечник стрелы между большими пальцами ног, и, держа обеими руками тетиву и оперенный конец стрелы, перекатилась на спину. Тетива натянулась, женщина плавно выпрямила ноги, и стрела взмыла над головами ошалевших от такого при-

ема зрителей и участников.

Фиолетовой молнией ударилась она о склон совсем рядом с желтой стрелой Фафхрда, отскочила и легла чуть выше.

Афрейт, согнув колени, высвободила ноги из лука и одним быстрым движением поднялась с земли.

— Ты долго тренировалась, — с легкой укоризной в голосе произнес Фафхрд, прикручивая к левой культе металлический крюк, который он снимал на время соревнований.

— Да, всего полжизни, — согласилась она.

— Стрела леди Афрейт не воткнулась в мишень, — заметил Скаллик. — Разве это честно? Подуй ветер, и она упадет.

— Да, но сейчас ветра нет, а она все-таки как-то туда попала, — резонно возразил Гронигер. — И вообще хорошо, когда при стрельбе в высоту стрелы не втыкаются в мишень: погода переменится, и мы соберем их внизу, а те, что воткнулись, считай, навсегда пропали.

— А что, разве никто не забирается наверх и не собирает их? — удивился Скаллик.

— Что, залезть на Эльвенхольм? Ты разве не видишь, что для этого нужны крылья?

Скаллик измерил скалу взглядом и упрямо

покачал головой. Фафхрд, услышав ответ Гронигера, бросил на начальника порта беглый взгляд, но удержался от замечания.

Афрейт пригласила всех выпить крепкого илтхмарского бренди за победу в состязаниях: ее, Фафхрда, а также Мышелова и Сиф, которые тоже оказались поблизости.

— За перья в твоих крыльях! — обратился Фафхрд к Гронигеру, не сводившему с него задумчивого взгляда.

Дети возились с белыми волкодавами. Гейл выиграла детские соревнования по стрельбе из лука, а Мэй первой пробежала короткую дистанцию.

Однако самые младшие уже начали хныкать, а тени заметно удлинились. Игры и соревнования закончились, и участники как следует налегли на еду и питье. Шум становился все сильнее. Все участники пикника заметно устали, но те, кто постарше (не самые старые, разумеется), веселились от души, точно предвкушая плавный переход этой вечеринки в следующую. Начали собираться в обратный путь, однако куда идти — домой или в «Обломок кораблекрушения», — каждый решал в зависимости от возраста и темперамента. Повеяло вечерней прохладой.

Бросив взгляд на восток, в сторону Соленой

Гавани и порта, Мышелов заметил, что между корабельными мачтами уже клубился морской туман, и Гронигер подтвердил его слова. Но что за одинокий путник бредет к ним по петляющей через поля и луга дороге, освещенный последними лучами заката?

— Да это же Урф, — удивился Фафхрд. — Что это он вдруг решил пройтись?

Однако никто пока не мог ни согласиться, ни поспорить с верзилой северянином: идущий был еще слишком далеко. Сигнал к сбору был уже подан, люди собирали вещи, укладывали их обратно в тележки, и вот наконец процессия тронулась в обратный путь. Большинство старались держаться поближе к повозкам, так как в них еще оставалось спиртное, которое то и дело шло по рукам. Может быть, именно вино способствовало возобновлению утренних импровизированных песен и плясок, однако заводилами были уже не Фафхрд с Мышеловом, а другие. Двое, которые весь день были, казалось, такими, как прежде, вновь стали подпадать под власть проклятия, о котором им ровным счетом ничего не было ведомо: один, опустив глаза долу, неверной старческой походкой шаркал по дорожной пыли, другой, уставившись в небо, являл собой живой

пример свойственной старческому возрасту рассеянности.

Высказанное Фафхрдом предположение относительно личности путника, спешившего им навстречу, оказалось верным, но о причине, заставившей Урфа покинуть теплое местечко и пуститься в путь, так ничего толком добиться и не удалось.

Старый мингол сообщил только Двоим и оказавшемуся рядом Гронигеру:

— «Хорошая новость» пришла. — Затем, устремив взгляд на Двоих, прибавил значительно: — Не ходите в «Обломок» сегодня вечером.

После этого на все их расспросы у него был один ответ:

— Я сказал все, что знаю.

И даже две кружки бренди не развязали его мингольский язык.

Они отстали от всей компании, но догонять им не хотелось. Солнце давно уже село; они шли по пояс в ночном тумане, скрывшем и порт, и Соленую Гавань, и большую часть опередившей их процессии. Туман приглушал топот пляшущих ног и голоса́, выводившие мелодию какой-то песни.

— Видишь, — обратился Гронигер к Фафхрду,

глядя, как туман постепенно застилает сумеречное небо, на котором не было видно ни одной звезды, — сегодня тебе все равно не удастся показать мне твою лохматую звезду.

Фафхрд ничего не ответил, только кивнул рассеянно и передал ему флягу с бренди; четверо мужчин в полном молчании углубились в молочный туман.

18

Сиф и Афрейт, захваченные всеобщим весельем, да к тому же еще слегка навеселе, вошли в таверну одними из первых. Стоявшая там напряженная тишина насторожила обеих, безумие открывшейся их глазам сцены окончательно разогнало хмель.

Фафхрд и Мышелов сидели за своим любимым столом и играли в кости, а все посетители исподтишка, со страхом следили за каждым их движением. Страх буквально висел в воздухе.

Таково было первое впечатление. Однако уже в следующее мгновение Сиф и Афрейт поняли, что Фафхрд был вовсе не Фафхрд — слишком уж худ, и Мышелов тоже не был Мышеловом — слишком толстый (хотя такой же гибкий и подвижный,

как ни странно).

Лица, оружие и одежда чужаков тоже были совсем не такими, как у Двоих. Сходство между ними заключалось в выражении лиц, движениях, позах и самоуверенности, с которой держались и те и другие, да еще в том, что незнакомцы сидели за тем самым столом. Эти двое производили впечатление, будто они и были теми, за кого себя выдавали, и сидели на своем законном месте.

Страх вызывали даже звуки, которые они производили во время игры: то один, то другой из них встряхивал кожаный стаканчик с костями, накрыв его ладонью, потом высыпал его содержимое в один из двух рядов обтянутых материей углублений, расположенных по обе стороны игральной доски, передвигал костяшки на счетах, отмечая выигрыш или проигрыш. Приглушенное пощелкивание костей приковывало внимание всех, кто находился в зале: одни прикидывались, будто чрезвычайно увлечены разговором с соседями, другие усиленно смаковали эль, третьи занимались хозяйственными делами, на самом же деле никто не спускал глаз со странной парочки. Страх тут же обуял и всех до единого участников пикника. Ни у кого не было сомнений, что сегодня вечером в «Обломке

кораблекрушения» затаилось, свившись тугими кольцами, зло, готовое ужалить подобно змее. Настолько велика была сила страха, что даже Сиф и Афрейт пришлось сделать над собой значительное усилие, чтобы бочком пробраться к стойке, за которой хозяин заведения, опустив глаза, битый час полировал одну и ту же кружку. Разумеется, все это время они не спускали глаз со столика, к которому было приковано всеобщее внимание.

— Хозяин, что тут произошло? — тихо, но очень отчетливо прошептала Сиф. — Нет, ты не дуйся, а отвечай! Я приказываю тебе, отвечай!

Он, словно обрадовавшись возможности разделить с кем-то бремя гнетущего ужаса, немедленно подчинился резкому, словно удар хлыста, приказу и быстрым шепотом, чуть ли не задыхаясь, выложил им всю историю. Однако глаза его были по-прежнему опущены, а тряпка продолжала свое круговое движение.

— Я был здесь один, когда «Хорошая новость» пришвартовалась в порту, и через несколько минут вошли эти двое. Не говоря ни слова, толстяк, словно хорек, по запаху нашел стол двух капитанов, они уселись, как у себя дома, и приказали принести выпить.

Я принес выпивку, а они, выставив на стол

доску и раскладывая кости, начали задавать мне вроде бы безобидные и дружелюбные вопросы. Спрашивали в основном про Двоих, причем так, будто давно с ними знакомы. К примеру: как у них идут дела на Льдистом? Как со здоровьем? Счастливы ли они тут? Как часто заглядывают в трактир? Какое вино и еду предпочитают? Каких женщин? Чем еще интересуются? О чем обычно говорят? Можно было подумать, что сам верховный правитель послал их сюда обсуждать с нашими капитанами важные государственные дела.

Но в то же время вопросы их звучали так жестко, что, вели они мне пойти и убить Двоих или лишить жизни самого себя, вряд ли бы я ослушался.

И вот еще что: чем больше они задавали вопросов и чем подробнее я на них отвечал, тем больше они становились похожи на… тем больше они напоминали наших… Вы понимаете, что я хочу сказать?

— Конечно! — прошипела Сиф. — Продолжай!

— Короче, я почувствовал, что они превратили меня в своего раба. То же, я думаю, чувствовали и те, кто вошел в «Обломок» после них, — все, кроме мингола Урфа, который пробыл здесь совсем

недолго и незаметно скрылся. Наконец они выжали из меня все, что могли, и обратились к игре, а мне велели принести еще выпить. Я послал служанку. С тех пор все идет так, как вы видите.

У двери, в клубах вползавшего внутрь тумана, возникло какое-то шевеление. На пороге показались четверо и встали как вкопанные. Потом Фафхрд и Мышелов сделали шаг к своему столу, старый Урф, не меняя выражения лица, уселся на корточки у порога, а Гронигер, ступая неестественно прямо и медленно, как лунатик, побрел к стойке.

Фафхрд и Мышелов склонились над столом, изучая расположение костей на игральных досках, за которыми, не поднимая головы, сидели незнакомцы. Мгновение спустя Фафхрд довольно громко произнес:

— Ставлю рильк против двух серебряных смердуков на тощего! Он того и гляди выиграет.

— А вот и нет! — немедленно отозвался Мышелов так же громко. — Ты недооцениваешь запасы толстяка!

Вывернув под немыслимым углом костлявую шею, первый игрок обратил свое худое лицо с коротким вздернутым носом к Фафхрду и, взглянув холодными голубыми глазами прямо тому в

глаза, произнес:

— Это звезды подсказали тебе поставить на меня при таком раскладе?

Поведение Фафхрда немедленно переменилось.

— Ты интересуешься звездами? — спросил он, и недоверие боролось в его голосе с надеждой.

— Еще как, — ответил игрок, внушительно кивнув.

— Тогда ты пойдешь со мной, — заявил Фафхрд, одновременно поднимая того со стула и подталкивая вперед одним движением здоровой руки, а крюком указывая на дверь. — Брось эту глупую игру. Оставь ее. Нам с тобой о многом нужно потолковать. — В это время его левая рука уже по-братски сжимала плечи собеседника, и они вдвоем шагали по той тропинке, которая лишь несколько мгновений назад привела северянина внутрь. — Среди звезд можно отыскать немыслимые чудеса и сокровища, не так ли, друг мой?

— Сокровища? — холодно и чуть отстраненно произнес другой.

— Ну конечно! Например, в созвездии Черная Пантера, мне просто не терпится показать ее тебе, — продолжал Фафхрд увлеченно.

Его спутник зашагал быстрее.

Собравшиеся в таверне рты поразевали от изумления, и только Гронигер нашел в себе силы спросить:

— Куда это ты собрался, Фафхрд?

Гигант задержался на мгновение и, обернувшись через плечо к спрашивавшему, с улыбкой ответил:

— Пойду полетаю!

Затем он вновь обратился к тощему:

— Пойдем, брат-астроном! — и, обняв его за плечи, увлек в туманную пелену, в которой они и скрылись из виду.

А тем временем толстый незнакомец громко, но учтиво обратился к Мышелову:

— Почтенный господин! Не соблаговолишь ли занять место моего ушедшего друга и продолжить игру со мной? — И добавил уже не столь вежливо: — А замечал ли ты, что следы от кружек и тарелок на этом столе складываются в фигуру гигантского ленивца?

— А, так ты тоже это заметил? — ответил, отводя взгляд от двери, Мышелов. И тут же принял приглашение: — Ну что ж, господин, пожалуй, я сыграю, только удвою сначала ставку! Теперь мой ход.

— Принимаю твою ставку.

Тут Мышелов сел за стол и, мастерски встряхивая стаканчик, выкинул одну за другой несколько комбинаций двойных четверок и двойных двоек, так что доставшаяся ему партия стала куда быстрее продвигаться к победе, чем это предсказывал Фафхрд. Коварная улыбка скользнула по губам Мышелова, и, раскладывая кости для второй партии, он указал своему несколько подрастерявшему уверенность партнеру нарисованную отпечатками кружек и тарелок на столе фигуру леопарда, подкрадывающегося к ленивцу.

Собравшиеся вновь во все глаза смотрели на игроков, и только Афрейт и Скор продолжали глядеть на дверь, за которой Фафхрд и его странный двойник скрылись в тумане. С глубокого детства памятны были Афрейт рассказы об оборотнях, которые, точно банши, предвещали смерть или непоправимый вред тому, чей облик они принимали.

В отчаянии пытаясь придумать, что же делать, Афрейт мысленно воззвала о помощи к Скелдир, королеве-колдунье, а также и к другим, более мелким божествам, как вдруг ей послышалось какое-то ворчание, — быть может, это просто кровь застучала у нее в ушах от волнения. Последние слова, брошенные Фафхрдом перед уходом, на-

помнили ей их с Гронигером дневной разговор, и она поняла, куда направился Фафхрд в непроглядном тумане. Ясность ума помогла Афрейт справиться с овладевшими было ею страхом и нерешительностью. Первые несколько шагов дались ей с некоторым трудом, но, дойдя до двери, она большими мягкими прыжками ринулась в туман.

Ее пример вывел из ступора Скора, и рыжеволосый гигант, с чуть заметной лысиной на макушке, кинулся ей вдогонку.

Но никто, кроме, пожалуй, Урфа и Гронигера, не заметил их ухода, ибо взгляды присутствовавших были прикованы к столику, за которым капитан Мышелов сражался с кошмарным двойником и со страхом набившихся в таверну островитян и своих людей. И каждый раз, молниеносно атакуя, изматывая противника глухой обороной или разыгрывая изящную комбинацию, он выигрывал снова, снова и снова.

Игра продолжалась; похоже было, что ей не кончиться до утра. Улыбка чужеземца становилась все более и более вымученной. Но больше не происходило ничего, или почти ничего.

Единственной ложкой дегтя в этой бочке меда нескончаемого успеха была неотступная мысль,

возникшая, возможно, из растущей самоуверенности Мышелова и уменьшавшая его радость от каждой новой победы, — мысль о том, что события, разворачивающиеся между тем в большом мире, обходят играющих в кости стороной.

19

— Вот мы и достигли той точки нашего ночного путешествия, где нам придется сказать «Прости» горизонтали и слиться с вертикалью, — сообщил Фафхрд своему «брату-астроному», фамильярно обняв его за плечи левой рукой и размахивая указательным пальцем правой перед мертвенно-бледным лицом последнего, пока они брели через туман.

Смерть Фафхрда со стоном отвращения, близкого к тошноте, подавил в себе желание вырваться из дружеских объятий и бежать куда глаза глядят. Он не переносил ничьих прикосновений, кроме прикосновения самых прекрасных женщин, да и то не иначе как по собственной инициативе. И вот уже целых полчаса его пьяная и обезумевшая жертва волочит его куда-то сквозь густой туман, в котором не видно ни зги, так что остается лишь надеяться, что им повезет и каким-то чудом они

не свалятся в овраг или канаву на заболоченном лугу, через который, по всей видимости, и проходит тропа. Кроме того, этот маньяк то и дело норовит ухватить его за руку или огреть по спине своим мерзким железным крюком, от каждого прикосновения которого его бросает в дрожь, как будто это кинжал. Вдобавок ко всему свихнувшийся малый несет какую-то дребедень про лохматые метеориты, бородатые звезды, ячменные поля и щиплющих травку овец, про холмы, мачты, деревья и про неведомый южный континент, так что у самого Аарта терпение лопнуло бы. Единственное, что спасало безумца, шедшего в обнимку со своей Смертью, от молниеносного удара ножом в живот, — это периодические упоминания о сокровищах, к которым они держали путь.

И еще одно обстоятельство заставляло убийцу стоически переносить похлопывания, пожатия, объятия и другие изъявления братской любви: тесный контакт с жертвой позволял ему убедиться, что на нем нет ни кольчуги, ни панциря, никакой другой защиты, которая может воспрепятствовать естественному ходу вещей, когда наступит время ножа. Так утешал себя Смерть Фафхрда, пока ему наконец не представилась воз-

можность вырваться из объятий более высокого и сильного спутника, не оскорбляя его дружеских чувств, под предлогом любопытства и желания поближе познакомиться с отвесной каменной стеной, возникшей из тумана прямо перед ними на расстоянии каких-нибудь четырех-пяти ярдов. Туман был настолько густ, что они не видели скалы, пока буквально не уперлись в нее лбами.

— Говоришь, твое сокровище там, наверху? — недоверчиво спросил убийца.

— Ага, — отозвался Фафхрд, довольный.

— И высоко?

Фафхрд пожал плечами:

— Да нет, не очень. Как влезешь на эту стену, так и увидишь. — Он слегка взмахнул рукой, точно давая понять, что речь идет о сущих пустяках.

— Темновато лезть-то.

— А как ты думаешь, почему туман словно изнутри светится, хотя после заката прошло уже больше часа? Не бойся, света достаточно, и чем выше мы будем забираться, тем светлее будет. Ты по горам лазить умеешь?

— О, разумеется, — несколько неуверенно ответил тот, умолчав, однако, что весь его опыт в этой области сводится к подъемам на неприступные башни и циклопические отравленные стены, за

которыми скрывались богатые и могущественные люди, становившиеся в разное время его жертвами.

Безусловно, каждый такой подъем представлял известную трудность, но все это были препятствия искусственного происхождения, и преодолевать их приходилось исключительно в интересах дела.

Проведя ладонью по шероховатой каменной поверхности, оказавшейся в нескольких дюймах от его чрезмерно курносого носа, Смерть Фафхрда ощутил вполне понятное нежелание приводить свои руки и ноги в соприкосновение с нею. На мгновение его охватило жгучее желание выхватить кинжал и покончить со всем этим одним метким ударом под грудину, или коварным ударом сзади в основание черепа, или мгновенно чиркнув ножом по горлу, чуть ниже уха, под углом к челюсти. Более удобный случай вряд ли представится, это уж точно.

Два соображения остановили его. Во-первых, еще никогда раньше не испытывал он столь полного контроля над собравшимися, как сегодня в «Обломке кораблекрушения». И никогда раньше жертва не шла сама к нему под нож и не заглядывала при этом ему в рот. Он был пьян без вина,

чувство божественного всесилия переполняло его, хотелось, чтобы чудесное мгновение продлилось как можно дольше.

Во-вторых, Фафхрд то и дело упоминал о сокровище, и вот теперь выяснилось, что нужно всего лишь взобраться на какой-то утес, чтобы увидеть его. Все это настолько совпадало с преследовавшим его в Стылых пустошах сном, где Фафхрд был драконом, стерегущим золото в горной пещере, что убийца решил, будто сами богини Судьбы вмешались в происходящее и самая юная из них уже приподняла таинственное покрывало, скрывавшее божественные черты, и с минуты на минуту упадет в его объятия.

— Не бойся, скала надежная, выдержит; смотри, куда я ступаю и за что держусь, и делай то же самое, — нетерпеливо бросил Фафхрд, начиная подъем.

Камень заскрежетал под его крюком.

Убийца сбросил с себя плащ и капюшон и, набрав побольше воздуху в грудь, полез следом, раскорячившись, словно чудовищный паук. В уголке его сознания брезжила мысль: «Что ж, по крайней мере, этот маньяк перестанет меня лапать».

Фафхрду повезло, что его Смерть (и Мышелова,

кстати, тоже) не воспользовался случаем познакомиться с географией Льдистого острова, когда корабль входил в гавань. (Оба они в тот момент находились в каюте под палубой, старательно вживаясь в образы.) Иначе убийца догадался бы, что карабкается на Эльвенхольм.

20

А тем временем в «Обломке кораблекрушения» Мышелов выбросил двойную шестерку, ту самую комбинацию, которая позволяла ему избавиться от четырех оставшихся у него фишек и победно завершить казавшуюся безнадежной партию, оставив соперника с одной-единственной фишкой, отделявшей его от выигрыша. Он вскинул руку, пытаясь скрыть зевок, и вопросительно поднял бровь.

Смерть Мышелова кивнул довольно-таки дружелюбно, хотя его улыбка давно уже превратилась в гримасу, и сказал:

— Да, пора мне бросить эту затею. Сколько конов мы сыграли, семь или восемь? Не важно, отыграюсь как-нибудь в другой раз. Нынче вечером Судьба любит тебя, а с этой девкой спорить бесполезно.

Всеобщий вздох облегчения положил конец молчанию наблюдателей. Наравне с обоими игроками они почувствовали облегчение, и большинству из них показалось, что поражение, нанесенное Мышеловом чужаку, рассеяло страх, пронизывавший прежде атмосферу таверны и угнетавший всех присутствовавших.

— Может, выпьем за твою победу? Заодно смоем горечь моего поражения, — любезно предложил убийца. — Горячего вздрога? С бренди?

— Нет, господин, — ответил Мышелов, широко улыбаясь, и принялся укладывать лежавшие подле него небольшие столбики золотых и серебряных монет в свой кошель. — Мне нужно пойти домой и познакомить этих сияющих молодчиков с их товарищами по заключению. Как любит повторять мой друг Гронигер, монеты процветают в заточении. Но, любезный господин, быть может, ты не откажешься составить мне компанию в этом небольшом путешествии? Там мы могли бы и выпить. — Его глаза засияли, но в их сиянии не было ничего общего с мерзкой радостью скряги, только что прикарманившего потертый полупенсовик. Он продолжал: — Друг, сумевший в покрывающих трактирный стол трещинах и царапинах угадать большого ленивца

и подкрадывающуюся к нему пантеру, знает, что есть тайные сокровища, по сравнению с которыми игра в кости не более чем детская забава. Я жажду познакомить тебя с ними. Тебе это будет небезынтересно.

При слове «сокровище» двойник Мышелова тут же насторожился, точно так же как и его напарник несколькими часами ранее. Исполняющему обязанности Немезиды Мышелова тоже снились сны на пути через Стылые пустоши. Лишения долгого мрачного пути только подогрели его аппетиты, а опустошительные потери, понесенные его кошельком этим вечером, отнюдь не добавили ему осторожности. Кроме того, он, как и его коллега по Ордену, был убежден, что счастье нынче на его стороне, хотя и по другим причинам: просто он искренне верил, что человек, которому так отчаянно везло в игре, обязательно должен потерпеть поражение в любом другом предприятии.

— Я с удовольствием принимаю твое предложение, — отозвался он, вставая и следуя за Мышеловом к дверям.

— А доску с костями ты разве не берешь? — спросил тот. — Такой красивый набор.

— Пусть остается здесь в память о твоей блестя-

щей победе, — небрежно бросил убийца.

При этом он сделал такое движение рукой, как будто бросал что-то на пол.

Раньше одного этого было бы достаточно, чтобы Мышелов заподозрил неладное. Только воры и мошенники могут позволить себе такую показную роскошь. Но насланное Могом безумие вновь овладело им со всей силой, и он, пожав плечами и улыбнувшись, тут же позабыл об этом происшествии.

— Пустяки, — согласился он.

Поведение обоих отличалось такой необычайной легкостью, если не сказать легкомыслием, что, выйдя из дверей таверны, они могли бы затеряться в тумане и никто не обратил бы на это внимания; но старый Урф, сидевший на корточках у выхода, следил за Мышеловом, пока тот не скрылся из виду, а потом, печально покачав головой, вновь предался размышлениям или раздумьям, или чем там еще была в тот момент занята его мингольская голова.

К счастью для Мышелова, в таверне были и другие люди, неравнодушные к его судьбе и не подверженные фатализму минголов. Сиф не кинулась Мышелову в объятия сразу же после его триумфальной победы. Она слишком хорошо

понимала, что не только золото было ставкой в сегодняшней игре, неотступное предчувствие чего-то недоброго томило ее. Она ощущала зло, исходящее от двойника Мышелова, и, без сомнения, другие посетители таверны тоже. В отличие от них, Сиф, какое бы облегчение она ни испытала, когда окончилась игра, ни на минуту не сводила глаз с Мышелова. И как только он и его подозрительный двойник покинули таверну, она устремилась вслед за ними.

Пшаури и Миккиду следовали за ней по пятам.

Когда они выскочили из таверны, туман уже почти поглотил тех двоих, так что виднелись лишь смутные силуэты. Еще чуть-чуть, и преследователи совсем потеряли бы их из виду. Две тени скользнули по переулку, ведущему к площади, на которой возвышалось здание, построенное из посеревших от морской воды досок и бревен — обломков кораблей, потерпевших крушение у берегов Льдистого. Это была городская ратуша. Помедлив немного, тени слились с ней.

Преследователи никого больше не встретили. Стояла глубокая тишина, изредка нарушавшаяся лишь тихим кап-кап — это туман каплями росы оседал на землю — да доносившимися обрывками разговора идущих впереди, слишком невнятны-

ми, чтобы разобрать отдельные слова. Казалось, они попали в царство призраков.

У следующего поворота тени вновь притормозили, потом скрылись за ним.

— Он идет обычным утренним маршрутом, — еле слышно прошептал Миккиду.

Сиф только кивнула, но Пшаури схватил Миккиду за руку и предостерегающе прижал палец к губам.

Капрал оказался прав: Мышелов и впрямь привел своего двойника к свежевыстроенной казарме, и, открыв дверь своего жилища, он, с подобающим хозяину дома вежливым поклоном, пригласил того войти. Пшаури и Миккиду помедлили немного, а затем, сняв сапоги и бесшумно ступая одетыми в чулки ногами, последовали за ними. Сиф поступила иначе: она, обогнув строение, направилась к кухонной двери.

Тем временем Мышелов, не сказавший и десяти слов с тех пор, как они покинули таверну, демонстрировал гостю свои сокровища, ожидая восторженной реакции.

Убийца был немало озадачен. Подопечный упоминал о сокровище или сокровищах, затем, когда они вышли на улицу, с серьезным видом указал на вмятину в мостовой у них под ногами.

Что бы это значило? Такие провалы обычно означают наличие чего-то постороннего под камнями — чаще всего мертвого тела. Кому придет в голову прятать сокровище под мостовой кривого переулка заштатного северного порта? Да и труп, если уж на то пошло, тут тоже прятать некому.

На углу у странного вида здания, построенного из серебристых лоснящихся бревен, больше похожих на камень, серый путаник повторил все сначала. На мгновение ему показалось, что действия его провожатого имеют скрытый смысл, ибо в одной из балок что-то матово блеснуло, наводя на мысль о жемчугах и прочих драгоценностях. Но когда он наклонился, чтобы рассмотреть блестящий предмет, оказалось, что это обыкновенная ракушка, Аарт знает как попавшая в сердцевину бревна!

И вот теперь этот ненормальный притащил его в свою спальню, отпер кладовку и заставляет любоваться пустотой!

— Сокровище? — произнес наемник неуверенно, наклоняясь вперед, чтобы получше разглядеть содержимое кладовки.

Мышелов улыбнулся, отрицательно качая головой:

— Нет. Мыши.

Другой, не веря своим ушам, отшатнулся. Может быть, он за игрой от напряжения умом тронулся? Или туман нынче вечером какой-то ядовитый? Что, черт побери, здесь происходит? Может, вытащить кинжал да ударить, пока не поздно?

Но Мышелов продолжал безмятежно улыбаться, точно предвкушая дальнейшие чудеса, и уже манил его куда-то вглубь небольшого холла, за которым помещалась еще одна спаленка с двумя кроватями. По стенам метались и извивались тени от лампы, которую он держал в руке.

Повернувшись лицом к Смерти, он распахнул дверь другой кладовой, большей, чем прежняя, выпрямился во весь рост и как можно выше поднял лампу, словно желая сказать: «Смотри!»

В кладовой была по меньшей мере дюжина полок, аккуратно обтянутых черным сукном, и на каждой из них в строгом порядке, словно редкие монеты или драгоценные камни, были разложены тысячи и тысячи мельчайших предметов. Но то были не камни и не монеты… Вспомните девять странных находок, которые Мышелов выложил на ночной столик Сиф три месяца тому назад… Помножьте их на тысячу… Результат трехмесячного обшаривания придорожных ка-

нав… добыча девяностодневных разысканий в углах и щелях… Вот какую коллекцию редкостей демонстрировал Мышелов тому, кто пришел его убить.

И пока убийца, не веря своим глазам, обшаривал кладовую сверху донизу, победная улыбка на лице Мышелова угасла и сменилась тем выражением удивленного отчаяния, которое так поразило Фафхрда, когда друг поведал ему о своей тоске по мусору Ланкмара.

21

— Мы дошли до места, где был пикник, — сказала Афрейт. Туман был такой густой, что на расстоянии вытянутой руки ничего не было видно. — Посмотри, как сильно утоптана здесь трава. Теперь надо искать Эльвенхольм.

— Хорошо, госпожа, — отозвался Скор и двинулся направо, в то время как она пошла налево. — Но почему ты думаешь, что капитан Фафхрд направился именно сюда?

— Он сказал Гронигеру, что хочет полетать, — донесся ее ответ из тумана. — А сегодня днем Гронигер говорил, что на Эльвенхольм нельзя подняться без крыльев.

— Капитан смог бы это сделать, — понял ее мысль Скор. — Ему ведь доводилось взбираться на Стардок.

А про себя подумал: «Но тогда у него была рука».

В следующее мгновение туман расступился, и он увидел уходящую ввысь каменную стену. Когда Афрейт подошла к нему, он добавил:

— Они и вправду были здесь, — и протянул ей плащ с капюшоном, сброшенный убийцей.

22

Вынырнув из тумана, Фафхрд оказался в кристально прозрачном мире. Смерть следовала за ним по пятам. Он повернулся к скале спиной и начал осматриваться.

Туман простирался на юг и на восток до самого горизонта и, казалось, был плотен, точно пол. Ни дерево, ни дымовая труба, ни корабельная мачта не нарушали этой иллюзии. Небесный свод, ясный и чистый, сверкал всеми звездами, но огромная круглая луна, которая словно лежала прямо на поверхности тумана, затмевала их своим ровным ярким светом.

— Полнолуние месяца Убийц, — ораторским

тоном произнес Фафхрд. — Сезон самых коротких и светлых ночей, ибо в это время года луна стоит удивительно низко, а сегодня, после Дня Летнего Солнцестояния, до нее просто дотронуться можно. Я ведь говорил тебе, что света будет достаточно.

Убийца, карабкавшийся следом по отвесному склону, отметил про себя подходящее случаю положение луны, но вот свет был ему решительно не нужен: он чувствовал себя гораздо увереннее, пока, со всех сторон скрытый туманом, не видел высоты, на которую его занесло. Он все еще радовался своему нежданному везению, но твердо решил покончить с делом, как только жертва укажет ему пещеру или другой тайник с сокровищами.

Фафхрд снова повернулся лицом к скале. Вскоре они добрались до клочка травы, недавно служившего мишенью лучникам. Увидев свою белоперую стрелу, он оставил ее лежать, но, добравшись до стрелы Афрейт, осторожно протянул к ней руку, подцепил крюком и заткнул себе за пояс.

— Далеко еще? — окликнул его Смерть.

— До конца травяной полосы, — отозвался Фафхрд. — Потом мы переберемся на другой склон

Эльвенхольма, там есть маленькая пещерка, в которую удобно упираться ногами, когда рассматриваешь сокровище. Как же я рад, что ты пошел со мной сегодня вечером! Надеюсь, что свет луны не сделает блеск моего сокровища менее ярким.

— Как это? — не понял другой, хотя упоминание о пещере заметно его приободрило.

— Есть такие сокровища, которые лучше всего видны при собственном свете, — таинственно ответил Фафхрд. Его крюк, врезаясь в породу, высек целый сноп искр. — Смотри-ка, кремень, — заметил он. — Знаешь, друг, разные камни тоже по-разному светятся. На Стардоке мы с Мышеловом находили алмазы такой чистой воды, что их форму можно было разглядеть только ночью. Есть и светящиеся насекомые, например алмазные мухи, мерцающие жуки, ночные пчелы. Да, есть и такие, я точно знаю — они меня кусали. А в джунглях Клеша мне встречались светящиеся летающие пауки. Ага, вот здесь нам нужно перебираться на другую сторону.

И он начал двигаться по горизонтально расположенной дуге.

Смерть последовал за ним, копируя каждое его движение. На этой стороне опоры для рук и ног было больше, тогда как на скользкой траве

убийца пару раз чуть было не сорвался. Рядом с Фафхрдом он увидел впадину в скале, которую принял за вход в пещеру. Казалось, все происходит быстрее, чем обычно, и в то же время каждый шаг длится долго, как во сне или при затяжном прыжке, — верный признак приближающейся развязки. Хватит с него разговоров, хватит лекций по естествознанию! Он притронулся к висевшему на поясе кинжалу в ножнах. Скоро! Скоро!

Фафхрд приготовился сделать шаг по направлению к неглубокой нише в скале, на первый взгляд действительно напоминавшей устье пещеры. Присутствие собрата-астронома неожиданно начало тяготить его, так как ему негде было развернуться. И вдруг, хотя на скале, кроме них двоих, никого не было, он явственно услышал короткий отрывистый смех. Смеялся явно не его спутник, и все же источник смеха был, казалось, где-то поблизости. И неожиданно для самого себя Фафхрд, словно вдохновленный или, напротив, ужаленный этим смехом, сделал гораздо более широкий шаг, чем намеревался вначале. Стоя левой ногой на самом краю узкого каменного карниза, он протянул руку как можно дальше и ухватился за выступ по другую сторону ка-

менного углубления, так чтобы, подтянувшись, миновать углубление и оказаться на противоположном склоне горы. Единственное, к чему он в данный момент стремился, — увидеть бородатую звезду, то единственное сокровище, которое скрывал от него Эльвенхольм.

В то же мгновение убийца нанес удар: все предыдущие движения жертвы были как на ладони, но вот последнего шага он предугадать не смог. Кинжал, вместо того чтобы по самую рукоятку погрузиться в живую плоть, с размаху ударился о кремнистую скалу и переломился пополам. От сотрясения и неожиданности наемник начал терять равновесие.

Фафхрд, оглянувшись, моментально понял суть происходящего и почти небрежным движением ноги подтолкнул вероломного спутника. В мертвенном свете Луны Убийц Смерть Фафхрда отделился от темной громады Эльвенхольма и, один или два раза ударившись о крутой травянистый склон, полетел прямо в молочно-белый туман, поглотивший его. Через несколько мгновений откуда-то снизу раздался глухой удар, и все стихло.

Фафхрд снова перебрался через край утеса. Да, его бородатая звезда, хотя и словно уменьшилась

по сравнению с невероятных размеров луной, была тем не менее видна как на ладони. Это его обрадовало. Радость его была сродни тому удовольствию, которое испытывает мужчина при виде красивой девушки, раздевающейся в темноте.

— Фафхрд! — И снова: — Фафхрд!

— Клянусь Косом, это Скор! — сказал он себе. — И Афрейт! — Он дотянулся до карниза и, надежно устроившись на нем, крикнул: — Эй, там, внизу!

23

События в казарме развивались стремительно и нервно, в основном для Смерти Мышелова. В приступе ярости, охватившей его при виде коллекции невообразимого дерьма, которую этот пустоголовый идиот демонстрировал, словно какое-то небывалое сокровище, убийца чуть было не заколол свою жертву прямо на месте. Но внезапно до его слуха донеслось шарканье, идущее прямо из глубины казармы. Любому наемнику известно, что убивать на виду у возможных свидетелей — последнее дело, и это спасло Мышелову жизнь.

Он пристально взглянул на разочарованного

Мышелова (неужто он и впрямь ожидал услышать похвалу своей помойке?). Тот, не говоря ни слова, поманил его за собой к третьей двери, видневшейся в глубине коридора. Следуя за ним, убийца напряженно прислушивался, ожидая возобновления шаркающих звуков. Метавшиеся по стенам тени от лампы пугали его: в каждом углу ему мерещились шпионы и затаившиеся наблюдатели. По крайней мере, этот идиот не прибавил к своей коллекции выигранные вечером золотые и серебряные монеты, стало быть есть еще надежда увидеть их «товарищей по заключению.

Теперь Мышелов принялся демонстрировать — но как-то вяло, без прежнего задора, словно мысли его витали где-то далеко, — довольно хорошо оборудованную кухню: очаг, плиту и прочее. Постукивая костяшками пальцев по железнобоким чайникам, он рассеянно вслушивался в гудение, издаваемое ими в ответ.

Однако, открыв заднюю дверь, Мышелов снова оживился, и даже призрак прежней улыбки заиграл на его губах. Шагнув в туман, он сделал Смерти знак следовать за собой. Тот пошел, сохраняя видимость абсолютного спокойствия и даже безразличия, в то время как внутри у него все дрожало от напряжения и его кинжал был

наполовину вытащен из ножен, готовый дать отпор любой неожиданности.

Мышелов остановился недалеко от дверей, ухватился за какое-то торчавшее из земли кольцо и, потянув за него, открыл небольшой круглый люк. Затем поднял как можно выше свою лампу, свет которой из-за тумана окутывал обоих молочным сиянием, но нисколько не улучшал видимости. Убийца нагнулся и заглянул в колодец.

И тут события стали развиваться стремительно. На кухне послышалась возня и приглушенный топот. (Это Миккиду, наступив на длинный конец собственного носка, растянулся на полу кухни.) Натянутые до последнего предела нервы наемника не выдержали, он выхватил кинжал и тут же упал замертво на крышку сточного колодца. Из его уха торчал кинжал Сиф. Она не могла бы промахнуться даже в таком густом тумане, ибо, никем не замеченная, стояла у кухонной стены в каких-нибудь десяти футах от них.

Пока все это происходило, где-то неподалеку раздалось глухое рычание и короткий отрывистый смех. По крайней мере так потом утверждали Сиф и Мышелов. Но в данную минуту последний все еще продолжал стоять у открытого колодца, держа в руках лампу и с недоумением

глядя на лежащий у его ног бездыханный труп. Когда Сиф и Миккиду подбежали к нему, он произнес:

— За сегодняшний вечер ему уже не отыграться. А может, духи тоже играют в кости? Мне доводилось слыхивать о призраках, игравших в шахматы с живыми, клянусь Могом!

24

На следующий день в ратуше состоялось короткое, но собравшее множество любопытных дознание в связи с кончиной двоих пассажиров «Хорошей новости». Председательствовал Гронигер. Значки и другие мелочи, найденные в карманах покойных, указывали на их принадлежность не только к ланкмарскому Братству Душегубов, но и к еще более космополитичному Ордену Наемных Убийц. После тщательного допроса капитан «Хорошей новости» признал, что это обстоятельство было ему известно, и был подвергнут штрафу за то, что не доложил об этом начальнику порта Льдистого острова сразу по прибытии. После этого Гронигер вынес приговор: поскольку чужеземцы были наемными убийцами, без сомнения присланными на остров

неизвестными лицами с целью совершить убийства, то их уничтожение признается деянием правомерным и наказанию не подлежит.

Однако позже он сказал Сиф:

— Хорошо, что ты заколола его, когда он уже держал в руке нож. Иначе поползли бы слухи о кровной вражде между недавно поселившимися на острове и чужаками, явившимися, чтобы отомстить. И хорошо, что ты, Афрейт, была поблизости, когда произошла вторая смерть.

— Да уж, ближе некуда! — воскликнула женщина. — Он нам чуть ли не на голову свалился, так ведь, Скор? Еще чуть-чуть, и мозги бы нам вышиб. А в руке у него был зажат сломанный нож. Фафхрд, в следующий раз избавляйся от трупов поосторожнее, пожалуйста.

Когда старого Урфа спросили о странном предостережении, которое он сделал Двоим, он ответил:

— В ту самую минуту, когда «Хорошая новость» вошла в гавань, я понял, что это дурной знак и что за этим кораблем нужно следить. А когда два чужестранца сошли на берег и отправились к «Обломку кораблекрушения», то я увидел, что глаза у них без век, а одежда висит на лишенных плоти костях.

— А их трупы во время дознания выглядели так же? — задал вопрос Гронигер.

— Нет, это была просто куча мертвой плоти, в которую рано или поздно превращается все живое.

25

Трое обитателей Земли Богов, заинтересованные в судьбах наших героев, ужаснулись, узнав, какой оборот приняло дело, и, до смерти перепугавшись, что могут и вовсе лишиться двух своих главных почитателей, поспешили снять заклятие. Другие участники событий не так быстро вошли в курс дела, а познакомившись с ним, не очень-то поверили. Орден Наемных Убийц постановил считать неисполнение заказа «отсрочкой приговора», а неудачливые исполнители были объявлены «пропавшими без вести»; однако магистр Ордена приготовился выплатить неустойку Пульгу и Гамомелю. А разгневанные Шильба и Нингобль принялись строить новые козни, желая заполучить назад своих мальчиков на побегушках, выполнявших также роль оселка, на котором те оттачивали острие своей магии.

26

Как только боги сняли свое заклятие, Фафхрд и Мышелов избавились от владевших ими в последнее время причуд. Это произошло, когда они обедали на свежем воздухе у дома Сиф. У обоих вдруг широко раскрылись глаза, точно им сообщили удивительную новость, в которую они не в силах были поверить, а потом их лица озарили счастливые улыбки.

— Какая бредовая идея посетила вас на этот раз? — спросила Афрейт, на что Сиф тут же откликнулась:

— И верно! Никак не могут жить без чего-нибудь этакого. Уж мы-то вас двоих знаем как облупленных!

— А что, так заметно? — хитро прищурился Мышелов, но Фафхрд выболтал все сразу:

— Нет, это не то, что вы думаете... Слушайте, помните, я тут все бредил звездами? Ну так это прошло! — Он поднял глаза. — Клянусь Иссеком, я опять вижу ясное голубое небо над головой, а не прикидываю, где бы сейчас находились эти мушиные какашки, будь сейчас ночь!

— Клянусь Могом! — Мышелов так и подпрыг-

нул на месте. — Фафхрд, я и понятия не имел, что ты угодил в такую же ловушку, что и я! Мне тоже больше не хочется разглядывать всякий мелкий мусор на расстоянии пятидесяти ярдов вокруг. Я чувствую себя рабом, внезапно получившим свободу!

— Ты что, не будешь больше собирать мусор? — поддела его Сиф. — И ходить, уткнувшись носом в землю, тоже не будешь?

— Нет, Могом клянусь, — заверил ее Мышелов, но, подумав, добавил: — Хотя мелочи могут быть столь же важны, как и крупные вещи; вообще-то, существует целый мир крохотных…

— У-у-у, смотри мне, поосторожнее, — предостерегла его Сиф, подняв палец.

— И звезды тоже интересны сами по себе, — упрямо добавил Фафхрд, — хотя я и не увлекаюсь ими больше.

Афрейт спросила:

— Что же это все-таки было? Может быть, какой-нибудь маг наложил на вас заклятие? Например, Нингобль, о котором мне рассказывал Фафхрд?

— Да, а может, это та самая Шильба, чье имя Мышелов бормочет во сне, но утверждает, что это не прежняя его пассия, а мужчина? — вмешалась Сиф.

Мужчинам ничего не оставалось, кроме как признать данное предположение правдоподобным.

— Да и другие таинственные и даже потусторонние силы явно вмешались в эту историю, — продолжала Афрейт. — Например, королева Скелдир, да будет благословенно ее имя, — ведь это ее смех ты слышал на скале. И ваш Гузорио, как бы вы ни старались сделать вид, будто сами его придумали, тоже. Мы с Сиф обе слышали его рык.

Сиф, с видом наполовину серьезным, наполовину насмешливым, произнесла:

— А не приходило ли кому-нибудь из вас в голову, что раз уж Скелдир в минуту опасности предупредила мужчин, то они и есть ее воплощения в этом мире? Тогда мы с Афрейт — о Скелдир, помоги нам! — воплощения Великого Гузорио? Или это слишком смелое предположение?

— Ни в коем случае, — немедленно ответил Фафхрд. — Коль скоро путем реинкарнации душа человека может переселиться в животное или наоборот, то что уж удивляться простой перемене пола?

27

Набор для игры в кости, оставленный Смертью Мышелова, хранился в «Обломке кораблекрушения» как своего рода достопримечательность; однако было замечено, что немногие решались играть на нем, а выигравших среди отважных бывало еще меньше.

Мышелов уходит вниз
1

В Невоне всякий знает, что участь героев, решивших уйти на покой, или искателей приключений, задумавших стать простыми обывателями и обманувших таким образом ожидания многочисленной армии своих поклонников, — участь их, повторяю, может оказаться куда более незавидной, чем судьба ланкмарской принцессы крови, умыкнутой илтхмарскими купцами, чтобы поразвлечься в изматывающем тело и душу плавании к далеким берегам жаркого Клеша или морозного Но-Омбрульска. И стоит только злосчастным героям намекнуть, что, возможно, новое приключение — «последнее», как их верные сторонники и пламенные последователи начинают требовать, чтобы оно закончилось потрясающей воображение гибелью, причем герой непременно должен встретить смерть в безнадежном сражении с силами противника, во много раз превосходящими его собственные, да еще и рассорившись предварительно с парой-тройкой наизловреднейших богов.

И потому, когда веселые герои-мошенники Серый Мышелов и Фафхрд не только оставили город Ланкмар (где, как считается, сосредоточена половина событий жизни всего Невона) и удалились на край света — на одинокий и холодный Льдистый остров, — но еще и поступили на службу к никому не известным Сиф и Афрейт, хранительницам острова, а потом продлили свое пребывание там на год, и на два, и на три, ланкмарские сплетники и всезнайки стали намекать, что этих Двоих-де ожидает та самая незавидная участь.

Сначала полярная экспедиция казалась такой же безумной эскападой, как и все их прочие затеи. Доходили слухи, что они собрали и обучили по отряду похожих на них самих безумцев, готовых служить своим командирам до последнего вздоха. Потом говорили, что им удалось одержать впечатляющую победу над нападавшими на остров с разных сторон морскими минголами, причем, по слухам, помогали им в этом двое нездешних богов со странными прозваниями — Один и Локи. Поговаривали также, что Двое затеяли какую-то нечистую игру с пятью золотыми Символами Разума, величайшей святыней населяющих замороженный остров рыбаков-ате-

истов, и вообще по-разному дурачили местных несловоохотливых и неотесанных тугодумов.

Но время шло, а они все не уезжали с промерзшего острова, и постепенно в Ланкмар стали просачиваться слухи, сеявшие сомнения даже в сердцах наиболее пламенных почитателей. Так, говорили, будто своей победой над минголами они обязаны заурядному психологическому трюку — тактике обманутого ожидания, в более привычном мире именуемой тактикой Фабиана. Но даже так они не взяли бы верх, не смени ветер направление, не пробудись вдруг от векового сна вулканы Адский пламень и Черный огонь и не затяни пользующийся дурной славой Большой Мальстрём два передовых корабля вражеской эскадры в свою чудовищную воронку. Однако всего этого, вместе взятого, хватило, чтобы отбить у остальных охоту продолжать нападение.

Говорили также, что Мышелов и Фафхрд не только не надували северян и не обводили их вокруг пальца, но даже свели с ними дружбу и переняли их непритязательные вкусы и привычки. Более того, они и своих приспешников заставили сделать то же самое: превратили отъявленных грабителей и убийц в законопослушных моряков, рыбаков, механиков и даже плотников, кото-

рые своими руками выстроили для себя и своих предводителей казарму, где можно было жить круглый год.

Что до происшествия с золотыми символами, то и там никакого мошенничества не было: сначала Фафхрд спас их от вороватого морского демона, явившегося прямо из затонувшей Симоргии, а потом Мышелов, ходивший в Но-Омбрульск за лесом и зерном для голодного и холодного острова, одолел этого самого демона на обратном пути.

Более того, поговаривают, будто он (Мышелов) даже спас хрупкие скорлупки островитян, гордо именуемые ими флотом, от верной гибели в пучине Большого Мальстрёма. Этот хитрец набил пятый символ, Куб Честных Сделок, золой и зашвырнул его прямо в середину водоворота, в котором перед тем погибли два передовых корабля минголов. Зола — элемент, содержащий в себе частицу существа таинственного чужеземного бога Локи, повелителя огня, — навсегда усмирила гигантский водяной вихрь.

Так он и лежит, наполовину зарывшись в песок, на глубине семнадцать саженей, в самом основании чудовищной воронки, обрастая легендами и воспламеняя воображение многочисленных охотников за морскими кладами, а запертый в

золотой темнице бог не дает Мальстрёму вновь пуститься в дьявольскую пляску.

И в довершение всего, вместо того чтобы использовать и бросить Сиф и Афрейт, как они уже неоднократно поступали со своими прежними любовницами и хозяйками, ставшие до тошноты примерными плуты ухаживали за двумя суфражистками, явно делая ставку на длительные и взаимовыгодные отношения.

Именно эта вторая волна настораживающих — нет, прямо-таки возмутительных слухов заставила многих поверить в невероятную новость, пришедшую еще раньше: будто в почти бескровном сражении с минголами Фафхрд умудрился потерять левую руку, которую заменил ему кожаный протез с приспособлениями для пользования вилкой, ножом, луком — целым арсеналом орудий. Всем стало казаться, что сбываются старые пророчества о бедах, постигающих героев, вздумавших сойти с предначертанного им Судьбою славного и занимательного пути: счастье наконец изменило Фафхрду и Серому Мышелову и скоро падкая на развлечения публика и думать о них забудет.

Те, кто так считал — а было их немало, — с легкостью поверили и в то, что чародеи Шильба

и Нингобль разочаровались в своих учениках и, умыв руки, предоставили их судьбу заштатным божкам — паукообразному Могу, расслабленному Иссеку и вшивому Косу: завершить дело, наслав на них порчу и превратив их раньше времени в чокнутых трясущихся старикашек. Просочились сведения и о том, что влиятельные люди — верховный правитель Ланкмара и старшина Цеха Воров — подослали на Льдистый остров двух наемных убийц, чтобы стереть Двоих с лица земли. И когда Южных земель достигло известие о том, что героям-отступникам удалось-таки в последний момент справиться с наемниками и стряхнуть с себя проклятие, хулители тут же завопили, что в этом нет никакой их заслуги, так как наверняка дело не обошлось без помощи Сиф, Афрейт и Богини Луны, которой поклонялись обе женщины.

Хулители настойчиво повторяли, что, не отнесись Фафхрд и Мышелов с таким презрением к своей роли героев-негодяев и не отправься на поиски тихой жизни на старости лет, их конец не был бы столь печален. Но они сами отправили себя на свалку и теперь все равно что мертвы, ибо стоит только какому-нибудь приличному богу (Кос, Мог и Иссек, разумеется, не в счет!) добрать-

ся до замка Смерти в Царстве Теней и шепнуть пару слов на ухо хозяину, и дни их сочтены.

Если бы эти упреки и более чем смелые прогнозы дошли до ушей обоих героев, то Фафхрд, вероятно, ответил бы, что поход на север был таким же смелым и дерзким предприятием, как и любое другое в его жизни, и что с момента его появления здесь тревоги и заботы не давали ему ни минуты покоя; что до руки, то ее он потерял, спасая жизнь своей возлюбленной Афрейт и трех ее учениц, прислужниц Богини Луны; тем не менее с любым оружием он и теперь управляется не хуже, чем раньше, так за что же тут критиковать? Серый Мышелов, наверное, сказал бы: «А чего эти дуралеи ожидали?» Лично ему нигде еще не приходилось так лезть из кожи вон, доказывая свое право называться героем, как здесь, в этом негостеприимном холодном крае, где он должен отвечать не только за себя и двенадцать безмозглых подручных-воришек, возглавляемых не более сообразительными капралами Миккиду и Пшаури, но также за свою госпожу Сиф и ее людей, да еще и время от времени за людей Фафхрда и половину обитателей острова в придачу.

И все же, несмотря на все протесты, оба героя ощущали по временам приступы глухого отчая-

ния, ибо кому, как не им, было знать, насколько жестоки и неразумны в своих требованиях могут быть поклонники и как беспросветно горька мстительная злоба богов, держащих в своих руках прихотливо переплетенные нити их судеб. Знали они и то, что мир, в который их забросили боги, иногда ловко подражает вымыслу, дабы его обитатели не заскучали и не впали в черную меланхолию или тупое оцепенение.

2

Пшаури, проворный молодой помощник Серого Мышелова, сидел, низко свесив голову, на кормовой банке рыбачьей плоскодонки, носящей название «Крингл», и глубоко, размеренно дышал. Лодка стояла на якоре в двух ланкмарских милях к востоку от Льдистого острова. Прямо под днищем находился черный провал Большого Мальстрёма. Всего семнадцать месяцев назад этот водяной монстр, беснуясь, с легкостью заглатывал корабли, намного превосходящие лодку Пшаури размером.

Был разгар солнечного дня Луны Сатиров, последнего месяца лета. Солнце беспощадно жгло его мускулистую спину и плечи, а он не сводил

глаз с пяти гладких камней, каждый величиной с его голову, лежавших на дне лодки. С плотно охватывавшего талию ремня свисали ножны, в которых покоился хорошо начищенный и смазанный кинжал, и мешок из плотной рыбачьей сети. Горловина последнего топорщилась, удерживаемая кольцом из камыша. При каждом вздохе ремень слегка врезался в худые бока, оставляя красную полоску чуть выше того места, где три еле заметные родинки образовывали треугольник в верхней части его бедра.

Напротив него, у планширя, распластался Скаллик, семифутового роста младший капрал Фафхрда. Отправляясь в путь, Пшаури заставил его поклясться всеми мыслимыми и немыслимыми клятвами, что тот никому ни слова не скажет об этом их плавании. Худой, но при этом удивительно громоздкий и неуклюжий, он некоторое время лениво оглядывал Пшаури, затем, повернувшись на бок, уставился сквозь толщу воды на морское дно, которое было в семнадцати футах под ними. Светлый песок, из которого оно по преимуществу состояло, казался на такой глубине зеленоватым. Ему была хорошо видна тень лодки и даже тянувшаяся от нее тонкая полоска якорной веревки, упиравшейся прямо в груду

подводных камней, которые служили основанием воронки. Вокруг них во множестве валялись измочаленные и изглоданные обломки судов, ожидавшие шторма или нового пробуждения водоворота, который выбросит их на поверхность и прибьет отяжелевшие от морской воды доски к Берегу Белых Костей, где жители Льдистого соберут их, чтобы топить печи в своих домах.

— Все спокойно пока, — тихо бросил он через плечо. — Ни тигровой акулы, ни черного свинорыла не видать. Вообще никакой крупной рыбы нет. И все же, — добавил он, — послушай моего совета и постарайся разглядеть и ухватить подарок для капитана Мышелова с первого раза, а то, пока будешь копаться в песке да выбирать, воду замутишь и человекоеда, чего доброго, разбудишь. Плыви к ближайшему подходящему обломку, оглядись кругом внимательно, потом хватай и быстрей назад. Любая железяка будет напоминать ему о том, как он потопил флот минголов и спас корабли Льдистого. Не пытайся отыскать золотой Усмиритель Водоворота… — Его голос сделался мечтательным. — Решетчатый куб из двенадцати ребер, размером с детский кулачок, с торчащим из него огарком факела, — все, что осталось от чужеземного бога Локи, сводившего

островитян с ума год и пять месяцев тому назад, когда в последний раз ярился Мальстрём. Лучше маленькая добыча сейчас, чем большая неизвестно когда, — твой капитан так всегда и говорит моему, когда того далеко заносит.

Пшаури никак не реагировал на уговоры и вообще никак не дал понять, что слышит, а продолжал делать глубокие ритмичные вдохи, словно хотел надышаться воздухом до отвращения. Наконец он поднял голову и скользнул безмятежно-спокойным взглядом мимо лежавшего Скаллика по направлению к берегу, преимущественно плоскому, за исключением его северной оконечности, где на фоне покрытых языками льда скалистых утесов тихо дымился вулкан Черный огонь.

Затем взгляд его переместился выше, туда, где почти над самой вершиной вулкана плыли пять аккуратных облачков, нарядных, как снежно-парусные галеоны.

Скаллик, проследив за его взглядом, выпалил:

— Готов поклясться, что уже видел эти самые облака.

Пшаури выпустил из легких воздух и отсутствующим голосом, словно сквозь сон, спросил:

— Ты что же думаешь, у облаков, как у людей и кораблей, есть души?

— А почему бы и нет? — ответил Скаллик. — Думаю, что души есть у всего, кроме блох. Однако как бы то ни было, а эти облака к перемене погоды.

Но Пшаури уже смотрел на южную оконечность острова, где под прикрытием хрустальных утесов сгрудились желтые и красные крыши Соленой Гавани; за ними был виден горб Висельного холма, а еще дальше — игла Эльвенхольма. Выражение его лица почти не менялось, и все же внимательный наблюдатель заметил бы, что, помимо отрешенного спокойствия, в нем появилась торжественность человека, который, возможно, в последний раз видит этот берег.

Не прерывая размеренного ритма дыхания, он наклонился, пошарил в узелке с одеждой, нашел поясную сумку из кротовых шкурок и вытащил оттуда свернутый в несколько раз лист бумаги с обтрепанными краями. Зеленая восковая печать была давно сломана, чернила выцвели до бледно-фиолетового цвета. Развернув и пробежав документ глазами, Пшаури снова свернул его и ровным голосом произнес:

— Если со мной что-нибудь случится, я хочу, чтобы капитан Мышелов увидел это.

Прежде чем вернуть бумагу на место, он щелк-

нул пальцем по сломанной печати.

Скаллик нахмурился, но промолчал и только кивнул.

С натугой оторвав один из булыжников от дна лодки, Пшаури прижал его к животу и поднялся на ноги. Скаллик тоже встал, по-прежнему ничего не говоря.

Не меняя удовлетворенного выражения лица, капрал Пшаури перешагнул через борт лодки так же спокойно, как будто вышел в другую комнату.

Однако еще раньше, чем он покинул владения ветров и почти без всплеска погрузился в царство холодных течений, Скаллик опомнился и крикнул ему вдогонку:

— Захлебнуться тебе и подавиться!

Погрузившись в воду, Пшаури почувствовал, что камень заметно полегчал: теперь его можно было удержать одной рукой. Он открыл глаза и, обхватив левой рукой якорную веревку, нацелился прямо на скалы под собой.

Пшаури посмотрел вниз. Дно было еще далеко. Затем, по мере того как кольцо воды сжималось вокруг него все плотнее, он увидел, что скалы на самом дне стоят вкруговую, вытянувшись вверх, точно лепестки гигантского каменного цветка,

сердцевина которого устлана чистейшим белым песком.

Теперь обломки на дне были видны так ясно, что он смог даже различить покрытую лохматыми зелеными водорослями, словно шерстью, голову вставшего на дыбы коня, украшавшего некогда бушприт одного из затонувших судов. Презрев совет Скаллика, Пшаури устремился прямо в девственно-белую сердцевину каменного цветка, так как ему показалось, что он видит какое-то темное пятнышко, нарушающее белоснежную гармонию.

Вода все сильнее и сильнее сжимала его в своих объятиях, пока наконец у него не застучало в висках и он не почувствовал отчаянное желание выдохнуть.

Но, превозмогая себя, Пшаури отпустил якорную веревку и камень и нырнул, вытянув вперед руки, в середину каменного цветка. Его ладони коснулись темного пятна в середине.

Он ощутил нечто, по форме напоминающее куб, все промежутки между ребрами которого были забиты чем-то шероховатым. Несмотря на свой небольшой размер, предмет был удивительно тяжелым, и Пшаури с трудом удалось оторвать его от песка. Он провел им вдоль своего бедра,

и прежде, чем облако илистого песка, поднятого его ногами, окутало его, он успел разглядеть маслянисто блеснувшую желтую грань. Пшаури поднял находку на уровень живота, нашел горловину сети, закрепленной у него на поясе, и засунул туда свой трофей.

В ту же минуту ему показалось, что какой-то сухой и холодный голос произнес у него прямо над ухом:

— Не надо было этого делать.

И он почувствовал себя ужасно виноватым, словно обокрал калеку или изнасиловал ребенка.

Преодолевая невесть откуда навалившуюся панику, он выпрямился, вытянул руки над головой, оттолкнулся ногами, одновременно резко опустил руки ладонями вниз и рванулся из наполнившего каменный мешок облака ила наверх, к свету.

И тут же Скаллик, следивший за ним сверху, увидел, как с окружающего скалы морского дна взметнулось не меньше полудюжины фонтанов ила и песка и такое же количество черных свинорылых акул, каждая размером не меньше их лодки, рванулось к груде камней и крошечной фигурке пловца над ними.

Пшаури поднимался, держась за якорный трос и не сводя глаз с веретенообразного силуэта лодки наверху. Ему казалось, что он карабкается по отвесному утесу. Кровь стучала у него в ушах, легкие едва не лопались от боли. Однако веретено лодки над ним все-таки увеличивалось в размерах, и тогда он решил оглянуться по сторонам.

Держась одной рукой за трос, он медленно вращался вокруг него, но, не успев завершить еще и половину дуги, увидел черную тень, несущуюся из глубины прямо на него.

К счастью, выдержка не изменила Пшаури, и, прежде чем повернуться лицом к акуле, он завершил вращение и убедился, что ему не грозит нападение с другой стороны, ибо остальные акулы еще не подобрались достаточно близко.

Он продолжал двигаться наверх, по-лягушачьи толкаясь ногами, и одновременно вытащил из-за пояса кинжал. Ему только-только хватило времени, чтобы высвободить его из ременной петли, удерживавшей его на поясе.

Огромная акула заслонила свет. Чуть согнув руку, ударил прямо в нацеленное на него черное рыло, отдаленно напоминающее морду громадного борова.

Сила удара была такова, что ему показалось,

будто его плечевая кость вылетела из сустава, и длиннющая черная тень пронеслась мимо, обдирая ему бок и бедро своими колючками. Но он упрямо продолжал подъем, мощными взмахами рук толкая себя вперед, к спасительной корме «Крингла», казавшейся теперь огромной. По-прежнему было странно темно.

Вырвавшись на поверхность и схватившись за планширь лодки, он почувствовал невероятное облегчение. В ту же секунду сильные руки схватили его за подмышки и подняли в воздух, так что его ноги оказались над водой, и он услышал лязг сомкнувшихся в пустоте челюстей.

Скаллик, его спаситель, увидел красную полосу, проступившую на молотообразном рыле твари, когда та, выскочив из воды, бессильно клацнула челюстями в воздухе и рухнула обратно. Такие же красные капли выступили и на боку его приятеля, когда он опустил его на палубу.

Колени Пшаури тряслись от пережитого напряжения, но он все же удержался на ногах. Он увидел, что первое из похожих на корабли пяти облаков закрыло солнце. Оно двигалось на север, словно желая заглянуть в Мальстрём и узнать, что там происходит; остальные четыре покорно плыли за ним. В этом был повинен неизвестно

откуда взявшийся сильный юго-западный ветер, от которого мокрого Пшаури начала бить крупная дрожь; однако Скаллик и тут выручил его, протянув приготовленное заранее большое жесткое полотенце.

— Здорово ты ей в нос заехал, парень, — поздравил он отважного ныряльщика. — Твой бок наверняка заживет раньше, чем она перестанет пускать кровавые сопли. Но, клянусь Косом, Пшаури, как они на тебя кинулись! Не успел ты замутить воду, как они повыскакивали откуда ни возьмись. Как сторожевые псы! — И недоверчиво добавил: — Как ты думаешь, они через песок почувствовали, как ты бросил камень? Кос подери, так оно, должно быть, и было!

— Разве акула была не одна? — были первые слова Пшаури.

— Не одна? Да я насчитал пять черных да еще две полосатые. Я ведь говорил, что твоя затея опаснее, чем кажется, и оказался семижды прав. Тебе повезло, что ты остался в живых, повезло, что ты не нашел сокровище, иначе тебе пришлось бы просидеть под водой еще дольше. А задержись ты хоть на мгновение, и тебе пришлось бы иметь дело уже не с одной, а с тремя или четырьмя акулами!

Пшаури как раз собрался продемонстрировать свою золотую находку Скаллику, когда слова последнего вновь пробудили в нем необъяснимое чувство вины и стыда, которые он испытал внизу.

Торопливо натягивая одежду — холодный ветер и скрывшееся за облаками солнце ускорили этот процесс, — он умудрился незаметно для Скаллика, разглядывавшего в этот момент облака, переложить свою облепленную песком и илом добычу из сетки, болтавшейся у него на поясе, в поясную сумку из кротовых шкурок.

— Смотри, как быстро меняется погода, — произнес его напарник. — Какая это ведьма высвистала такой холодный ветер? Холод с юга, ну пусть даже с юго-запада — противоестественно. Погляди, как резво подтягиваются сюда вон те облака, за которыми скрылось солнце. Хорошо, что ты не нашел затычку от водоворота, а то пришлось бы еще с ним иметь дело. Мне кажется, Мальстрёму наше присутствие не по нраву. Выбирай якорь, дружище, ставь парус — и вперед! Найдем твоему капитану подарок как-нибудь в другой раз!

Пшаури был рад, что есть чем занять руки. Работа оставляла меньше времени для угрызений

совести и дурацких размышлений об облаках.

3

В перенаселенной Земле Богов, которая занимает опоясанную горами возвышенность на Южном полюсе Невона, в павильоне для иноземных гостей случилось странное: красивый молодой бог, на протяжении последних семнадцати месяцев погруженный в беспробудный сон, вдруг вышел из оцепенения. Вопль, который он издал в момент пробуждения, был так громок, что мог бы, наверное, достичь Царства Теней на противоположном полюсе Невона; любопытные боги и полубоги, толпившиеся вокруг спящего, кинулись врассыпную, напуганные его криком.

Среди них были и трое уже знакомых нам божков — неотесанный Кос, расслабленный Иссек и похожий на паука Мог. Их привело туда не только желание взглянуть на побившего все рекорды по части спячки чужеземца, но и сознание того, что сие небывалое явление как-то связано с похождениями двух самых известных (хотя и чаще других впадающих в ересь) их последователей. Все трое по-разному реагировали на рвущий барабанные перепонки вопль: Иссек закрыл оба уха ладоня-

ми, в то время как Кос лишь сунул мизинец в одно, точно желая его прочистить.

И тут стало очевидно, что пронзительный крик Локи и впрямь достиг Царства Теней, ибо у ложа, на котором скорчился молодой бог, возникла высокая худощавая фигура. Молочно-белая кожа и худоба придавали ей до странности моложавый вид. Это был Смерть или его тень.

Оглушенные боги увидели, как двое вступили в оживленную беседу. Разгневанный Локи чего-то требовал, а Смерть возражал, уговаривал, выдвигал доводы, не переставая, однако, кивать и улыбаться.

И все же, несмотря на кажущееся дружелюбие последнего, многие в пестрой толпе богов подались назад, ибо и в Земле Богов Смерть — фигура малопопулярная и большого доверия не вызывающая.

Странная компания, которую составляли столь непохожие друг на друга божки Мышелова и Фафхрда, успела протиснуться поближе к задрапированному алыми занавесями ложу, на котором возлежал чужеземец еще до пробуждения, и теперь, когда к ним наконец вернулся слух, они различили его последние нетерпеливые слова:

— Будь по-твоему! Как только все необходимые формальности вашего паршивого мирка будут соблюдены и все мелочные условия выполнены, так сразу — и ни секундой позже! — наглый смертный, посмевший заточить мой дух в Подводном Царстве, должен быть отправлен в Царство Подземное. Я сказал!

Отвесив прощальный поклон, невонская Смерть (или его тень) тихо произнес:

— Слушаюсь и повинуюсь! — и со смиренным видом исчез.

— Мне это нравится! — ироническим полушепотом обратился к двум своим приятелям сообразительный Мог. — Мышелов искупал бродягу Локи, а тот, разозлившись, требует в отместку лишить нас одного из главных почитателей.

Смерть удалился слишком быстро, оборвав эффектную концовку, и Локи, дабы сохранить лицо, окинул собравшихся высокомерным взглядом, а затем соскользнул с ложа и принялся громко втолковывать что-то другому чужеземному богу, благообразному и белобородому, но настолько старому, что, казалось, он вот-вот рассыплется на части. Его единственным вкладом в беседу были довольно бессмысленные кивки и пожатия

плечами.

— Да, — прошипел Иссек в ответ. — А теперь он и своего приятеля Одина пытается уговорить потребовать того же самого для Фафхрда.

— Да нет, вряд ли, — запротестовал Кос. — Старый маразматик достаточно посчитался с Фафхрдом, лишив его руки. А с тех пор никто его не оскорблял, так что гневаться ему не на что. Он торчал здесь все время, пока его друг спал, потому что ему податься некуда.

— Я бы не стал на это рассчитывать, — заметил Мог угрюмо. — Однако что же нам делать с Мышеловом? Заявить Смерти протест в связи с покушением иноземного бога на нашу и без того редеющую паству?

— Надо дважды подумать, прежде чем решиться на такое, — с сомнением ответил Иссек. — Те, кто отваживается обращаться с просьбами к Смерти, частенько сами попадают в переплет.

— Я не хочу иметь с ним дела, и все тут, — присоединился к нему Кос. — У меня от него мороз по коже. По правде говоря, Силам следует доверять не больше, чем чужеземным богам!

— Однако высокомерие Локи, похоже, пришлось ему не по нраву, — проговорил Иссек с надеждой. — Может быть, все как-нибудь само

уладится и без нас. — Он криво ухмыльнулся.

Мог нахмурился, но ничего не сказал.

А тем временем в одном из многочисленных коридоров своего окутанного таинственной дымкой замка, раскинувшегося под низким, не знающим солнца небом Царства Теней, Смерть холодно размышлял о том, какой нахал этот иноземный выскочка Локи и как было бы славно, наплевав на Силы, унести его в свое Царство в обход всех правил, до того как умрет последний верящий в него человек. (Этим размышлениям предавалась лишь часть его сознания, в то время как другая его часть вершила свой повседневный труд в мире Невона.)

Но воспитание и чувство долга, как обычно, взяли верх.

Сила должна повиноваться любому капризу, даже самому неразумному, если он исходит от бога, пусть и самого незначительного. Задача Силы — совместить противоречивые указания различных богов, соблюдая все возможные приличия: именно в этом заключено одно из условий действия необходимости.

И потому, хотя Мышелов был хорошим орудием, срок действия которого Смерть предпочел бы определить по собственному усмотрению, он

принялся одной половиной сознания планировать его гибель. На все приготовления, совещания и предупреждения полутора дней должно хватить. И раз уж дошло до этого, то почему бы не придать Серому силы, чтобы подготовить его к грядущему испытанию? Никаким правилам это не противоречило. Стань он потяжелее, помощнее и телом и умом, это пошло бы ему на пользу. Откуда взять мощь? Ну конечно же, от того, кто рядом, — от Фафхрда. Правда, донору придется на время похудеть и поглупеть, но с этим уж ничего не поделаешь. А еще нужно продумать подходящую случаю систему предупреждений…

Пока Смерть сидел, обдумывая все детали одной половиной мозга, к нему, неслышно ступая босыми ногами, подкралась его сестра Боль. Жадные красные глаза последней не мигая смотрели в холодные светло-серые глаза брата. Оба были худыми и бледными, но сквозь молочную белизну кожи последнего проступали голубые пятна. К тому же, к вящему негодованию старшего брата, Боль, по своему обыкновению, щеголяла голой и босой — нет чтобы надеть приличное платье и сандалии.

Смерть приготовился прошествовать мимо родственницы, не говоря ни слова.

Но та понимающе улыбнулась и, наслаждаясь каждым звуком, прошипела:

— У тебя ведь ес-с-сть для меня вкус-с-сненький кус-с-сочек, не так ли?

4

Пока столь важные события вершились в мире людей и богов, те, к кому они имели самое непосредственное отношение — а именно Фафхрд и Серый Мышелов, — ничего не подозревая, потягивали темный бренди при холодном белом свете ламп, заправленных жиром левиафана — жители Льдистого называют его бисторием. Уютно устроившись в винном погребе дома Сиф, они поджидали своих подруг, которые отлучились в храм Луны, расположенный на той окраине Соленой Гавани, что повернута внутрь острова. Сиф и Афрейт были жрицами Богини Луны в этом заполярном порту, а их племянницы — прислужницами ее храма.

С тех пор как героям удалось отправить на тот свет подосланных правителями Ланкмара убийц и избавиться от проклятия старости, они наслаждались комфортом и относительным покоем, преимущественно в домах своих возлюбленных.

Командование своими людьми они полностью возложили на капралов и навещали казармы не чаще раза в день (да и то по очереди, а в последнее время раз или два и вовсе ограничивались устными донесениями своих помощников). Вместе со своими дамами они развлекались, устраивая спортивные состязания и пикники, — можно было подумать, что они пытаются наверстать удовольствия, упущенные из-за наложенного на них заклятия. Теплая ясная погода Луны Гроз и Луны Сатиров содействовала всем их начинаниям.

Однако сегодня погода показалась им чрезмерно жаркой, и потому они спустились в просторный, выложенный гладкими прохладными плитами погреб и сидели там, разгоняя тоску, которая имеет обыкновение наваливаться на слишком долго предававшихся радостям жизни героев, в виде баек про призраков и других фантастических персонажей.

— А доводилось ли тебе слышать, — пробасил здоровенный северянин, — про вурдалаков, что обитают в тропиках Клеша? Ручищи у них — что твои лопаты, и они прорывают подземные ходы под кладбищами и их окрестностями быстрее, чем кроты. Не успеет человек опомниться, как у него за спиной вырастает из-под земли серо-зеле-

ного цвета тварь, хватает его своими жилистыми граблями, утаскивает под землю — и поминай как звали. Рассказывали, что одного человека вурдалак преследовал под землей до самого его дома — а жил он рядом с кладбищем — и утащил-таки под землю прямо из собственного погреба. Надо полагать, погреб у него был похож на этот. — С этими словами он указал на расположенный прямо рядом с их скамьей квадрат пола, не закрытый каменной плитой. Проем был достаточно широк, и, если бы не илистая почва, заполнявшая отверстие до самого верха, в него легко мог бы пройти широкоплечий мужчина. — Афрейт говорит, — объяснил он, — что его специально так оставили, чтобы погреб «дышал» — в здешнем климате это необходимо.

Мышелов, подняв брови и наморщив нос, уставился на дыру в полу с нескрываемым неудовольствием, затем взял со стола кружку и сделал глоток, от которого другой на его месте захлебнулся бы. Потом, пожав плечами, заметил:

— Ну, вряд ли в полярном климате водятся тропические вурдалаки. Но твой рассказ напомнил мне другую историю — может быть, ты слышал? — про принца из Уул-Хруспа, который так боялся смерти, что даже взгляд на землю,

в которой ему когда-нибудь придется лежать, приводил его в содрогание. Так вот, всю свою жизнь (а она была не такой уж и долгой) он провел в верхнем покое высоченной башни, которая была в два раза выше самого могучего дерева в уул-хруспских лесах.

— И что же с ним приключилось? — спросил заинтересованный Фафхрд.

— Хотя между башней принца и ближайшей пустыней лежали все леса Уул-Хруспа и воды Внутреннего моря, мощный тайфун принес на своих крыльях песчаную бурю, от которой почернели зеленые леса страны трусливого принца, а жилище его оказалось засыпанным песком до самой крыши, и владелец его задохнулся, погребенный заживо.

Вдруг сверху донесся приглушенный вопль.

— Моя история затянулась, — заметил Мышелов. — Женщины, кажется, вернулись.

Тут он и Фафхрд уставились друг на друга, вытаращив глаза.

— Мы обещали следить за жарким, — произнес северянин.

— А когда мы спустились сюда, то решили немного погодя сходить наверх, перевернуть его и полить маслом, чтобы не сгорело, — продолжал

другой.

Затем, все так же глядя друг на друга, в унисон произнесли:

— Но ты забыл.

По ступенькам ведущей в погреб лестницы весело затопотали чьи-то ноги — больше одной пары. Пять девчонок умудрились скатиться в едва рассеиваемый холодным светом бистория полумрак погреба, не пересчитав задом ступеньки и не расквасив нос. Четыре из них были одеты в сандалии из шкуры белого медведя, короткие, до колен, туники тончайшего белого льна и чадры из того же материала, скрывавшие волосы и большую часть лица. На виду были лишь глаза, которые в данную минуту озорно сверкали, выдавая скрытые под покрывалами улыбки.

Пятая девушка, самая высокая и стройная из всех, носила короткую тунику из более грубого полотна, подпоясанную белым ремнем, и чадру из вывернутой наизнанку шкурки белого ягненка, и, несмотря на жару, перчатки из того же материала. Ноги ее были босы. Глаза не улыбались.

Все, кроме нее, стянули чадры, и взорам наших героев предстали льняные головки племянниц Афрейт — Мэй, Мары и Гейл и черные, как вороново крыло, пряди Клут, племянницы Сиф.

Но Фафхрд и Мышелов и так знали, кто это, и уже поднялись им навстречу.

Мэй так и приплясывала на месте от нетерпения:

— Дядюшка Фафхрд! У нас было приключение!

— Нас чуть не украли торговцы из Илтхмара! Они тайно воруют людей и продают их в рабство! — перебила ее Мара.

— С нами могло случиться что угодно! — ликовала Гейл. — Представляешь, они говорили, что восточные принцы платят за двенадцатилетних девственниц-блондинок золотом!

— Но наша новая подруга сбежала от работорговцев и предупредила тетушек Сиф и Афрейт! — победоносно закончила черноволосая Клут, оглядываясь на пятую девушку, которая по-прежнему держалась в отдалении, не снимая чадры. — Ее похитили в Товилийсе и продержали пленницей на «Ласке» всю Луну Сатиров.

Гейл снова перехватила нить повествования:

— Но она тоже послушница Скамы, как и мы. Ее мать была жрицей в Товилийсе.

— А еще она принцесса! — перекричала сестер Мэй. — Самая настоящая принцесса из Южного Ланкмара!

— Да по ней же видно, что она принцесса, —

прямо-таки завизжала в упоении Мара, — потому что она все время перчатки носит!

— Не визжи, как поросенок, Мара, — одернула ее Мэй, обрадовавшись возможности вновь привлечь к себе внимание, и надолго. — Девочки, мы забыли представить нашу новую подругу и спасительницу.

И Мэй, подойдя к потупившейся девушке, взяла ее за руку и буквально заставила сделать шаг вперед.

— Дядюшка Фафхрд, — начала она серьезно, — позволь представить тебе мою новую подругу и нашу общую спасительницу, принцессу Пальчики из Товилийса. Дорогая принцесса, моя подруга, позволь мне также представить тебе нашего почетного гостя капитана Фафхрда, великого героя Льдистого острова, возлюбленного моей тетушки Афрейт и моего дражайшего дядюшку.

Странная девушка в чадре опустила глаза еще ниже и даже вздрогнула, но все же позволила Мэй вложить свою руку в широкую ладонь Фафхрда.

Тот пожал протянутую ладонь и, изогнувшись в церемонном поклоне, позволившем ему заглянуть прямо в полускрытое чадрой лицо девушки, произнес:

— Любой друг Мэй — мой друг, почтенная прин-

цесса Пальчики, а как спасительница ее и всех здесь присутствующих юных особ, ты можешь рассчитывать на мою вечную благодарность. Мой меч всегда готов служить тебе.

И губы его на три удара сердца приникли к шкурке барашка. Голова девушки слегка запрокинулась, веки затрепетали.

Остальные девчонки принялись охать и ахать, и только Клут оставалась серьезной, а взгляд Мышелова приобрел сардонический оттенок.

Мэй снова завладела рукой в перчатке и повернула ее к Мышелову.

— Дорогой дядюшка Мышелов, — начала она во второй раз. Было видно, что девочка пытается внести разнообразие в затверженную формулу, но, вопреки ее воле, слова срывались с ее губ чуть ли не скороговоркой. — Позволь представить тебе мою подругу и благодетельницу, принцессу Пальчики из южных ланкмарских земель. Дражайшая принцесса, моя подруга, могу ли я предложить твою драгоценную руку нашему почетному гостю капитану Мышелову, возлюбленному Сиф, тетушки Клут, и моему доброму, любимому, почитаемому дядюшке — герою Льдистого острова, уступающему лишь Фафхрду?

Мышелов угрожающе поднял брови.

— Ее левую руку? Нет, убери ее от меня, — оборвал он Мэй, уперев руки в боки и выпрямившись во весь свой невеликий рост, для чего ему пришлось даже слегка откинуться назад. Затем, глядя сверху вниз на съежившуюся перед ним хрупкую фигурку, он сделал страшное лицо и рявкнул: — Как ты себя ведешь, девчонка! Да, да, девчонка, невоспитанная и тщеславная девчонка, как бы ты там себя ни величала!

Девочки оцепенели от ужаса, Фафхрд неодобрительно покосился на друга, но та, к кому обращался Мышелов, стянула чадру и перчатки, открыв взглядам пикантное личико, покрасневшее от смущения почти до того же оттенка, что и коротко стриженные рыжие волосы. Подняв на Мышелова глаза, она произнесла тихим чистым голосом:

— Я заслужила твое неодобрение, господин. Нижайше прошу прощения.

Она говорила (хотя и странно шепелявя) на том же южноланкмарском, что и остальные, — именно этим языком пользовались большинство торговцев по всему миру. Затем протянула, ладонью вниз, хрупкую правую руку.

Он принял ее руку, не заключив ее, однако, в свою для рукопожатия, но просто подставив под

ее ладонь свои разведенные пальцы, и начал глубокомысленно ее разглядывать.

— Пальчики, — произнес он неторопливо, словно смакуя это слово. — Странное имя для принцессы.

— Я не принцесса, господин, — тут же ответила она, — так я представилась жрицам, спустившись с борта «Ласки», чтобы они выслушали меня и поверили моему предупреждению.

Другие девочки уставились на нее с таким выражением, как будто она только что, на их глазах, совершила предательство; но Мышелов только задумчиво кивнул, продолжая держать ее руку на ладони, точно оценивая.

— Это соответствует тому, что я вижу, — сказал он, — кроме того, все, что я слышу, больше похоже на Илтхмар, чем на Товилийс. Взгляните, — продолжал он тоном лектора, — хотя и узкая, эта рука сильная и ловкая, она привыкла сжимать и тискать, шлепать и хлопать, щипать и покалывать, щекотать и поглаживать и так далее и тому подобное. — Затем он повернул ее руку ладонью вверх и слегка потер большим пальцем, словно испытывая. — И все-таки, несмотря на такое обилие работы, она мягкая и нежная на ощупь. Это от масла, которым пропитаны перчатки. Не

сомневаюсь, что и необычная чадра подобным же образом увлажняет щеки, губы и подбородок прелестницы. — Он вздохнул и умолк, однако через мгновение продолжал: — Мэй, поди сюда! Дай твою руку.

Светловолосая девочка повиновалась, не скрывая, однако, изумления. Он переложил покоившуюся на его пальцах ладошку в протянутую ладонь Мэй и повернулся к Клут, на лице которой играла ехидная усмешка:

— Как поживает моя любимая племянница?

Никто из присутствующих не знал, что сказать. Фафхрд всем корпусом развернулся к Мышелову, Пальчики сохраняла невозмутимость, как вдруг сверху донесся голос Афрейт:

— Эй, вы там, в погребе, а ну кончай отлынивать! Марш на кухню отрабатывать обед!

Клут и Мышелов возглавили шествие: поднимаясь по лестнице, они весело болтали; Мышелов не переставал хвалить племянницу за осторожность и сообразительность. За ними в угрюмом молчании следовали Мара и Гейл. Фафхрд, подхватив под руки Мэй и другую девушку, ошеломленно стоявших там, где их оставил Мышелов, замкнул шествие.

— Мой приятель странный тип, — объяснял он

добродушно. — Он бы и у Царицы Небес потребовал удостоверение личности, случись той на минуту привлечь к себе всеобщее внимание. А оскорбления он просто коллекционирует.

5

Кухня в доме Сиф представляла собой просторное помещение с низким потолком, которое проветривалось — а в данный момент еще и охлаждалось после жаркого солнечного дня — сквозняком, циркулировавшим, когда в двух противоположных концах помещения открывали двери.

Высокая блондинка Афрейт и гибкая зеленоглазая Сиф были еще в длинных белых туниках, хотя чадры уже сняли. Обняв Мышелова, хозяйка дома откомандировала его и Фафхрда перенести столы и скамьи на улицу, в тенек. Девочки окружили Афрейт; Мэй и Гейл что-то взволнованно объясняли, то и дело оглядываясь через плечо.

Когда мужчины, справившись со своей задачей, вернулись на кухню, то обнаружили, что жрицы Луны уже поменяли свои торжественные облачения на более веселые повседневные платья из фиолетовой в желтую полоску и зеленой

в коричневую крапинку материй. Девочки, получив, видимо, соответствующие распоряжения, принялись накрывать столы, вынося на улицу скатерти, подносы с яствами и посудой.

— Я так понимаю, что с нашей гостьей вы уже познакомились? — обратилась к ним Сиф.

— И о том, какую услугу она оказала нашим племянницам и жителям всего острова, сообщив о намерениях илтхмарцев, вы тоже слышали? — добавила Афрейт.

— Нам обо всем рассказали, — подтвердил Фафхрд. — А я в свою очередь полагаю, что вы уже приняли меры относительно мерзавцев с «Ласки»?

— Разумеется, — заверила его Афрейт. — Совет был собран в мгновение ока, и дело решили согласно нашим обычаям — корабль оштрафовали (не за намерение похитить людей, конечно же: нашлись и другие поводы — например, деревянный корпус «Ласки» весь в подозрительных дырах, наводящих на мысль о червях-бурильщиках, а они, как известно, быстро проникают и на другие суда) и отправили восвояси.

— Мы пригласили начальника порта Гронигера отобедать с нами, — добавила Сиф, — но он остался проследить, чтобы зловещее судно поставило

паруса и покинуло гавань, как и было сказано.

— Так почему же ты, дражайший Серый Мышелов, дразнишь бедняжку, хотя она и является послушницей Богини, и даже, как я слышала, отказался пожать ей руку? — приступила с расспросами Афрейт.

Выпрямившись во весь рост и даже слегка откинувшись назад, как он делал это в погребе, Мышелов скрестил на груди руки и, глядя высокой женщине прямо в глаза, отпарировал:

— Бедняжка, как же! Никакая она не принцесса — она и сама это признала, — да и, коли уж на то пошло, к храму Луны в Товилийсе отношения не имеет В какую игру она играет, я не знаю, хотя и догадываюсь; а правда вот в чем: она обыкновенная корабельная проститутка из Илтхмара, где поклоняются Крысе, отверженная из отверженных, на которую никто и никогда не взглянет дважды; таких, как она, капитаны идущих в дальние рейсы кораблей нанимают для развлечения всей команды, и потому, госпожа Афрейт, она не может быть подходящей компанией ни для твоих племянниц, ни для племянницы Сиф и недостойна находиться с ними под одной крышей. Все указывает на это! Одно ее имя служит тому достаточным доказательством. И Фафхрд

подтвердил бы мои слова, если бы не был так увлечен игрой в рыцаря и принцессу, к вящему удовольствию девчоночьей аудитории. Идеализм — его главный недостаток, я всегда это говорил!

Остальные пытались заставить его замолчать или как-нибудь возразить ему; девчонки, позабыв о своих обязанностях, слушали, широко раскрыв глаза; но он довел свою гневную тираду до конца; когда он умолк, Афрейт, чьи голубые глаза давно уже метали молнии, выпалила:

— В одном ты несомненно ошибаешься, недоверчивый: она настоящая послушница Богини, ибо ей известны тайные слова и знаки.

Сиф торопливо добавила:

— Ей известен и цвет. Она носит платье и чадру.

— И перчатки? — вкрадчиво спросил Мышелов. — Что-то я никогда не замечал, чтобы вы с Афрейт надевали летом перчатки, какого бы цвета они ни были. Даже зимой ничего, кроме митенок. То же самое относится к послушницам, разумеется.

— Но ведь мы на Льдистом острове — лишь малая толика огромного сообщества женщин, поклоняющихся Луне. Без сомнения, в Товилийсе могут быть свои обычаи, связанные с культом, —

возразила Сиф.

Мышелов улыбнулся:

— Дорогая моя госпожа, ты слишком наивна, твои представления о мире ограничены жизнью на острове. В перчатках может таиться больше зла, чем ты в состоянии помыслить; также и чадра может служить не только признаком чистоты, или подчинения мужчине или простой маскировкой. Наиболее опытные илтхмарские проститутки (а наша гостья в этом деле далеко не новичок, могу поклясться!) носят перчатки и чадру, чтобы сохранить руки и лицо нежными и мягкими. Что же касается более интимных мест, то и их, предварительно бесстыдно оголив с помощью пинцета, укутывают в промасленную шерсть. Ибо, да будет вам известно, проститутки на илтхмарских судах ублажают простых матросов лишь при помощи рук — в противном случае риск, что девка забеременеет и окажется непригодной к употреблению, многократно возрастает, а в открытом море новую девочку для удовольствий взять неоткуда. Кстати, именно поэтому я и сказал, что ее имя только подтверждает род ее занятий. Корабельные офицеры имеют доступ к лицу и грудям — короче, ко всему, что выше талии, — тогда как то, что ниже, достается лишь

одному капитану. Только он, мудрейший на судне, знает, как получить свое таким образом, чтобы она не понесла. Так что, как видите, все устроено разумно и мудро — помогает поддерживать и дисциплину, и престиж капитана.

Девочки начисто забыли о порученных им делах и окружили их, вытаращив глаза от любопытства. Пальчики сохраняла приличествующий случаю вид покорного внимания.

— Неужели он говорит правду? — не скрывая возмущения, потребовала у Фафхрда ответа Афрейт. — Неужели столь отвратительные обычаи и впрямь существуют?

— Хотелось бы мне сказать, что он лжет, чтобы позлить его, — отвечал северянин, — но я вынужден подтвердить, что подобные обычаи существуют, и не только на илтхмарских судах. Чаще всего корабельными проститутками становятся девочки из бедных семей, которых продают их же родители. Некоторые из них и сами становятся потом заправскими морячками, есть и такие, что выходят замуж за пассажиров, но это редкость.

— Все мужчины — самцы, — мрачно изрекла Сиф. — Чем дольше живу, тем больше в этом убеждаюсь.

— А женщины — самки, — добавил Мышелов вполголоса.

Афрейт покачала головой и перевела взгляд на Пальчики, которая, увы, выслушала все вышесказанное не моргнув и глазом, как будто ей все это было не в новинку.

— Что ты на это скажешь, дитя? — спросила светловолосая жрица.

— Все, что сказал капитан Мышелов, в основном правда, — просто ответила девочка, изобразив гримаску, очень шедшую к ее пикантной мордашке. — Хотя что касается ремесла девочки для развлечений, то мне о нем известно только то, чему меня научили на «Ласке». Против моей воли. В самом начале нашего пути была еще одна девочка, на два года старше, — в Уул-Плерне она сбежала с корабля, — она меня многому научила. И моя мать не продавала меня на корабль. Меня у нее похитили — это правда. Но когда я сбежала с корабля и выбрала из всей толпы вас двоих — потому что на вас были белые туники и чадры, — чтобы предупредить об опасности, я не поведала вам подробности моего пребывания на корабле, так как не считала их жизненно важными.

— Хватит слушать сказки про судно работоргов-

цев под названием «Ласка». Ее история слишком подозрительна, — самодовольно произнес Мышелов.

— Но она не утверждала, что команда «Ласки» занимается работорговлей! — возмутилась Афрейт.

— Они потеряли одну девочку для удовольствий в Уул-Плерне, — вмешалась Сиф. — Разумеется, эти скоты решили украсть здесь кого-нибудь взамен! Ведь на нашем острове детей не нанимают и не продают для подобных целей, могу поклясться. Все женщины, которые обслуживают моряков на Льдистом, — взрослые.

Но Мышелов прервал их, довольный собственной сообразительностью:

— Однако я не думаю, чтобы вы обе — и ты, досточтимая госпожа Афрейт, и ты, моя любезная Сиф, — поверили во все эти многочисленные похищения людей. Иначе вы не позволили бы «Ласке» уплыть, не обыскав ее предварительно на предмет обнаружения узников, которых капитан мог бы прятать.

— И вновь ты не прав, — сердито отвечала Афрейт. — Двое наших людей, отправленные на корабль искать дыры червей-бурильщиков, облазили весь корабль, прежде чем нашли их!

— И что же, никаких девчонок на «Ласке» не оказалось? — был следующий вопрос Мышелова. — И никаких женщин?

Обе жрицы кивнули, напряженно глядя на него.

— Значит, россказни о похищении людей ничем не подтверждены, — заключил он безапелляционно.

— Да, но ведь они хотели украсть здесь девочку взамен сбежавшей… а может, и всех четырех… — растерянно начала Афрейт.

— Извини, дорогая, — спокойно, но решительно перебил ее Фафхрд, — но не лучше ли будет оказать нашей гостье любезность и выслушать ее, не перебивая и не строя при этом далеко идущих оскорбительных предположений? — Последние слова он произнес, подчеркнуто глядя на Мышелова. — Надо отдать ей должное, рассказывает она хорошо. — И он улыбнулся девочке.

— Разумное предложение, — благосклонно признала Афрейт. — Но поскольку здесь душно, то давайте выйдем на свежий воздух, где нам приятнее будет и говорить, и слушать. К обеду накроем попозже. Он не испортится. Да, девочки, вы также можете пойти с нами, — добавила она, видя выражение их лиц. — Дела могут подождать,

но чтобы сидели тихо и не болтали.

6

Летний день клонился к вечеру; лишенные деревьев зеленые луга Льдистого острова простирались от взгорья в его центре до самой прибрежной полосы. Шелковистую гладь нарушали лишь торчащие то здесь, то там острые обломки скал да кучки пасущихся овец. Неподалеку, точно брошенный на траву щит великана, виднелся плоский бронзовый диск лунных часов. При помощи таких устройств местные ведьмы, занимавшиеся исключительно белой магией, отмечали движение луны через многочисленные созвездия невонского зодиака: несколько ярких парных звезд, носивших название Любовников, полускрытые дымкой звезды Призрака, острый треугольник Ножа с кроваво-красной звездой на острие. Призрачная Луна, близкая к полнолунию, появилась из-за горизонта около четверти часа тому назад и теперь висела над водной гладью в восточной четверти небес. Прохладный вечерний ветерок чуть шелестел стеблями травы.

Дом, из которого они вышли, скрывал от них закатное солнце; утопая в морской пучине, оно

заливало все вокруг красным светом.

Четверо взрослых уселись прямо на траву, посадив Пальчики в середину круга. Девочки устроились между взрослыми.

Она начала свой рассказ:

— Я родилась в Товилийсе, где моя мать была членом Гильдии Свободных Женщин и к тому же жрицей Луны. Кто был мой отец, я не знаю. Многие из детей Гильдии росли без отцов. Там я прошла посвящение в храме Луны — в товилийском храме и впрямь носят белые перчатки, хотя и не из меха. — С этими словами она прикоснулась к перчаткам, заткнутым за пояс ее платья. — Для Гильдии наступили тяжелые времена, и мы с матерью переехали в Илтхмар, где стали зарабатывать себе на жизнь ткацким ремеслом. Мне очень хорошо давалось это искусство, я также умела играть на флейте и маленьком барабане, показывать детишкам всякие фокусы и устраивать театр теней. За свои ловкие руки я и получила прозвище Пальчики, оказавшееся впоследствии роковым. Мы усвоили илтхмарский выговор. Мать говорила: «Приспосабливайся!» Мы даже делали вид, что поклоняемся Крысе, и приносили жертвы в ее храме, что стоит рядом с доками на берегу Внутреннего моря. И однажды,

когда я входила под его низкий полутемный портик, на меня напали сзади и ударили чем-то тяжелым по голове. Я очнулась на борту «Ласки», голова немилосердно болела и кружилась, а вокруг не было ничего, кроме бурных волн Внутреннего моря. Я была более чем раздета: на моем теле были сбриты все волоски до единого, кроме ресниц и бровей. А потом под присмотром одного из офицеров корабля другая проститутка, которую звали Горячая Ручка, стала обучать меня секретам своего ремесла. Когда я упиралась и отказывалась выполнять их указания, они напускали на меня червей-бурильщиков.

— Чудовища! — воскликнул Фафхрд.

Афрейт нахмурилась и сделала предостерегающее движение рукой, призывая к тишине, а Мышелов прижал палец к готовым расплыться в предательской улыбке губам.

Пальчики продолжала:

— Как вам, должно быть, известно, эти щетинистые серые гусеницы питаются исключительно древесиной и очень боятся света, и потому, если извлечь такую гусеницу из прогрызенного ею туннеля, она устремится в любую щель или отверстие, которое попадется ей на пути, будь то пол, стена или живая плоть. Изголодавшись,

гусеница начнет буквально ввинчиваться в свою жертву в поисках подходящей пищи. Моя наставница рассказывала, что их используют, чтобы обламывать начинающих корабельных девочек для удовольствий, и совсем молоденьких, и постарше, поскольку черви не наносят постоянных увечий, а только временные, хотя и весьма болезненные повреждения.

— Так, значит, там все-таки были черви… — начал было Мышелов, но тут же захлопнул себе рот рукой.

— И я покорилась, вспомнив наказ моей матери: «Приспосабливайся!» — и обучалась работе руками другого рода столь усердно, что даже моя наставница меня похвалила, хотя и не очень охотно. Но я не стремилась превзойти ее в искусстве ублажения мужской плоти, поскольку мне нужен был друг; а кроме того, когда корабль входил в очередной порт, она была моим главным соглядатаем. Я никогда не копировала ее приемы, — к примеру, ее прозвали Горячей Ручкой потому, что перед началом работы она подносила ладони ко рту и дышала в них до тех пор, пока они и впрямь не делались горячими. У меня был свой способ: когда ко мне приходил очередной клиент, я укладывала его на ложе и начинала перебирать

пальцами по всему его телу, постепенно приближаясь к заветному местечку и рассказывая ему сказку про заколдованную принцессу, которую злые чары сделали маленькой, как моя ладонь. Я описывала все, что встречает принцесса в своем маленьком мирке, изображала ее наивное удивление перед каждым новым препятствием, рассказывала, что ей приходится проделывать, чтобы преодолеть каждое из них. Матросы обожали эту чушь, она подогревала их воображение.

Так и проходили мои дни на корабле. Мы побывали в портах Ланкмара, лесистого Кварч-Нара, Уул-Хруспа и других городов Внутреннего моря. И все это время Горячая Ручка не спускала с меня глаз.

Вскоре я пришла к выводу, что мой обморок после удара по голове был искусственно продлен при помощи наркотиков и длился по крайней мере несколько дней, так как, впервые оставшись одна, я обследовала свое тело и обнаружила, что моя бритая голова начала снова обрастать волосами, а кожа побледнела из-за отсутствия солнца — так же как и во время двухнедельного уединения перед посвящением в послушницы храма Луны, — а волосы в других местах были удалены пинцетом. Но что еще происходило со

мной, пока я была в забытьи, — содержали ли меня все время на «Ласке» или перевозили с места на место, — я так и не узнала, а Горячая Ручка не хотела (а может, и не могла) сказать. Все, что я смогла вспомнить, — это сумбур кошмарных образов, суть которых от меня ускользала. Мы с Горячей Ручкой подружились, но не настолько, чтобы она посвятила меня в план побега, который она задумала в Уул-Плерне. Теперь мне кажется, что она сделала бы это, если бы могла, — но ей было хорошо известно, что потеря обеих корабельных девочек для удовольствий заставит команду кинуться за ними в погоню, невзирая ни на что. Перед побегом она надежно меня привязала (по узлам она была настоящей мастерицей) и заткнула рот кляпом, а потом поцеловала на прощание и сказала: «Я делаю это для твоей же пользы, Пальчики. Надеюсь, что тебя не выпорют из-за меня».

Пороть меня и впрямь не стали, но в следующем порту — это был Но-Омбрульск, последняя остановка перед долгим переходом сюда, — меня заперли в трюме и приковали к бревну металлической цепью, которая опутывала мои ноги и соединялась с металлическим ошейником, запиравшимся на замок. Ключ от него был только у

капитана. Раньше он держал на этой цепи свою собаку-ищейку, но та издохла во время предыдущего рейса.

Еще никогда я не чувствовала себя такой одинокой, как во время этого последнего плавания. В наихудшие моменты я утешалась воспоминаниями о прощальном поцелуе Горячей Ручки, одновременно ненавидя ее за предательство. А еще я приняла решение сбежать с корабля, как только мы придем на Льдистый (кстати, раньше я считала его легендой), какими бы суровыми и свирепыми ни оказались его обитатели. — Тут она обвела собравшихся насмешливым взглядом. — Я знала, что для осуществления моего плана мне придется сделать все возможное и невозможное, чтобы не оказаться вновь запертой в трюме. Поэтому, не опасаясь более соперничества Горячей Ручки, я использовала всю свою фантазию и изобретательность, чтобы найти способ усилить и продлить удовольствие каждого своего клиента — не простых матросов, конечно, а капитана и его помощников. Ну и разумеется, приложила все усилия, чтобы наладить с ними дружеские доверительные отношения, — выслушивала их жалобы, сочувствовала, жалела.

В результате, когда мы пришли к острову Ль-

дистый и бросили якорь в Соленой Гавани, меня не только не заперли в трюме, но и позволили погулять по палубе, правда под присмотром. Наблюдая за местными жителями, я вскоре поняла, что они отнюдь не дикие и вполне лояльно настроены, однако сочла за благо притвориться, будто все увиденное пугает меня и вызывает отвращение. Бдительность моих тюремщиков притупилась.

А когда в толпе окруживших корабль зевак появились Мэй и Гейл, среди команды «Ласки» послышались горячие, полные желания шепотки и соленые шуточки.

— Правда?

— В самом деле?

Она торжественно кивнула и продолжала:

— Я притворилась, будто разозлилась на них за то, что они возжелали двух неотесанных провинциальных девчонок, когда у них есть я, но в ту же ночь призналась капитану, как сильно мне хотелось бы обучать вас тем же искусствам, которым обучила меня моя наставница Горячая Ручка, и наказывать вас, когда вы будете упрямиться и показывать характер; я также пожаловалась, что с тех пор, как я осталась единственной на корабле девочкой для развлечений, у меня нико-

го не было в подчинении. Он ответил, что хотел бы порадовать меня, но похищать вас обеих слишком рискованно. Я продолжала умасливать его, и в конце концов он заявил, что если я сама пойду на берег и посулами и уговорами заманю вас на корабль, то он не будет возражать. Тут я притворилась, будто одна лишь мысль о том, чтобы ступить на землю варварского острова, внушает мне ужас, и теперь уже ему пришлось меня уговаривать.

Вот так мне и удалось сбежать с «Ласки» и предупредить вас, госпожа Афрейт и госпожа Сиф, — закончила свой рассказ Пальчики. По ее лицу блуждала двусмысленная улыбка.

— Вот видите? — радостно прервал Мышелов свое вынужденное молчание. — Она сама все и спланировала! Или, по крайней мере, подсказала капитану план, до которого он сам никогда бы не додумался. Недаром говорят: «План хитер? Значит, его придумала женщина!»

— Но ведь она же это сделала, чтобы… — начала разгневанная Сиф.

— Капитан Мышелов, при всем моем уважении, сегодня ты невыносим! — не стерпела Афрейт.

Сиф начала снова:

— Она лишь использовала обманную уловку,

ты и сам поступил бы так на ее месте.

— Чистая правда, — подтвердил Фафхрд. — Наша гостья Пальчики, ты — принцесса заговорщиков. В жизни не слышал рассказа лучше! — Затем шепнул, обращаясь к Афрейт: — Честное слово, Мышелов с каждым днем становится все упрямее и упрямее. Наверное, он еще не до конца освободился от проклятия. Иначе его поведение никак не объяснишь.

Тут раздался голосок Мары:

— Но ведь на самом деле ты бы не стала нас бить, правда, Пальчики?

К л у т. Еще как стала бы! Собачьим хлыстом! Которым раньше капитан хлестал свою ищейку.

Г е й л. Нет, она бы что-нибудь похуже придумала! Например, запустила бы червей-бурильщиков нам в нос.

М э й. Или в уши!

К л у т. Или в салат.

Г е й л. Или в…

А ф р е й т. Дети, хватит! Пойдите накройте на стол. Пальчики, помоги им, пожалуйста.

Дружной гурьбой девчонки устремились на кухню, оживленно перешептываясь по дороге.

7

— Мышелов, надеюсь, что во время обеда ты не… — начала было Афрейт, но он не дал ей закончить:

— О, я хорошо знаю, что вы все меня не одобряете, и потому охотно помолчу. Не так-то легко быть голосом разума, когда все вы оседлали своего любимого конька и играете в благородство.

Сиф улыбнулась, пожала плечами и, подняв глаза к небу, заметила:

— Вообще-то, я предпочла бы, чтобы ты не молчал, а…

— Почему бы и нет? — ворчливо отозвался он, угадав, по-видимому, ее мысль. — Снявши голову, по волосам не плачут. Принцесса Пальчики, — обратился он к девочке, — не соблаговолит ли твое высочество приблизиться ко мне?

Та опустила на стол только что принесенный поднос с горячими пирожками и повернулась к нему, глаза долу:

— Да, господин?

— Мои друзья настаивают, чтобы я пожал руку твоего высочества в знак приветствия и примирения.

Она протянула правую руку. Он взял ее в свою со словами:

— Принцесса, я восхищен твоей смелостью и хитростью, в которой, как утверждают мои друзья, ты не уступишь мне самому. Надеюсь, что твое пребывание в наших краях будет приятным, ну и так далее! — И стиснул пальцы девочки в своих. Едва сдержав крик боли, она улыбнулась в ответ. Он продолжал: — Но учти, высочество, как бы умна ты ни была, меня тебе не провести. И запомни: если с головы этих четырех девчонок или кого-либо из моих друзей упадет хотя бы единый волос, отвечать будешь передо мной.

Она ответила:

— Я согласна, господин, — и, поклонившись, побежала на кухню.

— Принеси еще четыре прибора, — крикнула ей вслед Афрейт. — Я вижу Гронигера, и он идет не один. Кто это там с ним, Фафхрд?

— Скаллик и Пшаури, — отозвался он, вглядевшись в группу людей, приближавшихся к ним в последних лучах заката. — Идут доложить о происшествиях дня. И старый Урф тоже с ними — в последнее время он повадился греться на солнышке в таких местах, откуда видны одновременно и порт, и спящий Мальстрём.

Последний отблеск заката растаял на горизонте, и луна из полупрозрачной тени немедленно превратилась в яркий сверкающий диск, залив-ший всю округу холодным серебристым светом.

— А они торопятся, — заметила Афрейт. — И старый Урф тоже, хотя обычно он плетется по-зади всех.

Афрейт проверила, выполнила ли девочка ее распоряжение насчет дополнительных прибо-ров.

— Ну а теперь усаживаетесь, и, с благослове-ния Богини, приступим, а то мы так никогда не поедим.

Когда четверо путников подошли к их столу, они уже отведали салат из редиса со специями и вовсю налегали на жаркое из ягненка со сладким мятным соусом. Вдруг одинокое облако над ними окрасилось в лимонно-желтый цвет — прощаль-ный привет четырем странникам скрывшегося за горизонтом солнца. В этом сиянии лица при-сутствующих стали видны так отчетливо, точно с них сняли маски.

Гронигер был, как всегда, краток:

— «Ласка» покинула гавань. Облака на севере предвещают ей попутный ветер. И еще одна но-вость, поинтереснее.

С этими словами он перевел взгляд на сгорбленного морщинистого Урфа.

Но так как последний молчал и никто не задал вопроса: «В чем дело?» — Пшаури поспешил доложить:

— Прежде чем «Ласка» отчалила, капитан Мышелов, я обменял оленьи шкуры и одного соболя на семь сосновых досок, две дубовые колоды и черный перец для кока. Мы засеяли поле рожью и побелили амбар. Гилджи, кажется, поправляется после солнечного удара.

— Дерево хорошо просушено? — придирчиво спросил Мышелов. Пшаури кивнул. — Так в следующий раз и докладывай. Краткость — хорошая вещь, но не за счет точности.

Теперь настала очередь Скаллика докладывать:

— Скор велел нам кренговать «Морского ястреба», капитан Фафхрд, пока стоят низкие приливы, и мы закончили обшивать его корму медью. Ходили стрелять дичь. Я выходил в море на «Крингле» — порыбачить. Ничего не поймал.

— Довольно, — сказал Фафхрд, жестом призывая того к молчанию. — Что у тебя за новость, Урф?

Афрейт прервала его, поднимаясь со словами:

— С этим можно и подождать. Прошу вас, присоединяйтесь к нашей трапезе, господа. Мы ждали вашего прихода.

Трое кивком поблагодарили за приглашение и отправились к колодцу помыть руки, но старый мингол остался стоять, где стоял, и, обратив на Фафхрда взгляд столь же мрачный, как и его длинная черная туника, замогильным голосом произнес:

— Капитан, сегодня днем, когда я, как обычно, нес вахту на мысе — солнце уже клонилось к западу, — я поглядел в сторону Мальстрёма, который последний год с половиной — шесть сезонов — был тих и спокоен, точно озеро в горах, и увидел, как медленно-медленно, очень медленно вода начала двигаться по кругу, словно закипало варево в ведьмином котле.

Ко всеобщему удивлению, Мышелов завопил:

— Что-о-о? — вскочил и уставился на вестника таким взглядом, точно хотел испепелить его на месте. — Что ты несешь, старый маразматик? Что ты тут раскаркался, ворон старый? Скелет сушеный!

— Он говорит правду, Мышелов, — произнес Гронигер, который уже вернулся и занял место, приготовленное ему рядом с женщинами. — Я

видел это собственными глазами! Течение вновь появилось на прежнем месте, и водоворот хотя и неохотно, но зашевелился. Если нам повезет, то с помощью северного ветра воронка выбросит на берег останки мингольских судов, да и других кораблей, которые затонули позже… Не печалься, друг.

Мышелов пронзил его взглядом:

— Ах ты, старый скряга, норовишь на топляке поживиться! На дне моря похоронено то, что тебе и не снилось и что я сам ни за что не стал бы доставать оттуда. Скажи, Урф, кто был сегодня рядом с водоворотом, — раз уж он вновь заворочался, стало быть кто-то приложил к этому руку. Без колдовства тут не обошлось, нутром чую.

— Нет, капитан, не было никаких колдунов, вообще никого не было, — заверил его старик. — Пшаури и Скаллик, — кивнул он в сторону этих двоих, которые как раз занимали места за столом, — выходили в ту сторону на «Крингле» и стояли на якоре, но не долго. Они могут подтвердить мои слова.

— Что? — И снова сдавленный полувопль-полухрип сорвался с губ Мышелова, когда он резко повернулся к тем, на кого указал старый мингол. — Вы брали «Крингл»? Лазили в Мальстрём?

— А что такого? — нахально отпарировал Скаллик. — Я же говорю, ходили рыбачить. Встали там на якорь ненадолго. Пшаури нырнул разок. — (Старый Урф утвердительно кивнул.) — Вот и все.

— С тобой пусть Фафхрд разбирается, — отрезал Мышелов, поворачиваясь к его спутнику. — Что тебе там понадобилось, Пшаури? Зачем ты нырял? Что ты надеялся найти? Зачем нужно было лезть в пасть Мальстрёма без моего приказа или разрешения? Что ты вытащил на поверхность?

Багрово вспыхнув, Пшаури отвечал, глядя ему прямо в глаза:

— Капитан, ты несправедлив ко мне, Скаллик знает все. Он был со мной.

— Он ничего не нашел, — подтвердил Скаллик решительно. — А если бы и нашел, то отдал бы тебе, я уверен.

— Я вам не верю, — заговорил Мышелов снова. — Вы оба нарушили дисциплину. Но с тобой, капрал Пшаури, я разберусь по-своему. До конца этого месяца ты разжалован в матросы. В начале следующего я пересмотрю свое решение. До тех пор вопрос закрыт. Не хочу больше ничего слышать об этом деле.

Фафхрд шепнул сидевшей рядом Афрейт:

— Два приступа гнева за один вечер! Нет, что ни говори, а проклятие старости еще не до конца его отпустило.

Афрейт прошептала в ответ:

— Думаю, он отыгрывается на Пшаури за то, что ему не дали помучить девочку всласть.

П ш а у р и. Капитан, ты напрасно меня обвиняешь.

М ы ш е л о в. Я сказал «хватит!».

У р ф. Капитан, я указал на твоего капрала и на капрала Фафхрда лишь для того, чтобы они подтвердили мои слова, а не для того, чтобы ты обвинял их.

Г р о н и г е р. Мы, жители Льдистого, больше всего не любим чародейства, суеверий и бездоказательных обвинений. Жизнь и без них достаточно тяжела.

С к а л л и к. Сегодня вечером здесь прозвучало достаточно обвинений и оскорблений…

Ф а ф х р д. Вот и давай не будем их умножать. Закрой рот, капрал!

Все это время Мышелов сидел неподвижно, хмуро уставившись в одну точку. Губы его были плотно сжаты: не считая нескольких отрывистых, грубых фраз, брошенных им Пшаури и Урфу, больше он ничего не произнес.

Афрейт поднялась со своего места, а следом и Сиф, сидевшая за противоположным концом стола.

— Господа, — обратилась первая к собравшимся, — вы очень нас обяжете, если последуете мудрому примеру капитана Мышелова и не будете обсуждать здесь это странное и неприятное событие.

С этими словами она обвела взглядом собравшихся, подчеркнуто задержавшись на Пшаури.

— И потом, сегодня ведь канун Дня Полной Луны, — добавила Сиф.

— Так что, пожалуйста, доедайте ваш ужин, — с улыбкой продолжала Афрейт, — не то я решу, что наша стряпня вам не по вкусу.

— Да не забывайте наполнять кружки, — дополнила Сиф. — В вине — истина.

Когда обе женщины сели, Фафхрд и Гронигер слегка поаплодировали им в знак согласия, и девочки, подражая взрослым, тоже захлопали в ладоши.

Старый Урф прокаркал:

— Верно говорят: молчание — серебро.

Мэй, сидевшая рядом с Пальчики, сказала ей:

— У меня есть лишняя белая туника, могу одолжить тебе на завтра.

Гейл тут же добавила:

— А у меня есть лишняя чадра. А у Клут есть…

— Если, конечно, ты не хочешь пойти в своих вещах, — перебила сестру Мэй.

— Нет, — тут же последовал ответ. — Я на Льдистом. Я хочу выглядеть так же, как вы. — И она улыбнулась.

Сиф шепнула Афрейт:

— Странно, хотя я и понимаю, что сегодня вечером Мышелов вел себя как настоящее чудовище, я все-таки не могу избавиться от ощущения, что он прав. И Пальчики, и Пшаури в чем-то солгали, каждый по-своему. Она так невозмутимо обо всем говорила, как сомнамбула.

— А Пшаури — он всегда старается произвести впечатление на Мышелова, добиться его похвалы, а на того эти старания плохо действуют. Две недели назад из Ланкмара приходил торговый корабль — «Комета», так, кажется, он назывался, — и с ним Пшаури получил письмо, запечатанное зеленой печатью. С тех пор в его стычках с Мышеловом появился новый оттенок, какая-то тяжесть.

Афрейт ответила:

— Я тоже почувствовала, что Пшаури как-то изменился. А что было в письме?

— Понятия не имею.

— Тогда скажи мне: твое странное ощущение насчет Мышелова и этих двоих — оно лично твое или послано Богиней?

— Не могу сказать наверняка, — ответила Сиф, и обе женщины устремили взгляд на подернутую легкой дымкой выпуклую луну, скалившуюся в небе, словно череп.

А ф р е й т. Быть может, завтра, во время ночной церемонии, мы получим ответ.

С и ф. Нам нужно будет понастойчивее задавать вопросы.

8

Следующая ночь на Льдистом выдалась удивительно холодной. Налетевший с севера ветер принес на своих ледяных крыльях снег, и бушевавшая всю ночь метель исторгала жалобные звуки из массивного деревянного колокола, раскачивавшегося в просторной, словно пасть морского чудовища, арке храма Луны. Эти звуки, напоминающие об одиночестве и смерти, проникали в сны обитателей острова, заставляя их видеть кошмары, в которых они сражались с монстрами или убегали от погони. Когда бледные

лучи зари пробились сквозь снеговые вихри, оказалось, что Фафхрд, провалившись в полный тяжелых видений сон, ухитрился взобраться по переплетению серебряных и золотых прутьев, украшавших изголовье кровати в гостевой спальне в доме Сиф, под самый потолок, утащив за собой и одеяло, и теперь висел, словно распятый. Аффрейт, ухватившей его за лодыжки, снилось, будто они скитались по заснеженной пустоши, как вдруг налетел порыв ледяного ветра и зашвырнул северянина так высоко, что тот казался размером не больше чайки. Выяснилось также, что и Серый Мышелов, не просыпаясь и не открывая глаз, сполз с другой кровати — менее роскошной, чем первая, — в которую они с Сиф улеглись накануне вечером, и, совершенно голый, если не считать прикрывавшей его простыни, залез под этот предмет мебели. Сиф приснилось, что они с Мышеловом шли по каким-то бесконечным подземным коридорам, причем единственным источником света в окружавшем их мраке было призрачное свечение, исходившее от верхней части лица ее спутника: похоже было, будто он надел светящуюся полумаску, за который его глаза казались двумя черными провалами. И вдруг Серый исчез, проскользнув

в какой-то люк, на котором фосфоресцировала сделанная ланкмарскими иероглифами надпись: «Нижний мир».

Однако наутро, когда стал ясен масштаб происшедших за ночь перемен и все силы были брошены на приспособление к новым условиям, ни у кого не было времени задуматься об истинном смысле ночных похождений и снов, которые могли оказаться вещими.

Прежде всего с утра нужно было отогреть всех близких и любимых, закоченевших суровой ночью в своих постелях. Потом необходимо было прийти на выручку пастухам, собиравшим разбросанных бурей овец, — правда, пастухов, равно как и остальных, кому приходится ночевать на открытом воздухе, пришлось сначала разморозить. Остаток дня женщины чистили и топили печи, заготавливали топливо, проветривали зимнюю одежду, все лето лежавшую в глубоких сундуках, а мужчины крепили причальные канаты кораблей и лодок, которые всю ночь трепал жестокий ветер, зашивали досками окна на крышах домов и люки на палубах, помогали живущим на отшибе справиться с подготовкой к неожиданно наступившей зиме.

Когда наконец основные дела были сделаны и

появилось немного свободного времени, жители острова стали строить всевозможные предположения, пытаясь объяснить неожиданный каприз погоды: одни говорили, что это бушует разгневанный Кхахкт Ледяной Маг; другие полагали, что это вырвались на волю невидимые крылатые принцы, томившиеся на вершине головокружительного Стардока; были даже такие, кто считал, что полярные льды проломили наконец хрупкую кору Невона и, прорвавшись в его огненное нутро, остудили бушующее там пламя. Сиф и Афрейт надеялись, что церемония, проводимая в Ночь Полной Луны, поможет отыскать ответ на мучивший всех вопрос, и, хотя матушка Грам и главный советник отменили предстоящую церемонию ввиду неблагоприятной погоды (обряд всегда проводился на открытом воздухе), женщины все-таки продолжали готовиться. Матушка Грам не возражала, поскольку верила в свободу выражения религиозного чувства, но члены Совета отказались дать официальное разрешение.

А потому никто не удивился, когда ночью в храме Луны под открытым небом, вокруг колокольной арки, покоившейся на двенадцати колоннах, символизировавших двенадцать образов Луны, собралось не так уж много народу.

В основном это были обедавшие накануне у Сиф и те, кого женщинам правдами и неправдами удалось уговорить прийти. Сами они, разумеется, были на месте — зачинщицы несанкционированного собрания, укутанные в ритуальные зимние платья из белого меха, с капюшонами, митенки и сапожки из бараньей шерсти. Были там и пять девочек — как образцовые послушницы, они не могли пропустить церемонию, хотя на самом деле ничто на свете не могло бы удержать их от участия в чреватом приключениями событии. На них была почти такая же одежда, что и на взрослых женщинах, — с той только разницей, что юбки у них были покороче и из-под подола нет-нет да и выглядывали розовые коленки. Меховые перчатки и чадра пятой девочки вполне соответствовали погоде. Фафхрд и Мышелов тоже пришли, хотя и провели весь день за работой сначала в доме у Афрейт, а потом в казарме. Оба казались слегка рассеянными, словно теперь им наконец-то стали припоминаться кошмарные видения, преследовавшие их ночью. С ними явились Скаллик и Пшаури, — по всей видимости, их командиры подкрепили просьбы своих любовниц соответствующими указаниями, поскольку Пшаури выглядел странно настороженным и

даже беззаботный Скаллик был явно обеспокоен.

Старого Урфа ввиду его почтенного возраста никто не приглашал, но он счел нужным явиться и теперь стоял среди собравшихся, укутанный в темные меха, в островерхой шапочке и сапогах из тюленьей кожи, с надетыми поверх небольшими снегоходами на мингольский манер.

Пришел даже известный скептик — начальник порта Гронигер. Он объяснил свое появление так:

— Колдовство всегда меня интересовало. Конечно, только суеверные глупцы могут в него верить, но им часто прикрывают преступления и всякую мерзость как на суше, так и на море. И не говорите мне, что ваши жрицы Луны занимаются белой магией, а не черной. Мне лучше знать.

А под конец приковыляла и матушка Грам, завернутая в такое количество одежек, что больше всего напоминала взгромоздившийся на снегоходы узел с тряпьем.

— Поскольку я хозяйка этого шабаша, то моя обязанность приглядеть за вами, чтобы вы не натворили чего лишнего, а заодно и не позволить никому помешать вам.

С этими словами она устремила на Гронигера проницательный, но дружелюбный взор.

С ней пришла проститутка Рилл, тоже жрица Луны; ее левая рука была изувечена, почему она и испытывала странную симпатию к Фафхрду, у которого части руки не было вовсе (считалось, что ее отношение к герою ничего общего с сексом не имело).

Вот эти пятнадцать человек и стояли теперь в храме Луны, обратив свои взоры на восток, где за причудливыми, со множеством фронтонов, крышами небольших, прилепившихся друг к другу домиков Соленой Гавани вот-вот должно было взойти ночное светило. То и дело слышался хруст снега — ожидающие переминались с ноги на ногу, чтобы не замерзнуть. При каждом их движении массивный деревянный колокол, подвешенный на цепи в арке из китового уса, начинал вибрировать, то ли сочувствуя ожидающим и вспоминая ужасный шторм прошлой ночи, то ли предвещая приход Богини.

Когда серебристое мерцание на востоке стало особенно ярким и переместилось в середину изломанной линии крыш, девять женщин отошли в сторонку, повернулись к мужчинам спиной и сгрудились так, чтобы те не могли услышать призывных слов, произносимых Афрейт, или увидеть священные предметы, которые извлекла

из-под широкого плаща Сиф.

Затем, едва лишь ослепительно-белый, узкий, словно ноготок младенца, край лунного диска показался над фронтоном центральной крыши, раздался всеобщий вздох облегчения и сбывшейся надежды, тут же повторенный и многократно усиленный колоколом. Обе группы лунопоклонников распались и смешались и, взявшись за руки, пустились в пляс вокруг храма. Дважды обогнули они строение по кругу, затем хоровод стал изгибаться между резными каменными столбами, изображавшими разные ипостаси ночной Богини: Снег, Волк, Семя, Ведьма, Призрак, Убийца, Молния, Сатир, Урожай, Вторая Ведьма, Мороз и Влюбленные. Процессия поворачивала сначала вокруг каждого шестого столба, потом вокруг каждого четвертого, третьего, второго и наконец обогнула каждый в отдельности.

Во главе процессии грациозно, точно во сне, двигались пять девочек, ведомые Мэй. За ними топал старый Урф — проворно, но не попадая ногами в такт; зато матушка Грам, несмотря на свой объем, двигалась на удивление легко и ритмично. Рилл замыкала шествие, держа в покалеченной руке наполненную жиром левиафана незажженную лампу.

По мере того как свет луны становился все ярче, Пальчики со все большим удивлением и страхом взирала на покрывавшую каменные столбы резьбу, представлявшую странно жестокие сцены и причудливые руны, которыми испокон веку пользовались островитяне. Видя ее трепет, Гейл сжала руку подруги и постаралась успокоить ее, объяснив, что на колоннах изображены приключения Скелдир, легендарной королевы-ведьмы, в Подземном Царстве, куда она спускалась в незапамятные времена, чтобы обрести силы и поддержку для борьбы с Симоргией, трижды пытавшейся подчинить остров своему владычеству.

Когда семь мистических кругов танца были завершены, а тонкий лунный серпик превратился в полновесный сверкающий диск, окруженный плотным кольцом темноты, Мэй повела извивающуюся, точно змея, процессию через луг на запад, уверенно находя дорогу при ярком свете Скамы (самое священное имя Богини Ночи). Сначала их путь пересекали длинные тени двенадцати резных столбов и арки из китового уса с висящим в ней огромным колоколом, но уже скоро темные полосы остались позади, и участники ритуальной процессии вышли на снежную целину, где с

прошлой ночи никто не успел еще оставить следов и только стебли замороженной травы хрупко ломались под их ногами. Мэй вела процессию не по прямой, а то и дело сворачивала влево и вправо, подражая изгибам сакрального танца, но при этом строго придерживалась западного направления, так что тени танцующих все время опережали их.

И тут Афрейт звонко выкрикнула: «Скама!» — и все запели, подражая ритму танца, первую песню Богини:

Когда в ночи восходит Луна на небосвод,

Двенадцать разных ликов в себе она несет:

Здесь Снег, и Волк, и Семя, Ведьма, Дух и Тать с Кинжалом,

Гроза и Похоть, Плод и Чары – Ведьма вновь жива недаром,

Мороз опять кончает год, хоровод Любовь ведет;

Владычица Тьмы и Любовница Ночи

В темной вуали и белой сорочке!

На пять ударов сердца их голоса смолкли, затем

Афрейт вновь выкрикнула: «Скама!» — и они затянули ее вторую песню. Ритм переменился, и шаги их стали более плавными и скользящими.

О Грозная Владычица Тайны Темноты,

В великом и в малом являешься ты:

В радуге светлой, что в небе дугой,

В пыли дорожной, что лежит под ногой,

Искры и пламя, вулкан и звезда

О чуде далеком помнят всегда;

Кометы и град, яркий отблеск бистория,

Судьбы людей, повороты истории:

Это деянья твои, о Луна,

Ночи Любовница, Страха Сестра.

Вновь пауза — на этот раз всего в четыре удара сердца длиной, — вновь выкрик «Скама!», и вот уже они задвигались в новом ритме, резком и маршеобразном, точно повинуясь некоему призрачному барабану.

Снег-Луна, Волк-Луна, Семя-Луна, Ведьма-Луна;

Дух-Луна, Нож-Луна, Гром-Луна, По-

хоть-Луна;
Серп, Ведьма-Два, Лед-Луна, Страсть-Луна.
Скама зовет, Скелдир идет
В узкую нору ногами вперед.
Чудища ждут, гады ползут,
Ноги вперед королеву несут;
Сквозь землю и камень
Вперед ногами Скелдир идет.
Чу! Ей страшно – зовет:
Вдруг видит Луну у себя под ногами —
В логове тьмы серебристое пламя!

На этот раз Афрейт позволила всей компании передохнуть подольше, но через двадцать ударов ее призывный вопль прозвучал вновь, и, по-прежнему держась за руки и продолжая двигаться на запад в причудливом танце, лунопоклонники завели все сначала. Над северной оконечностью луга нависла громада Эльвенхольма — прямой и узкий, точно каменная игла, покрытая снегом да ошметками замерзшего вереска, вздымал он свою угловатую вершину на такую высоту, куда ни один лучник, даже самый искусный, не смог бы послать стрелу. Две луны назад, в роковой День

Летнего Солнцестояния, все они — кроме старого Урфа и илтхмарки — приходили сюда на пикник. К югу тянулась гряда холмов — поначалу очень небольших, скорее похожих на плавные изгибы пожухшей от мороза травы. Именно к ним и вела свою изгибающуюся в танце процессию Мэй.

К тому времени когда сакральные песнопения зазвучали во второй раз, в окружавшем их море травы стали появляться островки дрока. Мэй петляла между ними, направляясь к самому высокому из близлежащих холмов.

— Мы идем туда? — напевно спросила Пальчики у Гейл, искусно вплетая свой вопрос в слова песни так, чтобы никто больше его не понял.

— Да, — мурлыкнула та в ответ. — Раньше там стояла виселица. Потом этот холм принадлежал богу-духу Одину. Афрейт ходила туда просить у него совета. А я была одной из его прислужниц.

П а л ь ч и к и. И что ты должна была делать?

Г е й л. Ну, примерно то же самое, что ты делала с матросами на корабле.

П а л ь ч и к и. Как это? Ты же говоришь, что он был дух? Разве он был достаточно материален для таких развлечений?

Г е й л. Достаточно. Ему нравилось и самому прикасаться к нам, и чтобы мы ублажали его,

трогая за разные места.

П а л ь ч и к и. Боги ничем не отличаются от мужчин. И твоя тетка тебе разрешала?

Г е й л. Он давал ей очень важные сведения. И чтобы спасти Льдистый. А еще он велел мне сплести для него петли. И навесил их нам на шею.

П а л ь ч и к и. Это же очень страшно! Опасно!

Г е й л. Верно. Дядя Фафхрд так и потерял левую руку. Когда Один вместе со всеми веревками исчез в небе, все петли натянулись и рванулись следом за ним. И рука Фафхрда с ними.

П а л ь ч и к и. И правда страшно. Если бы они все еще были у вас на шее…

Г е й л. Да. Потом тетя Сиф и матушка Грам очистили холм и вырезали кустарник, где мы с Марой и Мэй ублажали старого бога, и холм стал называться холмом Богини, а не Висельным, как раньше, и с тех пор мы проводим там праздники Полной Луны.

М а р а. О чем вы там шепчетесь? Тетя Афрейт смотрит на вас.

Они тут же подхватили следующую песню.

— Чертенята! — шепнула Фафхрду Афрейт, не особенно, впрочем, сердито.

Он повернулся к ней и кивнул, хотя его все происходящее, в отличие от нее, не касалось вовсе.

Сам он то принимался петь вместе с остальными, то вновь умолкал, погружаясь в свои мысли.

Морозный воздух был тих и фантастически прозрачен. Фафхрд вдруг подумал, что никогда в жизни ему еще не доводилось видеть такой круглой луны, даже при подъеме на Стардок.

В ту же секунду на него накатил приступ совершенно не подобающей мужчине тошноты и головокружения: он пришел откуда-то изнутри, словно глубоко в его могучем теле всегда лежал, свернувшись в крохотный комочек, жгутик слабости, и вот теперь чья-то незримая рука дернула его за кончик, и он развернулся, охватывая своими гибкими петлями все его существо. Ощущение нереальности происходящего завладело им: ему казалось, что или окружающий его мир, или он сам вот-вот исчезнет. Теперь всех его сил хватало только на то, чтобы стоять прямо и не дрожать.

Когда предательская слабость немного отпустила, он окинул взглядом освещенные луной лица, желая узнать, не разделяют ли и остальные его ощущения. Пять девочек были уже на полпути к вершине, их размеренное движение вверх сопровождалось пением. Пальчики, шедшая последней, оглянулась, словно почувствовала его взгляд, однако лицо ее было абсолютно спо-

койно. Следом за девочками шагал Пшаури, губы его двигались, — очевидно, подчиняясь команде Мышелова, он старательно выводил слова священного песнопения. Наконец, менее чем в пяти шагах за ним шел Мышелов — он даже не притворялся, что поет, а глубоко ушел в свои мрачные раздумья; капюшон сполз ему на плечи, обнажив коротко остриженную голову, однако в своей задумчивости он не замечал даже мороза, щиплющего за уши. И это в то время, как капюшон Фафхрда — даром что северянин! — был предусмотрительно натянут до самых бровей.

Посмотрев в другую сторону, он увидел шедших за ним Афрейт, Гронигера, Скаллика, Урфа, Сиф, толстуху матушку Грам и Рилл-проститутку. Все они были поглощены происходящим и ни на что больше не реагировали.

И тут взгляд Фафхрда снова упал на Сиф (должно быть, она сделала какое-то резкое движение), и он увидел, что она смотрит куда-то мимо него, а лицо ее искажено непередаваемым ужасом.

Обернувшись, он увидел, что количество идущих впереди сократилось. Пока он осматривал противоположный конец процессии, Мышелов куда-то исчез, пальцы его перестали сжимать металлический крюк, служивший Фафхрду взамен

левой руки, но северянин этого не заметил.

Тут его внимание привлекло лицо Пшаури: молодой капрал уставился куда-то на колени Фафхрда; на лице его было то же выражение, что и на лице Сиф. Опустив глаза, Фафхрд увидел, что Мышелов провалился в мерзлую землю по пояс, так что на поверхности осталась лишь верхняя часть его тела, отчего казалось, будто он превратился в карлика. Невозможно! Но тем не менее так оно и было.

И тут Мышелов ушел в землю по самое горло, точно какое-то подземное существо, схватив его за ноги, изо всех сил потянуло вниз. На поверхности осталась одна голова — ни дать ни взять мингольский предатель, которого мстительные соплеменники закопали в землю по шею и уже готовы сбить его голову, словно кеглю, метко посланным шаром из камня или заполненного свинцом черепа, не раньше, однако, чем каждая из его жен и наложниц поцелует его в губы, добровольно или по принуждению.

И тогда Мышелов устремил на Фафхрда взгляд, полный страха и мольбы, точно он полностью осознавал весь ужас своего положения, и изо всех сил пытался крикнуть: «Помоги же мне!» Но тот лишь смотрел на него бессмысленным взглядом

и трясся как в лихорадке.

Фафхрд услышал топот чьих-то ног — замерзшая земля звенела под каблуками. На какое-то мгновение ему также показалось, будто сквозь голову маленького человечка видна земля, точно он вдруг истончился до полной прозрачности. Или это ему от слабости так кажется? В голове мутится?

Тут таинственное существо опять потянуло вниз, и голова Мышелова тоже начала погружаться под землю.

Одновременно из-за спины Фафхрда вылетела Сиф и растянулась во весь рост на земле в отчаянной попытке ухватить то, что еще оставалось от Мышелова на поверхности, и не дать тому провалиться совсем.

К Фафхрду вернулась способность управлять своим телом, и он начал оглядываться по сторонам в поисках Мышелова или его призрака, удаляющегося совершенно в другом направлении. В воздухе, казалось, что-то двигалось, но лишь только он делал попытку разглядеть, что это было, как движение тут же замирало.

Все участники процессии, кроме троих, глазели на Сиф или бежали к ней, в то время как она отчаянно шарила между стеблями пожухшей

от мороза травы, словно искала потерянную драгоценность. Афрейт и Гронигер пристально вглядывались куда-то в сторону Эльвенхольма. Женщина указала рукой в том направлении, и мужчина согласно кивнул в ответ.

А Пальчики в упор глядела на Фафхрда. И в глазах ее застыл немой укор, точно она хотела сказать: «Отчего же ты не спас своего друга?»

9

С точки зрения Серого Мышелова, все случившееся выглядело так: он засмотрелся на луну, совершенно забыв и о холоде, и о церемонии. Чувствовал он себя престранно: спина его буквально сгибалась под грузом неимоверной усталости — так бывает во время лихорадки, но жара у него не было, в этом он мог бы поклясться; и в то же время тело его сделалось до странности легким, почти невесомым, словно он заживо превращался в призрак самого себя. Ощущения не вязались одно с другим, и все же ни одно из них не оставляло его ни на минуту.

Вдруг, без каких-то предвестников, на него накатил приступ слабости, подобный тому, что испытал несколько секунд тому назад Фафхрд,

только намного сильнее, так что на какое-то время мир померк в глазах Мышелова. Земля ушла у него из-под ног. Когда он вновь пришел в себя, то обнаружил, что смотрит на своего друга, который отчего-то стал еще выше, чем прежде.

Наверное, он просто споткнулся и упал. Но, сделав попытку подняться, понял, что не может пошевелить ни рукой, ни ногой. Что это, паралич? Все его тело было словно зажато в огромные тиски, а когда он попробовал потереть большим пальцем об указательный (обе его руки оказались прижатыми к бокам так плотно, что он не мог ни растопырить пальцы, ни сжать ладони в кулаки), выяснилось, что их окружает нечто, подозрительно напоминающее землю.

Открытие, что он не лежит пластом на земле, как думал ранее, а торчит в ней по самую шею, было, без сомнения, самым кошмарным в его богатой всевозможными событиями биографии. О ужас! Происшествие настолько неслыханное, что он даже не мог понять, то ли это мир окончательно сошел с ума и все действовавшие прежде законы теперь отменены, то ли он сам, неведомо как, ухитрился сделать нечто такое, что привело к теперешнему положению вещей.

В мгновение ока его мозг, подчиняясь пришед-

шему из глубины сознания импульсу, оценил давление на разные части тела. Оно было одинаково повсюду, кроме лодыжек. Такое чувство, будто у него на ногах кандалы. Или кто-то держит его за щиколотки? Может, это русалки, живущие в зыбучих песках, — помнится, Шильба говорил, что в Великой Соленой топи водятся такие. О великий Мог, только не это!

Он вновь устремил взгляд на Фафхрда, показавшегося ему высоким, как сосна, и раскрыл рот в беззвучной мольбе — но неуклюжий болван лишь таращил на него глаза, гримасничал и корчил рожи и не только не спешил помочь, но и, казалось, даже не понимал, какое это счастье — стоять на земле во весь рост, а не быть замурованным в нее по самые уши.

Из-за спины Фафхрда показалась Сиф. Она бежала к нему со всех ног. Если она не остановится, то наступит ему прямо на лицо! По привычке он попытался было увернуться, но чуть не вывихнул себе шею. И тут хватка вокруг его лодыжек стала сильнее, и он почувствовал, как все его существо втягивается под землю, а грязь начинает забивать ему рот. Он плотно сжал губы, сделал глубокий вдох и постарался даже сомкнуть ноздри и наконец, когда движение вниз не прекратилось,

закрыл глаза. Последним, что он видел, была луна. Постепенно и ее рассеянный свет, проникавший сквозь зажмуренные веки, остался где-то наверху, и он почувствовал, как чьи-то ногти царапнули его макушку прежде, чем земля сомкнулась над ним. Что-то шершавое и холодное скользнуло вдоль его щек. Странно, но неожиданно ему стало намного теплее и даже свободнее, так что он смог раздуть щеки, наполнив их воздухом, поспешно набранным в рот перед самым погружением. Зернистая поверхность, об которую терлись не закрытые одеждой части тела, преимущественно лицо, стала шерстяной и мягкой, но потом вновь сменилась на шершавую. Он понял, что его шерстяная накидка осталась позади. И тут соскальзывание как будто прекратилось. Да, и еще кое-что изменилось: ощущение невыносимой тяжести, неотступно мучившее его на протяжении некоторого времени наверху, совершенно исчезло. Как бы плотно ни сжимала его со всех сторон земля, теперь он скорее плыл, чем вдавливался в глубину.

Тем временем его сознание составило краткий список врагов, достаточно озлобленных, чтобы пожелать ему такой муки, и вместе с тем достаточно могущественных, чтобы осуществить все

это. Волшебник Квармаль из Квармалла, Кхахкт Ледяной Маг, Великий Умфорафор, крысиный король Хисвин, его наставник Шильба, ополчившийся против него, очаровательная дьяволица Хисвет, боги Локи и Мог. Продолжать можно было еще долго.

Ясно было одно: мир, в котором живого человека могут загнать в могилу фокусы какого-нибудь безумного бога или демона, чудовищно несправедлив!

10

А тем временем Сиф поднялась с колен и одну за другой обняла сгрудившихся вокруг нее девочек; все время, пока она, стоя на коленях, в отчаянии рыла мерзлую землю, ломая ногти и в кровь обдирая пальцы, они толпились вокруг, стараясь дотронуться до нее — не столько для того, чтобы утешить ее, сколько для того, чтобы успокоиться самим. Теперь она поглаживала их по голове и прижимала к себе, опять же больше для собственного успокоения, а также чтобы унять их крики. Всем было холодно.

Онемев от изумления, Фафхрд повернулся к Афрейт спросить, что именно увидела она в тот

момент, когда Мышелов ушел под землю. Но тут он и вовсе перестал отдавать себе отчет в происходящем, поскольку увидел, что Афрейт и Гронигер со всех ног мчались к Эльвенхольму, а Рилл поспешала за ними, все еще держа в руке незажженную лампу.

Ничего не понимая, он вновь обернулся к утешавшей девочек Сиф и поверх их голов увидел Пшаури: его лицо искажала гримаса боли и гнева, он раскачивался взад и вперед и буквально рвал на себе волосы. Кос побери этого наглеца, он что, уже решил надеть траур по Мышелову?

Тут истерзанный взгляд молодого помощника остановился на Сиф. Зрачки его расширились, тело перестало раскачиваться из стороны в сторону, а руки перестали прореживать шевелюру и в немой мольбе протянулись к ней.

Она немедленно оставила девочек и двинулась было к нему, но тут к Фафхрду вернулся дар речи.

— Ни шагу больше! — скомандовал он. — Стой, где стоишь, а не то мы потеряем место, где Мышелов ушел под землю.

И он решительно шагнул к ней, здоровой рукой вытаскивая из чехла топорик, висевший у него на поясе.

— Нужно копать здесь, — с нажимом произнес он, опускаясь рядом с ней на колени.

Увидев, что он достает топор, она испугалась, как бы он не начал крошить им мерзлую землю, и закричала:

— Нет, не надо, ты можешь поранить его!

Он отрицательно мотнул головой и, взявшись за соединение топорика и рукоятки, начал подгребать к себе верхний слой земли, одновременно просеивая ее крюком левой руки. Вскоре ему удалось высвободить пространство с небольшой люк величиной, и тогда он осторожно принялся снимать следующий слой почвы.

Тем временем Пшаури сам подошел к Сиф, нашаривая что-то в своей поясной сумке и несвязно лопоча:

— Добрейшая госпожа, я виноват в несчастье, случившемся с капитаном, на мне одном вина. Вот, позволь, я покажу тебе…

Не прерывая работы, Фафхрд резко бросил:

— Забудь об этом, Пшаури, и иди сюда. У меня есть для тебя поручение.

Но, видя, что тот ничего не слышит и лишь продолжает умоляюще глядеть на Сиф, Фафхрд сделал ей знак отвести обезумевшего капрала в сторонку и там выслушать его бредни, а сам

скомандовал:

— Скаллик, тогда поди сюда ты!

Скаллик, бросив на товарища тревожный взгляд, повиновался. Продолжая грести землю, Фафхрд отдавал распоряжения:

— Беги в казарму что есть мочи. Найди Скора и Миккиду. Пусть берут одного-двоих человек каждый и несут сюда рабочие рукавицы, заступы, лопаты, ведра, фонари и веревки. Не трать время на объяснения — на, возьми мое кольцо. Сам соберешь по одному человеку из людей Мышелова, моих и минголов и привезешь сюда доски, колья, еще веревки, лебедки, еду, дрова, воду, флягу бренди, одеяла, бинты. Грузи все на собачью упряжку и приезжай, как только будешь готов. Маннимарк остается в казарме за старшего. Все понял? Тогда иди!

Скаллик ушел. На его месте тут же возникла Рилл.

— Фафхрд, — начала она настойчиво, — Афрейт и Гронигер велели тебе передать, что то, что мы видели или нам показалось, будто мы видели, на самом деле обманутые фантомом, со сверхъестественной скоростью унесло Мышелова к Эльвенхольму и там укрылось. Они идут искать его там и настаивают, чтобы ты послал за фона-

рями и собаками, а потом присоединился к ним. И прикажи еще принести что-нибудь из нестираных носильных вещей Мышелова.

Фафхрд перестал грести и взглянул на стоявших рядом.

— Капитан, он ушел в землю как раз там, где ты роешь, — заявил мингол Урф. — Я видел.

— Верно, — проворчала матушка Грам, — хотя в тот момент он и сам походил на призрак.

Сиф вырвала свою руку из цепкой хватки Пшаури и уверенно заявила:

— Он провалился здесь. Я успела коснуться его макушки и волос, прежде чем он совсем исчез.

Пшаури, однако, не отставал:

— Посмотри, госпожа, я нашел его. Вот доказательство того, что я солгал капитану вчера вечером, сказав, будто ничего не достал из Мальстрёма.

На его ладони лежал кубик из гладких металлических прутьев, с кулачок ребенка размером. Внутри его торчало что-то черное и зернистое. В свете луны металл был похож на серебро, но Сиф знала, что это золото и не что иное, как почитаемая на острове святыня, при помощи которой Мышелов усмирил Мальстрём после того, как в нем безвозвратно погиб мингольский флот.

— Я вытащил его из самого сердца Мальстрёма, чтобы порадовать капитана, — заявил Пшаури, переводя безумный взгляд с одного на другого из своих слушателей. — А вместо этого он стал для него роковым. И ведь капитан опасался, что это может произойти. О боги, случалось ли кому-нибудь столь жестоко заблуждаться?

— Зачем же ты солгал? — спросил Фафхрд. — И почему тебе самому так нужен был этот куб?

— Я не могу вам этого сказать, — отвечал несчастный Пшаури. — Это частное дело, только между мною и капитаном. Боги мои, что же теперь делать? Что же делать?

— Копать, — отозвался Фафхрд, переходя от слов к делу. — Рилл, сообщи Гронигеру и Афрейт мое решение.

— Сначала позволь мне помочь тебе немного, — ответила та и, поставив на землю рядом с вырытым Фафхрдом углублением в пять-шесть дюймов глубиной наполненную жиром левиафана лампу, трижды щелкнула пальцами правой руки. — Гори без жара, — произнесла она одновременно.

Нехитрая магия сделала свое дело.

Белый, как только что выпавший снег, жир левиафана, чистый бисторий, тут же занялся

ровным холодным пламенем, точно на землю упал кусок луны. В его свете даже мельчайшие частички земли в вырытой Фафхрдом яме внезапно обрели индивидуальность.

Фафхрд должным образом поблагодарил женщину, и та, развернувшись, скорым шагом двинулась в сторону Эльвенхольма.

Фафхрд повернулся к Пшаури и приказал:

— Садись напротив меня и просеивай землю после каждого моего движения. Две руки проворнее, чем один крюк. Гейл! Ты и Пальчики тоже, садитесь по обе стороны от меня и начинайте отбрасывать землю, которую я выгребаю топором. Мерзлый грунт кончился, так что теперь дело пойдет быстрее. Пшаури, пока ты пытаешься нащупать голову Мышелова, расскажи нам спокойно и ясно все, что можешь, о твоем пребывании в Мальстрёме.

— Думаешь, он еще жив? — прерывающимся голосом спросила Сиф, точно боясь обмануться надеждой.

— Госпожа, — ответил Фафхрд, — я не первый день знаю Мышелова. Не стоит недооценивать его изобретательность и хладнокровие в минуту опасности.

11

Стоя зажатый в тисках земли, точно погребенный заживо на островной манер, Мышелов ощутил комок в горле, который, как он чувствовал, становился все больше и плотнее, так что вскоре у него стало покалывать нёбо и заныло в груди. Легкие его напряглись так, что зазвенело в ушах. Ощущение удушья нарастало.

Он вспомнил, что в последний раз его легкие заполнялись воздухом еще при свете луны.

Мощным усилием воли он поборол настойчивое желание сделать глубокий вдох, который, как он прекрасно понимал, наверняка стал бы для него последним, так как его рот и нос тут же заполнились бы грязью и пылью и он немедленно задохнулся бы. Вместо этого он принялся очень медленно (можно было бы сказать — в качестве эксперимента, если бы это не было абсолютно необходимо) выдыхать, сначала через нос, а потом и сквозь слегка приоткрытые уголки губ. При этом его язык непрестанно двигался, увлажняя поверхность губ и отталкивая от них мелкие частички земли, норовившие попасть ему в рот. Этот процесс напомнил ему общепринятую тех-

нику курения гашиша, когда через приоткрытые уголки губ в рот впускают тонкие струйки воздуха, чтобы разбавить густой дурманящий дым. («О, восхитительная свобода движений языка во рту! Как недооценивают ее люди», — подумал Мышелов.)

Впитывая в себя драгоценные крупинки воздуха, сохранявшиеся между мельчайшими крупинками почвы даже на такой глубине, и стараясь заглатывать при этом как можно меньше земли, Мышелов мрачно размышлял, что если его пребывание здесь затянется, то, может быть, он научится глотать землю вместо еды и через некоторое время начнет оставлять за собой след из земляных экскрементов.

Но тут комок в горле вновь настойчиво заявил о себе. Он выдохнул одну порцию воздуха (на это потребовалось порядочное количество времени, поскольку среда оказывала сопротивление) и медленно («Запомни, медленно!» — предостерег он сам себя) сделал второй вдох.

Повторив всю процедуру несколько раз, он решил, что при надлежащей тренировке, не тратя времени попусту, но и не спеша, он научится справляться как с приступами удушья, так и с желанием сделать хороший вдох.

В обозримом будущем все, что не имело отношения к дыханию, отодвигалось для Мышелова на второй — нет, даже на третий! — план.

Он повторил себе, что, как только процедура дыхания будет отработана и войдет в привычку, его голова освободится и он сможет обдумать свое нынешнее положение.

Но тут вставал вопрос: а захочется ли ему думать об этом, когда он получит такую возможность? Что он выиграет от этих размышлений?

По мере того как к Мышелову возвращалась способность воспринимать окружающее, он заметил, что сквозь его сомкнутые веки сочится какой-то красноватый свет — так бывает, когда, закрыв глаза, повернешь лицо к солнцу. Но ведь здесь нет даже луны, напомнил он себе несколько вдохов спустя. (Тут он чуть было не всхлипнул, но вовремя сообразил, что малейший перебой в ритме дыхания грозит весьма неприятными последствиями.)

Однако любопытство, раз пробудившись, не желало оставить его в покое (даже в могиле, мелькнула у него мелодраматическая мысль), и еще через несколько вдохов он рискнул оглядеться сквозь слегка приоткрытые ресницы.

В глаза ему не попало ни единой песчинки, а

вокруг и впрямь струился какой-то желтоватый призрачный свет.

Немного погодя он рискнул открыть глаза пошире — не забывая о дыхании, разумеется, — и принялся разглядывать то, что его окружало.

Судя по тому, что его поле зрения было окружено желтой каймой, свечение исходило от его лица. Ему вспомнился странный сон Сиф, в котором она видела его в светящейся полумаске с черными провалами вместо глаз. Возможно, то был и вправду вещий сон, так как сейчас на нем была именно такая маска.

Вот что ему удалось разглядеть в ее фосфоресцирующем свете: перед самым его носом находилась коричневая стена — она была так близко, что расплывалась у него перед глазами, но в то же время достаточно далеко, чтобы не повредить его глазные яблоки.

Однако, вглядываясь в стену, он, к своему несказанному удивлению, обнаружил, что может видеть на несколько дюймов вглубь нее, так что за размытой поверхностью различает отдельные кусочки земли, словно к его собственному зрению добавились еще какие-то сверхъестественные способности.

Именно благодаря этой волшебной способно-

сти удалось ему разглядеть фрагмент черной гальки на глубине шесть дюймов от шероховатой стены, в которую упирался его земной взгляд; рядом с первой лежала вторая, темно-зеленая, с его большой палец размером, а подле нее виднелось безглазое, лишенное всякого выражения красноватое лицо земляного червя, ротовое отверстие которого беспрестанно открывалось и закрывалось.

И тут впервые за все время его пребывания под землей что-то вроде галлюцинации посетило его. Ему показалось, будто червяк обращается к нему высоким писклявым голосом: «О смертный, что за сила покровительствует тебе? Почему я не могу приблизиться и полакомиться твоими глазами?»

В то же время впечатление было настолько ярким и убедительным, что, забывшись, Мышелов заговорил низким хриплым голосом:

— Привет тебе, собрат по заключению…

На этом поток его красноречия прервался. Его собственный голос, как он ни старался говорить потише, отразился от стенок более чем замкнутого пространства и таким мощным эхом отозвался в голове и во рту самого Мышелова, что тот понял, как чувствует себя колокол во время урагана, и посочувствовал ему. К тому же он чуть было не

сбился с дыхания.

Неожиданное сотрясение, вызванное неосторожной попыткой завязать беседу с земляным червем, очевидно, нарушило хрупкое равновесие в окружающем его вязком мире почвы: две гальки и червяк понеслись вверх, хотя на этот раз он и не почувствовал ничьей хватки вокруг своих лодыжек. По всей видимости, учиться разговаривать под землей было еще слишком рано.

Он вновь осторожно сомкнул глаза и сосредоточил свое внимание на медленных вдохах и выдохах, решительно игнорируя факт углубления своей могилы.

12

Наверху поиски Мышелова приняли впечатляющий размах и сделались более организованными. Из казарм прибыли помощники: рослые, поджарые бывшие берсерки из отряда Фафхрда, все, как и он, северяне, и перевоспитавшиеся воры Мышелова, малорослые и жилистые. Молодая энергия, с которой они взялись за дело, вселила новую надежду в сердца присутствовавших. Ездовые собаки привезли воду, еду и доски и теперь, выпряженные из оглобель, сидели поодаль

и внимательно следили за происходящим. На небольшом, но справном костерке весело пыхтела подливка, а наваристый суп из баранины издавал умопомрачительный аромат. Мамаша Грам и старый Урф жались поближе к огню.

Вырытая Фафхрдом дыра стала намного шире и глубже, так что работавших в ней людей уже не было видно. Фафхрда сменил его верный помощник Скор; Пшаури продолжал просеивать землю, Мара и Клут помогали ему. Один из северян, стоя на краю ямы, то и дело принимал снизу полное ведро и широким жестом, напоминающим взмах косаря, разбрасывал его содержимое вокруг ямы. Другой капрал Мышелова, Миккиду, и еще один вор принялись укреплять стенки ямы, деревянными молотами загоняя в землю восьмифутовые доски. Их лица отчетливо выделялись в свете ярко горящего бистория, наполнявшего две опущенные в яму лампы. С того момента, когда начался посвященный Скаме сакральный танец, прошло три часа, и луна высоко висела в небе.

Фафхрд и Сиф стояли у костра и вместе со стариками потягивали вздрог. Для северянина это была первая передышка. Гейл и Пальчики держались несколько в стороне, стараясь не привлекать к себе внимания, чтобы их, как и Мэй, не отослали

в собачьей упряжке домой оповестить родителей. К группе у костра присоединились также Афрейт, Гронигер и Рилл, вернувшиеся от Эльвенхольма. Все вместе обсуждали дальнейшую стратегию поисков и спорили, какой вариант предпочесть.

Афрейт совершенно спокойно обратилась к Фафхрду:

— Дорогой мой, я очень ценю и уважаю твою преданность старому товарищу и веру в его силы. Я понимаю, что именно эти чувства заставляют тебя с завидным упорством идти по одному-единственному следу, не учитываю того, что результатом твоих отчаянных усилий может стать труп твоего друга. Но я обращаюсь к твоей логике. Раз уж существует другой след — а мы с Гронигером оба можем это подтвердить — след, обещающий более утешительный результат, почему бы не потратить хотя бы часть наших усилий и не воспользоваться этим? Почему бы даже не приложить все силы к поиску в этом направлении?

— По-моему, очень резонно, — поддержал ее Гронигер.

— Так вы думаете, я копаю здесь потому, что это логично или разумно? — ответил Фафхрд с ноткой нетерпения в голосе. — Я видел, как он

ушел под землю здесь, говорю вам. И другие тоже видели, Сиф прикоснулась к нему здесь.

— Я тоже видел, — присоединился к нему Урф. — Раз было одно чудо, почему бы не случиться и другому?

Афрейт не отступалась:

— Но все вы, кто говорит, что видели, как Мышелов погружался в землю, заметили, что под конец он стал прозрачным. И когда нам с Гронигером показалось, что он скрылся в сторону Эльвенхольма, все было точно так же. Разве это не говорит о необходимости одинаково напряженно искать в обоих направлениях?

Фафхрд устало отвечал:

— Меня тоже беспокоит эта прозрачность Мышелова. Может быть, он как-то раздвоился, и тогда имеет смысл искать его не только здесь, но и в любом другом месте на острове. Вы слышали, что я приказал минголу Джибу прихватить что-нибудь из вещей Мышелова и пару собак-ищеек, когда послал его за второй партией леса.

— А я все ломаю голову, нельзя ли как-нибудь использовать в поисках Мышелова Золотой Куб, который Пшаури достал из Мальстрёма, — заговорила Сиф. — Он наполнен золой бога Локи, который, я уверена, и навлек на Мышелова эту

беду. Я достаточно долго имела с ним дело, чтобы понять, какой это коварный и злопамятный бог.

— В этом ты безусловно права, — мрачно подтвердила матушка Грам, однако прежде, чем она успела вымолвить еще хоть слово, из ямы донесся пронзительный вопль Скора:

— Капитан, на глубине семь футов я нашел то, что вы наверняка захотите увидеть. Сейчас пошлю наверх.

Фафхрд тут же очутился у края ямы, взял что-то из поднятого на поверхность ведра, встряхнул и начал пристально рассматривать.

— Это плащ, который был на Мышелове сегодня вечером, — объявил он минуту спустя. — Теперь никто не убедит меня в том, что он не провалился сквозь землю на этом самом месте! — победоносно добавил он.

Сиф выхватила предмет у него из рук и после недолгого осмотра подтвердила опознание.

Афрейт воскликнула:

— Снегоход! — и, присев на корточки рядом с неслышно подошедшим белым волкодавом, запустила пальцы глубоко в его лохматую шкуру и начала с серьезным видом нашептывать что-то ему прямо в ухо.

Тот вдумчиво обнюхал пропитанный грязью

плащ и принялся бродить вокруг ямы, уткнув нос в землю. Пес подошел к самому краю ямы, долго глядел в нее, принюхиваясь, потом уселся и, подняв морду к небу, завыл громко и протяжно, словно рог, сзывающий плакальщиков на похороны героя.

13

Серый Мышелов на всю жизнь сохранил привычку, проснувшись, прежде как следует прислушаться и принюхаться к окружающему, а потом уже открывать глаза. В конце концов, кто знает, какие опасности могут подстерегать рядом, только и дожидаясь, когда он обнаружит себя неосторожным движением или восклицанием, чтобы напасть, пока он еще не собрался с мыслями.

А потому когда он обнаружил, что со всех сторон окружен мельчайшими частичками песка и земли и вспомнил события, приведшие к такому бедственному положению, то не стал делать резких движений и предпринимать отчаянные попытки вырваться из тисков смерти, а лишь продолжал, насколько это оставалось возможным, обследовать свою темницу — что, безусловно,

говорит в пользу его ума и присутствия духа.

Насколько он помнил, его второй провал — или скорее скольжение — длился недолго, и, остановившись во второй раз, он так сосредоточился на процессе дыхания и так старался побороть желание глубоко вдохнуть, что монотонность его действий наконец усыпила его.

И вот теперь, проснувшись и чувствуя себя отдохнувшим, хотя и изрядно замерзшим, Мышелов понял, что ему все еще удается дышать медленно, размеренно и неглубоко — желание глотнуть воздуха полной грудью больше не мучило его, — а его язык привычным движением время от времени увлажняет пересохшие губы и стряхивает с них особенно навязчивые частички земли. Что же, отлично! Значит, вся процедура стала для него настолько привычной, что уже не требовала участия разума, и, следовательно, если его пребывание под землей затянется — что, следует признать, отнюдь не исключено, — он сможет расслабиться и отдохнуть.

Он заметил, что его руки, по-прежнему прижатые к телу, слегка согнулись в локтях во время последнего спуска, так что теперь его ладони находились где-то на уровне пояса, неподалеку от того места, где в своих ножнах висел у него

на ремне верный кинжал Кошачий Коготь. Это открытие придало ему уверенности. Он принялся перемещать пальцы правой руки по направлению к ножнам, останавливаясь и делая несколько медленных вдохов и выдохов каждый раз, когда его дыхание хотя бы чуточку учащалось. Когда его пальцы наконец достигли цели, Мышелов очень удивился, ощутив не знакомую рукоятку кинжала, а узкое, остро отточенное лезвие, сходящее на нет. Очевидно, когда он соскальзывал вниз, шероховатая песчаная почва, в которую он был замурован, вытянула кинжал из ножен.

Он принялся обдумывать, стоит ли ему попытаться, придерживая кинжал за лезвие большим и указательным пальцами, потихоньку протолкнуть его обратно в ножны, чтобы не потерять драгоценное оружие в случае очередного оседания почвы — такая перспектива его пугала. Или же лучше добраться до рукоятки и сжать ее в руке — на случай, если изменение обстоятельств вынудит его прибегнуть к оружию? Последнее решение нравилось ему больше, хотя его осуществление и требовало больших усилий.

Обсуждая с самим собой эту проблему, он, забывшись, произнес вслух:

— Так или этак? — и тут же зажмурился в ожи-

дании резкой боли.

Однако, к его удивлению, ничего более неприятного, чем звон в ушах, на этот раз не произошло, — видимо, свой вопрос он задал достаточно тихо. Он обрадовался, обнаружив, что может разговаривать сам с собой, правда совсем негромко, почти шепотом, — по правде сказать, ему уже сделалось довольно одиноко под землей. Но, произнеся шепотом две-три фразы, испуганно умолк: как ни странно, каждое произнесенное им слово наводило его на мысль, что его могут подслушать и, обнаружив его присутствие, напасть. Хотя кого можно бояться в толще почвенного слоя малонаселенного полярного острова, он и сам не знал. Уж не кровожадных же клешитских вампиров. Разве только богов, ибо им, говорят, слышно любое произнесенное смертным слово, даже если он разговаривает шепотом.

Немного погодя он решил отложить решение по поводу Кошачьего Когтя на потом и предпринять еще одну попытку визуального знакомства с окружением, ибо неослабевающий красноватый отблеск, пробивавшийся сквозь сомкнутые веки, говорил ему, что и в этом еще более глубоком подземелье его лицо не перестало излучать свет. До сих пор он не открывал глаз по двум

причинам: во-первых, ему казалось, что, помимо дыхания, можно заниматься лишь чем-то одним, рассредоточение внимания может привести к спешке и панике, которые, в свою очередь, могут сбить с дыхания; во-вторых, при сложившихся обстоятельствах развлечений у него и так было маловато, а потому не следовало ими разбрасываться, но растягивать как можно дольше, иначе в скором времени выражение «смертельная скука» может стать для него суровой реальностью.

С теми же предосторожностями, что и раньше, он медленно открыл глаза. Ничего не произошло. Перед его глазами вновь встала шероховатая земляная стена, на этот раз испещренная белыми и голубыми крапинками, точно к почве здесь примешивались мел и слюда. И вновь, когда его глаза привыкли к этой поверхности, он обнаружил, что может видеть сквозь нее, и чем дольше он смотрит, тем глубже проникает его взгляд.

На этот раз ему долго не удавалось увидеть ничего интересного: ни камешков, ни червей, одни только крохотные голубоватые блики, какие возникают на внутренней стороне века, стоит только закрыть глаза в темноте. Он никак не мог понять, движутся ли эти пятна в толще земли или исключительно в глубинах его собственного

глаза.

Наконец на расстоянии примерно восьмь или десять футов от него голубовато-белые блики сложились в высокую худую фигуру женщины, как и он, вертикально погребенной в земле. Она была бледна как смерть, ее глаза и рот плотно закрыты, лицо сохраняло выражение безмятежности, точно она спала. Подернутая странной голубизной снежно-белая кожа не давала ему покоя: где-то он уже видел этот оттенок, но вот где и при каких обстоятельствах — этого он вспомнить не мог.

Три ярда плотной земли, разделявшие их, никоим образом не затуманивали его сверхъестественно острого взора, но словно смягчали его, — казалось, он наблюдает за своей неожиданной соседкой сквозь несколько слоев тончайшей вуали, более уместной в будуаре какой-нибудь воздушной принцессы, а не на этом мрачном погосте.

Поначалу он решил, что женщина ему просто пригрезилась, — удивительно, как быстро находит человеческое воображение сходство с телом человека во всем: в тумане, клубах дыма, буйной тропической растительности, языках пламени, плывущих по небу облаках, — сказал он себе. Но чем дольше он вглядывался в фигуру, тем отчет-

ливее она становилась. Он отвел глаза, потом глянул снова. Она не исчезла. Тогда он попытался разглядеть в очертаниях женщины другой предмет. Она по-прежнему была на месте.

Все это время она оставалась неподвижной, как статуя, так что в конце концов он решил, что это и есть статуя, прихотливой игрой случая захороненная глубоко в земле именно на этом месте. Однако по стилю она совсем не походила на изображения, встречающиеся на Льдистом. Сияющая белизна ее кожи не давала ему покоя. «Где и когда мог я видеть нечто подобное?» — ломал он голову.

Вдруг поле его зрения заполнили те самые движущиеся пятнышки, происхождение которых он затруднялся определить. Теперь они превратились в белые полосочки, каждая из которых состояла как бы из нескольких маленьких бусинок. Полоски группировались вокруг определенных частей обнаженного тела женщины — глаз, ушей, ноздрей, рта, половых органов. Приглядевшись внимательнее, он понял, что то, что он поначалу принял за бусинки, были на самом деле какие-то существа, двигавшиеся плотной группой. «Могильные черви», — закопошилась мысль, и как он ни старался, подавить ее не смог.

Белые полосы обрели качество неоспоримой реальности, и уже ничто не могло убедить его в том, что они лишь продукт его разыгравшегося воображения.

Тут его посетила простая, но не лишенная логики мысль: если бы это были черви, то, несомненно, на теле были бы заметны следы тления, но худощавая бледно-голубая женщина стала еще привлекательнее, чем в тот момент, когда он увидел ее впервые, в особенности маленькие, аккуратные, упругие груди с задорно торчащими лазурными сосками, — прекрасные, словно изваянные рукой великого скульптора, они призывали к поцелуям. При других обстоятельствах Мышелов непременно возбудился бы. Теперь же, хотя в его голове и родилась мысль, что хорошо было бы взять эти восхитительные сиськи в свои ладони и ласкать их — сначала руками, а потом языком — до тех пор, пока соски не затвердеют от проснувшегося желания, как две голубые бусинки, его тело и разум оставались абсолютно спокойны, точно за него думал кто-то другой. «Бог ты мой, неужели ничто уже не разрушит ту скорлупу, в которую заключен я, Мышелов?» — мелькнула у него мысль. («Но-но, не забывайся, болван этакий, а то дышать забудешь!» — тут же

напомнил он себе.) В старых легендах говорится, будто у Смерти есть сестра по прозванию Боль. Больше всего она любит подвергать людей ни с чем не сравнимым пыткам, за которыми зачастую следует Смерть.

«Но ведь это же просто статуя», — метнулась в его мозгу отчаянная мысль.

Ее губы разомкнулись, и гибкий голубой язык проворно пробежал по ним, словно его обладательница предвкушала необыкновенное лакомство.

Ее глаза открылись, и она уставилась на него красными зрачками.

Она улыбнулась.

И тут он вспомнил, где ему доводилось видеть кожу такого же оттенка, что у нее. В Царстве Теней! У Смерти, которого ему довелось лицезреть дважды, кожа на лице, руках и запястьях была такого же цвета. К тому же у стоявшей перед ним женщины были похожее лицо и фигура.

Она свела губы в трубочку, и сквозь разделявший их слой песка и грязи он услышал тихий призывный свист, каким проститутки на улицах Ланкмара зазывают клиентов. Короткие волоски у него на затылке встали дыбом; холодный пот прошиб его.

А потом произошло нечто совершенно ужасное: бледный призрак, сестра Смерти, протянула к нему руки ладонями вверх, кожа ее серебрилась, пальцы трепетали, словно от желания. Затем она развернула руки ладонями наружу и, отталкиваясь поочередно то правой, то левой ногой, поплыла к нему. Разделявшая их толща земли не больше сопротивлялась движениям ее тела, чем его взгляду.

Забыв о необходимости соблюдать осторожность и не делать резких движений, Мышелов изо всех сил навалился спиной на земляную стену, так что сердце едва не лопнуло от напряжения. И когда ему уже стало казаться, что все его усилия ни к чему не приведут, он почувствовал, как у него за спиной образовалась пустота, и тут же нырнул в нее, спасаясь от кошмарной пловчихи. Другой страх уже подстерегал его: шагая спиной вперед, он боялся провалиться в какую-нибудь бездонную яму.

Но, как выяснилось, страхи его были напрасны. Не успел он сделать коротенький шажок — каких-нибудь пол-ярда, — как вновь наткнулся на холодную шершавую стену.

Однако теперь пустота образовалась перед ним — там, откуда он только что убрал голову,

туловище и одну ногу. И можно было сделать глубокий, роскошный, ничем не сдерживаемый вдох — такой, что стоил бы двадцати его тщательно отмеренных глоточков, — и убрать вторую ногу прежде, чем грязь вновь придет в болезненное соприкосновение с его телом, словно желая навсегда запечатлеть его форму во всех деталях, доказывая положение некоего философа о том, что природа — или в данном случае боги и богини — не терпят пустоты.

Ни удивление, вызванное последними более чем невероятными событиями, ни размышления о любопытных законах природы, ни даже великолепный вдох не заставили его забыть о режиме медленного дыхания через уголки полуоткрытых губ и о необходимости зорко смотреть вперед из-под полуопущенных век.

Последнее-то и показало, что его худая, как смерть, преследовательница приблизилась к нему на целый ярд. Ее положение в пространстве изменилось: теперь она не стояла, а словно бы лежала на животе, подражая движениям пловца. Ее лицо было обращено к Мышелову, так что он обнаружил, что смотрит прямо в ее голодные, горящие, как угли, глаза.

Это зрелище было выше его сил, и он опять

отчаянно рванулся назад, надеясь, что происшедшее недавно чудо повторится. И оно повторилось: сначала тошнотворное ощущение падения в пропасть спиной вперед, упоительный глубокий вдох, резкий шлепок холодным шершавым пластом земли по физиономии и всем остальным анатомическим деталям, менее, однако, уязвимым в силу их защищенности одеждой.

На этот раз, оценивая результаты своих усилий, Мышелов понял, что потерял кинжал, лежавший теперь как раз на полпути между ним и его преследовательницей, острием к нему. Очевидно, его рукоятка слишком глубоко погрузилась в землю при предыдущем ударе, и, когда он сделал шаг назад, кинжал выскользнул из ножен, но, удерживаемый еще некоторое время большим и указательным пальцами его утратившей чувствительность руки, изменил положение и потому лежал теперь не вертикально, а горизонтально. Скосив глаза как только возможно, Мышелов глянул на свои пальцы — и точно, капельки крови выступили на них алыми бусинками. Бедные пальчики, они сделали все, что могли, и пострадали, исполняя свой долг!

У него не было времени раздумывать, отбросит ли его преследовательница кинжал в сторону или

подхватит и попробует использовать против него же; все его силы были направлены на то, чтобы и в третий раз сделать невозможное возможным. И вновь ему удалось это сделать (на этот раз шаг получился даже шире — ярд вместо привычной половинки), и он уже поздравлял себя с успехом, когда, бросив взгляд назад, увидел, что плывущая за ним в земляном море демоническая женщина чуть приподнялась и кинжал проскользнул между ее повисших, как два сталактита, острых грудей, а ее обнаженный живот проплыл в долях дюйма от остро отточенного лезвия. Острие Кошачьего Когтя по-прежнему было нацелено на неудачливого владельца, словно игла компаса, указывающая его преследовательнице путь в подземном океане.

Он также увидел, что и ножны, повинуясь хватке окружающей их почвы, покинули свое место у пояса и тоже покоятся в земле на полпути между своим бывшим владельцем и кинжалом.

Мышелов уже сделал очередной, четвертый — нет, пятый! — шаг назад и снова получил землей по физиономии. Проклятье! Какое унижение — убегать от костлявой бесстыжей девки спиной вперед, да еще и получать на каждом шагу оплеуху!

Тут он подумал, что оба они хотя и движутся под землей совершенно по-разному, тем не менее делают это одинаково необычно; быть может, в конце концов, он все-таки бредит и все, что его окружает, лишь чудовищная галлюцинация, а не ужасная реальность?

«Не верь! — запретил он себе. — Не думай об этом!» Стоит только поверить в эту успокоительную мысль, как тут же забудешь дышать, а без этого, он знал — нет, чувствовал всем своим нутром! — ему не выжить в темном Подземном Царстве.

Монотонный ритм вдохов и выдохов — сначала несколько маленьких, потом один большой — и сохранявшаяся дистанция между ним и его демонически-прекрасной преследовательницей (порой ему даже начинало казаться, что разрыв между ними увеличивается), которая только что с такой же легкостью обошла препятствие в виде кинжальных ножен, как раньше сам кинжал, начали действовать на него усыпляюще. И вскоре яркий свет разума, освещавший эту безумную сцену, погас, и Мышелов не ощущал уже ничего, кроме сопротивления шершавой холодной земли, сквозь которую он продолжал пробираться спиной вперед, словно он был чешуйчатым и

волосатым чудовищем, прокладывавшим себе дорогу под землей, не задумываясь о том, куда она его выведет.

14

Если бы какой-нибудь сторонний наблюдатель заглянул в это мгновение на бывший Висельный холм посмотреть, как дела у спасателей Мышелова, ему, без сомнения, показалось бы, что поиски стали менее активными и энергичными. Но это было обманчивое впечатление. Пока Мышелов обучался азам выживания под землей, его друзья на поверхности превратили акцию его спасения из невероятной авантюры, затеянной энтузиастом-одиночкой, в хорошо отлаженный, работающий, как часы, механизм. Прежнее рвение спасателей не угасло, скорее сжигавшее каждого из них пламя нетерпения ушло внутрь.

Сверкающий лунный диск близился к западному горизонту. В его холодном блеске особенно резко выделялись черты лица и контуры тела еще одного из людей Фафхрда, стоявшего в данный момент на самом краю ямы и то и дело наклонявшегося вперед, чтобы принять очередное ведро с землей от работающих внизу. Рядом

с ямой образовался уже приличный отвал, низкий и широкий, около фута в высоту. По мере углубления раскопа все больше времени требовалось на подъем каждого очередного ведра и все глубже в землю уходил свет наполненных бисторием ламп, так что его отблески на лице и плечах наклонявшегося вперед воина уже не могли соперничать со светом луны.

Другие рабочие в этот самый момент спускали в яму очередную порцию досок — столь драгоценного на безлесном острове материала — для постройки второго яруса креплений вдоль стен; первый ярус был уже закреплен поперечными балками, прибитыми к продольным доскам коваными железными гвоздями.

Неожиданно наступившая зима ничуть не ослабела, напротив, поднялся сильный северный ветер, еще усиливающий эффект ночного холода. К северу от кухонного костра была разбита палатка, точнее, тент, открывавшийся в сторону очага и тем самым укрывавший его от ветра, получая взамен тепло. В палатке спали Мара и Клут, измученные работой в яме, ибо, как верно заметил Скор, одно дело — искать в земле уголь или золото и совсем другое — человека, хочется надеяться живого!

Плащ Мышелова, найденный на глубине семь футов под землей, побудил Фафхрда и Сиф вновь сменить Скора и девочек на раскопе: так велико было их желание ускорить вызволение Серого. Но через два часа работы на пределе всяких возможностей они вновь вынуждены были уступить свои места в яме — на этот раз опять Скору и Гейл, чей малый рост был особым преимуществом в данный момент, так как в яме и вокруг нее и без того толклось множество людей, занятых креплением стен.

Выбравшись из ямы по вогнанным в доски обшивки специально для этой цели деревянным штырям, Сиф и Фафхрд, ежась от резкого северного ветра, устремились к огню, где всем желающим наливали горячего супа и вздрога. Женщина присоединилась к группе беседовавших у костра, мужчина, не проявляя склонности к компании и приятному разговору, удалился под прикрытие палатки. Там он осторожно, чтобы не разбудить спящих девочек, уселся в изножье кровати и принялся согревать руки кружкой горячего вздрога, обильно сдобренного бренди.

Сидевшие у костра оживленно обсуждали вопрос, живо интересовавший Сиф, а именно: возможность использования в настоящих поис-

ках золотого трофея Пшаури, поднятого им из Мальстрёма всего лишь вчера, и методы последующего от него избавления.

Афрейт полагала, что находку нужно поместить в святилище храма Луны и сохранить в память о недавней победе островитян над врагами.

Гронигер, с присущим ему чисто островным материализмом, возражал, что после того, как огарок факела будет извлечен из его сердцевины, — если он им нужен, то жрицы Луны могут смело им воспользоваться, на этот предмет ни у кого возражений нет: трофей должен быть возвращен в сокровищницу, где и займет надлежащее место среди других Символов Разума, как, к примеру, Шестигранный Квадрат или Куб Честных Сделок.

На что матушка Грам заявила, что зола чужеземного бога, приправленная местной золотой магией, превратила Куб в мощное оружие, место которому только в колдовском братстве, включающем в себя нескольких сильных ведьм.

Рилл поддержала ее, заявив:

— Я держала эту золу в руках, еще когда она была факелом, зажженным от костра Локи, и помню, как этот факел изгибался в разные стороны, указывая нам путь к новому обиталищу

бога в огненной стене, что в пещере, ведущей к самому основанию вулкана Черный огонь. Быть может, огарок факела сохранил достаточно прежней силы, чтобы указать нам путь к нынешнему обиталищу капитана Мышелова?

Сиф горячо воскликнула:

— Давайте попробуем! Привяжем Усмиритель Водоворота к шнуру, поднесем его к краю ямы и посмотрим, что будет. По крайней мере, он может подсказать нам, продолжает ли Мышелов падать прямо, как копье, или же его направление изменилось, и если да, то в какую сторону. Что вы об этом думаете?

— Вот что я скажу, госпожа, — поспешно заговорил Пшаури, — когда вчера вечером капитан Мышелов бранил меня за то, что я полез в Мальстрём, я вдруг почувствовал, как Куб завибрировал в моей сумке, словно меж ним и капитаном есть какая-то незримая связь, хотя, когда я нырял за ним в море, ни я и никто другой об этом и не догадывался.

Прилетевший с востока тонкий протяжный звон колокольчика заставил Сиф и ее слушателей обернуться в сторону, противоположную той, куда садилась луна: двигавшаяся через луг одинокая яркая точка возвещала о скором прибытии

очередной собачьей упряжки из казарм.

Но ни пронзительный звук бубенцов, ни предшествующий разговор у костра не в силах были развеять мрачных дум Фафхрда. Вздрог уже давно простыл в его руках, а он все продолжал сидеть в тени палатки, низко склонив голову и погрузившись в свои мысли.

На самом деле, стоило только ему усесться, как на него с оглушительной силой нахлынули воспоминания. Ему вспомнился эпизод — давно это было, чуть ли не двадцать лет тому назад, — когда он вот так же вкалывал как проклятый несколько часов подряд, чтобы спасти Мышелову жизнь, а потом, когда все кончилось, ему еще пришлось силком выволакивать вопящего и отбивающегося друга из облюбованного им гроба. Все это произошло в магической империи Пожирателей, гениальных торговцев грязью, и в том случае у него также не было ни минуты отдыха. Сначала ему пришлось бесконечно долго уламывать придирчивых и сварливых магов, Шильбу Безглазоликого и Нингобля Семиокого, его и Мышелова таинственных наставников, чтобы те согласились сообщить ему необходимые подробности и оказать посильную колдовскую поддержку для борьбы с Пожирателями; после

чего он сражался с неутомимой железной статуей, вооруженной громадным двуручным мечом с отливающим холодным синим блеском клинком: в этом бою, чтобы сохранить свою жизнь и спасти друга, Фафхрду пришлось применить весь свой недюжинный талант фехтовальщика и на ходу вспомнить или изобрести массу сложнейших приемов, позволивших ему наконец одержать верх. А в довершение всего он вынужден был буквально силком уволакивать Мышелова, до неприличия увлекшегося созерцанием громадных жирных пауков в клетках, которые его затуманенному могучими колдовскими чарами взору представлялись стройными красотками в соблазнительно коротких платьицах.

Но в тот раз Мышелов все время был рядом, хотя и беспрестанно валял дурака и отпускал глупые шуточки, комментируя их со статуей бой. И в конце концов именно Мышелов добил статую, развалив ей голову огромным топором Фафхрда, который он принял за шутовскую погремушку. И варвару было не так тяжело, несмотря на то что он принял на себя двойную тяжесть слов волшебников и костедробительных ударов статуи. На этот раз Серый просто исчез, без фанфар и аплодисментов, без шуточек или иных напут-

ственных речей, провалился сквозь землю, даже без савана или гроба, способных защитить его от холодных объятий земли. Единственное, что он смог произнести или, точнее, выдавить, прежде чем глина забила ему рот, — это страшные слова: «Фафхрд, помоги». И вернуть его можно, не сражаясь мечом или словом, а лишь копая, скребя и просеивая землю, медленно, однообразно и беспрерывно: работа, дающая надежду, только пока заняты руки. Как только наступает малейшая передышка, немедленно приходит осознание тщетности попыток пробиться сквозь толщу земли к человеку и найти его живым, как будто он клешитский вампир или восточный факир, который может часами дышать под землей. Безнадежно! Фафхрду удалось уговорить остальных — и себя тоже — заняться этим только потому, что ни у кого не было идеи получше, а также потому, что людей необходимо было заставить чем-то заниматься, чтобы они не предавались горю и страху, что подобная участь может постигнуть еще кого-нибудь из них.

Фафхрд сжал здоровую ладонь в кулак и уже замахнулся было, чтобы выместить свое отчаяние на ни в чем не повинной кровати, но вовремя вспомнил о спящих девочках. Он думал, что сосед-

няя кровать пустует, но, приглядевшись, увидел выглядывающую из-под темно-зеленого одеяла ярко-рыжую шевелюру самозваной илтхмарской принцессы, на деле корабельной проститутки Пальчики, чей укоризненный взгляд преследовал его всю ночь: почему, дескать, ты не спас своего друга или, по крайней мере, не последовал за ним, как и подобает преданному товарищу. Неожиданно его охватила злость — какое право она имела критиковать его?

И все же она была права, как ни крути: много раз они с Мышеловом рисковали головой вместе — и в тот раз, когда, в немом молчании поставив парус, отплыли они на запад к Берегу Смерти, называемому также Черным берегом; и когда, соблазненные блуждающими морскими огнями, направили свой корабль в Великое Экваториальное течение, пройти которое до тех пор не удавалось ни одному кораблю; и когда взобрались на Стардок, высочайшую гору Невона, или спускались в пещеры Квармалла, и когда дважды встречались со Смертью в его собственном замке в Царстве Теней. Но на этот раз, когда земля Невона поглотила Мышелова, он, Фафхрд, сплоховал.

Серебристый звон бубенцов собачьей упряжки прозвучал уже рядом и замер у костра. Скаллик,

не успев еще соскочить с кучерского сиденья, уже сыпал новостями: оказывается, Большой Мальстрём стал закручиваться быстрее, ревя и завывая в холодном лунном свете. Сиф и Пшаури поднялись ему навстречу.

Шум отвлек Фафхрда от его размышлений как раз настолько, чтобы осознать, куда уже так давно направлен его взгляд. Пальчики повернулась во сне на другой бок и выпростала руку поверх одеяла. Кого же напоминало ее бледное лицо?.. Когда-то он любил эти черты. Что же за женщина это была?..

Пристальнее вглядевшись в ее лицо, он понял, что она не спит, а губы ее разошлись в сонной улыбке. Кончик языка показался между ними, и она облизнулась. Фафхрд почувствовал, как гнев вновь закипает в нем. Наглая девчонка! Какое право имеет она смотреть на него так, будто у них есть общий секрет? Чего она шпионит за ним? Что она затеяла? Ему вспомнилось — что. Как раз перед тем, как он увидел ее впервые, они с Мышеловом говорили о вампирах, преследующих свою жертву под землей, и о самой земле, которая находит приговоренного к смерти, как бы высоко он ни забрался. Почему так случилось? Что предвещало это совпадение? Неужели это

порочное дитя из крысиного Илтхмара имело какое-то отношение к исчезновению Мышелова? Он быстро и бесшумно поднялся на ноги, одним прыжком пересек палатку и склонился над кроватью, вглядываясь в лицо девочки, точно надеясь силой своего взгляда вырвать у нее все секреты. Рука его нерешительно поднялась, словно он и сам еще не решил, что делать, а она между тем продолжала улыбаться, самоуверенно глядя на него снизу вверх.

— Капитан! — Округа огласилась зычным ревом Скора.

Позабыв обо всем, Фафхрд пулей вылетел из палатки и подбежал к отверстию в земле, над которым возвышалась железная тренога с укрепленным на ней воротом, предназначенная для подъема ведер с землей на поверхность.

Ухватившись за металлические распорки, северянин наклонился так глубоко, как только мог, и заглянул в яму. Доски второго ряда обшивки были уже уложены на свое место и скреплены как между собой, так и с досками верхнего ряда поперечными брусьями. Раскопки шли уже примерно на фут ниже второго ряда. С ворота свисала веревка, другой конец которой соединялся с ручкой наполовину заполненного землей ведра,

находившегося на дне ямы. По обе стороны ведра были видны два обращенных вверх лица: большое и маленькое, одно окруженное редеющими рыжими прядями, другое обрамленное копной льняных локонов, — лица Скора и Гейл. Стоявшая на дне лампа заливала всю картину ярким холодным светом, в котором особенно отчетливо был виден удлиненный предмет, лежавший на земле. Фафхрд узнал бы его где угодно.

— Это кинжал капитана Мышелова, — сказал Скор. — Мы его не трогали, лежит так, как мы и нашли.

— Я ни на волосок его не сдвинула, пока сметала землю, — тоненьким голоском подтвердила Гейл.

— Умница, девочка, — отозвался Фафхрд. — Пусть так и лежит. И не трогайтесь с места, вы оба. Я спускаюсь.

И он залез в яму, цепляясь попеременно то рукой, то крюком за толстые деревянные штыри, специально для этой цели вбитые в обшивку. Достигнув дна, он немедленно склонился над Кошачьим Когтем, точно желая тщательно его рассмотреть.

— А ножен мы нигде не нашли, — пояснила Гейл, хотя это и так было очевидно.

Фафхрд кивнул.

— Почва здесь перемешана с мелом, — заметил он. — Вам, случайно, большой кусок не попадался?

— Нет, — ответила Гейл, — но у меня есть кусок желтой охры.

— Сгодится, — сказал он и протянул руку.

Когда она вытащила золотистый комочек из кармана и передала ему, он, тщательно примерившись к направлению, которое указывал кинжал, нарисовал большую желтую стрелку на деревянной обшивке.

— Может, пригодится, — коротко пояснил он.

Затем поднял кинжал и принялся поворачивать его то так, то эдак в поисках какого-нибудь знака, способного пролить свет на судьбу его владельца. Но все его усилия ни к чему не привели.

— Что ты нашел, Фафхрд? — раздался сверху голос Сиф.

— Кошачий Коготь. Сейчас увидишь, — отозвался тот и передал нож Скору. — Я тут пока покопаю, а ты отдохни. — С этими словами он взял из рук своего помощника небольшую лопатку с короткой ручкой, заменившую его топор в качестве основного землеройного орудия. — Хороший ты мужик, Скор.

Тот лишь кивнул в ответ и проворно, как белка, взобрался наверх по деревянным штырям обшивки.

— Я спускаюсь, Фафхрд. Моя очередь помогать, — объявила сверху Афрейт.

Фафхрд взглянул на Гейл. Вблизи было видно, что светлые локоны девочки слиплись от пота, а бледное личико все в разводах грязи. Бескровная кожа и залегшие под глазами круги выдавали всю глубину усталости девочки, как она ни старалась спрятать ее под напускной бодростью.

— Тебе тоже нужно отдохнуть и выспаться, но только после того, как поешь. — Он забрал у нее совок и щетку. — Ты хорошо поработала, девочка.

Пока она устало карабкалась наверх, а ее тетка, стоя у края ямы, призывала ее шевелиться побыстрее, Фафхрд вонзил лопату в землю у края обшивки, намереваясь продолжать копать прямо вниз.

После того как Афрейт спустилась в яму помогать Фафхрду, проститутка Рилл повела совершенно измученную девочку к костру. Сиф шла за ней словно во сне, не отрывая глаз от кинжала, переданного ей Скором. Она была так погружена в созерцание, что даже отправившиеся было

спать зеваки, которым надоело следить за методичным, лишенным какого-либо разнообразия углублением ямы, собрались вокруг нее, надеясь услышать новости.

Рилл кормила Гейл горячим супом:

— Ешь его скорей, пока не остыл! Вот умница. Ах ты господи, да ты вся точно ледышка! Немедленно марш под одеяло! И спать, ты же с ног валишься. Марш, марш, никаких разговоров.

И она увела не слишком-то сопротивлявшуюся девочку в палатку.

Сиф все еще в каком-то недоумении рассматривала кинжал, беспрестанно крутя его в руках, так что его лезвие время от времени ярко вспыхивало в свете костра.

Старый Урф задумчиво произнес:

— Когда Кхахкта-завоевателя похоронили заживо, связанного и в полном вооружении, за предательство, а потом оказалось, что его обвинили напрасно, и труп его был отрыт, оказалось, что все его кинжалы лежат в разных местах, далеко от тела, — вот как сильна была его ненависть.

Пшаури сказал:

— А я думал, что Кхахкт — это ледяной дьявол островитян, а не верховный вождь минголов.

Некоторое время спустя последовал ответ Ур-

фа:

— Великие воины после смерти становятся дьяволами для своих врагов.

— А иногда и для собственного народа, — ввернул Гронигер.

Скаллик спросил:

— Но если Кхахкт смог заставить свои кинжалы двигаться под землей, да еще так далеко, почему же он тогда не велел им перерезать свои путы?

Рилл вернулась из палатки с целым ворохом девчоночьей одежды в руках. Развесив вещи для просушки, она заняла место подле Сиф и сказала:

— Я ее раздела догола и уложила в самый теплый уголок постели, поближе к илтхмарке. Та было проснулась, но тут же снова вернулась в страну снов.

Выдержав паузу, Урф объяснил:

— Узы Кхахкта были выкованы из несокрушимого железа.

Размышляя вслух, Гронигер произнес:

— Я могу понять, как плащ Мышелова оказался в земле, когда того потащило вниз, — он ведь не был скреплен с остальной его одеждой. И должно быть, то же самое произошло и с кинжалом: пока кто-то… или что-то тащило его вниз, рукоятка

могла зацепиться за что-нибудь, и кинжал постепенно вылез из ножен.

— Но ведь тогда нож остался бы в земле вертикально, лезвием вниз, разве не так? — вновь спросил любопытный Скаллик.

Матушка Грам перебила его:

— Без черного колдовства тут не обошлось. Вот почему кинжал покинул своего хозяина. Железо не повинуется власти дьявола.

Скаллик продолжал, обращаясь к Гронигеру:

— Но кинжал лежал горизонтально, когда его нашли. Тогда если его, как ты говоришь, тащили, то уже не вниз, а в сторону, туда, куда и указывает лезвие кинжала. Значит, мы копаем неправильно, надо копать вбок, а не вниз!

— О боги мои! Ну почему мы не можем узнать, что именно происходило с ним там, под землей? — застонал Пшаури. Отчаяние, владевшее им прежде, вновь отразилось в его голосе и лице. — Быть может, он вытащил кинжал, чтобы сразиться с чудовищем, увлекавшим его вниз, вырваться из его тисков? Или же кто-то еще напал на него и оружие понадобилось ему для защиты?

— Как бы он смог сделать то или другое, будучи со всех сторон стиснут землей? — возразил Гронигер.

— Ну как-то смог! — парировал Пшаури. — Скажи лучше, почему кинжал так и остался лежать в земле? По собственной воле с Кошачьим Когтем он не разлучился бы ни за что в жизни, в этом я уверен.

— Может, он был без сознания, — предположила Рилл.

— А может, кто-то третий напал и на него, и на того, кто его тащил, — подал идею Скаллик. — Мы ведь и представления не имеем о том, что происходит под землей.

Чем дольше Сиф разглядывала кинжал, тем больший и больший ужас выражал ее взгляд. Наконец она не выдержала:

— Хватит ломать головы и надрывать сердца бесплодными догадками! — Она вынула из своей сумки плащ Мышелова и, тщательно завернув в него кинжал, передала аккуратный сверток матушке Грам со словами: — Я не могу думать, глядя на него. На, спрячь куда-нибудь.

И тут же эта маленькая, одетая во все белое женщина, которую еще минуту назад терзало жестокое горе, разительно переменилась. Легко вскочив со своего места у огня, она обратилась к Пшаури:

— Следуй за мной, капрал. Мы возьмем Усми-

ритель Водоворота, привяжем его на бечевку и пойдем с ним туда, куда показывал кинжал, — так люди ищут воду с помощью лозы. Он поможет нам понять, отклонялся ли Мышелов от прямого пути в своем путешествии сквозь землю, и если да, то в какую сторону. — Она послюнила палец и, на секунду подняв его над головой, продолжала: — Пока мы растравляли себя суеверными страхами, ветер утих — а это нам на руку: если из моей затеи что-нибудь выйдет, то мы не будем сомневаться в ее результатах, думая, что это ветер раскачал бечеву. И держать бечеву будешь ты, Пшаури, потому что, как ни трудно мне это признать, ты лучше всех чувствуешь присутствие Мышелова.

Хотя вид у него поначалу был удивленный и недоверчивый, готовность, с которой бывший вор вскочил на ноги, выдавала облегчение, которое он испытал при словах Сиф.

— Конечно, госпожа моя, ты можешь рассчитывать на мою поддержку. Что я должен делать?

Она объяснила, и они оба двинулись к яме. Остальные смотрели им вслед. Немного погодя Скаллик и Рилл поднялись на ноги и пошли за ними, а еще минуту спустя к ним присоединился и Гронигер. Но старый Урф и матушка Грам — а

также Снегоход и еще один ездовой пес, также выпряженный из повозки, — остались у огня.

Из ямы показалось до краев заполненное ведро. Когда его содержимое было рассыпано по поверхности, Пшаури опустился на колени у самого края и, привязав к решетчатому Кубу кусок морской бечевы, обнаруженной им в поясной сумке, опустил маятник в яму, держа его большим и безымянным пальцами левой руки.

Сиф встала напротив, укрыв его плащом от возможных порывов ветра, хотя никакой необходимости в этом уже не было. Холодный воздух был неподвижен.

Но импровизированный маятник не проявлял никаких признаков жизни: он не качался ни взад, ни вперед, как это положено маятнику, ни даже по кругу.

— И вибрации я тоже не чувствую, — шепотом сообщил Пшаури.

Сиф вытянула указательный палец и с некоторой опаской положила его на соединенные большой и безымянный пальцы, удерживавшие маятник. Через три удара сердца она кивнула, подтверждая его слова, и предложила:

— Давай попробуем с другой стороны.

— А почему безымянный палец и левая рука? —

полюбопытствовала Рилл.

— Не знаю, — озадаченно отвечал Пшаури. — Безымянный палец самый чувствительный, — может быть, поэтому. А левая рука лучше всего подходит для всякого волшебства.

Услыхав это, скептически настроенный Гронигер хмыкнул.

Фафхрд и Афрейт продолжали усердно копать и просеивать, так что яма углубилась уже на целый фут. Нагнувшись над ней, Сиф объяснила, что именно они с Пшаури задумали:

— А потом мы начнем двигаться отсюда по спирали, все время расширяя круги и останавливаясь на каждом втором-третьем шаге. Как только мы получим отчетливый знак — если получим, — я дам вам знать, — закончила она.

Фафхрд молча взмахнул рукой, поясняя, что понял, и вернулся к работе.

Вторая проба привела к тому же результату. Пшаури и Сиф отошли от ямы ярда на четыре и начали методично обходить ее по кругу, задерживаясь на каждом третьем-четвертом шаге. Любопытные, окружившие было их поначалу, один за другим возвращались к костру, обескураженные однообразием. Из ямы подняли очередное ведро.

Немного погодя еще одно.

Холодный белый свет фонаря, которым предусмотрительно вооружилась Сиф, удалялся от места раскопок все дальше и дальше, а земляной вал рядом с ямой становился все выше и выше. Пальчики и Гейл, утомившись, заснули в объятиях друг друга. Полная луна дюйм за дюймом сползала к горизонту.

Время шло.

15

Желтеющий лунный диск был всего в двух ладонях от вершин холмов, опоясывавших западный горизонт Льдистого острова, когда лопата Фафхрда ударилась о камень.

От последнего деревянного крепления их отделяло расстояние примерно в рост человека. Фафхрд решил было, что это небольшой камень, и попытался вывернуть его из земли лопатой. Афрейт предупреждала, чтобы он не торопился, но он стоял на своем. Валун становился все больше и больше. Вскоре все дно выкопанного ими колодца составлял как бы сплошной каменный пол.

Он поднял глаза на Афрейт:

— Что будем делать?

Она покачала головой.

А между тем на расстоянии полета копья от ямы двое лозоходцев стали получать первые результаты.

Металлический Куб, свисавший наподобие маятника с левой ладони Пшаури, теперь не висел безжизненно, но начал медленно двигаться взад и вперед, то к яме, то от нее. Сиф и Пшаури уставились на него удивленно, можно даже сказать — подозрительно.

— Это ты его раскачиваешь, Пшаури? — прошептала Сиф.

— Нет, кажется, — с сомнением ответил тот.

И тут произошло чудо. Движения Куба в сторону ямы становились все короче, в то время как амплитуда взмахов в противоположном направлении все время увеличивалась, пока наконец Куб не завис горизонтально, натягивая удерживавшую его бечеву, словно взявшая след ищейка.

— Как это у тебя получается, Пшаури? — с оттенком уважения в голосе прошептала Сиф.

— Не знаю, — дрожащим голосом отвечал тот. — Он сам тянет. И вибрирует.

Она, как и прежде, прижала указательный палец к его ладони и тут же утвердительно кивнула,

глядя на него чуть ли не с трепетом:

— Я позову Фафхрда и Афрейт. Не шевелись.

Пошарив в своей поясной сумке, она вытащила металлический свисток и дунула в него. Пронзительный свист разорвал морозную тишину.

Двое в яме услышали сигнал.

— Это Сиф, — сказала Афрейт, но Фафхрд уже взобрался на деревянную подножку и, уцепившись крюком за край ямы, одним могучим броском выбрался на поверхность.

Она взяла фонарь, продела руку в петлю на его крышке и последовала за Фафхрдом, держась за деревянную обшивку шахты обеими руками и поднимаясь по ней ногами, как по лестнице.

Фафхрд оглянулся по сторонам и увидел ярко светящуюся точку посреди заснеженного луга. Она не стояла на месте, а двигалась туда и сюда, явно желая привлечь к себе внимание. Тогда он заглянул в обшитую деревом яму и отыскал на одной из досок ярко-желтую охряную метку, которую он сделал, когда был найден кинжал. Стрелка указывала в ту сторону, где в темноте плясала искорка света. Он со свистом выдохнул и, подняв над головой принесенную Афрейт лампу, дважды взмахнул ею в ответ. Танцующая искра на лугу тотчас исчезла.

— Теперь все ясно, — обратился он к Афрейт, опустив лампу. — Кинжал и маятник говорят об одном и том же. Нужно копать туннель в том направлении: камень послужит полом, а стенки и потолок укрепим досками, чтобы они не обвалились.

Она согласно кивнула и тут же добавила:

— Скаллик еще раньше говорил, что Мышелов, должно быть, специально оставил кинжал лежать в таком положении, чтобы дать нам понять, куда он движется.

Все сбежались, желая узнать, что случилось. Удалл, поднимавший на поверхность ведра с землей, застыл у ворота, не сводя с Фафхрда пристального взора.

Тот продолжал:

— Боковой проход будем делать как можно ниже и уже, чтобы не тратить много дерева. Доски для обшивки стен будем пилить на три части — там не обязательно толстые. Теперь работа пойдет быстрее, но все же нужно сохранять осторожность.

— Но пройдет еще немало времени, прежде чем мы доберемся до того места, где теперь Сиф и Пшаури, — вмешалась Афрейт.

— Верно, — согласился он. — Как верно и то,

что капитан Мышелов может теперь находиться сколь угодно далеко отсюда, судя по скорости, с которой его затянуло под землю. Он может быть где угодно. И все же мы должны продолжать копать в том направлении, следуя тому единственному указателю, который он оставил. Это гораздо более основательное свидетельство, чем лозоходство. Нет, нужно копать дальше, иначе мы потеряем кураж и дисциплину. Вот и сейчас мы понапрасну теряем время. Хотя я, надо признать, окончательно потерял терпение и не могу продолжать работать как надо. Ты и сама предостерегала меня, чтобы я не торопился, — обратился он к Афрейт. С этими словами он повернулся к стоявшему у ворота верзиле и приказал: — Удалл, приведи сюда Скора! Если он спит, разбуди. Попроси его — вежливо — прийти сюда. Скажи ему, что он мне нужен. — (Удалл ушел.) — Скор обладает качеством, которого нет у меня — по крайней мере сейчас, — терпением. А именно оно сейчас нужнее всего, — пояснил он Афрейт. Голос его изменился. — Дорогая, прошу тебя, замени меня здесь, пока я буду отсутствовать. Вот, возьми мое кольцо. — Он протянул ей ладонь и растопырил пальцы. Она стянула кольцо с его мизинца и надела на свой палец. — А

я пойду пройдусь и подумаю, как еще можно помочь Мышелову. Ты знаешь, мне плохо думается среди людей. Мне почему-то кажется, что он сделает круг и выйдет из подземного мира там же, где вошел, — через эту яму; поэтому мы и должны тут копать. Но это, конечно же, было бы проще всего, а есть еще и другие варианты, о которых не следует забывать. Моя голова в огне. Мы с Серым вместе попадали в переделки и похуже. Ты поможешь мне, дорогая? — закончил он. — Просеивание земли можешь поручить Рилл и двум девочкам по очереди, можно даже матушку Грам подключать время от времени.

— Предоставь это мне, капитан, — отвечала она, погладив его по лицу тыльной стороной правой ладони, на которой теперь серебрилась печатка из двух перекрещивающихся мечей.

Ее жест был полон нежности и кокетства, но в фиолетовых глазах билась тревога, а голос был непреклонен, как смерть.

Снегоход отозвался на свист Сиф так же поспешно, как и Фафхрд, — он рванулся на звук прямо через снежную целину. Перед Сиф, продолжавшей сигналить высоко поднятой лампой, он замер как вкопанный, затем перевел взгляд на застывшего в неудобной позе Пшаури, с

неподвижной руки которого свисал странный предмет. Подозрительно его обнюхав, пес тихо взвизгнул и, опустив нос к земле, пробежал в ту сторону, куда указывал маятник, еще с десяток ярдов. Там он остановился, поднял голову и дважды отрывисто гавкнул.

Получив ответный сигнал Фафхрда, Сиф опустила лампу. Пшаури обратился к ней:

— Госпожа, не следует ли нам отметить то место, где остановился Снегоход? Я думаю, нам нужно идти за ним, пока след не простыл, и время от времени продолжать останавливаться, как и раньше.

Пользуясь рукояткой кинжала как молотком, она вогнала в мерзлую землю у ног Пшаури колышек, который они прихватили с собой, и привязала к нему свою серую ленту.

— Думаю, ты прав. Хотя, пока я размахивала лампой, мне пришло в голову, что внутри Куба зола Локи, так что, может статься, мы идем к нему, а не к Мышелову. А уж я-то по собственному опыту знаю, что этот бог может отправить нас туда, не знаю куда, искать того, не знаю кого.

— Нет, госпожа моя, это сигналы капитана, — заверил ее Пшаури. — Я это чувствую. И Снегоход никогда не спутал бы его с этим злокозненным

чужеземным богом. Более того, на этот раз пес не воет, как прежде, а только слегка поскуливает — верный знак, что он чует живого, а не мертвеца.

— Ты очень предан капитану, не так ли? — заметила Сиф. — Молю Скаму, чтобы ты оказался прав. Веди же. Остальные догонят позже.

Она имела в виду пять силуэтов, которые отделились от кухонного костра и двигались в их направлении: это были Рилл, Скаллик, Гронигер, Урф и матушка Грам, заинтересовавшиеся происходящим. Круглый диск луны позади них коснулся горизонта, словно ночное светило собиралось уйти под землю вслед за Мышеловом.

Тем временем у кухонного очага Фафхрд налил себе полкружки дымящегося вздрога, щедро сдобрил его порцией бренди, ополовинил кружку одним глотком и, как и обещал Афрейт, уселся и погрузился в серьезные размышления о переделке, в которую попал Мышелов, и о способах вызволения его оттуда.

Однако тут же обнаружил, что его мысли крутятся в таком бешеном вихре, так мечутся и бросаются из стороны в сторону, что обуздать их ему не под силу.

Не помогла внести порядок и логику в этот хаос и вторая половина кружки, выпитая одним

залпом.

Он встал и принялся мерить шагами пространство вокруг костра, то начиная вертеть что-нибудь в руках, то отбрасывая надоевшую вещицу, то топая ногой, раздражаясь еще больше из-за своей неспособности внести порядок в собственные мысли.

Несколько раз он проделал ладонью в воздухе пассы у себя перед носом, точно пытаясь при помощи магии извлечь что-то прямо из воздуха.

Внезапно настроение его переменилось, и он спросил себя, а действительно ли ему так уж хочется спасать Мышелова. Пусть сам выбирается как знает. Раньше это ему неплохо удавалось, клянусь Косом!

Ему хотелось бы сравнить свои дикие фантазии с практичностью Рилл, непробиваемым рационализмом Гронигера, убежденным догматизмом старой ведьмы матушки Грам или мингольским фатализмом Урфа, но все они ушли смотреть на лозоходцев. Он сказал Афрейт, что ищет одиночества, но теперь задавал себе вопрос, как можно размышлять, не сопоставляя свою точку зрения с точкой зрения другого? Он чувствовал, что запутался, что в голове у него царит полный хаос, а сам он сделался удивительно легким, просто

невесомым, как перо. Казалось, подуй сейчас ветер, и он улетит.

Он огляделся вокруг: огонь, котел с похлебкой над ним, кучка дров рядом, веревка с развешанной на ней для просушки одеждой поодаль, палатка, кровати в ней.

Незачем говорить с детьми, пусть спят, сказал он себе, жалея, что не может их разбудить.

Но странное беспокойство нарастало. Наконец, чтобы дать ему выход, Фафхрд взял непочатый кувшин с бренди в одну руку, другой конечностью подхватил незажженный фонарь и отправился вслед за остальными.

Он шел, то и дело сбиваясь с пути, отклоняясь в сторону и возвращаясь на правильную дорогу. Он не был уверен, что хочет догнать остальных. Но идти куда-то было необходимо, иначе он мог просто лопнуть от беспокойства.

16

Все время, пока Фафхрд мерил шагами землю у костра, Пальчики не переставала следить за ним, лежа в теплой уютной постели рядом с мирно спавшей Гейл.

Увидев, что события принимают непредвиден-

ный оборот, девочка разбудила товарку, дернув ту за тонкие светлые волоски, недавно начавшие пробиваться на бугорке пониже живота.

— Больно же, — пискнула та, спросонья протирая глаза кулачками. — Меня еще никто так не будил.

— Больнее всего там, где и всего приятней, — не задумываясь, ответила та, словно повторяя давно затверженные слова. Потом продолжала более живо: — Я знала, что захочешь услышать новости о твоем любимом героическом дядюшке с непроизносимым именем, дорогая, потому и разбудила тебя столь бесцеремонно.

— Фафхрд? — Гейл была вся внимание.

— Он самый. Он выбрался из ямы, потоптался вокруг огня, потом схватил кувшин и лампу и побежал следом за твоей темноволосой теткой, которая пытается отыскать твоего другого дядюшку при помощи лозы. По-моему, он был какой-то странный, и будет лучше, если мы приглядим за ним.

— Где наши вещи?

Гейл уже начала вылезать из теплого гнездышка.

— Женщина с покалеченной рукой повесила их сушиться на веревку у огня. Давай, я догоню

тебя.

— Кто-нибудь увидит нас.

Гейл попыталась прикрыть едва наметившиеся груди худенькой ручкой.

— Если будем быстро шевелиться, то не заметят.

Девчонки, хихикая, стреканули к огню и влезли в свои поджарившиеся одежки с такой скоростью, точно они были матросами, поднятыми по тревоге. Потом, взявшись за руки, они двинулись на восток, следуя за одиноким огоньком Фафхрдовой лампы. За их спинами последний сегмент лунного диска прятался за холмами, а небо впереди уже побледнело в ожидании зари.

17

Мышелов медленно выплывал из глубокого сна на поверхность. На это потребовалась масса времени, в течение которого его сознание проходило разные стадии сна, полусна и наконец бодрствования. Когда он начал отдавать себе вполне трезвый отчет в происходящем, то обнаружил, что лежит, растянувшись во весь рост, на спине, а его голова покоится на согнутом локте левой руки. Ноздри его заполнял все перешибающий

запах морской соли.

На какое-то блаженное мгновение ему показалось, будто он в своей кровати в казарме, где и проспал всю ночь с открытым окном.

Но первая же попытка шевельнуться разрушила приятную иллюзию. Его последнее приключение, во время которого ему пришлось удирать от Боли, костлявой сестренки Смерти, не закончилось.

Его положение с тех пор еще ухудшилось — он утратил ту странную свободу движений, которая позволяла ему хотя и без достоинства, по-крабьи, но все же держаться на расстоянии от своей преследовательницы. По всей видимости, это ужас сделал его способным на такое.

И запаха моря он раньше тоже не чувствовал. Должно быть, почва, мелкие комочки которой облепили его со всех сторон, источала этот запах. Сама почва тоже стала ощутимо более влажной, что должно было означать близость берега. Возможно, бурное и суровое Крайнее море уже катит свои валы у него над головой.

Лежа в земле плашмя, он чувствовал себя еще более уязвимым, чем раньше, когда, хотя и зажатый со всех сторон пластами земли, он был все время настороже и даже научился пользоваться

известной свободой в тех узких пределах, что были ему отведены. В положении лежа — все равно, на спине или на животе, — он чувствовал себя не только беспомощным, но и покорным, смирившимся.

«Нет, — перебил он сам себя, — не преувеличивай: хуже всего было бы оказаться погребенным в земле вверх ногами. И вообще, хватит выдумывать всякие ужасы, а то так бог знает до чего додуматься можно».

И чтобы отвлечься от дурных мыслей, он сосредоточился на дыхании, стараясь сделать вдохи как можно более мелкими и частыми. Одновременно он убедился, что его лицо по-прежнему излучает свет, а глаза не утратили волшебной способности видеть сквозь землю, хотя и не столь ясно, как прежде.

Голова его была склонена под таким углом, что часть кругозора закрывали ему собственные ноги. Хорошо бы, конечно, было видеть побольше, но, по крайней мере, он мог убедиться, что никакая бледно-голубая баба не гонится за ним, извиваясь по-змеиному.

И все же положение лежа лишало его храбрости: ему казалось, что вот-вот какая-то чудовищная нога опустится на него и раздавит или

столь же кошмарных размеров рука насадит его на вилку.

Чтобы успокоиться и не поддаваться панике, он напомнил себе, что ему и раньше случалось забредать в Царство Смерти и возвращаться живым и невредимым. А однажды, в Ланкмаре, ему довелось попасть в лавку Пожирателей, где, одурманенный иноземным колдовством, он бесстрашно улегся в черный гроб после неудачной попытки пройти сквозь зеркало, которое на поверку оказалось озером жидкой ртути, поддерживаемым в вертикальном положении мощными чарами.

Но тогда его пьянили вино и желание, напомнил он себе, а когда Фафхрд выдергивал его из серебристой жижи, в которую он погрузился более чем наполовину, он пребывал в убеждении, что ему вот-вот откроется некий тайный рай для героев, расположенный даже выше обиталища богов. К тому же ртуть была на ощупь гладкой и прозрачной, а не шершавой и противной, как земля.

Ну и что? Уж наверняка его друзья и возлюбленная трудятся сейчас в поте лица, чтобы вызволить его из этой ловушки (их достаточно много даже для того, чтобы попытаться вырыть

его отсюда, — утешил он себя). А может быть, они заняты поиском какого-нибудь магического способа освобождения. Не исключено, что именно в эту минуту крошка Сиф пытается использовать силу золотых символов острова, как она сделала в прошлом году, когда его разум вселился в тело гигантского морского чудовища, во всю мощь несущегося к цели.

Или Фафхрду придет в голову какая-нибудь хорошая идея. Хотя, когда Мышелов видел его в последний раз, он не производил впечатления человека, которого часто посещают озарения.

Но откуда им знать, в каком направлении следует копать, — ведь он столько петлял под землей? А если он уже под морским дном, то как они вообще до него доберутся?

Последнее печальное соображение привело ему на память легенду, гласившую, что в незапамятные времена симоргийцы вторглись на Льдистый, добравшись до него по невероятной длины туннелям, проложенным под морским дном. Это произошло еще до того, как волны моря погребли под собой более южный остров, а его безжалостные обитатели отрастили плавники и обзавелись жабрами.

Все это, конечно, бредни, бабьи сказки. И все

же если подобные туннели когда-либо и где-либо существовали, то именно здесь. На южной оконечности острова, и нигде больше. Может быть, хоть один удастся отыскать. В ту же секунду на расстоянии каких-нибудь трех ярдов от себя он увидел слабое зеленоватое свечение, волнообразно перемещавшееся то в одну, то в другую сторону параллельно его телу. И все время это что-то или кто-то наблюдал за ним не переставая. Вскоре свечение приняло конкретные очертания и превратилось в Исисси, соблазнительную обитательницу глубин. На этот раз она предстала перед ним в своем девичьем обличье: спинной плавник из острых шипов еле-еле намечался, также и перепонки у основания пальцев, и совсем незаметные жаберные щели за ушами. Вся она была сплошь желто-зеленые глаза, кремовая кожа и сладкие речи. Ах, какой удивительно послушной была она однажды! Ему показалось, что Исисси одета в короткую полупрозрачную тунику из обрывков тех ярких лоскутьев, при помощи которых он когда-то оборонялся от атак ее и ее брата Мордруга.

На мгновение природный скептицизм одержал в нем верх, и он задал себе вполне резонный вопрос: почему он решил, что это именно Исисси, а

не какая-нибудь рыба, — в этом зыбучем королевстве одна рыба выглядит в точности как та, что рядом, а все они вместе похожи на девушек, сотканных из призрачного зеленоватого тумана. Но не успел он задать себе этот вопрос, как видение стало более отчетливым, так что каждая черточка очаровательного лица стала еще виднее, чем раньше. Более того, он осознал, что его нисколько не пугает встреча с ней и только обстоятельства этой встречи кажутся необычными. Пока он следил за ее ритмичными успокаивающими движениями, к нему снова подкрался сон. Ему даже привиделось, будто не только его зрачки, но и все тело движется туда и сюда вместе с нею и что теперь он находится не вне толщи земли, а парит в воздухе в глубине какого-то длинного туннеля, параллельного тому, в котором плавает соблазнительная женщина-рыба.

Стоило ему на мгновение расслабиться, как опасность не замедлила заявить о себе, и Мышелову представилась возможность на практике проверить истинность своего тезиса о том, что все девушки походят друг на друга, как рыбы. Хотя рот Исисси оставался неподвижен, до его слуха донесся хорошо знакомый негромкий свист.

Устремив взгляд на пальцы ног, он увидел,

как бело-голубая сестрица Боль несется на него, вытянув вперед растопыренные пальцы рук с длинными заостренными ногтями, плотоядно ухмыляясь, в глазах горит желание помучить.

Догадка Мышелова о подводных туннелях подтвердилась — он обнаружил, что с бешеной скоростью несется сквозь вязкую плоть морского дна, устремляясь вперед одним лишь усилием воли, а преследующее его кошмарное видение мчится за ним так же быстро, отчего расстояние между ними нисколько не сокращается, хотя и не увеличивается. Лицо Исисси, мелькнув, через мгновение осталось далеко позади.

Но все было не совсем так. В самом начале погони, как показалось Мышелову, его преследовательница приостановилась и ее бледно-голубая плоть слилась с зеленоватой субстанцией другого существа, соединяя ее холодную рыбью ярость с собственной безумной жаждой мучительства, а потом с удвоенной энергией кинулась за ним.

Во время безумной гонки под дном Крайнего моря Мышелова мучило неотвязное желание повернуть голову и хотя бы краешком глаза заглянуть вперед, чтобы получить отдаленное представление о том, куда они движутся. Однако он так боялся, отвлекшись на маячащие впереди

препятствия, врезаться головой в каменную глыбу, которые в изобилии то и дело проносились мимо, что так и не отважился это сделать. Нет, уж лучше слепо довериться той силе, которая, по-видимому, руководит его движением. Кто бы за ней ни стоял, ему, безусловно, виднее.

Вмиг пронеслись они мимо разверстой пасти темного туннеля, уходящего куда-то на юг. К Симоргии? В Но-Омбрульск? Или, в обход него, прямо к морю Чудовищ? К таинственному Царству Теней, в замок самого Смерти?

Однако что толку размышлять, если уж довериться урагану? Вопреки ожиданиям, скорость убаюкивала. В конце концов, быть может, в эту самую минуту он сладко спит в уютной могиле на Льдистом острове и видит сон? Ведь даже у самого Великого Бога, когда Он творил Вселенную или Вселенные, наверняка были мгновения абсолютной уверенности в том, что Он грезит. Ну и хорошо, подумал Мышелов и отключился.

18

Сиф настояла, чтобы Пшаури передал ей магический Куб, и, подвесив его себе на левую руку точно так же, как это делал он, еще раз прошла

весь путь от ямы до вбитого в землю колышка. Результат оказался тот же, что и у него, и тогда женщина предложила держать Куб по очереди. Он, делать нечего, согласился, однако всякий раз, выпуская из рук импровизированный маятник, продолжал ревниво следить за ним взглядом.

— Ты ревнуешь ко мне капитана, не так ли? — без тени насмешки спросила она у молодого капрала.

Он подумал и дал столь же искренний ответ:

— Да, госпожа, хотя и ни в коей мере не подвергаю сомнению твое право на заботу о нем. Но все же я повстречал его раньше, чем ты, когда он собирал свой отряд в Ланкмаре, — это было даже еще до того, как он снарядил «Бродягу» и направился сюда.

— Ты забываешь, — мягко поправила его Сиф, — что Мышелов начал собирать отряд и готовить судно к отплытию лишь после того, как госпожа Афрейт и я наняли его и капитана Фафхрда для защиты нашего острова, хотя в тот раз присланный Кхахктом ледяной шторм и умчал нас обратно, не успели мы оглянуться.

— Это правда, — согласился он. — Но все-таки… — И тут же умолк, видимо раздумав возражать.

— Что «все-таки»?

— Я хотел сказать, — запинаясь, ответил он, — что, мне кажется, он знал обо мне еще раньше. Ведь мы оба были свободными ворами, хотя он, безусловно, многократно превосходил меня во всем, а в Ланкмаре, где так силен Цех, это многое значит… Ну, во всяком случае мне он был хорошо известен.

Передышка окончилась, и Сиф, приготовившись идти дальше, взяла Куб в правую руку, не собираясь, по-видимому, положить его в свою сумку или передать Пшаури. Вместо этого она внимательно вглядывалась в хмурое лицо своего спутника, черты которого отчетливо вырисовывались в сереньком свете приближающегося утра.

В фиолетовом предутреннем небе стояла лишь одна звезда, яркий Астарион, да и его свет скоро померкнет в лучах восходящего солнца. Впереди, чуть левее, ибо маятник увел их в сторону от того маршрута, которым вся компания двигалась к Холму Богини прошлым вечером, поднималась стена тумана, из которого то тут, то там просматривались крыши домов и башни Соленой Гавани, а также купол храма Луны, казавшийся отсюда маленьким, почти игрушечным. Буквально у

них на глазах туман покрыл городские крыши и начал тянуть свои волокнистые щупальца к ним. Дальний его край вспыхнул, предчувствуя восход солнца, хотя облачная флотилия прямо над их головами все еще сохраняла цвета ночи.

— Капитану, наверное, холодно там внизу, — невольно вздрогнув, выдохнул Пшаури.

— Ты и вправду искренне беспокоишься о нем, — заметила Сиф. — Больше, чем другие. Я замечаю это последние две недели. С тех самых пор, как ты получил письмо с зеленой печатью, которое привез последний ланкмарский корабль — еще до «Ласки».

— Ты наблюдательна, госпожа, — произнес он.

— Я видела это письмо, когда капитан Мышелов открывал мешок с почтой. Что в нем, Пшаури?

Тот отрицательно покачал головой:

— При всем моем уважении, госпожа, я не могу сказать. Это дело только между мною, капитаном и еще одной особой. Я не могу говорить об этом без разрешения.

— А капитан знает?

— Не думаю. Не уверен.

Сиф настроена была продолжать задавать вопросы, несмотря на явное и необъяснимое нежелание Пшаури отвечать, но тут пятеро

пришедших из лагеря поравнялись с ними, и возможность для беседы по душам была упущена. Начиная с этого момента Сиф и Пшаури чувствовали себя актерами на сцене, поскольку каждый из новоприбывших желал лично видеть чудо: металлический Куб, по собственной воле отклоняющийся от вертикали и вполне определенно указывающий направление в сторону шахты. В конце концов даже скептику Гронигеру ничего не осталось, кроме как довериться своим глазам.

— Придется поверить, — проворчал он, — хотя и не хочется.

— Да, при свете дня это трудно, — согласилась Рилл. — Ночью как-то проще.

Матушка Грам кивнула:

— Да, с колдовством всегда так.

Солнце уже показалось из-за горизонта, расстелив яркую желтую дорожку по поверхности тумана, который, как ни странно, не рассеивался.

Сиф и Пшаури принялись отвечать на вопросы о невидимых глазу пульсациях маятника.

— Он просто дрожит, — говорила женщина.

— Не знаю я, почему мне кажется, что это сигналы от капитана, — отнекивался капрал. — Просто я так чувствую, и все.

Гронигер фыркнул.

— Не могу сказать, что вполне разделяю его уверенность, — призналась Сиф. — По мне, так это просто дрожь какая-то.

Еще через две остановки они подошли к южному берегу острова. Приготовились остановиться и в третий раз, как раз у того места, где трава сменялась камнями и довольно крутой откос сбегал к узкому пляжу, на который то и дело накатывались волны прибоя. По правую руку от них откос становился все круче, пока наконец не превращался в вертикаль. Слева упрямый туман продолжал липнуть к берегу. Его плотную пелену разрывали лишь мачты кораблей, стоявших на причале в бухте Соленой Гавани.

Теперь настала очередь Пшаури держать бечеву. Казалось, он нервничает: движения его стали торопливыми, руки немного дрожали. Протянув вперед правую руку, он согнул ноги в коленях и всем корпусом подался вперед, так чтобы его правый глаз оказался на одной линии с маятником.

Сиф и Рилл опустились на колени по обе стороны маятника, чтобы не упустить ни малейшего движения. С губ женщин уже готово было сорваться восклицание, но Пшаури их опередил.

— Маятник больше не указывает на юго-во-

сток, — быстро произнес он сдавленным голосом, — но тянет прямо вниз.

Послышался выдох удивления, и Рилл подтвердила:

— Да!

Сиф тут же потребовала, чтобы Пшаури передал ей Куб для проверки, и тот безропотно подчинился, хотя и заметно нервничая при этом. Сам он встал между нею и морем. Остальные окружили ее сзади. Рилл продолжала стоять на коленях.

Через мгновение Сиф повторила:

— Все еще тянет вниз.

— Да, — произнесла Рилл. — И вибрирует.

— Так, значит, капитан Мышелов сейчас прямо под нами и не шевелится, — подал голос Скаллик.

Сиф подняла на него глаза:

— Если это он.

— Но как? — недоверчиво спросил Гронигер, тряся головой.

— Смотрите, — изменившимся голосом сказала Рилл. — Маятник снова движется.

Они переглянулись. Куб и впрямь закачался, то к шахте, то от нее, но страшно медленно, словно прилипая к воздуху на каждом сантиметре своей дуги.

В голосе Скаллика на этот раз звучало благоговение:

— Можно подумать, он там расхаживает туда и обратно. Прямо под нами.

— Наверное, он нашел подземный ход, — предположила матушка Грам.

— Сказки это все, — проворчал Гронигер.

Вдруг, без всякого предупреждения, черно-золотой Куб рванулся к морю с такой силой, что бечевка прямо-таки вылетела из руки Сиф. Она вскрикнула от боли, а маятник, со свистом рассекая воздух и таща за собой бечеву, точно комета свой хвост, пролетел мимо Рилл, едва не задев ее висок.

Но тут на пути летящего снаряда возникла ладонь распластавшегося в прыжке Пшаури. Присутствовавшие невольно зажмурились, услышав звучный шлепок, с которым металлический Куб врезался в живую плоть. Проворный капрал покатился по песку, сбитый с ног ударом, но все же успел накрыть руку другой ладонью. Когда он поднялся на ноги, его ладони были сомкнуты вместе, а бечевка маятника свисала из них, словно хвост какого-то пойманного им живого существа. Все замерли, завороженные, когда он шагнул в сторону Сиф.

Скаллик произнес почти молитвенным тоном:

— Как если бы капитан, походив туда-сюда, метнулся, словно молния, прямо к морю. И представить такое невозможно.

Гронигер только покачал головой, из последних сил стараясь сохранить остатки подвергшегося тяжкому испытанию скептицизма.

Пшаури, приподняв локти, обратился к Сиф:

— Госпожа, пожалуйста, расстегни мою сумку.

Она как раз внимательно разглядывала окровавленные подушечки большого и безымянного пальцев левой руки — камень, рванувшись, дернул бечеву так, что она сорвала кожу, — но, услышав слова Пшаури, немедленно сделала то, что он просил, стараясь, однако, не пользоваться пострадавшими пальцами.

Он опустил обе ладони в сумку, продолжая давать указания:

— Теперь обмотай бечеву вокруг пуговицы — нет, лучше пропусти ее через петлю в середине клапана. Затяни узел потуже. Хотя он больше и не дергается, но все-таки лучше привязать как следует. Я ему больше не доверяю, хотя он и сообщил нам многое.

Сиф беспрекословно выполнила все его указания, заметив:

— Я с тобой целиком согласна, капрал Пшаури. И вообще, по-моему, этот Куб отмечает вовсе не движения Мышелова под землей, ну разве что в самом начале, чтобы втянуть нас в эту затею.

Узел был затянут крепко-накрепко. Пшаури вытащил руки из сумки и зажал клапан, а потом застегнул сумку на все три пуговицы.

— Чья же сила заставляет его двигаться? — спросила, поднимаясь на ноги, Рилл.

— Локи, — ответила Сиф. — Я думаю, он хочет, чтобы мы помчались за море. Это очень на него похоже: сначала поманит надеждой, а потом начнет подкидывать сюрприз за сюрпризом, один другого чище.

С этими словами она засунула свои кровоточащие пальцы в рот и принялась слизывать кровь.

— Да, это и впрямь на него похоже, — согласилась Рилл.

— Он не такой бог, как другие, по правилам он не играет, — подала голос матушка Грам. — И злопамятный. Наверняка он-то и отправил капитана Мышелова под землю.

— А я знаю, — продолжала, не вынимая пальцев изо рта, Сиф, — как можно испортить ему всю игру и вернуть Мышелова.

— Эй, лозоходцы! — раздался звонкий окрик.

Они обернулись и увидели Афрейт, которая спешила к ним через луг, неся в руках корзину из тростника. Увидев, что ее заметили, она продолжала:

— На раскопках есть новости, которые вам полезно знать — особенно тебе, Сиф. Кстати, а где Фафхрд?

— Мы не видели его, госпожа, — отвечал Пшаури.

— А почему он должен быть здесь? — мрачно спросил Гронигер.

— Он ушел с раскопа, чтобы отдохнуть и подумать, — объяснила Афрейт, подойдя к ним и поставив корзину на траву. — Но потом Удалл и другие видели, как он взял кувшин и лампу и пошел за вами. Им, видать, заняться было нечем, вот они и провожали его глазами до тех пор, пока он не прошел полпути к вам.

— Никто из нас его не видел, — заверила ее Сиф.

— А где Гейл и Пальчики? — был следующий вопрос Афрейт. — Их кровать в палатке пуста, одежда исчезла. Я подумала, что они, наверное, опять за Фафхрдом увязались: они от него сегодня весь день не отстают.

— И их тоже мы не видали, — стояла на своем

Сиф. — А что у тебя за новость?

— Да куда же, черт побери, они подевались… — начала было Афрейт, переводя растерянный взгляд с одного на другого. Те только руками развели. — Ладно, потом, — прервала она сама себя и обратилась к Сиф: — Тебе, я думаю, понравится. Мы начали копать боковой коридор… прошли футов пятнадцать… копать там легче, чем вниз, один песок… да и подпорки легче ставить, хотя приходится еще и крышу крыть… и там мы нашли вот это.

И она протянула Сиф кинжальные ножны.

— Это от Кошачьего Когтя?

— От него самого.

— Да! — подтвердила Сиф, внимательно осмотрев находку.

— Он лежал горизонтально, узким концом к нам, — продолжала Афрейт, — как будто увяз в земле и выпал у Мышелова из-за пояса, когда того тащили спиной вперед — или он сам как-то продвигался. А может быть, он и его оставил нам как подсказку.

— Значит, он все-таки внизу, — сказал Скаллик.

— Это предположение согласуется с двумя более ранними находками — плащом и кинжалом, —

признал Гронигер.

— Как вы понимаете, я сразу решила сообщить о находке Фафхрду, — рассказывала Афрейт. — И тебе, конечно, Сиф. А что тут у вас происходит? Зачем вы пришли на берег? Неужели вы проследили его путь прямо досюда?

Теперь настала очередь Сиф посвящать Афрейт в свои умозаключения.

— Фафхрд предупреждал, что результаты могут быть неясными и двусмысленными и только находки, сделанные во время раскопок, могут их подтвердить или опровергнуть, — сказала Афрейт, выслушав рассказ подруги. — Поэтому он и настаивал на том, чтобы продолжать рыть, а также и потому, что хотел, чтобы выход наверх был открыт для Серого, если он будет возвращаться тем же путем. А насчет Локи ты вполне можешь оказаться права. Он коварный бог — кому, как не тебе, знать это, — больше всего на свете он любит разрушать и портить. Если уж на то пошло, то и Один оказался не лучше — лишил руки Фафхрда после того, как мы его столько ублажали.

Тут в беседу вмешался Пшаури:

— Госпожа Сиф, перед тем как госпожа Афрейт присоединилась к нам, ты сказала, что знаешь, как обхитрить Локи и вернуть капитана.

Сиф кивнула:

— Поскольку Куб с сажей внутри не имеет ценности и не может считаться реликвией, то, я думаю, один из нас должен подняться на вершину вулкана Черный огонь и бросить его в озеро лавы. Бог Локи вернется в свою стихию, и будем надеяться, что его гнев, направленный на Мышелова, уляжется.

— Но ведь так мы потеряем один из символов нашего острова! — запротестовал Гронигер.

— Это золото в любом случае сохранит отпечаток сущности чуждого иноземного бога, — сообщила ему матушка Грам. — Мы нашими заклинаниями никогда не сможем его очистить. Так что смело можно последовать совету Сиф. Это хорошая идея!

— Золотой символ можно отлить и освятить заново, — заметил старый Урф. — А человека заново не сделаешь.

— Мне, конечно, возразить нечего, но, по-моему, то, что предлагает Сиф, — чистое суеверие, — устало сдался Гронигер. — Все события сегодняшнего утра совсем выбили меня из колеи.

— Раз уж мы решили сделать это, то, по-моему, пойти должен ты, Пшаури, — обратилась к нему Сиф. — Ты вытащил Куб из водоворота, тебе и

бросать его в огонь.

— Если, конечно, эта проклятая штуковина позволит себя туда забросить, — заявил Скаллик. Трепет его как рукой сняло, и прежняя непочтительность проявилась со всей силой. — Швырнешь ее в озеро лавы, а она возьмет да и упорхнет куда глаза глядят.

— Уж я-то найду способ ее успокоить, не переживай, — ответил Пшаури с непривычной металлической ноткой в голосе. Он повернулся к Сиф. — Госпожа моя, от всего сердца благодарю тебя за задачу, которую ты передо мной поставила. Выловив эту проклятую вещь из воды, я обрек капитана на нынешнее испытание — теперь я это понимаю. Исправить свою ошибку — вот все, чего я хочу.

— Подождите, подождите, — перебила Афрейт. — Насчет Куба и Черного огня я согласна, — по-моему, это дельная мысль. Но для капитана Мышелова этот шаг может означать жизнь или смерть. Поэтому прежде мы должны посоветоваться с Фафхрдом — как-никак, а они знакомы всю жизнь. И хотя он оставил мне свое кольцо в знак того, что доверяет моему мнению, все же в этом деле я не рискну говорить за него. А потому я возвращаюсь к моему первому вопросу:

где Фафхрд?

— Кто это идет сюда из Соленой Гавани? — воскликнула вдруг Рилл. — Если это те, о ком я думаю, то они могут ответить на твой вопрос.

На востоке завеса тумана наконец порвалась, не выдержав натиска солнечных лучей. Все увидели две одетые в белое фигурки, пробиравшиеся сквозь клочья тумана. Поняв, что их заметили, они замахали руками и кинулись бежать. Когда они подбежали ближе, то оказалось, что глаза обеих девочек, и рыжеволосой, и серебристо-русой, чуть ли не вылезают из орбит от возбуждения.

— Тетя Афрейт! — закричала Гейл. — С нами такое приключилось! Ой, что мы сейчас расскажем!

— Потом! — властно прервала ее тетка. — Отвечайте, где Фафхрд?

— Откуда ты знаешь? — Глаза Гейл стали еще круглее от изумления. — Я хотела тебя подготовить, но раз уж ты спрашиваешь: дядя Фафхрд уплыл на небо, где его ждал арилийский облачный корабль. Наверное, он ищет помощников, чтобы вызволить дядю Мышелова.

— Хватит молоть чепуху! — вырвалось у Сиф.

— Фафхрд не умеет плавать по воздуху, — возразила Афрейт.

— Подземные ходы под морским дном! Облачные корабли Арилии! — возмутился Гронигер. — Не слишком ли у вас разыгралось воображение для такого холодного утра?

— Но так все и было, — настаивала девочка. — Тетя Афрейт, ты ведь сама видела, как дядя Фафхрд и Мара летели по воздуху, когда невидимая принцесса Хирриви вытащила их с Черного огня на своей летучей рыбе-невидимке. Пальчики видела больше меня. Пусть она рассказывает.

Илтхмарская проститутка заговорила:

— На борту «Ласки» все матросы в один голос твердили, что в гавани Льдистого острова можно увидеть самые странные корабли, включая и облачные галеоны Воздушного Королевства. И я видела, как капитан Фафхрд плыл сквозь туман к облаку, размером и формой напоминавшему такой корабль.

— Арилия всего лишь сказка, дитя мое, — ласково сказал Гронигер. — Матросы любят сочинять всякие небылицы. А Льдистый — самое заурядное место во всем Невоне.

— Но дядя Фафхрд как-то все же попал на небо, — упрямо стояла на своем Гейл. — Как — я не знаю. Может быть, принцесса Хирриви научила его летать, а он не сказал нам об этом. Он ведь

такой скромный. Но он взобрался на небо. Мы обе это видели.

— Ну хорошо, хорошо, — сдалась Сиф. — Расскажите все с самого начала.

— Но прежде выпейте вина, успокойтесь и погрейтесь, — перебила Афрейт. — Вы и так столько времени провели на холоде, что это может войти в легенду.

С этими словами она открыла свою корзину, вынула из нее флягу крепленого красного вина и две кружки, наполнила их вином до половины и заставила девчонок выпить до дна. Глядя на них, остальным тоже захотелось.

Гейл сказала:

— Пусть Пальчики начинает. Сначала я спала.

Пальчики заговорила:

— Капитан Фафхрд вернулся с раскопок после того, как все ушли. Он выпил вздрога и бренди и начал мерить шагами палатку, хмуря брови и потирая лоб, точно решал сложную задачу. Он был взволнован и опечален. Наконец он схватил кувшин, повесил лампу на крюк и пошел за вами. Я разбудила Гейл и сказала, что, по-моему, за ним нужно приглядеть.

— Правильно, — перехватила инициативу та. — Поэтому мы вылезли из постели, подбежали

к огню и там оделись.

— Ну тогда все ясно, — вставила Афрейт.

— Что ясно? — не понял Пшаури.

— Ясно, почему Удалл так долго не спускал глаз с Фафхрда. Продолжай, дорогая.

— Дядю Фафхрда трудно было потерять из виду — из-за лампы. Поэтому сначала мы держались позади, чтобы он нас не заметил.

— Боялись, что он отправит вас обратно? — предположила Сиф.

— Да. Первое время он шел за вами, но потом вы свернули на юг, а он продолжал шагать на восток. Стало уже почти совсем светло, хотя солнца еще не было видно. То и дело он останавливался и то вглядывался в туман, из которого выступали только коньки крыш, то поднимал голову вверх, вглядываясь в чистое небо и поднимая руку над головой, точно призывая на помощь богов. Тут-то я и заметила маленькую флотилию облаков…

— Какую руку он поднимал — ту, что держала кувшин? — спросила Афрейт.

— Наверное, — отозвалась девочка. — Я не помню.

— А потом дядя Фафхрд побежал: его шаги становились все длиннее и длиннее, и наконец он уже не бежал, а парил. Тут и мы тоже побежали.

Теперь мы бежали в густом тумане, который одновременно и задерживал Фафхрда, и приподнимал его, помогая удлинять шаг.

Туман поднялся над нашими головами, и мы потеряли его из виду. Мы добежали до Лунной Арки, и Пальчики взобралась на нее прежде, чем я успела ей сказать, что это запрещено. Она оказалась над туманом и рассказывала мне обо всем, что происходит…

С этими словами Гейл указала на Пальчики, которая и продолжила рассказ:

— В самом деле, господа, я видела, как капитан Фафхрд плыл сквозь туман, вверх по его пологому склону, где довольно далеко от него находилась цель его плавания… Я знаю, что глаза легко видят то, чего нет на самом деле, а голова моя была полна матросских сказок, и все же, даю слово начинающей ведьмы, — на вершине холма стояло плотное облако, формой и размером удивительно похожее на белый корабль с высокой кормой. Солнечные лучи так играли на его серебряных снастях, что глаза резало.

Потом от солнечных бликов у меня закружилась голова, и я перестала отчетливо видеть. Кое-что из этого я пересказала Гейл сразу, а остальное — когда спустилась.

Гейл снова перехватила инициативу:

— Мы пробежали через Соленую Гавань к восточному мысу. Туман заметно поредел, но видно все равно было плохо. Когда мы добрались туда, Мальстрём бурлил и над ним поднималась дымка. Но наверху все было чисто, и я отчетливо видела дядю Фафхрда, как он плыл высоко в небе, рядом с большим облаком-кораблем, от которого теперь был виден лишь один киль. Вокруг него кружили пять чаек. И тут все заслонила поднявшаяся снизу дымка. Я подумала, что нужно рассказать обо всем тебе, тетя Афрейт. Но поскольку мы все равно шли в сторону раскопок и встретили тетю Сиф, то решили все рассказать сначала ей.

Пальчики добавила:

— Господа, я видела то же самое, что и она. Но капитан Фафхрд был в тот момент очень далеко от нас. Мы могли принять за него большую морскую птицу — альбатроса в сопровождении пяти морских ястребов.

Слушатели переглянулись.

— Похоже на правду, — тихо произнесла Афрейт. — Фафхрд показался мне очень угнетенным, когда я в последний раз видела его в шахте.

— Ты веришь тому, что тут наплели эти девчон-

ки? — недоверчиво переспросил Гронигер.

— Да уж конечно верит, — ответила за нее мамаша Грам.

— Но какой смысл просить жителей воздуха помочь найти того, кто провалился под землю? — недоумевал Скаллик.

— Отчаяние способно толкнуть человека на самые странные поступки, — сказала Рилл.

— Но как же быть с Мышеловом? — обратилась Сиф к Афрейт. — Как доверенное лицо Фафхрда, что ты скажешь о моем плане послать Пшаури к вулкану?

— Пусть идет, и удачи ему в пути. И пусть Локи успокоится навеки, — не колеблясь отвечала та. — Вот тебе еда на дорогу, капрал.

Она передала ему кусок хлеба, узкую твердую колбаску и полупустую флягу с вином.

Окинув собравшихся быстрым цепким взглядом, чтобы убедиться, что никто не подслушивает, Пшаури тихо попросил Афрейт:

— Госпожа, не согласишься ли ты, вдобавок ко всем твоим щедротам, оказать мне еще одну любезность? — Она кивнула, и он передал ей лист бумаги, на котором было что-то написано фиолетовыми чернилами. По-видимому, это было письмо, поскольку на нем еще сохранились

остатки зеленой восковой печати. — Сохрани это до моего возвращения. А если я не вернусь, что вполне возможно, передай это капитану Фафхрду, если он вернется. Или прочти сама — и покажи госпоже Сиф, если сочтешь нужным.

— Я сделаю, как ты просишь, — ответила она тихо и тут же обычным своим голосом продолжала: — Сиф, дорогая, не могла бы ты заменить меня и Фафхрда на раскопе? Я дам тебе его кольцо.

— Ну конечно, — немедленно согласилась та, отворачиваясь от матушки Грам, с которой оживленно о чем-то совещалась.

— Теперь пришла моя очередь подумать, а заодно и уложить спать этих двух непоседливых девчонок, поскольку они совершенно измотались. Я отведу их к тебе, Сиф, и устрою там. Скама, спаси меня от отчаяния, если только не будет в твоей воле послать под видом отчаяния вдохновение, — закончила свою мысль Афрейт.

Без долгих церемоний компания разделилась на три группы, и все разошлись в разные стороны: Пшаури двинулся на север, туда, где над горизонтом поднимался столб черного дыма; Сиф, Скаллик и Рилл вернулись на раскоп; Афрейт, Гронигер, два старика и две девочки направились в Соленую Гавань.

Плетясь в хвосте последней группы, Пальчики, которая после слов Афрейт действительно почувствовала чудовищную усталость, вдруг произнесла громко и четко, но совершенно бессознательно, как человек, разговаривающий во сне:

Когда съест твое сердце пес,
Печень сожрет кот,
Пенис утащит еж,
Крепко тогда уснешь,
Дороги назад не найдешь.

— Ну и стишки же у тебя! — возмутилась Гейл. — О ком это ты? — поинтересовалась она, наморщив носик.

Афрейт спросила:

— Что это за стихотворение, дорогая? Кто тебя ему научил?

По-прежнему слегка нараспев, словно зачарованная, девочка произнесла:

— Это третья строфа квармаллийского заклятия смерти, имеющего силу, лишь если его прочитать полностью. — Тут она встрепенулась, несколько раз часто моргнула и словно бы пришла в себя. — Откуда же я его знаю? — спросила она сама себя. — Моя мать родилась в Квармалле,

это правда, но мы никогда никому об этом не рассказывали.

— И все же она научила тебя этому заклинанию, — с нажимом произнесла Афрейт.

Пальчики отрицательно покачала головой:

— Моя мать не пользовалась заклинанием смерти и меня никогда ему не учила. Она — Белая ведьма, и это чистая правда. — Она озадаченно посмотрела на Гронигера, потом подняла недоумевающий взгляд на Афрейт. — Почему память куда-то ускользает, когда нужно получить точный ответ на какой-то вопрос? Это потому, что люди не могут жить вечно?

19

Когда сознание в очередной раз сначала забрезжило, замигало, а потом, вспыхнув, разгорелось ровным ярким пламенем в его усталом мозгу, Мышелов мог бы поклясться, что спит и видит сон, в котором он находится в одной из самых укромных и труднодоступных комнат всего Ланкмара — хорошо ему памятной, хотя он и бывал здесь всего раз в жизни, а ноздри его наполнены характерной для Ланкмара смесью, сочетающей свежесть влажной вспаханной земли, затхлую

вонь болота, доносящуюся с Великой Соленой топи, горьковатый дым множества очагов и душные испарения тел бесчисленных людей и животных. Неужели, будучи без сознания, он одолел две тысячи миль, одну десятую пути вокруг всего Невона? Невероятно, но, с другой стороны, никогда еще не доводилось ему видеть такого подробного и отчетливого сна.

Однако, как известно, Мышелов привык, просыпаясь, не обнаруживать своего присутствия сразу, пока ему не станут окончательно ясны все обстоятельства и его место среди них.

Он сидел, удобно скрестив ноги, на расстоянии одного ланкмарского кубита (длина одного локтя) от низенького столика в изножье широкой кровати, накрытой покрывалом из белого шелка удивительно грубого плетения, в подземной комнате, сочетавшей функции спальни и будуара крысиной принцессы Хисвет, дочери богатого торговца зерном Хисвина, обитавшего в тщательно укрытом от посторонних глаз Нижнем Ланкмаре. Одно время Мышелов даже числился возлюбленным Хисвет — одной из самых жестоких и требовательных особ, что встречались ему в жизни. Он узнал эту комнату по множеству серебряных украшений, по бледно-фиолетовым

драпировкам, а также по двум картинам, подобных которым ему не доводилось видеть нигде более: на одной из них обнаженную девственницу сжимал в страстных объятиях крокодил, на другой не менее бесстыдно переплелись тела юноши и самки леопарда. Как и пять лет тому назад, комната освещалась стоявшими вдоль стен прозрачными емкостями с фосфоресцирующими червями, но теперь к ним прибавились еще и клетки со сверкающими огненными жуками, подвешенные под потолком; были там также и светящиеся осы, и ночные пчелы, и бриллиантовые мухи размером с воробья. Прямо перед ним на низеньком столике стояли водяные часы с чашей для стока воды; на каждый третий вздох, или двенадцатый удар сердца, в нее падала капля, от которой по гладкой водной поверхности расходились круги. Рядом стоял хрустальный графин с золотистым вином: при виде его Мышелову мучительно захотелось пить.

Так в подробностях выглядел его сон или видение, или что там еще это было. Из действующих лиц была, прежде всего, сама Хисвет, облаченная в фиолетовое платье того же оттенка, что и драпировки на стенах и ее губы. Она сидела на кровати, веселая как птичка, беззаботная, словно

школьница, и, как всегда, чертовски привлекательная. В некотором отдалении от нее стояли две босоногие горничные, одетые в облегающие платьица, черное и белое, такие короткие, что еле прикрывали их попки. Хисвет что-то объясняла им, какие-то правила поведения по-видимому, а они почтительно внимали ей, каждая на свой лад: брюнетка энергично кивала, улыбалась, взгляд ее выражал глубокое проникновение в самую суть распоряжений хозяйки, в то время как блондинка оставалась серьезной и слушала, широко раскрыв глаза и почти не дыша, точно стремилась не только уловить каждое слово Хисвет, но и запечатлеть его в каком-то потайном уголке памяти, отведенном специально для этой цели.

Но хотя фиолетовые губы и пятнистый розово-голубой язык Хисвет беспрестанно двигались, а правая рука с вытянутым указательным пальцем то и дело поднималась и опускалась, отмечая особенно важные моменты речи, Серый Мышелов не слышал ни единого слова. Присутствующие, по-видимому, не видели его: даже дерзкий взгляд темноволосой девицы, шаривший по всем углам комнаты, не остановился на нем ни разу.

А поскольку обе горничные в своих коротень-

ких платьицах были не менее привлекательны, чем их обворожительная хозяйка, то Мышелову стало даже обидно, что его не замечают.

Делать ему было нечего, и он начал представлять их голыми. Зная Хисвет, он был уверен, что скоро ему представится возможность сравнить картинку, нарисованную воображением, с реальностью: синегубая очаровательница имела обыкновение осыпать милостями через посредниц.

Сама же она все еще оставалась загадкой для Мышелова — он не знал, что скрывается за всеми этими накидками, платьями и кольчугами, которые она обычно носила: нормальное женское тело или четыре пары грудей, маленькие, как у девочки-подростка, с острыми сосками, расположенные попарно, две нижние сразу над лобком.

Не знал он и того, какого размера были сейчас все три женщины и он сам: крысиного — десять дюймов, или человеческого — пять футов. Он, конечно, не пил эликсир роста, который использовался обитателями Верхнего Ланкмара при спуске в Нижний и наоборот.

Мышелов ощутил прилив желания. Разве не заслужил он хоть капельку удовольствия после всех испытаний, что выпали на его долю под

землей? Женщинам же ничего не стоит сделать мужчину счастливым.

Однако он по-прежнему не слышал ни единого слова из их разговора.

Либо они разыгрывают пантомиму (задуманную Хисвет с целью подразнить его?), либо он все-таки спит и видит сон (хотя и очень похожий на реальность), либо их разделяет звуконепроницаемый барьер (магического происхождения, скорее всего).

В пользу этой возможности говорило то, что, хотя ему было хорошо видно, как огромные светящиеся насекомые движутся в своих клетках и задевают крыльями и лапками за тонкие серебряные прутья, ни жужжание, ни басовитое гудение не достигали его слуха; также беззвучно падали в чашу редкие, но крупные капли из стоявших поблизости водяных часов — факт, который Мышелов счел наиболее существенным в данных обстоятельствах.

И еще одно удивительное явление, вполне сочетавшееся с неправдоподобным реализмом и безмолвием разворачивавшейся у него перед глазами сцены, наводило на мысль о колдовстве: несколько над краем стола украшенной кольцами рукояткой вверх висел небольшой, всего в

кубит длиной, суживающийся к концу хлыст из кожи снежной змеи. До него было буквально рукой подать, и Мышелов отчетливо видел каждую морщинку на его коже, но не мог разглядеть ни бечевки, ни тончайшей ниточки, поддерживавшей хлыст в воздухе.

«Что ж, сцена ясна», — сказал он себе. Осталось только решить, как из зрителя превратиться в одно из действующих лиц. Лучше всего будет чуть податься вперед, обхватить тремя пальцами правой руки горлышко графина, большим и указательным снять пробку и, прежде чем опрокинуть его содержимое в свою пересохшую глотку, небрежно произнести что-то вроде: «Приветствую тебя, дражайшая демуазель, и нижайше прошу прервать увлекательную игру, чтобы уделить немного внимания старинному приятелю. Не пугайтесь, девочки». Последняя фраза предназначена, разумеется, горничным.

Что ж, сказано — сделано!

Но, увы, с самого начала все пошло наперекосяк. При первой же попытке пошевелиться он почувствовал себя так, словно его только что разбил паралич. Все тело ныло и болело, точно он с ног до головы был покрыт синяками, правая рука горела огнем, темно-коричневые земляные

стены внезапно надвинулись со всех сторон, а его «Приветствую» превратилось в придушенный вой, от которого у него чуть не лопнули барабанные перепонки, дико заболела голова, а рот в мгновение ока наполнился землей, вызвавшей грозивший удушьем приступ кашля.

Так, значит, его погребение заживо продолжается: с того самого момента, когда он внезапно провалился под землю на вершине холма на Льдистом острове в разгар церемонии полнолуния, и до сих пор податливая земляная тюрьма удерживает его, становясь твердой как скала при малейшей попытке вырваться. На этот раз внезапно открывшаяся у него сверхъестественная способность видеть сквозь землю обманула его: представшая его взору картина была столь отчетлива, что, вопреки свидетельствам прочих органов чувств, он вообразил себя свободным. Очевидно, пока он был без сознания, какая-то сила привела его таинственными подземными путями в Ланкмар, так что теперь ему ничего не оставалось, кроме как отдышаться, унять сердцебиение и осторожными движениями языка освободить рот от набившейся в него грязи, — и все это лишь для того, чтобы просто остаться в живых. Теперь, когда гудение в голове понемногу

утихло, слабость и помутнение сознания дали ему понять, что он слишком близко подошел к опасной грани, отделяющей бытие от небытия, и придется изрядно постараться, чтобы уйти от нее подальше.

Справиться с неприятными и опасными последствиями ошибки Мышелову помогло то, что бело-фиолетовая картинка у него перед глазами никуда не исчезла, хотя то и дело фрагменты шершавой земляной стены заслоняли ее; желтоватое сияние, исходящее от верхней половины его лица, помогло не потерять эту реальность из виду.

Восстановив утраченное было чувство относительного комфорта и безопасности, он удивился, увидев, что прекрасная Хисвет все еще продолжает говорить, а очаровательные горничные — слушать, по-прежнему внимая каждому ее слову, будто стремясь запечатлеть его в своей памяти навеки. О чем же можно так долго говорить?

Не забывая дышать неглубоко и медленно, он сконцентрировал все внимание на других органах чувств и, напрягая все силы, попытался обострить восприятие. Его усилия довольно скоро были вознаграждены.

Следующая упавшая в чашу капля издала тихий, но отчетливый звук: хлюп!

Он едва удержался, чтобы не вздрогнуть.

И тут же до него донеслось пронзительное вз-з-з-з светящейся осы, задевавшей прозрачными крыльями за тонкие прутья клетки.

Хисвет откинулась назад, уперевшись локтями в постель, и серебристо прожурчала:

— Девочки, вольно!

Их внимание ослабло, правда лишь самую малость.

Она слегка похлопала пальцами по очаровательно округлившимся губкам, словно подавляя зевок.

— Бог ты мой, какая длинная и скучная получилась лекция, — посетовала она. — Но ты самым похвальным образом выслушала ее до конца, дорогуша Троечка, — обратилась она к темноволосой горничной. — И ты тоже, Четверочка, — к светловолосой. Взяв лежавшую рядом с ней на покрывале длинную шпильку с изумрудной головкой и повертев ее игриво в пальцах, она заметила: — Мне даже не пришлось прибегать к этому средству, чтобы разбудить ленивую мечтательницу или вернуть бог знает куда забредшие мысли.

Губы обеих девушек сложились в подобающую случаю улыбку, однако взгляд, брошенный на

булавку, был довольно кислым.

Хисвет передала воспитательное орудие Четверочке, которая торжественно отнесла его в дальний угол помещения, к задрапированному сундуку со стоявшим на нем зеркалом. Среди выставленных на его крышке многочисленных баночек и бутылочек с разнообразными кремами и притираниями и шкатулок с драгоценностями была и черная овальная подушечка, из которой торчало множество подобных шпилек; их украшенные драгоценными камнями головки переливались всеми цветами радуги.

Тем временем Хисвет заговорила с Троечкой, которая немедленно вся обратилась в слух.

— Пока я говорила, у меня дважды возникало ощущение, будто за нами следят: то ли злобный разум, полный преступных замыслов и планов, — из тех, с кем имеет дело мой отец, — то ли наш враг, например какой-нибудь отверженный любовник. — Она обвела стены внимательным взглядом, слишком долго, как показалось Мышелову, задержавшись на том месте, где скрывался он. — Я должна подумать, — объявила она. — Дорогая Троечка, принеси выложенную серебром фигуру из черного опала, изображающую Невон, которую я называю Открывателем Пути.

Та послушно кивнула и направилась к тому же столу, от которого только что отошла Четверочка, разминувшись с ней на середине комнаты.

— Четверочка, дорогуша, — обратилась к ней Хисвет, — принеси мне стакан вина. У меня горло пересохло от глупых разговоров.

Горничная склонила белокурую головку и направилась к тому самому столику, позади которого, невидимый для них, находился в земляной толще Мышелов. Пока она, аккуратно вытащив пробку из графина, наполняла сверкающей жидкостью бокал, такой высокий и узкий, что он больше напоминал пробирку, Мышелов с удовольствием разглядывал ее. Белое платьице было застегнуто спереди на целый ряд больших круглых пуговиц из сверкающего черного янтаря.

Вернувшись к хозяйке, она, не сгибая спины, опустилась на колени и протянула ей освежающий напиток.

— Попробуй сначала сама, — приказала Хисвет.

Ланкмарские аристократы нередко отдавали слугам подобные распоряжения, поэтому Четверка ничуть не удивилась, а, запрокинув голову, влила струю золотистой жидкости между раскрытыми губами, не касаясь края бокала. Затем

вновь протянула его хозяйке — на этот раз уровень вина в нем стал заметно ниже.

Хисвет приняла напиток со словами:

— Хорошо исполнено, Четверочка. В следующий раз не жди моего распоряжения — действуй сама. И можешь облизнуть губы в знак удовольствия.

Белокурая копна девушки нырнула и приподнялась в поклоне, точно поплавок на волне.

— Дражайшая демуазель, — донесся от туалетного столика голос Троечки, — я не могу найти Открыватель.

— Хорошо ли ты искала? — отозвалась Хисвет. В голосе ее прозвучала нотка недовольства. — Это продолговатая сфера в два больших пальца длиной, континенты выложены на ней серебром, города обозначены плоскими бриллиантами, а крупный аметист и бирюза отмечают Полюсы Смерти и Жизни.

— Дражайшая демуазель, мне знаком Открыватель, — почтительно ответила Троечка.

Хисвет, чей взгляд вновь вернулся к Четверочке, пожала плечами и, поднеся узкий бокал к губам, осушила его тремя глотками.

— Освежает. — И снова прижала пальцы к губам.

Скребущий звук привлек ее внимание к туалетному столу.

— Нет, не открывай другие ящики, — распорядилась она. — Там его нет. Поищи как следует в верхнем и найди его. Если нужно, выложи предмет за предметом все содержимое ящика.

— Да, демуазель.

Хисвет снова поймала взгляд Четверки, потом покосилась на озабоченно роющуюся в ящике Троечку, дернула плечиком и доверительно произнесла:

— Было бы очень неприятно потерять Открыватель, в высшей степени неприятно. Нет, дитя мое, не кивай. Троечке это идет, а тебе нет. Склони голову один раз, медленно, и скромно потупь глаза — вот так.

— Да, госпожа.

Плавный наклон головы был скромен, как у принцессы-девственницы.

— Как дела, Троечка?

Брюнетка обернулась на зов. Голос ее был едва слышен:

— Демуазель, я вынуждена признать свое поражение.

Выдержав долгую паузу, Хисвет задумчиво произнесла:

— Боюсь, дорогая Троечка, у тебя могут быть неприятности. Как старшая из горничных, ты несешь ответственность за всякого рода пропажи, недостачи и воровство. Не забывай об этом. — Помолчав еще немного, она вздохнула и, протянув пустой бокал другой горничной, добавила: — Четверочка, принеси мне упругое орудие воспитания.

Блондинка вновь скромно потупила голову, взяла бокал и, двигаясь намного резвее, чем раньше, вернулась к столику, поставила на него стакан, наполнила и потянулась за неведомо каким чудом державшимся в воздухе хлыстом. Тут-то его загадка и разрешилась: судя по легкому повороту кисти, с которым девушка взяла хлыст, он просто висел на небольшом крючке, остававшемся невидимым для Мышелова, так как был вбит в невидимую же стену.

События принимали интересный оборот, и он, наблюдая за происходящим из своего тайного укрытия, почувствовал истинную благодарность женщинам за то, что они отвлекали его от мыслей о собственной невеселой участи. Не первый день зная Хисвет, он мог с известной точностью предсказать, что будет дальше. Похоже, что темноволосой Троечке предстояло стать козлом

отпущения и жертвой узкой кожаной полоски. Мрачно нависая над пестревшим украшениями туалетным столиком в своем черном платье, она походила бы на птицу дурных предзнаменований, если бы не большие белые пуговицы спереди, придававшие сцене оттенок комизма. Четверка снова нырнула перед госпожой на колени. Хисвет приняла у нее хлыст и бокал, милостиво бросив:

— Спасибо, милая. Вооруженная тем и другим, я чувствую себя намного лучше. Ну как, Троечка?

— Я подумала, демуазель, — подала голос та, — и вспомнила, что когда я вошла в комнату, то застала здесь Четверку: она скорчилась у стола и искала что-то как раз в том ящике, где обычно лежит Открыватель. Увидев меня, она тут же захлопнула ящик. Но теперь я понимаю, что она вполне могла успеть вытащить что-нибудь оттуда и спрятать на себе.

— Демуазель, не верь ей! — бледнея, запротестовала Четверка. — Я не открывала ящик, я и близко к нему не подходила!

— Она отъявленная лгунья, госпожа, — возразила Тройка в ответ. — Посмотри, как она покраснела!

— Тише, девочки! — скомандовала Хисвет. —

Я знаю, как нам разрешить этот недостойный спор. Троечка, дорогая, как по-твоему, могла ли Четверочка спрятать Открыватель где-либо еще? Помнится, я вошла сразу вслед за тобой.

— Нет, госпожа, не могла.

— Ну что же, — продолжала Хисвет с улыбкой. — Троечка, поди сюда. Четверочка, сними платье, чтобы мы могли как следует обыскать тебя.

— Демуазель! — взмолилась та. — Не подвергай меня такому унижению.

— О каком унижении ты говоришь? — спросила Хисвет, удивленно изогнув серебристую бровь. — А если я буду развлекать любовника, разве не могу я приказать вам с Троечкой раздеться, чтобы не смущать его? Скорее всего, именно так я и поступлю, а может, даже прикажу вам принять участие в наших забавах — под моим руководством, конечно. Фрикс хорошо понимала такие вещи, и, надеюсь, Троечка тоже понимает. Фрикс была несравненна. Даже Двоечка ей не чета. Но, как вам известно, Фрикс сумела сократить срок своей службы у меня и избавиться от заклятий, наложенных моим отцом. С тех пор у меня не было ни одной Единички и вряд ли когда-нибудь будет.

Обе горничные согласно кивнули, каждая на свой манер, хотя и несколько мрачновато. Они уже успели до одури наслушаться про неподражаемую Единицу.

Мышелову становилось все интереснее и интереснее. Нет, вы только посмотрите, спектакль лишь успел начаться, а Хисвет уже успела поменять действующих лиц ролями! Он пожалел, что Фафхрда нет рядом, ему бы понравилась история про Фрикс. Он был без ума от принцессы Арилии, особенно в то время, когда она была горничной-рабыней Хисвет. Хотя вряд ли ему пришлось бы по вкусу сидеть по маковку в земле. Слишком уж он велик, чтобы выжить, выцеживая из окружающей почвы драгоценные крупицы воздуха уголками рта. Кстати, не следует забывать о правильном дыхании и об осторожности — в любую минуту может нагрянуть какая-нибудь опасность из Верхнего или Нижнего мира. Впору пожалеть, что на затылке нет глаз!

А Хисвет между тем продолжала:

— Так что не мели чепухи, деточка, и раздевайся!

Четверка продолжала упираться:

— Пожалей меня, демуазель! Раздеться для любовной игры — это одно. Но раздеться для того,

чтобы тебя обыскивала другая служанка, — о нет, это слишком унизительно! Я этого не перенесу!

Хисвет спрыгнула с кровати.

— Хватит испытывать мое терпение, маленькая лицемерная сучка! Кто ты такая, чтобы рассуждать о том, что ты вынесешь, а чего не вынесешь! Здесь я решаю, что тебе прятать, а что выставлять на показ! Троечка, держи ее руки! Если будет сопротивляться, свяжи их у нее за спиной.

Темноволосая горничная уже была за спиной товарки: повинуясь приказу хозяйки — впрочем, не без видимого удовольствия, — она плотно прижала к бокам локти второй горничной. Хисвет протянула правую руку и, взяв девушку за подбородок, подняла ее голову так, чтобы их глаза оказались на одном уровне, и только после этого принялась не спеша расстегивать пуговицы на ее платье.

— Я подчинилась бы твоему приказу, демуазель, даже и со свободными руками, — со всем доступным ей достоинством заявила Четверка.

На что Хисвет очень решительно возразила:

— Ты просто глупая школьница, дорогуша, которой еще учиться и учиться, вот я и хочу преподать тебе урок. Ты подчинилась бы мне? А моей горничной, поступающей по моему указанию,

нет? Прежде всего запомни, Троечка не ровня тебе, она старше тебя по рангу и имеет право наставлять тебя в мое отсутствие.

Все это время она продолжала расстегивать пуговицы, стараясь побольнее надавить костяшками пальцев или поглубже воткнуть твердый край пуговицы в нежную плоть девушки. Когда третья сверху пуговица поддалась, маленькие упругие груди с нежно-розовыми сосками показались наружу. Хисвет продолжала:

— Но на этот раз ты все же добилась своего, не так ли, Четверочка? Раздеваю тебя я, а не Троечка, хотя она и присутствует при этом. Фактически я выступаю сейчас в качестве твоей горничной — тебе по вкусу такой перевертыш? Обслуживают тебя по-королевски, но я сильно сомневаюсь, что тебе это доставит удовольствие. — Покончив с пуговицами, она окинула девушку с ног до головы внимательным взглядом и, шлепнув тыльной стороной ладони сначала по одной ее груди, потом по другой, ухмыльнулась. — До сих пор все шло не так уж плохо, правда, дорогуша? Троечка, твоя очередь.

Расплывшись в не предвещавшей ничего хорошего для бедной Четверочки улыбке, та сорвала с нее платье и отшвырнула его в сторону.

— О, как ты зарделась, милочка, — отметила Хисвет с неприятной усмешкой. — На улице Шлюх эта способность, как я слышала, в цене. Сначала как следует обыщи одежду, — обратилась она к другой горничной. — Прощупай как следует все швы и подол. Быть может, она стащила и спрятала там какую-нибудь мелочь. А ты, дитя мое, приготовься к тому, что старшая горничная обыщет тебя с головы до ног, а я буду при сем присутствовать. — Вооружившись лежавшим на кровати хлыстом, серебряную рукоятку которого она использовала в качестве указки, Хисвет продолжала отдавать распоряжения: — Разведи руки в стороны. Поставь ноги пошире. Еще шире. Вот так.

Мышелов обратил внимание, что все до единого волоски на теле горничной были либо сбриты, либо выщипаны, — мода, введенная Глипкерио Безмозглым, верховным правителем Душегубов. Что ж, обычай вполне подобающий и приятный, подумал он.

— Ну как, есть что-нибудь в платье? Нет? Тогда начинай обыск с волос. Наклонись вперед, деточка! Медленно и тщательно, Троечка. Прическа у нее короткая, конечно, но и в самых коротких волосах можно спрятать удивительно много. И

не забудь про уши. Нас ведь интересуют мелкие предметы, помнишь?

Хисвет зевнула и сделала большой глоток вина. Четверочка, пользуясь моментом, метнула на свою непосредственную мучительницу исполненный ненависти взгляд. Есть что-то особенно унизительное в том, когда человека тянут за уши, оттопыривая их то в одну, то в другую сторону. Но Тройка, вымуштрованная хозяйкой, только мило улыбнулась в ответ.

— А теперь загляни ей в рот, — последовало новое распоряжение Хисвет. — Открывай шире, Четверочка, представь, что ты пришла к цирюльнику рвать зуб. Посмотри у нее за щеками, Троечка. Вряд ли Четверочка играет с нами в маленькую белочку, но все же, кто знает… А теперь… Ну же, Троечка, ты же знаешь, что делать? Я ведь, кажется, ясно сказала — обыщи ее с головы до ног, не так ли? Можешь смазать пальцы моим кремом. Но не слишком щедро, его делают из масла, которым умащают тело самого Императора Востока. Ну-ну, не изображай из себя страдалицу, Четверочка! Представь, что это любовник исследует твое тело ловкими пальцами, выражая тем самым пыл и нетерпение страсти. У тебя ведь есть любовник, Четверочка? Кто он,

а? Постой-ка, помнится, красивый юный паж Хари заглядывался на тебя. Интересно, что бы он сказал, увидев, чем мы тут занимаемся? Забавно. Может, позвать его? Ну вот, полдела сделано. А теперь, Троечка, займись исследованием другой долины наслаждений или, скорее, узкого ущелья. Нагнись, Четверочка. Не так грубо, Троечка. Сдается мне, что для нашей юной ученицы это совсем новая тема, хотя наставница уже в совершенстве овладела этой наукой. Возможно ли это? Что такое, Четверочка, ты плачешь? Крепись, дитя мое! Твоя вина еще не доказана, более того, у тебя есть шансы оправдаться. Жизнь полна сюрпризов.

Пользуясь тем, что его не видно, Мышелов цинично улыбнулся. По опыту он знал, что Хисвет — большая мастерица по части неприятных сюрпризов. От удовольствия он почти забыл о тяготах собственного положения. Всю свою жизнь любил он вот таких миниатюрных, хрупких женщин. Ему вспомнилась Черная Лилия, его возлюбленная тех времен, когда он занимался вымогательством для Пульга, а Фафхрд уверовал в Иссека. Рита, бывшая рабыня Глипкерио. Ививис из Квармалла, гибкая, как змея. Чистая, трагическая Иврианa, чьим аристократическим амбициям он потакал. Сиф, разумеется. Ивлис

Овартоморис тоже не раз согревала его постель. Итого семь, включая Хисвет. Да, и еще одна, тоже горничная, — он не мог вспомнить ни ее лица, ни имени, но помнил, что в свое время она была особенно желанна, потому что долго оставалась недоступной. Да кто же это был? Ну хоть маленькую зацепочку, тогда бы он вспомнил! С ума сойти можно! Разумеется, доводилось ему любить и более крупных женщин, но это ускользающее воспоминание заставляло его думать только о тех, что были ниже его ростом. Этакая коллекция дорогих его сердцу малышек. Казалось бы, в собственной могиле (надо смотреть правде в глаза, так оно и есть) человек может позволить себе думать о чем угодно, так нет же, даже здесь постоянно что-то отвлекает: нужно заботиться о дыхании, отплевывать грязь, не забывать следить за тем, что происходит впереди и сзади, — прямо как Четверочка, подумалось вдруг ему, хотя ей, бедняжке, это мало помогло. Воспоминание о ней вернуло его к реальности, и он снова обратился к разыгрываемой перед ним сцене.

Хисвет повернулась к пострадавшей:

— А теперь, Четверочка, отойди подальше и встань лицом к стене, пока я буду совещаться с Троечкой. И перестань распускать нюни! Возьми

свое платье и оботри лицо.

Хисвет подвела Троечку к изголовью кровати, поставила пустой бокал на столик и заговорила так тихо, что Мышелов, даже несмотря на сверхъестественный слух, еле-еле мог разобрать слова:

— Как я понимаю, ты не нашла ни Открывателя, ни чего-либо еще?

— Нет, дражайшая демуазель, я ничего не обнаружила, — ответила темноволосая горничная, а затем почти сценическим шепотом продолжала: — Я уверена, что она его проглотила. Я предлагаю дать ей сильного слабительного, а если не поможет, то и рвотного. А можно и то и другое разом, для экономии времени.

Последние слова товарки достигли слуха Четверочки — это было видно по тому, как она, точно в ознобе, свела плечи.

Хисвет отрицательно покачала головой и продолжала так же тихо, как и прежде:

— Думаю, не стоит, хотя при других обстоятельствах это было бы забавно. Пока же пусть думает, что все обвинения в воровстве с нее сняты. — Она обернулась и произнесла: — Поздравляю, Четверочка, твоя коллега полностью тебя оправдала! Разве это не чудесно! Ну а теперь иди же сюда скорее. Нет, не надевай платье. Брось эту тряпку. Тебе

нужно потренироваться прислуживать голой — ты должна научиться делать это так же хорошо, спокойно и изящно, как в одежде. Кроме того, есть вещи, которые лучше всего удаются в костюме от матушки-природы. Сейчас и начнешь. — С этими словами дама в фиолетовом платье зевнула и потянулась. — Как меня разморило. Четверочка, твой новый срок службы у меня (шутка, дорогая) начнется с того, что ты принесешь мне большую подушку с изголовья кровати.

Та принесла большую лимонно-желтую подушку и встала, держа ее на вытянутых руках, в ожидании дальнейших распоряжений. Хисвет указала хлыстом на угол кровати и, после того как девушка опустила туда свою ношу, улеглась, передав хлыст в руки горничной:

— Подержи. — Устроившись поуютнее, она приподнялась на локте и, кивнув Троечке, сказала, показывая другой рукой на ковер у кровати: — Троечка, поди сюда. Я хочу кое-что тебе показать.

Когда темноволосая горничная, сгорая от любопытства, приблизилась, Хисвет вновь опустила увенчанную короной серебряных волос голову на подушку, составлявшую выгодный контраст с ее темным платьем, и произнесла:

— Наклонись поближе. Пусть это будет нашей тайной. Четверочка, стань подальше.

Но стоило только Троечке нагнуться, как Хисвет тут же начала придираться:

— Не сгибай колени! Не висни надо мной, как обезьяна. Держи ноги прямо!

Горничной удалось выполнить требования хозяйки, не потеряв при этом равновесия, только сильно прогнувшись в пояснице, отставив зад и вытянув назад прямые руки.

— Но, демуазель, — робко начала горничная, — когда я наклоняюсь, мое короткое платье задирается так, что сзади все видно. А ведь белье носить ты запретила.

Хисвет улыбнулась.

— Совершенно верно, — был ее ответ, — и такой фасон платья придумала тоже я, для того чтобы горничная, понадобись ей поднять что-нибудь с пола, не наклонялась, как крестьянка в поле, а плавно опускалась в реверансе, не склоняя головы и не сгибая спины. Это гораздо более культурно и изысканно.

Троечка нерешительно возразила:

— Но ведь чтобы поднять что-нибудь с пола, не сгибая спины, нужно присесть, а ты велела не сгибать колени.

— Это совсем другое дело, — нетерпеливо прервала ее Хисвет. — Я также велела тебе опустить голову.

— Но, демуазель… — заикнулась было Троечка, но тут Хисвет протянула руку и больно, с вывертом, ущипнула ее за мочку уха. Девушка заверещала. Хисвет выпустила ее ухо и, поглаживая горничную по щеке, успокаивающим тоном произнесла: — Ну-ну, все хорошо. Я только хотела, чтобы ты прекратила глупую болтовню и выслушала меня наконец. Вот что я тебе скажу: пока ты обыскивала Четверочку, мне стало совершенно очевидно, что ты не меньше ее нуждаешься в усовершенствовании твоих знаний в искусстве наслаждений, а поскольку ты — моя любимая горничная, и ничья больше, то я об этом и позабочусь.

И, протянув руку, она обхватила ладонью шею Тройки и быстрым, но тщательно продуманным движением притянула к себе ее голову, одновременно повернув свое лицо влево так, чтобы ее губы встретились с губами девушки, которой удалось не упасть только благодаря тому, что она оттопырила зад еще дальше и изогнула поясницу еще сильнее.

«Так и знал, что этим кончится, — подумал Мы-

шелов. — Но можно ли обвинять милашек в том, что их время от времени влечет друг к другу, ведь их вкусы ничем не отличаются от моих. Странно, подумать только, мы с Фафхрдом столько лет вместе, но у нас ни разу не возникало желания слиться в любовном экстазе. Может быть, это ненормально? Надо будет как-нибудь спросить, что он думает об этом. Тогда уж и Сиф нужно спросить, не развлекались ли они подобным образом с Афрейт… да нет, чего уж тут спрашивать, и так понятно, что Афрейт могла бы вожделеть к моей малютке Сиффи, но вот чтобы она хотела эту подпорку для фасоли — трудно поверить».

Пальцы Хисвет проворно перебрались с шеи Троечки в гущу ее коротких волос и, вцепившись в них, рывком вернули голову девушки в исходное положение.

— Тоже неплохо. В следующий раз, если такое произойдет, свободнее пользуйся языком. Будь посмелее, девочка!

Широко раскрыв глаза, Тройка выдохнула:

— Прости, демуазель, но этот поцелуй, за который я нижайше благодарю, и есть то, что ты желала показать мне наедине?

— Нет, не только. — С этими словами Хисвет засунула руку в глубокий карман своего одея-

ния. — Но это уже совсем другое дело, и, боюсь, довольно неприятное для тебя. — Вновь притянув девушку к себе, на этот раз за ворот ее черного платья, она вынула руку из кармана и, раскрыв сжатую ладонь, продемонстрировала лежавший в ней черный опал, опутанный серебряными линиями и усаженный небольшими сверкающими точками. — Как по-твоему, что это такое?

— Кажется, это Открыватель Пути, дорогая демуазель, — нерешительно ответила та. — Но как…

— Совершенно верно, дитя мое. Я сама взяла его из ящика и только сейчас вспомнила об этом. Так что Четверочка вряд ли могла проглотить его, а? Или даже стащить из ящика, если уж на то пошло.

— Нет, не могла, демуазель, — неохотно признала горничная. — Но ведь она служанка низшего ранга, немногим лучше рабыни, поэтому мое подозрение и пало на нее. Кроме того, ты ведь знала…

— Говорю тебе, я только что вспомнила! — с угрозой в голосе сказала Хисвет. — Четверочка! — возвысила она голос.

— Да, демуазель? — незамедлительно последовал ответ.

— Троечка должна быть наказана за ложные показания против другой служанки. Поскольку от ее вранья пострадала ты, то справедливо, чтобы именно ты и выступила в качестве орудия для ее исправления. Кроме того, ты как раз рядом, и мой хлыст у тебя в руках. Ты умеешь с ним обращаться?

— Думаю, что да, демуазель, — ничуть не изменившимся голосом ответила Четверочка. — Мое детство прошло на ферме, где я ездила верхом на муле.

— Вот и прекрасно, — заявила Хисвет, — жди моих указаний.

Поскольку Троечка, услышав такие речи, стала невольно пятиться назад, Хисвет схватила ее за ворот платья и намотала его на кулак так, что костяшки пальцев буквально впились несчастной в горло.

— Слушай, — зашипела она, — если ты хоть на шаг сдвинешься с места или хотя бы на волос согнешь колени, я прикажу отцу наложить на тебя заклятие, и не такое пустяковое, как на Фрикс, которая всего лишь должна была трижды спасти мою жизнь с риском для своей. Выпрями колени немедленно!

Троечка повиновалась. Однажды она видела,

как старый Хисвин одним лишь взглядом заставил не угодившего ему повара-варвара биться в конвульсиях, так что тот умер у его ног, корчась и изрыгая зеленую пену.

Хисвет ослабила хватку и, задумавшись, нахмурила лоб. Потом лицо ее озарилось улыбкой. Она воскликнула:

— Придумала! Четверочка, будешь наносить удар после каждой очередной капли, упавшей из часов. В промежутках — жди, не увлекайся. Начнешь с третьей капли после этой. Я скажу когда, так что ты сможешь приготовиться.

Ее рука у ворота платья горничной пришла в движение, расстегивая пуговицы.

Часы уронили каплю, звук падения которой оказался неожиданно громким. Хисвет воскликнула:

— Приготовься!

Тишина стала особенно напряженной.

Груди темноволосой горничной, хотя и свисали, были столь же упругими и аккуратными, как у блондинки, только соски побольше и поярче, цвета только что вычищенной меди. Хисвет немного поиграла с ними.

— Сколько ударов? — тихо, но до ужаса деловито спросила Четверка. — Всего?

— Тсс, я еще не решила. Тебе тоже должно понравиться. И, судя по тому, как поднялись и затвердели твои соски, тебе и впрямь нравится, хотя ты и прикидываешься напуганной. Даже кожа вокруг них мурашками пошла. А когда я ласкаю твои титьки, ты должна вздыхать и постанывать от удовольствия.

Еще одна капля упала в чашу.

— Раз! — воскликнула Хисвет, затем предупредила Тройку: — Опять сгибаешь ноги.

Оторвавшись от грудей девушки, она вытянула руки и толкнула ее коленки наружу.

Мышелов бросил из своего укрытия взгляд на круги, расходившиеся по воде от упавшей капли. Ему вдруг подумалось, что вряд ли он случайно оказался в таком удобном месте, откуда все видно как на ладони, и от этой мысли ему стало не по себе. Неужели это дело рук Хисвет? Догадалась, что это он или кто-то другой из ее бывших тайно следит за ней? Может быть, она затеяла все это с целью заставить его потерять бдительность?

«Нет, — сказал он себе, — я сам все усложняю. Это просто видение — из тех, что посылаются в усладу погребенным заживо в их последние минуты, если они, конечно, не окажутся такими же живучими и изобретательными, как я». Он

не сводил глаз с обнаженной Четверки, которая, пританцовывая от возбуждения, так что ее маленькие упругие груди прыгали, выбирала позицию вблизи дрожащего от страха и напряжения зада Тройки, на глазок прикидывая наиболее подходящее для замаха хлыстом расстояние. Девушка вся раскраснелась, и, можно поспорить, вовсе не от смущения.

Плюх — снова сказали водяные часы.

— Два! — отозвалась Хисвет. Она положила ладонь на шею Тройки и, притянув к себе ее красное от натуги лицо так, что между ними осталось расстояние не шире ладони, скороговоркой произнесла: — Сейчас мы снова поцелуемся: тебе это поможет перенести боль, а я почувствую, как боль входит в тебя. Не сгибай колени.

С этими словами она притянула лицо девушки еще ближе к своему и впилась ртом в ее губы. Свободная ее рука продолжала теребить груди брюнетки.

Третье плюх сопровождалось тонким свистом и приглушенным воплем. Тройка взбрыкнула ногой. «И все ради меня, милашечки вы мои», — подумал Мышелов. Голубые глаза Четверки помутились от возбуждения. Она глубоко и шумно дышала. Занеся было хлыст для следующего

удара, она вовремя вспомнила, что нужно дождаться условного сигнала.

Хисвет отпустила голову Тройки, давая ей возможность отдышаться.

— Прелестно, — сказала она ей. — Твой визг проник мне в горло, точно божественная пряность. — Затем другой девушке: — Отлично, девочка. Продолжай в том же духе, дитя мое.

Троечка крикнула:

— Хессет, помоги мне! — призывая ланкмарскую Богиню Луны. — Прикажи ей остановиться, демуазель. Я сделаю все, что ты захочешь.

Хисвет ответила:

— Тише, девочка. Пусть твоя Хессет даст тебе смелости.

С этими словами она вновь притянула голову девушки к себе, жадными губами заглушив ее вопли. Свободной рукой она уперлась в колени горничной.

Три звука повторились в прежнем порядке. Тройка взбрыкнула так, что ее движение больше походило на прыжок. Мышелов почувствовал, как приподнялась его крайняя плоть, устыдился и напомнил себе о необходимости дышать ровно.

Как только губы Хисвет расстались с губами Тройки, горничная взмолилась:

— Прикажи ей перестать, она убьет меня, — и тут же, не в силах больше сдерживать негодование, добавила: — Демуазель, ты знала, что она не крала камня. Ты позволила мне солгать.

Рука Хисвет, ласкавшая груди девушки, захватила кусочек плоти как раз между ними и одновременно сжала, вывернула и дернула вниз. Та завопила.

— Умолкни, глупая шлюха, — прошипела хозяйка. — Тебе ведь нравилось мучить ее, так помучайся теперь сама. Дурочка! Неужели тебе не понятно, что горничная, предавшая другую горничную, так же легко предаст и хозяйку? Я требую от своих слуг подлинной верности. Четверочка, наподдай ей как следует.

Ее губы сомкнулись с губами истязаемой в ту же секунду, когда новая капля упала в воду и раздался очередной удар. Когда хозяйка выпустила голову горничной, та не могла вымолвить ни слова: слезы душили ее. Хисвет, смахнув соленые капли со щек, сунула руку в карман.

Тут Мышелов с удивлением поймал себя на том, что эта сцена становится ему неприятна: он бы даже закрыл глаза, но извращенное любопытство и неумолимо твердеющий член не дали ему этого сделать.

Хисвет начала отчитывать горничную:

— Еще одно требование, которое я предъявляю моим горничным: они должны быть готовы для любви, когда мне заблагорассудится. Вот почему они обязаны всегда быть опрятными и хорошо выглядеть. — Промокнув лицо Тройки огромным носовым платком, она прижала его к носу и приказала: — Сморкайся. Не хватало мне только твоих соплей.

Троечка повиновалась, но ощущение несправедливости происходящего взяло верх над благоразумием, и она заблеяла:

— Но это нечестно. Совсем нечестно.

Ее слова и тон произвели странное впечатление на Мышелова. Он вспомнил имя восьмой любовницы, которое ни за что не приходило на память ему совсем недавно. Двадцати двух или трех лет как не бывало, и вот он уже лежит обнаженный на кушетке в частном покое трактира «Серебряный угорь», что в Ланкмаре, а Фрег, горничная Ивлис, изумительно прекрасная в своей безупречной юной наготе, мерит шагами комнату, слезы катятся у нее по щекам, и повторяет те же самые слова таким же точно тоном.

Он хорошо помнил, как все было, — никогда ему этого не забыть. Случилось это недели че-

рез две после похищения инкрустированного драгоценными камнями черепа у Омфала — он и Фафхрд благополучно выбрались тогда из Дома Вора, оставив менее удачливых сражаться с вырвавшимися из забытой крипты скелетами прежних магистров Ордена, жаждавшими мести за осквернённую святыню. Унесенные ими камни составили весьма приличную добычу, к которой добавилась еще и Ивлис, умопомрачительная рыжеволосая танцовщица. Он овладел ею через две ночи после приключения в Доме Вора, хотя это и было не легко. У Ивлис была горничная Фрег; Фафхрд и он негласно считали ее частью добычи северянина. Но этот болван упустил удачный момент, промешкал и в конце концов, похоже, даже досадовал на Мышелова за то, что тот оставил ему лакомый кусочек, робкую девочку, которую достаточно было подтолкнуть к постели — и дело сделано. (Надо сказать, что, когда речь заходила о любовных похождениях, в девяти случаях из десяти Фафхрд выказывал необъяснимую медлительность.) Прошло еще две-три ночи, но все оставалось по-прежнему. И тогда Мышелов, злой на весь Невон — и на Фафхрда в том числе, — раздраженный сверх меры неблагодарностью друга, воспользовал-

ся случаем и уложил девчонку в постель (что, кстати сказать, оказалось не так и легко). И вот на третье или четвертое свидание она словно с цепи сорвалась: обвиняла, что он якобы напоил ее в первый раз и воспользовался ее беспомощностью, утверждала, что любила Фафхрда и была уверена в его ответной симпатии, кричала, что они, наслаждаясь зарождающимся чувством, не спешили торопить события, сокрушалась, что Мышелов, обманом овладев ею, сделал ей ребенка и теперь все погибло. И хотя Фрег по-прежнему оставалась для него безумно привлекательна, он разозлился и заявил, что у него давно вошло в обычай проверять добродетель девиц, положивших глаз на Фафхрда, и что до сих пор ни одна еще не выдержала испытания на верность, а она и вообще проявила себя хуже всех. И тут она разрыдалась и произнесла именно те слова, которые только что вырвались у Троечки. На следующий день маленькая дурочка скрылась в неизвестном направлении, Фафхрд впал в глубокую меланхолию, Ивлис вконец остервенела, а он так никогда и не решился рассказать кому-нибудь о роли, которую он сыграл во всей этой истории.

Удивительно, как возникшее невесть откуда воспоминание может затмить собою настоящее,

даже такое омерзительно-привлекательное настоящее, как та игра, что разворачивалась у него перед глазами.

Между тем в будуаре Хисвет наступила пауза между ударами. Фиолетовое одеяние владелицы было расстегнуто ровно настолько, чтобы явить взорам верхнюю пару грудей с небольшими светло-сиреневыми сосками; взлохмаченная голова черноволосой горничной, удерживаемая рукой главной мучительницы, находилась прямо над ними: следуя указаниям хозяйки, девушка старательно вылизывала ее прелести.

Прервав на мгновение это занятие, Хисвет воскликнула:

— До чего же приятно учить наслаждению тех, кто противится этой науке! Еще приятнее научить боязливого находить удовольствие в боли.

Светловолосая горничная пританцовывала, не в силах совладать с растущим напряжением, и размахивала хлыстом в такт своим прыжкам. Хисвет крикнула, желая взбудоражить ее еще более:

— Четверочка, помнишь, как больно было, когда она лезла в тебя своими пальцами, — могу поклясться, не очень-то она с тобой церемонилась!

Снова упала капля, снова просвистел хлыст, и Троечка опять начала выделывать коленца.

На этот раз, когда Хисвет отпустила ее голову, брюнетка выпалила скороговоркой:

— Если ты прикажешь ей остановиться хоть на мгновение, о демуазель, я вылижу тебе зад с такой любовью, с какой еще никому не лизала, клянусь!

На что Хисвет ответила:

— Всему свое время, деточка, — и, изогнувшись в порыве страсти, ухватила девушку прямо за середину лобка и с вывертом ущипнула, так же как несколько минут назад ущипнула ее между грудей, где теперь красовался здоровенный синяк; горничная снова сдавленно вскрикнула.

Но когда Четверка уже замахнулась для следующего удара, а член Мышелова стал неправдоподобно твердым, Хисвет воскликнула:

— Четверочка, стой! Хватит пороть!

Горничная остановила хлыст в самый последний момент, а Хисвет вынырнула из-под неестественно изогнувшейся Тройки и уставилась на стену за водяными часами; ноздри ее возбужденно трепетали, пятнистый язык судорожно облизывал полураскрытые губы. Она встревоженно произнесла:

— Я чувствую близкое присутствие Смерти или его родственницы, какого-то ужасного демона, в мужском или женском обличье. Должно быть, он почуял, как ты упиваешься страданием, Троечка, и пришел на запах.

Мышелову показалось было, что их взгляды устремлены сквозь земляную стену прямо на него, однако через мгновение он понял, что смотрят они немного в другую сторону. Хисвет вся напряглась, хотя и сохраняла внешнее спокойствие. Четверка с перепугу уронила орудие наказания. Тройка, все еще не смея поверить своему счастью, стояла, наклонившись вперед и выпрямив ноги, а ее сползшее платье открывало исхлестанный, покрытый перекрещивающимися полосами зад.

Хисвет приказала:

— Четверочка, беги со всех ног и скажи отцу, что опасность близко. Пусть спешит сюда и принесет с собой жезл. И не трать время на одевание, ишь девственница тоже выискалась! Так иди, и быстро! Мы все в опасности, бестолочь! — Затем ее ярость обрушилась на Троечку: — А ты чего тут ноги растопырила, ждешь, пока гончие Смерти тебя оседлают? Закрой свой зад и приготовься спасать мою задницу, остолопка!

И тут Мышелов почувствовал, как нечто похожее на сороконожку ползет по его левому бедру, неведомо как протиснувшись между плотью и сковавшей ее землей. Затем сороконожка подобралась к его члену, стоявшему в земле, точно кинжал в ножнах, промаршировала по нему из конца в конец и свернулась у его яичек в кольцо. В ту же секунду из-за его правого плеча, раздвигая землю, точно воду, вынырнуло лицо, такое худое, что походило больше на хорошей формы череп, туго обтянутый белой как мел кожей, по которой змеились голубые прожилки. Глаза бледного создания светились, как раскаленные угли. Призрачное лицо так плотно прижалось к его правому виску и щеке, что даже сквозь свою и его кожу Мышелов чувствовал два ряда зубов во рту у этой твари. Он понял, что сороконожка была на самом деле кончиками костлявых пальцев (другая тощая ладонь покоилась на его шее как раз у основания черепа), которые, легко скользя вверх и вниз по его торчащему члену, выжали из него каплю — всего одну каплю — его животворного содержимого, отчего волна тупой черной боли захлестнула все его существо, заставив его забыть о необходимости дышать ровно и начать хватать ртом воздух. Не успел первый приступ

боли сойти на нет, как костлявые пальцы вновь принялись за дело, и со второй каплей страдание вновь затопило его сознание, потом еще и еще.

Стангурация! Самая страшная боль, которую когда-либо доводилось терпеть смертному, — когда моча капля за каплей источается из организма, только в его случае это было семя.

Пытка продолжалась.

В затуманенном болью мозгу каждая новая капля смешивалась с каплями водяных часов из будуара Хисвет. Но Троечке досталось всего восемь или девять ударов. Сколько же капель упадет, пока его разбухший член избавится наконец от своей ноши и снова станет мягким и податливым? Сто? Двести?

Занавешенный фиолетовым будуар Хисвет, она сама и вся ее команда скрылись из виду. Все, что было теперь доступно его зрению, — это заполненная кроваво-красным свечением земляная скорлупа. Свет исходил от верхней половины его лица и от мерцающих, точно угли, глаз той твари, что так долго гналась за ним и наконец догнала. Узкое пространство его заточения превратилось в миниатюрный ад.

Резким, сухим, шероховатым, как наждак, голосом родная сестра Смерти издевательски-нежно

прошептала:

— Мой любимый. Дорогой мой.

Мучения возобновились, но внезапно овладевшая им слабость и помутившийся рассудок подсказали, что конец близок. Несмотря на приступы боли, то и дело сотрясавшие его тело, он усилием воли заставлял себя дышать неглубоко и ровно, не забывая выбрасывать языком изо рта крупинки земли, попадавшие туда в большом количестве, когда очередной спазм скручивал его и он задыхался, хватая ртом воздух. В ушах гулко билась кровь, и ему стало казаться, что его распухший язык сражается не с земляными крошками, а с целым камнепадом.

20

На раскопках все шло своим чередом: собачьи упряжки подвозили еду и доски; у огня несколько человек, видимо недавно сменившись из ямы, жадно поедали горячий суп и хлеб; конус земли и глины у раскопа все увеличивался, а визг пилы говорил о том, что скоро еще партия досок для крепления стенок и потолка туннеля уйдет вниз. При виде этой картины на сердце у Сиф стало спокойнее. Френ, дежуривший у ямы человек

Фафхрда, сообщил, что внизу работают Скор, Клут и Миккиду — первые двое отгребают и просеивают землю, последний относит ее к подъемнику. Принюхавшись, Сиф поинтересовалась, чем это пахнет.

— Я и сам пару раз что-то почуял, — отозвался, скривившись, Френ. — На тухлые яйца похоже.

По его совету Сиф встала обеими ногами в ведро для подъема земли — ножки у нее были маленькие, так что места ей хватило с лихвой, — и отправилась вниз.

В шахте гнилостный запах еще усилился. Глядя на помогавших ей спускаться Рилл и Скалликa, она выразительно зажала нос. Они, кивая, повторили ее жест. Спустившись, она увидела Миккиду, который, таща огромное ведро с землей, выбирался из туннеля. Сиф посторонилась и приготовилась помочь заменить полное ведро на порожнее.

Но Миккиду, рывком вытащив ведро из туннеля, повернулся и буквально упал ей на руки. С трудом сохранив равновесие, Сиф не дала упасть и капралу, а потом огрызнулась на него:

— Что с тобой, Мик? Ты что, напился?

Заплетающимся языком он кое-как произнес:

— Нет, госпожа.

Посмотрев на него внимательно, она прислонила его к стене и оставила отдышаться и прийти в себя на более или менее чистом воздухе, а сама нырнула в туннель.

Здесь так сильно воняло, что на какое-то мгновение ей пришлось задержать дыхание. В несколько шагов достигла она конца туннеля, где, упав на колени и уткнувшись лицом в земляную стену впереди, стоял Скор, а рядом с ним ничком лежала Клут, — видимо, девочка потеряла сознание, когда попыталась отползти подальше от опасного места. Наполненная жиром левиафана горящая лампа заливала эту картину ярко-голубым светом.

Сиф схватила племянницу за подмышки и выволокла ее из туннеля. Миккиду уже пришел в себя и стоял, недоуменно почесывая в затылке, точно не мог вспомнить, как он тут оказался. Она хотела позвать Скаллика, но он уже и сам спускался. Клут корчилась и еле слышно стонала, глаза ее по-прежнему были закрыты. Сиф перебросила ее через плечо, забралась в пустое ведро и приказала Френу тянуть. Заскрипели веревки. Проплывая мимо Скаллика наверх, она распорядилась:

— Скор в обмороке в глубине туннеля. Газы и

спертый воздух. Вытащи его оттуда как можно быстрее.

Наверху она передала девочку Рилл и Френу и выбралась из ведра. Девочка бормотала:

— Где мой совок?

Рилл потрясла ее за плечи:

— Клут, очнись. Дыши глубже. — Затем, обращаясь к Сиф, добавила: — В пещере, которая ведет к Черному огню, тоже так пахло.

Сиф кивнула и склонилась над ямой посмотреть, как там идут дела. Скаллик как раз вытаскивал из туннеля Скора. Увидев ее, он крикнул:

— Не волнуйся, госпожа, он очухается. Пульс есть.

Миккиду окончательно пришел в себя и помог Скаллику закрепить петлю у Скора под мышками для подъема на поверхность, а сам полез вверх, чтобы подстраховать товарища и не дать ему упасть.

Когда капрал Фафхрд распластался во весь свой огромный рост у ямы, Сиф положила пальцы ему на шею сразу под челюстью и нашла пульс. Он был слишком редким. Тогда она приказала Миккиду держать голову и плечи пострадавшего (что он и сделал, схватив того прямо за редеющие рыжие пряди), а сама растянулась на нем, изо

всех сил сжимая его бока обеими руками, и принялась делать искусственное дыхание, отнимая губы от его губ только для того, чтобы изо всех сил стиснуть могучую грудную клетку.

Когда пульс великана стал более уверенным, Сиф приказала перенести его в палатку и велела Рилл присмотреть за ним. Затем принялась допрашивать Миккиду:

— Ты все время входил и выходил из туннеля, так что должен был почуять газ.

— Я и почуял, госпожа, и сказал Скору об этом, но он так увлекся работой, что не обратил внимания на мои слова, — отвечал тот.

— Он прав, хотя и неблагоразумен, — весело заметила она. — Если мы хотим помочь капитану, надо продолжать копать любой ценой. Однако нужно придумать, как подавать в яму воздух. И сделать это быстро.

— Да, госпожа, — протянул Миккиду с сомнением. — Но как?

— Я, кажется, придумала. Прошлой осенью ты с капитанами ходил на Смертную пустошь охотиться на снежных змей, помнишь?

— Конечно, госпожа, — был ответ. — Еще две недели спустя мы снимали шкуры со змей, сушили и выделывали их.

— Насколько я помню, всего получилось что-то около сорока превосходных шкур, — продолжала она.

— Если быть точным, сорок семь. Все они лежат в казарме, переложенные гвоздикой и камфарой, дожидаются, когда кто-нибудь из капитанов отправится в торговый рейс. В Ланкмаре за них дадут целое состояние.

— Так я и думала, — кивнула Сиф. — Собачья упряжка еще здесь. Поезжай и привези шкуры сюда. Все.

Он смотрел на нее в глубоком изумлении.

— Ты что, не понимаешь — каждая из этих шкур представляет собой девяти- или десятикубитовую трубу из прочной змеиной кожи шириной в руку?

— Да, госпожа, но… — начал он.

Тень сомнения по-прежнему омрачала его лицо.

— Пошли, я еду с тобой, — широко улыбаясь, она вскочила со своего места у огня. — Я соберу шкуры, а ты приглядишь за погрузкой больших мехов из кузни, их тоже нужно доставить сюда.

— Госпожа, я, кажется, понял, что ты задумала, — просиял Миккиду.

— И я тоже! — пробасил восхищенный Скал-

лик, внимательно прислушивавшийся к их разговору.

— Вот и хорошо! — обратилась к нему Сиф. — Тогда можешь присмотреть здесь за делами в мое отсутствие.

И она стянула кольцо Фафхрда со своего большого пальца и передала его Скаллику.

21

Чтобы напиться, Пшаури пришлось разбить ледяную корку, сковывавшую поверхность Последнего Источника по дороге к Черному огню.

Напившись, он сделал шаг назад и в качестве благодарности сплясал такую бешеную джигу, которой никто никогда в его исполнении не видел. Он был очень скрытным молодым человеком.

Его танец закончился медленным вращением вокруг своей оси, во время которого Пшаури обозрел холодную мертвую белизну, простирающуюся на несколько миль во все стороны. Дым Черного огня султаном поднимался в молочное небо. Путник устремил свой взгляд на юго-запад, он смотрел куда-то высоко в небо, точно ожидал появления крылатых или невероятно высоких преследователей оттуда.

Он стоял на границе между пустошью и покрытой коркой лавы и вулканического пепла мертвой землей, но сейчас этого не было видно, так как недавно выпавший снег уничтожил все различия.

Он расстегнул пуговицу сумки, висевшей у него на поясе пониже живота, и, памятуя о ее драгоценном грузе, со всеми возможными предосторожностями вытянул оттуда бутылку, данную ему Афрейт. Она была заполнена сладким красным вином до половины. Пшаури выпил, сделав предварительно приветственный жест в сторону дымового султана на горизонте, затем окунул посудину в источник и, снова заткнув ее пробкой, вернул в сумку. После этого он застегнул сумку и еще некоторое время стоял, ощупывая ее, словно беременная женщина, ожидающая первого шевеления ребенка в своей утробе.

Затем он сплясал еще одну джигу, содержавшую намек на угрозу, направленную против юго-юго-запада, и, развернувшись, зашагал на север.

22

Пальчики проснулась в доме Сиф, в той самой постели, которую она занимала и позапрошлой ночью, чувствуя себя свежей и отдохнувшей. Близился вечер. Она выскользнула из-под одеяла, стараясь не разбудить посапывавшую рядом Гейл, надела один из лежавших в ногах кровати банных халатов и пошла в кухню, где Афрейт, в таком же одеянии, стояла у входной двери и смотрела наружу сквозь забранное роговыми пластинами окошко. Крючки для одежды на стене у входной двери были пусты, кроме двух: на них висела одежда, по размеру явно больше той, что на Афрейт, — пояс с металлическими украшениями и ножны с кинжалом и топориком. Внизу стояли сапоги.

— Я собираюсь в парную, — сказала женщина. — Хочешь со мной?

— С благодарностью, госпожа, — ответила девочка. — Ты осыпаешь меня благодеяниями, за которые я никогда не смогу отплатить.

— В этом преимущество моего положения, — отозвалась Афрейт. — А ты можешь рассказать мне про Илтхмар и Товилийс: мне никогда не

приходилось бывать там. — Лукавая усмешка мелькнула в ее фиолетовых глазах. — Заодно и спинку мне потрешь.

Она повесила свой халат на один из крючков и повела девочку в узкую комнатку, которую целиком занимало некое подобие деревянной лестницы из четырех ступеней. Рядом стояли два ведра: одно с водой, другое — с раскаленными докрасна булыжниками. Проходя мимо них, девочка почувствовала их жар на своих лодыжках и коленях. Четыре небольших окошка скупо освещали помещение. Вооружившись ковшом на длинной ручке, Афрейт плеснула на раскаленные камни водой. Раздалось отчаянное шипение, и их окутало облако пара. Афрейт уселась на третьей ступеньке, Пальчики последовала за ней. Заметив в глазах девочки тревогу, Афрейт решила ее подбодрить:

— Что, сердечко зашлось немного? Не бойся, дыши глубже. Сядь пониже, там не так жарко.

— Здесь и в самом деле жарковато, — согласилась Пальчики, но спускаться не стала.

— Ну а теперь расскажи мне про грязный Илтхмар и его поганого крысиного бога, — попросила Афрейт. — Как его изображают?

— В виде человека, но с крысиной головой и

длинным хвостом. Служители его культа обычно надевают маски, изображающие крысиные головы, и держат в руках длинные тонкие хлысты, напоминающие хвосты громадных крыс. Они могут выполнять обряды как одетыми, так и обнаженными, в зависимости от ритуала.

— Каковы же, по мнению почитателей этого культа, отношения между крысами и людьми? — поинтересовалась Афрейт.

— В прежние времена, когда крысы еще строили свои города на поверхности, они завоевали и поработили расу гигантов. Нас, госпожа, людей. Однако те сопротивлялись и поднимали многочисленные мятежи и восстания, с большой жестокостью крысами подавлявшиеся. Потом крысы, чья культура становилась все более совершенной и утонченной, перенесли свои города под землю, чтобы там без помех продолжать развивать свою цивилизацию. Но тайную власть над слугами-рабами они сохранили и по сей день. — Голос девочки стал задумчивым. Пальцы ее левой руки машинально скользили взад и вперед по краю белой морской раковины, вставленной в дерево для сбора пота, стекающего с парящихся. Подле раковины виднелась дыра, явно проточенная червем-бурильщиком. По

ширине отверстие точно совпадало с пальцами девочки. Та продолжала: — Есть тайная магия, ведомая только дважды посвященным (мы с матерью таковыми не были), при помощи которой сами крысы и их союзники могут менять свой размер от крысиного до человеческого и обратно. Крысиные пророки и наиболее близкие союзники среди людей считаются у них святыми. Совсем недавно были канонизированы святой Хисвин Ланкмарский и его дочь, святая Хисвет. Нижний Ланкмар почитается крупнейшим городом крыс, хотя в Верхнем Ланкмаре, в отличие от Илтхмара, культ крысы находится под запретом.

Афрейт передала девочке жесткую щетку и подставила спину, над которой та тотчас принялась усердно трудиться. Затем спросила:

— Доводилось ли тебе видеть изображения этой святой в Илтхмаре?

— Да, госпожа, в припортовом храме есть ее небольшая часовенка, и там можно увидеть изображающую ее деревянную статую. (Крысы ведь были первыми мореходами, обучившими людей этому искусству.) Она изображена обнаженной, волосы заплетены в косу в ее рост длиной, и у нее восемь грудей, расположенные попарно: две там же, что и у обычной женщины, еще две — там, где

заканчиваются ребра, две следующие — по обе стороны пупка и последняя пара — прямо возле лобка, над паховыми складками.

— Надо же, какое обилие прелестей! Прямо не знаешь, смеяться или завидовать, — усмехнулась Афрейт.

— Ее культ очень популярен, госпожа, — почти обиженным тоном произнесла девочка, продолжая тереть ей спину. — Говорят, что она повелевает демонами и что будто бы Фриксифракс, королева Арилии, однажды была у нее в услужении.

Афрейт рассмеялась:

— По правде говоря, дитя мое, я бы сочла твою историю выдумкой из тех, что рассказывают нам, островитянам, заезжие путешественники с целью подурачить нас и позабавиться над нашей неосведомленностью, не совпадай она так детально с рассказом Фафхрда о его и Мышелова величайшем подвиге (хотя послушать его, так им числа нет). Он тоже говорил о вооруженном прорыве и вторжении крыс в Ланкмар, и в его истории тоже фигурировал некто Хисвин, торговец зерном, и его скандально знаменитая дочка Хисвет — оба они впоследствии оказались пособниками крыс.

— Благодарю тебя, госпожа, за то, что ты хотя бы частично мне веришь, — слегка заносчиво ответила Пальчики. — Возможно, меня и саму в чем-то обманули, но я тебя не обманываю.

Афрейт с улыбкой повернулась к ней.

— Хватит дуться и строить из себя гордячку, — весело отчитала она девочку. — Дай-ка лучше мне щетку, я тебе спинку потру.

Девочка повиновалась и повернулась лицом к двум забранным роговыми пластинами окошкам, сквозь которые просачивался холодный свет не успевшей еще пойти на убыль луны. Афрейт провела щеткой по куску зеленого мыла и принялась за дело, приговаривая:

— Так вот, когда в Ланкмаре происходила эта человеко-крысиная возня (а было это добрых лет десять тому назад, ты тогда была еще совсем ребенком в Товилийсе), Серому Мышелову пришлось изображать неземную страсть к этой потаскушке Хисвет (по крайней мере так говорил Фафхрд), чтобы проследить, как она меняет обличье и размер, чтобы пробраться из Ланкмара Нижнего в Ланкмар Верхний и наоборот. Настоящей же его любовью была в то время Рита, рабыня с королевской кухни, — по крайней мере, именно с ней он после всего этого и остался. А

Фафхрд в то время водил компанию с Крешкрой — воительницей-вампиром, ходячим скелетом (это и в самом деле так, ибо плоть вампиров невидима, так что видим лишь скелет). По правде говоря, иногда я сомневаюсь, стоит ли верить хотя бы половине того, что он рассказывает, — а уж Мышелову я не верю и подавно, он и сам не скрывает, что любит приврать.

— Я слышала, что вампиры едят людей, — заметила Пальчики, ежась от энергичного массажа Афрейт. — А еще я слышала, что в Ланкмаре была другая крысиная война, уже позже. Фриска рассказала мне об этом уже в Илтхмаре, мы как раз перебрались туда из Товилийса. Она предупреждала меня, чтобы я не верила тому, что станут говорить нам жрецы Крысы.

— Фриска? — спросила Афрейт, перестав скрести.

— Так звали мою мать в Квармалле, где она была рабыней до своего побега в Товилийс, где я и родилась. Потом она пользовалась и другими именами, и, мне кажется, я не говорила, что ее так зовут.

— Понятно, — отвечала Афрейт отсутствующим тоном, точно внезапно впала в глубокую задумчивость.

— Ты перестала тереть мне спину, — заметила девочка.

— Достаточно, — отозвалась женщина. — И так уже вся красная. Скажи мне, девочка, твоя мать Фриска в одиночку бежала из Квармалла?

— Нет, госпожа, с ней была ее подруга Ививис, которую я привыкла называть тетей, когда мы жили в Товилийсе, — охотно объясняла девочка, вновь повернувшись лицом к двери, очертания которой стали видны в рассеивающемся пару. — Их вывезли из Квармалла два странствующих воина, которые покинули службу у Квармаля и его двух сыновей. Квармалл — это пещерный город, госпожа, глубокий, темный и таинственный, найти оттуда путь наверх нелегко. Беглецов обычно возвращают назад, или они умирают странной смертью. В портовых городах, что окружают Внутреннее море, Квармалл считается такой же легендой, как и Льдистый.

— А что стало с теми воинами, любовниками Ививис и твоей матери, которые помогли им спастись? — задала вопрос Афрейт.

— Ививис поссорилась со своим и, прибыв в Товилийс, вступила в Гильдию Свободных Женщин. А моя мать была на сносях и потому предпочла остаться с ней. Ее любовник (мой отец) оставил

ей денег и пообещал когда-нибудь вернуться, но, разумеется, так и не вернулся.

Раздалась настоящая дробь частых ударов, дверь открылась и снова закрылась, и на пороге, вглядываясь в облака пара, появилась Гейл.

— Дядя Фафхрд уже вернулся с неба? — последовал вопрос. — Почему вы меня не разбудили? Это ведь его вещи висят на крючке снаружи!

— Пока нет, но кое-какие известия о нем мы получили, — отвечала ее тетка. — Когда вы двое уснули, Мэй принесла мне пояс Фафхрда — он висел на кусте, точно прямо с неба свалился. Так она и сказала, хотя вашего рассказа не слышала. Я отправила ее вместе с другими на поиски и сама тоже вышла, и вскоре мы нашли его сапоги (один валялся на крыше), кинжал и топор — последний расколол надвое флюгер на крыше городского совета и застрял там.

— Он их сбросил, чтобы облегчить корабль, когда поднимался над туманом, — сделала свое умозаключение Гейл.

— Твоя версия ничем не хуже других, — заметила Афрейт, передавая девочке ковш. — Поддай парку, — велела она. — Одного ковша хватит.

Девочка сделала, что ей было велено. Вновь раздалось шипение, хотя и не столь яростное, как

раньше, и теплый пар окутал купальщиц.

— Я думаю, он вернется с вечерним туманом, — высказала еще одно предположение девочка. — Дядя Мышелов беспокоит меня куда больше.

— Раскопки продолжаются, и еще кое-что нашли — заостренный серебряный тик (мелкую ланкмарскую монетку), Серый Мышелов обычно носит несколько таких в кармане. Сиф рассказала мне об этом, когда утром приходила сюда помыться и переодеться. Вы еще спали. Там была какая-то сложность с вентиляцией, но она с этим справилась.

— Они найдут его, — заверила ее Гейл.

— Я разделяю ваши надежды относительно обоих капитанов, — присоединилась к ней Пальчики, возвращаясь к формальному тону.

— С Фафхрдом все будет в порядке, — уверенно заявила Гейл. — Я думаю, туман нужен ему, как вода поплавку, — он поддерживает его в воздухе. По крайней мере первое время, пока он не начнет грести сам. А туман опять поднимется на заре. Тогда он и спустится.

— Гейл считает, что ее дядюшке все по плечу, — объяснила Афрейт, энергично растирая ей спину. — Он ее кумир.

— Ну конечно, — воинственно возвысила голос девочка. — А поскольку он мой дядя, то, когда я вырасту, между нами не будет ничего такого, что все испортит.

— Настоящий герой имеет много любовниц: проституток, невинных девушек, принцесс, — заметила Пальчики серьезно и мудро, тоном знающей жизнь женщины. — Так говорила мне моя мать.

— Фриска? — переспросила Афрейт.

— Фриска, — подтвердила девочка. Тут ей в голову пришел комплимент, удачно подчеркивавший ее житейскую мудрость, которой она весьма гордилась. — Должна сказать, госпожа, что я восхищена хладнокровием и полным отсутствием ревности по поводу прежних привязанностей твоего возлюбленного. А ведь капитан Фафхрд — истинный герой; я сразу поняла это, когда он решительно начал раскапывать своего друга и заставил нас всех помогать ему. А когда он поднялся в воздух, чтобы помочь капитану Мышелову, я еще больше утвердилась в своем мнении о нем.

— А я не так уж уверена в своем прежнем безразличии к его прежним любовницам, кто бы они ни были, — произнесла Афрейт, подозрительно

оглядывая девочку. — Хотя, конечно, послушать Фафхрда (да и Мышелова тоже), любовниц у них было — не перечесть, и не только среди тех, кого ты назвала; были и по-настоящему незаурядные — вампир Крешкра, например, или невидимая обитательница снежных вершин принцесса Хирриви, а у Мышелова — восьмигрудая Хисвет; короче, в их постелях перебывали все — начиная с болотных духов и русалок и кончая демонами. Но, думается мне, мы с Сиф им не уступим — не числом, так умением. Мы и сами с богами спали или, по крайней мере, заботились о том, чтобы им было кого взять к себе в постель, — поправилась она несколько смущенно, вспомнив, с кем говорит.

Слушая тетку, Гейл заволновалась. Пальчики успокаивающим жестом положила ей руку на плечо и сказала:

— Вот видишь, малышка, насколько лучше, когда твой кумир всего лишь твой дядя, а не любовник?

Афрейт не удержалась от искушения подколоть девочку:

— Не слишком ли ты увлеклась ролью старой мудрой тетушки? — Затем, вспомнив несчастную судьбу девочки, посерьезнела и добавила: — Я

забыла… понимаешь, о чем я.

Пальчики серьезно кивнула, но тут же взвизгнула — это Гейл дернула ее за волосы сзади.

— Не знаю, как там насчет дяди Фафхрда, — с очаровательной гримаской произнесла островитянка, — но ты нужна мне в качестве подруги, а не тетушки, это-то я знаю наверняка!

— Ну все, хватит рассуждать про героев и демонов, пора озаботиться судьбой двух вполне конкретных людей, — объявила, улучив момент, Афрейт. — Вставайте, я вас ополосну.

С этими словами она взяла ведро с водой и, щедро окатив ею сначала светлую, потом рыжую головки, выплеснула остатки на себя.

23

Возвращаясь к началу этого мрачного дня, мы видим Фафхрда, спешащего на восток, освещая себе путь лампой. Он шел через замерзший Большой Луг в сторону укрытой туманом, как одеялом, Соленой Гавани, за которой восточный край неба уже окрасился в бледные цвета зари. Голова его была странно пуста, а ноги сами несли его вперед, и это озадачивало и настораживало его. Три чувства, перемешавшись, возобладали

в нем — тревога за попавшего в жуткую переделку Мышелова, желание стряхнуть с себя груз ответственности и безумная надежда на то, что проблема как-нибудь разрешится сама собой. Чтобы отвлечься, Фафхрд поднес коричневый кувшин с бренди ко рту, зубами вытащил пробку, выплюнул ее куда-то в сторону и сделал три здоровых глотка, едва не опорожнивших посудину. Внутри у него все загорелось.

Затем, уступив невесть откуда взявшемуся импульсивному желанию — может быть, причиной тому был бренди, — он поднял голову и вгляделся в чистое небо поверх тумана.

И — о чудо! — первый яркий луч восходящего солнца, озаривший бледный небосвод, открыл его взору небольшую флотилию приближающихся к острову облаков. Зрение его внезапно стало ясным и острым, как в юности, и он отчетливо увидел, что среднее из этих жемчужно-серых облаков было вовсе не облако, а большая изящная барка с высоко поднятой кормой, увлекаемая вперед единственным прозрачным парусом, — судя по всему, это действительно приближался волшебный флот сказочной Арилии, только теперь она перестала быть сказкой.

И тут он словно услышал приятный мелодич-

ный звук колокола, которым на таких кораблях отмечают ход времени, и сразу понял, что там, наверху, находится его бывшая возлюбленная и подруга Фрикс. Он немедленно решил во что бы то ни стало подняться к ней. Всякое беспокойство о судьбе Мышелова и о том, чего ожидают от него Афрейт и его люди, тут же покинуло его. Не волновало его больше и присутствие девчонок, кравшихся за ним по пятам. Шаги его стали легки и беззаботны, как в юности, когда он ходил на утреннюю охоту в холодных снегах пустоши. Он отхлебнул еще бренди и весело продолжал путь.

Все женщины, которых Фафхрд когда-либо серьезно любил (а он редко любил по-другому), делились на две категории: к одной принадлежали любовницы-подруги, к другой — просто любимые. Первые были бесстрашны, мудры, загадочны и иногда жестоки; вторые отличались робостью, обожали его, были милы и бесконечно преданны — иной раз даже чрезмерно. И те и другие были — увы, иначе и быть не могло — молоды и красивы или, по крайней мере, казались такими. Любовницы-подруги, как правило, превосходили в этом простушек.

Но, как ни странно, именно последние оказывались в итоге лучшими подругами, деля с ними

повседневные происшествия, приятные или не очень, а также периоды вынужденного бездействия и скуки. Отчего же тогда первые оставляли впечатление большей духовной близости? Задав себе этот вопрос — чего с ним раньше не случалось, — он пришел к выводу, что все дело в присущих им логике и здравом смысле. Они думали как мужчины, по крайней мере как он сам. В общем это было хорошо, хотя, случалось, они заходили так далеко, что привносили реализм и логику в личные отношения, а это устраивало его уже меньше. Именно этим объяснялась и присущая им жестокость.

Кроме того, любовницы-подруги обладали, как правило, некими сверхъестественными способностями или могли похвастаться сверхчеловеческим происхождением. В их жилах текла кровь либо богов, либо демонов.

Первой возлюбленной Фафхрда была Мара, его подруга детства. Их роман закончился печально: Фафхрд обрюхатил ее и сбежал со своей первой любовницей-подругой, бродячей актрисой и воровкой-неудачницей Вланой. В ней, кстати, не было ничего сверхъестественного: единственное, что выделяло ее среди других, — были актерские способности и преступные наклонности.

Любовницами божественного или сверхъестественного происхождения были воительница-вампир Крешкра — неизъяснимой красоты скелет, облеченный прозрачной плотью, и принцесса Хирриви Стардокская — та была абсолютно невидимой (за исключением тех случаев, когда покрывала свое тело краской или окуналась в воду перед тем, как любовник осыпал ее лепестками роз).

Возлюбленными девушками в разное время были Лессния из Ланкмара, очаровательная мошенница Немия из Даска (не все его обычные подруги были законопослушны) и робкая Фриска, которую он спас от жестокостей Квармалла — отчасти против ее воли. Услышав о том, как он собирается вытащить ее оттуда, она сказала: «Отведи меня назад в камеру пыток».

Однако из всех любовниц милее всех его сердцу была бывшая рабыня и телохранительница Хисвет, высокая темноволосая и абсолютно восхитительная Фрикс, теперь снова королева Арилии Фриксифракс, хотя она и была слишком высокой и худощавой. (Он знал также, что сама Хисвет, бессердечная и жестокая, была милее всех сердцу Мышелова.)

Прежде всего, как любовница Фрикс отличалась

удивительным тактом; кроме того, даже в минуты наивысшего наслаждения или наибольшей опасности она умела оставаться бесстрастной и бесстрашной, словно все происходящее вокруг было не более чем мелодрамой, и порой заходила так далеко, что, словно режиссер какого-то безумного сценического действа, раздавала указания участникам оргии или потасовки.

Разумеется, все сказанное выше не касалось Афрейт, лучшей из его любовниц-подруг, превосходившей его в искусстве стрельбы из лука, любящей и мудрой, — короче, во всех отношениях восхитительной женщине, которая к тому же научилась ладить с Мышеловом.

Но, как бы щедро ни одарила Афрейт природа, она была всего лишь смертной женщиной, тогда как Фрикс блистала мыслимыми и немыслимыми совершенствами небожительницы. Не успел он об этом подумать, как увидел ее. Она стояла, точно вырезанная из слоновой кости фигура, украшающая нос корабля, и в приветственном жесте протягивала к нему руки. Это волшебное видение пробудило в нем воспоминание об одном свидании, которое Фрикс назначила ему на самом верху горного замка: сначала они из укрытия наблюдали, как две дамы из свиты Фрикс,

высокие и длинноногие, как и она сама, нежно ласкали друг друга, а потом присоединились к ним.

Белоснежное видение на носу облачного корабля и пробужденные им воспоминания заставили его почувствовать себя легче воздуха, шаги его стали длинными и скользящими, точно он шел на лыжах: первый шаг погрузил его в туман по колено, второй — по пояс, третий перешел в бесконечность. Он на лету отхлебнул еще бренди, и пустой кувшин полетел в одну сторону, лампа — в другую, а сам он, мощно отталкиваясь руками, поплыл сквозь туман вверх, навстречу облачной флотилии.

Вскоре он оказался на поверхности тумана. Решительно запретив себе смотреть вниз, он плыл, не сводя взгляда с чудесного корабля, всецело отдавшись ритму движения. Он почувствовал, как напряглись и распластались мышцы его рук, превратившихся в крылья. Теперь он уже не плыл, а летел.

Поднимаясь, он начал отклоняться влево, поскольку крюком, служившим ему вместо левой ладони, было не так уж удобно опираться о воздух; но, заметив это, Фафхрд не стал пытаться выровнять курс, зная, что, описав в воздухе круг,

снова увидит свою цель.

Так оно и случилось. Он продолжал подъем, двигаясь по спирали. Откуда-то появились пять белоснежных морских чаек и, расположившись на равном от него расстоянии, так что он оказался в центре образованного ими пятиугольника, сопровождали его в полете.

Он уже вошел в пятый круг своей спирали и ожидал, что вот-вот увидит облачный корабль, вынырнувший у него из-за спины. Солнце припекало так, что лучи его жгли кожу даже через одежду. Он уже начал подбирать слова, чтобы должным образом поприветствовать свою заоблачную возлюбленную, как вдруг что-то твердое пребольно ударило его сзади по затылку, да так, что у него искры из глаз посыпались и мысли сразу разбежались в разные стороны.

Непредвиденное нападение заставило его оглянуться.

Прямо над ним, чуть сзади, висел продолговатый жемчужно-серый корпус воздушного корабля. До него и впрямь было рукой подать, в чем Фафхрд и убедился, когда, протянув обе руки, зацепился за судно крюком и здоровой рукой одновременно. Воздушное течение медленно сносило корабль в сторону. Итак, он наткнулся

прямо на корму того самого корабля, который искал.

А потом, когда черные пятна перестали мелькать у него перед глазами, он сделал то, чего делать заведомо не следовало.

Далеко внизу, так далеко, что у него неприятно засосало под ложечкой, был виден весь юго-западный угол Льдистого острова: вот сквозь редеющее покрывало тумана показались красные крыши домов Соленой Гавани и тонкие, как зубочистки, мачты кораблей в порту; на западе бухту защищали от порывов ветра скалистые утесы, на востоке вход в нее прикрывал узкий длинный мыс, выдававшийся далеко в море. К северу от мыса Большой Мальстрём уже во всю мощь крутил свою безумную убийственную карусель.

От этой картины все нутро у Фафхрда похолодело. Самым правильным сейчас для него было бы взмахнуть руками-крыльями, забить ногами-плавниками, взлететь еще выше, приземлиться легко, точно перышко, на палубу заоблачного корабля и отвесить Фрикс учтивый поклон. Но удар о твердую и неподатливую корму выбил у него из головы все мысли о полетах, точно их там и не бывало никогда; в доли секунды пьянящий полет

фантазии превратился в заурядное похмелье, от которого трещала голова и выворачивались наизнанку внутренности. Он уже не чувствовал себя больше в небе как дома, напротив, ему стало казаться, будто чья-то рука неуклюже и ненадежно приклеила его к небесному своду наспех сляпанными магическими заклятиями, так что малейшее неловкое движение, слово или даже мысль могла порвать тоненькую нить, удерживающую его на этой головокружительной высоте, и тогда он начнет стремительно падать вниз, вниз, вниз и вниз!

Инстинкт моряка подсказал ему, что нужно во что бы то ни стало облегчить корабль. То, что может спасти судно от верной гибели в морской пучине, может, наверное, и предотвратить падение с большой высоты. Бесконечно медленно и осторожно начал он приводить свои руки в соприкосновение с ногами, талией, шеей и другими частями тела, чтобы скинуть лишний груз, заботясь, однако, о том, чтобы ни одним резким или необдуманным движением не нарушить хрупкого равновесия и не низвергнуться с немыслимой высоты.

Мудрость избранного им пути заключалась еще и в том, что, занятый своим телом и про-

странством вокруг, он не испытывал желания и потребности смотреть вниз и не страдал, таким образом, от головокружения.

Избавляясь поочередно от левого и правого сапога, топора, кинжала, ножен и ремня с металлическими заклепками, он заметил, что расстояние примерно в рост человека они пролетали очень медленно, точно нехотя, а потом стремглав падали вниз, точно чья-то рука дергала их за веревочку. Это заставило его предположить, что его окружает какая-то магическая защитная сфера.

Но он не чувствовал к ней доверия.

Пока он избавлялся от относительно твердых и неподатливых предметов, его крылатые спутники продолжали парить на равном расстоянии от него, но, когда он принялся скидывать одежду (а при сложившихся обстоятельствах ему было не до полумер), они нарушили свой строй и (не то привлеченные мягкими тряпками, не то возмущенные его бесстыдством) начали нападать на каждую сброшенную им вещь, громко и хрипло крича, а потом, зажав ее в когтях, победоносно удалялись.

Фафхрд не обращал никакого внимания на странное поведение пернатых компаньонов,

занятый только тем, как бы нечаянно не сделать резкое движение.

Наконец он разделся догола, оставив на себе лишь одну вещь искусственного происхождения, а именно свой крюк.

Это доказывает, насколько он привык воспринимать его как естественную принадлежность своего тела.

Но еще до того, как он остался совсем голым, ему в голову пришел еще один способ «облегчить судно», и он обильно помочился. Занятый созерцанием мощной золотистой струи, бившей высоко в воздух и скрывавшейся из поля зрения (сначала она ударила ему в глаз, но он быстро исправил дело), он и не заметил, как выплыл из-под кормы воздушного корабля и поднялся над ним. Солнечные лучи приятно припекали, спасая его от холода, который в противном случае неминуемо пробрал бы его до костей на такой высоте за отсутствием одежды.

Но куда же подевался арилийский воздушный корабль? Оглядевшись, он наконец увидел его узкую палубу на расстоянии целого корпуса у себя под ногами. Сам же он продолжал медленно, но верно подниматься вверх с наветренной стороны от его полупрозрачной мачты. На снастях сиде-

ли те самые чайки, что утащили его одежду, и, разражаясь время от времени злобными презрительными воплями, раздирали эту самую одежду на клочки острыми когтями и клювами. Теперь они больше походили на фрегатов, чем на чаек.

И тут Фафхрда обуял страх совершенно иного рода: а что, если его полет вверх не кончится никогда и он так и будет лететь, лететь и лететь, пока весь мир не исчезнет из виду, а сам он не потеряется в пустоте или не замерзнет насмерть, достигнув вечно заснеженных горных вершин (как все-таки глупо было с его стороны напугаться до такой степени, чтобы скинуть всю одежду и остаться голышом!); а может, его пожрут чудовища, обитающие в воздухе, — он узнал об этих невидимых воздушных хищниках, когда поднимался на Стардок; а может быть, он даже достигнет далеких таинственных звезд (если, конечно, не умрет от голода и жажды до этого) и они ослепят его нестерпимым блеском, который не в силах перенести взгляд ни одного смертного.

Но не исключено, что счастье не изменит ему и его полет прервется где-нибудь на луне или в тайном (невидимом?) Королевстве Арилия, если, разумеется, оно представляет собой нечто большее, чем просто флотилия кораблей-облаков.

Тут он вспомнил, что один такой корабль (на который он возлагал большие надежды, пока бренди не умер в нем) как раз должен быть где-то поблизости.

Чудесного корабля нигде не было видно, и он испугался, что тот бессердечно покинул его или попросту растаял в воздухе (слишком уж призрачными выглядели верхушки его мачт и снасти); однако мгновение спустя Фафхрд с облегчением вздохнул, увидев, что призрачный галеон все еще маячит под ним, теперь уже футов на тридцать ниже, чем раньше, — как минимум такое же расстояние отделяло его от верхушки мачты, на которой пятерка чаек продолжала рвать его одежду в клочки, хотя теперь уже и не столь злобно.

Он обшарил глазами все судно в поисках Фрикс, но этой высокомерной неуловимой красавицы нигде не было видно — ни на носу, где она любила стоять в позе обворожительно-прекрасной носовой фигуры, ни на корме, ни где-либо в другом месте; а может, ее и вовсе не было, а его подогретое неумеренным количеством бренди воображение сыграло с ним злую шутку, угрюмо подумал он.

Но, видимо, сам корабль все-таки не был пло-

дом его разгулявшейся фантазии, поскольку в этот момент он заметил хрупкую женскую фигурку. Широко раскинув руки, она висела на вантах неподалеку от негодующих чаек и, казалось, загорала, повернувшись к нему спиной. Она была одета в короткую кружевную сорочку, ноги ее были босы, через плечо переброшен изогнутый серебряный рог. Это явно была не Фрикс — слишком маленькая, да еще и блондинка, тогда как у той были волосы цвета воронова крыла.

Фафхрд позвал:

— Эгей! — не то чтобы тихо, но и не очень громко, поскольку, несмотря на новый страх, что его полет может оказаться бесконечным, прежнее опасение нарушить загадочное равновесие и низвергнуться с небес каким-нибудь чрезмерно резким словом или жестом еще жило в нем.

Наслаждавшаяся солнечными лучами девушка никак не отреагировала на его крик.

— Эгей!! — повторил Фафхрд, на этот раз значительно громче, и вновь не получил никакого ответа, если не считать смачного зевка.

— Эгей!!! — заорал Фафхрд, позабыв об осторожности.

На этот раз она медленно повернула голову и взглянула на него. Ничего больше.

— Облачная девушка, — обратился к ней Фафхрд дружелюбно, но немного слишком повелительно, — позови свою госпожу. Я ее старый друг.

Она продолжала смотреть, ни словом, ни жестом не давая понять, что слышит и собирается исполнить то, о чем он ее просит, — лишь чуть насмешливо изогнула бровь.

Фафхрд продолжал, теперь значительно суше:

— Я Фафхрд, капитан «Морского ястреба». Как ты видишь, мне нужна помощь. Скажи об этом своему капитану. Не беспокойся, мы с ней хорошо знакомы.

Поглядев на него еще немножко, жительница небес согласно кивнула и неторопливо спустилась на палубу. Там, бросив на него еще один взгляд, она не спеша отправилась к корме.

Фафхрд разозлился:

— Пошевеливайся, девчонка, а если тебе нужны формальности, то передай королеве Арилии, что один старый друг почтительно просит ее аудиенции.

У дверей кормовой каюты она остановилась и пронзительным нахальным голосом крикнула:

— Так это ты из почтительности пописал на наш корабль? — после чего приподняла край

своей сорочки и скользнула вниз.

Фафхрд с достоинством откашлялся, хотя демонстрировать негодование было абсолютно некому — вокруг не было ни одной живой души, за исключением чаек. Осмелев, он решил спуститься поближе к верхушкам мачт. Однако для этого ему пришлось нырнуть головой вниз, а любые резкие движения по-прежнему вызывали у него страх падения. Все же попробовать стоило, и он нацелился прямо на корабельные снасти, полагая, что если случится самое худшее, то по крайней мере реи и ванты смогут задержать его падение.

Сопя от напряжения, он одолел примерно четверть пути, когда нахальная девчонка вновь появилась на палубе. На этот раз за ней следовала (наконец-то!) и сама Фрикс, похожая на предводительницу амазонок-пираток. На ней было надето что-то вроде формы из белого кружева с серебристой отделкой, высокие, до колен, сапоги из белой замши, широкополая шляпа из того же материала, украшенная страусовым пером, и пояс из змеиной кожи с многочисленными серебряными украшениями. Одежда подчеркивала грациозность фигуры, белизна оттеняла черные как смоль волосы и бронзовый загар. С пояса пре-

красной амазонки свисала длинная узкая сабля в украшенных серебром ножнах.

Увидев голого Фафхрда, который, пыхтя и отдуваясь, медленно спускался к ней по воздуху, стараясь не делать при этом резких движений, королева небес резко что-то приказала своей одетой в кружевную сорочку спутнице; та поднесла серебряный рог к губам, дунула в него, и до ушей северянина донесся сладкий, волнующий душу звук.

Вслед за этим на палубе возникли еще шесть высоких гибких женщин, похожих на Фрикс фигурой и одетых как приличествовало рядовым такого капитана, только с их поясов свисали не мечи, а предметы, которые Фафхрд определил как небольшой кинжал, крохотный кисет и маленькую цилиндрическую фляжку. На коротко стриженных головках подчиненных Фрикс красовались разноцветные форменные шапочки: нежно-розовая, ярко-зеленая, желтая, кроваво-красная, голубая и золотисто-коричневая — именно в таком порядке выстроились они на палубе. За ними шла еще одна девушка, как две капли воды похожая на трубачку, только за плечами у нее висел не горн, а самострел, с которого свисала серебристая веревочная петля.

Фрикс что-то сказала ей, указывая наверх. Та опустилась на одно колено, выгнула спину и, положив петлю на палубу, прицелилась в Фафхрда из самострела.

К счастью, он угадал ее намерения и потому остался совершенно спокоен, когда девушка выстрелила.

Посланный ею снаряд со свистом рассек воздух. Привязанная к нему веревка распрямилась, не сделав при этом ни одного узла. Стрела с тупым наконечником была на расстоянии один фут от лица Фафхрда, когда веревка закончилась. Гигант безбоязненно поймал стрелу, точно осу без жала. Шесть высоких деликатного сложения морячек ухватились за противоположный конец веревки и принялись тянуть. Фафхрд почувствовал, как веревка напряглась и стала сокращаться, таща его за собой. В ту же самую секунду он почувствовал умиротворение, которое можно испытать лишь в объятиях истинно любящего и верного человека.

Дыхание его выровнялось, напряженные мускулы расслабились, он вдруг почувствовал себя столь же гибким (разумеется, настолько, насколько это пристало мужчине, уверил он себя), как и его шесть восхитительных спасительниц.

Подрыгав ногами и взмахнув левой рукой, он предоставил им заканчивать эту необременительную работу. Он хотел даже закрыть глаза, так хорошо ему было, однако ему все же захотелось внимательно рассмотреть корабль, к которому его влекло. Облачная барка была воистину замечательным судном, и чем дольше он вглядывался в нее, тем более и более реальными становились ее паруса и реи.

Пока он, словно пойманная на крючок воздушная рыба, позволял забавляющейся команде заоблачного корабля втаскивать себя на борт, его посетила покаянная мысль о друзьях внизу, об их беспокойстве за него и, конечно же, о Мышелове, который был сейчас где-то глубоко под землей. Ему стало стыдно, но он тут же успокоил себя мыслью, что ушел не насовсем, а лишь на время, чтобы немного расслабиться и отдохнуть, и скоро вернется.

Оказавшись на одном уровне с верхушками мачт, он впервые задумался о том, как предстанет перед своими спасительницами. Сначала он хотел было перебраться на ванты и спуститься по ним на палубу самостоятельно, но потом отверг эту идею, так как не мог решить, спускаться ли ему вниз головой или готовиться приземлиться

на ноги. Что касается наготы, то с этим он не мог ничего поделать и потому продолжал спускаться, держась одной рукой за стрелу, другую вытянув вдоль тела и выпрямив сомкнутые ноги. Проплывая мимо сидевших на рее фрегатов (нет, все-таки это были чайки!), он не мог удержаться, чтобы не помахать им в знак приветствия рукой.

Когда его спуск только начался, шесть девушек, грациозно тянущие веревку, казались ему похожими друг на друга почти до неразличимости; приближаясь к палубе, он начал различать их индивидуальные черты. Первая в ряду, в шапочке нежно-розового цвета, умопомрачительная блондинка, поджарая, словно скаковой леопард (самое быстроногое животное Невона) из пустынных степей Эвамаренси, с грудями круглыми и плотными, точно половинки граната. Сквозь кружево ее униформы проглядывала сорочка розовато-оранжевого оттенка, в тон шапочке. Выражение лица у нее было довольно надменное, брови над льдисто-голубыми глазами высоко подняты, щеки впалые, на левой, возле носа, небольшая родинка. «Клянусь Косом, это же Флой!» Во время его с Фрикс предпоследнего свидания, которое происходило в принадлежащем королеве воздуха замке, что стоит на вершине уходящего в небо пи-

ка, венчающего горный хребет, протянувшийся вдоль северного побережья южного континента Невона, он на спор позволил связать себя так крепко, что его путы не давали ему пошевелить и пальцем, а потом наблюдал, как Фрикс и Флой сначала удовлетворяли каждая себя в одиночку, а затем друг друга, предаваясь умопомрачительно долгим и изобретательным ласкам, и все это время сначала Флой читала наизусть длиннейшую поэму — «Похищение святой Хисвет и Скелдир», а затем Фрикс сухо, точно врач, описала каждую деталь того, что они с Флой проделывали друг с другом, — все это продолжалось до тех пор, пока он тоже не кончил, хотя и поспорил, что им не удастся довести его до такого возбуждения без прикосновений.

Но приближающаяся палуба вновь приковала его внимание. Протянув левую руку, он ухватился за трос и, подтянувшись, опустился сразу на обе ступни, не сгибая коленей. Потом выпрямился и оказался лицом к лицу с ухмыляющейся девушкой, что стреляла в воздух. Она была маленькой и гибкой, как акробатка, — такие всегда нравились Мышелову, — белокожей и светловолосой. Он улыбнулся в ответ, кивнул и протянул ей стрелу, за которую продолжал держаться по пути вниз.

Она взяла стрелу, по-прежнему улыбаясь и не выказывая никакого смущения, и протянула ему, словно взамен, золотой браслет в форме бублика, достаточно большой, чтобы он мог надеть его на свое широкое запястье. Он был целиком металлический и достаточно тяжелый, чтобы удержать его на палубе и не дать ему снова взмыть над кораблем.

— Спасибо тебе, лучница, — сказал он.

Девушка кивнула и принялась сворачивать веревку аккуратными кольцами.

После того как он узнал Флой, вспомнить имена остальных гвардейцев в разноцветных шапочках (интересно, это что, цвета Фрикс?) не составляло труда. Следующих двух — в зеленой и желтой шапочках — он поприветствовал непринужденным «Здравствуйте, дорогая Бри, сладчайшая Элоуи».

Они напряженно улыбнулись в ответ, но не осмелились произнести ни слова. Бри лишь кивнула и наморщила лоб, а тихая Элоуи указала глазами в конец шеренги, где стояла Фрикс, и скорчила гримаску, точно говоря: «Она не в духе. Будь осторожен».

Фафхрду вспомнилось, как они с Фрикс, натешившись любовными ласками до изнеможения, наполнили кубки вином и пошли подглядывать

за подчиненными королевы воздуха для возбуждения собственного сексуального аппетита. Тогда-то он и повстречал этих двух впервые. Войдя в темный покой, королева Арилии подвела его к окну в полу, вокруг которого были разбросаны черные шелковые подушки. Через окно видна была небольшая комнатка, освещенная множеством свечей. Сквозь разрисованный тюль они могли наблюдать за тем, как две длинноногие худощавые девицы оказывали друг другу услуги определенного свойства. Бри была возбуждена и настойчива, время от времени давая указания вслух. Застенчивая Элоуи протестовала, сердилась, ей было душно и жарко (эти свечи кругом!). Опустившись друг подле друга на колени, девушки целовались, ласкали друг другу маленькие грудки, пока соски на них не стали большими и твердыми, и то и дело ладонь то одной, то другой из них ныряла в промежность подружки, дабы доставить той более острое удовольствие. Немного погодя Фрикс принялась расписывать ему, как изменились бы движения девушек, если бы их партнером был он. Он боялся, что ничего не подозревающие любовницы могут их услышать, но она ответила, что их уши заткнуты специальным составом, уменьшающим звук. И лишь много

времени спустя он узнал, что люк на потолке вовсе не был секретом, а девушки не настолько неосведомленными, как ему казалось.

(«В той комнатенке было жарко, как в аду, — призналась ему Бри во время одной из последующих оргий. — Это Фрикс настояла на таком сумасшедшем количестве свечей, чтобы тебе было хорошо видно сквозь тюль. Она всегда продумывает все до мелочей. Чего только нам не пришлось вытерпеть, чтобы подогреть твою похоть и удовлетворить капризную хозяйку, — бедняжка Элоуи была вся в воске. Удивительно, что мы вообще дворец не спалили».)

Однако теперь предупреждения Бри и Элоуи насчет Фрикс заставили Фафхрда подумать о своей внешности и о впечатлении, которое он производит. Ему показалось, что немного сдержанности и чувства собственного достоинства улучшат его положение. Поэтому он выпрямился, замедлил шаг и придал своей руке такое положение, чтобы свисающий с запястья золотой бублик выполнил роль фигового листка.

Ему стоило большого труда сохранить показную серьезность и не рассмеяться, когда он проходил мимо трех других подчиненных Фрикс: рыжеволосой энергичной Чимо, быстроглазой

черноволосой Никси и ангелоподобной Биби, которая с большим искусством обычно разыгрывала простушку и наивную дурочку. Все они были его старинными коллегами по эротическим забавам.

В его сознании всплыло воспоминание об одном идиллическом дне его арилийских каникул. Он лежал на спине, его голова покоилась на внутренней поверхности бедра Чимо, которая сидела, широко раздвинув ноги, в то время как Никси стояла на коленях по одну сторону от нее, а Биби скорчилась в треугольнике, образованном его раскинутыми ногами. Время от времени он поворачивал голову и приникал губами к нижним губам Чимо в долгом глубоком поцелуе, потом перекатывал голову на другую сторону и ласкал губами и языком соски обычно торчащих, но в тот момент висевших над ним маленьких грудей Никси, пока Чимо ласкала их одной рукой. Биби развлекалась с его собственной эротической машиной, а Чимо ласкала ее промежность другой рукой. Все это длилось до тех пор, пока волна экстатического удовольствия не сплавила воедино их переплетенные тела и им не показалось, будто время остановилось.

И судя по всему, его ожидает еще не одна ми-

нута неземного блаженства, если, конечно, он сам не испортит все каким-нибудь не к месту сказанным словом или неуклюжим поступком.

Да, поспешно уверил он сам себя, похоже, что наступает момент воздаяния и в его драматической жизни героя вновь зажжется огонек девичьих милостей — то, чем живут и на что надеются все без исключения герои, как бы редко это ни случалось.

Поздоровавшись со всеми шестью гвардейцами Фрикс, он наконец приблизился и к самой обольстительной королеве воздуха, стоявшей у гостеприимно распахнутой двери в свою каюту, откуда изливалась волна изысканных ароматов. К нему уже вернулось нормальное ощущение собственного веса, он почувствовал жажду и пробуждающийся аппетит, и только собственная волосатая и неприбранная наружность немного смущала его.

Фрикс подняла затянутую в кружевную перчатку руку.

— Привет тебе, старый друг, — заговорила она. — Добро пожаловать на борт «Нежного ветерка».

— Благодарю тебя, моя госпожа, — ответил он в соответствии с правилами хорошего тона. — Я

нуждаюсь в гостеприимстве.

— Тогда спустись вместе с нами туда, где у нас будет больше возможностей оказать его тебе как дорогому гостю, — отвечала она. — Мои дамы освежат и оденут тебя, а ты расскажешь нам о своих последних приключениях, подвигах и грабежах, если на то будет желание.

Фафхрд склонил голову. Перед ним была самая большая компания, которая когда-либо ублажала его у Фрикс. Прямо как в поговорке «Восемь девок, один я». Или, точнее, девять, считая трубачку.

Безмятежно улыбаясь, Фрикс возглавила процессию. Нахальная девчонка-горнистка строила у нее за спиной уморительные гримасы.

Фафхрд следовал за ней, думая, что возможности услаждения плоти, которыми располагает воздушный кораблик, превосходят даже возможности дворца удовольствий.

Когда длинноногие создания окружили его веселой пестрой толпой, он увидел, что предметы, принятые им за кинжал, кисет и фляжку, на самом деле были кружкой для бритья, кистью и бритвой.

24

Когда Пальчики и Гейл, одевшись, сбежали вниз, Афрейт внимательно читала (а может, и перечитывала) что-то написанное выцветшими фиолетовыми чернилами на изрядно потертом на сгибах листке бумаги, еще сохранившем остатки зеленой восковой печати.

Гейл с упреком в голосе воскликнула:

— Тетя Афрейт, это же письмо, которое дал тебе Пшаури!

Афрейт подняла глаза.

— Ты наблюдательна, — заметила она. — Знай, дитя, что правом — нет, обязанностью! — каждого взрослого человека, и особенно женщины, является прочтение доверенного им письма, чтобы в случае его пропажи или насильственного изъятия быть в состоянии засвидетельствовать его содержание под присягой.

Она еще раз сложила бумагу и спрятала ее за пазуху. Гейл продолжала следить за ней. Лицо другой девочки было лишено всякого выражения. Афрейт встала на ноги.

— А теперь надевайте плащи и теплые вещи, — распорядилась она. — На раскопках нас

заждались.

Была уже ночь. Луна, таращась, точно старый желтый череп, с черного небосклона, заливала окрестности мертвым белым светом. Не успели они выйти за порог, как ветер вонзил сотни ледяных иголок им в лицо. С другого конца Соленой Гавани до них долетел унылый звук воздушного колокола, вторившего порывам ветра. Быстрым шагом Афрейт зашагала в сторону казарм. На улице никого больше не было. Время от времени колокол вновь отзывался на призыв ветра глубоким густым басом, точно какой-то бог разговаривал во сне.

У казармы горели костры, работали люди, готовя к отправке очередную собачью упряжку. Афрейт немедленно экспроприировала ее для себя и для девочек. Маннимарк, который должен был отправиться на ней в лагерь, безоговорочно подчинился, чем заслужил презрительный взгляд Гейл, выразившей таким образом свое полное разочарование во взрослых. Пальчики, подражая статной и уверенной в себе Афрейт, отнеслась к происшедшему как к чему-то само собой разумеющемуся.

— На раскопках что-нибудь передать? — спросила женщина усатого мужчину, усаживаясь и

беря в руки хлыст. — Я скажу, что ты приедешь позже, капрал. Думаю, что скоро вернется другая упряжка.

— Ничего страшного, госпожа, — прогудел он в ответ. — Мы пойдем пешком.

— Отлично, капрал.

Хлыст щелкнул, собаки сорвались с места, зазвенели бубенцы, и повозка выехала из-за казармы, подставив их лица порывам ледяного северного ветра. Луна осталась у них за спиной. Девочки поплотнее закутались в капюшоны, но Афрейт по-прежнему высоко держала голову. По мере того как они приближались к храму Луны, звуки колокола становились все более отчетливыми и частыми.

— Ветер усиливается, — прокомментировала Афрейт. — На Лугу будет здорово холодно.

Вскоре впереди, точно маяк, обещающий уют и тепло, возник одинокий огонек горевшего перед палаткой костра. Хлыст в руках Афрейт заработал чаще.

— Где госпожа Сиф? — был ее первый вопрос, когда упряжка со звоном и свистом подкатила к костру.

— В туннеле, госпожа, — ответил Скаллик.

— Разгружайте. — И, спешившись, повернула

к яме, из которой поднимался бледный столб света.

Девочки следовали за ней по пятам.

Земляная насыпь рядом с ямой теперь размером стала почти с холм. Френ, точно какой-то странный часовой, непрерывно расхаживал вниз и вверх по этому холму, повторяя одни и те же движения. Подойдя ближе, они увидели, что у ямы лежат большие кузнечные мехи и что Френ делает три шага прямо по ним, отчего они опадают, потом делает шаг в сторону, наклоняется, дергает ручку мехов вверх, отчего они вновь расправляются и наполняются воздухом, возвращается к устью ямы и повторяет все сначала.

Встав у противоположного края, Афрейт и девочки увидели, что мехи соединяются с лохматой шкурой снежной змеи, свисающей прямо в яму. Там пасть первой змеи заглатывала хвост второй и так далее. Пятая по счету змея изгибалась и заворачивала в поперечный туннель на дне шахты. У входа в него висели две ярко горевшие лампы.

Когда мехи в очередной раз опадали, было видно, как порция воздуха спускается по импровизированной трубе, точно все змеи одна за другой делали выдох.

Афрейт объяснила девочкам:

— Каждой змее подстригли хвост и всунули в пасть предыдущей, приклеив специальным воздухонепроницаемым клеем. Потом его можно будет легко удалить при помощи спирта, шкуры почистить, хвосты пришить и восстановить шкуры так, что они не потеряют первоначальной стоимости. В противном случае мы понесли бы огромные убытки. — Тут она сделала знак работавшему на вентиляции и, бросив девочкам: — Вы следом, — забралась в пустое ведро и съехала вниз.

Туннель представлял собой плохо освещенный низкий прямоугольник с каменным полом и обшитыми досками стенами и потолком; Афрейт пришлось пригнуться, чтобы пройти по нему, хотя девочки могли идти выпрямившись в полный рост.

— Я думала, что под землей будет теплее, — заметила Гейл.

— Это из-за вентиляции здесь такой сквозняк. К тому же воздух, который подается сверху, холодный, — напомнила ей старшая женщина. — Смотрите, здесь дерева на целое состояние, — обратила она внимание девочек.

— Жизнь героя стоит любых расходов, — возвышенным тоном отозвалась Пальчики.

— Так что тем, кто берется за их спасение, только и остается, что выкладывать деньги на бочку, — подытожила Афрейт. — К счастью, лес еще можно будет потом продать, так же как и шкуры.

Впереди показалась каменная стена, и тут же, как им почудилось, прямо из нее, хотя на самом деле из-за нее, показался коротенький человечек, тащивший два ведра с землей, одно впереди, а другое позади себя. Это был Миккиду. Они протиснулись мимо него, оказались в узкой части туннеля, левая стена которого по-прежнему была покрыта деревянной обшивкой, а правая представляла собой сплошной камень. Когда, миновав узкое место, они вышли в относительно свободное пространство, впереди замаячил свет, указывавший на то, что конец путешествия близок.

С последней потолочной балки свисала зажженная лампа, а в не обшитом досками пространстве работала Сиф. Совком и одетой в перчатку левой рукой она соскабливала со стены туннеля тонкие пласты сухой крошащейся почвы, которая здесь представляла собой что-то среднее между известняком и песчаником. Из раскрытой пасти последней змеи, поддерживаемой в горизонталь-

ном положении вбитым в обшивку колышком, то и дело вырывалась струя холодного воздуха, в которой плясали песчинки и всякий мелкий мусор.

Маленькая женщина так сосредоточилась на своем занятии, что не замечала их присутствия до тех пор, пока ее более рослая подруга не тронула ее за плечо.

Обернувшись, она устремила на них невидящий взгляд. Тут ее глаза закатились, и она начала падать прямо на протянутые руки подруги.

— Да ты же просто заморила себя работой, — возмутилась Афрейт. — Тебя должны были сменить здесь несколько часов тому назад! На-ка глотни.

С этими словами она, не переставая поддерживать подругу одной рукой, другой извлекла из сумки плоскую серебряную фляжку, зубами вытащила пробку и поднесла ко рту изнемогшей от работы женщины.

Та сделала большой глоток основательно разбавленного водой бренди.

— Да ты вообще хоть сколько-нибудь отдыхала с тех пор, как приходила домой сегодня днем? — требовательно спросила Афрейт.

— Полежала немного в палатке, но только раз-

нервничалась еще больше.

— Поедешь со мной. Нам с тобой нужно кое-что обсудить наедине. Гейл! Заменишь Сиф. Пальчики будет тебе помогать — ее ловкие руки как раз сгодятся для такой работы.

— О, здорово! — ответила Гейл.

— Я польщена, — ответила Пальчики.

Сиф без всяких возражений приняла помощь, спросив только:

— Что мы должны обсудить?

— Всему свое время.

В туннеле они повстречали Миккиду, возвращавшегося с пустыми ведрами. Афрейт обратилась к нему:

— Я увожу госпожу Сиф домой. Ей давно пора отдохнуть. Ты остаешься за старшего. Гейл и Пальчики заменят ее в туннеле. Смотри, чтобы они не перерабатывали, и к полуночи отошли их в дом Сиф.

Он вопросительно посмотрел на Сиф. Она кивнула и только потом вспомнила о кольце Фафхрда, сняла его со своей руки и передала Миккиду.

Наверху тем временем разгрузили тележку, и Скаллик уже беседовал с Маннимарком и Гортом, тоже человеком Фафхрда, которые дошли до

лагеря пешком.

Афрейт налила Сиф чашку горячего супа и приказала:

— Впрягите новых собак. Я везу госпожу Сиф домой. Ей нужен отдых. Другой поклажи не возьму. Кольцо у Миккиду.

— С этой повозкой должны были уехать Мара и Мэй, — сказал Скаллик.

Две светловолосые девчонки помахали из палатки, где они прятались от ветра.

— Их я, конечно, возьму, — ответила Афрейт. — Девочки, забирайтесь! И возьмите с собой одеяло. И еще одно — для госпожи Сиф.

На пути в Соленую Гавань ветер дул им в спину, что было значительно лучше. Разговаривать никому не хотелось. На полдороге Сиф подозрительно спросила:

— В том бренди, что ты дала мне, маковой воды, случайно, не было? Привкус у него какой-то странный, сладковато-тошнотворный.

— Ровно столько, чтобы помочь тебе расслабиться и заснуть.

Афрейт направилась прямо к дому Сиф и поручила девочкам вернуть повозку в казарму, прежде чем они разойдутся по домам. Она разогрела для Сиф хороший обед, проследила за тем,

чтобы она все до крошки съела, налила обеим бренди и протянула Сиф письмо Пшаури со словами:

— Я, конечно, прочитала его. И тебе тоже стоит. Это важно для тебя.

Развернув письмо, Сиф прежде всего внимательно изучила адрес.

— Это письмо было в доставленном капитану мешке с почтой, — подтвердила она.

Затем она умолкла, погрузившись в чтение. Письмо гласило:

Дорогой сын Пшаури!

Надеюсь, ты жив и здоров в твоем северном приключении под командованием этого отъявленного мошенника Серого Мышелова.

Должна сказать, что у него больше причин сделать тебя своим помощником, чем он думает.

Когда ты был еще совсем юным, я, помнится, указала тебе на него как на одного из наиболее замечательных жителей Ланкмара. Но тогда я не считала нужным сообщать тебе (или ему), что ты — его сын. Как показывает мой жизненный опыт, такая тактика редко срабатывает, и я не из тех, кто добивается милостей таким путем.

Это случилось, когда я была еще совсем зеленой, задолго до того, как я стала профессионалкой.

Тогда я была в услужении у танцовщицы Ивлис, и мы с ней попали в переделку, связанную с какими-то мудреными драгоценностями, с Цехом Воров и неотесанным дружком Мышелова — северянином Фафхрдом.

Эти двое сговорились соблазнить меня. Фафхрду я нравилась больше, но Мышелов был хитрее и ловчее наливал вино — и мне, и себе. Всему, что я знаю о лжи и притворстве, я научилась у этого дьявола.

Но теперь, когда волею случая ты оказался под его началом, то можешь извлечь какую-нибудь выгоду из этих сведений. Воспользуйся ими как сочтешь нужным. К счастью, существует неоспоримое доказательство вашего родства. В его семье из поколения в поколение передаются родинки, расположенные в виде равностороннего треугольника.

Спасибо за серебряное кольцо и семь рильков.

Желаю тебе процветания,

твоя любящая мать Фрег.

Сиф взглянула на Афрейт.

— Очень похоже на правду, — сказала она, кивая.

— Тебе тоже так показалось? — переспросила

другая.

— Клянусь весами Скамы, что́ в этом удивительного! Мужчине свойственно бросать семя там, где почва выглядит привлекательной.

— А уж тем более герою… — добавила Афрейт. — Откуда же иначе взяться подвигам?

Сиф продолжала задумчиво:

— Помнится, когда мы рассказывали Мышелову с Фафом о том, как нам удалось завлечь на службу к островитянам иноземных богов Локи и Одина, соблазнив их любовными ловушками и посулами, они тоже намекали на свои победы среди богинь — невидимая принцесса Стардока, морские русалки, крысиная принцесса Хисвет и какая-то воздушная принцесса, бывшая одно время у нее в услужении.

Афрейт возразила:

— У этой женщины, которая заявляет, что Пшаури — ее сын, в жилах не течет даже просто благородная, не то что божественная кровь. А что, если он начнет претендовать на права сына Мышелова? Как ты к этому отнесешься?

Сиф строго посмотрела на нее:

— Пшаури верно служил Мышелову до сих пор, а в качестве его сына может сделать еще больше. Я одобряю его стремление обратить на

себя внимание отца. Между ними и в самом деле есть глубинное сходство. К тому же на бедре у Мышелова действительно есть треугольник из родинок.

— Другой вопрос, — продолжала Афрейт. — Твой серый любовник проявлял когда-нибудь какие-нибудь странные пристрастия в любви?

— А твой рыжеволосый варвар? — ответила Сиф вопросом на вопрос.

— Не знаю, можно ли назвать это странностью, — с натянутым смешком отвечала та, — но однажды, когда мы с ним развлеклись в постели, он вдруг предложил позвать к нам Рилл. Я сказала, что лучше задушу его своими руками, и попыталась привести угрозу в исполнение. Возникла небольшая потасовка, вскоре перешедшая в любовную игру, и тут уж мы забыли обо всем, включая и предложение, которое к этому привело. Поэтому серьезно он это говорил или только в шутку, чтобы завести меня как следует, я так никогда и не узнаю.

Сиф рассмеялась, потом впала в задумчивость:

— Одно время Мышелов все приставал ко мне с расспросами, не чувствовала ли я когда-нибудь влечения к женщинам. Я, разумеется, поставила его на место, сказав, что никогда не имела отно-

шения ни к чему подобному, но с тех пор вопрос, почему это его так интересовало, нет-нет да и приходит мне в голову.

Афрейт бросила на нее лукавый взгляд:

— Так, значит, ты не рассказала ему о нашем с тобой… — Она не закончила предложение.

— Но мы же были всего лишь девчонками, когда это случилось, — возмутилась Сиф.

— Правда твоя, — ответила Афрейт. — Лет по четырнадцать нам было, как я помню. Но ты засыпаешь. Да и я, по правде сказать, тоже.

25

Когда Серый Мышелов в очередной раз пришел в сознание, он позабыл не только кто, но и что он такое.

Поначалу он никак не мог понять, почему подземная тварь, состоящая из складки плоти, заполненной твердыми гладкими полукружьями с заостренными вершинами, плотно смыкающимися вокруг чего-то наподобие улитки, бесконечно обшаривающей свою темницу и облегчающей доступ тоненькой воздушной струйки откуда-то из окружающего сухого и пыльного пространства, обладает мозгом, достаточно мощным для

того, чтобы вобрать миры пространства и опыта.

Моллюск, окруженный скорлупой пересохшей плоти, знал о существовании мозга, так как от него исходили бессвязные обрывки мыслей, пронзавшие окружающую темноту с быстротой молний. Они грозили вот-вот взорваться яркой вспышкой образов и воспоминаний, которая перевернет окружающий мир.

Мысли, еще слепые и немые, уже принялись, точно щупальца, обшаривать тесное окружающее пространство, наполненное желтоватой мглой, не заслуживавшей наименования света.

Неожиданно без всякого предупреждения темнота расступилась, и заточенному в темницу мозгу открылась картина ярко освещенной комнаты, заставленной книжными шкафами. На одной из стен висела огромная карта Невона. Подле нее сидело двуногое животное почтенного и представительного вида, беззвучно беседовавшее со своей копией, которая, стоя напротив, внимала родителю.

Услужливая память подсказала складке плоти, что животное перед ним именуется человеком, и тут наступила минута прозрения, и он понял, что толстые красные губы, беспрестанно движущиеся на лице человека, называются ртом, что за

ними обыкновенно бывает расположен такой же влажный карман, каким ощущал себя в данную минуту и он сам, что карман заполняли ровные белые полукружья, известные как зубы, позади которых обитал моллюск-язык, и, следовательно, к нему должно прилагаться такое же тело, как и у этого двуногого, и что сам он тоже человек, хотя и немилосердно стиснутый и сжатый со всех сторон пластами земли.

И тут же тело наводнило мозг лавиной импульсов, давших ему понять, что он лежит скорчившись в позе нерожденного младенца, обеими руками прикрывая свой член, бессильно обмякший после оргазма-пытки, который он испытал в объятиях голубокожей сестрицы Боли.

Воспоминание об этой чудовищной муке навело его на мысль о последней виденной им сцене в покоях Хисвет, и тут же он подумал, что, должно быть, видит заклинательный покой ее отца, куда вот-вот ворвется голая Четверка, чтобы сообщить о грозящей опасности, а скелетоподобная красотка еще раз подкрадется к нему сзади и подвергнет очередной пытке, пока он лежит здесь, беспомощный и беззащитный.

Но нет! Он чувствовал, что и запах, и сам состав окружающей его почвы изменились. Здешние

глубинные породы были явно вулканического, а не осадочного происхождения. И пропитывавшая их влага не отдавала затхлостью Соленой топи или нижнего течения реки Хлал, но имела резкий, железистый привкус минеральных источников, сбегавших с Голодных гор, что вздымали свои ледяные пики к небу в доброй тысяче миль к югу от Ланкмара. Эта вода не походила по вкусу ни на один из тех напитков, что были в ходу в разноязыкой метрополии, но наводили на мысли о гораздо более замкнутой и уединенной общине. Поганковое вино!

Второй, более внимательный взгляд, брошенный им на подземную комнату и ее обитателей, прояснил его местонахождение. Если бы не причиненная пыткой временная амнезия, он никогда не перепутал бы с раздражительным, похожим на злого школьного учителя Хисвином исполненную силы и сознания собственной власти фигуру человека, сидевшего перед ним и беседовавшего с мальчиком. Крючковатый нос, впалые щеки, гордый ястребиный профиль и, конечно же, кроваво-красные глаза, угольно-черные зрачки которых окружала белоснежная радужка, — одна эта деталь должна была подсказать, что перед ним их с Фафхрдом заклятый враг, Квармаль,

владыка Квармалла.

Как только он это понял, его сознание тут же отметило массу других деталей, подтверждавших правильность его догадки. Так, в дальнем конце покоя он заметил вспучившийся от ветра занавес из множества висячих шнуров, а за ним виднелся короткорукий человекообразный монстр с толстыми ляжками, безостановочно шагавший на одном месте. Властитель Квармалла во множестве создавал таких рабов для работы на ступальных колесах, которые приводили в действие вентиляторы, нагнетавшие воздух в скрытые под землей пещеры Квармалла. Преимущество этих созданий перед рабочей силой другого рода было в том, что они обладали лишь крохотной толикой разума, необходимой для исполнения их обязанностей.

Без всяких сомнений, расстояние между ним и Льдистым островом увеличилось вполовину против того момента, когда сестрица Боль застигла его у покоев Хисвет в Нижнем Ланкмаре, где он подглядывал, как та коротает досужий полдень. Он не переставал удивляться, каким чудом ему удавалось одолевать такие расстояния под землей. Чем дальше, тем больше утверждался он в мысли, что все это ему лишь снится, пока он ле-

жит неглубоко в земле под вершиной Висельного холма и ждет, когда его вытащат оттуда — если, конечно, вытащат.

Выйдя из владевшей им задумчивости, Мышелов убедился, что его техника частого неглубокого дыхания по-прежнему действует, и принялся в подробностях разглядывать открывшуюся его магическому взору комнату, наполненную книгами, картами и хитроумными приспособлениями. Положение, в котором он оказался, может служить моделью всей его жизни, подумалось вдруг ему. Вечно он вынужден заглядывать в окна уютных комнат, где культурные и воспитанные люди ведут занимательные беседы в приятной компании, а он в это время мокнет под проливным дождем, мерзнет от ледяного ветра или страдает от чего-нибудь похуже, как сейчас. Ну как тут не сделаться вором?

«Однако вернемся к делу», — напомнил он себе и принялся изучать комнату и двух с половиной ее обитателей (половиной он считал безмозглого раба, беспрестанно вращавшего колесо в дальнем конце помещения).

И повелитель Квармалла, примостившийся на высоком табурете подле узкого стола и беззвучно произносивший свои поучения, и мальчик, к

которому он обращался, в равной степени производили впечатление набросков, сделанных художником, решившим попрактиковаться в изображении очень худых и очень измученных людей. Несомненное семейное сходство между двумя было очень заметно, хотя глаза мальчика нисколько не походили на налитые кровью буркалы его родителя; в свою очередь, жидкая растительность, покрывавшая череп последнего между плешивой макушкой и сморщенными ушами, не имела того зеленого оттенка, которым отличались коротко стриженные завитушки на голове его отпрыска.

«О чем же они там треплются?» — задал себе вопрос Мышелов. Черт побери, где звук? Вспомнив, что поначалу ему также не был слышен разговор Хисвет и ее компаньонок, он сконцентрировал все внимание на слухе, стараясь сделать так, чтобы он проникал сквозь толщу земли так же легко, как и зрение.

Сначала у него ничего не вышло, и он подумал, что, должно быть, слишком торопится. Он расслабился и стал думать о другом. Тут Квармаль как раз взмахнул длинным тонким жезлом, который был у него в руке, и тем самым привлек внимание Мышелова к карте Невона на стене.

Это было настоящее произведение искусства, и он решил рассмотреть ее получше, просто для удовольствия. Цветовая гамма карты соответствовала природным краскам: моря и озера были голубыми и синими, пустыни — желтыми, снег и лед — белыми и так далее. На западе, вблизи ярко-синего Крайнего моря, четко вырисовывались пурпурные очертания Квармалла: даже если бы картограф написал на нем: «Ты здесь», это и то не было бы более очевидно.

К северу от него карта была покрыта сыпью небольших белых овалов — Голодные горы. За ними простирался обширный коричневый участок, пересеченный синей ниточкой, — хлебные поля и река Хлал. Там, где Хлал впадал в более светлое Срединное море, на восточном берегу великой реки, виднелся Ланкмар.

В верхней части карты темно-зеленые просторы Земли Восьми Городов упирались в покрытые снегом горы Пляшущих Троллей, к северу от которых тянулась однообразная белизна Стылых Пустошей. За ними, в левом верхнем углу карты, среди яркой синевы Крайнего моря Мышелов увидел то, чего никогда в жизни не видел ни на одной карте, — Льдистый остров. Он выглядел крохотным. Мышелов содрогнулся, воочию уви-

дев расстояние, отделявшее его от родной гавани. Хоть бы это оказался кошмарный сон, взмолился он про себя.

Его взгляд вновь пустился в странствие по карте, теперь в другую сторону. За Стылыми пустошами, за морем Монстров он увидел еще кое-что новое для себя: овальное черное пятно с яркой сапфировой искрой посередине — Царство Теней, обитель Смерти. В Восточной Империи любой картограф, осмелившийся хотя бы намеком указать на ее местоположение, немедленно был бы казнен.

По всей карте были разбросаны загадочно мерцавшие фиолетовые искры — особенно много их скопилось возле больших городов, а кое-где горели ярко-красные пятнышки, — можно было подумать, что владелец щедро утыкал карту булавками с аметистовыми головками, а на рубиновые поскупился. Что бы это значило? Мышелов с неудовольствием отметил, что одна из редких красных точек находилась на Льдистом острове, прямо возле Соленой Гавани.

И тут до Серого дошло, что на протяжении нескольких последних минут какой-то тихий, но явственный звук достигает его слуха. Он напоминал шелест, который могли бы издавать тысячи

и тысячи собранных в одном месте морских раковин. Это были вентиляторы, приводимые в действие рабами при помощи ступального колеса. Десять лет минуло с тех пор, как он, Мышелов, служил в этих пещерах телохранителем Принца Гваая, но, раз услышав этот звук, его никогда не забудешь.

Теперь к непрерывному шелесту вентиляторов начал примешиваться еще один звук, отдаленно напоминающий рев, смягченный до шепота. Звук этот явно совпадал с движениями губ старого Квармаля. Вслушавшись в это шипение, наводившее на мысль о жаждущих отмщения духах, Мышелов понял, что это верхнеквармаллийский язык. Сделав еще одно усилие, он с торжеством разобрал первую фразу: «Караваны сокровищ из Куша». С этими словами Квармаль щелкнул своим жезлом по силуэту тропической страны, изображенной на карте чуть ниже Квармалла. Дальше Мышелов уже понимал весь диалог целиком. Хотя он и придерживался чрезвычайно высокого мнения о своих лингвистических способностях, но в этом случае даже он вынужден был признать, что без вмешательства магии дело тут не обошлось.

К в а р м а л ь. Итак, дражайший Ингварль,

сын моих чресл и наследник моих пещер, хотя первейшей обязанностью властелина Квармалла и является месть врагам и недоброжелателям своего королевства, но запомни, никогда мщение не должно осуществляться ценой разглашения тайны о местонахождении нашего подземного города. Вот почему на этой карте так много фиолетовых точек, символизирующих наших шпионов и тайных союзников, и так мало красных, означающих наемных убийц.

И н г в а р л ь. Значит ли это, что число льстецов и двуручников всегда должно преобладать над числом отважных воинов?

К в а р м а л ь. Не многие из моих наемников — воины. Большинство из них отнимают драгоценную жизнь при помощи сладких, как сон, ядов или усыпляющих заклятий, прекрасных, как грезы любви.

И н г в а р л ь. Почему нельзя всегда действовать открыто, как на войне!

К в а р м а л ь. Нетерпение молодости! Квармалл пытался вести войну и проиграл. Теперь настало время действовать медленно, но наверняка. В связи с этим позволь тебя спросить: кому может доверять принц Квармалла?

И н г в а р л ь. Тебе, отец. Но не матери. Брату

— никогда! Но он может доверять подругам-наложницам, если они приходятся ему сестрами и, следовательно, прошли его выучку и покорны его воле.

Со своего сокрытого в толще земли наблюдательного поста Мышелов увидел, как раздуваемый воздушной струей занавес в конце покоя раздвинулся и через него, минуя беспрестанно шагавшего на месте раба, вошла обнаженная девочка. Она была того же возраста, что и Ингварль, вдвое худее его, зеленовато-белые волосы коротко подстрижены. Неся узкий длинный кинжал с обоюдоострым лезвием впереди себя, она неумолимо приближалась к ничего не подозревавшему мальчику. Двигалась она легко, но чуть прихрамывала на левую ногу. Лицо ее было лишено всякого выражения — как у лунатика.

К в а р м а л ь. Которой из сестер можно доверять? Скажем, Иссе?

И н г в а р л ь. Больше, чем младшим подругам-наложницам, поскольку она прошла более длительную выучку.

К в а р м а л ь. Рад это слышать. Оглянись.

Ингварль обернулся и застыл.

Квармаль дал ему осознать всю серьезность положения. Не отрываясь, точно готовящийся

к прыжку леопард, смотрел он на детей. Жезл в правой руке был у него наготове. Левую руку он держал на уровне головы на расстоянии фута от своего лица.

Девочка достигла места, откуда можно было нанести удар.

Быстрый, точно нападающая змея, Ингварль выхватил из-за пояса кинжал.

Его престарелый родитель стукнул своим жезлом по костяшкам пальцев правой руки мальчика, и оружие бессильно звякнуло о каменный пол.

Преданный вторично, Ингварль окончательно остолбенел.

И тут же средний палец левой руки Квармаля соскользнул с подушечки большого и со щелчком, больше всего похожим на щелканье извозчичьего кнута, опустился точно в ложбинку между прижатым к ладони безымянным и основанием большого пальца. И еще раз. И еще.

При звуке первого щелчка девочка споткнулась, ее кинжал замер на расстоянии ладони от живота Ингварля, глаза широко распахнулись.

Со вторым щелчком в них отразилось понимание всей чудовищности предпринятой попытки. Она побледнела.

С третьим щелчком глаза ее закатились, веки сомкнулись, точно ужас перед содеянным лишил ее чувств. Кинжал выпал из ее пальцев и, ударившись о пол со всего размаху, отскочил в сторону. Она качнулась вперед. Жезл Квармаля вылетел из-за плеча изумленного мальчика, и его медный наконечник уперся ей в солнечное сплетение. Ее сомкнутые веки сморщились, точно она хотела мигнуть с закрытыми глазами, лицо побледнело еще больше.

— Поддержи Иссу, иначе она упадет, — приказал Квармаль сыну.

К его чести, Ингварль справился довольно быстро, подхватив падающую навзничь худенькую фигурку за плечи и под коленки.

— Положи ее сюда, — продолжал Квармаль, указывая на стол подле себя.

Ингварль выполнил указания отца. Похоже, что в этой семье все приучены действовать быстро и без суеты, когда того требует дело, подумал Мышелов.

К в а р м а л ь. Учебная демонстрация застигла тебя врасплох. (Он произнес эти слова без всякого выражения, почти небрежно.) Ты привык к безопасности наших подземных пещер и не подготовился к возможному нападению. Сестра,

даже самая хорошо обученная, не заслуживает доверия, в особенности если рядом есть кто-то, кто может повлиять на нее. Чтобы преподать тебе наглядный урок, я ввел Иссу в транс и заставил ее действовать помимо ее воли, потом отменил заклятие.

И н г в а р л ь. Ты отменил заклятие, щелкнув три раза пальцами? (Старый Квармаль кивнул.) А что, если твоя отмена не сработала?

К в а р м а л ь. Ты видел, как быстро и уверенно остановил я падение Иссы при помощи жезла и при его же помощи не позволил тебе раньше времени прервать урок и заодно предотвратил порчу драгоценного имущества Квармалла.

И н г в а р л ь. Но что, если бы жезл тоже не подействовал?

К в а р м а л ь. Что ж, и это не беда — там, откуда ты взялся, есть еще. Неужели ты думаешь, что отец, позволивший наиболее одаренным старшим сыновьям поубивать друг друга ради блага страны, пожалел бы тебя в аналогичных обстоятельствах? Кроме того, я стремился преподать тебе урок недоверия ко всем, не исключая и меня.

И н г в а р л ь. Ты добился желаемого, почтенный родитель.

К в а р м а л ь *(поднимая ногу Иссы, чтобы поближе рассмотреть красные круги на пятке и у основания большого пальца).* Зачем было калечить драгоценную собственность Квармалла?

И н г в а р л ь *(хмуро).* Эту часть тела обычно не выставляют на всеобщее обозрение, так что красоте это не вредит.

К в а р м а л ь. Не вредит? Разве хромота — это признак привлекательности? Можно было догадаться использовать для воспитательных целей пах или подмышку.

И н г в а р л ь. Преклоняюсь перед твоей мудростью, почтенный родитель. Научи же меня искусству накладывать заклятия.

К в а р м а л ь. Всему свое время, сынок. Сейчас я должен привести в чувство Иссу.

Старик больно ущипнул девочку за грудь, отчего она тут же открыла глаза и со свистом втянула в себя воздух. Но он не успел обратиться к ней: взгляд его стал рассеянным, а рука сжалась вокруг плеча мальчика. Тот сморщился от боли.

— В окружающих нас скалах прячется невидимый враг, — прошипел старый волшебник. — Он появился, пока я обучал тебя.

Дети, взглянув в его рубиновые глаза, задрожали от страха.

Мышелов в своей земляной тюрьме ощутил какое-то движение. Окружающие пласты сдавили его так, что он едва мог дышать, потом их давление ослабло настолько, что он почувствовал себя почти свободным. Так повторилось несколько раз. Можно было подумать, что наверху расхаживают колоссы, под ногами которых пружинит земля.

Старый Квармаль в своей заклинательной комнате вновь обрел дар речи:

— Это мой враг двенадцатилетней давности, защитник Гваая, король воров и разрушитель империй, Серый Мышелов. Он как-то разузнал о моем замысле извести его дружка (должно быть, Шильба и Нингобль ему подсказали) и явился сюда шпионить за мной. Натравить на него червей-бурильщиков и ядовитых кротов! Выпустить на свободу пауков и слизняков, чей яд прожигает камень насквозь!

Этих угроз, которые Мышелов прекрасно слышал и почти принял всерьез, было более чем достаточно. Когда земляные пласты в очередной раз выжали из него весь временный запас дыхания, он отключился.

26

Всю жизнь Пшаури руководствовался одним неписаным правилом — достигать своей цели с минимальными усилиями. Поэтому он никогда не строил планов заранее, а всегда находил помощников на месте и черпал вдохновение из ситуации. Так что, когда он наконец вскарабкался по залитому лунным светом восточному склону вулкана Черный огонь и, выпрямившись в полный рост на самом краю его кратера, ощутил всю мощь северного ветра, никакие предчувствия его не мучили.

Первое, что он увидел, был черный камень, размером и формой напоминающий череп. Он наклонился вперед и ощупал его. Камень оказался не шершавым, как обычные куски вулканического пепла или застывшей лавы, но гладким и тяжелым, словно свинец, — именно поэтому ярящиеся вокруг кратера ветры и не смогли сбросить его в долину.

Собравшись с духом, Пшаури окинул взглядом затянутое облаками ночное небо. Он снова почуял угрозу с юго-востока, — казалось, нечто вот-вот появится оттуда, широко шагая на призрачных

ногах-ходулях, или склонится над кратером с небосвода.

Он сделал три шага вперед и уставился в узкое глубокое жерло вулкана.

Крохотное красновато-розовое озерко лавы внизу выглядело удивительно спокойным, однако на своих обожженных ледяным ветром щеках он немедленно почувствовал жар его дыхания.

Его рука так и рвалась к сумке, где лежал талисман иноземного бога, врага его отца, чтобы выхватить его оттуда и зашвырнуть в жерло, пока ночь не собрала свои злые силы.

Но, точно прочитав его мысли, маленький, но тяжелый Усмиритель Водоворота ожил и забился, ища выхода, стремясь разорвать удерживавшую его сумку, колошматя его по ногам и гениталиям, причиняя мучительную боль.

Пшаури продолжал действовать, не удивляясь сверхъестественности происходящего. Его загрубевшие от работы ладони сомкнулись вокруг сумки. Он обернулся, подскочил к свинцовому камню-черепу и изо всех сил прижал к нему плененный (и, несомненно, зачарованный!) золотой талисман, наполненный золой иноземного бога. Сумку трясло у него в руках. Он радовался, что у талисмана нет по крайней мере зубов. Он также

чувствовал, как силы ночи смыкаются вокруг него.

Но вверх он по-прежнему не смотрел. Прижимая Усмиритель к камню коленом и левой рукой, правой он достал кинжал и перерезал ремни, удерживавшие сумку у него на поясе. Потом, сжав рукоятку кинжала зубами, размотал висевшую у него на боку тонкую веревку, которая помогла ему взобраться на эту высоту, и крепко-накрепко обвязал ею камень вместе с прижатой к нему сумкой и ее обезумевшей кладью, останавливаясь при каждом новом витке веревки, чтобы убедиться, что узел затянут основательно.

Он трудился как заведенный, изо всех сил борясь с искушением обернуться и посмотреть назад, а мозг его между тем лихорадочно работал. Ему вдруг вспомнился рассказ Миккиду о том, как капитан Мышелов заставил команду «Морского ястреба» привязать весь груз на палубе по второму разу, так что, когда судно накрыла волна, поднятая прыжком левиафана через палубу, и оно стало погружаться в пучину, просмоленные мешки с зерном и сушеными фруктами удержали его на плаву, точно поплавки. Вспомнилось ему также, что Мышелов прочел в тот раз команде целую лекцию о необходимости надежно

привязывать свои пожитки, если хочешь быть уверенным в их сохранности, и что все, кто ходил с ним в тот рейс, подозревали, что именно так он и поступил с обворожительной морской демонессой, которая пыталась околдовать его и подчинить своей воле корабль.

Потом вдруг вспомнился один тихий вечер, когда, окончив дневную работу, капитан Мышелов решил посидеть со своими людьми и выпить вина. На него тогда накатил редкий философский стих, и он сознался: «Не доверяю я серьезным мыслям, всяким там анализам и прочей рационалистической чепухе. Когда встречаешься с проблемой, нырни в нее сразу, в самую глубину, и никогда не теряй уверенности, что найдешь решение».

Это было еще до того, как письмо Фрег заставило его взглянуть на капитана другими глазами — не только как на вожака и наставника, но и как на героя и отца — и попытаться обратить на себя его внимание. Стремясь завоевать отцовское признание, он, глупец, и выпустил на свободу злейшего врага своего отца.

Где теперь его отец?

И сможет ли он помочь ему?

Работа была завершена — последняя веревоч-

ная петля обвита вокруг камня, последний узел затянут и проверен на прочность, сумка слилась с камнем в единое целое. Не давая себе ни минуты на размышления, Пшаури обхватил тяжелый сверток обеими руками, повернулся, сделал два шага навстречу ледяному северному ветру, остановился у кратера, поднял руки над головой и изо всех сил зашвырнул камень в самое жерло. Как только его руки перестали ощущать тяжесть свертка, у него возникло отчетливое ощущение, что промедли он еще с полминуты, и чья-то рука, протянувшись с неба, вырвала бы у него драгоценный талисман.

Чтобы не потерять равновесия от резкого движения и не слететь в лавовое озеро вслед за камнем, он опустился на корточки и тут же вытянул ноги назад, оказавшись, таким образом, лежащим на животе на краю кратера. И хорошо сделал, ибо сразу же вслед за этим сзади налетел порыв ледяного ветра, который, точно крыло могучей птицы, наверняка смел бы его вниз.

Не отрываясь, следил он за падением камня-черепа с крепко-накрепко привязанной к нему сумкой. Падая, камень уменьшался, превращаясь в едва различимую черную точку. И вдруг Пшаури показалось, что у черепа раскрылись два

светящихся белым пламенем глаза, один из которых подмигнул ему. Но тут черная точка исчезла в озере лавы, поверхность которого немедленно начала шипеть, пениться, содрогаться, пошла трещинами и, наконец, начала подниматься, точно где-то в недрах земли прорвало плотину. Скорость подъема лавы все увеличивалась. Сначала лава ползла наверх, потом побежала, а под конец понеслась, точно убегающее молоко. Что это могло предвещать? Спасение Серого Мышелова? Или его гибель? — если, конечно, между талисманом и человеком вообще была какая-то связь.

Поток раскаленного воздуха, который гнала перед собой стремительно поднимающаяся лава, едва не выжег ему глаза. Раздумья немедленно сменились действием. В мозгу пульсировала лишь одна мысль: «Беги, иначе никогда больше не сможешь ни о чем подумать». Взвившись в воздух, точно распрямившаяся пружина, и развернувшись в прыжке, он скачками начал спускаться по залитому лунным светом склону конусообразной горы, на которую еще совсем недавно с таким трудом взбирался. Разумеется, такой спуск был смертельно опасен, но, если он хотел выжить, выбора у него не было.

Он летел, не отрывая взгляда от каменистого склона у себя под ногами, выбирая места, куда можно без риска для жизни поставить ногу. Вдруг лунный свет стал розовым. Что-то оглушительно зашипело. В воздухе запахло серой. Раздался такой рев, точно откашливался космический лев, и ему в спину ударила жаркая волна, от которой три его прыжка слились в один и он буквально воспарил над склоном горы. Раскаленные докрасна вулканические снаряды засвистели мимо, два из них разорвались впереди, освещая его полет многочисленными осколками, точно звездопадом. Склон стал более пологим. Его скачки превратились в скольжение. Львиный рык, эхом прокатившись над ним, стих. Розовый свет побледнел и погас.

Наконец он рискнул оглянуться, ожидая увидеть сцены разрушения, но, к своему удивлению, обнаружил лишь столб отвратительно вонявшей копоти, поднимавшийся, казалось, до самого неба.

Его пробрала дрожь. К добру или к худу, а дело свое он сделал, и теперь путь его лежал домой.

27

Пальчики знала, что ей снится сон, потому что в пещере была радуга. Но ничего странного в этом не было, потому что семь радужных полос были не из света, а нарисованы мелом на грифельной доске. У доски стояла она сама. Шел урок: ее мать и какой-то глубокий старик, оба одетые в черные плащи с низко надвинутыми капюшонами, обучали ее искусству ублажения матросов на илтхмарских судах.

У матери вместо указки был ее колдовской жезл, а старик управлялся с помощью серебряной ложки на длинном-предлинном черенке, которую он очень ловко крутил в руках.

Но вот, чтобы подчеркнуть какую-то из добродетелей — может быть, настойчивость? — он принялся стучать этой ложкой по пустому столу, за которым они сидели. Удары падали медленно, словно подчиняясь ритму похоронного марша, и в конце концов заворожили ее настолько, что ей стало казаться, будто в мире нет больше ничего, кроме этого звука.

Проснувшись, она поняла, что это капли воды падают с приглушенным стуком на затянутое

роговой пластиной окно в покатой крыше их спальни.

Ей стало жарко, и она сбросила с себя покрывало. Слушая капель, она подумала: «Мороз кончился. Пришла оттепель».

Лежавшая рядом с ней Гейл, также раскрывшаяся во сне, в такт капели хрипло бормотала: «Фа-а-фхрд, Фа-а-фхрд, дя-дя Фа-а-фхрд».

Пальчики подумала, что капель, должно быть, предвещала возвращение рыжеволосого капитана, похитителя девичьих сердец. А еще она сказала себе, что ее родство с капитаном куда ближе, чем у Гейл или даже у Афрейт, а потому она должна вылезти из постели, выйти из дому и встретить его как подобает.

Приняв решение, она осторожно сползла с постели — почему-то ей казалось важным двигаться бесшумно, — накинула свое короткое платьице и натянула меховые сапожки.

Немного поколебавшись, она прикрыла разбросавшуюся по кровати Гейл простыней и бесшумно вышла из комнаты.

Проходя мимо спальни Сиф и Афрейт, она услыхала чьи-то шаги за дверью и тут же принялась спускаться с лестницы, стараясь держаться как можно ближе к стене, чтобы не скрипели сту-

пеньки.

Войдя в теплую кухню, она почувствовала запах разогреваемого вздрога, но тут у нее над головой, а потом и за спиной раздались шаги, и она поспешила спрятаться за банным халатом Фафхрда, висевшим на стене. Оставаясь невидимой, она могла наблюдать за всем происходящим снаружи.

По лестнице, одетая в рабочую одежду, спускалась Сиф. Женщина распахнула входную дверь, впустив в кухню звуки капели и белесые лучи предутренней луны. Стоя в проеме двери, она поднесла к губам металлический свисток и резко дунула — без всякого результата, как показалось девочке.

Однако сигнал, видимо, был подан, потому что Сиф вернулась к огню, налила себе кружку вздрога, вернулась к дверям и принялась ждать, то и дело поднося напиток к губам. Некоторое время она смотрела прямо на девочку, но если и увидела ее, то ничем этого не показала.

Звеня бубенчиками, к крыльцу подкатила запряженная парой собачья упряжка — насколько Пальчики могла разглядеть, место возницы было пусто.

Сиф спустилась с крыльца, села в повозку, взяла

в руки хлыст и, выпрямив спину, щелкнула им в воздухе у себя над головой.

Пальчики выбралась из-под халата и подбежала к двери. Повозка Сиф, увлекаемая вперед двумя огромными псами, беззвучно неслась на запад, туда, где продолжались поиски капитана Мышелова. В небе по-прежнему, ничуть, кажется, не уменьшившись с позапрошлой ночи, стояла Луна Сатиров. Некоторое время девочка продолжала стоять в дверях, наслаждаясь сознанием своей принадлежности к дому, обитательницы которого тихо и незаметно делают свои колдовские дела.

Но вскоре звук падающих с крыши капель напомнил ей о деле. Она сняла с вешалки халат Фафхрда, перекинула его через левую руку и, оставив дверь широко распахнутой, так же как это сделала Сиф, вышла из дому. Обойдя жилище кругом, Пальчики направилась прямо через поля к морю. Оттаивавшая трава у нее под ногами курилась паром; с юга налетал ласковый теплый ветерок — его появление окончательно переломило погоду.

Луна была теперь прямо у нее за спиной. Впереди бежала ее длинная тень. Девочка шагала в том направлении, которое она указывала, — прямо к

лунным часам. В небе можно было разглядеть самые яркие звезды: остальные затмевала ночная владычица — луна. С юго-востока надвигалось большое облако, медленно, но верно поглощавшее одно за другим светила ночи.

Вдруг на глазах у девочки легкое облачко отделилось от остальных и двинулось прямо к ней. Оно приближалось значительно быстрее, чем другие облака, неспешно подгоняемые ленивым южным ветерком. Последний лунный луч посеребрил горделиво, точно лебединая шея, изогнутую корму и гладкие борта — ибо это облако и впрямь более походило на судно, нежели на бесформенные водяные испарения, чудесным образом удерживающиеся в воздухе. От странного предчувствия у девочки засосало под ложечкой, ее нежная кожа под туго подпоясанным платьем покрылась мурашками страха, но, съежившись, она все-таки продолжала идти вперед.

Теперь она как раз поравнялась с лунными часами. Их циферблат, там где его не заслоняла тень от стрелки, был весь покрыт местными рунами и какими-то полузнакомыми фигурами.

Воздушный корабль приземлился прямо на траву на расстоянии полета копья от лунного циферблата, повернув к девочке свою изящную

корму.

В ту же секунду Пальчики расстелила халат Фафхрда на мокрой траве и улеглась на него так, чтобы край каменного диска скрывал ее от глаз воздушных странников, прибывших на таинственном судне. Она лежала абсолютно беззвучно и неподвижно, не отрывая глаз от бледной кормы призрачного корабля.

Последний осколок луны ушел за горизонт. На противоположной стороне горизонта нарастало предрассветное зарево.

С воздушного корабля донеслись печальные звуки флейты и маленького барабана, исполнявших невыразимо печальную погребальную мелодию.

При первых же звуках музыки откуда-то из сердца корабля выдвинулся и коснулся земли трап, достаточно широкий, чтобы по нему могли идти сразу двое.

Затем в первых лучах рассвета, при звуках нарастающей музыки, на трапе появилась небольшая процессия, во главе которой — одетые, точно пажи, в облегающее черное платье — двигались две невысокие девушки с флейтой и барабаном в руках. Именно эти инструменты и издавали печальные звуки.

Следом за ними, медленно и торжественно выступая по двое, шагали шесть высоких стройных женщин, облаченные в черные капюшоны и одеяния ланкмарских монахинь; сквозь разрезы на их юбках проглядывали разноцветные сорочки.

На плечах они легко и без напряжения несли покрытое черной материей тело широкоплечего узкобедрого мужчины. Замыкала процессию высокая худощавая женская фигура в облачении жрицы богов Ланкмара, на голове у нее была высокая островерхая черная шляпа с густой вуалью. В руке она держала тонкий длинный жезл, на конце которого ярко горела пентаграмма; женщина чертила в воздухе бесконечные иероглифы.

Пальчики, наблюдавшая за процессией из своего укрытия, не знала этого языка.

Выйдя на луг, вся процессия обернулась лицом к западу. Когда все остановились, жрица повелительно взмахнула жезлом. Звездочка на его верхушке замерла. Девушки-пажи тут же прекратили играть, монахини — маршировать, а Пальчики почувствовала, что не может ни пошевелиться, ни произнести что-нибудь и только глаза по-прежнему повинуются ей.

Монахини сняли тело с плеч и резко опустили его на траву, а затем сдернули покрывавшую его

материю.

Теперь тело оказалось вне ее поля зрения, но, как она ни старалась лечь так, чтобы увидеть его, тело отказывалось ей повиноваться, и только холодный пот выступил на ее боках и спине.

Ничего не изменилось и тогда, когда жрица опустила свой жезл.

Одна за другой монахини становились на колени, проделывали с телом какую-то недолгую манипуляцию, которую Пальчики не могла видеть, на краткий миг склоняли к нему голову и вновь выпрямлялись.

Так повторилось ровно шесть раз.

Жрица тронула ближайшую из шести монахинь за плечо своим жезлом и передала ей белую шелковую ленту. Та вновь преклонила колени, а когда выпрямилась, то руки ее были пусты.

Жрица вновь взмахнула жезлом, на этот раз скорее торопливо, чем торжественно, и девушки-пажи заиграли какой-то веселенький мотивчик. Под его аккомпанемент монахини поспешно свернули черное покрывало, которое перед этим столь торжественно несли, вся процессия повернулась кругом, погрузилась на корабль и поставила паруса так же быстро, как я пишу об этом.

А Пальчики все еще не могла пошевелиться.

Тем временем небо заметно посветлело, рассвет был уже близок, и волшебный корабль со своей удивительной командой понесся на запад, как-то сразу сделавшись заметно прозрачнее, а музыка вскоре оборвалась взрывом смеха.

И только тут Пальчики почувствовала, что свобода движений вновь возвращается к ней. Она вскочила на ноги, кинулась вперед и в мгновение ока очутилась у небольшой ложбинки, куда веселые монахини опустили свою ношу.

Там, на ложе из молочной нежности грибов, только что проклюнувшихся из земли, с умиротворенной улыбкой на устах покоился высокий красивый мужчина, известный ей под именем капитан Фафхрд, к которому она испытывала весьма неоднозначные чувства. Он был вдвойне наг, так как волосы на всем его теле были сбриты, за исключением бровей и ресниц, но и те были значительно укорочены. На нем не было никакой одежды, если не считать шести разноцветных и одной белой ленты, переплетавших его обмякший член.

«Памятные сувениры шести любовниц, что принесли его сюда, и их хозяйки или предводительницы», — сказала сама себе догадливая

девочка.

Профессиональным взглядом оценив безвольно поникший половой орган и выражение удовлетворения на его лице, она одобрительно добавила: «И любили они его тоже хорошо».

Сначала она подумала, что он мертв, и сердце ее сжалось от горя, но, заметив, что его грудь мерно вздымается и опускается через равные промежутки, она опустилась перед ним на колени и, склонившись к его лицу, ощутила теплое дыхание.

Коснувшись его плеча, она позвала:

— Проснись, капитан Фафхрд.

Его тело было удивительно горячим, но все же не настолько, чтобы навести на мысль о горячке.

Что поразило ее более всего, так это необычайная гладкость его кожи. Его явно брили острейшей восточной сталью — она и не подозревала, что можно брить так гладко. Склонившись над ним в первых лучах солнца, она смогла разглядеть лишь крохотные крапинки, цветом напоминавшие свеженачищенную медь. Еще вчера ей бросились в глаза седые волоски в его гриве. Тогда он вполне заслуживал присвоенного ему Гейл титула «дядюшка». Но теперь — теперь он выглядел совершенно преображенным, помо-

лодевшим на десятки лет, кожа его была столь же гладкой и нежной, как ее собственная. Он продолжал улыбаться во сне.

Пальчики схватила его за плечи и сильно встряхнула.

— Проснись, капитан Фафхрд! — закричала она. — Восстань ото сна! — И тут же, подзадоренная его улыбкой, которая стала казаться ей просто глупой, она ехидно добавила: — Проститутка Пальчики прибыла для выполнения обязанностей.

Но тут же раскаялась в своих словах, ибо Фафхрд, отвечая на ее энергичное встряхивание, сел, не открывая глаз и не меняя выражения лица. Неожиданно ей стало страшно.

Чтобы дать себе время обдумать ситуацию и решить, что делать дальше, Пальчики встала и вернулась к лунным часам, где на мокрой от росе траве лежал купальный халат Фафхрда. Она сомневалась, чтобы ему было приятно, если бы кто-нибудь увидел его голым, а в особенности украшенным лентами своих дам. К тому же солнце уже поднялось, и в любую минуту могла появиться Афрейт, Сиф или кто-нибудь другой.

— Хотя твои прикидывающиеся монахинями дамы и имели полное право афишировать свою

связь с тобой — а ты, как мне кажется, успел продемонстрировать свою нежнейшую привязанность каждой из них, — это вовсе не означает, что я должна им подыгрывать, хотя, признаюсь, их шутка мне по нраву, — сказала девочка вслух, чтобы убедиться, в самом ли деле он спит или просто притворяется.

С этими словами она подняла с земли халат и поспешила к нему.

Между тем в голову ей пришло весьма романтическое сравнение Фафхрда с Зачарованным красавцем — ланкмарским эквивалентом нашей Спящей красавицы, — прекрасным юношей, погруженным в магический сон, от которого его может пробудить лишь поцелуй той, кто его истинно любит.

Поэтому она решила сопроводить спящего (и странно, даже пугающе помолодевшего) героя прямо к Афрейт для воскрешающего поцелуя.

Ведь, в конце концов, ей вполне определенно дали понять (причем вполне приличные люди), что отношения между ними весьма близкие, а если Фафхрд и забрел случайно к своим лжемонахиням, так что ж, вполне естественно, с каким мужчиной этого не бывает, как говаривала ее мать. Да и напряжение, которое он испытал,

руководя поисками пропавшего друга, надо было учесть, а необычная ситуация требует и необычных способов разрядки.

Кроме того, для нее самой лучше способа отплатить за благодеяния, оказанные ей здесь с момента побега с «Ласки», чем помочь Фафхрду и Афрейт воссоединиться, и не придумаешь.

Но Фафхрд между тем не подавал ни малейших признаков пробуждения. Помогая себе ласковыми словами и уговорами, она кое-как ухитрилась натянуть на него халат.

— Вставай же, капитан Фафхрд, — убеждала его она, — а я помогу тебе одеться и провожу в тихое укромное местечко, где никто не помешает тебе выспаться вволю.

Продолжая в том же духе, она подняла его на ноги (при этом он продолжал крепко спать), запахнула на нем халат, скрыв полученные от любовниц награды, оглянулась по сторонам, чтобы убедиться, что их никто не видит, и, с облегчением вздохнув, повела его к дому Сиф.

Поравнявшись с лунными часами, Пальчики задала себе вопрос: а где все?

Ответить на него было не так просто.

Можно было ожидать, что изумленные новой резкой переменой погоды островитяне все до

единого высыплют на улицу, чтобы, обливаясь в своих зимних одежках по`том под лучами летнего солнышка, обсудить небывалый каприз погоды.

Но куда ни глянь, ни одной живой души вокруг. Странно.

Весь вчерашний день между холмом, где велись раскопки, казармой и домом Сиф сновали люди и собачьи упряжки. Сегодня, с того самого момента, как Сиф вышла из дому, — а с тех пор минуло уже несколько часов, — дорога была абсолютно пуста.

Похоже, что заклятие сна поразило не только Фафхрда, но и всех остальных обитателей Соленой Гавани, кроме нее самой, — подумала Пальчики. Что ж, может быть, так оно и есть.

И заклятие, похоже, не из шуточных: они прошли уже половину дороги к дому, а Фафхрд как спал, так и спит.

А вдруг поцелуй Афрейт его не разбудит? Может, ему и впрямь лучше лечь где-нибудь и выспаться как следует, как она и предлагала с самого начала.

А что, если Афрейт сочтет ее идею насчет Зачарованного Красавца и пробуждающего поцелуя полным бредом? Или попробует, но у нее не получится? Или они будут пытаться разбудить его

вместе и у них не получится? И госпожа Афрейт обвинит в этом ее?

Внезапно вся ее вера в истины, которые еще минуту назад представлялись ей абсолютно неоспоримыми, испарилась. Теперь ей казалось, что лучше всего будет отвести Фафхрда в какое-нибудь укромное местечко (как она и обещала ему на протяжении всего пути) и уложить спать. Ей вспомнилось снотворное заклинание, которому научила ее мать. Чем скорее она прочтет его Фафхрду, тем лучше. Когда он вновь уснет, всякая ответственность за него упадет с ее плеч.

Быть может, заклятие заодно подействует и на нее, и она выспится за компанию с Фафхрдом — ей бы тоже не мешало как следует отдохнуть.

Эта мысль показалась ей очень привлекательной.

Они вернулись в дом Сиф, не встретив никого по дороге. К ее радости, дверь была по-прежнему открыта. А ей казалось, что она заперла ее за собой.

Перестав уговаривать Фафхрда, но ни на минуту не отпуская его руки, она широко распахнула массивную деревянную дверь и ввела его внутрь. В доме было тихо, и их шаги — он был бос, а она обута в мягкие меховые сапожки — ничем не

нарушали тишины.

Вдруг, как раз когда они достигли середины кухни, у них над головой раздались шаги. Афрейт, подумала девочка.

В этот момент они были как раз рядом с лестницей, ведущей в погреб, и она немедленно решила спрятаться там, тем более что именно в погребе она впервые увидела Фафхрда. Северянин подчинился ее безмолвному руководству так легко, словно это был и его выбор.

И вот они уже в погребе, и теперь остается только ждать, последуют ли решительные твердые шаги Афрейт за ними или нет. Пальчики отвела Фафхрда подальше от ступеней, которые были хорошо видны из кухни, и усадила на скамью, хорошо видимую в свете наполненной долго горящим жиром левиафана лампы. Но потушить ее, хотя свет явно не способствовал глубокому сну, девочка не осмелилась, так как внезапно наступившая в погребе темнота, безусловно, привлечет внимание Афрейт и тогда она точно спустится посмотреть, в чем дело.

Было слышно, как женщина спускается по лестнице, делает несколько шагов по направлению к погребу и замирает. Заметила свет? Спустится ли, чтобы погасить его?

Но мгновения перерастали в секунды, секунды складывались в минуты, время тянулось невыносимо долго, а Афрейт все не шла. Умерла она там, что ли, или испарилась? Пальчики, устав сохранять неудобную позу, в которой ее застигли шаги Афрейт, и боясь обнаружить себя невольным движением, сделала несколько шагов назад и беззвучно опустилась рядом с Фафхрдом на скамью.

С каждой секундой усталость все больше и больше одолевала ее, и она, забыв про Афрейт, принялась торопливо читать заклятие, чтобы они вместе с Фафхрдом могли вкусить блаженство сна.

А между тем с Афрейт тоже произошло нечто очень странное, о чем девочка и не подозревала.

Проснувшись на заре в полном одиночестве, она услышала капель и поспешила распахнуть окно, выходившее прямо на луг с лунными часами на нем. И тут она увидела улетавший воздушный корабль с любовницей Фафхрда и ее пестрой командой на борту, а также услышала последние такты веселенького марша, оборвавшиеся взрывом презрительного смеха.

Затем Афрейт увидела, как коварная притворщица Пальчики сначала подняла своего

чудесным образом омолодившегося отца на ноги (а Афрейт давно уже подметила множество сходных черт между родителем и отпрыском помимо цвета волос), надела на него халат, а потом не спеша повела его к дому Сиф, несомненно инструктируя того по дороге, как следует отвечать на возможные вопросы, чтобы его и ее история совпали, а может быть, и нашептывая ему слова инцестуальной любви (а о чем еще им говорить?). Пока эти мысли метались в ее воспаленном ревностью мозгу, Афрейт надела платье, натянула и зашнуровала сапоги и пошла вниз, чтобы встретить парочку прямо на пороге.

Не увидев никого в кухне, Афрейт, как правильно предположила Пальчики, тут же угадала источник света в погребе, задумалась на мгновение, а потом, желая застать их врасплох, нагнулась и развязала шнуровку своих сапог, которые еще недавно так тщательно завязывала, сняла их и на цыпочках прокралась вниз.

Но когда женщина внезапно выросла на последней ступеньке ведущей в погреб лестницы, то обнаружила, что оба развратника сидят на скамье спиной к ней, причем голова Фафхрда лежит на груди девочки — «покоится», как принято было говорить в старину, — а та звонким,

как колокольчик, голоском нараспев читает стихотворение — заклятие сна, которому, как она считает, ее обучила мать, на самом же деле (Афрейт узнала об этом случайно — девушка проговорилась во второе холодное утро на Льдистом) не что иное, как одно из страшнейших квармаллийских заклятий смерти, которому ее под гипнозом обучил бесконечно мстительный и столь же изобретательный Квармаль, правитель Квармалла:

Певцов крылатых позовите. Пусть, бросив

разные дела,

Из рощ слетятся и цветами,

Дубрав священными листами

Непохороненных героев укроют мертвые тела.

Мышь полевая, муравей и крот

На тризну по героям пусть придет,

Пускай постелет ложе им в земле,

Чтоб те могли лежать в покое и теп-

ле[7].

И тут, пока Пальчики читала первые безобидные четверостишия — а всего их было восемь, — в ближнем к ним углу не закрытого камнем квадрата пола появилось нечто, отдаленно напоминающее змеиную головку или щупальце какого-то подземного существа. Почти сразу же по обе стороны от первого, на равном расстоянии от него, поднялись еще два таких же, немного погодя слева возникло еще одно, покороче, а справа, немного подальше, чем прежние, пятое, потолще прочих. Тут выяснилось, что все пять отростков соединены внизу перемычкой, и тут только Афрейт поняла, что пять отростков были пятью пальцами, а соединявшая их перемычка — ладонью погребенной в земле руки, которая медленно, но верно прокладывала себе путь наверх сквозь крошащуюся и стекающую с нее сухими струйками почву.

Пока Афрейт, трясясь от страха при виде этого явления, вслушивалась в невинные третье

---

[7] Примечания: 7

Уэбстер Джон. Белый дьявол. Акт 5, сцена 4. Иногда называется погребальной песнью Корнелии. В пьесе заканчивается так: «Чтобы лежать он мог в покое и тепле, / Когда других разграбят пышные могилы, / И чтобы волк, его враг давний на земле, / Не смог добраться до него зимою стылой».

и четвертое четверостишия, до нее дошло, что Фафхрд играл куда более пассивную роль в этом представлении, чем она предположила вначале. И тут, справа от почти совсем уже свободной ладони, из земли показалась голова.

Волосы на голове были забиты землей, а от верхней части повернутого к ней лица исходило желтое свечение, явно не имеющее никакого отношения к горевшей белым огнем лампе, что напомнило Афрейт о сне Сиф, в котором та видела Серого Мышелова в светящейся желтой полумаске. Это воспоминание и подсказало ей, кем был таинственный подземный путешественник. Связь между рукой и головой стала между тем абсолютно очевидна, и Афрейт не нужно было, по крайней мере, опасаться, что какая-то враждебная, ни к чему не прикрепленная рука будет скакать по дому.

Когда звенящий голосок девочки принялся заполнять стоявшую в погребе тишину зловещими словами четвертой строфы заклятия, на поверхности показались глаза. Они были широко открыты.

Афрейт тут же узнала серые глаза Мышелова и прочла в них страх за Фафхрда. Вне всякого сомнения, то был страх смерти. В ту минуту Афрейт

много отдала бы, чтобы узнать, были глаза ее любовника закрыты или открыты и как Мышелов узнал о грозящей тому опасности: по выражению глаз или по смертной бледности и другим физическим признакам. Ей и в голову не пришло подойти и посмотреть самой — так велики были ее страх и изумление перед совершавшимся у нее на глазах чудом.

Преодолей она овладевшее ею оцепенение, то увидела бы, что глаза его были закрыты под действием заклятия, которое работало постепенно, погружая человека сначала в легкий сон, который с каждой строкой становился все крепче и крепче, пока наконец не переходил в вечный покой.

Пальчики читала наизусть заклятие, которому Квармаль обучил ее после похищения, внушив, что это всего лишь легкое заклятие сна, которое она якобы знала от матери всю жизнь. Когда из-под земли показалась голова, она, так же как и Афрейт, увидела ее, но не придала этому никакого значения, понадеявшись лишь, что никто не помешает ей дочитать стихотворение до конца. Может быть, это уже часть навеянного им сна.

В последний раз сознание возвращалось к Мышелову, когда он оказался рядом с заклина-

тельным покоем Квармаля, где тот обучал своего сына и наследника. Его мозг пытался найти ответ на вопрос, какая же связь между Квармаллом и его собственным островом.

И вот теперь он обнаружил, что его голова, плечо и рука торчат из земли в хорошо знакомом погребе на том самом острове, а перед глазами происходят события, дающие ответы на все вопросы, которые он себе задавал: его друг Фафхрд умирает в объятиях своей дочери, которую родила от него квармаллийская рабыня Фриска, а та, ничего не подозревая, читает наизусть заклятие смерти.

Кто же еще мог быть тем убийцей, о котором говорила ярко-красная точка подле Соленой Гавани на карте мира в покое Квармаля? Так что же оставалось делать бедному Мышелову, как не броситься выручать друга из худшей беды, которая только может угрожать человеку в жизни, не успев даже вдохнуть солидную порцию воздуха, которого настоятельно требовали легкие, размять застоявшиеся мышцы и промочить глотку добрым вином, о котором он так долго мечтал под землей? После учебного братоубийства, которое он наблюдал в покоях Квармаля, он знал, что нужно делать.

И насколько Мышелов разбирался в природе магических заклятий, три щелчка пальцами, которые могут спасти его друга, должны быть исполнены немедленно, быстро и в совершенстве, а иначе ищи-свищи потом душу Фафхрда!

И вот, пока Пальчики произносила идиллические пятую, шестую и седьмую строфы, приближаясь к страшному концу, который она уже выболтала в приступе усталости одним холодным утром, подземный путешественник энергично встряхнул свободной от земли левой рукой, точно тряпкой, из которой нужно было выколотить пыль, затем плотно прижал подушечку среднего пальца к подушечке большого, как раз над согнутыми и притиснутыми к ладони безымянным и мизинцем, а потом привел напряженный средний в движение.

Афрейт никогда в жизни не доводилось слышать щелчка громче. Так разгневанный бог мог бы призывать непонятно куда запропастившегося ангела.

И как будто этого было недостаточно, за первым щелчком тут же последовал еще один и еще, каждый намного громче предыдущего, — результат, которого, как всякому известно, очень трудно добиться без практики.

Грохот, произведенный Мышеловом, по-разному повлиял на собравшихся, в том числе и на него самого.

Афрейт стряхнула охватившее ее оцепенение. Пальчики умолкла, заклятие смерти утратило силу. Девочка упала навзничь, Фафхрд вытянулся во весь рост на скамье подле нее.

Казалось бы, Афрейт должна была теперь яснее видеть Мышелова, но нет — сопротивление заклятию Квармаля отняло у него слишком много сил. Время точно повернулось вспять, контуры его тела внезапно стали размытыми и прозрачными, как той страшной ночью на Висельном холме, лампа в погребе мигнула, и он, не выйдя из земли и до половины, начал погружаться обратно.

Его глаза с мольбой устремились на Афрейт, губы раскрылись, и с них сорвался чуть слышный стон, бесконечно печальный, — так может стонать призрак, почувствовавший приближение рассвета.

Афрейт плюхнулась на колени перед земляным квадратом, но ее руки бесполезно зарылись в рыхлую сухую почву. Она поднялась на ноги и повернулась к лежащим на скамье.

Мужчина, с кожей как у младенца, и девочка

лежали как мертвые. Но, приглядевшись внимательнее, она поняла, что они спят.

28

Сиф четырежды провела деревянным совком по поверхности земляной стены в дальнем конце туннеля. К ее ногам посыпались комки песка и отдельные песчинки.

Горевшая у нее за спиной лампа, заправленная жиром левиафана, отбрасывала ее тень на открывшуюся взору свежую поверхность. Очередная шкура снежной змеи, двадцать третья, если считать от начала туннеля, поставляла теплый воздух снаружи, где два часа тому назад зашла Луна Сатиров и встало солнце.

Все это время она работала в туннеле, углубив его на добрых два фута, почему и потребовалось присоединить еще одну гибкую белоснежную трубу.

Опустив свободную руку в свою поясную сумку, она с облегчением почувствовала, что медная петля, достаточно большая для того, чтобы просунуть в нее два пальца, была на месте. Этой находкой Миккиду приветствовал ее два часа тому назад, когда она приехала на раскопки. Она

знала, что Мышелов имел обыкновение носить эту вещицу при себе и редко с ней расставался.

Она решила, что еще на час работы ее хватит, а там она уступит место только что спустившейся под землю Рилл, которая ей помогала.

А теперь пора сделать небольшой перерыв, который она взяла себе за правило устраивать каждые пятнадцать минут.

— Прикрой лампу, — обратилась она к Рилл.

Женщина с покалеченной левой рукой натянула на горевшую ровным холодным светом лампу мешок и перевязала его горловину сверху.

В туннеле стало темно, хоть глаз выколи.

Сиф уставилась на стену перед собой, и ей показалось, что она видит сквозь слой земли желтый фосфоресцирующий свет, как раз такой, каким светилась в ее сне маска Мышелова в подземном мире. Свет был очень тусклым, но все же он определенно был.

Уронив совок и вытащив из сумки руку, она запустила пальцы в песчаную стену перед собой на уровне лица. Свет не погас, а, напротив, сделался ярче. Черные овалы, служившие маске глазами, требовательно глядели на нее.

— Открой лампу, — еле выговорила она.

Рилл безмолвно повиновалась. Поток света

вырвал из темноты фигуру Сиф, уставившуюся на стену перед собой. Рилл не удержалась и севшим от волнения голосом спросила:

— Ты думаешь…

— Скоро узнаем, — отвечала другая.

Она вновь поднесла согнутую чашечкой ладонь к песчаной стене туннеля и принялась ощупывать ее на уровне своего подбородка, водя пальцами из стороны в сторону. Посыпались крупинки песка и комочки земли. Женщина повторила движение, и на этот раз ее рука замерла, погрузившись пальцами в песок.

Ее пальцы столкнулись и теперь потихоньку откапывали два твердых полукружья, между которыми была щель примерно в полдюйма шириной.

Смочив свои губы языком, она прижалась щекой к стенке туннеля и приложила губы к губам, обрамлявшим твердые полукружья в земле.

Сделав выдох, она провела мокрым кончиком языка по внутренней поверхности пересохших губ еще раз и только потом вдохнула.

Ее нос и рот немедленно наполнились характерным кисловатым привкусом, который был хорошо ей знаком после долгих упоительных ночей в объятиях Мышелова.

Осознав, что держит в своих ладонях его лицо, такое дорогое, лицо восставшего из могилы, которого она уж и не чаяла увидеть живым, она задрожала от волнения.

Она отняла свои губы от его рта, выдохнула, подошла к змее-вентиляции, прижала свое лицо к ее пасти и сделала глубокий вдох, после чего снова прижалась губами к его пересохшему рту и выдохнула, молясь, чтобы драгоценный воздух с поверхности земли не утратил своего целебного воздействия от соприкосновения с ее ртом.

— Дорогая, любимая, — услышала она его надтреснутый голос.

Она поняла, что смотрит прямо ему в глаза, но расстояние между их лицами было столь мало, что два глаза сливались у нее в один.

— Совиные глазки, — произнесла она, ни с того ни с сего вспомнив игривое название, данное ими этому феномену во время любовных игр. Однако, вспомнив, где находится, она сказала: — Дорогая Рилл, наш капитан вернулся. Я держу его в своих объятиях и помогаю ему дышать. Обними меня сзади и отгреби землю, чтобы мы могли поскорее освободить его.

— Буду тебе очень признателен, Рилл, уверяю тебя, — произнес он тихо, но заметно увереннее,

чем в первый раз.

Шлюха-ведьма повиновалась и принялась за работу, сначала осторожно, потом, поняв, какую толщу земли ей еще предстоит одолеть, смелее, так что земля посыпалась пластами. Она подобрала брошенный Сиф совок и действовала попеременно то им, то здоровой правой рукой, а то и совком и рукой сразу.

Тем временем Сиф продолжала очищать от грязи его лицо, то и дело останавливаясь, чтобы поцеловать или вдохнуть немного воздуха ему в рот. Прежде всего она стремилась очистить его глаза и уши и подобраться к затылку, чтобы как можно скорее получить возможность обнять его как следует.

Мышелов произнес:

— Я закрою глаза, дорогая, пока ты не скажешь, что я снова могу открыть их, — и тут же, осмелев, попросил: — А не могла бы ты пощедрее делиться со мной своей ароматной слюной, если, конечно, у тебя есть немного лишней. Мне уже два дня (а может, больше?) не доводилось освежаться чем-нибудь нежнее влаги, высосанной из камней. Или червей.

— Я могу с тобой поделиться, — простодушно предложила Рилл. — Последние два-три часа

я беспрерывно жевала мяту, маленькие такие кусочки.

— Ты и в самом деле ведьма, дорогая Рилл, — сварливо заметила Сиф.

И тут, загородив склоненным торсом весь проход, за спиной Рилл возник Скор и доложил Сиф, как старшей на раскопках:

— Госпожа, капитан вернулся из своей отлучки. Где он был, не знаю, может, и на небе. Он только что приехал сюда с госпожой Афрейт, Гейл и илтхмарской девчонкой.

Тут, когда глаза его привыкли к полумраку туннеля и он хорошо разглядел, что там происходит, и увидел лицо Мышелова, глядящее на него прямо из земляной стены, у него отнялся язык. (Позже он пытался описать увиденное Скаллику и Пшаури: «Она целовала его и ласкала, и знала она сама об этом или нет, но в ее поцелуях была магия. А ее сестра-ведьма творила такую же ворожбу над его ногами и нижней частью тела. Они вдвоем словно лепили его заново прямо из земли. Нашим капитанам очень повезло, что у них такие могущественные любовницы».)

Сиф повернулась к нему и выпрямилась. Следом за ней от стенки туннеля отделился, осыпая все песком и отряхиваясь, Мышелов.

— Мы здесь тоже без дела не сидели, как видишь, — ответила она ему довольно резко. — А теперь слушай, Скор. Возвращайся наверх и скажи капитану Фафхрду и госпоже Афрейт, что я хочу поговорить с ними здесь. Но смотри не говори ни им, ни кому-либо другому о странном возвращении капитана Мышелова, иначе сюда тотчас сбежится толпа желающих поглазеть на воскресшего из мертвых.

— Это верно, — согласился с ней лысеющий гигант, изо всех сил стараясь скрыть изумление.

— Делай, что она говорит, Скор, — обратился к ней Мышелов. — В ее словах много мудрости.

— Сам можешь сюда не возвращаться, — продолжала Сиф. — Будешь старшим наверху, следи за порядком, да смотри, чтобы дракон продолжал дышать. — Кивком она указала на вентиляционную трубу, составленную из нескольких десятков змей. — Вот, возьми у меня кольцо да надень себе на палец. — С этими словами она протянула ему руку с кольцом Фафхрда. Он повиновался. Она, подумав, добавила: — Девочки, Пальчики и Гейл, пусть тоже придут сюда. А не то, пока мы тут заняты, они опять набедокурят.

— Слушаюсь и повинуюсь. — Скор откланялся и заторопился назад.

— Гениальная мысль, дорогая, — заметил Мышелов, поворачиваясь к Сиф. — Набедокурят? Вполне возможно: оказывается, наша маленькая илтхмарская знакомая не кто иная, как наемный убийца, которую прислал наш старый заклятый враг Квармаль, вооружив ее убивающим наповал заклятием смерти, чтобы она отправила на тот свет своего отца Фафхрда; я выяснил все это не далее как сегодня утром, пока завтракал на пленэре у самого секретного логова Квармаля, наслаждаясь пещерной испариной, хлебом из червей-бурильщиков да поганковым вином.

— Так Пальчики — дочка Фафхрда? — переспросила Рилл. — Я так и подумала — волосы у них совершенно одинаковые. И в лице есть что-то общее. И ее хладнокровие тоже…

Мышелов выразительно кивнул:

— Хотя, надо отдать девочке должное, не думаю, чтобы она знала, что делает: Квармаль наверняка погрузил ее в транс, после которого она ничего не могла вспомнить. У Квармаля же я и узнал, как разрушить его чары, — подсмотрел, как он это делал, когда загипнотизировал свою дочь Иссу, чтобы та попыталась убить его же сына Ингварля — в целях обучения, конечно. Чтобы прервать действие заклятия, нужно всего-навсего трижды

щелкнуть пальцами — но сделать это как можно громче. (Этот старикан превратил предательство и подозрительность в настоящую религию, говорю вам.) Если бы я не выведал у старого колдуна его маленький секрет и не щелкнул трижды как следует пальцами, Фафхрд был бы сейчас мертв, а прикончила бы его ничего не подозревающая родная дочь. Однако, судя по словам Скора, в данный момент он жив и здоров как бык.

— Ну-ну, — отреагировала Сиф, — мы, значит, и под землей нашли себе работу?

— Тебе и впрямь известно о темной стороне человеческой природы больше, чем любому мужчине, которого я когда-либо встречала. Да и женщине тоже, если уж на то пошло, — вставила Рилл.

Мышелов, словно извиняясь, пожал плечами. Этот жест заставил его впервые после освобождения из-под земли взглянуть на себя и свою одежду.

То же самое сделали Сиф и Рилл.

Его серая куртка, сшитая из плотного сукна и абсолютно целая, когда они видели ее в последний раз, стала тонкой, как паутинка, и совершенно прозрачной, а кожа его, просвечивавшая сквозь остатки одежды, выглядела так, как будто ее дол-

го и усердно терли пемзой.

Можно было подумать, что в своих подземных странствиях он часами стоял в самом сердце песчаной бури. Действительно, такую степень износа иначе как путешествием в Квармалл и объяснить невозможно. И только тут они наконец осознали всю странность происходящего.

Наконец в туннеле показался Фафхрд в сопровождении Пальчики и Афрейт. Замыкала их маленькую процессию Гейл, которая никак не могла прийти в себя от изумления, о чем свидетельствовали ее вытаращенные глазенки. Фафхрд был одет в подбитую мехом зимнюю куртку, капюшон которой лежал у него на плечах, открывая лысую, как колено, макушку.

— Я так и знал, что ты нашелся, — начал он возбужденно. — У Скора на лице это было написано, когда он передавал нам приказ Сиф. Но остальных он обманул, как мне кажется. Да, это была хорошая идея — попридержать известие о возвращении Мышелова. Прежде чем мы начнем праздновать и принимать поздравления, многое нужно обсудить. Похоже, что я обязан тебе жизнью, старый друг, а моя дочь — памятью. Но как ты прознал об этой маленькой хитрости Квармаля, мошенник?

— Сгонял в его тайный город под землей, последил за ним немножко, вот и узнал, — шутливо ответил Мышелов. — А еще карту его изучил как следует, — добавил он. — Не знаю только, был ли я там весь, или только мое астральное тело. Если его черви-бурильщики все же добрались до меня — а мне кажется, что так оно и было, — значит скорее первое.

— Ну, как известно, бурильщики не убивают, а только причиняют боль, — тоном философа произнес Фафхрд.

— Да и то только если человек бодрствует, — присоединилась Пальчики. — Но, дядюшка Мышелов, я и в самом деле бесконечно благодарна тебе за то, что ты спас моего отца от смерти, а меня — от отцеубийства и безумия.

— Довольно мелодрамы, девочка. Я и так тебе верю, — ответил Мышелов. — Это я должен просить у тебя прощения за мои прежние сомнения. Ты и в самом деле дочь Фриски, которую я пытался соблазнить, но безуспешно, хотя, насколько я помню, попытки нельзя назвать ни малочисленными, ни неумелыми.

— Я верю тебе, — сказала девочка. — Как рассказывала мне мать, именно твои частые попытки соблазнить ее заставили ее подругу (и твою

любовницу) Ививис покинуть компанию в Товилийсе и убедить мою мать остаться с ней и родить там ребенка, то есть меня.

— А я и в самом деле хотел раздобыть немного золота, а потом вернуться к ней в Товилийс, — извиняющимся тоном начал Фафхрд. — Но что-то постоянно мешало, обычно именно отсутствие золота.

— Фриска никогда тебя не винила, — поспешила успокоить его Пальчики. — Она всегда вставала на твою защиту, когда тетушка Ививис принималась тебя бранить. Она обычно говорила что-то вроде: «Он должен был остаться с тобой и позволить этой мартышке топать восвояси», а матушка обычно отвечала: «На это не приходилось надеяться с самого начала. Они ведь друзья на всю жизнь».

— Фриска всегда отличалась великодушием, — подтвердил Фафхрд. — Так же как и Пальчики, Серый, — добавил он, покачав указательным пальцем у того перед носом. — Понимаешь ли ты, что грохот, который ты учинил своими пальцами, спас мою жизнь, но едва не убил ее? Без чувств упала она на ту самую скамью, где мы сидели, когда ты вдруг вылез из-под земли, пыхтя и отдуваясь, точно разъяренный крот, — да и я

отключился тоже, упал там же, прямо рядом с дочерью. Вот и Афрейт скажет тебе то же самое, она не меньше четверти часа промучилась с нами, пока мы начали подавать признаки жизни.

— Это, безусловно, правда, — подтвердила высокая блондинка, чьи фиолетовые глаза озорно сверкнули. — Именно столько времени я и делала ему искусственное дыхание, пока он не начал соображать хоть что-нибудь. А Гейл, которая проснулась как раз вовремя и пришла мне на выручку, делала то же самое для Пальчики.

— Да, — отозвалась девочка, — а ты, когда пришла в себя, первым делом укусила меня за нос, как неблагодарный слепой котенок.

— Тебе надо было меня отшлепать, — добродетельным тоном отвечала илтхмарка.

— Так и сделаю, как только представится возможность, — мрачно пообещала ей Гейл.

— Если уж на то пошло, то я и сам потерял сознание на самом интересном месте, — включился в игру Мышелов. — Все зависело от того, удастся ли мне повторить щелчки старого Квармаля так, чтобы каждый последующий звучал громче предыдущего, а это отняло у меня все силы. Выжатый как лимон, я ушел под землю, стеная, как дух, и какая-то сила, которая переносила меня

под землей с места на место, принесла меня сюда, где я и дожидался живительного поцелуя Сиф.

С этими словами он медленно покачал головой, поднял брови и развел руки в полном недоумения жесте. Но тут же, словно позабыв о только что высказанном недоумении, Мышелов сменил позу (казалось, все, кто был в туннеле, издали вздох облегчения) и с улыбкой обратился к Фафхрду:

— Ну а ты, старый друг, расскажи, как ты расстался со своими волосами? И похоже, не только на голове, судя по тому, что я вижу. В моих подземных странствиях я тоже, должно быть, потерял часть волос, да и кожи, от постоянного соприкосновения со скалами, глиной, песком и землей. Во всяком случае, моя одежда сильно пострадала. Но как все объяснить в твоем случае?

— Позволь мне ответить на твой вопрос, — вмешалась Афрейт столь решительно, что ни у кого из присутствующих, включая и Фафхрда, не возникло охоты оспаривать ее право на это.

Она набрала побольше воздуха и, обращаясь преимущественно к Серому Мышелову (хотя говорила она так громко и четко, что всем присутствующим было слышно), сделала следующее заявление:

— Дорогой капитан Мышелов, когда ты впер-

вые провалился под землю — а было это в ночь полнолуния и во вторую ночь от наступления холодов, — капитан Фафхрд организовал поиски тебя здесь, на холме Богини. Поначалу не все были согласны с его идеей, но, когда раскопки принесли первые результаты — доказательства того, что ты действительно побывал здесь (твой плащ, твой кинжал Кошачий Коготь и так далее), — мы все были вынуждены признать его правоту. Работа, начатая им в ту ночь, привела к главному и желаемому результату сегодня, когда госпожи Сиф и Рилл обнаружили тебя, выжившего под землей, и помогли тебе выйти на поверхность. Этим, еще раз повторяю, мы все обязаны капитану Фафхрду!

Гейл начала аплодировать, но никто не присоединился к ней, и тогда Пальчики бросила на нее укоризненный взгляд. Девочка притихла.

Афрейт продолжала:

— Именно тогда стало понятно, что какие-то сверхъестественные силы приложили руку к случившемуся. Госпожа Сиф и Пшаури попробовали определить местоположение капитана Мышелова под землей при помощи маятника, и выяснилось, что он передвигается в Подземном Царстве с невероятной быстротой и на такие

расстояния, что нашим раскопкам было никак за ним не поспеть.

Кроме того, невероятное событие, имевшее место этим утром в погребе дома госпожи Сиф, — а именно спасение капитаном Мышеловом своего друга капитана Фафхрда от гибели, грозящей ему из-за иноземного проклятия, — подтверждает, что капитан Мышелов действительно должен был передвигаться под землей с головокружительной быстротой и на очень большие расстояния, в противном случае ему никак невозможно было бы узнать способ противодействия проклятию, происхождение которого уводит нас в подземный Квармалл.

С этими словами она устремила на Мышелова свирепый, почти обвиняющий взгляд.

Гейл хотела было захлопать снова, но, взглянув на Пальчики, скорчила рожицу и не стала.

Мышелов выдерживал пристальный взгляд Афрейт с минуту или около того, а потом извиняющимся тоном начал:

— Прости меня, госпожа Афрейт, но я не в состоянии удовлетворить твое любопытство и точно сообщить, где я был и что делал под землей. По большей части я учился часто и неглубоко дышать, так как воздуха под землей мало и мне

приходилось буквально высасывать его откуда можно (иной раз приходилось довольствоваться и различными испарениями), слизывал влагу с камней, так как очень хотелось пить, и обдумывал свои и чужие прегрешения (занятие, доложу вам, увлекательное и небесполезное). В остальное время я спал (что было очень кстати, так как спящему нужно меньше воздуха) и видел прелюбопытные сны. Так что, прошу тебя, госпожа Афрейт, изложи нам свою версию мистических событий, происшедших со всеми нами в последние дни, да не забудь объяснить в конце, как Фафхрд облысел. По-моему, именно на этот вопрос ты и взялась отвечать с самого начала.

— Верно, — ответила она. — Ну что ж, капитан Мышелов, когда сверхъестественная сила вмешалась в твою судьбу, унесла тебя под землю и увлекла за собой в многочисленные странствия, причинив такие повреждения твоему костюму… — тут она прервалась на мгновение и окинула его прозрачную одежду внимательным взглядом, — подобная же сила вторглась и в жизнь Фафхрда, с тою только разницей, что он оказался в небе, а не под землей.

В ночь полнолуния он напился пьян, и хмель погнал его наутро в Соленую Гавань. Эта часть

истории известна нам доподлинно, так как присутствующие здесь девочки, Пальчики и Гейл, увязались за ним и видели, как он сначала плыл сквозь туман, а потом взлетел в небо, кружась в полете.

Где-то над Соленой Гаванью он разделся (чтобы облегчить судно, как он мне объяснил) и побросал свои сапоги, пояс, сумку, браслет и другие пожитки вниз, так что они повисли на крышах и верхушках деревьев, откуда добрые люди их сняли и принесли мне, так что я тоже собрала коллекцию вещей, сходную с той, что мы нашли под землей, пытаясь спасти капитана Мышелова.

В остальном я должна полагаться на историю, которую изложил мне сам главный герой, придя в себя сегодня утром. Вкратце его история такова: вскоре после того, как он облегчил судно, его взял на борт облачный корабль под предводительством Фрикс, королевы Арилии и его бывшей возлюбленной, а также команды ее придворных дам, известных своей распущенностью. Будучи не вполне трезв, он позволил втянуть себя в оргию, в ходе которой ему и обрили все тело под предлогом усиления сексуального удовольствия.

— Половина цивилизованного населения Невона твердо в это верит и поступает соответ-

ственно, — прокомментировала Пальчики. — Все волосы, кроме ресниц, они считают уродством.

— Хватит рассказывать мне сказки! Не хватало только, чтобы принцесса шлюх объясняла мне, как именно получают удовольствие так называемые цивилизованные люди! — отрезала Афрейт, воинственно сверкая глазами. — До сих пор я смотрела на твои шашни со всякими подозрительными личностями сквозь пальцы, но смотри, как бы я не передумала да не задала тебе трепку, о которой ты тут недавно просила!

Девочка опустила глаза, шлепнула себя по губам и, прикрыв рот ладошкой, опустилась в глубоком реверансе. Гейл исподтишка ущипнула ее за бок.

— Неужели это правда, старина? — участливо обратился к Фафхрду Мышелов. — Прости, что прерываю тебя, госпожа Афрейт, но молчать просто выше моих сил, настолько я поражен услышанным.

— Афрейт совершенно правильно изложила мою историю, — отвечал тот несколько напыщенно. — И я благодарен ей за то, что она избавила меня от необходимости повторять ее.

— Ну раз уж мы говорим откровенно, поведай нам, в самом ли деле бритье повышает

удовольствие? Во всяком случае так ли было с тобой? — продолжал Мышелов.

— Это не тот вопрос, на который легко ответить при всех, — последовал чопорный ответ северянина. — Спроси меня, когда мы будем наедине, тогда я, может быть, отвечу.

Афрейт одобрительно взглянула на Мышелова и, слегка кивнув, продолжала:

— Ночью, находясь в летучем борделе королевы Фрикс, капитан Фафхрд поддался на уговоры, соблазненный избытком плотского желания или бренди и маковой настойкой, а быть может, и другими наркотиками, которые там, надо полагать, были в изобилии, — неизвестно. Перед самым рассветом мерзкий кораблик опустился на лугу между Соленой Гаванью и Мальстрёмом, и команда воздушных шлюх устроила Фафхрду шутовские похороны, которые тайно наблюдала его дочь Пальчики. — (Девочка, по-прежнему не поднимая глаз, дважды быстро и коротко кивнула.) — После унизительной церемонии, совершавшейся под аккомпанемент легкой музыки, — рассказывала Афрейт, — капитана Фафхрда оставили лежать, одного, абсолютно раздетого, на ложе из свежевыросших грибов, покрытых утренней росой. На прощание потаскухи Фрикс

украсили его член, этот бессильный Жезл Эрота, лентами цвета своего нижнего белья.

— Сувениры любви, — объяснила Пальчики, — обычай, соблюдаемый в… — и тут же умолкла. — О, прости меня, госпожа Афрейт, я не хотела, я просто забылась…

— Рада, что ты это признаешь, — равнодушно бросила та. — Так вот, когда поганые шутницы убрались восвояси, Пальчики поспешила одеть своего отца, затем проводила его, все еще не пришедшего в себя, в дом Сиф, где спустилась с ним в погреб и попыталась отнять у того жизнь при помощи заклятия, чему и помешало чрезвычайно своевременное появление капитана Мышелова, о чем вы все, без сомнения, уже слышали.

— Да хватит об этом, — скромно сказал Мышелов. Затем, низко поклонившись, добавил: — Благодарю тебя, госпожа Афрейт, за то, что ответила на мой вопрос так подробно, как только возможно. — Потом, обернувшись к Фафхрду: — Ну так что же, дружище, может, все-таки добавишь хоть пару слов от себя, так сказать для подведения итогов?

Уперев руки в боки, тот заговорил:

— Слушай, малыш, хватит всей этой чепухи. Я помню, прошлой зимой, во время обеда в «Об-

ломке кораблекрушения», который был устроен в честь твоего благополучного возвращения из Брульска, Сиф посмеивалась над твоим увлечением Исисси, морским демоном (веревки, дисциплина и все такое прочее), ты сказал тогда ей — мужественно, как мне показалось, — что ты замахнулся на то, что тебе оказалось не по силам.

— Ну вот и со мной произошло то же самое, охотно признаю! Я хотел получить удовольствие и пришел за этим к Фрикс и ее свите, но потерпел полное поражение. Так что давайте не будем больше об этом, сегодня по крайней мере. Извини, Афрейт, но должен же быть когда-нибудь конец всему этому.

— Мне тоже так кажется, — согласилась та. — Давайте сбавим обороты, все.

— Да, пока еще что-нибудь не произойдет, — подала голос Рилл, которая в тесноте туннеля стояла рядом с Мышеловом.

Ее слова оказались пророческими, потому что тут из огороженного досками прохода появился Пшаури, и в подземелье стало еще теснее. Он был почти без одежды — неожиданное потепление заставило его снять с себя все, кроме набедренной повязки, ремня и поясной сумки. Через плечо у

него был переброшен плащ, который ему дали наверху, но который он так и не надел. При виде Мышелова лицо молодого капрала зажглось восторгом, но он сдержался и первые свои слова обратил к Сиф.

— Госпожа, — начал он с поклоном, — в полночь я, следуя твоему приказу, бросил в жерло вулкана Черный огонь золотой талисман, известный под названием Усмиритель Водоворота, который я незадолго до этого вытащил из Мальстрёма и при помощи которого мы пытались отыскать капитана Мышелова. Как только я это сделал, раздался страшный взрыв и погода начала стремительно меняться. Когда я шел через мыс, то обратил внимание, что Мальстрём вновь успокоился.

— Прекрасная новость, храбрый капрал, — звонко воскликнула Сиф и тут же повернулась к Мышелову. — Прежде чем отвечать, прочти вот это.

Мышелов развернул уже знакомое читателю письмо с зеленой печатью и погрузился было в чтение, но, не прочтя и двух строк, подозвал Фафхрда, который тоже склонился над ним из-за плеча своего малорослого друга. Так они и читали вместе, строка за строкой, письмо Фрег.

Когда они дошли до рассказа о двуличии Мышелова, Фафхрд пробормотал:

— Так я и знал, что ты достал ее, собака.

На что тот ответил:

— Зато моральное превосходство осталось за тобой, утешься.

— Что ты имеешь в виду: мою неотесанность или мою любовь? — проворчал гигант.

А когда они дошли до «треугольника из родинок», Рилл, которая тоже нет-нет да и заглядывала в письмо, не удержалась и прикоснулась тремя пальцами к родинкам, отчетливо выделявшимся на предплечье Мышелова сквозь истертую до полной прозрачности ткань его куртки. Когда он обернулся к ней, она усмехнулась и сказала, указывая на Пшаури:

— Посмотри, у него на боку точно такие же. В этой тесноте ничего не скроешь.

Афрейт взяла плащ из рук Пшаури и помогла ему одеться со словами:

— Прими и мою благодарность, капрал.

Он в свою очередь поблагодарил ее в ответ.

Закончив читать, Мышелов долго с интересом рассматривал Пшаури:

— Ты все еще хочешь служить у меня, сын? Если нет, то я могу отделить тебя как-нибудь.

— Нет, я останусь с тобой, отец, — ответил молодой человек, после чего отец с сыном обнялись, хотя и довольно сдержанно для начала.

— Пойдемте, пора сообщить остальным хорошую новость, — напомнила Сиф.

Она пошла первой, остальные за ней. Всю дорогу Мышелов не переставал восхищаться придуманной ею системой вентиляции, а потом его горячее одобрение вызвал подъемник.

На полпути им повстречался Миккиду, тащивший один из серых домашних костюмов Мышелова. Тот с благодарностью принял его, надел и, забравшись в пустое ведро, поехал наверх.

Фафхрд в сопровождении Афрейт и остальных вышел из туннеля следом. Не дожидаясь, пока ведро придет назад, он натянул капюшон на свою бритую макушку и вылез из ямы по вбитым в стенку колышкам.

Как только Мышелов появился на поверхности, его люди, которые уже собрались, чтобы встретить его, издали громкий приветственный крик. К ним присоединились и люди Фафхрда, чей энтузиазм еще возрос, когда из шахты показался их собственный капитан и встал рядом с первым. Когда крики стали немного потише, герои смогли обменяться парой слов наедине.

М ы ш е л о в *(указывая на конус земли рядом с ямой).* Миккиду говорит, что кто-то уже предложил переименовать холм Богини (бывший Висельный) в гору Мышелова.

Ф а ф х р д *(слегка обиженно).* Вот это я называю не терять времени.

М ы ш е л о в. Может, предложить другое название: гора Мыше-Фафа?

Ф а ф х р д. Забудь об этом. Должен сказать, что для человека, который несколько дней пролежал в могиле, ты удивительно хорошо выглядишь.

М ы ш е л о в. Но чувствую я себя не так уж замечательно. Мне там так часто приходилось умирать, что я, наверное, никогда уже не смогу до конца поверить, что остался жив.

Ф а ф х р д. За каждым очередным умиранием следовало новое рождение. Готов поклясться, за эти дни ты сделался лучшим другом Смерти.

М ы ш е л о в. Это тоже сомнительный комплимент. Мне что-то надоело убивать.

Ф а ф х р д. Согласен. Хорошо, что появилась Пальчики, а то я уж было совсем заскучал.

М ы ш е л о в. Мне повезло еще больше — я успел дать образование сыну, прежде чем узнал, что он мой сын!

Ф а ф х р д. Думаю, с этими двумя мы не со-

скучимся.

М ы ш е л о в. И думать забудь о спокойной старости!

29

В тот день главной темой пересудов в Стране Богов было таинственное исчезновение скандального чужестранного бога Локи. Одним из немногих, знавших истинную подоплеку этого исчезновения, был многорукий паукообразный Мог.

Своим знанием он был обязан не кому иному, как Смерти, которому вдруг захотелось похвастаться, как ловко обманул он мстительного Локи и нашел способ оставить Мышелова, его главного почитателя, в живых. Что поделать, и Смерть тоже тщеславен!

— Вообще-то, — доверительно сообщил Смерть, — Локи заточил в озере лавы не кто иной, как сын Серого Мышелова, тоже весьма многообещающий молодой человек.

— А у меня хорошие новости о моем человеке, Фафхрде, — нетерпеливо перебил расслабленный Иссек, который вместе с Косом, богом предков Фафхрда, прислушивался к разговору. — Он обрился

наголо — думаю, это в мою честь, как уже было однажды в Ланкмаре.

— Фу, совсем обабился, — проворчал Кос.

— А куда подевался Смерть? — спросил, озираясь, Иссек.

Мог ответил, показывая куда-то в сторону:

— Думаю, он завидел свою сестрицу Боль и улизнул назад, в Царство Теней. Смерть ее стыдится: та вечно щеголяет нагишом и выставляется напоказ всему свету.

И очень может быть, что он не ошибался, ибо Смерть никогда не бывает ни безжалостен, ни жесток.

30

Пару недель спустя офицеры Фафхрда и Мышелова, пользуясь кровным родством одного из них с капитаном Мышеловом, устроили большую вечеринку в казарме, не спросив разрешения начальства.

Надо было спешить, так как на следующий день капрал Скаллик должен был отплыть на сархеенмарском паруснике в Илтхмар с заданием от Фафхрда: найти Фриску, мать Пальчики, и исподтишка выведать, по-прежнему ли она сама

себе хозяйка, или старый Квармаль промыл-таки ей мозги и превратил в свое покорное орудие.

— Пальчики ничего не может вспомнить об этом, — сообщил Фафхрд своему насмешливому помощнику. — Да и впредь нам придется приглядывать за старым негодяем. Он явно вынашивает планы мести и, после того как Мышелов обвел его вокруг пальца, вряд ли откажется от них.

Вместе с ним на борт «Призрака» — такое название носил парусник — должен был подняться и Сни, самый ловкий из воров-матросов Мышелова, с весточкой для Фрег, матери Пшаури, что жила в Ланкмаре, и с поручением капитана Мышелова побольше разузнать о Цехе Воров, о новостях при дворе верховного правителя Ланкмара, а также о Картеле Зерноторговцев — то есть в основном о Хисвине и его дочери Хисвет.

Третьим пассажиром на борту «Призрака» должна была стать Рилл, откомандированная Сиф и Афрейт в Илтхмар, Ланкмар и (если получится) в Товилийс с целью завязать отношения с тамошними союзами лунных ведьм и разузнать получше о Фриске и Фрег.

— Думается мне, что лучше бы нам иметь независимый источник информации о прежних подружках наших супругов, — обратилась Сиф

к Афрейт.

Та только выразительно кивнула.

Фафхрд заметил:

— По мне, странно как-то отправлять других в путешествие, а самому оставаться дома.

Он уже начал обрастать после бритья, и в шапке огненно-рыжих волос и с красноватым пушком на руках вид у него был совсем юный.

— Думаю, что мое последнее путешествие было более утомительным, чем твое, — ответил Мышелов. — И все же я с нетерпением ожидаю того дня, когда в Арилии наступят тяжелые времена — а это обязательно случится, я знаю, — и она вынуждена будет сдавать внаем свои воздушные корабли вместе с отлично вымуштрованной командой. Их непревзойденная быстроходность позволит сочетать перевозку грузов или доставку срочных сообщений с интересными вылазками из дому.

Наклонившись к Сиф, Афрейт вполголоса заметила:

— Ты только послушай, что у них на уме!